

Библиотека
школы
гражданского
просвещения

Джон Ллойд

Власть в зеркале историй. Всемирная битва за новости и информацию. Перевод с английского Марка Дадяна

Переводчик искренне благодарен Михаилу Заготу и Давиду Можарову за неоценимую помощь в деле перевода книги на русский язык.

Книга Джона Ллойда (р. 1946), ведущего британского журналиста и сооснователя Рейтеровского института журналистики при Оксфордском университете, предлагает панорамную картину мировой журналистики в современную эпоху. Широкое по историческому и географическому охвату панно позволит читателю ознакомиться с основными течениями в сложном мире «четвертой власти», где переплетаются новости и политика, деньги и технологический прогресс, война и мир.

Редактор Александра Рощина
Макет Виктории Матисон

John Lloyd. The Power and the Story. The Global Battle for News and Information.

First published in Great Britain in 2017 by Atlantic Books,
an imprint of Atlantic Books Ltd

© John Lloyd, 2017

ISBN 978-9934-9133-4-1

Джон Ллойд

Власть
в зеркале
историй

Всемирная битва
за новости
и информацию

Перевод с английского
Марка Дадына

Рига

2023

Джейкобу Форчун-Ллойд

Оглавление

<i>Предисловие</i>	9
<i>Предисловие к русскому изданию</i>	24
<i>Благодарность</i>	29
Часть I. Власть государства	
<i>Введение. «Мне не нужна ваша страшная правда!»</i>	35
Глава 1. «Газетами должны управлять политики»	49
Глава 2. «Египтяне больше не потерпят диктатуру»	89
Глава 3. «Телевидение? Значит, врет...»	128
Глава 4. Три степени деспотизма	176
i Нечто новое	177
ii «Уже отключаю, эфенди!»	184
iii «Мы не способны критиковать своих»	194
Часть II. Власть рынка	
<i>Введение. «Без достоверности невозможна журналистика»</i> ...	209
Глава 5. «Мы в рекламном бизнесе»	223
Глава 6. «Нам нужен премьер, а не монах-траппист...»	280
Глава 7. «Некоторые из историй более или менее правдивы»	311
Глава 8. Свободен ли рынок?	337
i «Самая важная статья... та, которую нельзя опубликовать»	337
ii «Мы не осознавали происходящее»	341
iii «Согласно интеллектуальной традиции в Восточной Азии, интеллигенция, включая журналистов, представляет собой часть власти»	360
iv «Мне кажется, что, приехав в Израиль, журналисты оставляют свою профессию позади»	366

Глава 9. Для газет нет образцов	381
Глава 10. «И есть возможность... напрямую говорить с народом»	411
<i>Часть III. Свобода</i>	
<i>Введение. «Первейшая обязанность журналиста — перед истиной»</i>	<i>449</i>
Глава 11. Пути к свободе	
i «Ваш труд всегда был важен»	451
ii «BBC не беспристрастна и не нейтральна»	456
iii «Nous sommes un journal» («Мы — газета»)	468
iv «Интернет — угроза цивилизации»	473
<i>Заключение</i>	<i>499</i>
Примечания	509
Список литературы	539
Указатель имен	544

Предисловие

В течение двух последних веков мы стремились понять (или не понимали) мир за пределами нашего непосредственного окружения в основном благодаря журналистике. Со временем круг лиц, читающих новости и комментарии, постепенно расширялся наряду с числом стран, где в той или иной форме развивалась журналистика. Грамота распространилась среди мужчин и позже женщин, а общественная жизнь все больше зависела от осведомленности о современных событиях. Нельзя сказать, что развитию журналистского ремесла неизменно сопутствовало установление фактов и поиски правды, хотя именно в рассматриваемую историческую эпоху, и особенно во второй половине XX века, эти поиски оказались возвышены до уровня общественного служения.

Но сколь бы ни был журналист привержен обнаружению фактов (последнее нередко сводится к сухому отчету), привлекательность художественного вымысла часто перевешивает сложные (то есть сложные для понимания) факты. Автор художественного произведения и журналист-репортер нередко пользуются одним и тем же словом для определения плодов своего труда — «история». Так, повествовательный жанр побуждает писателя использовать реальные события, а журналиста — расцвечивать материал эмоциями и деталями, неуместными в рамках фактологии.

Интерес публики к выдумкам на протяжении всей истории служил важным элементом развития журналистики. Еще до того, как в XIX веке стал расти тираж газет и

журналов, образованная элита со времени изобретения печати имела доступ к новостным листкам, в которых перемешивались слухи, выдумки, пропаганда и факты, причем фантазии нередко были источником гораздо более высокой прибыли, чем репортаж. Из Венеции XVI века, где уже печатались ранние газеты, посланник герцога Моденского сообщает, что бюллетени падре Сциро, *«которые всем нравятся, изобилуют ложными измышлениями»*. Три десятилетия спустя туринский историк Пьер-Джованни Каприата пишет, что авторы новостных листков рискуют *«навлечь на себя беду, публикуя ложь только ради того, чтобы доставить удовольствие другим»*¹ (курсив мой. — Дж. Л.). «Удовольствие» от лжи и выдумок давно стало темным секретом журналистики. Читатели газет, которых мало заботит правда, а таких обычно большинство, больше заинтересованы в положительных эмоциях, чем в достоверности.

Властители и государства стремились утвердить контроль над журналистикой по мере роста ее влияния, но, несмотря ни на что, журнальное дело нередко становилось прибежищем для радикалов (чреватым разными, в том числе смертельными, опасностями). Томас Пейн, один из самых плодовитых журналистов крайних взглядов XVIII века, был заочно осужден за подстрекательство и клевету в Англии и заключен в тюрьму во Франции. Пейн был наиболее влиятельным журналистом эпохи: его памфлет «Здравый смысл» (1776 г.), в котором автор ратует за независимость Америки от Великобритании, по-прежнему остается бестселлером в США (если брать соотношение продаж и населения). К XIX веку вначале в Соединенных Штатах, позже в Великобритании журналисты все больше выходили из-под политической опеки, чему во второй половине века способствовал рост рекламных доходов и, как следствие, финансовая независимость крупных газет. В связи с этим в журналистской среде возникло искушение служить интересам капитала, но тогда же круг читающей публики, ранее представлявший собой в большей или меньшей степени политически активную элиту, вырос в

гораздо более широкую аудиторию, теперь воспринимаемую как «потребители новостей». Это в свою очередь «обеспечило экономическую основу для автономной прессы, придав газетам влияние, о котором не могли и мечтать ранние печатники и издатели»².

С начала 1800-х гг. репортаж, потеснив редакторов и обозревателей и приобретая «характер сенсационности»³, превратился в основную форму журналистики в Соединенных Штатах, а затем и в более степенной британской прессе. С 1830-х гг. в Америке и Британии стали развиваться «тематические выпуски», в которых репортеры специализировались в конкретных областях, все чаще действуя посредством связей в государственном аппарате и бюрократии, — «история ранней журналистики вкратце — это история зарождающегося института, пытающегося использовать уже устоявшиеся институты для приведения в действие “беличьего колеса” XIX века»⁴. Так, «англосаксы» при всех сохраняющихся различиях между Америкой и Британией разошлись с континентальными европейцами и другими народами, став пионерами в так называемой информационной журналистике⁵, в которой достоверность стала постепенно восприниматься как главный объект рыночной стоимости, как точка притяжения для преимущественно мужской читательской аудитории из представителей высшего общества и среднего класса, которые склонны были опираться на факты и мнения квалифицированных обозревателей в своих деловых, политических, институциональных и дискуссионных целях.

Представители малоимущих классов, среди которых все больше распространялась грамота, вовлекались в число потребителей городских газет и новостей доморощенными американскими медийными олигархами конца XIX — начала XX века — Джеймсом Гордоном Беннеттом, Уильямом Рэндольфом Хёрстом и Джозефом Пулитцером, а также в чуть более позднее время их британскими визави — Гарольдом Хармсвортом (лорд Ротермир), его братом Альфредом Хармсвортом (лорд Нортклиф) и Максом Эйткенем (лорд Бивербрук).

Основной массе этих изданий была присуща совершенная разнузданность стиля, причем уголовная хроника, скандалы и любово-страстные истории продавались лучше всего — пожалуй, одним из пионеров «жареных» новостей была британская газета 1840-х годов *News of the World*.

В большинстве стран, которые сегодня находятся во власти авторитарных режимов, журналистика не прошла через многовековую историю борьбы за независимость — историю, которая во многом обосновывает утверждения СМИ о том, что они представляют собой столп демократии. В России, Китае, Египте и других странах мусульманского мира, в Японии, Африке, Индии и Юго-Восточной Азии журналистика развилась только к середине XIX века; до того времени новости и аналитические отчеты (подобно трудам китайских ученых чиновников, которым вменялось в обязанность составлять достоверные рапорты о состоянии государства) предназначались только для элиты. Газетную культуру нередко принесли в страну колонизаторы и миссионеры — как в Индии, Египте и странах Африки. Таким образом, газеты нередко отождествлялись не со свободой, а с колониальным гнетом, и прессе пришлось пройти через «национализацию», прежде чем газеты достигли широких слоев читающей публики.

История возникновения газет и то обстоятельство, что они предназначены для общего спроса, делают газеты в демократическом мире нестабильными образованиями — их разрывает между обязанностью сообщать и объяснять достоверные факты и желанием угодить публике. Взгляды «серьезного» журналиста на важность и актуальность новостей отличаются от мнения читателей, причем даже в авторитетных газетах, предназначенных для высокообразованного среднего класса. Возможность отслеживать «самые просматриваемые» публикации позволяет убедиться в том, что часто таковые совершенно отличны от «выбора редакции». Приведем пример: 6 марта 2017 г. выбор редакции наиболее интересных публикаций в выпуске *The Guardian* оказался следующим. Во-первых, требование директора ФБР, чтобы президент Дональд

Трампа представил доказательства, будто экс-президент Барак Обама отдал приказ прослушивать телефонные разговоры Трампа. Во-вторых, материал о бюджете Соединенного Королевства, который парламент намеревался принять в конце недели. В-третьих, публикация о сексуальных домогательствах в британских университетах. Напротив, наиболее читаемой статьёй стала публикация о неудаче новой команды автошоу на BBC Top Gear сравниться в мастерстве и популярности с предшествующей группой, которую возглавлял Джереми Кларксон; сатирическая статья об уничтожении Трампом «Исламского государства» [признано в России террористической организацией], а также новость о том, что популярный футболист клуба «Арсенал» Алексис Санчес пропустил матч с «Ливерпулем», а позже рассорился со своими товарищами по команде.

Сказанное не ограничивается демократическими государствами. СМИ при авторитарных режимах, за редкими исключениями, поддерживают интерес читательской аудитории компотом из новостей, угодных режиму, и материалов, приносящих удовольствие публике; необходимо отметить, что в ряде случаев эти понятия смыкаются здесь больше, чем в условиях либеральной демократии. Националистическая, антизападная риторика популярна и многим приносит эмоциональное удовлетворение, особенно от новостей о таких триумфах, как мирный захват Крыма Россией или «достигший стратосферы»⁶ антиамериканизм китайского руководства, когда летом 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге отвергла «исторические» притязания Китая на часть акватории и территорий в Южно-Китайском море. При драматической подаче такие материалы могут увлечь зрителей и читателей, одновременно упрочивая легитимность режима.

Между «авторитарным» и «демократическим» не всегда можно провести строгую границу, особенно сегодня, на исходе второго десятилетия XXI века. Бывшие коммунистические государства Восточной Европы и Советского Союза по большей части авторитарны или следуют в этом направлении. Но

хотя выборы президента или парламента в целом ряде стран могли быть подтасованы, в очень немногих случаях было вероятно, что победитель не одержал бы верх и по самым строгим избирательным критериям⁷. Выборы, хотя и не лишённые фальсификаций, не становились фарсом. Президент Путин в России, партия «Право и справедливость» под руководством Ярослава Качиньского в Польше, партия «Фидес» во главе с премьер-министром Виктором Орбаном в Венгрии и другие показали результаты во время опросов, которые подчеркивают их популярность — и непопулярность их немногочисленных конкурентов. Например, в Венгрии опросы показывают, что хотя «Фидес» часто считают коррумпированной партией⁸, она на 30–40% опережает ближайшего соперника (как правило, это фашистская партия «Йоббик»)⁹. В этих государствах сохраняется система выборной демократии, которая, впрочем, очень отделилась от понятия «либеральной демократии».

Все же даже в отсутствие абсолютного мерила различий между деспотом и демократом основные учреждения и процессы, лежащие в основе общества, различаются между двумя типами существенно. Демократы по-прежнему полагают, что выборы должны быть свободными, справедливыми и подконтрольными обществу, избранные власти должны подчиняться закону, судьи и суды — обладать независимостью, гражданское общество со множеством его учреждений (как то: благотворительные учреждения, религиозные организации, политические институты, клубы, ассоциации и группы защиты интересов) — свободно действовать в соответствии с законом и что свобода новостных СМИ и речи подлежат защите законом и правом прецедента. Ничто из вышесказанного не соответствует действительности в авторитарных государствах.

Независимость журналистов в государствах, провозглашающих себя полностью демократичными, далеко не безгранична, и все же ее границы установлены гораздо шире и всегда могут быть предметом переговоров. Влияние, которое

фактически завоевали журналисты на Западе, часто может быть большим, даже решающим фактором, например, при выборах главы государства. В начале 2017 года ведущим претендентом на пост президента Франции был представитель правоцентристской Республиканской партии Франсуа Фийон, опытный политик (бывший премьер-министр), ревностный католик, автор плана экономических реформ, достаточно глубоких, чтобы вывести страну из застоя. В феврале 2017 года сатирический еженедельник *Le Canard enchaîné* опубликовал материал о том, что жена Фийона Пенелоп и двое его взрослых детей получили около миллиона евро за услуги в качестве помощников политика, но, похоже, мало что сделали для того, чтобы заработать эти деньги¹⁰. Пенелоп Фийон позже опровергала эти обвинения, как и ее муж¹¹. Фийон был фаворитом в предстоящем втором туре против Марин Ле Пен, но быстро растерял поддержку, что позволило центристу Эмманюэлю Макрону выйти вперед и одержать победу на выборах.

Один из величайших политических призов современности — французское президентство в роскоши Елисейского дворца — должен был, согласно большинству опросов общественного мнения, достаться Фийону. Затем эту близившуюся определенность увел у него из-под носа столетний (на 2016 г.) насмешничающий, склонный копаться в грязи французский еженедельный журнал. Авторитарные правители такого риска не допустят, отсюда необходимость обеспечить энтузиазм и поддержку ведущих журналистов, особенно в вещательных компаниях, и свести массовую журналистику к подчиненному положению (тогда как немногочисленные, в лучшем случае оппозиционные издания и веб-сайты доступны лишь избранным и вряд ли способны оказать влияние на политическую жизнь).

Журналисты в авторитарных странах обычно знают о природе и формах существования демократической журналистики, а некоторые даже стремятся перенять эти формы в собственной деятельности (хотя ошибочно было бы полагать, будто все готовы обменять теплое местечко пригретого

тираном журналиста на независимость, риск и приключения). Все же привлекательность «информационной журналистики» состоит в том, что она дает желающим шанс деятельной, а не раболепной профессиональной жизни, возможность обнаружить правду в обществе, в котором власти стремятся к сокрытию фактов. Такая деятельность нередко чревата для журналистов конфликтом с властями и с большинством своих сограждан, которые часто предпочитают безопасность конфронтации; в некоторых странах — например, в Мексике, Пакистане и России — журналист рискует расстаться с жизнью. Журналист, который следует этим путем, должен вообразить обстоятельства, при которых общественное зло и коррупцию можно было бы искоренить посредством расследований и публикаций, иными словами, обстоятельства нереальные.

Пожалуй, культура, которая в наибольшей степени вдохновляет сегодня представителей рассматриваемой профессии, — это журналистика США. Ввиду того, что журналистика в Америке всегда отличалась исключительной выразительностью этики и честолюбивых целей, ввиду силы, с которой она проецирует себя на мир, по причине того, что кино и телевидение создали вокруг персонажей-журналистов своего рода героический ореол, а также потому что говорят и пишут здесь на языке, наиболее близком сегодня к статусу *lingua franca*, культура американской публицистики и репортажа служит образцом для подражания во всем мире. Но речь не об американской журналистике вообще — образцом, строго говоря, стала журналистика эпохи после Уотергейта, осознавшая собственное могущество, не терпящая отказа и не слишком считающаяся с правом на неприкосновенность частной жизни, пользующаяся большей защитой от судебных исков о клевете, чем где-либо в мире, сочетающая комментарии с виртуозным мастерством репортажа, который нередко позволяет выявить злоупотребления властью в правительстве или крупных корпорациях. Авторитет и высокая планка новостных СМИ в США нередко порождают в журналистах известную надменность, ощущение, что всякая критика

в их адрес, особенно со стороны политиков, необоснованна и лжива. Приверженность принципу достоверности сквозит и в открытых дебатах о журналистском методе — например, о том, следовало ли называть президента Трампа «лжецом», — на это пошла *The New York Times* в январе 2017 года, вскоре после того, как Трамп вступил в должность¹²; редактор *The Wall Street Journal* счел эту позицию коллег «излишним морализаторством»¹³.

«Англосаксы» (в США по меньшей мере использование этого термина сомнительно, хотя многие европейцы на нем настаивают) создали институт, который с дерзновением и самоуверенностью, опираясь на права, предусмотренные конституциями и законодательством, назначил себя общественным судьей государства и политиков, корпораций и ведущих общественных деятелей, институтов гражданского общества и иностранных правительств и в подобном качестве стал образцом для журналистов всего мира и сильнейшим раздражителем для деспотических режимов. Самопровозглашенная миссия журналистики остается дерзким утверждением — ведь в отличие от таких профессий, как юриспруденция, медицина, инженерия, бухгалтерия или научные исследования, ремесло журналиста не требует специальных знаний и подготовки, кроме умения точно и четко передавать сообщения, а также овладения весьма простыми информационными (в том числе сетевыми) технологиями. Журналисты в демократических странах рьяно отстаивают свою независимость и свободу, но не очень задумываются о реальном влиянии на политику и общество, в котором осуществляют свою деятельность. Майкл Шадсон пишет, что «размышления журналистов о собственной профессии фактически не проходят проверку с точки зрения воздействия на институциональную политику. Напротив, даже начинающий ученый, разрабатывающий общеобразовательный курс для первокурсников или пересматривающий требования к приему в высшее учебное заведение или отчет для профильного комитета, имеет более непосредственный опыт в

разработке политических норм, чем многие опытные журналисты, которые об этом пишут»¹⁴.

Сказанное не означает, что комментарии (а тем более хорошо обоснованный репортаж) по определению поверхностны — нередко они служат образцом пронизательности. Однако мудрость журналиста — платоническая, ее лоск лишен компромиссов, упущений и ошибок практики.

Впрочем, та «поверхностность», которой всегда недостает знаний и опыта, вполне компенсируется тем, что деятельная журналистика выступает необходимым элементом демократического гражданского общества, потому что журналисты, в конце концов, призваны привлекать внимание общественности к жертвам несправедливости, пренебрежительного отношения и преступлений, расследовать незаконную или асоциальную практику, решительно выражать мнение по вопросам, как вневременным, так и повседневным, а также укрощать высокомерие и надменность властей предрежащих. Обо всем этом журналисты любят говорить — а некоторые действительно следуют этим принципам в профессиональной деятельности. Наконец, следует сказать об остающемся за кулисами мастерстве журналиста — умении точно документировать события, выступления и политические дебаты; жанр интервью и жанр репортажа; труд пера и труд камеры.

«Свободная» публицистика имеет множество ограничений, как это неоднократно подчеркивается в книге, но хотя громкий эпитет и уместно заключать в кавычки, журналистика все же достаточно свободна для того, чтобы рассуждать о ней в понятиях «свободы», и для того, чтобы служить вождельной целью добросовестных, стремящихся к правде профессионалов в тех государствах, где понятие «свободный» вообще неуместно, ни в кавычках, ни без оных.

В странах демократического устройства наиболее серьезным вопросом, тревожащим либералов и многих консерваторов в последние годы стало избрание Дональда Трампа президентом США в конце 2016 года. Этот президент пришел к власти с программой, которая с течением времени

становилась все более хаотической и противоречивой. Можно сказать, что в ней сочетались элементы ярого национализма («America first»), протекционизма, сопротивления иммиграции (в особенности мексиканцев и мусульман), презрения к Европейскому союзу, а также политики в отношении НАТО столь беспечной и противоречивой, что не представлялось возможным определить, станет ли вообще американский президент уважать принцип коллективной ответственности Североатлантического альянса в случае нападения на одно из государств-членов.

В Европе сильные популистские партии правого толка быстро размножились во Франции, в Италии, Нидерландах и Швеции, часто вытесняя гораздо более старые партии, господствовавшие в послевоенной (а иногда и довоенной) европейской политике; только в Германии и Великобритании традиционные партии по-прежнему одерживают верх над националистическими группировками, такими как «Альтернатива для Германии» или британская Партия независимости (хотя последнее утверждение несправедливо в отношении Шотландской национальной партии — в шотландской части Соединенного Королевства).

В мире широко бытует мнение, что послевоенный либеральный миропорядок близок к закату. Даже те из обозревателей, которые рьяно возражали против желания либералов распространять или защищать демократию, в том числе силой оружия, — «реалисты», принимавшие, что в некоторых государствах и регионах существует политическая культура, которая противоположна либеральной демократии, и что упорядоченные международные отношения завясят в том числе от политики, которая не направлена на агрессивный вызов такой культуре, — даже они были потрясены успехом авторитарных режимов и антилиберальными течениями внутри демократий. Как писал склонный к реализму гарвардский ученый Стивен Уолт, «выходит так, что многие люди в разных странах гораздо больше заботятся о собственной национальной идентичности, об исторических раздорах,

территориальных символах и традиционных культурных ценностях, чем о “свободе” в понимании либералов»¹⁵.

Трампа не слишком волновала свобода в понимании либералов. Всякий человек, организация или страна — суды, разведывательные ведомства, мусульмане, Мексика, — которым случалось вызвать его недовольство, немедленно удоставались яростного окрика в Twitter (сеть, которую он предпочел для выражения своей всегдашней досады). Твиты и фразы, которые он метал в эфир, выдавали человека, которому глубоко безразлично, что лозунг «Америка прежде всего» в 1930-х гг. использовался американскими крайне правыми, включая симпатизантов фашизма, таких как авиатор Чарльз Линдберг и автопромышленник Генри Форд, или что фраза «враги американского народа» отдает сталинистским лексиконом, в котором, конечно, квалификация «враг народа» обычно была прелюдией к смертному приговору¹⁶. Его мышлению, казалось, вовсе не присущи границы, в которых политики и общественные деятели обычно удерживают собственные прилюдно высказываемые взгляды и мнения, что, надо признать, нередко выливается в ужасающую тривиальность. Подобно вырвавшемуся на свободу Кинг-Конгу, он ревел и бил себя в грудь, если ощущал, что его загнали в угол. Его гнев заливал все вокруг, затем отступал. То он преисполнялся любовью к ЦРУ, обращаясь к сотрудникам разведывательного управления на следующий день после своей инаугурации; то он ненавидел ЦРУ, а заодно и ФБР, когда Федеральное бюро расследований настаивало на расследовании связей его избирательного штаба с русскими и опровержении министерством юстиции заявления президента, будто экс-президент Обама приказал прослушивать его, Трампа, телефонные разговоры. Он высказал мнение, что Обама и его жена Мишель замечательные, любезные люди, после того, как они приняли его в Белом доме за несколько дней до инаугурации. Позже он называл Обаму дурным и больным человеком. В своих обидах он переходил от громогласных обвинений, имеющих в устах президента огромное политическое и

даже конституциональное значение, до, скажем, издевок над Арнольдом Шварценеггером, который ушел с трамповского телешоу *The Apprentice* из-за плохих рейтингов. Актер невозмутимо заявил после этого ведущему радишоу: «Думаю, он в меня влюблен»¹⁷.

В одном Трампа почти всегда отличало постоянство: он ненавидит традиционную журналистику. Репортеров он называл «бесчестными», «отвратительными», «дрянью». Во время пресс-конференции, за несколько дней до вступления в должность, он отказался принимать вопрос от пожилого корреспондента CNN, в течение многих лет аккредитованного при Белом доме, Джима Акосты, и даже накричал на него, вероятно, взбешенный сообщением CNN о том, что президент Обама был осведомлен об обвинениях в адрес Трампа, содержащихся в досье разведслужбы¹⁸.

Фраза «почти всегда» употреблена в предыдущем абзаце по одной причине: в ноябре 2016 г., посетив редакцию *The New York Times* в качестве избранного, но не вступившего в должность президента, Трамп сказал, что «испытывает огромное уважение к *The New York Times*»¹⁹ – газете, которую он неоднократно называл «дефективной», «ерундовой» и «тошнотворной» (среди прочих эпитетов); спустя месяц после вступления Трампа в должность *The New York Times* напечатала перечень его бранных слов в адрес издания, наряду с длинными списками оскорблений, адресованных Трампом другим институтам и общественным деятелям²⁰. Впрочем, стоило Трампу покинуть штаб-квартиру *The New York Times*, как он продолжил осыпать традиционные американские СМИ оскорблениями (CNN, *The Washington Post* и *The New York Times* доставалось больше всего).

Выступая на Консервативной политической конференции (*Conservative Political Action Conference*) 24 февраля 2017 года, Дональд Трамп сказал, что новостные средства массовой информации пользуются «выдуманными сюжетами и источниками»²¹. Его мишенью на этот раз была газета *The Washington Post*, которая, основываясь на девяти неназванных

источниках, сообщала о переговорах Майкла Флинна, назначенного советником по национальной безопасности, с российским послом Сергеем Кисляком. Трамп утверждал, что журналистам не должно быть позволено ссылаться на неназванные источники и что журналисты скрываются за первой поправкой к Конституции США, чтобы публиковать о нем лживые измышления. Продолжая на еще более зловещей ноте, Трамп сказал: «Многие из этих групп образуют часть крупных новостных корпораций, которые преследуют собственные цели — и это не ваши цели. Они не представляют народ, они никогда не будут представлять народ, и нам следует с этим разобраться».

Трамп пришел к власти в удачное для него время. Газета, главный институт журналистики на протяжении более чем двух веков, оказалась страшно ослаблена сетью Интернет — это вытолкнуло значительную часть журналистики и информационных потоков в новые, бесплатные сетевые стартапы (подобно Craigslist), отнимавшие у прессы рекламные доходы и во многом перенаправившие рекламу в Google и Facebook. Трамп, в свою очередь, сыграл немалую роль в резком росте интереса к телевидению, кабельным каналам и некоторым относительно дорогим печатным изданиям — в конце концов, Трамп стал самым «новостным» президентом после Уотергейта, — но последнее, конечно, никак не решало проблемы новой бизнес-модели для газет. В то же время социальные сети мобилизовали сторонников Трампа, которым он скармливал (как, впрочем, и всем остальным) постоянный поток твитов, зачастую потакая мнению, что «либеральный истеблишмент» предал простого человека, лгал обществу, отказывал народу в достойной жизни и разрушал Америку, открыв ее границы для террористов и тунеядцев. Как сказал писатель Поль Берман, «целые пласты населения качаются на приливной волне электронных слухов и дурных новостей, сеющих панику. Избран президентом Дональда Трампа, они выбрали одного из своих»²².

В своем походе против американской журналистики — да и всей журналистики, стремящейся к независимости, — Трамп умышленно уничтожал идеал, который, сколько бы громогласной ни была окружающая его риторика, предлагает обществу возможности деятельного расследования на основе проверяемых фактов, что среди прочего представляет собой один из элементов международной репутации Америки. Трамп атаковал СМИ по той же причине, что и разведывательные службы США, «дабы уничтожить веру в два института, в исключительной степени зависящих от общественного доверия. Поступив таким образом, он в скрытой и явной форме потребовал, чтобы общество доверяло только ему, ну или в большей степени ему. Истина, мол, начинается и заканчивается с президентом»²³.

Подобное поведение человека, который искренне наслаждается президентской властью и с пренебрежением относится ко многим из налагаемых этим постом ограничений, опасно для правового, основанного на плюрализме государства. В одном президент Трамп прав: традиционные СМИ, почти все без исключения, настроены против него; Марти Барон, редактор *The Washington Post*, на семинаре в институте Reuters назвал такое положение дел прискорбным²⁴. Однако это было неизбежно. Традиционные новостные СМИ, не без исключений, основывают собственную журналистику на наблюдаемых, подлежащих проверке фактах: президент в своих речах, интервью, твитах и комментариях указанного принципа не придерживается. Впрочем, следует отметить, что нарушения этого принципа свойственны далеко не только Америке.

Предисловие к русскому изданию

Журналистика — весьма несовершенное средство раскрытия истины. В этом качестве она часто проигрывает судебному разбирательству, академическим исследованиям, лекциям в университете или статистике и отчетам, которые публикует правительство.

При этом предполагается, что институты журналистики действуют в свободных, демократических обществах: авторитарные режимы не гнушаются ложной информацией, щедро поставляя ее как своим гражданам, так и иностранцам. Чем более авторитарным становится режим, тем больше он лжет. Авторитаризм ограничивает права граждан и предоставляет правящему классу свободу строить идеальные картины (пропаганду) своих действий и политики.

Журналистика, то есть независимые средства массовой информации в демократических странах с активным гражданским обществом, опирается на различные традиции и законодательные нормы. В Соединенных Штатах свободу СМИ гарантирует первая поправка к Конституции США; в Германии — статья 5 Основного Закона ФРГ; в Соединенном Королевстве, стране, не имеющей письменной конституции, свободу печати обеспечивает прецедентное право и традиции.

Статья 29 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Статья 35 Конституции Китая гарантирует, что «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций».

Организация Freedom House определяет Россию как «несвободную» страну, а в рейтинге свободы печати Reporters sans Frontières («Репортеры без границ») Россия занимает 150-ю позицию из 180 государств. Китай, который также квалифицируется как страна «несвободная», находится в этом рейтинге на 177-й позиции и проявляет бóльшую

откровенность в отношении лиц, склонных воспринимать статью 35 серьезно: так, статья 51 китайской конституции постулирует, что граждане, «осуществляя свои права и свободы, не должны наносить ущерб интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам других граждан».

Приведенные примеры служат напоминанием о том, что конституции хороши лишь в той мере, в какой добропорядочны власти предержащие. Мы, журналисты, живущие в свободных странах, обладаем огромными привилегиями — мы существуем внутри культуры, в которой, несмотря на все посягательства, гарантирована свобода печати и заложены основы для острой, полемичной журналистики, включая журналистику расследований.

Свободная журналистика нередко удостоивалась похвалы со стороны политических деятелей, включая тех, кому доводилось испытать на себе ее жало. Президент США Барак Обама, выступая в марте 2016 года на вечере памяти видного политического репортера The New York Times, сказал об авторах журналистских расследований, что их «труд был и остается существенно важным... слишком часто на журналистов оказывается огромное давление, чтобы заполнить пустоту и накормить зверя [то есть ублажить публику] мимолетными откликами и слухами в Twitter или сплетнями о знаменитостях, да и другими досужими историями... Но в этом случае мы рискуем не понять наш мир и друг друга так, как следует. Последнее не может не иметь последствий для нашей жизни и для жизни нашей страны».

Обама фактически озвучивает идеал свободной журналистики, а именно раскрытие фактов и их анализ, что помогает гражданам «понять наш мир и друг друга». Центральное значение для этого понимания имеет концепция, согласно которой существует нечто именуемое *истиной*.

Журналистика возможна только в том случае, если журналист исходит из предпосылки, что истина *действительно существует* и *ожидает* обнаружения. Например, лицо,

занимающее государственную должность, обвиняется в коррупции — использовании казенных средств в личных целях. Чиновник отрицает обвинение, журналист, пытаясь установить факты, узнает, что обвинения во многом верны, хотя и преувеличены. Должностное лицо тайно использовало государственные средства в частных интересах, но не в таком раз- мере, как утверждалось ранее.

Единственный способ прийти к такому выводу и опубликовать полученные сведения — это выявить, установить факты, в частности, сумму растраты. Итак, сумма денег, пути их использования, запрет на подобные траты должностному лицу — все эти обстоятельства должны быть фактами реально существующего мира. Правда, публикация результатов расследования в СМИ стала возможна только потому, что репортер, обнародовавший эти факты, благодаря своему положению в свободном обществе получил право осуществить расследование.

Но верно и то, что в разные исторические периоды и в разных частях света могут действовать несхожие друг с другом «режимы истины», когда, например, коррупция может восприниматься как нечто само собой разумеющееся, но не рассматриваться в качестве предмета расследования, потому что расследование создало бы угрозу для журналиста. Однако само раскрытие фактов в их подлинной связи с картиной жизни не зависимо от той или иной реакции общества. Восприятие фактов обретает силу только благодаря местному или историческому контексту.

Как в свободных обществах, так и в авторитарных странах журналистика в значительной степени как раз соответствует словам Обамы, заполняя пустоту и убажывая публику «мимо- летними откликами и слухами в Twitter или сплетнями о зна- менитостях, да и другими досужими историями...». В конце концов, сплетни и слухи сопровождают человека с рассвета цивилизации: невозможно отрицать, что многие журналисты подвизаются на поприще сенсационных, раздутых, да и от- кровенно ложных «новостей».

Однако без средств массовой информации как рупора неудобной правды общество постепенно лишится жизненно важного ресурса — института, который стремится призвать власть к ответу. Свобода печати делает возможной как публикацию материалов, «ублажающих публику», так и предание гласности нелицеприятных фактов из жизни политиков и чиновников, о которых должна знать общественность.

В этом и состоит главное различие между свободными и несвободными СМИ. В этом мы и находим необходимость — причину, по которой свободные СМИ при всех присущих им неточностях и недостатках, притом что они редко соответствуют строгим нормам правовых определений или академического исследования, притом что значительная часть «газетной продукции» лишена подлинной ценности, неточна или злонамеренна, должны продолжать выживать. Журналистика перекидывает мостик между «народом» и «элитой», а в лучших своих проявлениях побуждает стороны к диалогу.

В книге предпринята попытка описать состояние журналистики в разных частях света, и в том числе в России, где пространство свободной журналистики существенно ограничено, несмотря на широкие права, которые гарантирует статья 29 Конституции (во время написания этих строк ситуация продолжает ухудшаться). В значительной степени информационные материалы, производимые российским правительством, — это пропаганда, отражающая непрерывные попытки прикрасить политические неудачи рассказами об успехах и возложить вину за неудачи на иностранные и внутренние силы, якобы враждебные русскому народу. Как сказал в недавнем интервью руководитель Левада-центра Лев Гудков, многие в России «живут идеей величия государства и связанной с ней конспирологией, оправдывающей бедность и появление внутренних критиков и оппонентов русофобией и враждебностью Запада. Причем, с одной стороны, российское общество воспринимает Запад как утопию, воплощение всех идеалов и ценностей, а с другой — испытывает перед ним страх и resentment. Двойное сознание (идеализации

Запада и страха перед ним) — очень важная ментальная конструкция, которая появилась не сегодня и даже не в советское время, а гораздо раньше»*.

Последующие несколько десятилетий покажут, какими политическими путями будет следовать российское правительство, достигнет ли оно своей цели удержания контроля над обществом, и удастся ли ему убедить значительную часть населения в том, что сегодня Запад, как и в советское время, остается враждебной силой. Однако в настоящее время, в отличие от советской эпохи, в журналистике действует целый ряд организаций и частных лиц, которые обладают способностями и мужеством выразить *свою правду*, так как они больше, чем правительство, верят в то, что истина существует, и признают за своими согражданами право на знание.

Май 2021 г.

* www.levada.ru/2021/05/11/lev-gudkov-edinstvo-imperii-v-rossii-uderzhivayut-tri-instituta-shkola-armiya-i-politsiya

Благодарность

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена журналистике. В ней содержатся исторические сведения, и все же ее основная задача — помочь разобраться в профессии, которая сама стремится истолковывать современный мир.

Книга не претендует на полноту изложения. Отдельные главы отданы крупным странам и регионам, а некоторые подглавы — странам и темам, характерным для целых регионов (Африка, Центральная Европа, Латинская Америка), а также особым формам журналистики, в частности, общественному вещанию, намеренным утечкам информации и таблоидам. Многого осталось за пределами книги, но избранный метод, по крайней мере, позволил избежать «списочного подхода».

Автор признателен всем, кто оказал поддержку в исследованиях и создании книги. Эта помощь неоценима. Во-первых, мне хотелось бы поблагодарить семью Эткинов, Эдварда и Селию, которые в течение ряда лет поддерживали мой труд над рукописью и деятельность в институте Reuters. Столь же благодарен я Дэвиду Уре: как и Эткины, он щедро спонсировал труд, издание которого считал важным.

Тоби Манди, в бытность в издательстве Atlantic Books и позже в качестве литературного агента, всегда с энтузиазмом поддерживал меня в этом начинании. Джеймс Найтингейл и Элисон Таллет в редакции Atlantic Books с великим тщанием подготовили рукопись к публикации.

Институт по изучению журналистики Reuters при Оксфордском университете сыграл важную роль в подготовке материалов; я многократно пользовался помощью исследователей и бывших стипендиатов института, в числе которых одни из самых вдумчивых и опытных журналистов со всего света. Вскоре после основания институт возглавил Дэвид Леви, замечательный мастер своего дела; своим становлением институт обязан трудам Тимоти Гардама, а также Тимоти

Гартон Эша, Стивена Коулмена, Герта Линнебанка, Нила Макфарлейна и Моник Вилла. В настоящее время институт выступает крупным центром исследований и дискуссий о журналистике, а также профессиональной стажировки.

Неоценимую помощь в разработке тем этой книги оказал, во-первых, Аркадий Островский, а также Барри Кокс, Фердинандо Джулиано, Абдаллах Хасан, Кристина Маркони, Лена Немировская, Юрий Сенокосов, Джанис Уинтер и китайский журналист, который предпочел остаться неназванным. Огромную поддержку оказала мне Илария Поджолини, сегодня все больше сил отдающая сохранению Павийского университета, одного из древнейших в мире.

Благодарность всем, кто оказывал помощь в создании книги. В этом списке множество имен: Рами Али, Лючия Аннунциата, Джереми Айзекс, Андрей Бабицкий, Ирадж Багирзаде, Нил Бакли, Лайонел Барбер, Грэм Баули, Дэвид Белл, Карло де Бенедетти, Алуф Бенн, Ян Бенсон, Инна Берёзкина, Лука де Биазе, Найджел Биггар, Джеймс Блиц, Пьер Брошан, Уго де Бург, Иэн Бурума, Марко Варвелло, Гудран Викери, Моник Вилла, Алессио Винчи, Филипп Гавит, Тим Гардам, Паоло Гаримберти, Агнес Гауду, Тамар Герман, Энтони Гидденс, Джо Годфри, Арнаб Госвами, Рой Гринслейд, Дэвид Гудхарт, Венмин Даи, Марк Дамацер, Рима Дапу, Санди Даре, Соня Делесаль-Стоппер, Габриэла Джакомелла, Иэн Джек, Эндрю Джек, Алан Джонсон, Джеймс Доусон, Джереми Дрюкер, Кэролайн Дэниэль, Алексей Еременко, Никки Жерар, Чайтанья Калбэг, Адриана Карранка, Ян Касл, Терези Каслова, Маркандей Катжу, Сильви Кауфман, Лориен Кайт, Люси Келлауэй, Билл Келлер, Мэнди Кормак, Стивен Коулмэн, Пэдди Коултер, Йон Коэн, Иван Крастев, Джеймс Крэбтри, Кимико Куга, Алистер Кэмпбелл, Дункан Кэмпбелл, Ричард Ламберт, Ноа Ландау, Джозеф Леливельд, Леонардо Майсано, Марк Маллох-Браун, Джон Маклафлин, Эцио Мауро, Энрико Ментана, Элханан Миллер, Михаил Минаков, Августо Минцолони, Уильям Мой, Мартин Мур, Марко Ниада, Расмус Клейс Нилсен, Ричард Нортон-Тейлор, Натали Нугайред, Дэниел Окрент,

Онора О'Нил, Нил О'Салливан, Джефф Оуэн, Элла Панфилова, Джеймс Пейнтер, Петр Померанцев, Дик Пунтен, Алек Расселл, Манар Рачвани, Алекс Рид, Томас Рид, Макс Роденбек, Джей Розен, Праной Рой, Алан Русбриджер, Наоми Сакр, Эшер Сассер, Тим Сатер, Хенд Селим, Ариджит Сен, Жан Ситон, Джон Скарлет, Энтони Смит, Кейт Ханнефорд Смит, Аль Степан, Вацлав Стетка, Ховард Тамбер, Каран Тапар, Абийе Мегента Теклемариан, Джилиан Тетт, Джон Торнхилл, Лара Тугуд, Дайя Туссу, Грэм Уоттс, Джулиано Феррара, Лара Филден, Джейсон Филдс, Джеймс Фишкин, Михаил Фишман, Энрико Франчешини, Шон Френч, Кристия Фриленд, Ник Фрэзер, Антон Харбер, Люк Хардинг, Джеймс Харкин, Джон Харрис, Джим Хейнс, Питер Хеннеси, Джулия Хобсбом, Шубхраншу Чудхари, Майкл Шадсон, Анурадха Шарма, Суприя Шарма, Скот Шейн, Стефан Штерн, Фредерик Штудеман, Ху Шули, Селия Шустерман, Гарольд Эванс, Скотт Энтони, Дэвид Эльстайн, Стивен Эрлангер, Тимоти Гартон Эш.

Часть I

Власть государства

Введение

«Мне не нужна ваша страшная правда!»

В авторитарных государствах журналистика пребывает под строгим надзором властей, так как деспотичные власти полагают, что они лучше любых журналистов «понимают правду». Их правда не ограничивается простыми фактами. Это высокая «правда» — она способствует поддержанию общественного мира и спокойствия, стимулирует развитие, позволяет удержать политическую власть и служит вере.

Авторитарные страны нередко принимают облик демократических систем — это относится и к новостным СМИ, которые в условиях авторитаризма иногда публикуют достоверные репортажи и выражают умеренно оппозиционные взгляды. Но и правители, и журналисты знают, что «лицензия» может быть отозвана в любую минуту. Российский олигарх Михаил Прохоров, который в начале 2010-х годов позволил принадлежавшей ему медиагруппе РБК достичь высот журналистики расследований (в орбиту которой попал и Кремль), примерно два года жил полнокровной общественной жизнью. Однако в мае 2016 года, после публикации цикла статей о коррупционной деятельности лиц в семье президента Владимира Путина, включая связи с так называемым Панамским досье, уголовное дело в России было возбуждено против самой медиагруппы. Издатель предложил «принести в жертву» трех старших редакторов, однако к началу июня уже сам Прохоров искал покупателя на РБК¹; позже он распродал значительную часть своих российских активов, включая РБК, и перенес инвестиции в США, где уже владел баскетбольным клубом Brooklyn Nets².

«Высокая правда» путинской России — правда, которую талантливые «политтехнологи» на службе у Кремля культивируют уже много лет, — состоит в том, что президент

сильный, решительный, но сострадательный правитель, преданный благу России и делу восстановления славы и чести униженного народа. Политтехнологи — весьма специфичный для России термин — отличаются от «специалистов по связям с общественностью», которые во всех странах мира просто наводят на политику лоск. Однако «технологи» задают рамки исторического нарратива с целью придать политической власти легитимность и показать, что у общества нет другого выбора. Такая версия правды необходима для проекта патриотического возрождения — главной задачи Путина во время его третьего президентского срока, основанной на уверенности, что угроза России с Запада постоянна, а критика властей на руку врагу. В апреле 2016 года телеведущий Дмитрий Киселев, один из самых рьяных медийных пропагандистов президента, заявил, что освещение группой РБК так называемого Панамского досье служит интересам США; спустя несколько недель государство пошло на РБК войной³.

Россия, как и большинство стран мира, не имеет многовековой истории стремления и постепенного завоевания обществом свободы печати. Газеты и политика в России прошли через краткий, лихорадочный период свобод в конце XIX и начале XX века, но установившаяся с победой большевиков цензура задушила всякую критику, так что к концу 1920-х гг. критические голоса смолкли совсем⁴. Созданная Лениным партия была убеждена в своей монополии на истину; название центрального партийного органа печати — «Правда» — служит тому подтверждением. Разложение системы при Леониде Брежневе и двух его недолго находившихся у власти преемниках, а также стремительное открытие страны при Михаиле Горбачеве (1985–1991) завершилось недолгим триумфом постсоветских СМИ, подчинявшихся не государству, а логике рынка и олигархических хозяев телевидения, которые в преддверии выборов поставили на изменчивую звезду Бориса Ельцина, страшаясь перспективы возвращения коммунистов. Путин, потрясенный развалом вскормившего его Советского Союза и понимавший, что для консолидации личной

власти ему необходимы послушные СМИ, решил вырвать «четвертую власть» из рук слишком могущественных (на его взгляд) частных владельцев и вновь поставить телеканалы и значительную часть печатных изданий под контроль Кремля.

История Китая практически не знает плюрализма прессы. Газеты и журналы впервые появились в Китае в начале XIX века благодаря западным миссионерам. Собственно китайские периодические издания стали развиваться в середине века в свете растущего националистического движения после военных поражений от французов и британцев. «Журналистика стала идеальной карьерой для патриота... И единственной политической журналистикой была патриотическая, направленная на перемены публицистика»⁵. Когда в 1920-х гг. националисты и коммунисты сошлись в смертельной схватке, пресса, в которой до тех пор прослеживались тенденции независимого развития, встала под знамена политического порядка, и этот подход «учредил абсолютное господство политики над фактами — господство, которое присуще авторитарным режимам»⁶. При Мао Цзэдуне свободы прессы в Китае было не больше, чем в сталинском Советском Союзе, но в результате последовательной либерализации режима Дэном Сяопином в 90-е гг. (Дэн умер в 1997-м) в обществе наметилась тенденция в сторону плюрализма и даже стала развиваться журналистика расследований. Этому практически пришел конец в начале 2000-х гг., и особенно с приходом к власти Си Цзиньпина как генерального секретаря ЦК КПК с 2012-го и председателя КНР с 2013 года. В пору взрывного экономического роста журналистам давались определенные послабления, которые сводились на нет в более сложное время. Как сказал корреспонденту газеты *The Guardian* анонимный издатель в феврале 2016 года, «работая в китайских СМИ, вы ощущаете, что живете напрасно»⁷.

Журналистика имеет смысл в том случае, если она допускает беспрепятственные поиски и публикацию представляющих важными фактов, развиваясь в обществе, которое принимает конкуренцию идей и политических взглядов, — на

протяжении столетий история таких обществ весьма прерывиста. С этой точки зрения осмысленной можно назвать жизнь журналиста в течение нескольких столетий западной истории, примерно с XVI века, когда свобода выражения и политической оппозиции стала исподволь укрепляться в гражданском обществе Англии, Франции, Италии, Нидерландов и Скандинавии. Начало XVII века ознаменовалось появлением и первых периодических изданий. Профессионализация журналистики в XIX столетии создала рынок газетных сенсаций, скандалов и «злорадства», однако эти течения основывались на все более крепнущих воззрениях, что пена дней неотделима от жизни общества, основанного на праве и политическом выборе.

В условиях демократии жизнь журналиста, иногда хаотичная, иногда комфортная и непринужденная, обладает демократической конструктивностью ввиду его независимости в документировании, критике и расследовании деятельности властей. В авторитарном обществе такая роль журналиста отсутствует. При деспотических режимах большинство журналистов не могут похвастать независимостью, ограничиваясь документированием заявлений, речей и интервью или же отражением приоритетов режима посредством верноподданных публикаций.

Такие государства, как Эритрея, где некогда бурлила политическая пресса⁸, и Северная Корея, где никогда не было свободной журналистики⁹, стремятся низвести журналистов до простых клерков, записывающих под диктовку, или же заключают в тюрьму, или убивают непокорных. Народы, униженные многолетними тяготами добывания насущного хлеба, живущие под непрестанным надзором тайной полиции и сетей доносчиков, редко поднимаются на восстания и не слишком заинтересованы в свободе печати. Но сегодня таких полных тираний в мире немного. Умберто Эко писал, что подлинное тоталитарное государство — это «режим... который подчиняет государству и его идеологии каждый поступок личности»¹⁰. К таким режимам нельзя причислить, скажем,

Италию при фашизме, Россию при Путине, Китай при Си Цзиньпине, Египет при ас-Сиси или Турцию при Эрдогане. Журналистика существует относительно свободно или подавляется в зависимости от воли правителя; однако сегодня кажется, что идеологизированные общества, такие как Китай и Саудовская Аравия, в большей степени склонны угнетать журналистов, чем постидеологические авторитарные государства, как Россия.

Страны, которые сегодня, пожалуй, в наименьшей степени заинтересованы в создании основы для независимой от государства и идеологии журналистики, — это мусульманские страны Ближнего Востока, в которых отмежевание журналистов от деятельности государства есть политика правительства, а лишение их права говорить нечто действительно ценное для общества часто выступает целью государственной религии, ислама.

Сила сообщества веры и закона, исходящего из догматов ислама, варьирует в этих государствах в довольно широких пределах — от относительной слабости в многоконфессиональных странах, таких как Ливан, до могущества во вдохновляемой ваххабизмом Саудовской Аравии и в теократическом Иране, находящемся во власти аятолл. В тех случаях, когда секуляризм проник в общество достаточно глубоко, веропочитание сводится к относительно мягкой системе обрядов и правил благочестия, как в Египте, где во время непродолжительного периода весьма неэффективного правительства «Братьев-мусульман» (июнь 2012 года — июль 2013 года) страх перед усилением религиозного влияния подвиг египтян на поддержку военного переворота, после которого страна вернулась к власти военных, что, впрочем, воспринималось здесь как норма со времен офицерского мятежа 1952 года, вследствие которого к власти пришел Гамаль Абдель Насер.

Эрнест Геллнер отмечает, что в исламских обществах, которые во многом основаны на религиозном догмате, практическая политика ведется посредством системы патронажных связей: «Формальные институциональные положения значат

здесь гораздо меньше, чем неформальные связи взаимного доверия, основанные на памяти об оказанных услугах и обмене протекции сверху на поддержку снизу»¹¹. Многие журналисты-мусульмане в исламских обществах бросают вызов государству, но их стремление к свободе не привело к установлению стабильного общественного порядка, при котором свобода слова находится под защитой. В 2014 году Ахмед Касим аль-Гамди, высокопоставленный член Комиссии по поощрению добродетели и предотвращению порока Саудовской Аравии, обнаружил при прочтении Корана, что во времена пророка правила ношения одежды были заметно менее строгими, чем сегодня в королевстве. Он заговорил об этом на телевидении, причем при этом присутствовала его жена, у которой было открыто лицо; вскоре аль-Гамди окатили потоками ненависти, а семья невесты его старшего сына отказалась выдать дочь замуж. Гораздо худшая участь ожидала журналистов, переступивших красную черту исключительного пуританства в половых вопросах или выразивших неуважение к вездесущей олигархической монархии¹².

Исламское вероучение во враждебных друг другу государствах — суннитской Саудовской Аравии и шиитском Иране — практически не делает различия между светским и религиозным. Сегодня христианство предоставляет все «цесареву» греховным политикам; иудаизм и индуизм, соответственно, в Израиле и Индии, стремятся к повышению своей политической роли, однако секулярное ядро присутствует в обоих этих государствах — его рьяно защищают неверующие и многие верующие граждане умеренных взглядов (при этом упомянем, что Нарендра Моди, индийский премьер-министр, вступивший в должность в мае 2014 года, достиг политических высот благодаря мощной организации, направленной на развитие и укрепление позиций индуизма и подавление ислама в Индии). Из мировых религий, обладающих подлинным социальным весом, только в исламе догмы основанного религию пророка используются в качестве практического правоприменения и нормативного руководства. Религия

воспринимается как истина, бесконечно превосходящая все, что может произвести журналистика. Алексис де Токвиль писал, что «ислам — это религия, которая в наиболее полной мере соединила в одно светскую и духовную власть... так что все акты гражданской и политической жизни в большей или меньшей степени регулируются религиозным законом»¹³. «Революция» спутникового телевидения в 2000-х гг. пошатнула, но далеко не разрушила эти устои.

В этих странах журналистика не имеет настолько богатой традиции, чтобы служить источником вдохновения для молодежи, тогда как пример западных СМИ, как правило, предается критике как пропаганда. Основание канала Al Jazeera, финансируемого монархией Катара, а позже и других арабоязычных спутниковых каналов вызвало большой общественный резонанс, хотя деспотические правители по-прежнему удерживают жесткий контроль над политикой и обществом в этой части света, прибегая к помощи догматического ислама.

Ремесло репортера и репортаж, центральный акт журналистики, — это западное изобретение. С середины XIX века локомотивом репортажа как полноценного занятия выступают американцы, которым удалось постепенно отдалить эту профессию от политических партий и других надзорных институтов, превратив ее саму в институт — в центр вынесения суждений, развития политики и даже власти, который сумел конкурировать с другими центрами влияния, включая само государство. Эта западная традиция проникла в авторитарные общества, но не могла в них укорениться. Первые десятилетия XXI века свидетельствуют о слабости независимой журналистики в авторитарных государствах — в противоположность устойчивости самого авторитаризма.

Сказанное не означает, что журналисты не могут сделать себе имя в авторитарном обществе. В Египте при президенте Насере это удалось Мухаммеду Хайкалю, главному редактору центральной египетской газеты Al-Ahram и одновременно советнику, спичрайтеру и другу президента. В Советском Союзе репутацию снискал Евгений Примаков, он даже стал

премьер-министром в постсоветской России — президенту Борису Ельцину в пору политической слабости был полезен «человек системы», знавший ее изнутри. Все же Примаков, владевший арабским и хорошо знавший страны Ближнего Востока и многих правителей в регионе, был не просто корреспондентом «Правды», а агентом КГБ, рапортовавшим непосредственно международному отделу ЦК партии.

Создание имени, профессиональной репутации или, по крайней мере, обеспечение комфортного существования при авторитарном режиме означает обслуживание системы, а не служение профессии; это означает полное подчинение согласованной политической линии (хотя, возможно, к ее вычерчиванию приложили руку и сами журналисты); это означает заискивание перед правителями, поиск их благосклонности, невзирая на интересы публики. В Советском Союзе, помимо Примакова, определенные вольности в комментариях позволялись нескольким обозревателям. Так, Александр Бовин, в основном писавший для «Известий», занимал относительно независимую позицию в международных вопросах, особенно в отношении Ближнего Востока. Отто Лацис, известный экономический и политический журналист, выступал за реформы даже в годы «застоя», а когда обстоятельства изменились в период правления Горбачева, превратил ежемесячное издание коммунистической направленности в форум для дебатов о смысле и пределах перестройки и гласности. Но таких случаев было немного.

В несвободных обществах у репортеров немного примеров для подражания из прошлого. Вряд ли китайским журналистам придет в голову мысль оглядываться на шотландских христианских миссионеров как на основателей своего ремесла. Но, задумываясь об истоках китайской журналистики, они могут вспомнить о таких фигурах, как Ю Юрень, известный журналист в Шанхае в первые годы XX века, страстный противник империи и борец за распространение демократии. В газете «Народный призыв», выходившей два года, Юрень писал, что «если правительство не сможет защитить свой

народ, оно потеряет право на власть; если народ не сможет контролировать правительство, права народа будут утрачены». Однако в Китае Си Цзиньпина публичное признание заслуг Юрени было бы рискованным для карьеры шагом¹⁴.

В середине 2000-х гг. премьер-министр Эфиопии Мелес Зе-науи, побуждаемый трудно давшейся победой на парламентских выборах, быстро растущей экономикой и иностранными инвесторами, выразившими озабоченность положением с правами человека и гражданскими свободами, умерил давление на СМИ, и в условиях оттепели родилась замечательная либеральная и пытливая газета — Addis Neger. Через несколько лет свободы политический (но не экономический) горизонт помрачнел и зазвучали предостережения о том, что газета зашла слишком далеко. Издатели и ведущие журналисты газеты не остановились, заработала машина репрессий, и вскоре под угрозой обвинения в государственной измене они были вынуждены покинуть страну.

В истории периодически возникают такие «окна относительной открытости». Чехословакия в конце 1960-х, Китай в 1990-х и 2000-х гг., Египет в конце 2000-х и до начала 2010-х гг. были обществами, в которых допускалась определенная свобода мнений, что давало журналистам и публике представление о возможностях — и ограничениях — свободы печати и сделало позволило публикацию материалов, разоблачавших действия власти. Однако эти свободы не могли выстоять в эпоху ужесточения режима — из упомянутых стран только в Чехословакии, которая преодолела коммунизм и имела традицию известной журналистской независимости до нацистского вторжения, утвердилась независимая журналистика. Но и в Чехословакии, мало подготовленной к сюрпризам независимости, выявилась вся сложность противостояния силам, которые были высвобождены крахом репрессивного режима и идеологии.

Как показывает пример Эфиопии и еще более бедственный пример Эритреи, в африканских странах на юг от Сахары государство — это гораздо чаще враг, чем защитник

граждан. Обстоятельства в африканских государствах весьма разнообразны, и неким поводом для оптимизма может служить то, что журналисты здесь достаточно профессиональны и уверены в себе, и властям приходится на них реагировать. По крайней мере, в некоторых странах — в Кении, Гане и Нигерии — дело обстоит именно так.

Журналистика Южной Африки — одна из самых свободных и материально обеспеченных на континенте: после развала режима апартеида и первых полных всеобщих демократических выборов в 1994 году южноафриканская пресса сохранила свой боевой дух и приверженность принципам независимости. Эти принципы, пусть с определенными оговорками и отступлениями, правительство считает себя обязанным поддерживать, а многие высокопоставленные лица искренне их разделяют.

Однако уже первые десятилетия существования демократического общества стали свидетелями растущего нетерпения сменяющихся президентов и правительств ЮАР по причине строптивости прессы. В газетах продолжают публиковаться разоблачения закулисных сделок, коррупции и кумовства в политике и экономике, причем нередко утверждается, что в стране, где Африканский национальный конгресс на протяжении многих лет безальтернативно доминирует в парламенте и правительстве, пресса — это единственная эффективная оппозиция.

Многие южноафриканцы, представляющие то множество людей, которые сражались, погибли, подвергались пыткам, заключались в тюрьмы, изгонялись из страны и, наконец, привели к крушению апартеида, не терпят этих критических замечаний, в особенности когда критика исходит, как это часто случается, от белых журналистов в изданиях, которыми владеют белые собственники. (Впрочем, критические голоса доносятся и от чернокожих журналистов в газетах, которыми владеют черные.) Трения между прессой и правящей партией продолжаются на фоне многопартийной демократии: в августе 2016 года значительных успехов на выборах по стране

(включая муниципалитет Нельсон Мандела Бэй¹⁵) добилась партия Демократический альянс — эти результаты выборов внушают надежду на продолжение существования плюрализма в журналистике. Угроза независимой прессе в Южной Африке гораздо ниже, чем в Турции, но при этом важно осознавать, что напряженность вокруг независимой журналистики существует при всех политических режимах повсеместно.

Чаще всего авторитарный политический режим не сводится к массовому угнетению народа злобным, могущественным тираном. Гораздо чаще авторитарный правитель берет на себя труд удовлетворить некие мнимые или действительные чаяния большинства: территориальные приобретения, как в России; стремительное экономическое развитие, как в Китае и Эфиопии; религиозное возрождение, как в Турции; общественный порядок и безопасность при военном режиме, как в Египте. Журналист или диссидент, который заявляет об отсутствии политической и интеллектуальной свободы, тем самым противопоставляет личностное суждение воле и идеологии режима, а также, как правило, мнению большинства своих соотечественников, которые часто смотрят на инакомыслящего журналиста глазами режима, определяя его как клеветника народа и государства.

В Турции при Реджепе Тайипе Эрдогане пресса, знавшая более вольные времена, находится под постоянным давлением. Страна заняла первое место в мире по числу заключенных в тюрьму журналистов. Эрдоган и в качестве премьер-министра (2003–2014 гг.), и в качестве президента (2014 г. — по настоящее время) — пост, который ранее был в большей степени церемониальным и который ему успешно удалось облечь властью, — непрестанно вмешивается в деятельность новостных служб. Мучительные для Турции вопросы — к последним, безусловно, относится резня армян в 1915–1917 гг. — вообще недопустимо затрагивать, если только это не делается для того, чтобы опровергнуть утверждения о геноциде. Когда журналист и писательница Эдже Темелкуран презрела этот запрет, потрясенная в 2007 году убийством своего друга,

турецкого журналиста армянского происхождения Гранта Динка, ее уволили из газеты. Темелкуран писала, что «молчаливый страх среди журналистов невозможно исчислить; вспомните о 3500 курдских и турецких политиках, 500 студентах и 100 журналистах, которые сегодня находятся в тюрьме»¹⁶. Неудавшийся путч в июле 2016 года привел к заключению в тюрьму многих журналистов, а также офицеров, судей и гражданских чиновников; при справедливом судебном разбирательстве на решение вопроса о вине или невиновности каждого из этой вереницы подозреваемых ушли бы годы.

В одном жизнь деспота в несвободном обществе сегодня тяжелее, чем прежде. Сеть и социальные сети сообщают определенные полномочия гражданам и в еще большей степени журналистам. Правда, как пишет Евгений Морозов, «освободительный потенциал» новых коммуникационных технологий не следует переоценивать; блоги, Facebook и Twitter могут быть союзниками тайной полиции и режима в той же мере, в какой они мобилизуют протест, поскольку позволяют все более точно определять личность и местоположение протестующих¹⁷. Но при этом режиму нужны все более крупные армии наблюдателей, слушателей и доносчиков, чтобы адекватно отслеживать миллионы пронсящихся в сети сообщений, а мобильность и повсеместность смартфонов в руках миллионов людей либо делают эту задачу неподъемной, учитывая огромные затраты, либо обуславливают меньшую, чем при откровенной диктатуре, репрессивность политики, при которой «голова рубят» только лидерам протеста. Гражданское общество, таким образом, одерживает весьма скромную, но победу.

Президент и бывший главнокомандующий египетской армией Абдель Фаттах ас-Сиси позаботился о том, чтобы большинство египетских средств массовой информации выполняли его приказы. Он был безжалостен к тем, кого называл своими врагами, — сотни сторонников «Братьев-мусульман» были убиты, тысячи заключены в тюрьму, включая бывшего президента Мухаммеда Мурси. Руководители и редакторы

информационных агентств присягнули на верность и послушание военному правительству. Ас-Сиси остается популярным и во второй половине 2010-х, но социальные сети не так легко контролировать, как медиакомпании, которым есть что терять, и многие информационные кампании уходят в Сеть¹⁸.

В октябре 2015 года одна из таких кампаний мобилизовала сотни тысяч граждан, которые прибегли к помощи социальных сетей, чтобы выразить критическое отношение к проправительственной телеведущей Рихам Саид, так как та обвинила жертву изнасилования в том, будто женщина сама навлекла на себя несчастье. В результате массовой кампании рекламодатели ушли с передачи, и шоу сняли с эфира. Государственные и поддерживающие режим коммерческие средства массовой информации верны правителю, однако дела обстоят по-другому среди молодых египтян, почувствовавших вкус к разнообразным, полемичным СМИ в 2011–2013 гг., пожиная плоды распространения социальных сетей, которые охватывают более 50% населения страны. Еще одно следствие растущего распространения информационных ресурсов — протест против подчиненного положения женщин. Кадры с молодой женщиной, которую волокут военные во время протестов на площади Тахрир в декабре 2011 года (ее черная абайя разорвана, виден голубой бюстгальтер), мобилизовали на протест тысячи женщин¹⁹.

Социальные сети в авторитарных обществах, как и везде, служат носителем всякого рода сообщений, но они же могут функционировать как «самиздат» современности. В зените советского самиздата запрещенные произведения, листовки, брошюры и манифесты печатались и перепечатывались под копирку, при этом копии, конечно, теряли в цвете и четкости. Самиздат читали несколько тысяч человек в стране с населением почти в 300 миллионов. Сегодня легион пользователей Всемирной сети, так или иначе стремящийся к самовыражению или обнаружению правды, становится в известном смысле частью журналистского цеха: «Мне все равно, что вы скажете, но я думаю, что произошло именно это, а не что-то другое».

Однако настаивать на обнаружении правды, противопоставлять себя «мифам и нарративу» авторитарного режима — обычно неблагодарное занятие. После того как белорусская писательница и лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич опубликовала книгу «Цинковые мальчишки» о деморализации молодых советских военнослужащих во время Афганской войны, несколько героев ее документальной повести и объединение солдатских матерей подали на автора в суд. Мать одного погибшего в Афганистане офицера, свидетельствуя против Алексиевич, кричала: «Я люблю то государство, в котором мы жили, СССР, потому что за него погиб мой сын. А вас ненавижу! Мне не нужна ваша страшная правда!»²⁰

Глава 1

«Газетами должны управлять политики»

В течение десяти лет, вплоть до середины 2000-х гг., журналистика в Китае по сравнению с предшествующими десятилетиями коммунистического режима пользовалась относительной свободой. Газетные и даже телевизионные журналисты делали полноценные расследования — большинство из них были санкционированы, но отнюдь не все. В то же время взрывообразно растущие социальные сети информировали аудиторию, как правило, молодежную, о демонстрациях, забастовках и скандалах в среде элиты. Даже основные партийные газеты, например, *People's Daily* и *China Youth Daily*, были охвачены эйфорией открытости.

Затем постепенно пространство свободы стало сужаться. Ху Цзиньтао, председатель КНР с 2003 по 2013 год, не любил так называемую анархию в средствах массовой информации. Репортажи о землетрясении в провинции Сычуань в 2008 году (почти 90 000 погибших), в которых, в частности, говорилось о низком качестве строительства разрушенных зданий, что предполагало коррупционные схемы при их возведении, были расценены как неприемлемые. То же относится к сообщению о крушении поезда в Вэньчжоу в 2011 году: официальный ответ на катастрофу состоял в спешном проведении спасательных мероприятий, а затем буквально в захоронении сошедших с пути вагонов. Тогда даже партийные газеты не обратили внимания на официальный призыв к «большой любви перед лицом большого бедствия». Журналистика, на взгляд партийного руководства, становилась слишком наглой.

В августе 2013 года руководитель страны с населением в 1,36 миллиарда человек (включая 88 миллионов коммунистов), генеральный секретарь КПК и председатель КНР

выступил с речью на Национальной конференции по пропаганде и идеологии, созванной в Пекине и призванной напомнить партии и народу, что приоритеты и пути журналистики слишком важны, чтобы их определяли журналисты¹.

Перемены, отметил Си Цзиньпин, были столь же быстрыми и значительными в пропаганде и идеологии, как и в любой другой сфере лихорадочного прогресса Китая, но по сути задача не изменилась — *«и не может измениться»* (курсив мой. — Дж. Л.). Основные усилия следует направить на консолидацию «руководящего духа марксизма» и упрочение «единой идеологической основы объединенной борьбы всей партии и всего народа».

Работники пропагандистского фронта и идеологии, то есть средств массовой информации, стали расхлябанными и даже склонными к измене: «Они говорят без сдержанности, они совершенно бессовестны, их ободряют враждебные силы». Никто не должен думать, сказал Си, будто существует какая-то область, которая может называть себя «независимой» или «объективной», выше политики, выше даже национальных интересов. «Западные страны хвалятся “свободой прессы”, но на самом деле и у них она под контролем определенных идеологических сил, групп интересов и политических партий, и поэтому абсолютно независимых СМИ не существует». В сущности, это правильное, пусть и очень ограниченное, наблюдение, но автор полностью пренебрегает тем, что независимость от государства и правящей группы — неотъемлемый принцип журналистики, претендующей на автономию и профессиональные права.

По его мнению, средства массовой информации стали одержимы знаменитостями. Телевизионные каналы и журналы «постоянно ищут нового, преследуют красивых женщин, преследуют их, как уток!» Нападкам на социализм, на народ, слухам и лжи не должно быть места ни в каких медиасферах, включая «газеты, периодические издания и журналы, дискуссионные платформы и форумы, встречи и конференции, фильмы, телеканалы и радиостанции, театры...

онлайн-газеты, мобильное телевидение, мобильные СМИ, текстовые сообщения, WeChat, Weibo, блоги, микроблоги и другие новые медийные средства», — список настолько всеобъемлющий, что казалось, будто Си опасается, выпустив какие-то пункты, создать прецедент разрешенного исключения из правил.

Сеть воспринималась как особая угроза, поскольку «западные антикитайские силы тщетно пытаются использовать интернет для “свержения Китая”». Си снова оказался «на правильном пути». В августе 2000 года Билл Клинтон просил свою аудиторию «представить себе, насколько [Сеть] способна изменить Китай... [пекинский режим] пытается подавить интернет — желаю ему удачи. Это похоже на попытку прибить к стене желе». В 2010 году Хиллари Клинтон, будучи государственным секретарем США, сказала, что «страны, которые ограничивают свободный доступ к информации или нарушают основные права пользователей интернета, рискуют изолировать самих себя от прогресса в следующем столетии». Си действительно попытался прибить желе к стене, и ко времени произнесения цитируемой речи ему это отчасти удалось.

Одна фраза в его речи заслуживает особого внимания. Си сказал, что «мы обязаны неуклонно придерживаться принципа партийного управления СМИ, так чтобы *политики управляли газетами* [курсив мой. — Дж. Л.], периодическими изданиями, телеканалами и новостными веб-сайтами». «Политики, управляющие газетами» — это маоистская, причем критически важная в рассматриваемом контексте фраза.

В феврале 1957 года доклад Мао съезду КПК содержал рассуждения о советском вторжении в Венгрию за год до этого. Партийная газета People's Daily опубликовала небольшой репортаж о съезде с фотографией на всю ширину полосы. Ничего больше о докладе Мао в газете сказано не было.

Спустя несколько недель Мао вызвал к себе в кабинет, что в комплексе правительственных резиденций Чжуннаньхай, всех членов редколлегии People's Daily. Он обвинил их

в высокомерии и безразличии, сказал, что газетой заправляют «ученые и мертвецы». Редактор Дэн То (человек, который в 1944 году составил первое издание «Избранных сочинений Мао Цзэдуна») был понижен в должности до секретаря по культуре и образованию Пекинского городского комитета партии. В мае 1966 года People's Daily опубликовала серию статей, в которых Дэн был назван членом антипартийной, антисоциалистической, реакционной банды. Он покончил с собой.

В 1959 году Мао повторил свои распоряжения в разговоре с У Лэнси, преемником Дэна: газетами должны управлять не интеллектуалы, живые или мертвые, а политики. У делал все возможное, чтобы исполнить приказ Мао, но в мае 1966 года уволили и его. 1 июня 1966 года в газете появилась редакционная статья «Вышвырнуть всех чудовищ и демонов».

В более позднем сочинении Мао выразился яснее: «Некоторые люди — интеллектуалы, и их величайшая слабость заключается в том, что они лишены решимости, однако полны... бессмысленных идей. Ключевые тезисы необходимо понять сразу... Газетами должны управлять политики»². Именно на эти слова Мао ссылался Си.

На этот раз в People's Daily всё поняли верно. В октябре 2013 года флагманская газета партии с энтузиазмом проанализировала выступление Си, написав, что речь «прояснила основы, предпосылки, методы и задачи для совершенствования системы политического управления средствами массовой информации в новый период и в новых технологических условиях», а это означало, что «развернутая картина реформ, развития и стабильности» должна иметь приоритет перед «чистой» новостной журналистикой.

Си воспринял сложившуюся ситуацию как опасную для партии. Коррупция вышла из берегов, неравенство в доходах растет быстрее, чем экономика, а с ним в китайском обществе появляется и социальное высокомерие. В октябре 2010 года Ли Цимин, сын крупного полицейского чина в Баодине, в провинции Хэбэй, в нетрезвом состоянии подвизивший свою

подругу в общежитие университета Хэбэй, сбил двух учащихся, один из которых скончался.

Когда его задержали сотрудники охраны, он прокричал: «Судите меня, если посмеете, мой отец Ли Ган!» Эта фраза разошлась по всему Китаю, была положена на музыку и стала одновременно мрачноватой шуткой и предостережением. Власти медлили, но спустя несколько месяцев после инцидента Ли Цимин был приговорен к шести годам тюрьмы и штрафу почти в 70 000 долларов США. Си говорил, что желает изменить культуру, которая делает возможным такое поведение, но при этом он стремился и наказать медиа, тиражировавшие неудобную новость.

В Китае 2010-х гг. поддержание стабильности было довольно трудной задачей, поскольку коммерциализация, коррупция и неравенство в доходах (с появлением нелюбимого и высокомерного класса состоятельных семей) вошли в ткань общества, которое всего два десятилетия назад было гораздо более эгалитаристским и этатистским. Эван Ознос пишет, что Си Цзиньпина отвращает «всеобъемлющая коммерциализация китайского общества с его нуворишами, мздоимством чиновников, утратой ценностей, достоинства и самоуважения и таким “моральным злом”, как наркотики и проституция»³. Дэвид Шамбо, влиятельный американский ученый и исследователь Китая, охарактеризовал путь, избранный Си, как «жесткий авторитаризм», который, если такая политика будет продолжена, скорее всего, приведет к «экономическому застою или даже стопору, что усугубит и без того острые социальные проблемы и политический упадок правящей Коммунистической партии Китая»⁴. Жесткий курс китайского руководства сковывает в особенности журналистов и активистов гражданского общества в относительно либеральных регионах страны — на юге и вдоль восточного побережья, в Шанхае и Пекине (Гонконг — особый случай) и в таких провинциях, как Гуандун и Цзянсу, где до недавнего времени журналисты пользовались наибольшей свободой. Упомянутые города и области также относятся к наиболее богатым частям Китая.

Ознос отмечает, что у избранного курса была, возможно, и другая, более важная, чем кара за коррупцию, цель, поскольку он был в равной степени «испробованным средством политической консолидации, и на самом высоком уровне Си использовал его против своих противников». По мере продвижения политической кампании стабильность остается главной ценностью — как общества, так и руководства. Курс китайского руководства враждебен по отношению к экспериментам с демократией и свободной прессой. Известный комментатор Эрик Ли считает, что приход Си к власти в 2012 году «однажды могут квалифицировать как смерть идеи об избирательной демократии как о единственно законной и эффективной системе политического управления». В отличие от политической системы США, китайская форма правления основана на взращивании опытейших администраторов: «В китайской системе человек с предпрезидентским профессиональным опытом Барака Обамы не стал бы и главой небольшого уезда»⁵.

В феврале 2016 года Си еще туже закрутил гайки. 19-го числа он сообщил собранию чиновников, которые ведали СМИ, что «все средства массовой информации, которыми руководит партия, должны стремиться выражать волю партии, озвучивать ее предложения, а также защищать авторитет и единство партии»⁶. В тот же день известный предприниматель в сфере недвижимости Жэнь Чжицян подвергся критике на веб-сайте Пекинского комитета партии за то, что он «утратил свой партийный дух» и «выступил против партии», когда написал в своем микроблоге в ответ на заявление Си, что СМИ должны служить людям, а не партии; его посты были удалены⁷. Дэвид Бандурски, редактор проекта China Media в Гонконгском университете, писал: «Я думаю, что смысл [выступления Си] нужно толковать так: мы владеем вами, мы управляем вами, мы рассказываем вам, как все работает. Партия — центр, и вы обслуживаете нашу повестку дня»⁸.

Согласно воззрениям Си, журналисты должны знать свое место — от них не требуют раболепия, как в дни Мао, но они

и не должны предаваться критике и журналистским расследованиям, которыми увлекались на рубеже XX и XXI веков. В то же время Си Цзиньпина сложно назвать непопулярным правителем. Проводя жесткий курс в отношении коррупции, он также решительно отстаивает сформулированные им геополитические интересы Китая, в частности, в Южно-Китайском море. Когда в июле 2016 года Международный арбитражный суд в Гааге признал Китай виновным в нарушении Конвенции ООН по морскому праву, средствам массовой информации было предписано игнорировать это постановление или представлять его в качестве инспирированной США атаки на Китай. Многие рядовые китайцы, лишенные альтернативных источников информации, с готовностью встали на сторону партии, публикуя довольно агрессивные сообщения в социальных сетях и даже призывая к войне с США⁹.

За годы, прошедшие после его прихода к власти, Си сосредоточил в своих руках партийное и государственное руководство и через председательство в Центральной военной комиссии руководство вооруженными силами Китая, а также несколькими ключевыми комитетами. Могущество Си зиждется на мандате от коммунистической партии, которая, в свою очередь, опирается на достижения 1980-х годов, отмеченные постоянно растущим уровнем жизни, поддержанием мира и национального единства и все более широко признаваемым статусом Китая как мировой державы. Мудрое однопартийное правление привело страну к успехам, и Си непреклонен во мнении, что в Китае демократия западного образца совершенно неприемлема¹⁰.

Китайский руководитель считает, что западная демократия, а вместе с ней и ее «историчная пресса» находятся в упадке; в то же время он, похоже, полагает, что китайские СМИ, особенно китайский сегмент интернета и социальные сети, инфицированные западными вирусами, подобны соломе, способной вспыхнуть от малейшей искры. В распоряжении китайского руководства тонко настроенный, изоциренный аппарат, позволяющий тушить внезапные «пожары», суживая

политическое пространство для СМИ, которые пользовались невиданной по китайским меркам свободой еще за два года до прихода Си к власти, одновременно расширяя, насколько это возможно, потребительский спрос и санкционированные партией развлечения.

Ювэй (псевдоним) пишет, что «люди, достаточно умные, чтобы полностью избегать политики, даже не почувствуют этого... но новый курс существенно снизил шансы появления в современном Китае зрелого гражданского общества, не говоря уже об обществе политическом»¹¹. Представители молодого поколения китайских журналистов считали, что развивают гражданское общество, и поэтому удар по ним оказался особенно чувствительным.

Ослабление партийного контроля в 1980-х гг. привело к более гибким отношениям журналистов с лицами и ведомствами, осуществлявшими политический и идеологический надзор, и привнесло в журналистику вкус к независимым суждениям. Редакторы получили некие рычаги влияния на партию, членами которой состояли, потому что для выполнения своей коммерческой задачи они должны были более свободно интерпретировать политический курс. Теперь у них было два хозяина — партия (которая сохраняла не менее 51% доли собственности в средствах массовой информации) и рынок, причем многие редакторы и издатели стали искусно сталкивать одно с другим, разумеется, в пределах, контролируемых партией.

Число напитанных рекламой газет, журналов и телеканалов стремительно росло. Многие из новых журналистов — авторов, редакторов и продюсеров — родились во времена Мао, но были молоды во время последнего, смертельного спазма маоизма, «великой пролетарской культурной революции» (Мао прервал ее в 1969 году, за семь лет до собственной смерти и спустя годы после смерти миллионов китайцев от последствий этого социального эксперимента). Они стали профессионалами благодаря быстрой либерализации 1980-х гг. — либерализации, которая сделала возможными (и

даже поощряла) новые формы письма и вещания, явно предназначенные для более широкой, более зажиточной аудитории китайцев. Многим из этой новой аудитории нравилась откровенная журналистика — люди и раньше знали о недостатках и лжи системы, но лишь впервые становились свидетелями публичного исследования ее пороков.

Конечно, еще более популярными были развлекательные издания и передачи. Блокбастеры, мыльные оперы, детективные сериалы, комедии положений, игровые шоу и передачи о знаменитостях широко перенимались из Гонконга, Тайваня и с Запада; в воображении и энтузиазме многие китайские фильмы и передачи довольно скоро сравнялись или превзошли образцы подражания — одержимость знаменитостями, о которой ворчал Си в речи о пропаганде, достигла в Китае такой же степени лихорадочности, как на Западе. Если судить по его сетованиям, Си исповедует викторианские ценности: при нем глубоко непопулярное Государственное управление по делам печати, публикаций, радио, кино и телевидения — орган цензуры — укрепило репутацию «группы безрадостных, безжалостных правительственных наблюдателей, стоящих между китайскими гражданами и перспективами хороших фильмов и телевидения»¹².

Растущие свободы сделали популярными авторов, склонных к инакомыслию. Среди них следует назвать Хань Ханя. Хань родился в 1982 году, спустя несколько лет после смерти Мао, и еще подростком прославился романом, направленным против закоснелой, громоздкой системы школьного образования. Роман вызвал неодобрение старшего поколения, однако «сам факт его появления на свет отразил существенное обогащение китайской интеллектуальной жизни за последнее десятилетие. На каждого писателя, которому по-прежнему запрещалось выезжать за границу, и на каждый роман, не допущенный к публикации, появлялась новая книга в том или ином заштатном городке, который еще недавно был культурной пустыней»¹³. Блог Ханя привлек миллионы подписчиков; он продолжал выпускать романы и стал «послом»

производящей смартфоны компании OnePlus. Критика властей вывела Ханя в сторонники демократических свобод, хотя он никогда не ратовал за коренную демократическую революцию, иногда презрительно отметая саму ее возможность. Однажды он написал печальные строки: «В Китае влиянием пользуются только власти предрержащие... Они владеют театром, и они всегда могут опустить занавес, выключить свет, закрыть дверь и спустить с цепи собак».

В демократических обществах журналисты часто имеют тесные связи с правозащитными организациями и юристами, институтами свободы слова и неправительственными организациями, которые занимаются такими вопросами, как неравенство. Это взаимовыгодное (пусть и не лишённое налета коррупции) сотрудничество, поскольку журналисты хотят получать актуальные политические и аналитические сведения, которыми обладают эти организации, а те, в свою очередь, заинтересованы в публичности. В Китае партия считает такие связи чрезвычайно опасными и часто выступает против лиц, занимающихся юридическими и гражданскими правами, еще более жестко, чем против журналистов.

Как во многих авторитарных обществах, различные формы инакомыслия в Китае оказываются тесно переплетены: искусство, литература, юридические вызовы политическому порядку, активность гражданского общества и журналистика не имеют строгих границ, поскольку существуют в общем пространстве — везде диссиденты могут навлечь на себя репрессии, от мягкого неодобрения властей до подавления и тюремного заключения. Роза Блау пишет: «С тех пор как во главе правительства встал Си Цзиньпин, в Китае усилилось наступление на гражданское общество. Толерантность по отношению к наиболее беспокойным группам снизилась, а группы, ранее считавшиеся лояльными, стали предметом гораздо более пристального наблюдения и слежки»¹⁴. Маоистская строгость Си подразумевает, что наказание инакомыслящих все чаще соотносится с ограничением свободы выражения, и это нередко толкает писателей к протесту, часто посредством журналистики.

Мужун Сюэцунь (псевдоним Чао Цюня) пишет как прозу, так и репортажи. В 2010 году он опубликовал книгу «Китай: в отсутствие средства защиты», в которой раскрыл схему финансовой пирамиды (сам автор занимался ее пиаром). Роман получил признание и принес автору ежегодную премию журнала *People's Literature* (основан Мао), который опубликовал книгу по частям¹⁵. Автор подготовил речь на четыре тысячи слов к церемонии награждения в Пекине, однако организаторы, зная содержание речи, запретили ему выступать. На церемонии Мужун Сюэцунь жестом замкнул себе губы и сошел со сцены. Он опубликовал речь в Сети, где она быстро стала популярной¹⁶, а позже прочитал ее в клубе иностранных корреспондентов в Гонконге в феврале 2011 года.

В речи, в частности, говорилось о сотрудничестве автора с редактором издательского дома Непап, который настаивал на удалении фразы «пук с индийским душком» — во избежание дипломатических проблем между двумя крупнейшими странами мира. «В этом, — говорит Мужун, — [редактор и цензор в одном лице] был непоколебим: я думал о том, действительно ли Китай и Индия готовы начать войну из-за одинокого пука». Речь заканчивалась словами: «Правда лишь в том, что мы не можем говорить правду... Иногда я задаюсь вопросом: действительно ли культурная революция завершилась?»

С 1990-х гг. писатель Юй Хуа, который старше Мужуна и более известен в Китае и за рубежом, в череде романов и рассказов мрачно критикует современное общество и безжалостность, с которой власти, революция или капитал относятся к бессильным и бесправным. Его размышления о современном Китае, «Десять слов про Китай»¹⁷, опубликованные на Западе в 2010 году (но неопубликованные на родине), рисуют картину общества, где за короткое время, всего за тридцать лет, Китай, управляемый политиками, превратился в Китай, где царствуют деньги. Последнее из десяти слов, которые писатель выбрал, было «надувательство» — для него популярность этого слова демонстрирует разрушение социальной морали и сумятицу в системе ценностей современного Китая...

«Мы живем в легкомысленном обществе, которое не слишком дорожит принципами».

Впрочем, некоторые китайцы не забывают о принципах, хотя им и приходится скрываться. В 2008 году небольшая группа историков начала собираться в темной квартирке старого дома, в захудалом поселке под Пекином, подготавливая к выпуску информационный листок (в формате PDF), рассчитанный не более чем на 200 подписчиков. Издание называлось «Память» и ставило целью исследование и сохранение «неофициальной памяти» страны, в особенности коммунистического периода ее истории¹⁸. Одним из результатов деятельности редакционной группы было то, что ей удалось склонить «красногвардейку», которая была дочерью высокопоставленного партийного функционера, к признанию о своем участии вместе с другими девушками в пытках, повлекших за собой смерть завуча их школы во время культурной революции. Примечательно, что «Память» выжила и даже расширилась. Если в 2008 году вышло только десять выпусков, то в 2016-м было опубликовано не менее тридцати, причем каждый выпуск содержал более шестидесяти страниц. В обзоре тогда еще совсем молодого издания в 2009 году Майкл Шёнхальс задавался в журнале *The China Quarterly* вопросом, как обзор, доступный только в веб-формате, перепрыгивает через «великий китайский брандмауэр», предполагая, что «это крошечная мышь, которая пролезает в трещины в фундаменте стены, замеченная черными и белыми котами киберцензуры, которые все же оставляют ее в живых»¹⁹. В более позднем, расширенном обзоре поразительной истории «Памяти» журналист и исследователь Китая Ян Джонсон дает другое объяснение: «Хотя правительство все еще контролирует официальную историю через учебники, музеи, фильмы и средства массовой информации... память более конфиденциальна, она носит более частный характер, и ее регистрация на бумаге может быть представлена как личное предприятие, даже если результат его вполне политический»²⁰.

Джонсон, который провел большую часть профессиональной жизни в Китае, чрезвычайно деятелен в поисках реалий недавнего прошлого этой страны. В декабре 2016 года, следуя своему плану, он нашел «словоохотливого, упрямого и эмоционального редактора» Тань Чэчэна, который поставил задачу исследования и всестороннего освещения одного из самых страшных массовых убийств эпохи Мао, убийств в округе Дао в 1967 году (округ Дао находится в провинции Хунань, на юге Центрального Китая). В 1986 году, после выхода правительственного отчета об убийстве около 9000 человек в Дао, Тань и репортер журнала были направлены в командировку писать очерк об этой резне. Тань объездил весь округ, собирая материал, проводя интервью с жителями, а затем написал статью, которую немедленно отвергли как слишком пессимистичную, то есть лишенную бодрых утверждений, будто партия успешно «разобралась» с последствиями убийств.

Но Тань был слишком хорошо осведомлен об ужасах — убийствах, в том числе детоубийствах, и пытках, — чтобы признать, будто справедливость восторжествовала благодаря заключению под стражу нескольких незначительных виновников. Он написал целую книгу. В нее вошла история о госпоже Чжоу и ее семье, которые считались «вредными элементами», потому что ее отец служил дорожным полицейским при националистическом правительстве. Всю семью, включая детей, живыми бросили в яму; выжила только г-жа Чжоу. Тан сказал американскому писателю: «Я могу рассказать людям то, что они хотят услышать, и могу написать статью так, как вы пожелаете. Но я придерживаюсь минимального нравственного стандарта: я не могу превратить черное в белое. Этого я просто не могу сделать»²¹.

По отношению к коммунистической партии китайские диссиденты часто оказываются или сами ставят себя в положение Галилея в его отношениях с католической церковью. Галилей разработал гелиоцентрический взгляд на Вселенную в противоположность католической догме о том, что Земля находится в центре мира, а вокруг нее движется Солнце

(бóльшая «правда», на взгляд клириков, так как она подкрепляла христианский взгляд на центральность Бога и его связь с человечеством). Галилей был осужден инквизицией в 1633 году и приговорен к домашнему аресту на всю оставшуюся жизнь. С течением столетий церковь изменила свой взгляд на вещи; схожим образом, по представлению некоторых диссидентов, китайские политики однажды признают, что их авторитарное представление о Китае есть догма, основанная на ложной предпосылке. На их взгляд, нынешняя система нежизнеспособна в мире, где мнения сотен миллионов китайцев представляют интерес для властей только по соображениям надзирательства.

Журналисты обычно следуют за событиями, а не ведут людей за собой. Большинство журналистов в авторитарных обществах в большей или меньшей степени следуют официально утвержденными путями; им нужно зарабатывать на жизнь, иногда недурную, да к тому же колея иногда оказывается шире, чем в предшествующие годы. Но даже следование утвержденным маршрутам предполагает определенную свободу, готовность рассказать историю, которая осмысленна в прагматическом, фактическом ключе. Однако некоторые журналисты попросту не способны следовать заданными путями: к числу непокорных принадлежит Гао Юй.

Гао Юй родилась в 1944 году и посвятила жизнь профессиональной журналистике; начало 80-х гг. было отмечено в Китае растущей независимостью суждений. Сотрудничая в качестве внештатного корреспондента с газетами в Китае и Гонконге, она опубликовала статью в гонконгском журнале *Mirror Monthly* с резкой критикой правительства в Пекине, которое вскоре заклеямило ее как открытого диссидента. Позже она была арестована за участие в протестах на площади Тяньаньмэнь и приговорена к шести годам тюрьмы, но освобождена через пятнадцать месяцев из-за плохого состояния здоровья. В 1993 году Гао Юй вновь была арестована за «раскрытие государственных тайн» и провела в заключении пять лет, прежде чем ее выпустили по состоянию здоровья во

второй раз. В апреле 2014 года журналистка была признана виновной в «утечке государственных тайн» и приговорена к семи годам тюремного заключения (обвинение в этом преступлении могло повлечь за собой и смертный приговор). Она признала вину перед камерой, и ее признание широко транслировалось по телевидению, однако в суде она отказалась от своих слов, заявив, что дала признательные показания, стремясь защитить своего сына, который был арестован вместе с ней и позже освобожден²².

Документ, в утечке которого ее обвиняли (так называемый Документ № 9), имел заголовок «О текущем состоянии идеологической сферы» и распространялся среди членов партии в апреле 2013 года Секретариатом ЦК КПК в целях получения одобрения от руководящего состава партии²³. В документе описывались главные враги государства и партии и среди них концепция гражданского общества как таковая, неолиберальные экономические идеи (например, полная приватизация и рынок для всех без исключения товаров и услуг, включая здравоохранение и пенсионное обеспечение) и универсальное применение либерально-демократических ценностей, которые могли бы позволить западной форме демократии, подкрепленной Конституцией, «подорвать руководство партии, отменить народную демократию, отринуть Конституцию нашей страны, а также сложившуюся систему и принципы и привести к перемене в чувствах лояльности путем привнесения в Китай западных политических систем». Другие выявленные угрозы включали призыв к полной свободе прессы и Сети, противодействие руководству партии в средствах массовой информации и вызов взглядам партии на ее историю. В заключение документ содержал призыв к членам партии «укреплять нашу власть на всех уровнях пропаганды на культурном фронте... не давая абсолютно никаких возможностей для проецирования неправильного мышления или точек зрения».

«Документ № 9» ясно показывает, как верхушка Коммунистической партии Китая воспринимает либеральную

демократию и проводит строгую границу между китайской системой и Западом. С точки зрения понимания образа мыслей китайского руководства утечка этого документа представляется действительно важным событием. Гао показала, что ее государство намерено искоренить всякое «неправильное мышление», облекая плотью слова Шамбо о «жестком авторитаризме». Гао, проявив чрезвычайное мужество в своем желании видеть в Китае более открытое общество, была приговорена к длительному тюремному заключению, что, учитывая ее возраст и слабое здоровье, было равносильно смертному приговору. Ее брат, посещавший ее в тюрьме во время судебного разбирательства, рассказывал, что она была истощена вплоть до того, что не могла носить свою прежнюю одежду. В ноябре 2015 года суд заменил ей пребывание в тюрьме на отбывание наказания дома²⁴.

Сеть стала важнейшим дополнением в арсенале диссидентов: Лю Сяобо, литературный критик, которого несколько раз заключали в тюрьму за призывы к прекращению партийного правления в Китае, лауреат Нобелевской премии 2010 года, сказал, что «Сеть, безусловно, это Божий дар китайскому народу». Но для большинства китайцев, как и для большинства людей во всем мире, Сеть в значительной степени предназначена для досуга и развлечений, и хотя сервис YouTube (принадлежащий корпорации Google с 2006 года) в Китае запрещен, китайские сервисы, такие как Youku Tudou, Sohu и QQ TV, растут быстрыми темпами и теперь насчитывают более 300 миллионов уникальных просмотров ежемесячно. Да, им нужна лицензия для работы, но в остальном они, как правило, регулируют себя сами. Напротив, 3000 телерадиостанций находятся в непосредственном подчинении Центральному телевидению Китая (CCTV), а это означает, что государство контролирует их посредством надзорных функций и множества правил. Однако в онлайн-видео ситуация иная. Винсент Тао, глава одной из служб PPTV, говорит: «В принципе, ситуация схожая, но на самом деле очень сложно сказать, каковы стандарты для участников рынка онлайн-видеоконтента»²⁵.

На сегодняшний день развлечения представляют собой самую популярную форму онлайн-активности, и даже отсутствие санкции властей, скажем, на просмотр некоторых материалов не служит препятствием для удовлетворения потребности в «онлайн-наслаждениях».

Для партии сетевые ресурсы иногда выступают раздражителем, но незначительным. Руководство партии заботят, в первую очередь, непримиримые диссиденты и, во-вторых, политика и вещание средств массовой информации, но и здесь, даже после выступления Си, многое из того, что было бы немислимо во времена Мао, сходит журналистам с рук. Относительно оптимистичная точка зрения ряда западных наблюдателей состояла в том, что «для партии в целом интернет гораздо менее страшен, чем для местных чиновников. Онлайн-толпа вольна терзать коррумпированных чиновников низкого уровня, потому что на это дает санкцию партийное руководство... Развитие сугубо китайского интернета было важной частью построения более удобной клетки. Но за ним постоянно наблюдают и им манипулируют»²⁶. А теперь наблюдают еще более пристально.

По мере восхождения Си Цзиньпина к вершинам власти рос также потенциал социальной сети Weibo, демонстрировавшей готовность к развитию более свободной сети. Запущенная корпорацией Sina в августе 2009 года платформа Weibo — близкий родственник Twitter (запрещен в Китае), но она позволяет отправлять и получать более длинные по сравнению с Twitter сообщения. Weibo быстро приобрела огромную популярность, и к декабрю 2012 года у платформы было полмиллиарда зарегистрированных пользователей. Один китайский журналист, предпочитая остаться анонимным, написал мне по электронной почте, что при содействии Weibo

как простые китайцы, так и социальная элита прорвали монополию традиционных СМИ и режим строгого контроля со стороны правительства, мгновенно обмениваясь информацией, формируя программу общественной деятельности, обсуждая, пусть неявно, чувствительные темы, предавая гласности

случаи несправедливости и даже призывая общественность напрямую оказывать давление на власти. Не будет преувеличением сказать, что Weibo изменила китайскую «медиаэкологию».

Цзяо Бэй, репортер South China Morning Post, не столь оптимистична²⁷. Она считает, что платформа Weibo находится под постоянным контролем властей, который только усиливается; однако она отмечает ряд инцидентов, в которых Weibo по ее опыту оказалась полезной. Один из них — получившее широкую огласку крушение поезда в Вэньчжоу в июле 2011 года, где поспешная и засекреченная спасательная операция (одним из эпизодов которой, как сообщается, стала попытка захоронить сошедший с путей вагон с живым ребенком)

вызвала ярость и возмущение в средствах массовой информации и сетевом сообществе. После аварии в китайских СМИ, обычно молчащих под гнетом цензуры, стали раздаваться страстные призывы выявить виновных в трагедии и определить соразмерность стандартов безопасности. <...> Пятьдесят четыре чиновника были признаны ответственными за несчастный случай и проваленную спасательную операцию. В августе правительство также объявило о приостановке одобрения любых новых высокоскоростных железнодорожных путей и составов в ожидании результатов расследования.

Благодаря Weibo и другим социальным информационным ресурсам внимание общественности привлек еще один инцидент.

Речь идет об инциденте в Укане, когда около 12 000 жителей села протестовали против коррупции в местных органах власти, а их представители, избранные для переговоров с властями по поводу продажи недвижимости, в том числе конфискации земель, были заключены в тюрьму, а один — убит. Провинциальные и центральные власти издали директивы, призванные затушевать репортажи о событиях в Укане, а затем вовсе запретили их освещение. Бэй пишет, что этот инцидент был «политическим и весьма чувствительным для коммунистической партии, и... если бы журналисты писали

что-либо об инциденте в Weibo, они были бы уволены или наказаны работодателями. Другими словами, в обстоятельствах реальной попытки демократизации журналисты в материковом Китае замолчали, и их голоса в Weibo стихли: «Weibo была основным средством информации до запрета на репортажи — и снова стала таковым после заключения сделки с властями». Конфискованная ранее земля была перераспределена; двух местных чиновников привлекли к ответственности за конфликт с жителями Укана; был избран новый сельский комитет.

Другой репортер, который предпочел остаться анонимным, рассказал мне об инциденте с «Улыбающейся головой»: после крупномасштабной аварии в городе Яньань, в которой погибли тридцать шесть человек, в Weibo была опубликована фотография с широко улыбающимся мужчиной на месте трагедии, который выглядел как местный чиновник. Фотоснимок стал «вирусным»: мужчину быстро опознали как Яна Дацяя, главу местной администрации по безопасности труда, который якобы контролировал мероприятия по оказанию помощи. Фотография вызвала такое возмущение, что пользователи Weibo вскоре нашли другие фотографии с Яном с различных мероприятий и в разных наручных часах (всего одиннадцать часов, пять из них — дорогостоящие); среди пользователей Сети чиновник вскоре получил прозвище Дядюшка Часы. Правительство провинции Шаньси пообещало провести расследование, но обещания не остановили поток возмущенных сообщений. Наконец правительство завершило расследование и обнаружило доказательства коррумпированности чиновника: Дядюшка Часы был уволен с работы и исключен из партии. Дело передали в суд, который приговорил Яна к четырнадцати годам лишения свободы. Суд Weibo.

Каждый год Центр исследований гражданского общества Пекинского университета выбирает десять событий предыдущего года, которые считает наиболее важными. За три года, с 2011 по 2013 год, тридцать наиболее значимых событий, по версии центра, совпали с самыми «горячими» темами в Weibo.

Заголовки вполне информативны: «Го Мэймэй кичится богатством» (2011), «Мать жертвы изнасилования отправлена в трудовой лагерь» (2012), «Дядюшка Часы: изобличены коррумпированные чиновники» (2012) и «Чэнь Сяолу извинился за пытки учителей» (2013). Случаев было, разумеется, больше, и в отношении некоторых из них (как в случае Дядюшки Часов) потоки сообщений в Weibo явно подтолкнули правительство к действиям, направленным на исправление ситуации, чего бы, по мнению сотрудников центра, не произошло в других обстоятельствах.

Впрочем, Цзяо Бэй приходит к мрачным выводам. Weibo, несмотря на большую по сравнению с Twitter длину сообщений, не может служить средством журналистского расследования, так как указанная платформа не дает возможности исследовать факты. Бэй цитирует Ши Фэйкэ, одного из самых известных журналистов-исследователей в Китае, который работал в газете Southern Weekend (также известной как Southern Weekly) в Гуанчжоу, а затем в журнале Caixin: «Мое наблюдение состоит в том, что отчеты о расследованиях, проводимых теми журналистами, которые очень активны и заметны в Weibo, как правило, не отличаются более высоким качеством. Эти авторы достигли известности в Weibo, но это не добавило им репортерских заслуг»²⁸. Фэйкэ, на запрет публикаций которого часто направлены усилия цензоров и чиновников, считает, что надежды, обычно возлагаемые на Weibo, «смехотворно оптимистичны», поскольку информация, как бы быстро платформа ни позволяла передавать ее, в конце концов попадает в руки властей.

Платформа Weibo, подвергнутая официальному осуждению и, следовательно, внушающая публике некоторые опасения, после 2010 года уступила место новой, одобренной властями платформе WeChat. К 2016 году у WeChat было уже почти в три раза больше пользователей, чем у Weibo.

Управлением и контролем над интернетом и социальными сетями, в частности, в Китае занимается множество учреждений. Власти быстро приходят к пониманию технологии, а

затем распространяют внутриведомственные инструкции, как контролировать и ограничивать сетевые сегменты. Отдел пропаганды центрального комитета партии, как правило, считается самым сильным из упомянутых органов, поскольку это партийное учреждение, наряду со множеством других ведомств несет ответственность за «защиту граждан от Сети»; здесь, впрочем, следует упомянуть Информационное бюро Государственного совета; Государственное управление по делам печати, публикаций, радио, кино и телевидения; министерство промышленности и информационных технологий; министерство общественной безопасности; Государственное управление в области промышленности и торговли; Китайскую академию наук и Национальную администрацию по защите государственной тайны.

В 2011 году было создано Государственное информационное бюро интернета, номинально самое главное из ведомств указанного ряда, относящееся к компетенции как партийных, так и государственных деятелей, но в феврале 2014 года ему на смену пришла новосозданная Центральная ведущая группа по интернет-безопасности и информатизации под председательством самого Си, в которую входят 22 других члена партийного руководства, в том числе министры иностранных дел, общественной безопасности, образования, промышленности и информационных технологий и культуры, председатель Центрального банка и глава Секретариата Центрального комитета.

Эффективность различных органов власти с точки зрения надзора за журналистикой в целом и сетевой журналистикой в частности потрясает воображение. Опираясь на работу Сяо Цяна, который руководит бесценным сайтом China Digital Times на факультете информации университета в Беркли, Перри Линк пишет, что арсенал запретов, доступных для цензоров, включает следующие предписания: «упоминать без раздувания», «публиковать, но только под заголовком, набранным мелким шрифтом», «публиковать только на последних страницах», «закрывать поля для комментариев»

и «приуменьшать значение с течением времени»²⁹. В ставших достоянием гласности партийных директивах цензорам в провинции Хунань, разосланных адресатам в июне 2011 года, читаем:

Все создатели и редакторы веб-сайтов должны добросовестно отнестись к соответствующим принципам и использовать их для устранения любого материала, который: 1) очерняет образ партийных и государственных деятелей или бросает тень на великие исторические достижения партии; 2) совершает нападки на нашу систему или защищает западную демократическую систему; 3) возбуждает незаконную деятельность по организации собраний, подаче ходатайств или «поддержке прав», наносящую ущерб социальной стабильности; 4) использует рост цен, коррупционные дела или другие спорные события для распространения слухов и разжигания ненависти к должностным лицам, полиции или состоятельным людям, которые могут привести к действиям в физической реальности; 5) возбуждает этническую ненависть [к народу хань] и наносит ущерб национальному единству.

Однако фаворитом в конкурсе на первую премию Оруэлла в области новояза следует признать шестой пункт: «6) [устранять любой материал, который] содержит нападки на партию и ее систему управления СМИ и интернетом, сводящиеся, в частности, к клеветническим утверждениям, будто мы ограничиваем свободу слова».

Инвестиции партии в цензуру и пропаганду огромны и (по крайней мере, на внутриведомственном уровне) хорошо продуманы. Чайфэн Хуан, изучая этот вопрос, пришел к выводу, что лица, обученные технологиям производства и распространения информации, не обязательно верят в идеологические предписания, но «с большой вероятностью полагают, что правительство обладает могуществом»³⁰. Другие исследования показали, что критика, даже резкая, далеко не всегда побуждает цензора к действию, однако цензор неминуемоотреагирует на «вероятность коллективных действий», например, на возможное распространение «протестов во

Внутренней Монголии после того, как водитель грузовика-углевоза насмерть сбил пастуха»³¹.

Энергия, ресурсы и время, затрачиваемые на контроль и управление СМИ, свидетельствуют о важности указанных вопросов для правительства, особенно при Си Цзиньпине. Важнейшим элементом такой политической программы служит проекция «мягкой силы». На специальном пленарном заседании, которое ЦК КПК посвятил одобрению этой программы национальной политики в 2011 году, когда Си готовился к вступлению в высшую должность, на финансирование международной службы вещания Центрального телевидения Китая, подразумевающей круглосуточное вещание на шести языках по всему миру, были выделены миллиарды долларов. Было также одобрено финансирование десятков культурных центров, так называемых Институтов Конфуция, информационного агентства «Синьхуа» с 3000 журналистов (400 из них в 170 бюро по всему миру) и на содействие преподаванию китайского языка в школах на Западе. Тем не менее, согласно Дэвиду Шамбо, эти огромные расходы принесли весьма скромные плоды. «До сих пор опросы общественного мнения не выявили сколько-нибудь заметного улучшения глобального имиджа Китая. В действительности репутация страны неуклонно ухудшается»³².

Кроме того, и цензоры иногда восстают. Один из них, используя свой аккаунт в Weibo, в январе 2013 года рассказал, как компания Sina, на которую он работал, была вынуждена пойти на компромиссы, чтобы продолжить свой бизнес: хотя это и «частная» компания, она, как и все медиакорпорации, частично контролируется партией и вынуждена нанимать цензоров: «Либо мы удалим ваше сообщение, либо ваш аккаунт будет заблокирован. Эта платформа принадлежит обществу. Она изменила нашу жизнь и способна оказывать влияние на общество и правительство посредством свободного выражения мнений. С одной стороны, у нас миллионы пользователей сети, с другой стороны, существует... особая группа людей с правом принимать решения о критериях

выдачи предупреждающих сигналов; эти люди, наплевав на нужды общественности, могут объявить [Sina] Weibo, что “игра окончена” с той же легкостью, что и наступить на муравья. Если они издали срочный приказ (вспомним о 18 золотых указах императора в древние времена), вы должны его исполнить»³³.

Решения цензоров часто подробны и точны: они отражают чуткое восприятие новостей, а также тревог и волнений, больших и малых, правящей элиты. В марте 2014 года на сайте China Digital Times были опубликованы некоторые предписания китайских цензоров: «8 марта: без официального разрешения не интерпретировать и не комментировать инцидент с пропавшим малайзийским самолетом» (речь идет об авиалайнере компании Malaysia Airlines, который был сбит над Украиной); «17 марта: не раздувать вопрос о референдуме в Крыму, чтобы не соотносить Крым с китайским Тайванем, Тибетом и Синьцзяном, также не комментировать действия МИД»; «25 марта: не распространяться о подробностях китайской поездки Мишель Обамы, в частности, относительно ее распоряжений о еде и правил безопасности на Великой Китайской стене в преддверии ее визита; без официального разрешения не сообщать о внезапной смерти заместителя директора Информационного бюро Государственного совета Ли Уфэна и удалять все гипотетические и агрессивные комментарии»³⁴.

В 2016 году China Digital Times и вашингтонская организация Freedom House установили, что было сформулировано много директив на поощрение хвалебного освещения политики Си, среди них: все веб-сайты должны были упомянуть, что речь Си Цзиньпина на праздновании 95-й годовщины коммунистической партии вызвала «сильный отклик» среди слушателей; запрет на перепечатку или ссылки на статью на новом веб-сайте The Paper об опасности использования неохлажденных вакцин; запрет на любое упоминание о владении высокопоставленными должностными лицами иностранными активами (как это показано в «Панамских документах»)

и ограничение информации о злоупотреблениях служебным положением в полиции, включая подозрительные смерти в заключении и бессудные казни.

Если исключить наиболее чувствительные и болезненные вопросы, Weibo и еще более популярный WeChat немало делают для того, чтобы предавать гласности ранее засекреченную информацию или, во всяком случае, информацию с ограниченным доступом. Например, сетевой центр Администрации Китая по землетрясениям через свою официальную рассылку Weibo@CENCEXpress публикует большое количество внятной информации о землетрясениях — прогнозы, предупреждения, факты о (движущихся) тектонических плитах, что одновременно положило конец предшествующей маниакальной секретности правительства в отношении этих (нередко смертоносных) событий и в значительной степени способствует эффективности спасательных мероприятий.

Издание The Paper, оскорбившее чувства цензоров расследованием дела о небезопасных вакцинах, представляет собой одно из самых остроумных новых изданий в Китае: в самом его названии [«Листок»] кроется шутка, поскольку издание это — веб-сайт. От основанного в середине 2010-х гг. в Шанхае The Paper вскоре отделилось англоязычное издание Sixth Tone [«Шестой тон»] — название, как пояснили издатели, служит «дополнением» к пяти тонам китайского языка, и этот дополнительный «тон» предназначен для «необычных рассказов об обычных людях»³⁵. Это гибрид, партийное издание, публикующее вполне уважительные статьи вместе с расследованиями, от которых, похоже, чиновникам неуютно. The Paper привлекает молодых людей развлекательными материалами и историями знаменитостей, но также рассказывает о жертвах судебной системы, скандалах в сфере здравоохранения и взяточничестве. Либералы ворчат, что это издание — калека, консерваторы — что оно мало способствует центральной роли идеологии, которую Си обещал укрепить.

В статье, опубликованной в Sixth Tone, рассказывалось, как строители-мигранты, которые часто живут в нищете, стали

писать стихи, вдохновившись инициативой Шанхайского социального рабочего центра, который проводил фестиваль поэзии для мигрантов. В одном стихотворении говорилось: «Чтобы добиться равенства, сначала мы должны бороться. / Чтобы добиться освобождения, сначала мы должны биться. / Мы никогда не допустим возвращения эксплуатации»³⁶. Статья за авторством Ли Адуня, основателя мигрантского центра в Пекине, заканчивается утверждением, что для рабочих «единственный выход — это восстановить социалистический подход, то есть признавать и уважать трудящихся и рабочих как основу китайского общества». Усматривать ли в этих строках критику партии и государства? Или эти слова созвучны призыву Си Цзиньпина вновь сосредоточиться на социалистических ценностях?

Знаменитый ответ бывшего китайского премьер-министра Чжоу Эньлая на вопрос о последствиях Французской революции 1789 года — «Об этом еще слишком рано судить» — более уместно применить к оценке влияния на будущее сетевых сообществ и медиа³⁷.

Для западного наблюдателя Цянь Ган не самая очевидная кандидатура на роль радикально мыслящего журналиста. В юности Цянь Ган вступил в ряды Народно-освободительной армии Китая, стал офицером и пошел работать в армейскую газету People's Liberation Army Daily. Эта газета, основанная в 1956 году, предназначена для 2,3 миллиона военнослужащих НОАК (вся армия, в том числе сухопутные войска, военно-воздушные, военно-морские и ракетные силы) и изобилует рассказами о жизни военных, не отступающими от линии партии (тогда как профессиональные вопросы военной стратегии и тактики представлены People's Daily или специализированным журналам).

Но Цянь, человек замечательного ума и либеральных наклонностей, обнаружил, что в штате газеты по-прежнему состоят несколько «правых», то есть последователей бывшего военачальника китайской армии и вице-преьера Линь Бяо, которого Мао прочил в качестве своего преемника; позже

Линь Бяо обвинили в подготовке переворота против «великого кормчего». Он погиб в авиакатастрофе в Монголии предположительно при попытке бегства в Советский Союз (об этой истории много споров) и был реабилитирован после смерти Мао в 1976 году.

Во время встречи в штаб-квартире китайского медиа-проекта в Гонконгском университете, основанного совместно с журналисткой китайско-американского происхождения Юэнь-Инь Чан, Цянь сказал мне, что у «правых» была некая концепция «идеалистичной» журналистики, которая оказала на него большое влияние. Пользуясь относительно либеральной атмосферой 1980-х гг., Цянь и его коллеги печатали в газете критические репортажи и статьи. В одной статье говорилось, как высокопоставленный генерал приказал закрыть находившийся в ведомстве министерства обороны детский сад. Этому событию посвятил стихотворение молодой офицер — стихотворение называлось «Вы не вправе так поступать!» и заняло целую газетную полосу. Ожидаемым образом редактор — образец мужества, на мой взгляд, — был изгнан из газеты.

У китайского либерализма свой предел: Цянь, в 1989 году занимавший должность редактора новостного отдела, также был уволен за простуденческие симпатии во время событий на площади Тяньаньмэнь. Он перешел на службу в китайское бюро по землетрясениям, собирая материал для книги о землетрясении 1974 года в Чжаотуне, провинция Юньнань, во время которого погибли до 20 000 человек. «То была журналистика расследований, но мы это так не называли. В действительности тогда проще было собирать и публиковать материалы». Когда Цянь работал в бюро по землетрясениям, Дэн Сяопин произнес речь, в которой провозгласил, что начатые им реформы, которым помешали события на площади Тяньаньмэнь, будут продолжены, и к середине 1990-х гг. дух экспериментаторства с новыми формами журналистики проник в институты, которые некогда были самыми консервативными. Китайский монополист телевидения CCTV был

вынужден нанимать талантливых и смелых сотрудников, создававших программы, привлекающие телезрителей, а не только проповедовавшие партийную идеологию. Продюсер был знаком с эпизодами программы «60 минут» телекомпании CBS; эти передачи с китайскими субтитрами на привезенных из Гонконга видеокассетах, наряду с британскими и австралийскими телепередачами, вдохновили его на создание программы «Новостной зонд», которая впервые вышла в эфир в 1996 году. Цянь, привлеченный в качестве консультанта, позже стал одним из старших телередакторов на канале. По словам Цяня,

мы сделали несколько полезных вещей — например, в сюжетах о загрязнении рек, о Второй мировой войне. Но мы почти ничего не могли сделать для решения одной из самых болезненных проблем, то есть коррупции среди высшего руководства. Мы выпустили передачу о чиновнике, который был признан виновным в коррупции, но это нам разрешили только потому, что он уже был наказан. В этом смысле мы расследовали не его продажность, а его чувства.

В течение трех лет работы в «Новостном зонде» я чувствовал, что пространство для журналистских расследований неуклонно сужается. На это повлияла и смерть Дэна в 1997 году. Поэтому я не чувствовал там удовлетворения от своей работы. Газета в Гуанчжоу, *Southern Weekend*, широко известна своими репортажами и аналитикой. Меня несколько раз приглашали — и в 1998 году я пришел к ним на должность ответственного редактора.

Гуанчжоу, город на далеком юге Китая, в нескольких часах поездом от Гонконга, был одним из центров, которые посетил Дэн Сяопин в своем южном турне 1992 года, где он заверил своих последователей, что реформы живы и будут продолжены. Скорость и темп перехода города — от мегаполиса в тисках плановой системы к промышленному сердцу пробуждающегося экономического тигра — несли энергию и будоражили местное журналистское сообщество. Личные и профессиональные качества Цяня, его любопытство, желание выявлять

темные страницы прошлого и настоящего, его откровенность и жизнерадостный характер (он вдохновляющий собеседник), а также авторитет, который он снискал как репортер и как руководитель журналистского коллектива, делали его очевидным кандидатом на должность редактора. По службе в «Новостном зонде» он знал, как работают западные модели, и осознавал необходимость для журналистики вырваться, насколько это возможно, из удушающих объятий партии, понимая при этом нравственные и практические задачи журналиста. «Теперь наша задача, — сказал он, — состоит в том, чтобы сделать новостные СМИ более независимыми, а также более ответственными. Свобода и ответственность должны быть лозунгом. Реформа может произойти как внутри системы, так и вовне. В этом заинтересовано все больше и больше журналистов. Нас долго обманывали, в детстве и потом. Мы не хотим к этому возвращаться».

Цянь пришел в Southern Weekend в мрачный период. Как он отметил в нашем разговоре, «это было время, когда крупные негативные события оказываются вредны для расширения пространства, которое предоставляют средствам массовой информации». Одним из таких «негативных событий» следует считать огромную демонстрацию в апреле 1999 года последователей духовного культа Фалуныгун, ответвления буддизма, и суровые репрессии в отношении этой группы в октябре того же года, которые включали в себя массовую пропагандистскую кампанию и строгий запрет на всякое упоминание культа. В мае 1999 года в Белграде (во время конфликта в Югославии) было разбомблено китайское посольство — погибли три китайских журналиста. Правительство КНР назвало это варварским актом, в то время как представитель США, сокрушаясь, назвал бомбардировку посольства непреднамеренной. Наконец, в 1999 году исполнялось десять лет событиям на площади Тяньаньмэнь. «Все эти события были взаимосвязаны, — сказал Цянь. — И все они, как правило, сужали “пространство” дозволенного для китайских журналистов».

Два периодических издания — Southern Metropolitan Daily и Southern Weekly — в большей степени, чем другие издания, следует отнести к авангарду журналистики расследований, которая стала набирать силу в 1990-х годах. Новая экономическая зона в провинции Гуандун, с центрами в Гуанчжоу и близлежащем Шэньчжэне, развивалась быстрее остальных областей страны, если не считать Шанхая, по мере того как в южные города стекались рабочие из сельских областей. Новоприбывшие трудяги ютились в трущобах, растущий средний класс занимал квартиры в новостройках, богатые строили апартаменты с видом на Жемчужную реку. Материалов для расследований и репортажей было достаточно.

Неудивительно, что ремесло журналиста стремительно развивалось именно в бурлящем Гуанчжоу — этому способствовал рынок и относительная свобода южных городов. В 1992 году, во время второй поездки на юг Китая, Дэн Сяопин призвал китайскую печать стать более интересной и самокупаемой — иными словами, освободить от бремени государственного бюджета, так как государству становилось все сложнее привлекать читателей и рекламодателей к изданиям, заполненным дословными перепечатками пустых речей и славословиями в адрес героев труда. Партийный аппарат Гуанчжоу и провинции Гуандун, которому было поручено реформировать средства массовой информации в соответствии с духом реформ Сяопина, был вынужден изменить устоявшимся партийным привычкам и дозволить журналистам экспериментировать.

Главная компания, занимавшаяся новостями в этой области, Southern Media Group, опиралась на определенную традицию независимости; еще во времена Мао здесь обосновалось осторожно либеральное крыло партии. В 1957 году в рамках кампании «Сто цветов» медиагруппа основала газету под названием Yangcheng Evening News, один из основателей которой заявлял, что даже если журналисты не всегда могут говорить правду, они не должны лгать. Эти слова повторил спустя сорок лет неисчислимых ужасов секретарь областного

комитета пропаганды Хуан Вэнью, который сказал журналистам в середине 1990-х, что ключом к разрыву с моделью партийной печати может быть только способность говорить правду.

Только когда газета говорит правду, это приводит к созданию атмосферы доверия. Отвечая на вопрос скептически настроенных журналистов, абсолютное ли это правило, он пояснил собственные слова: «Вы не говорите ту правду, которую не можете пока сказать, но вы ни при каких обстоятельствах не должны лгать»³⁸. Это прозвучало, конечно, слишком оптимистично.

Когда в начале 1990-х гг. ослабили идеологические запреты и китайским издателям периодики было велено «вызывать интерес у читателя», они обратились к журналистике расследований — к раскрытию тайн и хронике скандалов, — стремясь повысить популярность изданий. У медиагруппы уже была еженедельная газета Southern Weekend, игнорировавшая некоторые из китайских табу; теперь же была основана Southern Metropolitan Daily, призванная стать флагманом новой журналистики. В штат газеты был принят молодой талантливый репортер Чэн Ичжун; ему простили, что ранее он принимал участие в местном движении протеста, вдохновленном студенческими выступлениями на пекинской площади Тяньаньмэнь. После основания Southern Metropolitan Daily в 1997 году 37-летний Чэн стал заместителем главного редактора, а затем и главным редактором газеты. Филип Пан пишет о Чэне, что хотя в пору его руководства газету заполонили материалы о спорте, знаменитостях и развлечениях (в августе 1997 года четверть всей газеты была отдана новостям о гибели Дианы, принцессы Уэльской, тогда как другие китайские газеты напечатали об этом не более заметки), Чэн тем не менее следил за тем, чтобы в газете появлялись и другие, крайне редкие для Китая статьи, в которых журналисты критиковали правительство... Он хотел, чтобы «журналисты шли вперед, презрев границы, отказавшись от самоцензуры»³⁹.

Как партия, так и журналисты (старшие сотрудники редакции были, как правило, членами партии) с разной степенью энтузиазма и мужества вступали на неизведанную землю. Бывший редактор Southern Weekly Цзо Фан рассказал мне историю кризиса, случившегося в 1993 году, когда был опубликован материал о полицейском, который якобы стал преступником, угрожал добропорядочным гражданам, которых должен был защищать, и был убит. Лишь после выхода статьи в печать обнаружилось, что вся история — выдумка репортера. Консервативная фракция в провинциальном отделении партии, встревоженная скандалом и необузданностью журналистов, потребовала закрытия газеты до того, как она породила еще более предприимчивую Southern Metropolitan Daily.

Се Фэй, партийный секретарь областного комитета в провинции Гуандун (тезка известного кинорежиссера), используя свое членство в политбюро партии, выступал против закрытия целой газеты из-за единственной ошибки: «Если проблема вызвана конкретной статьей, мы можем наказать редакционную коллегию, не закрывая всю газету».

В Гуанчжоу я поговорил с Фань Ицзыном, который был директором Southern Daily Press Group, а затем стал профессором журналистики в Цзинаньском университете. Он слыл покровителем «нового стиля» в журналистике; стены его кабинета были увешаны добродушными шаржами на владельца.

Как раз сидя в этом просторном, неопрятном кабинете, он сообщил мне:

Southern Metropolitan Daily и Southern Weekly были созданы в условиях обострившейся конкуренции за читателей и рекламодателей. Мы хотели, чтобы газеты покупали, потому что их интересно читать, а не так, как это делают члены партии, подписываясь на партийную прессу по обязанности. Поэтому издатель должен быть уверен, что действует в гармонии с мыслями и потребностями граждан. Взять, к примеру, Farmer's Daily. Она была закрыта во время культурной революции, а мы ее воссоздали, дополнив советами по образованию

и изучению сельскохозяйственной деятельности, а также рассказами о потере земель, что в то время беспокоило фермеров. Центральное правительство хотело, чтобы фермеры получили компенсацию, но местный партийный аппарат не был в этом заинтересован. Поэтому мы продолжили писать об их заботах и тревогах и в некотором смысле контролировали процесс [получения ими компенсации]. В то время центральные партийные власти хотели быть более либеральными, чем провинциальные.

Фань особенно гордится материалом, опубликованным в *Southern Metropolitan Daily* в 2003 году, в котором рассказывалось о смерти студента в полицейском участке, — поистине, эта история по-прежнему служит источником гордости для журналистов всей группы. Подобно Уотергейтскому расследованию, успех зависел от упрямства и мужества репортеров и издателей, которые вели дотошное и в целом неприятное для публики расследование, приведшее к «счастливному» для общества (хотя и в меньшей степени для самих журналистов) исходу. Фань говорит:

Это лучшая серия репортажей, опубликованных медиагруппой. Нас в этой истории поддержала вся пресс-команда. Тогда центральное правительство в Пекине поддерживало расследования, хотя с тех пор они пересмотрели свою философию и перестали допускать подобные материалы в печать. Однако местный партийный комитет того времени ненавидел наши публикации и требовал наказать журналистов. В провинции все еще есть люди, которые ненавидят нас, и те, кто нас поддерживает; они часто противостоят. Люди, которые нас ненавидят, теперь находятся у власти. [2011]

Студента, который погиб в полицейском участке, звали Сунь Чжиган. Он был выходцем из крестьянской семьи в провинции Хубэй, к северу от Гуандуна, и приехал в Гуанчжоу, чтобы найти работу дизайнера в швейной компании. Однажды ночью его задержали полицейские, и так как у него не было с собой документов (хотя их вскоре представил его друг, у которого Сунь остановился), его отвезли в полицейский

участок, а затем отправили в изолятор «шурон». У шуранов была плохая репутация: в эти камеры полиция обычно помещала нищих, лиц без документов и просто вызывавших подозрение прохожих. Задержанных часто избивали. Спустя несколько дней, в течение которых друзья Суня не могли с ним связаться, им сообщили, что он мертв. Сотрудники Southern Metropolitan Daily, а среди них журналист по имени Чэнь Фэн, узнали об этой истории от друга Суня; Чэнь не смог добиться разъяснений от чиновников, но получил заключение судебного патологоанатома, который утверждал, что следы на теле покойного свидетельствуют о жестоком избиении в течение семидесяти двух часов, предшествовавших смерти.

Репортаж был сделан филигранно. Материал был подан в классическом (для западного читателя) ключе со всеми известными подробностями, что тем более контрастировало с молчаливостью властей. Но журналисты действовали на свой страх и риск, без официального разрешения, ведь полиция, как правило, была темой неприкосновенной, а система изоляторов предусматривалась государственной политикой. Чэн Ичжун, отважный редактор, знал о риске, на который он идет, но твердо дал журналистам добро, велел им, как и каждый редактор, столкнувшийся с проблемой публикации взрывоопасных материалов, досконально проверять факты. Заголовки публикаций были совершенно бескомпромиссными: «Смерть заключенного в шурон Сунь Чжигана»; «27-летний выпускник университета умирает через три дня после задержания полицией на улице Гуанчжоу, вскрытие показало, что погибший был избит перед смертью». Чэн предполагал, что история наделает много шума, но и он не был готов к десяткам тысяч писем, которые наводнили редакцию, свидетельствуя о ненависти, с которой многие относились к системе шуранов и к полиции в целом.

Потоки гнева, хлынувшие после публикации на общенациональном уровне, а не «только» среди 100 миллионов граждан провинции Гуандун, вынудили правительство задуматься о реформировании системы. Чэн и его коллеги не отступали: им запретили писать о гибели Суня, и поэтому они начали

публиковать статьи о других жертвах шуронов. В результате расследования было доказано, что Сунь Чжиган, накрытый одеялом, был жестоко избит группой мужчин. Спустя всего два месяца после разоблачений в газете Вэнь Цзябао, недавно назначенный премьер-министром, заставил правительство отменить систему шуронов.

Однако победа не могла остаться неомраченной. Враги газеты теперь имели еще больше оснований для ненависти, а те, кто защищал медиагруппу, теряли почву под ногами. Сначала были арестованы двое коллег Чэн Ичжуна, оба старших редактора; один из них подвергся пыткам. Затем арестовали самого Чэна, и хотя он избежал худшего, его допрашивали в течение ночи, рвали на голове волосы, если он засыпал во время допроса, и лили на него холодную воду. Тысячи журналистов, адвокатов и простых граждан подавали прошения о его освобождении, и через несколько месяцев Чэна выпустили на свободу. Одного из его коллег также выпустили из тюрьмы, а второй отбыл четырехлетний срок в заключении (срок был сокращен с одиннадцати лет согласно начальному приговору).

Чэну не позволили вернуться на прежнюю должность в газете. Вскоре он покинул Гуанчжоу и занял должность редактора китайского издания *Sports Illustrated*. С тех пор он несколько раз выступал в сетевых изданиях. В одном ироническом микроблоге Чэн пишет:

Китай великолепен... если только не придавать значения тому, что политика здесь нецивилизованная, система незрелая, отсутствует равновесие сил, а будущее неопределенное; если закрывать глаза на отказ [руководства] постулировать принцип верховенства права, на хромающее правосудие, на несправедливость в обществе и разрыв между богатыми и бедными. Китай великолепен, если вам не нужна свобода выражения, свобода совести, свобода от нищеты или свобода от террора; если вас не волнует истощение ресурсов, экологическая катастрофа и загрязнение воздуха, воды и почвы — что ж, тогда это ваш рай⁴⁰.

История Сунь Чжигана послужила водоразделом, вести о его ужасной судьбе дошли до огромного числа людей. Кинодокументалист Ай Сяомин, которая известна своими неприукрашенными рассказами о жизни в Китае, говорит, что «случай Сунь Чжигана породил много надежд на медленные, пошаговые, качественные изменения»⁴¹. Но, продолжает она, пути в журналистике, которые, казалось, помогла открыть эта история, закрылись, оставив страну в прежнем положении: «Власть изменила психологию китайцев... Я думаю, мы не должны недооценивать этот варварский тоталитаризм. Мы не должны недооценивать то, как он разъедает сердца людей. Потому что характер народа, столь долго прожившего под этой властью, стал слабым и бессильным».

Southern Metropolitan Daily продолжала публиковать острые статьи, но теперь редакция была в большей степени склонна к компромиссам. Газета богатели и становилась более консервативной: новый лозунг «В традиции — сила» ознаменовал возвращение к более умеренному стилю. К 2009 году группа по проведению расследований потеряла свою автономию и была включена в состав общей новостной редакции, репортажи и отчеты о расследованиях печатались реже. В июне 2011 года новый главный редактор, Цао Кэ, сказал, выступая перед сотрудниками редакции и журналистами:

Мне известно, что во внешнем мире люди хвалят газету за то, что она, дескать, осмеливается противостоять правительству. Нам кричат: «Какие вы молодцы!» Но мы оставляем эти комментарии без внимания. Они толкают нас в ловушку. Они разводят под газетой костер. Мы не желаем такой чести. Мы хотим устойчивого развития. Не думайте, что сотрудничество с правительством нарушает ваши журналистские принципы⁴².

Кризис в журналистике репортерских расследований углубился. Из газеты был изгнан Чан Пин, резкий критик китайского политического класса. В других изданиях многие из журналистов, поднимавших бури, были переведены на более «тихие» должности или уволены. Наиболее примечательным

стало увольнение ветерана-репортера Ван Кэциня, известного как «китайский Линкольн Стеффенс» (один из самых знаменитых журналистов-«разоблачителей» XX века). Ван расследовал целый ряд правонарушений: монопольную службу такси в Пекине, где компании подвергали своих водителей незаконным налогам за право заниматься извозом; мошенничество на фондовом рынке; захват земли фермеров для развития проектов недвижимости и наиболее известный случай — выявление небезопасной вакцины, которую вводили детям в провинции Шаньси. Ван был уволен из пекинской газеты China Economic Times вместе со своей командой журналистов и редактором, который пытался его защитить.

Увольнение нескольких вольнодумцев из гуанчжоуской медиагруппы, как из Southern Metropolitan Daily, так и из Southern Weekend, не снизило общей напряженности. В декабре 2012 года старший редактор Southern Weekend Дай Чжиюн обратился к читателям с традиционным новогодним приветствием, озаглавив его «Китайская мечта: мечта о конституционализме»; так он связал лозунг Си Цзиньпина о «китайской мечте» (подражание «американской мечте») с призывом к конституционному правительству, которое защищало бы права человека и следовало принципам разделения властей, «так чтобы люди могли выражать критику в адрес государственной власти, чтобы все мы могли жить свободной жизнью в соответствии с нашими убеждениями». Дай писал, что «мы должны перенимать уроки британского и американского конституционализма, идя в ногу с современными технологиями и цивилизацией». Главному редактору Хуан Цаню текст не понравился, он приказал изменить и сократить его с 2000 до 1000 слов. Будучи представлена в отдел пропаганды 31 декабря, статья вернулась с серьезными изменениями. Текст подписали в печать, но ночью старшие редакторы были вновь призваны на службу — вносить дальнейшие изменения. Возможно (это осталось неясным), приказ исходил от чиновников из ведомства пропаганды. В приветствии не осталось и тени прежнего смысла, если не считать смутной

ссылки на «конституционное правительство» без всяких, впрочем, рекомендаций. В центре сообщения теперь звучали слова Си Цзиньпина об «омоложении китайского народа»; Си мечтает за всех. Сяо Шу, бывший автор Southern Weekend, писал, что напряженность в редакции нарастала с мая 2012 года:

Именно тогда То Чжэнь возглавил партийную пропаганду в провинции Гуандун... От него надлежало получать одобрение на освещение основных тем и новостей, особенно в части рецензий и аналитических статей... При г-не То пресса в Гуандуне вступила в самый темный период с начала политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. Southern Weekend, символ профессионализма новостей благодаря своей относительной независимости, стала главной мишенью для нападок г-на То⁴³.

Многие сотрудники газеты прибегли к угрозе забастовкой, что было беспрецедентным шагом. Спустя несколько дней после нового года, когда сетевые сообщества (и в частности, Weibo) гудели комментариями, причем большинство комментаторов поддерживали потенциальных забастовщиков, был достигнут компромисс: правительство запретило цензуру до публикации, угроза забастовки была снята. Сяо Шу высказался осторожно: «Коренной вопрос остается нерешенным: существует ли, по сути, место для развития профессиональной журналистики в рамках системы?»⁴⁴ Говоря на условиях анонимности, бывший сотрудник газеты сказал мне, что журналистские расследования — это неоднозначное явление.

С одной стороны, журналистские расследования прогрессивны в том смысле, что могут привести к социальным изменениям, пусть даже на низовом уровне и в местном масштабе. Например, при расследовании случаев заболевания СПИДом в одном китайском селении сообщения в средствах массовой информации действительно привели к улучшению условий жизни сельских жителей, улучшению качества медицинской помощи больным СПИДом, улучшению социального порядка в деревне и работы местных властей. Но, с другой стороны, рассматриваемый случай продемонстрировал

консервативную сторону китайской журналистики расследований. Критерии оценки «хорошей журналистики» определяются партийным государством. Именно власти обладают полномочиями социального, морального и политического судьи, и в результате наказанию подвергаются относительно слабые (например, торговцы кровью в деле о больных СПИДом), тогда как могущественное правительство избегает всякой ответственности... В этом ограниченном пространстве «критических репортажей», как говорят китайцы, «охотятся на мух», но не смеют «бить тигров».

Логика положения репортеров, желающих заниматься расследованиями, ведет их от чистой журналистики к гражданской активности или, точнее, к гражданской деятельности, смешанной с журналистикой. Сяо Шу отмечает:

Журналисты способны действовать на двух уровнях. Один из них — публикация в традиционных СМИ. «Добивайтесь перемен посредством публикаций», — так считали наши предшественники и китайские интеллектуалы старого поколения. Но есть и другой уровень. Чтобы проникнуть в реальность, нужно спуститься с уровня абстрактных речей и идей. Необходимо действовать непосредственно. От «перемен посредством публикаций» к «переменам через действие» — таков важный сдвиг в мышлении о роли журналиста в гражданском обществе⁴⁵.

Сяо Шу встал во главе движения журналистов. Бывший репортер Southern Weekend Ши Фэйкэ поддержала его призыв, определив граждански активных журналистов как профессионалов, которые сотрудничают с традиционными средствами массовой информации, но при этом готовы участвовать в жизни страны и оказывать влияние на общество. Многие из журналистов, тяготеющих к общественной деятельности, это выходцы из сельских мест, первые из своих семей, кто получил университетское образование. Раньше журналисты в Southern Metropolitan Daily и Southern Weekend, сказал мне анонимный собеседник,

утверждали, что они в первую очередь граждане и лишь во вторую — журналисты, подразумевая, что они по-прежнему тесно связаны с китайским обществом, его развитием и противоречиями, сотрудничая в качестве профессионалов со средствами массовой информации, но и выступая за людей, оказавшихся на обочине жизни, выявляя социальную несправедливость и рагуя за демократию. <...> Эти репортажи снижали журналистам Southern Weekend высокую репутацию в китайском обществе — газету называли «совестью китайских СМИ». Однако золотой период оказался скоротечным.

Китайские руководители определяют ответственность как подчинение мудрости партии, но ответственность, которая делает журналистику эффективной и обосновывает ее свободу, — это ответственность перед дисциплиной правдоискательства; журналистика — это средство, благодаря которому возможен рассказ о реальности и культивирование различных мнений. Китайской журналистике, притом что она сильно изменилась за десятилетия с конца 1970-х гг., позволили увидеть, чего способна достичь относительно свободная профессия, а в некоторых случаях, например, в Гуанчжоу, репортерам было разрешено заниматься своим делом вполне свободно. Мастерство и смелость многих китайских журналистов очевидны для всех, кто встречается и общается с ними; их репортажи, статьи и передачи могут изменить мир. Но всему свое время.

Глава 2

«Египтяне больше не потерпят диктатуру»

Журналистика на Ближнем Востоке находится под сильной опекой государственной власти и исламской доктрины. Из ближневосточных стран только в Израиле конкурентная демократическая система — по-прежнему устойчивая, хотя и все более подвергающаяся воздействию полярных сил — формирует политическое руководство. Демократичность избирательных процедур в Турции, достигшая относительно высокого уровня, резко снизилась после провала июльского переворота 2016 года, чему способствовала с трудом доставшаяся Эрдогану победа на референдуме в апреле 2017 года, целью которого было усиление президентской власти. После попытки переворота ордера на арест были выданы в отношении тысяч предполагаемых противников правящей Партии справедливости и развития (или АКР, как ее часто обозначают на турецком языке согласно аббревиатуре), в число которых попали более ста журналистов и 131 издание СМИ, подозреваемые в связях с Фетхуллахом Гюленом, священнослужителем, ранее близко связанным с президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом. С 2013 года Гюлен, проживающий в добровольном изгнании в Пенсильвании, стал злейшим врагом турецкого руководителя.

Парламентам и новым авторитарным лидерам в Тунисе и Ливии (последние действовали гораздо более жесткими методами, чем тунисцы) так и не удалось надежно закрепить за собой власть, перешедшую к ним от диктаторов в результате «арабской весны». В Египте, за исключением короткого периода (2012–2013 гг.), военные находились у власти со времени государственного переворота 1952 года, когда пост президента занял Гамаль Абдель Насер.

Почти повсеместно на Ближнем Востоке нормой была пассивность журналистов, зачастую граничащая с подневольностью. Пытливый, инициативный журналист, уроженец Ближнего Востока, работающий в местном новостном агентстве и беспристрастно ищущий правду, — фигура очень редкая. На то есть «веские» причины: бессмысленность инициативной журналистики в условиях, когда до публикации доходят только материалы, санкционированные свыше; отсутствие традиции независимой журналистики и скептическое, порой враждебное, отношение исламских властей к журналистике. В силу политики и действий государства, партий и мусульманского духовенства журналистская деятельность приобрела характер рабологии.

В сентябре 2007 года духовный руководитель влиятельного университета Аль-Азхар в Каире, шейх Мухаммад Саид Тантави, выступил перед президентом Мубараком с речью, в которой призвал, ссылаясь на волю Аллаха, назначить всем клеветникам наказание в виде восьмидесяти ударов плетью¹. Египетский союз журналистов выразил протест, на что шейх Тантави возразил, что ничего не говорил специально о журналистах, а только о воле Аллаха и не его вина, если журналисты нарушают его законы.

В странах Ближнего Востока журналистов наказывали и наказывают плетью. Журналистка Розанна аль-Ями, работавшая в Саудовской Аравии на транслируемом в Ливане шоу, во время которого мужчина (тоже саудит) демонстрировал игрушки для секса и обсуждал свою сексуальную жизнь, была приговорена к шестидесяти ударам плетью (мужчина был приговорен к тысяче ударам плетью и пяти годам заключения)². В июле 2014 года иранскую журналистку и блогера Марзи Расули, писавшую об искусстве и культуре, приговорили к пятидесяти ударам плетью и двум годам лишения свободы за антигосударственную пропаганду — в ее случае за сотрудничество с персидской службой Би-би-си. Любну Ахмед аль-Хусейн, журналистку, работавшую в отделе средств массовой информации миссии ООН в Судане, арестовали

вместе с еще двенадцатью женщинами, причем не за какие-то «журналистские проступки», а за ношение брюк — преступление, заключающееся в непристойном поведении на публике, предусматривающее сорок ударов плетью и штраф³. Другие двенадцать женщин признали вину и получили по десять ударов плетью. Ей было предложено помилование на основании иммунитета сотрудника ООН, но аль-Хусейн отказалась, утверждая, что речь в обвинении идет, по сути, «не о религии, а о жестоком обращении с женщинами». Давление на Судан способствовало внесению изменений в законодательство, и дело было прекращено.

В 1993 году американский журналист Лоуренс Райт, позднее написавший захватывающее повествование о зарождении исламского терроризма⁴, провел три месяца в Джидде, обучая журналистов местной англоязычной *Saudi Gazette*. Он приехал в королевство с надеждами на перемены: «Мне казалось, что за закрытыми воротами саудовского общества происходит социальная революция. Я считал, что при определенной поддержке журналисты могут стимулировать изменения»⁵. Но время, проведенное в *Saudi Gazette*, оказалось полно разочарований: женщины-репортеры были изолированы либо изолировали себя сами от коллег-мужчин и мало рассказывали о важном; родственники разветвленной королевской семьи и, конечно же, сами члены семьи были неприкосновенны для критики и закона; журналистские публикации, как и разговоры в редакции, были посвящены в основном теориям заговора, в которых роли главных злодеев отводились евреям и американцам. Журналистика была скорее средством создания современных «пьес моралите», нежели средством описания событий.

Одной из основных причин разочарования стала реакция его коллег по газете на пожар в школе для девочек в Мекке, на расстоянии всего 40 миль от Джидды, во время которого погибли пятнадцать девочек и многие получили ожоги и ранения. Двери были заперты, и, согласно сообщениям с места происшествия, религиозная полиция остановила людей,

собиравшихся тушить огонь, так как девочки не успели надеть свои абайи — длинные свободные платья, покрывающие все тело. Общественное негодование было настолько сильным, что сначала правительство разрешило возмущенные комментарии, а затем резко их прекратило. В первую годовщину трагедии Райт побуждал своих репортеров раскрыть факты трагедии, но его усилиям воспрепятствовали. Он поручил женщине-репортеру поглубже изучить события того дня; она проявила заинтересованность, но, вернувшись, сказала, что это очень мрачная и тягостная история, подробности которой нельзя разглашать, и отказалась продолжать. «Все меняется к лучшему», — заявила она Райту.

Обстоятельства, которые бы стали стимулом для западного репортера — подозрение властей в умалчивании, — оказывали обратное действие. Многие из репортеров-мужчин работали вяло или вовсе оставили без внимания эту трагедию, а написанные ими шаблонные статьи полностью вписывались в установленные рамки. Во время пребывания Райта в Саудовской Аравии произошло вторжение США и Великобритании в Ирак, и пресса была неустанно занята «темой... двух целей американской империи — нефть и убийства». Впоследствии всем главным редакторам было выслано распоряжение правительства о необходимости снизить градус антиамериканской риторики. Все отреагировали мгновенно. Один из редакторов, друг Райта, поведал ему о полученном редакторами приказе: «Больше никаких фотографий мертвых детей. И не называйте это вторжением».

Угроза со стороны государства взрастила в этой части света культуру осторожности, равнодушия и самоцензуры. «На Ближнем Востоке очень печальная ситуация со свободой печати», — сообщал журнал *The Economist* в марте 2011 года, по мере того как «арабская весна» набирала силу. «...Во время недавних протестов журналисты подвергались преследованию со стороны силовых служб и лишались свободы в Алжире, Египте, Ираке, Йемене и других странах»⁶. В масштабном международном опросе 601 арабского журналиста

цитируются слова анонимного журналиста, арестованного за свою деятельность: «Это была очень незамысловатая новость местного масштаба [послужившая основой для обвинения]. Что же будет, если я стану писать о политике или политических проблемах, и что будет, если я выскажусь о терроризме, военных вопросах или проблемах безопасности, о действительно серьезных вопросах журналистики?»⁷

При этом опрос показал, что многие респонденты считали себя приверженными идеям социальных и политических изменений и защиты прав человека, выражали готовность решительно защищать свой народ и культуру, были не чужды светского образа жизни и полагали, что объективность можно сочетать с активной поддержкой политических и экономических реформ. Желание защищать страну и культуру, повсеместно одобряемое правителями, имело, кажется, первостепенное значение для участников опроса. Ибрагим Хамиди, сириец, живущий в Лондоне и пишущий для панарабской газеты Al-Nayat: «Я не гоняюсь за сенсациями, так как знаю, что многие сенсации могут нанести стране ущерб. Возможно, я не объективен, но это та страна, в которой вы живете, и это действительно важнее, чем ваша работа. *Приоритетом* выступает безопасность вашей страны» (курсив мой. — Дж. Л.).

Арабские средства массовой информации часто сравнивают — не в их пользу — с новостными службами Израиля и сопредельных государств: наиболее настойчивы в этом израильские политики и официальные лица, стремящиеся подчеркнуть культурные и политические различия между арабскими странами и Израилем. Чаще всех за последнее десятилетие этой темы касался израильский араб по имени Халед Абу Тоамех, начавший свою карьеру в середине 1980-х гг. в Иерусалиме, в газете Организации освобождения Палестины (ООП) под названием Al Fajr («Рассвет»), редакционную политику которой определял Ясир Арафат. Уже позднее, будучи в изгнании в Тунисе, Тоамех писал: «По собственной воле я не мог написать ни слова»⁸.

Тоамех перешел на другую сторону, нашел место в израильской газете *The Jerusalem Post*, одновременно работая продюсером для американского канала NBC и сотрудничая с американским Институтом Гейтстоуна. «Арабские диктаторы, — писал он, — считают СМИ слугами и рупорами своих режимов. В арабском мире, если вы независимый журналист или критикуете режим, то вас клеймят как предателя»⁹.

В октябре 2011 года он написал о популярном палестинском сатирическом телешоу *Watan al Watar* («Родина на поводке»), подвергшемся давлению со стороны спецслужб Палестинской национальной администрации (ПНА), профсоюза полиции и госслужащих ПНА, которых высмеивали в программе (в случае с полицией речь шла о сценке с участием пьяных полицейских, проверяющих автомобилиста на наличие признаков опьянения)¹⁰. Представитель полиции заявил, что «мы поддерживаем критику и свободу слова, но только в позитивном ключе»¹¹.

В 2010 году я говорил с журналистом из Иордании, уроженцем Сирии Манаром Рахвани, работавшим тогда редактором отдела культуры ежедневной газеты *Al Ghad*, которую он назвал «самой либеральной» в стране. Он нарисовал мрачную картину:

У нас нет гражданского общества. Поэтому проблема большинства арабских журналистов заключается в самоцензуре: если, вопреки воле властей, переступить красную линию, то вы вряд ли дождетесь поддержки от гражданского общества. Чтобы показать, что вы на правильной стороне, вам следует заявлять о поддержке политики в отдельных областях — даже если вы не верите в такую политику.

В 2003 году ситуация улучшилась, по крайней мере, здесь: президент Буш решил поддержать демократию. Но с тех пор возможности опять сузились. Красные линии очерчивают все; о ряде вещей можно писать исключительно хвалебные тексты — королевская власть; армия; разведывательные службы. О чем мы будем писать, если Израиль исчезнет? Мы подготовили материал о коррумпированном высокопоставленном чиновнике.

Чиновник вызвал руководителя газеты и сказал: «Вам не следует публиковать этот материал. Если вы это сделаете, мы обложим вас налогами, которые вы обязаны выплатить, но не выплачиваете». Мы ничего не опубликовали.

Ливан, долгое время наиболее лояльный к свободе печати из арабских государств Ближнего Востока, в годы сирийского конфликта пострадал от притока более миллиона беженцев (существенный прирост для страны с населением пять миллионов)¹². Страна, по словам журналистки Сахар Мандур, «на всех уровнях переживает очень тревожное время», а «в средствах массовой информации по-прежнему совершаются сделки с совестью».

Смысл сказанного Мандур иллюстрируют знаменательные события 2012 года, хроникером которых ей случилось стать¹³. Сформировавшееся после гражданской войны в Ливане правительство Рафика Харири, богатого суннитского политика (убитого «Хезболлой» в 2005 году), привело к либерализации как экономики, так и общества, в том числе половых отношений. Страна была чуть ли не единственной в арабском мире, где допускались однополые отношения (хотя терпимость и была хрупкой). В средствах массовой информации, особенно в телевизионных ток-шоу, начали обсуждать такие темы, как гомосексуальность, добрачный секс и изнасилование в браке, часто со словами осуждения или защиты со стороны религиозного или светского лица консервативных взглядов в заключение шоу.

В июле 2012 года репортер канала MTV тайно снял молодых людей, занимающихся сексом на площади Кино в Бейруте. Видеокадры с участием мужчин, которых репортер заманил в туалет, транслировались на канале в шоу под названием «Ты свободен». Ведущий шоу Джо Маалуф выразил отвращение к показанному в видео и призвал мусульманских и христианских деятелей осудить участников, а полицейских — арестовать их. Вскоре были арестованы тридцать шесть человек, обвиненных в том, что они предавались «извращенному сексу».

Вплоть до настоящего времени такая ситуация была вполне привычной для Ближнего Востока. Но в рассматриваемом случае на помощь мужчинам пришли многие работники ливанского телевидения — при этом большинство каналов были привержены тем или иным профессиональным и политическим группам. Ливанская международная вещательная корпорация, первая в стране частная сеть и самая популярная, вышла в эфир с комментарием, осуждавшим провокацию со стороны MTV. Такую позицию широко поддержали в социальных сетях и ряде газет; канал MTV, оказавшись в центре антигомофобной реакции, оправдывался тем, что всегда придерживался либеральной политики.

Но приверженцам либеральных взглядов рано было праздновать победу. В апреле 2013 года в облаву в ночном клубе для геев в Дикване, пригороде Бейрута, грубо вмешался мэр Дикване, руководивший процессом раздевания арестованных и принудительной симуляции сексуальных действий. Поведение мэра вызвало всплеск негодования в социальных сетях, но в этом случае правительство поддержало мэра, заявив о том, что Ливан выступает против гомосексуализма. Публично возразить могущественному и имеющему большие связи мэру никто не решился.

Через два года после происшествия на площади Кино я спросил Мандур, не было ли чрезмерно оптимистичным считать его последствия прорывом. Она отчасти согласилась со мной: «Хозяевами положения, конечно же, остаются консервативная профессиональная власть и консервативная аудитория, но происходят и прогрессивные события: в начале этого года благодаря альянсу активисток феминистского движения и прогрессивных журналистов и под давлением общества парламенту был «навязан» закон, защищающий женщин от домашнего насилия. То есть СМИ все еще сохраняют хрупкое равновесие между прогрессивными и консервативными элементами».

Использование Facebook и Twitter для организации демонстраций, как это было в Иране, распространение фотографий

мученически погибших юнцов, например, в Тунисе и Египте, где молодые люди в ходе протестов приносили себя в жертву, — все это послужило основой для подхваченного СМИ термина «фейсбучная революция»; и относительная легкость, с которой молодежь на Ближнем Востоке приспосабливается к новым технологиям, и недоверие или ненависть, с которыми старейшины, особенно религиозные старейшины, принимают эти технологии, — все благоприятствовало возникновению эйфорического чувства, будто цифровые коммуникации заменят традиционную политическую борьбу.

Основатель WikiLeaks Джулиан Ассанж, связав воедино восстания в арабском мире с протестами против мер строгой экономии на Западе, писал, что «интернет стремительно трансформировался из бездушного средства коммуникации в демос — людей с общей культурой, общими ценностями и общими стремлениями. Интернет превратился в место, где вершится история, место, с которым люди себя отождествляют и даже считают местом своего происхождения»¹⁴.

Ассанж, революционер социально-технологического извода, разделяет эти утопические взгляды с технологическими хозяевами вселенной, в остальном им презираемыми: в книге «Новый цифровой мир» основатель Google Эрик Шмидт и бывший советник администрации США, впоследствии руководитель [технологического инкубатора] Google Ideas Джаред Козн писали, что «на мировой арене наиболее существенным последствием распространения коммуникационных технологий будет помощь в отведении основных властных полномочий от институтов и их передаче отдельным гражданам»¹⁵. Козн избежал упоминания о том, что технологии вложили в руки коммуникационных корпораций Кремниевой долины огромную власть и богатства.

Наиболее обоснованные возражения против идеализации социальных сетей выразил Евгений Морозов, который называл технооптимистов как в корпорациях, так и в политике «матерыми и искушенными деятелями, которым следовало бы подучиться»¹⁶. Эти дельцы, считает Морозов, не сильно

расстроились из-за того, что не все авторитарные государства последовали за Советским Союзом на свалку истории: «Идею о том, что интернет благоприятствует угнетенному, а не угнетателю, портит то, что я называю киберутопизмом: наивной верой в освободительный характер интернет-коммуникаций, основанной на упорном отказе признавать их отрицательные стороны».

Британский писатель Джеймс Харкин, написавший множество превосходных репортажей о сирийском конфликте, признает наличие недостатков современных технологий, но также делает упор на их положительные моменты, обращаясь при этом к собственному опыту. Он говорит, что «техно-оптимизм» может внушать абсурдные надежды: в сентябре 2011 года в критической реплике на выступление специалиста по СМИ Клэя Ширки, высказывавшегося против «техно-оптимизма», Харкин сказал, что Ширки «приравнял свободу писать посты в фейсбуке к реальным и основополагающим свободам, таким как свобода слова и свобода объединения»¹⁷. Он повторил эти критические замечания в эссе, написанном в 2013 году, одновременно упомянув, что сирийские оппозиционеры широко использовали Facebook и Twitter для организации демонстраций и быстрой загрузки в YouTube видео, снятых на мобильные телефоны; вместе с тем «нет сомнений в том, что феномен массовой активности в новом медиапространстве стал настоящим подарком для иностранных журналистов, таких как я. За последние несколько лет в периоды между поездками в регион я взял посредством Facebook, Skype и других платформ для сетевого общения несколько сотен интервью у сирийских источников и активистов»¹⁸.

Социальные сети организуют и соединяют; они становятся местом притяжения волн одобрения или неодобрения, исходящих от множества людей; они позволяют ощутить принадлежность к сообществу единомышленников; они также изобличают. В декабре 2012 года тунисский блогер Олфа Рихи опубликовала запись, в которой предала огласке счета за проживание министра иностранных дел Рафика Абдессалема

в тунисском отеле Sheraton. Из документов следовало, что министр остановился в роскошном номере за счет правительства, предположительно для внебрачной связи, и эти разоблачения послужили началом серьезных разногласий внутри правящей коалиции¹⁹. Риахи не была настроена воинственно — она позиционировала себя как журналист, занимающийся расследованиями, в основном изучением коммерческой деятельности сторонников смещенного президента Зина аль-Абидина Бен Али. Но на этот раз она наступила на мозоль слишком влиятельного лица... и подверглась нападкам со стороны жертвы, министра иностранных дел; ей запретили выезжать и обвинили в клевете, однако ее пригласили к себе институты и университеты США, предоставившие ей защиту. Риахи считает своей миссией попытку предотвратить посредством разоблачительных статей «приход к власти новых мошенников вместо старых»²⁰.

Многие тунисцы считают, даже без посредничества чрезмерно пылких американских политиков или поклонников интернета, что социальные сети сыграли важную роль в свержении Бен Али. Распространение через Facebook фотографий принесения себя в жертву Мохаммеда Буазизи — молодого уличного торговца из провинциального города, совершившего самосожжение в знак протеста против конфискации представителями власти его тележки и продукции, — наэлектризовало тунисское общество. После размещения видео с Буазизи число пользователей Facebook за неделю увеличилось на несколько сотен тысяч человек²¹, а возле посольства Саудовской Аравии была установлена ростовая фотография Марка Цукерберга.

В Саудовской Аравии, где действующая власть кажется пока еще достаточно прочной, беззубую, апатичную журналистику, с которой столкнулся Лоуренс Райт, начинают обходить с разных сторон. Серость санкционированных государством СМИ подтолкнула саудовцев к использованию YouTube, Twitter и Facebook. YouTube, в котором саудовцы просматривают в среднем по семь видео в день, стал платформой для

новых средств массовой информации, таких как UTURN Entertainment, которое охватывает весь диапазон — от религиозных передач до романтических мелодрам. Twitter проник в саудовское общество глубже, чем в какое-либо другое, а Facebook пользуются восемь миллионов человек (при населении численностью тридцать один миллион)²². Самые популярные микроблоги в Twitter — религиозные; 87% (в основном молодых) пользователей социальных сетей составляют мужчины, а джихадисты используют социальные сети при вербовке новобранцев для своих кровавых дел.

Власти Саудовской Аравии сохраняют бдительность: в июне 2014 года по закону о киберпреступлениях к семи годам заключения был приговорен Фаузан аль-Харби — за распространение информации, «причиняющей ущерб общественному порядку... в том числе за отождествление Саудовской Аравии с полицейским государством» (еще одно заключение «министерства правды») ²³. Аль-Харби — один из основателей Саудовской ассоциации гражданских и политических прав — более года подвергался преследованиям со стороны полиции, а затем был осужден (вот еще один аргумент в пользу тезиса Морозова о том, что социальные сети расширяют возможности власти). Но то, что аль-Харби доносил свои мысли и мнения до сетевого сообщества (хотя они и терялись среди любовных и развлекательных историй, которыми заполнены соцсети), показывает, что принцам, соперничающим за власть в позолоченных дворцах, следует считаться с новой силой, которую используют и молодежь, и джихадисты.

Самая известная газета арабского мира, каирская Al-Ahram («Пирамиды»), была всецело предана президенту Египта Хосни Мубараку, вплоть до готовности лгать в его интересах. В условиях критики со стороны «отбившейся от рук» прессы и спутниковых каналов, запущенных в последние годы его правления, и учитывая события 2010 года, пошатнувшие власть президента, газета отредактировала фотографию, снятую во время переговоров о мире на Ближнем Востоке, состоявшихся в Шарм-эш-Шейхе в сентябре 2010 года.

На снимке на первом плане показан Мубарак, возглавляющий группу лидеров, среди которых фигурируют президент США Барак Обама, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, Махмуд Аббас, глава Палестинской автономии, и король Иордании Абдалла II. На самом деле на фотографии, какой она была до редактирования, Мубарак находится на пару шагов позади всех остальных и выглядит весьма неуклюже. В газете все еще царит советская установка на приукрашивание, но молодые подданные президента, живущие в социальных сетях, разоблачили подделку, что вызвало всеобщее презрение.

4 мая того же года редактор газеты Усама Сарая назвал восемьдесят второй день рождения президента «днем, когда родился Египет». Газета оставалась верна Мубараку, даже когда растущие толпы заполняли улицы Каира и других египетских городов... вплоть до 11 февраля 2011 года, когда президент подал в отставку. На следующий день заголовок на первой странице Al-Ahram гласил: «Народ опрокинул режим». Другие заголовки заявляли: «Молодежь Египта вынудила Мубарака уйти», и даже в специальном приложении рядом с молодым человеком, размахивающим египетским флагом, красовалась красная надпись: «Мы победили». Этот случай стал ярким примером гибкости, которой должна обладать египетская газета, чтобы занять правильную позицию на стороне государственной власти. Случай служит также демонстрацией того, насколько глубоко была интегрирована с государством самая известная в стране газета, каковой она остается и сегодня при другом президенте²⁴.

Египетские газеты переживали расцвет со второй половины XIX века, в основном благодаря националистической риторике, к чему британские хозяева относились терпимо, не придавая этому особого значения²⁵. Многие европейские информационные агентства открыли представительства в городе, предоставлявшем иностранцам привилегии и льготы, в том числе по законодательству о цензуре. Египетская журналистика была самой свободной и кипучей на Ближнем

Востоке (по крайней мере, «частично свободной»). Она была, несомненно, свободнее по сравнению с периодом после 1952 года, когда в Египте начали сменять друг друга правительства с преобладанием военных. Когда в июле 1952 года к власти пришла военная хунта во главе с генералом Мохаммедом Нагибом, ее приветствовало население, давно не жившее при стабильном и непорочном правительстве и увидевшее «идеал нового египтянина» в «молодых офицерах из окружения Нагиба — четко выражающих свои мысли солдатах, лишенных чужеземного притворства»²⁶.

Так начался современный, весьма мрачный период египетской политики. Военнослужащие, руководившие Египтом практически непрерывно с начала 50-х гг., считали себя и государство, которым они управляли, единственным арбитром, способным судить о журналистике. Иногда они ослабляли вожжи, предоставляя журналистам определенную свободу, что было тактическим приемом, призванным удержать на своей стороне интеллигенцию или произвести впечатление с 70-х гг. на иностранцев — на либеральных американцев. Но новостные СМИ оставались привилегированными рабами, отголосками, а не голосами, предназначенными для прославления вождя и его политики — и для лжи, если прикажут.

Ближневосточные режимы многим обязаны советскому коммунизму — стилем и методами руководства, если и не самой сутью; независимые газеты закрывались, основывались новые, поддерживающие режим газеты, а вскоре все СМИ стали частью государства, где «из радиоприемника раздавался один-единственный мягкий голос, в котором тонула прежняя какофония дебатов»²⁷.

Гамаль Абдель Насер, ставший президентом после офицерского восстания 1952 года, был серьезным и амбициозным политиком — он стремился создать в Египте социалистическое общество и объединить арабов. Для этих целей должен был звучать только один голос — голос лидера; плюрализм мнений, существовавший до революции военных, создавал

бы впечатление, что имеются правомерные сомнения в отношении истинности избранного курса.

Насер зарекомендовал себя приверженцем черных технологий в манипулировании общественным мнением. Первый президент, генерал Нагиб, был уважаемым военачальником, планировавшим свергнуть нерешительное правительство, стабилизировать страну, а затем в течение нескольких лет вернуть ее в русло конституционной демократии. Насер и его более радикальные соратники выступали против; самоустранившись после чересчур поспешной попытки сместить Нагиба, они перегруппировались с целью возвысить Насера, вскоре вытеснившего Нагиба с поста президента. Журналистка Рания Салех, изучавшая практику использования фотографий и карикатур во времена Насера, сказала мне, что «Насер [будучи премьер-министром при Нагибе, президенте до его свержения в 1954 году], полностью контролировавший министерство информации, добился того, чтобы на официальных фотографиях он выглядел крупнее Нагиба. Для страны, где многие люди не умели толком читать, это служило мощным сигналом». Рания, подобно многим молодым и либерально настроенным египтянам, обрадовалась перевороту (еще не завершённому на момент нашей беседы летом 2013 года), приведшему к свержению избранного от «Братьев-мусульман» президента Мухаммеда Мурси. Но, по ее словам, она рассмеялась, увидев в руках демонстрантов транспаранты с надписью «Долой власть военных!» и тут же — портреты Насера.

Нагиб Махфуз — один из двух (вместе с Аля аль-Асуани) выдающихся египетских романистов XX века — закончил свою «каирскую трилогию» незадолго до революции 1952 года: она была издана частями газетой Al-Ahram в 1959 году. Шесть лет спустя он написал роман «Дети нашей улицы», в публикации которого ему отказывали в течение пятидесяти лет, в основном из-за выдвинутых против него обвинений в богохульстве (в 1994 году нож напавшего на Махфуза исламистского фанатика повредил ему шейные нервные окончания, сократив творческое время писателя до небольших

промежутков времени, когда боль отступала). Популярность и известность служили Махфузу защитой, позволяя критиковать режим Насера, хотя он и расхваливал его за национализацию Суэцкого канала, усматривая в этом признак великого лидера. В отличие от Махфуза, Соналлах Ибрагим, написавший роман «Этот запах», в основу которого легло пятилетнее тюремное заключение автора за деятельность в коммунистической партии, прекрасно осознавал, что его книга была запрещена из-за откровенного рассказа о пытках и отвратительных условиях содержания в египетских тюрьмах.

Самия Мехрез, преподаватель современной арабской литературы в каирском Американском университете, сказала в интервью египетскому журналисту Абдаллаху Хасану (с которым я работал в Египте), что подлинная самостоятельность мышления встречается редко: «Мы не можем начать разговор о независимом литературном поле, поскольку большинство, если не все наши писатели... работали в государственном культурном аппарате»²⁸. Насер использовал радио и новые телевизионные средства, как и массовые митинги, с целью распространить свою идеологию единства и справедливости в арабских странах и Египте. «Он был Робом Роем и Робин Гудом, — пишет корреспондент *The Economist* Макс Роденбек. — Вот раййис [или раис: лидер, президент] в кинохронике... дергает за хвост британского льва, национализируя Суэцкий канал. Видите, как он отстаивает права маленького человека, открывает школы, выдает дипломы, работает на независимость и единство в арабском мире»²⁹. Захват средств массовой информации оказался действенным: голос вождя отдавал приказы и заверял массы в сильной, стабильной власти военных — теперь, шестьдесят лет спустя, это стремятся сделать вновь.

Шестидневная война 1967 года, в которой армии арабских стран проиграли уступающей им по численности армии Израиля, сражавшейся за выживание нации, фактически положила конец планам объединения арабов. В те дни в начале июня египетские СМИ выдавали целый поток небылиц — об

окружении израильских армий, о сбитых израильских боевых самолетах, разбомбленных аэродромах, затопленном израильском линкоре, о Тель-Авиве как о следующей остановке для победоносной египетской армии. Совершенно неожиданно поток победных реляций иссяк, и в эфире прозвучали слова президента: «Мы не можем утаивать от себя то [правду под толстым слоем вымысла утаивали не “мы от себя”, а он, президент, от легковерного населения], что в течение последних нескольких дней нас постигла ужасная неудача». Он взял ответственность на себя, сообщил народу о готовности подать в отставку и был вознагражден волной общественного возбуждения и призывами остаться у власти.

Сразу после отмены Насером своего решения об отставке египетское общество ненадолго захлестнул другой поток, на этот раз гнева — очень опасного. Одной из самых известных его жертв стал поэт и певец Ахмед Фуад Негм, «народный поэт»³⁰. После поражения 1967 года Негм написал стихотворение под названием «Самобичевание в горе», которое заканчивается словами: «Что с того, что мы бежали в Акабе / Или на Синае? / Может ли разгром заставить нас забыть / О том, что мы “свободны”?» За иронию он заработал в общей сложности восемнадцать лет тюремного заключения при Насере и его преемнике Анваре Садате. Решив остаться, кающийся президент Насер должен был показать египтянам, насколько жестки рамки его покаяния.

В недолгий исторический период, заполненный яростью от поражения 1967 года, один из лозунгов, которые студенты писали на стенах, гласил: «Остановите лживую прессу Хейкала!»; эта фраза вывела на общественную сцену человека, отбрасывавшего в течение десятилетий столь же длинную тень на египетскую политику и журналистику, как и его хозяин, Насер. Мухаммед Хейкал — приближенный Насера, главный автор и редактор газеты Al-Ahram, ставшей в Египте основным источником новостей, мнений и президентской идеологии, — тесно сотрудничал с Насером в фабрикации военных успехов в те дни, когда египетских солдат тысячами

захватывали в плен или убивали. Он не попал в тюрьму, а продолжал жить в довольстве даже после установления режима четвертого военного диктатора, ас-Сиси, чей приход к власти Хейкал приветствовал. «Лживая пресса» господствовала в период Насера отчасти благодаря профессиональному мастерству и интеллекту Хейкала, но в основном (поскольку множество профессиональных и умных журналистов гнили в тюрьмах) благодаря его близости к Насеру.

Отдавая дань объему выработанного им словесного материала, Хейкала иногда называют соправителем Насера. Он возвысился до руководства самой важной газетой арабского мира в период, когда почти все редакторы некогда относительно свободной прессы были уволены и/или заключены в тюрьму. Временной интервал его влияния огромен и продлился до середины 2010-х годов. Он написал речь Насера с заявлением об отставке после поражения египетской армии от Израиля в войне 1967 года, его перу приписывается речь (доказательства отсутствуют, а сам он высказался на этот счет неоднозначно), с помощью которой ас-Сиси восстановил власть военных в 2013 году, чуть менее полувека спустя. Со времен Насера его множество раз вызывали на длительные беседы с действующим правителем. Он сыграл определяющую роль в ближневосточной журналистике: служение верховной власти он считал успехом. Мало кто из журналистов мог надеяться достичь высот, покорившихся ему за годы служения, но его пример убеждает журналиста в одном: профессия журналиста — подчиняться.

В своих мемуарах «Год конфликта» Хейкал пишет о десятичасовом совещании с Насером 9 июня 1967 года, когда президент получил телефонный отчет командующего вооруженными силами фельдмаршала Абделя Хакима Амера: «Израильские войска пересекли Суэцкий канал и направляются в Египет»³¹. Это служило окончательным подтверждением тому, что война безнадежно проиграна. Двое мужчин, уединившись во время катастрофического поражения, потратили некоторое время на журналистское задание: подобрать

правильные слова для сообщения о поражении — так редактор таблоида в попытке привлечь внимание к газетному киоску может мучиться над несколькими словами броского заголовка на первой странице.

По словам Хейкала, Насер придавал готовящемуся сообщению огромное значение, утверждая, что хочет оставить своему преемнику возможность восстановить вооруженные силы и подготовить их к новой войне с израильянами и не хочет расстраивать Советский Союз, поставлявший вооружение египетской армии. Они прошлись по списку возможных терминов: «хазима» (поражение), «садмах» (потрясение), «каритха» (катастрофа) и даже диалектное слово «накба» (также катастрофа), которое использовали палестинцы для описания результатов войны 1948 года, закончившейся депортацией из Израиля около 700 000 арабов. Предложение Хейкала стало шедевром замалчивания: «накса» — неудача — вот слово, произнесенное Насером в эфире.

В демократических странах, где журналистские и политические профессии предпочитают не смешивать, журналисты пишут (чаще всего втайне) проекты выступлений для политиков, которых они поддерживают или которыми восхищаются, и то обычно о вопросах, по которым журналисты обладают четким представлением и экспертными знаниями, или для объявления одобряемой ими, журналистами, программы действий. В случае Хейкала, напротив, его отношения с правителями Египта были не просто открытыми, а громогласными, воспринимались как первопричина влияния и высокого общественного положения Хейкала и не доставляли ни журналисту, ни политикам никаких неудобств: предполагалось, что именно так должен поступать главный египетский журналист в подтверждение своего мастерства и патриотизма.

В интервью, данном в июле 2012 года, Хейкал пытается испытать на прочность новое правительство «Братьев-мусульман»³². Он сказал, что президенту Мухаммеду Мурси следует «дать шанс», но добавил, опять же пророчески, что «проблемы современного мира слишком сложны, чтобы их можно

было решить с религиозных позиций, откуда все видится черным или белым, раем или адом, и поэтому я сомневаюсь в их успехе, но таков выбор большинства на данный момент». Когда Мурси свергли, он признал избрание фельдмаршала ас-Сиси правильным политическим выбором, поскольку его военное прошлое будет полезно Египту, хотя в интервью отрицал, что он советник новой власти: «Не надо представлять меня человеком на все времена».

В Египте, на Ближнем Востоке, и во многих уголках мира Хейкал после смерти, наступившей в феврале 2016 года, был признан мудрецом. И все же Хейкал служит плохим примером для последующих поколений египетских журналистов. Могущество и авторитет он приобрел благодаря близости к президенту, и его журналистская деятельность, за некоторыми дозволенными исключениями, жестко привязана к идеологии сторонников Насера; вследствие того, что Насер оставался в значительной степени неприкасаемым ориентиром, несмотря на резкую смену политического курса после его смерти, Хейкал сохранил свои позиции в качестве мудреца и благословляющего правителей советника. Его публицистика в статьях и книгах, хотя порой мастерски написанных, была амальгамой безосновательных и не поддающихся проверке заявлений и, по выражению Клэр Талон из газеты *Le Monde*, «полна интриг, заговоров, серых кардиналов, манипуляций, империй, альянсов и рухнувших планов»³³. В своей передаче на телеканале *Al Jazeera* в 2010 году Хейкал пустил слух, что Насера убил Анвар Садат, подсыпавший яд в чашку кофе, и что Садат при поддержке США планировал развязать в 1973 году по большей части приговоренную войну, которая вынудила бы израильтян начать мирные переговоры. Ни один из авторитетных хроникеров и историков эти легенды не подтвердил.

Мнения представителей нынешнего поколения египтян о Хейкале разнятся. Занятая им антимубаракская позиция стала модной в 2000-х гг. — особенно его высказывания против передачи президентской власти Гамалю Мубараку — и сформировала новую аудиторию для цикла его лекций,

прочитанных на канале Al Jazeera. Впрочем, для многих он оставался, как сказал мне университетский преподаватель и писатель Рами Али, «настоящим египетским Геббельсом, черпающим всю свою силу в поклонении Насеру». При этом его считали эталонным журналистом Ближнего Востока, где журналистике еще менее, чем, скажем, в Китае или России, удалось заложить основу для собственного общественно-политического влияния.

Аль-Асуани думал, что «египтяне больше не потерпят диктатуры», но он оказался абсолютно не прав. В период правления ас-Сиси можно было бы полагать, что египетские избиратели, делая выбор между двумя типами авторитарного правительства, религиозным и военным, выбрали последнее; из этого следует, что демократического варианта не существовало или, когда он был при президенте Мурси, он не был востребован. Аль-Асуани хотел демократии, но революция против «Братьев-мусульман», которую он приветствовал и которой он помогал в дальнейшем, привести к демократии не могла.

Он был сбит с толку, как и многие другие поборники реформ, считавшие, что период свободы, установившийся благодаря усилиям радикальной молодежи, предвещает новую психологию, отрицающую утверждение коррумпированного политика из романа аль-Асуани «Дом Якобяна» (2002): «Наш Господь создал египтян покорными государственной власти». Встречаясь с каирскими журналистами после падения власти «Братьев-мусульман», я увидел, что самые творчески мыслящие и решительно настроенные журналисты новой формации не хотят мириться с роковой предопределенностью — поистине, желание как основание для надежды.

Относительно свободный для египетской журналистики период продлился чуть меньше десятилетия: с 2003 года, когда под давлением президента США Джорджа Буша президент Мубарак ослабил путы, до 2013 года, когда их снова накрепко затянули. На протяжении этого короткого срока журналистика никогда не была свободной в том значении, как это

понимается в странах с развитой демократией: здесь так и не сложилась традиция видеть в средствах массовой информации один из необходимых столпов гражданского общества, отсутствовали обязательные конституционные гарантии независимости и, что гораздо важнее, отсутствовала безоговорочная уверенность в том, что журналистика не может находиться под попечительством государства, а должна существовать автономно.

При этом в тот период в стране ширилось представление о том, какой журналистика может стать при поддержке крепнущего гражданского общества. К числу таких признаков относилось развитие культуры серьезных новостей с элементами расследований, озаглавленное созданием первой ежедневной газеты, которая могла бы претендовать на настоящую независимость: *Al-Masry Al-Youm* («Египетское сегодня»). Основанная в 2002 году, с четко выраженной миссией излагать факты, со светской, либеральной редакционной политикой, газета (в значительной степени детище каирской либеральной интеллигенции) быстро набрала аудиторию, привлеченную как критикой Мубарака, так и детально разработанными сообщениями о проблемах и событиях, которые государственные СМИ игнорировали или подавали как малозначительные.

В Каире я встретился с Хишамом Кассемом, одним из основателей газеты и ее издателем на протяжении многих лет, большим либералом на египетской политической сцене, основателем Египетской организации по правам человека. С этим грузным, грубоватым человеком мы беседовали в его загроможденной квартире в центре Каира летом 2013 года, когда президентство Мурси и правление «Братьев-мусульман» подходили к концу. Кассем считал «Братьев-мусульман» ограниченными ортодоксами, полными решимости навязать свою разновидность исламизма культуре, которая, несмотря на свой преимущественно мусульманский характер, была устойчивой к исламизму как главной идеологии и включала значительное (численностью около пятнадцати миллионов)

христианское меньшинство. Через несколько дней после избрания ас-Сиси в июне 2014 года в ходе дебатов на Al Jazeera он назвал «Братьев-мусульман» «экстремистским шовинистическим культом». Когда 22 ноября 2013 года Мурси фактически приостановил действие Конституции и присвоил все властные полномочия, Кассем заявил, что теперь для всех очевидно зарождение религиозной диктатуры:

Революция 2011 года вытеснила политический класс, способный управлять страной. Пришли любители. «Братья-мусульмане» обладали электоральным превосходством, а секуляристы — политическим: со средствами массовой информации и судебной системой. После конституционной декларации стало очевидно — «Братья-мусульмане» не способны управлять демократическим государством.

Выяснилось, что во время революции Мурси сбежал из тюрьмы в результате налета, совершенного, вероятно, ХАМАС или «Хезболлой» с целью вытащить его из заключения. Выходит, что налет на египетскую тюрьму совершила иностранная террористическая группа. Это серьезное преступление.

После отстранения от власти демонстрантами и армией в июле 2013 года Мурси был заключен в тюрьму, а позднее, тем же летом, ему были предъявлены обвинения в ряде преступлений: подстрекательство к жестокому насилию в отношении протестующих; шпионаж в пользу иностранных вооруженных группировок, включая ХАМАС и «Хезболлу»; побег из тюрьмы в сговоре с указанными группировками с целью посеять в стране хаос. В мае 2015 года Мурси был приговорен к смертной казни, но в июне 2016 года наказание заменили пожизненным заключением.

Кассем сознательно и, возможно, из осторожности не стал делать из своей газеты рупор для разрозненных и весьма слабых оппозиционных групп. Напротив, он пытался создать газету фактов, в основе которой лежали бы не сообщения властей, а изложение событий на местах, подвергнутое строгой проверке. Он утверждает, что не церемонился с сотрудниками

госбезопасности, когда они приходили выражать недовольство обнародованными фактами: «Я говорил им, что если факты ненадежные, то можете привлечь нас к ответственности за измену».

Осознавая усталость египтян от государственных СМИ с их самоцензурой и от «возгласов оппозиции», Кассем побуждал своих сотрудников добывать фактические сведения, проясняющие происходящее, особенно если они имеют отношение к тому, как устроено управление в стране. Когда одним из постановлений правительства предусматривалось воздвижение стены вокруг курорта Шарм-эш-Шейх, призванной отгородить местных жителей от отдыхающих, египетские газеты излагали мнения в поддержку или против такого решения. Кассем сказал: «Нам нужны факты: насколько велика будет стена? Почему? Для чего она нужна? Опросите обеспокоенных людей. Что об этом думают туристы? Мы первыми сделали это. Мы изложили факты».

Этот урок Кассем вынужден был преподавать снова и снова: настаивать на главенстве фактов над мнением, на так называемом англосаксонском подходе к новостям, с отделением изложения фактов от выражения мнения. Редактора, зашедшего выразить свое негативное отношение к распоряжению правительства, принуждающего все мечети призывать к молитве в одно и то же время, Кассем отправил обратно, сказав, что мнение редактора или обозревателя ничто в сравнении с содержанием распоряжения: «Каких мечетей это коснется? Всех? Или некоторых? Что думают имамы? Если мы делаем материал о нищете, отправьте репортера в бедный район с напутствием: “Отправляйся туда с одной основной идеей: недоступность образования, например. Но делай заметки обо всем увиденном. Не забывай о главном, но запоминай и остальное — для последующих репортажей”».

В Египте телевидение, вне всяких сомнений, главный источник новостей и мнений — в большей степени, чем где-либо еще. При Мубараке произошел революционный переход на спутниковое телевидение, в результате чего возникло

огромное число каналов, соперничающих за аудиторию и потребительский выбор проживающих в стране восьмидесяти трех миллионов египтян. Новости доходят до публики быстрее, они стали не такими скучными (хотя и остаются лояльными правительству) — появилось множество ток-шоу, и в некоторых из них по примеру Al Jazeera затрагиваются темы, ранее редко обсуждавшиеся публично. Однако, по мнению Кассема, новые каналы мало что сделали для журналистики информирующей, а не пикантной:

Уровень журналистики по-прежнему низок. Сегодня не столько из-за давления государства, сколько из-за давления деловых кругов. На телевидении заправляют рекламные агентства; они вызывают к себе директора передачи и говорят:

«Если вы позовете X и Y и между ними произойдет интересная стычка, то мы сможем продать много рекламного времени». По стилю журналистики мы ближе к Индии, чем к Западу. С другой стороны, пользователей Сети уже тридцать миллионов...

Свой оптимизм, как часто бывает в подобных обществах, он связывает со следующим поколением:

Я предчувствую революцию в средствах массовой информации. Многие молодые журналисты получили хорошее образование и высказывают неплохие идеи, но реализовать их при работе в газетах не могут, так как в редакциях необходимости в их фантазиях нет. Приведу пример проблемы: у 25% египтян гепатит С. Этот факт не находит должного освещения в СМИ. Необходимо отнестись к проблеме серьезно, поскольку на данный момент она описывается в ключе теории заговора примерно такими словами: в этом виноваты американцы, израильтяне.

Отличие нового поколения очень простое: у молодого поколения есть социальные сети.

В период относительной свободы после свержения Мубарака Кассем выражал надежду, что молодое поколение журналистов, объединившись с пользователями социальных

сетей, избавится от влияния государства и начнет закладывать основы египетской журналистики, базирующейся на фактах вместе с контекстом, в который их можно поместить, а также установит более строгие нормы в отношении публикаций о проблемах, затрагивающих большинство населения, а не только богатых. Самая большая для египетской аудитории проблема, не решенная в большинстве стран Ближнего Востока, — это небольшой тираж газет, шаблонные и неинформативные новости на телевидении и замена анализа разговорными шоу, в которых делается ставка на драматизм, противостояние и полемику.

Под руководством опытного ведущего ток-шоу могут быть полезными; когда в них поднимаются сложные вопросы и проблемы, редко обсуждаемые в обществе, но нуждающиеся в освещении, такие шоу могут быть разоблачительными, подобно передачам Al Jazeera в первые годы существования канала (а иногда и сегодня). Но когда в главной роли выступает кричащий в камеру ведущий-полемист или возникает потасовка между публичными деятелями, отобранными только за умение наигранно не соглашаться друг с другом, это может быть в лучшем случае занимательно, что подтверждает опыт таких «разговоров» — точнее, криков — в США, Италии и других странах.

Кассем видел потребность египетского общества в надежной, беспристрастно подаваемой информации и стремился ее удовлетворить. Когда в 2013 году я брал интервью у Рами Али, ему было чуть за тридцать и он работал доцентом в карирском Американском университете. Политический радикал, придерживающийся левых идей (в отличие от либерала Кассема), Али тоже сожалел, что разнообразные и пристрастные (хотя и непопулярные) СМИ, соперничавшие до 1950-х гг. за внимание элиты и среднего класса, были внезапно закрыты военным правительством Насера — «обнулены на шестьдесят лет правления военных», как он выразился.

Али воздал должное газете Al-Masry Al-Youm, «первой частной газете, попытавшейся описать события честно».

Государственные СМИ, напротив, были «платформами, которые должны представлять общество, но были полностью лишены легитимности. Средства массовой информации стали одной из причин падения режима. Государственное телевидение было рычагом управления и пропаганды. Поэтому и стало одной из первых мишеней революции».

Мы беседовали в кафе «Риш» близ площади Тахрир за несколько дней до того, как президент Мурси был отстранен от должности. Али выразил мнение, что правительство «Братьев-мусульман» мало чем отличается от предыдущих военных администраций:

Конституция провозглашает свободу прессы, но Уголовный кодекс суров и наказывает журналистов за оскорбление президента. Мурси отменил досудебное заключение для журналистов, но не более. Совет Шуры [верхняя палата парламента, на то время состоявшая в основном из «Братьев-мусульман»] до сих пор назначает редакторов газет и руководителей каналов. Пока все под контролем государства.

Накануне Мурси произнес перед министрами и приглашенными сановниками длинную и сумбурную речь. Примеряя на себя роль человека, понимающего не выходящие за рамки приличия шутки, он сказал, что «одного года вышучивания и сатиры достаточно», и напомнил собравшимся, что к лицам, порочащим главнокомандующего — президента, применимы законы военного времени. Было очевидно, что он и его соратники из «Братьев-мусульман» возмущены не только отсутствием уважения, которое, по их мнению, должно оказывать руководителям, но также и тем, что их — людей в основном из провинций и деревень, как и сам Мурси, — унижали высокообразованные городские интеллектуалы и представители СМИ, сидевшие в телевизионных студиях и глумившиеся над ними. «“Братья-мусульмане” действительно испытывают неприязнь к среднему классу и городским умникам, — сказал Али. — Они суть продукт реформ Насера: он создал новую мелкую буржуазию, представители которой

получили образование в государственных школах и университетах, а иногда и за рубежом. «Братья-мусульмане» считают их [буржуа] безбожниками, но не обходится и без классовой ненависти».

Али, как и Кассем, отмечает в своей стране «отсутствие повествовательной линии (нарратива)». У журналистов не было ни возможности, ни желания выделять ресурсы на описание происходящего внутри страны и за рубежом в подробностях, которые позволили бы обрисовать события, вопросы, проблемы или угрозы. Не было и попыток изложить исторические предпосылки или контекст новостных сообщений:

У них нет передач о науке или медицине. Отсутствует система подготовки материалов для информационных программ. Каналы тратят деньги на мыльные оперы. Общедоступного медийного пространства нет. В эфире — только разговорные шоу. Люди считают, что лучший способ сообщить информацию — это разговоры. Журналистские расследования как жанр отсутствовали полностью. Я со своими коллегами пытался пролить свет на затененные сферы. Вот пример: в нашей стране в течение прошедших двадцати лет планировалось построить 544 больницы. Сегодня из них работают только 44. Получается, что 500 больниц закрылись или так и не открылись. Мы пытаемся объяснить людям, почему у нас настолько плохое медицинское обслуживание. Проблема журналистских стандартов. Они очень низкие. Образование у журналистов, как правило, очень плохое, но журналисту даже высокого уровня негде применить свои навыки. У нас нет места для аналитической журналистики.

Али продолжил рассказом о происшествии, случившемся за несколько дней до нашего разговора, когда в деревне неподалеку от Каира от рук толпы погибло четверо мусульман из крошечной шиитской общины Египта (подавляющее большинство в стране составляют сунниты), а полиция, по сообщениям, ничего не предпринимала. Отчет о происшествии был кратким, без описания подробностей. Возмущенный неумелой работой журналистов, Али сказал, что

репортаж о таком происшествии должен быть всесторонним и одновременно исполненным интереса к людям. Где находились семьи в этот момент? Какие сложились отношения между шиитами и другими членами сообщества? Что подвигло убийц? Все эти детали отсутствуют. Как если бы было достаточно записи о происшествии в микроблоге — произошло то-то, такие-то убиты.

Сухие сообщения на телевидении — это ужасно. Без видеоряда все смахивает на плохое радио.

Али, как и Кассем, верил в будущее, связанное с «новым поколением журналистов»:

Сатира и критика сегодня очень популярны. Бассем Юсеф [сатирик, см. ниже] популярен во всех слоях общества, но если его убрать, то ничего не изменится, так как привычка уже укоренилась и презрение, с которым относятся к «Братьям-мусульманам», очень глубокое. Инстинкт лакея исчезает. Люди понимают, что беспорядок в стране не из-за «Братьев-мусульман», а из-за шестидесяти лет авторитарного правления.

Но Али, похоже, излишне оптимистичен относительно настроения египетского народа (по крайней мере, в краткосрочной перспективе). И это притом, что египетский «беспорядок», в основном обусловленный шестидесятилетним авторитарным правлением, периодом нестабильности с непрекращающимися массовыми протестами, дефицитом, неэффективным и несколько зловещим правительством, развернул большинство населения в одну сторону. В сторону... авторитарного правления.

Отношение президента ас-Сиси к средствам массовой информации сугубо практическое. Он считает, что СМИ обязаны поддерживать правительство, которое он, избранный президент, возглавляет. Согласно сообщению газеты Al-Ahram, на встрече с редакторами и телеведущими в мае 2014 года — незадолго до своего избрания — он «призвал средства массовой информации сыграть свою роль в защите государства»³⁴. У него нет ни харизмы Насера, ни цели объединить арабский

мир и построить социализм в Египте. Но перед ним маячит угроза терроризма, требующая объединить силы перед лицом фанатиков.

Эти угрозы не вымысел. Синайский полуостров — 23 000 квадратных миль на северо-востоке Египта, между Суэцким каналом и границей с Израилем, — во втором десятилетии нынешнего века все чаще подвергается атакам со стороны как исламистских, так и пришедших к радикализму бедуинских группировок. Число нападений на египетскую полицию и военных резко возросло после отстранения Мухаммеда Мурси от должности президента, что позволило новому режиму обвинить «Братьев-мусульман» в инициировании нападений, однако лидеры этой организации (к тому времени в основном находившиеся на подпольном положении) такие обвинения отвергли. В октябре 2014 года в ходе двух зверских нападений было убито более тридцати полицейских и солдат. Ас-Сиси, обвинив в нападениях неназванные иностранные группировки, объявил в этом районе чрезвычайное положение и комендантский час с 17:00 до 7:00³⁵. Некоторые признаки указывали на то, что террористы (в частности, «Армия ислама», подозреваемая во взрыве бомбы в коптской церкви Александрии в 2011 году, унесшем жизни двадцати трех человек) имели тесные связи с ХАМАС из прилегающего сектора Газа. Террор продолжился, несмотря на созданное ас-Сиси полицейское государство: в апреле 2017 года при взрывах в церквях в городах Танта и Александрия погибло около 50 коптов. Ответственность взяла на себя группировка ИГИЛ.

Через несколько дней после октябрьских событий группа редакторов и телеведущих провела собрание с целью осудить теракты и противостоять «культуре, враждебной национальным планам и основам египетского государства»³⁶. В своем заявлении они поддержали «все меры, принятые государством для борьбы с террористами и защиты национальной безопасности». Встречу организовал телеведущий Мухаммед Шерри, который в разговоре со своими коллегами сказал, что задача средств массовой информации заключается в том, чтобы

стать «орудием государства» в войне с терроризмом. Среди участников собрания были представители газеты Al-Ahram, как всегда покорной действующей власти, но были и редакторы ранее оппозиционных Al-Masry Al-Youm и Al-Watan, как и руководители синдиката журналистов. Египетский союз радио и телевидения, представляющий частные каналы, включая CUBIC, Not и Dream TV, выпускавшие передачи с критикой администрации Мубарака и «Братьев-мусульман», тоже присягнул на верность вооруженным силам.

Круг замкнулся. Газета Al-Ahram снова искажает действительность, как и до «арабской весны». Выступление египетского президента на Генеральной ассамблее ООН в конце сентября 2014 года заслужило скептический отзыв каирского корреспондента газеты The New York Times Дэвида Киркпатрика, отметившего, что новостными службами Египта выступление ас-Сиси было воспринято как «поворотный момент»³⁷, а ведущий ток-шоу Арм Эдоб назвал выступление «гениальным», в то время как зрители в Египте увидели, что речь удостоилась «бурных аплодисментов». Вместе с тем в передовой статье The New York Times утверждалось, что событие продемонстрировало не гениальность, а «силу культа личности», возводимого вокруг президента, и что «зрители в Египте не могли увидеть, как почти все присутствовавшие на Генеральной ассамблее дипломаты в изумленной тишине наблюдали за рукоплесканиями немногочисленной свиты господина Сиси».

В изложении этой статьи, опубликованной в газете Al-Ahram, говорилось, в частности, следующее:

[Киркпатрик] описал неповторимую сцену в штаб-квартире Организации Объединенных Наций, когда ас-Сиси заслужил от собравшихся мировых лидеров теплые аплодисменты после своего возгласа: «Да здравствует Египет!» По мнению Киркпатрика, ас-Сиси удалось развеять стереотип, сложившийся в сознании некоторых людей, что произошедшее в июне 2013 года в Египте было «переворотом», а не революцией. Автор написал, что власть ас-Сиси беспрецедентным образом опирается

на силу его личности и его огромную популярность... [Он] отметил, что во время выступления ас-Сиси все дипломаты прибывали в состоянии безмолвного наслаждения [его словами].

Последняя фраза в отчете Al-Ahram весьма проникновенная.

При этом недостаточно просто констатировать, что средства массовой информации вновь оказались заложниками политики руководства. В первые два года после избрания ас-Сиси в мае 2014 года популярность президента представлялась вполне реальной, и даже спустя несколько лет уровень поддержки ас-Сиси остается высоким, хотя он опустился с 80 до 68% в октябре 2016 года в связи с ростом цен на основные товары, что побудило его пойти навстречу молодым людям, поддержка среди которых существенно снизилась³⁸.

Молодой карикатурист Мухаммед Анвар нарисовал карикатуру, осторожно высмеивающую привычку ас-Сиси просить египтян «разделить бремя экономического кризиса»; на рисунке изображен отец, на просьбу своего маленького сына отвести его в туалет отвечающий: «Почему именно сейчас? В эту критическую минуту нам всем следует разделить общее бремя!» Карикатура, конечно, не высмеивала ас-Сиси напрямую (этого бы никогда не пропустила редакция), но один читатель в слезах позвонил Анвару с вопросом: «Почему ты так поступаешь с ас-Сиси? Почему ты всегда сражаешься с ним?»³⁹

К концу года независимых или критических голосов осталось совсем немного. Больше всех пострадала Al Jazeera, запустившая египетский канал. Предвзятое отношение Al Jazeera к «Братьям-мусульманам» становилось все более явным, что усиливало негодование публики. Давление на канал возросло во время массовых протестов против Мурси; после его устранения шесть сотрудников канала уволились, сославшись на предвзятость редакции при освещении событий.

В июле 2013 года, во время пресс-конференции в министерстве обороны, журналист египетского информационного агентства потребовал вывести из зала журналистов Al Jazeera. Они ушли под возгласы «Вон, вон, вон!» из уст коллег, позже

неоднократно аплодировавших во время выступления официального представителя министерства; канал был лишен возможности участвовать в последующих пресс-конференциях⁴⁰. В заявлении Al Jazeera говорилось: «Мы всегда предоставляли эфирное время для выражения различных мнений, это наша мантра... [но] большая часть египетских СМИ не согласна с идеалами открытости».

В декабре 2013 года трех сотрудников Al Jazeera в Египте арестовали и обвинили в содействии террористам и распространении информации, не соответствующей действительности. В июле 2014 года египетский продюсер Бахер Мухаммед, глава бюро Мухаммед Фахми, имеющий гражданство Египта и Канады, и австралиец Питер Гресте получили сроки от семи до десяти лет, будучи признанными судьей Мухаммедом Наги Шехатой «союзниками дьявола», который «подстрекал их использовать профессию журналиста для совершения действий против нации»⁴¹. Составленный на пятидесяти семи страницах приговор содержит упоминание о секретном расследовании спецслужб без указания подробностей. В более поздних комментариях ас-Сиси сказал, что сожалеет о суровости приговора, вызвавшего всеобщее негодование, и что он хотел депортации журналистов, но не стал вмешиваться. Фахми, явно недовольный работой адвокатов, предоставленных его работодателем, привлек к делу английского адвоката Амаль Клуни, недавно вышедшую замуж за актера Джорджа Клуни и поэтому личность весьма известную, которая заявила, что обнаруженный у Фахми гепатит служит основанием для его освобождения в целях прохождения лечения. Она добавила, что суд был «в корне несправедливым... и насмешкой над правосудием»⁴². Все трое были освобождены в феврале 2015 года; Фахми, заявив о несправедливости их заключения в тюрьму, сказал и то, что Al Jazeera всецело поддерживала «Братьев-мусульман» и вела «медиавойну против Египта».

Египетские СМИ очистили свои ряды от большинства рьяных критиков военных. К ним относился Алаа Абд

аль-Фаттах, блогер с широкой читательской аудиторией и диссидентским прошлым, получивший пятнадцатилетний срок за нарушение запрета на несанкционированные акции протеста; на следующий день после того, как он предстал перед судом, в тюрьму на три года за участие в акциях протеста против первоначального приговора брату была отправлена его сестра, Санаа Сеиф, вместе с двадцатью двумя другими активистами. У Абд аль-Фаттаха было огромное число подписчиков в Twitter, многих за эти годы несколько раз арестовывали, а иногда и сажали в тюрьму — однажды за участие в акции протеста против рассмотрения военным трибуналом дел гражданских лиц, организованной еще одной его сестрой, Моной Сеиф. Семья Сеиф — выдающийся пример гражданского неповиновения ради свободы в Египте.

Вещательные компании сдержали обещание, данное ас-Сиси. Когда ведущий ток-шоу на Dream TV Ваэль аль-Ибраши начал критиковать коррупцию в двух министерствах — образования и жилищного строительства, — он был уволен прямо посреди шоу. Телеканал Al-Nahar отстранил другого критика, Махмуда Саада, еще до того, как он добрался до своей студии, заменив его редактором газеты Youm7 Халедом Салахом, присутствовавшим на встрече редакторов. Позже канал опубликовал заявление, в котором говорится о невозможности попустительства «тем, кто глумится над кровью наших мучеников и практикует в прямом эфире словесный терроризм»⁴³.

Бассем Юсеф тесно связан не только со своей египетской аудиторией, но и с теми, кто слышал о нем за границей. Когда началось египетское восстание, он, 40-летний кардиохирург, вместе с несколькими соавторами запустил передачу «В+» (группа крови Юсефа), снимая ее на видеокамеру в своей комнате для стирки и выкладывая на YouTube. Шоу беззастенчиво подражало ежедневной сатирической передаче Джона Стюарта, которую Юсеф смотрел во время учебы в США, но при этом поле, на котором можно порезвиться, у Юсефа было шире и опаснее. Видеоролики быстро собрали аудиторию в три миллиона человек, и Юсефа нанял частный

канал ONTV. Шоу стало называться Al-Bernameg («Шоу») и получило разрешение редакции на высмеивание нового президента Мухаммеда Мурси, что у Юсефа получалось блестяще. На пике популярности шоу в июне 2013 года, незадолго до свержения Мурси, в нем появился сам Джон Стюарт.

Канал CBC перекупил программу в конце 2012 года, переместил ее из маленькой студии в просторный театр с живой аудиторией и добавил в передачу гостей, интервью и блеска; шоу собирало до сорока миллионов зрителей. После отставки Мурси Юсеф взял паузу на несколько месяцев, а затем вернулся в октябре 2013 года с эпизодом, в котором подтрунивал над ас-Сиси (до выборов его фактическим правителем Египта) и сложившимся вокруг него культом личности. В конце шоу, когда Юсеф страстно провозглашал прямо в камеру, что его молчать не заставят, в эфире был показан отрывок из интервью с ас-Сиси, в котором тот говорит, что для руководства Египтом необходима «сильная рука». При этом из отверстия в столе появлялась мускулистая рука, заменяя сценарий Юсефа, била его по голове, когда тот отказывался зачитать новый сценарий, а на словах о невозможности заткнуть ему рот хватала его за промежность, заставляя его замолчать. Канал CBC, сославшись на нарушения контракта, снял передачу с эфира.

Юсеф ненадолго вернулся в эфир в начале 2014 года на саудовском канале MBC, где продолжил высмеивать культ личности ас-Сиси, а запрет на упоминание его имени сделал фирменной шуткой. Но по мере роста протестов он понял, что шутки становятся смертельно опасными. В июне 2014 года Юсеф созвал пресс-конференцию и сказал, что закрывает шоу, так как продолжать передачу стало слишком опасно. Он обосновался в США и запустил новую программу — «Пособие по демократии с Басемом Юсефом», избрав более дружелюбный объект для своих шуток: политику США. Он участвовал и в нескольких других шоу на Западе; в апреле 2016 года Юсеф появился в одном из лондонских кинотеатров сети Curzon и пошутил о том, что находящееся неподалеку посольство Египта все никак не передадут посольству

Саудовской Аравии, намекая на зависимость египетского бюджета от саудовских субсидий. Он также отметил с большим сожалением, что «мы вернулись в то же место, где начинали, в ту же ложь вокруг. В учебнике по промыванию мозгов страниц немного»⁴⁴.

Находясь в гармонии со своей страной, когда большинство выступало против Мурси, Юсеф зазвучал не в унисон, когда страна обратилась за защитой к ас-Сиси. Мысля по-западному, он считал, что политикам следует смотреть критике в глаза. Но они этого не сделали. Так или иначе, публика Юсефа теперь была другой: он стал неприемлемым для большинства после насмешек над ас-Сиси. Ставшего во главе страны фельдмаршала воспринимали защитником Египта от джихадистов.

Частные собственники сами по себе проблему государственного контроля не решают. Фатима аль-Исави, один из самых пронизательных комментаторов в современных арабских СМИ, пишет:

Природа такого частного сектора, в значительной степени принадлежащего связанным с режимом олигархам, не позволяет применить термин «независимые СМИ». Наличие у режима возможностей задействовать различные инструменты давления на такие средства массовой информации — например, незримый контроль над доходами от рекламы — еще сильнее ограничивает возможности этих СМИ противодействовать пропаганде⁴⁵.

Резкий поворот против прессы, совершенный ас-Сиси, не был неизбежен, но у него есть интересный ироничный подтекст. В свое время, в 2005–2006 гг., во время учебы в Армейском военном колледже США в Пенсильвании, бригадный генерал и начальник штаба 2-й механизированной пехотной дивизии ас-Сиси написал эссе «Демократия на Ближнем Востоке», в котором утверждал, что государство должно «быть готово отказаться от контроля над средствами массовой информации... одним из ключевых первых шагов может стать запуск такого подхода с помощью международных

информационных агентств и давление со стороны демократий со свободной прессой»⁴⁶.

Египет находится далеко от Пенсильвании. При своем авторитарном правлении ас-Сиси поставил ислам на службу репрессиям. В феврале 2016 года суд приговорил писателя Ахмеда Наджи к двум годам тюрьмы за «оскорбление благопристойности», потому что чтение романа Наджи «Инструкция по использованию жизни», в котором изображены сцены половой связи и употребления наркотиков, послужило причиной серьезного заболевания у одного из читателей, Хани Салаха Тофика. Случай Наджи не единичный. В январе 2016 года поэтесса Фатима Наут получила три года за осуждение убийства животных во время праздника Ид. В декабре 2015 года апелляционный суд оставил в силе приговор (год тюремного заключения) в отношении ведущего Ислама аль-Бехери, который во время своего телешоу подверг сомнению некоторые основы исламского вероучения и достоверность высказываний, приписываемых пророку Мухаммеду, чем вызвал гнев влиятельных имамов из главного центра суннитского исламского богословия, Аль-Азхар, потребовавших закрытия передачи. Отчаянный журналист Ибрагим Эйсса в ежедневной газете Al-Tahrir напрямую обратился к президенту: «Ваше государство, господин президент, это теократия, несмотря на то что вы постоянно называете его современным и цивилизованным»⁴⁷.

Притом что открытая оппозиция режиму встречается в Египте редко, а публичное выражение оппозиционных взглядов, как правило, наказывается, в египетской прессе растет осознание того, что собой представляет правление ас-Сиси. В ноябре 2015 года, когда президентский пул журналистов ожидал брифинга в ходе визита президента в Великобританию для переговоров с премьер-министром Дэвидом Кэмероном, одна из журналисток Al-Masry Al-Youm, Фатхия аль-Дахахни, сказала репортеру из США Питеру Хесслеру, что с момента вступления в должность ас-Сиси провел в Египте всего одну пресс-конференцию, в ходе которой три журналиста задавали

вопросы из заранее выданного ими списка (три журналиста подтвердили Хесслеру этот факт). «Они выбрали трех египетских журналистов и сказали: “Вот вопросы, которые вы зададите”». Аль-Дахахни сквозь смех рассказывает: «Я написала об этом статью. Они на три месяца запретили мне вход в президентский дворец!» Однако на брифинге в Лондоне уже просматривались признаки изменений. За несколько дней до визита самолет, перевозивший российских туристов, разбился после взлета с курорта Шарм-эш-Шейх на Синае; погибли все находившиеся на борту 224 человека. Несмотря на то что британские и российские следователи быстро обнаружили признаки заложенной в самолет бомбы, египетские власти в попытке оградить от ущерба туристическую отрасль настаивали на техногенных причинах катастрофы (спустя три месяца власти Египта признали, что это был террористический акт: ответственность взяла на себя одна из ячеек ИГИЛ). Аль-Дахахни задала вопрос о катастрофе и получила ответ: «Мы не хотим концентрироваться на этой проблеме». Она сказала, что ей придется как минимум напечатать опровержение, и сообщила Хесслеру, что и другие журналисты вынуждены будут поступить так же. В то же время ее газета, когда-то либеральная, в сообщениях о протестах против ас-Сиси особо выделила пропрезидентских демонстрантов, написав, что протестующие связаны с «Братьями-мусульманами»⁴⁸.

По состоянию на сегодняшний день Ибрагим Эйсса оказывается прав. Ас-Сиси в первые годы своего правления не смог модернизировать или защитить гражданское общество, не говоря уже о его расширении, и руководит страной с застойной экономикой, избежать краха которой позволяют займы от Саудовской Аравии и МВФ. Основная цель его президентства заключается в попытке ликвидации «Братев-мусульман», глубоко укоренившихся в Египте, и других, связанных с ними или независимых террористических группировок — цель, из-за которой приходится откладывать решение всех других проблем. Популярность ас-Сиси в значительной степени обусловлена отождествлением его личности с кампанией

против реального или мнимого терроризма, угрожающего египетскому обществу. В критическом эссе, опубликованном в конце 2016 года, специалист по Ближнему Востоку Стивен Кук отметил, что важным фактором, играющим на руку президенту, остаются «покладистые СМИ»⁴⁹: многообразие, коммерциализация и непродолжительный период плюрализма в начале 2010-х годов не уберегли их от повторного попадания в зависимость. Впрочем, популярность, определяемая этими факторами, может оказаться призрачной: это показала недавняя история Египта.

История показала это вновь — в середине 2017 года. Ухудшение состояния экономики, непрерывное повышение цен и постоянно высокий уровень террористической угрозы в совокупности приводят к резкому снижению популярности ас-Сиси и расширению оппозиционных настроений; направленная против президента тирада водителя тук-тука (моторикши) успела набрать на сайте телекомпании до своего удаления 10 миллионов просмотров⁵⁰. В самом важном государстве Ближнего Востока становится труднее заглушать глас народа — и СМИ, и социальные сети все больше способствуют тому, чтобы он был услышан.

Глава 3

«Телевидение? Значит, врет...»

Журналистика способствует созданию и поддержанию гражданского общества, но только если в этом заинтересованы активные граждане, для которых журналисты работают. Кроме того, элита общества — политическая, деловая, гражданская — должна признать, что журналистские откровения и расследования заслуживают пристального внимания, если таковые указывают на действительную опасность для общества или раскрывают скандальные события. Граждане должны быть едины во мнении, что журналистика служит задаче отражения подлинного положения дел, а не производится только для развлечения. Американский исследователь журналистики Майкл Шадсон считает, что в своей профессиональной деятельности журналисты исходят из предпосылки существования «небольшого сообщества заинтересованных читателей», которые обращают внимание на результаты исследований и анализов, так чтобы «средства массовой информации рассматривались не как коммуникаторы в интересах общественности, а как хранители общественности, проводники общественного контроля, привратники, которые надзирают за политическим процессом со стороны общественности»¹.

В конце 80-х — начале 90-х годов, когда журналистика в СССР требовала свободы, в обществе отсутствовало взаимное доверие. Об этой дилемме пронизательно высказывался грузинский философ Мераб Мамардашвили, один из немногих авторов, предвидевших либерализацию и, таким образом, крушение Советского Союза. Мамардашвили полагал, что советские люди, как показывает историческая судьба личности в Советском Союзе, окажутся не в состоянии воспринять и

сделать надлежащие выводы из сообщений новой, независимой журналистики, причем даже из уст ответственных журналистов.

Как и Иосиф Сталин, Мераб Мамардашвили был уроженцем небольшого грузинского города Гори; впрочем, советская философия, бесконечно и бесплодно вращавшаяся вокруг трудов Карла Маркса, мало его привлекала. В 1989 году, читая курс лекций студентам Кеттеринг-колледжа в Дайтоне, штат Огайо, философ сказал в интервью американскому коллеге, что идеальное государство, хотя его нетрудно себе вообразить, недостижимо — и уж точно недостижимо посредством революции: «Невозможно выпрыгнуть из истории. Постепенно ко мне пришло осознание, что Россия именно так и поступила: она выпрыгнула из истории и совершила метафизическое самоубийство, пытаясь заменить действительность идеалом»².

Со времен царствования Ивана IV Россия находилась под деспотическим управлением, при котором вся собственность и вся власть в стране была фактически сосредоточена в руках царя. Мамардашвили пришел к выводу, что «все общество стало удлинненной тенью царя. Но тени нереальны. С тех пор нереальность стала *условием социальной жизни в России* [курсив мой. — Дж. Л.]. Россия превратилась в общество теней». В революции 1917 года философ видел нереальность, громоздящуюся на нереальности. Вследствие этого «советские граждане по-прежнему постоянно ведут бой с тенью, и каждая их попытка рационального действия оказывается пресечена тенями» (курсив мой. — Дж. Л.).

Образовавшаяся вследствие этого пропасть в сознании советского гражданина породила своего рода смятенный цинизм, отношение к жизни, согласно которому ничто не было (да и не должно быть) реальным: «Это люди без ощущения значимости, то есть люди, неспособные понять социальные процессы, неспособные к суждениям по социальным вопросам и лишённые способности, которая необходима каждому гражданину для соотнесения внешних событий с внутренними

убеждениями». На языке марксизма они асоциальны, заключал Мамардашвили. Как следствие, при современных условиях в первые десятилетия XXI века огромное множество людей превратились в идеальную мишень для пропаганды.

В одной беседе писатель и журналист Аркадий Островский выражает эту мысль по-другому:

Мне представляется, что в разные исторические периоды механизмы восприятия пропаганды были весьма различны, причем по разным причинам. При Сталине пропаганда действовала как «мифология» — такова была единственная возможность объяснить окружающий мир и бессмысленную жестокость. В 1970-е годы пропаганда породила глубокий цинизм. В 2010-е речь идет о достижении некоего статуса. В 1970-е годы немногие были готовы верить пропаганде. В 2010-е на этот путь ступили многие.

Первое десятилетие после смерти Мамардашвили, последовавшей в 1990 году, невозможно определить в терминах «катастрофы» или «триумфа». С одной стороны, налицо было массовое обнищание населения; войны, прежде всего на Кавказе и тяжелее всего в Чечне; разграбление ресурсов горстью хитроумных и безжалостных людей, олигархов, заложивших основу корпоративного капитализма; расцвет преступности, особенно организованной; с другой стороны, развивались рыночные отношения; поощрялись либеральные инициативы и представления; развивалась, пусть и с большими перебоями, демократия; все ядерное оружие Советского Союза было консолидировано в России наряду со значительным сокращением численности боеголовки; началось серьезное исследование преступлений сталинизма и послесталинского периода; в стране утверждалась свобода слова, печати и совести, что, в частности, позволило верующим вернуться к открытому исповеданию веры и возродило православную церковь. Черное и белое оказались тесно переплетены.

Политическая журналистика охватывала широчайший идеологический спектр, гораздо больший, чем в любом демократическом государстве с устоявшимися институтами, от

течений вполне либеральных до отчаянно коммунистических и воинственно патриотических (последние два, как правило, сливались). По сравнению с советским временем тиражи быстро падали — от миллионов до сотен, даже десятков тысяч. Новости и аналитические передачи на телевидении были освобождены от партийного контроля, хотя и не от государственной опеки, и стали более разнообразными и информативными. Однако новости часто преподносились в сенсационном ключе, и их достоверность оставалась сомнительной. Железный диктат системы сменился необыкновенным вихрем политических и полемических течений, соперничавших за первенство. На протяжении 1990-х годов, по мере того как усугублялись экономические тяготы, нарастала ностальгия по советскому периоду, а терпимость к либеральным, прозападным воззрениям начала снижаться.

Михаил Сергеевич Горбачев, относительно молодой советский руководитель (в 1985 году, в момент его избрания генеральным секретарем ЦК партии, ему было пятьдесят четыре года), воспринял политику «гласности» — немалую роль в этом сыграли идеи Александра Яковлева, более пожилого, чем Горбачев, члена ЦК, испытавшего в жизни немало разочарований из-за своих обманутых чаяний реформаторского толка. Генеральный секретарь полагал, что его соотечественники осознанно сделали «социалистический выбор» и заслуживают большей свободы. Иногда Михаил Горбачев выступал вполне в духе Мамардашвили — например, в интервью 2000 года он говорил, что непросто отказаться от наследия сталинизма и неосталинизма, когда люди становились винтиками в системе, а власти предрешающие принимали все решения³. Одновременно Горбачев призывал «разбудить людей» посредством демократии, посредством гласности, побудить их говорить за себя, размышлять и принимать решения. Его экономические инициативы, включая расширение контроля граждан над промышленными предприятиями посредством реструктуризации системы управления (перестройка), провалились. Получив относительную свободу

от государственной опеки, руководители заводов и фабрик склонялись к тому, чтобы разворовывать, а не перестраивать вверенные им предприятия.

Но политика гласности увенчалась успехом. Вначале из-под запрета вышла литература, и это много значило для представителей интеллигенции. «Предполагалось, что свобода слова, — пишет Аркадий Островский, — будет не всеобъемлющей, а дозированной, причем рассчитанной главным образом на интеллигенцию»⁴. Публикации начались с ручейка, затем устремились потоком давно забытых поэм, пьес и романов. Интеллигенция воистину ликовала, но для большинства людей, стиснутых экономическими тяготами и растущей дороговизной, раскрепощение литературы прошло незамеченным.

Первыми были изданы произведения поэтов, в частности, Николая Гумилева, Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама. Затем последовали труды Александра Солженицына и роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» о Великой Отечественной войне. По силе воздействия эти вещи могли воспламенить сознание читателя. Поэма Ахматовой «Реквием», написанная в ту пору, когда ее сын Лев Гумилев ожидал смерти в тюрьме (смертный приговор был заменен ему на лагерный срок), пронизана опытом поэта-матери, которая провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде, ожидая известий, доставляя передачи, переговариваясь с другими несчастными женщинами. Автор «Жизни и судьбы», который предпочел карьере знаменитого военного корреспондента положение писателя-диссидента, помещает на одну плоскость ужасы нацизма и сталинизма — об этом в романе говорит нацист, офицер СС. Ахматова и Гроссман избежали расстрела, но при жизни их величайшие произведения в России не издавались: в СССР «Реквием» увидел свет в 1987-м, «Жизнь и судьба» — в 1988 году. Оба автора ушли из жизни в середине шестидесятых. О Гроссмане, казалось, никто не помнил; прославленная Ахматова, все еще подвергавшаяся жесткой цензуре, послужила источником вдохновения для других инакомыслящих авторов, например, для Иосифа Бродского.

Публикации возвести интеллигенции о расширении пространства свободы, но свободе полагалось быть «ответственной», соответствующей социалистическому выбору «советского народа». Центральные газеты, как то «Правда», печатный орган ЦК КПСС коммунистической партии, и «Известия», орган советского правительства, оставались официозными. В конце 1980-х годов рупором гласности стали, в частности, журнал «Огонек» (глянцевый журнал под редакцией склонного к авантюрам Виталия Коротича) и ломающий стереотипы еженедельник «Московские новости» (газета была основана в 1980 году, а ее главным редактором стал Егор Яковлев).

Телевидение, которое в последние годы советской власти играло второстепенную роль по сравнению с прессой, пока еще было не способно донести до общественности соответствующую духу времени информацию в пользу или против реформ; постепенно, однако, в телеобзорах начали появляться актуальные сюжеты. Уже в конце 80-х и начале 90-х гг. телевидение в системе российских СМИ приобрело главенствующую роль, вполне отвечающую его роли на Западе. Новые телепередачи — «Пятое колесо», «Взгляд», «До и после полуночи» и «120 минут» — обладали огромной притягательностью для политически активных граждан. В студии велись долгие дискуссии о природе коммунизма и социализма, о всеобщем рынке и отношениях с США и Европой; споры о политике могли занимать до трех и более часов. В апреле 1987 года в одной из наиболее популярных передач участвовала посетившая Москву Маргарет Тэтчер (у которой сложились дружеские отношения с Михаилом Горбачевым). В беседе с тремя пожилыми учтивыми политическими обозревателями Тэтчер, к их видимому замешательству, твердо излагала свои взгляды относительно свободы слова и открытого рынка, о важности ядерного оружия как средства отражения агрессии. Разница между предшествовавшей эпохе гласности ритуальной демонизацией английского премьера и уважительной беседой в советском телеэфире, когда Тэтчер, поборнице свободного рынка, предоставили возможность изложить свои взгляды, была колоссальной.

«Взгляд» сочетал клипы западных рок-музыкантов с интервью и дискуссиями по насущным вопросам современности. Многие граждане, и в особенности молодые люди, считали советские телепрограммы нудными, так что новые шоу вновь завоевывали аудиторию. «Взгляд» начинался на довольно сонной ноте, но вскоре превратился в остропублицистическую программу. В 1990 году «Взгляд» транслировал интервью с Эдуардом Шеварднадзе, министром иностранных дел СССР, который с шумом ушел в отставку, протестуя против реакционного, с его точки зрения, поворота в политике Горбачева (Горбачев уже вступил в пору своего политического заката); Шеварднадзе выступил с драматической речью, обращенной к единомышленникам: «Товарищи демократы, вы разбежались. Реформаторы ушли в кусты. Наступает диктатура, заявляю со всей ответственностью»⁵. Это выступление без колебаний выпустили в эфир. Журналисты «Взгляда» быстро переняли ценности и практики современной западной жизни, но вскоре программу исключили из сетки вещания, и «Взгляд» вернулся только в 1994 году уже как российская, а не советская программа. Непослушание ширилось — и партийно-государственному аппарату становилось все сложнее удерживать под контролем ситуацию в стране. В январе 1991 года, в последний год существования Советского Союза, телеведущая Татьяна Миткова со слезами на глазах отказалась зачитать официальную новость о разгоне демонстрантов в литовском Вильнюсе, приведшем к гибели тринадцати человек.

Среди новостных телепередач резко выделялась «600 секунд», вещавшая из Ленинграда, подлинное дитя телевидения⁶. Каждый вечер после все еще по-советски степенного девятичасового выпуска программы «Время» любимец публики Александр Невзоров — затянутый в кожу щеголь, каскадер и отчаянно храбрый журналист — проникал на склады магазинов, где хранились предназначенные для черного рынка товары, выуживал проституток из притонов или рапортовал о радиоактивных кабачках на продовольственных рынках. Невзоров говорил, будто его программа позволяет советским

гражданам ощутить, что в России по-прежнему есть «силы света и мужественные люди». После 1990 года, в ельцинское время, программа стала отчетливо националистической и антилиберальной, но когда российский президент попытался закрыть ее в 1991 году, шквал протестов вынудил его отступить: программа перестала выходить в эфир в 1993-м. Критики обвиняли Невзорова в подражании американскому жанру «реалити-ТВ», но в действительности Невзоров во многом опережал западные шоу своего времени, бесстрашно и одновременно ярко донося до публики ужасающие городские истории вроде изнасилования малолетних или обкрадывания могильщиками трупов перед погребением или кремацией⁷.

В последние годы существования Советского Союза, в так называемую эпоху гласности, а также в первые годы после крушения коммунизма началась «перестройка» журналистики. При критическом взгляде на вещи эмоциональное состояние тех лет в журналистике можно описать как сумятицу мыслей, самодовольство и патронажную систему отношений. Но тогда же в России появляются первые институты свободной прессы, журналисты оттачивают умение работать с источниками, развиваются жанры репортажа, расследований и аналитической журналистики. В редакции газет и журналов, а также в аналитические центры стали приходиться репортеры и независимые обозреватели. Появилась деловая пресса — как и в других странах мира, читатели деловых изданий предъявляли повышенные требования к качеству информации, учитывая необходимость принимать финансовые решения. Наиболее успешным деловым изданием была основанная в 1989 году газета «Коммерсантъ», проникательно и не без изрядной доли иронии освещавшая события в мире бизнеса и политики.

Со страниц прессы и экранов телевизоров на публику лились потоки откровений и скандалов. В первое время речь шла главным образом о репрессиях и тяготах советского периода, позже внимание переключилось на жизнь новых олигархов. Подчас в репортаже невозможно было отличить

правду от вымысла; во многих случаях откровения и расследования не приводили к результатам, поскольку новое правительство и парламент (Дума) часто не были заинтересованы расследовать обвинения в преступлениях и коррупции, будучи сами коррумпированы новыми богачами или обременены работой. Но в ряде случаев общественный резонанс репортажей оказывался огромен: так, критическое освещение первой чеченской войны на НТВ подтолкнуло правительство к заключению мирного соглашения.

Политика гласности на телевидении открыла пространство для экспериментов и развития новых форматов — попытки остаться в пределах «реформированного коммунизма» оказались тщетными. Многие молодые журналисты не без презрения относились к положению, в которое завело себя государство (это презрение с лихвой обратилось против них в 2000-е годы, когда соответствующая вкусам президента Путина патриотическая направленность сменила на российском телевидении щегольскую антисоветчину). Но в 1990-е годы телеведущие свободно говорили о крахе советской системы и униженном положении России. Евгений Киселев, высокий, импозантный человек тридцати с небольшим лет, вел на центральном канале аналитическую программу «Итоги», освещавшую события в России и за ее пределами и порвавшую с советской привычкой раболепия журналистов перед политиками. Однажды он спросил министра иностранных дел России Андрея Козырева, правда ли, что Россию в мире воспринимают дряхлой занудой. За несколько лет или через несколько лет после этого эпизода такое замечание стоило бы Евгению Киселеву карьеры.

В 1994 году Киселев предложил купить «Итоги» одному из наиболее деятельных новых олигархов, бывшему театральному режиссеру Владимиру Гусинскому. Но вместо этого Гусинский создал собственную телекомпанию под названием НТВ. Буква «н» в названии допускала различные толкования и могла означать «независимое», «новое», «наше» или «негосударственное» телевидение. Киселев перенес «Итоги» на канал

Гусинского и сделал передачу более радикальной. Он подвергал жестокой критике ход чеченской военной кампании, которую сам он и его репортеры представляли чередой кровавых глупостей, совершаемых российским государством.

Гусинский вовсе не претендовал на роль борца за свободу слова или права человека. Он утверждал, что сражается за личное право, за право свое и своей семьи жить в «нормальной» стране (букву «н» в названии телеканала иногда расшифровывали как «нормальный» — Нормальное телевидение). Игорь Малашенко, первый руководитель НТВ, бывший референт международного отдела ЦК КПСС и сотрудник советского Центрального телевидения, поощрял в компании атмосферу экспериментов и дебатов, балансируя между острыми информационными передачами Киселева и подборкой новых, главным образом голливудских кинофильмов. В штат телеканала входил среди других известных журналистов сатирик Виктор Шендерович, который адаптировал британское сатирическое шоу «Точная копия» (*Spitting image*), назвав его попросту «Куклы». Шендерович любил дернуть правительство за хвост и делал это довольно резко — к ужасу одних и восторгу других россиян.

У куклы, представлявшей президента Ельцина, был красный нос пьяницы и нетвердая речь; в одном из эпизодов Ельцин и премьер-министр Виктор Черномырдин сидят, покачиваясь на скамейке, в пьяном полузабытьи. Генеральный прокурор Алексей Ильюшенко счел выпуск оскорбительным для президента и решил возбудить уголовное дело. Прокурора остановил Черномырдин, пресс-служба которого, кстати, однажды уговорила премьера сфотографироваться с собственной «куклой» (на снимке премьер снисходительно улыбается). Коррупция в правительстве, жестокость чеченских войн, хаос в госслужбе — в объектив «Кукол» попадали все неприглядные стороны современной действительности. Сатира была горше, серьезнее, иногда смешнее и абсурднее, чем в оригинальной британской телепередаче. И ставки были куда более высоки.

С 1994 года контроль над ОРТ, главным государственным телеканалом России, получил Борис Березовский, баснословно богатый олигарх, близкий к Кремлю и семье Бориса Ельцина. ОРТ, побуждаемый успехами НТВ, постепенно внес разнообразие в свою сетку вещания, сохраняя при этом большую (по сравнению с НТВ) лояльность правительству. Впрочем, телеканал стал одним из рассадников коррупции, появившихся в постсоветскую эпоху: мзду получали посредники между программами канала и рекламодателями, притом что все стороны имели свою долю от огромных сумм, затрачиваемых на рекламу во время наиболее популярных программ. Новый директор телеканала, популярный телеведущий и продюсер Владислав Листьев, пытался положить конец черному рынку, переведя рекламный бюджет под непосредственное управление канала; спустя несколько недель он был убит у входа в свою квартиру наемным убийцей (убийцами). Убийца не тронул находившиеся при убитом ценности и большую сумму наличности. Арестов не последовало.

В 1995 году генеральным продюсером ОРТ был назначен Константин Эрнст, молодой человек тридцати с небольшим лет из семьи ученых, лощеный, владеющий английским кандидат наук в области молекулярной биологии. Эрнсту хотелось, если можно так выразиться, чтобы канал не отражал (в 90-е жизнь бывала неприглядной), а улучшал окружающую действительность. Пусть он и был научным сотрудником (до прихода в команду «Взгляда» он состоял в штате научно-исследовательского института), но новому руководителю канала вряд ли было присуще распространенное в среде советской интеллигенции презрительное отношение к массовым вкусам. Эрнст оказался одним из самых успешных деятелей в российском медиамире, а в 2000-х стал самым главным из них.

При президенте Ельцине правительство взаимодействовало с олигархами посредством череды сделок, основанных на огромных взятках, что платили внезапно разбогатевшие дельцы, и на убежденности, будто передача ресурсов России в частные руки есть самая надежная защита от возвращения

к власти коммунистов. Наиболее крупномасштабные сделки были заключены с Михаилом Ходорковским, Владимиром Потаниным, Борисом Березовским и другими новоявленными плутократами — им были переданы доли в энергетических и иных активах в обмен на финансовую поддержку кампании Ельцина на президентских выборах 1996 года. Таким образом, контролируемые олигархами информационные каналы стали для Ельцина пропагандистским рупором. Киселев не скрывал своих предпочтений и предрассудков: новостная политика была направлена на спасение потрепанного политическими бурями, погрязшего в коррупции либерального правительства от реакционной коммунистической партии (пусть сами СМИ, объявлявшие себя противоядием от коррупции, теряли относительную независимость). Киселев, вероятно, испытывавший неудобство от перехода на «пропагандистские рельсы», тем не менее защищал эту меру во имя спасения страны от возвращения к коммунизму. Менее ангажированные журналисты подчеркивали цену, которую пришлось заплатить. Телекритик Ирина Петровская сетовала: «Куда вдруг испарилась подчеркнутая европейская корректность [НТВ]? Если они добьются [переизбрания Ельцина], сможет ли телевидение вернуться к демократическим принципам? Или она [новая (старая) власть] превратит временный роман со СМИ в принудительное поклонение?»⁸

Наряду с другими журналистами я много писал о распаде Советского Союза в первые годы президентства Бориса Ельцина — в частности, для *Financial Times* как редактор по Восточной Европе с 1988 года и как шеф московского бюро газеты с 1990 по 1995 год. *Financial Times* всецело поддерживала радикальные реформы, проводимые правительством Егора Гайдара, и я разделял взгляды редакции. С тех пор я не раз думал о том, что многие — не все, но многие — западные корреспонденты обращали в те годы слишком мало внимания на массовое обнищание россиян, а также на подспудное распространение ностальгии по весьма скромным, но твердым социальным гарантиям коммунистического общества. В марте

2003 года я написал рецензию на книгу Дэвида Ремника «Могилы Ленина»: Ремник, редактор журнала *New Yorker*, тогда работал корреспондентом *The Washington Post* в Москве (он уехал из Москвы примерно в то же время, когда я приехал в Россию). Я считал, да и по сей день думаю, что это мастерски написанная книга проницательного автора, но, перечитывая свою восхищенную рецензию, а также цитируемые отрывки из книги, я обнаруживаю общий для западных журналистов настрой — безусловную поддержку радикальных реформ, так как они были частью борьбы с тиранией коммунистического периода, с подавлением свободы слова, печати и передвижения. «Как если бы, — писал Ремник, — режим был повинен сразу в двух преступлениях против собственного народа: в убийствах и беспрестанном, непрекращающемся оскорблении памяти. Утаивая историю, Кремль будто добавлял своим подданным еще больше безумия, еще больше отчаяния»⁹.

Все так, но большинство из нас совершенно выпускали из поля зрения те немногие блага, которые дала советскому человеку коммунистическая система после смерти Сталина: относительную личную безопасность, гордость за «империю» (это чувство может быть хорошо знакомо британцу постимперской эпохи), социальное равенство в суровых материальных условиях (если не считать членов номенклатуры), а также осознание того, что «эксплуататорские классы», угнетавшие и после отмены крепостного права в 1861 году крестьян и молодой российский пролетариат, получили по заслугам (об этом всегда настойчиво трубила советская пропаганда).

Признание того, что коммунистическая система обладала некими популярными чертами, не подразумевает ее одобрения: часто наоборот. Но при должном внимании к этим факторам мы бы меньше удивлялись популярности путинского авторитаризма. Журналистика, в том числе стремление к объективности, не может отказаться от бессознательных мысленных границ. Отсутствие свободы, исковерканная история, низкий уровень жизни в советском обществе — в глазах основной массы западных людей (даже со средними доходами)

жизнь в СССР выглядела чудовищно, но большинство советских граждан все это возмущало гораздо меньше.

Неприятие удушающего советского режима, а также развивавшееся в средствах массовой информации критическое и саркастическое отношение к правительству и властям поддерживающим импонировало образованным молодым людям и интеллигенции, но гораздо большее число россиян питало к новым веяниям отвращение. Еврейское происхождение большинства первых олигархов (из семи наиболее выдающихся богачей только один, Владимир Потанин, не был евреем) становилось предметом для сетований и питательной средой для предрассудков. Утрата Россией влияния в мире, а также беспорядочное, странное поведение склонного к выпивке Ельцина вызывали у большинства населения чувство стыда. В стране нарастала волна ностальгии по Советскому Союзу, которая в конце концов нашла выражение в воинствующей фигуре нового президента.

На настроения публики откликнулись средства массовой информации. В 1995 году Константин Эрнст в сотрудничестве со стильным и популярным телеведущим Леонидом Парфёновым запустил на канале ОРТ проект «Старые песни о главном»: «старые песни» относились к советскому времени и были хорошо известны большинству взрослых россиян. Телепередачи были сделаны в ироническом ключе, но ирония не затмевала содержание. На экранах замелькали фильмы советских времен, и желающие смогли вновь удостовериться, что многие фильмы отличаются превосходной режиссурой, актерской игрой и часто остроумием¹⁰.

Тем временем телевидение становилось все более «западным»: телеэфир заполняли игровые программы и шоу, мыльные оперы (российские и зарубежные), ток-шоу и комедии.

На протяжении 90-х годов, несмотря на открытые или тайные попытки государственного переворота, несмотря на эксцентричность правления Бориса Ельцина, несмотря на обнищание миллионов россиян, несмотря на поток иностранных товаров и иноземные течения мысли, несмотря на

немыслимое обогащение горстки людей, несмотря на внезапно вскрывшуюся коррупцию, которая всегда была частью советской системы, и на новые, неслыханные возможности для коррупции в условиях рыночной экономики — несмотря на все это, политическая власть осталась сосредоточенной в Кремле. Во многом система выстояла по причине того, что представители новой буржуазии и политического класса видели в Ельцине при всем его своенравии наиболее крепкую защиту от возвращения коммунизма. Борису Ельцину удалось передать бразды правления страной Владимиру Путину, который всего за несколько лет, ракетой ворвавшись в административную систему России, проделал путь от сотрудника КГБ (он был подполковником) до вице-мэра Петербурга, затем до высоких постов в администрации президента, до главы ФСБ, заместителя председателя правительства, затем, осенью 1999 года, председателя правительства (пятого российского премьера за полтора года), исполняющего обязанности президента на исходе того же года, когда Ельцин ушел в отставку, и, наконец, до президента. Путин был избран президентом весной 2000 года в первом туре: за него проголосовали 53% избирателей. Начало правления Путина совпало с началом нового тысячелетия и, что более значимо, с новым периодом экономического роста. Это стало и началом новой эпохи для российской журналистики, которая сегодня, как некогда советская система, служит образцом для авторитарных правителей в разных странах мира.

О журналистике в годы президентства Владимира Путина часто говорят, будто она вернулась к советским нормам — или даже к сталинской эпохе. Это, конечно, не так. Значительная часть печатных изданий (не только в Москве, где газеты традиционно более либеральны, а и в других городах России) критично, иногда исключительно критично настроена к режиму Путина. Даже в сетях вещания, где применяются наиболее строгие нормы контроля, в эфир иногда проскальзывает критика власти, а в новостях звучат критические отзывы третьих лиц о российском президенте, что, конечно, было бы

немыслимо в советское время. Наконец, и это тем более важно, в интернете существует немало оппозиционных и критических в отношении российского руководства веб-сайтов и блогов, хотя некоторые важные новостные и аналитические сайты (например, Lenta.ru) подвергаются давлению, что нередко приводит к полной смене редакции сетевого издания.

Конечно, это не Советский Союз; это другой вид авторитаризма, предпочитающий выталкивать инакомыслие на обочину жизни (и одновременно хвалиться, что диссиденты служат признаком сильного гражданского общества), а не убивать или сажать диссидентов в тюрьму (хотя и убийство, и тюремное заключение по-прежнему не исключены). Советский строй был одновременно массовым и хрупким: строй был массовым в строительстве институтов и систем, призванных способствовать внедрению коммунизма на колоссальных просторах СССР, а также в странах Центральной и Восточной Европы, оказавшихся в советской орбите; он был хрупким, поскольку не мог мириться со сколь бы то ни было значимым вызовом своей политике или идеологии. Постсоветский авторитаризм оказался более гибким.

Вплоть до прихода к власти Горбачева абсолютное большинство критических или враждебных правительству материалов, публикуемых ныне в России, в Советском Союзе подлежали бы запрету, а их авторы — наказанию. Историк Арсений Рогинский, ставший в 1988 году одним из соучредителей общества «Мемориал» (само учреждение неправительственной организации в то время могло считаться революционной инициативой), призвание которого состоит в восстановлении памяти о миллионах жертв ГУЛАГа, в начале 1980-х годов был приговорен к тюремному сроку за вольную интерпретацию сталинского периода истории, о котором в СССР могла существовать только одна — официальная — точка зрения¹¹.

Путин пришел к власти, утверждая, что он поборник свободы печати. В качестве премьер-министра, выступая по поводу 95-й годовщины со дня основания агентства новостей

ИТАР-ТАСС, он сказал, что правительство России продолжит всемерно поддерживать свободу слова. Исполняя обязанности президента России, он заявил в декабре 1999 года, что «свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности — эти основополагающие элементы цивилизованного общества будут надежно защищены государством». Спустя год в президентском указе сорока восьми российским журналистам выражалась благодарность за освещение событий на Кавказе. Тогда Путин сказал, что свободная пресса и СМИ остаются важнейшим условием развития общества и государства. В то же время Кремль усиливал контроль над телеканалами¹².

Впрочем, нет розы без шипов. Шипы проступили в словах о праве на достоверное освещение того, что *действительно* (курсив мой. — Дж. Л.) происходит в стране. Свобода слова и печати основывается не на достоверности, а на праве говорить и публиковать, невзирая на неточности. Добросовестная журналистика стремится избегать недостоверности, однако в свободном обществе плохая, «недостоверная» журналистика не подпадает под запрет в силу своего низкого качества, а государство не вправе определять, что такое «плохая журналистика». Проблема точности и «достоверности», а также оппозиция свободной журналистике стали одними из тем путинского президентства. В сентябре 2000 года Путин подписал документ под названием «Доктрина информационной безопасности». Среди наиболее опасных угроз «в сфере духовной жизни» России в документе перечислены следующие:

деформация системы массового информирования как за счет монополизации средств массовой информации, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации в отечественном информационном пространстве; использование зарубежными специальными службами средств массовой информации, действующих на территории Российской Федерации, для нанесения ущерба обороноспособности страны и безопасности государства, распространения дезинформации.

Доктрина отражала укоренившиеся убеждения нового президента: иностранные силы, в авангарде которых стоят разведывательные агентства, стремятся к дестабилизации российского правительства. Во время третьего президентства Путина подобная убежденность привела к фактическому запрету на деятельность множества НКО, получавших финансирование из-за рубежа и занимавшихся чрезвычайно вольно истолкованной законодателем «политической деятельностью», а также целого ряда иностранных институтов, классифицированных как «нежелательные организации». Настойчивые утверждения, что журналистика должна быть достоверной, а информация — не ложной, позволяют режиму заявлять, что государственные или проправительственные СМИ правдивы и не «искажают» действительность.

В конце лета 2000 года на относительно мелководье (на глубине примерно 100 метров) в Баренцевом море в результате взрыва на борту затонула атомная подлодка «Курск» — наиболее современная и большая субмарина российских ВМС. Путин, подвергшийся в СМИ критике за то, что не прервал свой летний отпуск сразу после катастрофы, вскоре отправился в Мурманск и встретился с семьями погибших. Несмотря на то что на встречу не были допущены журналисты, стенограмма стала доступна Первому каналу российского ТВ и озвучена известным новостным диктором Сергеем Доренко, который годом ранее ратовал за нового, молодого президента. Доренко пересказал ответ Путина родственникам моряков, которые гневно кричали на него за отказ принять западную помощь, о которой сообщало телевидение. Президент на это ответил:

Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!¹³

Вскоре Доренко отставили с поста ведущего программы. Владимир Путин, придя к власти, обнаружил взгляды, которые он более или менее успешно скрывал на протяжении предшествующих десяти лет. Российский президент полагал, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории»¹⁴. Последствия этой, по словам Путина, драмы российский президент попытался со временем смягчить: он не стремился восстановить Советский Союз — в речи о «геополитической катастрофе» он даже сказал, что попытки сделать это были бы безумием, — но всемерно использовал «утрату величия» и популярное в народе желание возродить былое могущество для подпитки националистических настроений, а также культивирования подозрительности или даже враждебности к Западу.

Уроженец Ленинграда и выходец из рабочей семьи, Владимир Путин был обязан своим положением, образованием и зарубежной командировкой КГБ СССР; уход Советов из Восточной Германии был для него проявлением отвратительной трусости и слабости со стороны его политических хозяев. Основная претензия Путина состояла в том, что США и их европейские союзники обещали, будто НАТО не будет расширяться на восток и принимать в членство страны бывшего Варшавского договора — однако произошло именно это, и Восточная Германия, возглавив процессию, первой воссоединилась с Западом.

Эти жалобы не вполне беспочвенны: есть основания полагать, что в начальный период переговоров между Горбачевым, госсекретарем США Джеймсом Бейкером и министром иностранных дел Германии Хансом-Дитрихом Геншером два западных политика согласились с доктриной «нерасширения» НАТО. Впрочем, Мэри Элиз Саротт, предпринявшая кропотливое исследование этих переговоров, пишет: «В конце концов Горбачев согласился на вхождение объединенной

Германии в НАТО в обмен на шаги, позволявшие ему сохранить репутацию, и в частности, сумму в двенадцать миллиардов немецких марок на строительство жилья для возвращавшихся из Германии советских военнослужащих и дополнительно беспроцентный кредит в три миллиарда марок. Однако Горбачев не получил никаких формальных заверений относительно нерасширения НАТО»¹⁵. Саротт также отмечает: «Молодой офицер КГБ, служивший в 1989 году в Германии, спустя десять лет предложил собственный взгляд на ту эпоху, говоря в одном из интервью, что вернулся в Москву исполненным горечи оттого, что Советский Союз утратил свое положение в Европе. Офицера звали Владимир Путин, и однажды он станет осуществлять политику России, исходя из этого чувства горечи». Эта горечь не ограничивалась утратой влияния в странах советского блока: горечь вызвало крушение СССР и утрата власти в самой России.

Для того чтобы дать выход чувству горечи, президенту недостаточно было пестовать свою ярость. Ему предстояло восстановить в России господство президентской власти, умерив власть различных групп влияния. Олигархи, которые на глазах Путина без стеснения ходили в Кремль, похваляясь богатством и властью, были призваны на встречу с президентом летом 2000 года; разъяснив богачам новые правила игры, президент, как сообщили участники встречи, якобы сказал: «Вы сами формировали это государство через подконтрольные вам структуры, поэтому не надо пенять на зеркало»¹⁶. В этом Путин был прав: исправно функционирующее государство должно быть сильнее любых частных центров власти — а в России на то время это было не так. Олигархи, считавшие себя подлинными хозяевами государства, были усмирены, изгнаны из страны или посажены в тюрьму — на смену им пришел новый класс олигархов, возвращенных Кремлем.

Подобный выпад можно было бы назвать словесным эквивалентом де-аши-барай — боковой подсечки в дзюдо, когда противника в мгновение сбивают с ног; Путин, обладатель черного пояса, называл это своим излюбленным приемом.

Впрочем, олигархи уже были выведены из равновесия. В пору олигархического капитализма все они стали людьми невероятно богатыми, а некоторые и политически влиятельными. Но то было неустойчивое положение, основанное на воровском богатстве, которого можно лишиться в любую минуту. Где-то недалеко от золоченого зала, в котором проходила встреча, Путин, как было известно олигархам, хранил на них «компромат»: собранные спецслужбами стопки материалов, достигавшие, по словам советника Путина, многих метров в высоту¹⁷.

Еще до этой встречи Путин повел атаку на наиболее одиозных, с его точки зрения, олигархов. В июне был арестован и провел некоторое время в заключении Владимир Гусинский (его обвинили в растрате). Государство отказалось от уголовного преследования, но лишь после того, как залезший в долги Гусинский согласился продать «Медиа-Мост» (конгломерат его издательских и телерадиовещательных компаний) контролируемому правительством «Газпрому» за 300 миллионов долларов. Ко времени встречи Гусинский жаловался, что пошел на сделку, находясь в тюрьме, под давлением; правительство пригрозило возобновить расследование. Тем временем Путин пытался уговорить Березовского продать контрольный пакет главной телевещательной компании, ОРТ. Березовский не упустил возможности покрасоваться, заявив, что передаст акции телекомпании журналистам и представителям интеллигенции. Он утверждал, что не уступит давлению и готов, если необходимо, сесть в тюрьму.

В результате оба магната лишились собственности, хотя и получили большую компенсацию. У обоих отняли недавно созданные медиакорпорации, которые, как полагали олигархи, должны были защитить их от преследований (якобы правительство опасалось неблагоприятного освещения в СМИ). Оба уехали за границу: эмигрировавший в Великобританию Березовский был преисполнен горечи — ведь это он «высмотрел» Путина, надеясь, что тот окажется эффективным и покладистым политиком; ведь это он «возвысил» Путина

посредством принадлежавших ему СМИ, надеясь остаться близким советником, даже покровителем неопытного президента.

Для Путина возвращение всей полноты власти в Кремль означало нечто большее, чем порка олигархов. Впрочем, его собственное чувство юмора — довольно едкое — не позволило ему смириться с программой «Куклы» на НТВ, в которой часто фигурировала злоецающая кукла под его именем. Виктор Шендерович, писатель-сатирик и главный автор программы, рассказывал, что Путин сказал авторской группе «Кукол», будто они смогут продолжать выпускать сюжеты, отказавшись от критики правительства и президента. «В таком случае, — ответил Шендерович, — нам не о чем будет говорить».

Шендерович говорил мне, что политическая сатира в российских СМИ теперь невозможна. Выступления самого Шендеровича не находятся под официальным запретом, но, по его словам, продюсеры заинтересованных в нем телепрограмм осознают опасности, сопряженные с его появлением на телевидении: «Канал “Культура” недавно пригласил меня в эфир. Я сказал: “Ладно, но это запретят”. Продюсер сказал: “Давайте попробуем”. Он попробовал, и передачу сняли с эфира».

«Нужно признать, что они действуют очень умно. У интеллигенции — у одного или двух миллионов граждан — есть газеты и “Эхо Москвы”, у них есть книги и интернет. Правительство это не волнует». Но Шендерович считает, что время сатиры вернется. «Во время экономического кризиса им становится все тяжелее. Их правление основывалось на высоких темпах роста и успехе. Когда рост замедлится, оппозиционные голоса зазвучат громче. Парадокс в том, что когда сатира станет популярной, она вновь превратится в опасное занятие: нам грозит утратить и ту свободу, которую мы имеем сегодня».

Изгнание «Кукол» послужило одним из верных признаков того, что Путин «зачищает медиапространство», хотя НТВ на протяжении еще нескольких лет после вынужденной смены владельца продолжало вещать беспристрастно (тут можно

вспомнить освещение гибели подлодки «Курск» в 2000 году и захвата заложников в театре на Дубровке в октябре 2002-го). Иные олигархи не стремились испытать пьянящее чувство власти, которое дает владение большим телеканалом. Михаил Ходорковский, самый богатый из них, еще не сделал шагов, которые чуть позже обрекли его на десять лет в ГУЛАГе XXI века. Некоторые олигархи даже усматривали некий смысл в том, что правительство ограничивает их интересы накоплением огромных богатств. Петр Авен, председатель правления Альфа-банка, крупнейшего частного банка в России, и экс-министр в первом правительстве Бориса Ельцина, однажды сказал мне: «Особы, наиболее приближенные к Ельцину, вели себя так, будто именно им подчиняется правительство. Поставьте себя на место Путина. Это невозможные отношения!»

Ходорковский, чувствуя себя вполне вольно, на встрече с «олигархами» в Кремле в феврале 2003 года вызвался сделать доклад о коррупции в России, прямо указав на недавнее слияние государственной нефтяной корпорации «Роснефть» и малоизвестной частной компании. Ходорковский сказал, что у этой сделки «двойное дно», намекая на концессии основным участникам. Разгневанный Путин парировал, спросив, откуда у компании Ходорковского столь необычайные [финансовые] резервы. В течение следующего года были арестованы несколько партнеров и должностных лиц в группе компаний «ЮКОС», а в октябре — сам Ходорковский. Следующие десять лет жизни он провел в тюрьмах и лагерях.

Арест и приговор Ходорковскому означали, что Кремль не потерпит деятелей, которые решили жить так, будто Россия — свободная страна, основанная на верховенстве права. Большинство активов Ходорковского было конфисковано. В то же время ближайшие сподвижники Путина несказанно обогатились, образовав новое поколение олигархов. Путин выстроил «корпоративное государство», которое, по довольно распространенному мнению, представляет собой (в различных формах) основную разновидность политической власти и капитализма в XXI веке. Путин унаследовал государство, в котором

тон задавали магнаты олигархического капитализма, но, как отмечает британский историк Перри Андерсон, Путин «переиграл их. При его правлении возник более естественный симбиоз [между политической властью и капиталом], на этот раз под господством политики»¹⁸.

Слияние политики и бизнеса, заключает Шендерович, стало возможным в том числе благодаря одному из самых удивительных достижений Путина — созданию «виртуального пространства». Как в кинотрилогии о «Матрице», вышедшей на экраны в конце 1990-х гг., обитатели виртуального пространства Путина преимущественно послушны воле правителя и принимают симуляцию, созданную машинами, за реальный мир. «Личный опыт Путина убедил его в колоссальном могуществе СМИ, так что, достигнув власти, он счел логичным самостоятельно контролировать матрицу, создавая виртуальное пространство, которое благодаря телевидению миллионы россиян принимают за действительность»¹⁹. В этом пространстве царствует телевидение: большинство людей не читают газет, но смотрят телевизор и поддерживают Кремль; меньшинство — те, которые много читают, не смотрят телевизор и не поддерживают Кремль. Но если в «виртуальном» пространстве телеэфира разворачивались войны на Кавказе и шло присоединение Крыма, для большинства россиян обстоятельством жизни гораздо более значимым, чем виртуальное пространство, стал быстрый рост доходов.

Политическое доминирование подразумевает атрибуты власти, каковые в России тождественны огромному богатству. В конце лета 2012 года Борис Немцов и Леонид Мартынюк, наряду с несколькими другими ключевыми фигурами оскудевшей российской оппозиции, выпустили отчет под ироничным заглавием «Жизнь раба на галерах» (Путин ранее сетовал, что восемь лет на посту президента он «пахал как раб на галерах»), в котором заключалось, что Путин имеет доступ к яхтам, дворцам, пятидесяти восьми самолетами и вертолетам, двадцати домам, обставленным с царской роскошью, не говоря уже об одиннадцати наручных часах, стоимость

которых в несколько раз превосходит годовую заработную плату президента²⁰. В книге 2014 года «Клептократия Путина» кремленолог Карен Давиша также описывает баснословные богатства Путина и его окружения.

Давиша делает вывод, что

формально Путин «не владеет» этими богатствами, исключая недвижимость в Санкт-Петербурге и разве что его первую яхту, «Олимпию», которую группа олигархов во главе с Романом Абрамовичем преподнесла ему перед избранием на пост президента (яхта сошла со стапелей в 2002 году). Не будучи президентом, Путин в теории не вправе сохранять за собой эти атрибуты власти (если не считать, скажем, щегольскую коллекцию часов стоимостью в 700 000 \$, что в шесть раз превосходит его заявленные доходы), так что его желание уйти на покой должно стремиться к нулю²¹.

В труде британско-российского социолога Алены Леденевой описана система, в которой борьба за влияние, связи, взяточничество, растрата государственных средств, насильственное лишение собственности и шантаж переплетены в тугой узел и образуют часть каждодневной рутины в правительстве и бизнесе²².

В свою очередь, Давиша цитирует Леннарта Дальгрена, до 2006 года возглавлявшего российский филиал компании ИКЕА, который пытался встретиться с Путиным, чтобы пожаловаться на требования к ИКЕА платить взятки, что Дальгрэн неизменно отказывался делать: «Высокопоставленный чиновник сказал [ему], что аудиенция у Путина будет стоить от пяти до десяти миллионов долларов»²³. Путин укротил олигархов и заключил их в систему, в которой сам стал самым могущественным олигархом. Исходящая от него опасность нагнала страха даже на британского издателя Давиши — Cambridge University Press: издатель отказался печатать «Клептократию Путина», сославшись на «значительный риск» того, что английские суды примут к производству иски против автора и издателя о клевете. С известным сарказмом Давиша писала издателю, что

связанные с Кремлем олигархи скупают особняки в Белгравии, убивают диссидентов радиоактивным полонием на Пикадилли, судятся друг с другом в Высоком суде Лондона и прячут своих детей в британских частных школах. А в результате их растущего влияния в Великобритании даже самые уважаемые британские учреждения втягивают головы в плечи и начинают в целях профилактики жечь книги, страшась судебных исков²⁴.

Власть олигархов была обуздана, важнейшие газеты перешли к дружественным Кремлю номинально частным владельцам. Канал НТВ был взят под контроль «Газпром-медиа», как в 2005 году и «Известия», самая авторитетная проправительственная ежедневная газета (затем, в 2008 году, контрольный пакет газеты был продан «Национальной Медиа Группе»). Однако Путину требовалось нечто большее, чем просто контроль: он стремился проецировать себя на всю обширную страну — и на мир. Для этого нужны были подкованные, инициативные специалисты по связям с общественностью (именуемые политтехнологами).

Один из таких специалистов по политическим технологиям при президенте России вышел на сцену за несколько лет до прихода Путина к власти. Глеб Павловский, умеренный диссидент в позднесоветские годы, в 1990-х основал Фонд эффективной политики и способствовал победе Путина на президентских выборах 2000 года. Товарищем Павловского по фонду был Марат Гельман, сын известного советского драматурга и сценариста Александра Гельмана. Степень их влияния на президентов Ельцина и позже Путина небесспорна, но Павловскому приписывали большое влияние в Кремле, о чем сам он с охотой рассказывал.

Решимость вернуть всю полноту власти в путинский Кремль в условиях «суверенной» (или, как еще говорили, «управляемой») демократии была организующим принципом политтехнологов. Павловский и Гельман относили себя, по собственному определению, к «постмодернистским» фигурам, дрейфующим между миром умеренной либеральной

интеллигенции (Гельман основал модную художественную галерею) и Кремлем. Павловский тесно сотрудничал с кремлевскими кругами; Гельман был заместителем руководителя Первого канала.

Гельман ушел первым в 2004 году, когда Путин с триумфом победил на вторых в своей жизни президентских выборах. В интервью 2012 года Гельман утверждал, будто опыт выборов научил его, что новая элита не просто желает победить — она хочет убедиться в том, что победы не одержит никто другой. Он говорил, что так называемая суверенная демократия потеряла всякий стыд.

То, что произошло, противоречило моим взглядам — впрочем, и взглядам других. Мы полагали, что общество может развиваться по-другому; в советское время важна была концепция правды. Даже когда они лгали, они стремились доказать, что поступают «по правде». Теперь никто даже не пытается отставить «правду», можно говорить все что угодно. Придумывать реальность²⁵.

Павловский остался в политике, но проявил своенравие. В 2008 году он опубликовал эссе, в котором утверждал, что российское телевидение — это драма с одним персонажем [Путиным], и призвал к большему разнообразию голосов, в том числе оппозиционных. За это он получил от руководства строгий выговор, а через три года и вовсе был отставлен от дел — и даже присоединился (или наблюдал) к вспыхнувшим в том году демонстрациям и протестам.

Наиболее изобретательным из «художников слова» был Владислав Сурков, человек с крепкими нервами, наполовину чеченец, наполовину русский, который в конце 1980-х гг. поступил на службу в банковскую группу «Менатеп» Михаила Ходорковского. Он заведовал отделом рекламы, затем перешел в группу «Альфа» Михаила Фридмана, некоторое время руководил службой связей с общественностью на Первом канале, затем, ко времени прихода Путина в Кремль, в возрасте тридцати пяти лет стал заместителем главы президентской администрации. Ходорковский и его коллеги дали Суркову

отменную характеристику, указывая на его «нестандартное мышление», мол, каждый шаг этого человека становился «сенсацией»²⁶.

Почитатель Аллена Гинзберга и американских поэтов-битников, Сурков убежден, что демократии в России нет, а бюрократия неискоренима. Он утверждал, что либеральные реформы приведут к коллапсу и хаосу, а в одной из статей 2009 года писал, что даже теперь, когда власть консолидирована и упорядочена, многие проекты развиваются медленно и тяжело. Сурков заявлял, что в условиях политической нестабильности развитие страны будет попросту парализовано²⁷.

Сурков использовал свое высокое положение, чтобы во время еженедельных встреч с главами телеканалов намечать «генеральную» редакционную политику. Он говорил, что телевидение должно нести «хлеб и зрелища», обращаясь к древнеримской формуле насыщения черни²⁸. Философия Суркова всегда заключалась в том, что подлинной свободы в мире не существует, что все демократии — это «управляемые демократии», так что ключ к успеху в том, чтобы повлиять на людей, питая их иллюзией, будто они свободны, тогда как в действительности они «управляемы». На его взгляд, единственная свобода — это «свобода творчества»²⁹. На стенах его кабинета висели фотографии в рамках — Джон Леннон, Че Гевара, президент Обама, рэпер Тупак Шакур; он писал песни для рок-группы «Агата Кристи»; он написал роман «Околоноля». Суркова нередко уподобляли «конфуцианскому чиновнику», человеку, который безмятежно выполняет свою миссию (в конкретном случае миссия состоит в сохранении существующей системы), улыбаясь в ответ на оскорбления и не отвечая на нападки³⁰. Он был в числе первых семи чиновников в «санкционном списке», который подписал президент Обама в марте 2014 года, после аннексии Россией Крыма.

В интервью экономической газете «Ведомости» в феврале 2010 года Сурков клеймил 1990-е гг. за «склоку либералов», заявив, что «под шум и треп о “свободе” вынесут последнее». «Критически важно сохранять политическую стабильность.

Стабильность не значит застой, не значит остановка. Это инструмент развития. Из хаоса модернизации не получится»³¹. Признавая, что «систему» необходимо «адаптировать к меняющемуся, усложняющемуся обществу», он добавил, что «система не отделена от народа, она глубоко укоренена в социальной ткани. Тот, кто хочет разрушить ее, социально опасен».

Болгарский политолог Иван Крастев утверждает, что основная монета политтехнологов — это «бессмысленная мешанина производимых Кремлем звуковых фрагментов»³². Конечно, это мешанина, но для многих россиян она не бессмысленна. Ее значительный успех кроется в русской идее, лежащей в основе царизма, коммунизма, а затем и путинизма, — речь идет о неразрывности патерналистской связи между правителями и подданными, а также о неизменном восприятии всякого радикального критика, ратующего за изменение «системы», как «чужеродного элемента» и «опасность для общества». Те российские НКО, которые получали поддержку из-за границы и каким бы то ни было образом соотносились с политикой, были в соответствии с законом 2013 года названы иностранными агентами, что привело к ограничению их деятельности в России или даже сделало таковую невозможной, так как очень немногие российские жертвователи готовы поддерживать учреждения, которые находятся в опале. Когда в декабре 2014 года Путина спросили о политической оппозиции, он ответил, что не имеет ничего против оппозиции, если только она не действует как пятая колонна. Вскоре в России появились постеры с карикатурами на оппозиционных политиков (включая Бориса Немцова, убитого 27 февраля 2015 года) в облике предателей из пятой колонны.

Среди идеологических источников мировоззрения нынешних обитателей Кремля следует назвать философию Ивана Ильина — плодовитого автора, который после изгнания из Советского Союза в 1920-х гг. увлекся набиравшей силу идеологией фашизма, превознося «вождизм» как наилучшую модель политического управления. В буржуазных обществах

Ильин усматривал упадок и растленность, в том числе по причине того, что либеральный порядок способствовал развитию индивидуализма, противоположного необходимости тотального единения граждан в государстве под властью диктатора. «Прибегая к имени Ильина, — отмечают Антон Барбашин и Ханна Тобурн, — Кремль оглашает желательную для себя идеологию современности: крепкий коктейль бескомпромиссной ненависти к Западу, отрицание европейской природы русской цивилизации, предпочтение диктаторских методов управления и бешеный национализм, приправленный щепоткой теории заговоров»³³. Согласно историку Тимоти Снайдеру, Ильина «реабилитировали как ведущего идеолога России», и этому с энтузиазмом способствовали Сурков и Путин (последнего видели возлагающим цветы на могилу философа). Связывая новый культ Ильина с президентскими выборами в США 2016 года, Снайдер пишет, что

вмешательство в американские выборы со стороны России — это не только оппортунистическая поддержка одного кандидата, Дональда Трампа, который солидарен с российской внешней политикой. Попытки вмешательства — это и логическое продолжение новой идеологии: демократия предназначена не для смены власти внутри страны, а для ослабления врагов за ее пределами. Если смотреть на политику глазами Ильина, ритуализация выборов в России представляется добродетелью, а не пороком. Разложение демократии в мире, таким образом, воспринимается как благо для человечества³⁴.

Сурков подготовил почву для журналистики путинского периода, важнейшей задачей которой стало создание пропагандистской машины. Такой подход подразумевал, что правда вторична по сравнению с производимым эффектом: слова, воздействующие на эмоции публики, могли быть правдивы, частично правдивы или полностью ложны — единственным мерилom выступала степень возбуждаемых эмоций. Говорилось, что объективной журналистики попросту не существует: все относительно, и у каждого своя правда. Так, влияние Суркова делало «сурковскую» — и, следовательно,

президентскую — правду правдой, так как у нее была большая сила воздействия.

До XIX века пропаганда считалась почтенным, даже священным занятием. Одним из первых источников пропаганды можно считать Ватикан, где в XVII столетии была основана *Sacra Congregatio de Propaganda Fide* (Священная Конгрегация пропаганды веры) с целью распространения католической веры и обучения миссионеров. Конгрегация была переименована в 1982 году из-за дурной коннотации, которую само слово «пропаганда» приобрело вследствие двух мировых войн и, в частности, деятельности нацистского идеолога Йозефа Геббельса. Теперь ватиканское учреждение именуется Конгрегацией евангелизации народов.

Российская пропаганда в XXI столетии следует традиционным образцам: она призвана служить «проводником мечты»³⁵. И все же в ней наблюдаются определенные новшества, происходящие во многом из воззрений Суркова. Эта пропаганда многим обязана советскому коммунистическому мышлению: «Коммунисты, которые верят не в человеческую природу, а только в социальные условия, полагают, что пропаганда всемогуща, закономерна и полезна при сотворении человека нового типа»³⁶.

Британско-русский публицист Петр Померанцев некоторое время работал в России телевизионным продюсером и осознал тяжесть ее политического наследия. Он пишет, что телепродукция «апеллирует к глубинным эмоциональным травмам россиян. Политики и журналисты беспрестанно напоминают публике о лихих девяностых годах, когда, по их мнению, Запад ликовал при виде ослабевшей России, <...> а затем поднимают дух рассказами о славных победах, одержанных вождями, от Иосифа Сталина до Путина»³⁷. Кроме того, возрождается историческая практика советских времен: Мария Липман отмечает, что Россия «вернулась к традиционной парадигме — безраздельному господству государства над обществом и отторжению западного либерализма»³⁸. Безраздельное господство государства подразумевает,

что новостные СМИ имеют возможность вещать, только если они преданы государству и вождю; в свою очередь, вождь с помощью политтехнологов проникает во все сводки — разумеется, политические, но также и экономические, социальные, идеологические, военные и спортивные.

Последнее особенно важно. Эффективного контроля над СМИ, а также над политической и экономической жизнью было недостаточно: политтехнологи, равно как и сам Путин, осознавали опасности стагнации. Он стремился возбудить национальный дух некими осязаемыми общенародными достижениями. Сетуя на царящий в обществе пессимизм, Путин заметил, что «необходимо взбодриться»³⁹. Средством поднятия национального духа стала зимняя Олимпиада 2014 года, организованная в субтропическом курортном городе Сочи, на Черном море, и стоившая около пятидесяти одного миллиарда долларов (существенно больше, чем Китай истратил на летние Олимпийские игры 2008 года, притом что на пекинской Олимпиаде было в три раза больше программ). Китайцы потратили на каждый вид спорта в рамках олимпийской программы 132 миллиона долларов, русские — 520 миллионов долларов⁴⁰.

Олимпиада в Сочи ознаменовалась громким успехом — Россия вновь подтвердила статус олимпийской державы после катастрофического шестого места на предыдущих зимних Олимпийских играх в канадском Ванкувере. К счастью, обошлось без проблем с инфраструктурой и террористического насилия, а российские спортсмены возглавили медальный список — отчасти, как показали последующие расследования, благодаря многолетней, поощряемой государством системе допинга атлетов⁴¹. Режиссером-постановщиком церемонии открытия (олимпийские церемонии давно превратились в феерическую демонстрацию образа принимающей страны) стал глава Первого канала российского ТВ Константин Эрнст, к тому времени ведущий производитель «национального духа». Он поставил спектакль из русской истории, иллюстрируя различные эпохи широко известными и служащими

предметом гордости событиями или отрывками из классической литературы. Так, императорский период был представлен как балет, названный по имени одного из главных персонажей «Войны и мира» Л. Н. Толстого, — «Первый бал Наташи Ростовской». Советский период, очищенный от репрессий, ГУЛАГа и даже Сталина, был представлен большевистским агитпоездом в окружении произведений художественного авангарда, супрематизма и конструктивизма раннесоветской эпохи.

Шоу Эрнста соответствовало путинской версии российской советской истории, которую Путин прокомментировал еще в 2007 году, во время показанной по телевидению встречи президента с преподавателями истории; Путин тогда сказал, что России нечего стыдиться и что «мы никому не позволим навязать нам чувство вины». Историки и политтехнологи были призваны подчеркнуть своеобразие России, в том числе ее отличие от Европы. Неизменно говорилось о единстве народа с правителями, высвечивались достижения исторических фигур (вспомним царя Петра в сочинском шоу Эрнста), ощущение национальной исключительности предполагалось поместить в центр государственной и информационной политики.

Эрнст, новый человек на телевидении в начале ельцинского правления, ко времени возвышения Путина стал крупным «телевизионным чиновником». С избранием Путина президентом Эрнст был назначен генеральным директором главного российского телеканала, ОРТ (в сентябре 2002 года переименованного в Первый канал). В 2000 году в несколько адаптированной форме в Россию вернулся советский гимн, а Эрнст вернул в программу «Время» советскую музыкальную заставку. В программе не была предусмотрена реклама, национальный лидер по советской традиции господствовал в новостных блоках, а дурные новости обычно приберегали для освещения зарубежных событий. Эрнст считал, что новости должны успокаивать, то есть «стабилизация» делает новости спокойнее. Если новости нервируют (как в России 1990-х), то это свидетельствует о нестабильности⁴².

На протяжении первого десятилетия XXI века Эрнст выступил продюсером «почти сорока фильмов или сериалов» на популярные и исторические темы⁴³. Эрнст и возглавляемый им Первый канал осваивали плодородную землю исторических реминисценций в угоду алчущей публике. В этих фильмах и сериалах советскую классику прилаживали к вкусам постсоветской аудитории, гибель империй выглядела как череда трагических событий, сыщики прошлого и настоящего раскрывали преступления, а советская история от Сталина до Брежнева представляла «нашим национальным прошлым».

Среди его фильмов — две картины о российских спецслужбах, перекликающиеся с голливудскими опусами о силах особого назначения. Эрнст также снял четырехчастный сериал с незатейливым названием «Брежнев», в котором генеральный секретарь предстает в целом порядочным человеком. Впрочем, его фильмы не ограничиваются данью квасному патриотизму: в 2004 году на экраны вышел шестнадцатисерийный фильм «Дети Арбата» по роману Анатолия Рыбакова; книга была запрещена в Советском Союзе вплоть до эпохи гласности по причине ее «антисоветского» духа и, в частности, представления Сталина параноиком, одержимым теориями заговора.

В двух фильмах Тимура Бекмамбетова, «Ночной дозор» (2004) и «Дневной дозор» (2005), изображен фантастический мир, в котором сталкиваются силы света и тьмы. Критик Томас Кэмпбелл увидел в них «постмодернистский» проект политтехнологов, отметив, что финал «Ночного дозора» «извращает историю, делая ее совершенно невнятной, — перед нами утопическое поупурри из постимперской меланхолии, реваншизма, имперского ревизионизма, выхолощенного духа шестидесятых и антиамериканского кинематографического американизма»⁴⁴.

В пересоздании популярной киноверсии русской истории значимы еще две фигуры. Во-первых, речь идет о Никите Михалкове, кинорежиссере и предпринимателе, деятельность которого охватывает позднесоветское, ельцинское

и путинское время: его фильмография простирается от лирических киноверсий чеховских пьес до ура-патриотических «блокбастеров» (уже в последние десятилетия). В декабре 1997 года он был избран президентом российского Союза кинематографистов и призвал — в этот самый, пожалуй, лихо-радоочный год ельцинского правления — выводить в российском кино «новых героев», возрождать русский патриотизм. В апреле следующего года возглавивший «Мосфильм» кинорежиссер Карен Шахназаров сказал, что кинотеатрам нужны фильмы, которые дружественны зрителю. В речи, произнесенной в апреле 1998 года, Михалков заявил, что в 1990-е гг. российские кинорежиссеры изображали только антигероев, проституток и убийц — полную противоположность американским героям и сверхгероям, воплощавшим патриотические ценности. Продемонстрировав подборку сцен из нескольких фильмов, Михалков задается вопросами: дескать, что станет с нашими детьми, что они будут знать о собственной стране, что удержит их на родине в столь тяжелых условиях? Михалков стремился и помогал созидать патриотическую культуру с русскими героями⁴⁵.

На экраны выходят и «диссидентские» кинокартины, но снимать их все сложнее. Здесь следует упомянуть глубоко пессимистичный фильм «Левиафан» (35% бюджета фильма составило государственное финансирование), вошедший в программу Каннского фестиваля 2014 года и завоевавший приз за лучший сценарий (режиссер Андрей Звягинцев, сценарист Олег Негин). Однако фильм не сразу вышел в российский прокат и подвергся жесткой критике со стороны министра культуры, который, в частности, сказал в интервью газете «Известия», что не увидел в персонажах фильма ни себя, ни «своих коллег, знакомых и даже знакомых знакомых». «Странно, но среди героев фильма вообще нет ни одного положительного героя»⁴⁶. Позже министр опубликовал руководящие принципы, запрещающие государственное финансирование фильмов, «порочащих» национальную культуру. Однако «Левиафан» все же вышел на экраны и снискал в России успех.

Пересоздание «русской идеи» посредством истории оказалось непосредственно связано с реальными событиями — в середине 2010-х гг. Россия, применяя силовые методы, занимала новые территории и геополитические позиции. На исходе зимы 2014 года была аннексирована украинская провинция Крым, большинство населения которой — этнические русские; Кремль оказал почти неприкрытую поддержку сепаратистам в Донбассе, а также помог сирийскому президенту Башару Асаду в подавлении крупных очагов вооруженного сопротивления, что повлекло за собой гибель тысяч гражданских лиц.

Политический обозреватель Мария Липман в беседе со мной говорила, что ужесточение позиции российских властей в отношении иностранного влияния непосредственно связано с событиями в Украине в 2013–2014 гг. и последовавшими западными санкциями. Она вспоминает, что выборы президента 2012 года, положившие начало третьему сроку Путина, сопровождались широкими антиправительственными демонстрациями, отражавшими самые разные стороны гражданского активизма. Однако аннексия Крыма, совпавшая по времени с репрессиями против гражданского общества, открыла шлюзы для волны патриотизма, причем выступившие против официальной политики либералы были клеймены как пятая колонна. «Крым был той козырной картой, — говорит Липман, — которая превратила большинство людей в патриотов, а выступить против означало ощущать себя национальным предателем». Лев Гудков, директор независимого социологического агентства «Левада-центр», однажды показал мне график, отражавший резкое падение популярности президента вплоть до марта 2014 года, когда началась оккупация Крыма. В это время рейтинг Путина резко вырос, достигнув 80%⁴⁷.

Крым не требовал большой пропагандистской кампании, он был взят с легкостью, и большинство крымчан — этнических русских — были рады вернуться «домой». Другое дело — Восточная Украина, где вскоре в боях стали погибать

российские военнослужащие. Для этой истории требовалась пропаганда более жесткая, где смешивалась «правда», которую публике следует знать, со словами, которые хочется слышать. Для этой истории требовался Дмитрий Киселев.

Дмитрий Киселев (не путать с либерально мыслящим телеведущим Евгением Киселевым, который в 2008 году переехал в Украину, заявив, что в России свобода закончилась) в конце 1990-х гг. был многообещающим тележурналистом — Путин как раз взбегал по кремлевским ступеням. В 1999 году, пока Путин изрекал шаблонные либеральные формулы, Киселев делал примерно то же на телевидении — теперь эти видеозаписи воспринимаются в либеральных кругах с язвительным смехом. Он, в частности, утверждал: «Журналиста нельзя отделить от этики. Но людей, которых вы видите на экранах, часто нельзя назвать журналистами, потому что часто это просто агитаторы»⁴⁸. В свое время он разошелся с увядающим коммунистическим режимом, а затем его привлекла растущая национально-патриотическая идеология. В 2013 году, уже будучи заместителем руководителя и ведущим программы «Вести недели», он был назначен главой «России сегодня» — новой информационной группы, вобравшей в себя агентство РИА «Новости» и радиостанцию «Голос России» (но не телеканал, ныне вещающий на весь мир, больше известный как RT).

Олег Добродеев, один из самых талантливых журналистов на российском телевидении, возглавлял канал «Россия» и был фактическим начальником Киселева. У обоих некогда были либеральные взгляды: Добродеев, молодой телерепортер в середине 90-х, не скупился на анафемы советскому строю, при котором журналисты служили «приводным ремнем» идеологической системы⁴⁹.

В 1991 году в качестве репортера Дмитрий Киселев из нравственных побуждений отказался передавать лживую информацию о повлекшей смерть гражданских лиц атаке советского «спецназа» на протестующих в Вильнюсе. В 1999 году,

все еще выступая поборником демократии, он сказал в видеофильме, снятом по заказу НКО Internews на средства департамента международного развития Великобритании, что если журналист систематически лжет, то будет происходить постоянное снижение стандартов, и однажды «мы будем в грязи, как свиньи, ниже опуститься будет уже нельзя»⁵⁰.

Некоторые из журналистов когда-то верили в либеральные принципы, а позже (искренне или в силу оппортунизма) отделились от «чрезмерного западничества», порицая отсутствие «русского патриотизма» у своих коллег. К этой группе можно причислить Владимира Кулистикова, генерального директора телекомпании НТВ, которая принадлежит энергетическому гиганту «Газпром» (после того как в начале президентства Путина канал НТВ фактически отняли у его сооснователя Владимира Гусинского, который отправился в ссылку); бывшего журналиста НТВ Аркадия Мамонтова, резко критикующего в авторских телепередачах диссидентов и гей-активистов, которых он называет «извращенцами», и Михаила Леонтьева, пресс-секретаря государственной нефтяной компании «Роснефть» и ведущего аналитической программы «Однако», которая выходит в эфир после вечерних новостей на Первом канале и отличается ультрапатриотическим накалом⁵¹.

Новый глава агентства Дмитрий Киселев произнес речь перед сотрудниками РИА «Новости» вскоре после своего назначения⁵². Он утверждал, что государственное информационное агентство должно уходить от «объективности», которая искажает картину мира, «когда о нашей стране мы пишем как со стороны, как будто мы не в ней, как будто мы не живем на той земле». Он добавил, что, на его взгляд, «этот период “дистиллированной”, отстраненной журналистики закончен». Значительная часть речи была посвящена тому самому понятию, которое политтехнологи стремятся извести, — объективности: «Я считаю, что нет ни одного издания в мире, которое было бы объективно. Си-эн-эн объективно? Нет. Би-би-си объективно? Нет».

В заключительном пассаже Киселев призвал журналистов к благородной миссии — «создавать ценности» и «производить» ценностные ориентиры для населения. Задача журналиста, на взгляд Киселева, состоит в том, чтобы одновременно развивать и расширять «российские ценности», полнее «отождествляя себя с Россией». Отвечая на один из немногих вопросов коллег, он сказал, что «всегда существует много претензий к государству, к отечеству — нет. Но вы — часть отечества, и вы — часть государства».

Шквал критики в речах Киселева вызвали его заявления о том, что гомосексуалам «нужно запретить донорство крови, спермы, а их сердца в случае автомобильной катастрофы зарывать в землю или сжигать как непригодные для продолжения чьей-либо жизни». Еще более угрожающими прозвучали его подкрепленные цветной картинкой заявления о том, что «Россия — единственная страна в мире, которая реально способна превратить США в радиоактивный пепел. Если люди во всех командных пунктах после вражеской атомной атаки замолчат, неустойчивая система автоматически отправит в полет стратегические ракеты из шахт и подводных лодок в правильном направлении».

Киселев возглавил многосоставный проект изображения войны в Украине как следствия государственного переворота против бывшего президента Виктора Януковича, фашистского путча, приведшего к установлению профашистской хунты. Выходило так, что хунта немедленно обратилась против мирных русскоязычных граждан Донбасса, промышленного района на востоке Украины, на российской границе; Крым добровольно вошел в состав России; Россия оказала гражданам восточных районов Украины некоторое содействие, чтобы помочь им в самообороне от фашистских войск, в то время как некоторое число российских добровольцев присоединилось к благородной борьбе на стороне сепаратистов.

Подпорки этой пропагандистской конструкции весьма шатки. Не вызывает сомнений, что 21–22 февраля 2014 года Янукович действительно бежал из страны после

продолжительных и кровопролитных столкновений на киевском Майдане, ныне Майдане независимости, во время которых погибло около 100 протестующих. Полиция и службы безопасности, насколько можно судить, сообщили президенту, что больше не смогут обеспечивать его защиту, так как их силы тают или же сотрудники отказываются идти в бой. Действительно, сразу после бегства Януковича временному парламенту был предложен закон об отмене статуса русского как официального языка, однако закон, хотя и был принят, не исполнялся. Правда и то, что некоторые участники протестов на Майдане состояли в ультраправых группах, но электоральная поддержка этих групп была пренебрежимо мала.

На подобных инсинуациях была выстроена целая машина пропаганды. В одной из передач, показанной по Первому каналу российского ТВ, беженка поведала леденящую кровь историю о том, как в городе Славянске украинские солдаты распяли четырехлетнего мальчика (его тело якобы обнаружили занявшие город сепаратисты). Впрочем, не было предоставлено никаких документальных подтверждений этой жуткой истории (ни фотографий, ни свидетелей), и даже канал RT отказался о ней сообщать. Когда об этом спросили заместителя министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России Алексея Волина, он уклонился от прямого ответа, заметив, что публике нравится тональность «наших» программ и то, как центральное телевидение преподносит материал. Взгляды Волина на журналистику нашли выражение в его выступлении перед студентами факультета журналистики МГУ в 2013 году: «Учить сегодняшних журналистов нужно слушаться дядю, который платит деньги»; «Никакой миссии у журналистики нет, журналистика — это бизнес»; «Молодые журналисты должны знать, что они будут писать о том, что им скажет владелец, то есть хозяин»⁵³.

Схожим образом российские СМИ транслировали разногласные версии гибели малайзийского авиалайнера, сбитого над восточной границей Украины в июле 2014 года. Говорили,

будто имела место инспирированная Соединенными Штатами атака украинских истребителей или что самолет был сбит силами НАТО, так как лайнер приняли за самолет российского президента — с Владимиром Путиным на борту (эту версию приписали неназванному испанскому авиадиспетчеру). Министр обороны Донецкой народной республики Игорь Гиркин (известный как Игорь Стрелков) заявил российским телезрителям, что упавший с неба самолет был заполнен трупами (тела якобы начали разлагаться — по версии Гиркина, эти люди были мертвы уже несколько дней). Выдвигались самые фантастические теории, кроме наиболее вероятной (хотя и не доказанной) версии: авиалайнер сбили сепаратисты, которые недавно получили в свое распоряжение средства зенитной артиллерии и приняли малайзийский самолет за украинский.

В 2000-е гг. существенно выросла международная аудитория российской вещательной компании RT. Если первоначально в RT служили 300 сотрудников, к 2015 году штат вырос до 2000 человек; вещание доступно пяти-восьми миллионам зрителей кабельного телевидения в США, хотя лишь небольшая их часть смотрит канал регулярно. Директор RT Маргарита Симоньян, которой было всего двадцать пять лет во время назначения на должность, провела год в США по программе «молодых лидеров». В ответ на критику в адрес канала она не раз заявляла, что ее цель состоит не в том, чтобы вести пропаганду от лица правительства, а лишь в том, чтобы уравнивать новостями поток отчаянно негативной информации в западных СМИ. В интервью Spiegel Online в 2013 году она утверждала: «Объективности не бывает, это лишь приближение к истине посредством множества голосов»⁵⁴. Имя Симоньян неоднократно встречается в обнародованной версии отчета контрразведки США о хакерских атаках во время президентской кампании 2016 года, за которыми стояли лица из России⁵⁵.

На телепередаче культурной направленности «Афиша» Симоньян однажды сказала, будто

отсутствие в стране собственного иновещания в известном смысле равнозначно отсутствию министерства обороны. Если нет войны, то кажется, что в военном ведомстве нет нужды. Но в военную пору, хотя слово «пропаганда» имеет негативный оттенок, ни одна международная служба теленовостей не занимается, по сути, ничем другим, кроме как проецированием ценностей страны, из которой служба вещает. Если Россия воюет, то мы, разумеется, выступаем на стороне России.

Канал, возглавляемый Симоньян, имеет большую аудиторию по всему миру, особенно на YouTube, где RT претендует на большее число хитов, чем Fox News. В США канал получил значительную поддержку за сочувственное освещение протестов «Оккупируй Уолл-стрит» (Occupy Wall Street), в продолжение которых тысячи протестующих заняли парк Зуккотти в деловом центре Нью-Йорка осенью 2011 года с такими лозунгами, как, например, «Мы — 99%», призванными подчеркнуть пропасть между самыми богатыми людьми в обществе и американцами со средними или низкими доходами. Протесты вызвали сочувственный отклик президента Обамы: «Я думаю, что это служит выражением разочарования, которое испытывает американский народ при виде того, как некоторые из тех самых людей, которые действовали безответственно, теперь якобы противостоят злоупотреблениям, которые и завели нас в такую ситуацию». RT получил за освещение этих событий премию «Эмми».

С каналом сотрудничали признанные звезды эфира, например, Дэвид Фрост и Ларри Кинг, а также западные политические радикалы, как, в частности, глава партии Respect и бывший член британского парламента Джордж Галлоуэй и основатель WikiLeaks Джулиан Ассанж; кстати, первое интервью для канала в апреле 2012 года Ассанж провел с лидером ливанской группировки «Хезболла» Саидом Насраллой, который, подобно российскому правительству, поддерживает сирийского президента Башара Асада. Галлоуэй, часто появлявшийся в эфире RT, яростно отстаивал политику России и поддерживал крайне левых в Лейбористской

партии (включая лидера лейбористов Джереми Корбина). Стилистика телеканала кажется уравновешенной и обманчиво бесстрастной, если только речь не заходит о государственных интересах России, как в августе 2008 года, во время российско-грузинской войны, когда RT всецело поддержал политическую линию Путина, в соответствии с которой Грузия преследовала в Южной Осетии политику «геноцида», президент Грузии Михаил Саакашвили был «психопатом», а Россия вмешалась в конфликт исключительно в гуманитарных целях. Предвзятость RT побудила уйти с канала по меньшей мере одного репортера. Британская тележурналистка Сара Фирт, состоявшая в штате лондонской редакции, покинула RT в июле 2014 года, протестуя против освещения каналом гибели малайзийского авиалайнера. В интервью газете *The Guardian* она сказала:

То была откровенная, шокирующая дезинформация — дошло до того, что я не могла больше отстаивать [их позицию]. Я вошла в студию новостей и услышала рассказ очевидца, выдвигающего обвинения [против Украины], и анализ, если можно так сказать, нашего корреспондента. Это было ужасно слушать, да еще в такой ситуации, когда семьи ожидали вестей, а трагедия унесла столько жизней⁵⁶.

Надо признать, что RT воздержался от транслирования наиболее экстравагантных версий. Но на канале вышел документальный фильм «МН-17: нерассказанная история», в котором утверждалось, что ни одну из версий гибели авиалайнера нельзя считать доказанной.

Оливер Буллоу пишет:

телеканал RT не распространяет откровенную ложь, но избирателен в подаче фактов. Действительно, на основе того, как RT освещает политику США, может сложиться впечатление, что американскую администрацию спасают от краха только полицейские репрессии против инакомыслящих. «Несколько уважаемых комментаторов недавно предупредили о возможности серьезного социального кризиса в США», — сообщил канал RT 21 января, основываясь в своих выводах на цитатах

шестилетней давности. Впрочем, благодаря неустанному вниманию к противникам Вашингтона канал заслужил их благодарность⁵⁷.

Канал придерживается мнения, что объективность зависит от точки зрения. Редакция в целом объективно освещает протесты движения *Occupy Wall Street*, или сторонников Джулиана Ассанжа, или сторонников Башара Асада. Зрителям, которые придерживаются иных взглядов, следует поискать свою «марку объективности» в другом месте.

Естественно, подобное отношение размывает всякие критерии объективности. Но такова идеологическая основа, да и практика российских новостных СМИ 2000-х гг. Гибель МН-17, пожалуй, лишь одна яркая иллюстрация мышления режима: через четыре дня после катастрофы Министерство обороны РФ дало брифинг, в продолжение которого предлагались различные версии гибели самолета — большинство из них были явно надуманными. «Но это не тревожило российскую сторону: то, что сценарии развития событий мгновенно опровергались иностранными и российскими экспертами, не мешало распространению этих версий на Западе»⁵⁸. Более того, согласно опросу Левада-центра, 37% опрошенных считали, что российские власти говорят правду, отрицая присутствие российских войск в Украине, тогда как 38% ответили, что хотя они не верят в правдивость таких заявлений, в создавшейся международной обстановке поведение властей обоснованно с точки зрения интересов России.

Для независимых, оппозиционных СМИ пространство все больше сужается: одним из организующих принципов становится страх. С 2000 года — в большинстве случаев при невыясненных обстоятельствах — в России было убито два десятка журналистов. Так, в марте 2007 года военный обозреватель Иван Сафронов⁵⁹ пятидесяти девяти лет, заявивший о неудаче проекта российской межконтинентальной ракеты «Булава», погиб после падения из окна пятого этажа. Следствие вскоре заявило о самоубийстве Сафронова. Друзья говорили, что у него не было мотивов для самоубийства.

Однако оппозиция в России, пусть немногочисленная и часто вызывающая враждебные чувства (пропагандисты популярного в народе президента не устают клеймить политических противников иностранными агентами и пятой колонной), продолжает существовать. Радиостанция «Эхо Москвы» с 1990 года противостоит валу прокремлевских вещателей, передавая новости, вскрывая глубинные причины событий, вникая в суть интеллектуальных веяний прошлого и настоящего. По словам Дэвида Ремника, «Эхо Москвы» — исчезающий вид, своего рода «птица додо, блуждающая по земле»⁶⁰. Так обстояли дела в сентябре 2008 года, и таково положение сегодня, пусть даже радиостанция существует с дозволения Путина (к общению с которым изредка имеет доступ главный редактор компании Алексей Венедиктов), решившего сохранить в «медиапространстве» одну не вовлеченную в пропаганду компанию, хотя само это решение можно не без иронии истолковать как акт пропаганды.

Проект под названием «Последний адрес», основанный журналистом Сергеем Пархоменко в 2015 году, преследует строго определенную цель — к неудовольствию администрации Путина. Собственно говоря, цель проекта заключается в сохранении памяти о сталинистском прошлом страны и ее жертвах. Участники проекта размещают на стенах домов таблички с именами арестованных граждан, для которых эти дома обычно становились «последним адресом». Автор проекта рассказывал мне, что таким образом он стремится одновременно спасти от забвения частички истории и развеять миазмы ура-патриотизма, клубящиеся над страной. Так или иначе, отмечает российский либеральный обозреватель и автор колких статей Мария Липман, средства массовой информации либо низведены до положения политического инструмента, либо вытеснены на обочину, так что они перестали играть какую-либо роль в политической жизни⁶¹.

Многие русские, особенно молодые люди, находят прибежище в Сети — Всемирная паутина по-прежнему остается полем относительно свободной дискуссии. Но и Сеть, конечно,

находится под надзором — нередки случаи произвола в применении законов о несанкционированных публичных мероприятиях и экстремизме. В марте 2014 года редактор информационного ресурса Lenta.ru Галина Тимченко была уволена по указанию владельца портала, олигарха Александра Мамута, и должность занял Алексей Гореславский, бывший редактор проправительственного веб-сайта Vz.ru. Большинство сотрудников Lenta.ru покинули редакцию после ухода Тимченко и, перебравшись в Латвию, основали оппозиционный новостной портал Meduza.io⁶².

Путин и его политтехнологи стремятся к достижению некоей утопии — абсолютного единения вождя и народа. Возможно, им кажется, что они приблизились к цели. Однако парадоксальным образом Светлана Алексиевич, один из наиболее пронизательных и просвещенных журналистов современности, стала мастером пера именно в Советском Союзе и после крушения системы, используя наиболее распространенный журналистский жанр — интервью, создала замечательную документальную повесть о жизни простого человека в советское и постсоветское время.

Светлана Алексиевич, белорусская писательница, пишущая по-русски, — автор ряда замечательных книг: «Цинковые мальчики» (о юных солдатах на проигранной войне в Афганистане; тела погибших отправляли в Советский Союз в цинковых гробах, отсюда страшное название); «Чернобыльская молитва» (о переживших катастрофу и спасателях во время взрыва на атомной электростанции в 1986 году) и «Время секонд хэнд» (в основном о людях России в постсоветскую эпоху)⁶³. В течение трех с лишним десятилетий терпеливой летописи жизни людей, застигнутых катаклизмами 1980-х, 1990-х и 2000-х гг., скромная и дружелюбная Алексиевич, стремясь преодолеть скованность или необщительность собеседников, отражала картины жизни так, как их видели сами сограждане автора.

Относительно дилеммы постсоветского человека Светлана Алексиевич приходит к выводам, перекликающимся с

заклЮчением Мераба Мамардашвили. Летом 2016 года, посещая Великобританию, Алексиевич сказала в интервью, что в течение десятилетий изучала «красного человека» — советских граждан, мужчин и женщин — и пришла к выводу, что те все еще живут в пределах форм, предназначенных для них коммунизмом. Это маленькие люди, которые на вопрос: «Что вы думали, когда вам приказано было воевать?» — отвечали: «Что мне было думать?» Они считали, что у них нет права что-либо об этом думать.

Она полагает, что после краха коммунистической системы большинство представителей интеллигенции думали, будто новое поколение будет свободно от советских стереотипов:

В действительности новое поколение еще более поражено раболепием, чем мы. Даже человек со смартфоном в кармане, знающий английский язык, думает, что Путин наш вождь. На вопрос, предпочли бы они жить в сильной или нормальной стране, все как один отвечали: в сильной стране! Они по-прежнему думают, что их жизнь им не принадлежит и что сами они ничего не значат⁶⁴.

Склонная к пессимизму Алексиевич, возможно, излишне строга к новому поколению интеллигенции — людям, родившимся во время или вскоре после крушения Советского Союза. Годы детства многих молодых россиян были несколько хаотичными, но и наполненными воздухом свободы, желанием опираться на собственные силы, и не все благородные устремления были задушены в пору президентства Путина. В качестве председателя правления российской НПО, «Школа гражданского просвещения» (в 2014 году Школа была названа иностранным агентом и фактически лишилась возможности вести деятельность в России) я встречаюсь с представителями постсоветских поколений и среди них часто вижу людей осведомленных и прямых.

Алексиевич, удостоенная в 2015 году Нобелевской премии по литературе, стала первым журналистом — нобелевским

лауреатом. Не прибегая к западным образцам, она заглянула в сердца людей, среди которых жила: можно сказать, что способность к сопереживанию и бесконечное терпение помогли ей коснуться струн откровения. Она сама принадлежит к кругу героев своих книг и признает вслед за Достоевским, что «мы все одного безумия люди»*.

* Слова из романа Ф. М. Достоевского «Подросток»: «Мы все трое одного безумия люди» (Прим. перев.).

Глава 4

Три степени деспотизма

Каждое авторитарное государство деспотично по-своему. В XXI веке в большинстве стран мира установились того или иного рода парламентские системы, для поддержания которых проводятся выборы; так это происходит в Египте и в России. При авторитарном правительстве эти демократические институты находятся в подвешенном состоянии: они могут обладать некоторой властью, а могут не иметь ее вовсе; в настоящем у них только внешние институциональные атрибуты, но сохраняются шансы на будущее.

В 2000-х годах темпы экономического роста Эфиопии были одними из самых высоких в мире, что подкрепляло политическую мощь Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН) и авторитет его лидеров Мелеса Зенауи (1991–2012) и Хайлемариамы Десаленя (с 2012 года). Короткий период относительного ослабления давления на журналистику и оппозицию позволил укрепиться ежедневной либеральной и аналитической газете, готовой поставлять критическую и объективную информацию читателю, не привыкшему к такой подаче материала. За время своего недолгого существования газета показала, насколько может быть востребована в обществе независимая и критическая журналистика и насколько это опасно для деспотических государств.

В Турции в первые годы правления исламистской по сути Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана средства массовой информации процветали. После 2010 года все изменилось. Партия, доминирующая политически и исполняющая волю своего вождя, перестала считать СМИ независимым институтом и начала воспринимать их как угрозу, причем оппозиционные СМИ часто определялись как

предательские или способные на предательство. После референдума, проведенного в апреле 2017 года и предоставившего президенту Эрдогану расширенные полномочия, Турция, похоже, движется в направлении установления режима, подобного эфиопскому.

В Южной Африке политическая ситуация совсем не похожа на устойчивый и развивающийся авторитаризм, но при этом не лишена его предварительных признаков. После избрания Нельсона Манделы на пост президента в 1994 году, события, положившего конец политике апартеида и жесткому авторитарному правлению белого меньшинства, сменяющие друг друга администрации, сформированные Африканским национальным конгрессом (АНК), неизменно жалуются на влияние свободной прессы, обвиняя белых журналистов и владельцев СМИ в расизме и заявляя о подбострастном (к белым) образе мышления чернокожих репортеров и редакторов, критикующих АНК, а также о непонимании ими трудностей, с которыми приходится сталкиваться постапартеидному правительству. Но все же правительство не запрещает независимую журналистику и не стало, в отличие от Эфиопии и Турции, закрывать газеты и вещательные компании или сажать журналистов в тюрьмы. Давление на слабо растущую экономику, фракционная борьба внутри правящего АНК и никуда не девшиеся бедность и безработица среди большинства чернокожего населения послужат испытанием для одной из самых свободных систем СМИ на Африканском континенте.

і Нечто новое

В 2003 году в столице Эфиопии несколько молодых выпускников Аддис-Абебского университета решили издавать газету.

Молодые люди выросли в стране, для которой были привычны террор, кризисы и гражданские войны. В 1974 году группа офицеров и солдат свергла императора Хайле Селассие

и казнила высших должностных лиц и нескольких членов императорской семьи; сам Селассие умер в заключении. В 1991 году коалиция разнородных сил нанесла поражение армии режима, после чего было избрано новое правительство, сформированное Революционно-демократическим фронтом эфиопских народов и возглавляемое премьер-министром Мелесом Зенауи. Власть сохраняла относительную устойчивость, но и деспотичность.

Молодые выпускники университета верили в независимую журналистику, считали, что репортаж должен быть максимально объективным, а также строго аналитическим. Деятельность правительства и руководящих лиц следует освещать, но без подбострастия или неприязни. Эти журналисты руководствовались не узкопартийными интересами, а, скорее, желанием найти средство для максимально точного изображения деятельности и политики правительства и основных тенденций в обществе. Они полагали, что такая деятельность, не будучи изначально маркированной как политическая или партийная, становится по сути политическим актом, так как образует пространство, в котором будет транслироваться определенная правда о событиях и образованная аудитория будет получать общественно значимую информацию. Они начали скромно, с еженедельной газеты *Meznagna*, выпускавшейся как культурный вестник, но позже перешедшей на политические темы и закрытой за осторожную поддержку основной оппозиционной силы, Коалиции за единство и демократию (CUD).

В 2007 году пятеро журналистов *Meznagna*, лидирующие роли в которой занимали Месфин Негаш (ранее сотрудник неправительственной организации и ведущий авторской колонки) и Абие Теклемариам (сотрудник юридической фирмы), основали ежедневную газету *Addis Neger* («Нечто новое»). РДФЭН победил на выборах 2005 года, несмотря на сопровождавшие выборы споры о честности процедуры и справедливости результатов, и через пару лет, в течение которых лидеры оппозиции упрятали за решетку, в стране установилась

относительно спокойная атмосфера, чем воспользовались основатели *Addis Neger*. Страна, вторая по величине после Нигерии, но при этом одна из самых бедных в Африке, достигла высоких темпов роста, однако представители иностранных инвесторов, чьи деньги и опыт были столь необходимы Эфиопии, настаивали на большей открытости. Основатели газеты сочли, что правительство стерпит наличие неугодной точки зрения, хотя и приняли меры предосторожности (то есть наняли на службу и выдвинули на первый план двух проправительственных обозревателей).

Газета почти сразу завоевала популярность в среде образованных жителей столицы. Учредители и сотрудники были полны решимости изменить лик эфиопской журналистики — до тех пор плохо оплачиваемой, малоквалифицированной и смиренной профессии. В стране, где тиражи изданий исчислялись несколькими тысячами, *Addis Neger* удалось обойти всех, продавая ежедневно по 50–60 тысяч экземпляров; в Аддис-Абебе разносчики газет, рисковавшие в гущу транспортных потоков жизнью и здоровьем и в значительной степени способствовавшие успешному распространению газеты, требовали дополнительных экземпляров.

На звонки из газеты отвечали министры и чиновники; авторы статей стали частыми гостями иностранных посольств и участвовали в дискуссиях на телевидении. Но примерно через год с начала издания до основателей донесли слухи о том, что газету обсуждают в правящей верхушке. «Мы стали, — заметил Теклемариам, — слишком популярными». Ввиду ухудшения политического климата правительство опубликовало три закона: о борьбе с терроризмом, о гражданском обществе и о средствах массовой информации. *Addis Neger* выступила против всех трех, усмотрев в первом чрезмерную реакцию на относительно незначительную угрозу; во втором — атаку на большинство столичных неправительственных организаций, как эфиопских, так и иностранных, которые, по мнению Зенауи, были «государством в государстве», а в третьем

законе — заявление о намерениях обуздать критику, нацеленное прежде всего на печатные СМИ.

Согласно положениям закона о СМИ, критическая статья об экономике страны могла быть истолкована как «экономический терроризм». Министр информации, ранее человек относительно дружелюбный, сказал издателям газеты, что они «ходят по лезвию бритвы». Источник в правительстве, сообщавший им последние известия, поведал, что против них готовится обвинение.

Расследование заняло почти год: когда в 2011 году Теклемариаму и Негашу было предъявлено окончательное обвинение, то одним из пунктов была «моральная поддержка террористических группировок», причем в основу обвинения легли статьи о резко оппозиционном режиму группировке, терроризмом, однако, не занимавшейся. Статьи были аналитическими и в одном случае даже критическими по отношению к группировке. Обвинения предусматривали лишение свободы на срок не менее восьми лет.

Они не стали первыми узниками режима. Эскиндера Негу, журналиста и члена оппозиционной партии, лишили свободы в 2005-м¹; впоследствии его выпустили, что могло создать у Негаша и Теклемариама ложное впечатление о либерализации политической обстановки. Нега получил образование в США и вернулся в Эфиопию в 1991 году; свою первую газету, Ethiopia, он начал издавать еще в 1993 году. После закрытия издания он основал еще одну газету, Satenaw, массовый таблоид по образцу New York Post; результатом стало его первое тюремное заключение, где к нему присоединилась жена, родившая их ребенка уже в тюрьме. После освобождения в 2007-м его вновь отправили за решетку в 2011 году, где он остается на момент написания этих строк, — у журналиста множество наград от западных неправительственных организаций, присужденных за решимость и мужество в деле защиты свободы, и длительный тюремный срок.

В июле 2013 года в «Письме из эфиопского ГУЛАГа» Нега писал:

Я нахожусь в тюрьме, нас примерно 200 заключенных в широком коридоре, больше похожем на склад. На всех только три туалета. Здесь, в тюрьме Калити, 1000 заключенных вынуждены уживаться в небольшом открытом помещении. Страшно представить, что с нами будет в случае вспышки инфекционной болезни.

Отметив, что государственный секретарь США Джон Керри, посетив страну в мае, хвалебно отозвался об экономическом росте Эфиопии, Нега писал:

Санкции оказались действенным средством против апартеида в Южной Африке, правления меньшинства в Зимбабве и военной диктатуры в Мьянме. Без подразумеваемой санкциями надежды на мирное урегулирование скатывание к насилию было бы неизбежным. Сегодня, когда на значительной части Африканского континента благополучно установилась демократия, древняя и хрупкая Эфиопия, где у власти остается неустойчивая диктатура, опасно не соответствует современным тенденциям... Коллапса в Эфиопии допустить нельзя. И поэтому единственная сверхдержава мира не может безответственно стоять в стороне².

Все обвиняемые по делу Addis Neger покинули страну, не дожидаясь начала слушаний, и остались за границей, влившись в огромную эфиопскую диаспору, многие представители которой выступают против нынешнего режима. Зенауи умер в 2012 году, и должность премьер-министра занял его заместитель Хайлемариам Десалень; при нем режим стал еще более хаотичным.

Страна почти со стомилионным населением, вторая по численности в Африке, производит знакомое двойственное впечатление: достигнутые темпы роста ставят ее в пятерку самых быстрорастущих экономик мира, избавляя от нищеты миллионы жителей и формируя растущий средний класс. Согласно справке МВФ, опубликованной в сентябре 2015 года, темпы роста в 2014–2015 гг. составили 8,7%, а на последующие годы прогнозируется совсем незначительное снижение до 7,5–8%; там же дана высокая оценка жесткой

денежно-кредитной политике Центрального банка, «надлежащим» мерам по снижению уровня бедности и устойчивому экспортному сектору³. Страна бедных фермеров превращается в производственный центр, «африканскую Германию», как ее любят называть лидеры государства. Но ситуация с правами человека не улучшается. Согласно Докладу о положении с правами человека, подготовленному Государственным департаментом США, нерешенными остаются следующие проблемы:

ограничение свободы слова, в том числе постоянные ограничения в отношении печатных СМИ и интернета; ограничение свободы собраний, в том числе путем арестов; политически мотивированные судебные процессы; преследование и запугивание представителей оппозиции и журналистов. Правительство накладывает ограничения на деятельность общественных и неправительственных организаций, введенные Декларацией о благотворительных и общественных организациях⁴.

Нега призывал Керри отреагировать именно на этот доклад, составленный в возглавляемом Керри Государственном департаменте.

В 2015 году Теклемариам и Негаш совместно с единомышленниками основали веб-сайт *Sebat Kilo* («Седьмой кило»). Название сайта определяет ему место в лагере людей мыслящих, поскольку «кило» с первого по шестой представляют собой кампусы Аддис-Абебского университета, и поэтому «седьмой кило» — это седьмой факультет, слушателями которого должны стать образованные эфиопы. У сайта есть корреспонденты в Эфиопии, работа которых связана с определенным риском, и, по словам Теклемариама, сайт довольно популярен в стране, в основном среди пользователей Facebook. Когда Гетачью Реду, старшему советнику премьер-министра Десаленя, задали вопрос о новом сетевом издании, Реда язвительно ответил: «Я знаю этих ребят. Надеюсь на их адекватность и порядочность. Готов даже писать для их издания».

В конце 2015 года на юге страны, в регионе Оромия, начались массовые беспорядки. В августе 2016 года они распространились на расположенный к северу от Аддис-Абебы

регион Амхара, откуда поступали сообщения о сотнях погибших от рук сотрудников спецподразделений полиции (власти эти сообщения отвергали). Правительство обвинило в разжигании беспорядков журналистов-активистов, публикующих свои материалы в Facebook, и два оппозиционных спутниковых телеканала, вещающие из США, после чего двух журналистов задержали и заключили под стражу. С одним из каналов (ESAT — Эфиопское спутниковое телевидение) сотрудничают некоторые бывшие журналисты Addis Neger.

Организация Freedom House в докладе о свободе прессы за 2016 год охарактеризовала журналистику в Эфиопии как подпадающую под наиболее строгие ограничения из СМИ стран Африки к югу от Сахары. Правительство, возглавляемое премьер-министром Хайлемариамом Десаленем, последовательно применяет драконовский антитеррористический закон и другие репрессивные меры с целью заставить замолчать критикующих власть журналистов и блогеров... правительство применяет различные стратегии для подавления информационных потоков, в том числе откровенную цензуру газет и интернета, незаконные аресты и запугивание журналистов и блогеров, а также репрессивное налогообложение издательской деятельности⁵.

Базирующаяся в Париже организация «Репортеры без границ» в опубликованном в том же году исследовании сообщает, что

с момента вступления в силу в 2009 году закона о борьбе с терроризмом журналистам систематически предъявляются обвинения в терроризме. Обвинения предусматривают большие сроки лишения свободы и позволяют властям удерживать журналистов без суда в течение длительных периодов времени. После чисток, которые в 2014 году привели к закрытию шести газет и изгнанию из страны около тридцати журналистов, существенных улучшений не наблюдается. Для подавления СМИ по-прежнему в ходу угрозы физической расправой, неправомерные судебные процессы и безосновательные обвинения⁶.

В эссе, опубликованном в декабре 2011 года, Теклемариам заявил, что «тактика в духе “разделяй и властвуй”, кооптация и репрессии понизили в Эфиопии уровень общественного доверия, разрушили политические институты и заставили замолчать большинство инакомыслящих»⁷. Экономические успехи и сокращение числа бедных, по его мнению, вынудили западных политиков и интеллектуалов закрыть глаза на реальную ситуацию в стране — на то обстоятельство, что правящая партия решила оттеснить и подавить не только инакомыслящих, но и тех, кто стремится к осознанию ситуации путем оглашения и публикации фактов.

ii «Уже отключаю, эфенди!»

Турция давно выделялась на фоне монархий и военно-авторитарных государств мусульманского Ближнего Востока. В стране когда-то проводились действительно конкурентные выборы, работали многообразные СМИ, утверждалось намерение вступить в Европейский союз и бытовали светские традиции, выкованные Кемалем Ататюрком (президент Турции с 1923 по 1938 год). Но во втором десятилетии XXI века положение дел меняется.

В ответ на критику Реджеп Тайип Эрдоган, лидер страны с 2003 года, сначала на посту премьер-министра, а затем и президента, только усиливает контроль над обществом, и прежде всего над средствами массовой информации. После массовых протестов июля 2013 года, подавленных властями, страна оказалась в нестабильной политической ситуации, раздраемая разногласиями и призывами к отставке премьер-министра Эрдогана. 14 июля Девлет Бахчели, лидер Партии националистического движения, давал пресс-конференцию, которую транслировал в прямом эфире популярный (частный) канал Habertürk («Турецкие новости»). По мере того как Бахчели усиливал риторику, у смотревшего телевизор Эрдогана нарастала ярость. В июне он уже высказывал руководителю телеканала Фатиху Сарачу свое возмущение тем, что Бахчели получает слишком много эфирного времени. И вот он снова

на экране, лидер националистов, опытный полемист, бросивший Эрдогану вызов на родной для него ниве национальной гордости, во всей красе. Премьер-министр вновь позвонил генеральному директору канала; ниже приведен фрагмент расшифровки разговора, который был записан и просочился в прессу:

Эрдоган: Слушай, Фатих, ты совсем с ума сошел? У тебя там выступает этот придурок со своим манифестом, как будто Турции пришел конец, будто страна рухнула и полностью вышла из-под контроля. И ты это транслируешь вживую?

Фатих: Уже отключаю, эфенди! Вот сейчас же, пока вы говорите, эфенди!

Эрдоган: Что это такое? Он уже давно в эфире.

Фатих: Да, но...

Эрдоган: Прошло уже двадцать — двадцать пять минут! Чертовых двадцать пять минут!

Фатих: Просто дайте мне три минуты, эфенди, я отключу это.

Эрдоган: Какого черта там происходит?

Фатих: Сейчас же, эфенди! Я распоряжусь немедленно!

Эрдоган: Это безобразие! Как ты мог это позволить?

Фатих: При всем уважении, эфенди, это в рамках трансляции заявлений всех парламентских партий, официальная процедура...

Эрдоган: Зачем? На кой леший ты так поступаешь? Официальная процедура? Разве ты обязан это делать?

Фатих: Да, господин премьер-министр!

Эрдоган: Он говорит так, как будто страну захватили предатели, как будто мы с ними сотрудничаем. Такая пресс-конференция недопустима...

Фатих: Да, эфенди, я все понял, эфенди!

Эрдоган: Чтоб тебя!

Фатих: Сейчас же, эфенди! Примите глубочайшие извинения, эфенди!

Отрывок приведен в статье Явуза Байдара, бывшего турецкого омбудсмана, уволенного с этой правительственной должности⁸. Байдар пишет, что «руководитель [канала]

в сущей панике позвонил выпускающему редактору и ясно дал понять, что “наш уважаемый старейшина ужасно огорчен”. Редактор пытался было сопротивляться, но трансляция пресс-конференции вскоре прекратилась».

Столь малодушное поведение имело веские причины. Канал Habertürk входит в состав Ciner Media Group, которая среди прочего владеет крупными долями в предприятиях добывающей, энергетической и гидроэнергетической отраслей. Группе принадлежит не только телеканал, но и одноименная газета, в которой служат двадцать два обозревателя. Одна из них, Балчичек Илтер, подверглась резкой критике за материал о том, что в 2013 году, во время протестов в парке Гези, протестующие избили и помочились на женщину в мусульманской одежде; представленные впоследствии видеоматериалы свидетельствовали о ложности обвинения, и журналистке пришлось извиниться.

Пристальное внимание президента к СМИ не ограничивается турецкими газетами и телеканалами. Незадолго до победы на президентских выборах в августе 2014 года Эрдоган резко осудил Амберин Заман, корреспондентку журнала *The Economist* в Турции: «Боевик под видом журналистки, бестыжая женщина. Знай свое место!»⁹ Незадолго до выборов июня 2015 года, по результатам которых доля проголосовавших за АКР снизилась, Эрдоган посоветовал изданиям *The New York Times* и *The Guardian* не выходить за «рамки», добавив, что «за спиной *The New York Times*, к сожалению, стоит еврейский капитал»¹⁰.

На протяжении всего правления Эрдогана (премьер-министр с 2003 по 2014 год, президент Турции с августа 2014 года) давление на турецкую журналистику со стороны самого влиятельного со времен Ататюрка лидера страны неуклонно растет. Власть АКР оказалась во многом успешной: на протяжении 2000-х и 2010-х гг. экономика Турции росла быстрее, чем экономика любого другого крупного государства, за исключением Китая; заметно улучшилась ситуация с пенсиями, медицинским обслуживанием и жильем; в суровые нормы

относительно мусульманской одежды и обрядов, унаследованные светскими и военными правителями Турции со времен Ататюрка, были внесены послабления.

Журналистка Аслы Айдынташбаш, обозреватель газеты *Aksam*, в 2009 году писала, что «господин Эрдоган — это человек, который может инициировать революционные реформы, такие как отстаивание прав курдов и меньшинств и открытие границы с историческим врагом Турции — Арменией, и одновременно упрекать журналистов за “непочтительное” к нему отношение». Две тенденции соединились: растущий авторитаризм, похоже, не повредил его репутации среди основного электората — консервативно настроенного мусульманского населения небольших городов и сел в Анатолии, а также беднейших слоев городского населения, лишь «немногие из которых читают газеты или следят за новостями»¹¹.

Айдынташбаш также отмечает, что «бароны» новостных СМИ, большинство из которых владеют крупными корпорациями, «сильно подвержены политическому давлению» вследствие важности государственных контрактов и что они «никогда не считали свободу слова приоритетом. И вскоре, возможно, независимых СМИ не останется вовсе». Иностранные наблюдатели высказывают сходную точку зрения: препятствование деятельности СМИ «служит наиболее ярким примером ползучей аннексии общественной сферы со стороны “Партии справедливости и развития”... партия захватила контроль над всеми СМИ, за исключением нескольких вещателей и новостных изданий»¹². В 2016 году только три из сорока основных новостных каналов страны были настроены более или менее критически (то есть позволяли себе критику) в отношении Эрдогана. Редакция одной из немногих оставшихся независимыми ежедневных газет, *Hürriyet*, была атакована толпой после критики редакционной политики, прозвучавшей по телевидению из уст президента.

До неудавшейся попытки сместить Эрдогана в июле 2016 года в стране оставалось несколько центров открытой оппозиции. Группа *Doğan* (энергетика, гидроэлектростанции,

ветроэнергетика, нефть, финансы, недвижимость, туризм, различные производства), издающая *Hürriyet* и транслирующая популярный канал *CNN Türk*, постоянно подвергается критике со стороны Эрдогана. Президент добился возбуждения против *Hürriyet* уголовного дела за заголовок «Мир в шоке: смертный приговор президенту, получившему 52% голосов» — заголовок, который, согласно утверждению Эрдогана, относился к нему, поскольку на недавних выборах он получил 52% голосов. Газета это утверждение опровергла (не очень, впрочем, убедительно) и заявила, что заголовок не имеет ничего общего с лидером Турции, а относится к бывшему президенту Египта Мухаммеду Мурси, приговоренному к смертной казни¹³.

В феврале 2015 года, во время избирательной кампании, Эрдоган лично обратился к руководителю медиагруппы *Doğan Айдыну Догану*:

Что же ты забеспокоился, Доган? Разве не ты напечатал статью под заголовком «За хаос поднято 411 рук»? [Отсылка к парламентскому голосованию 2008 года, целью которого было снятие запрета на ношение хиджабов студентками турецких университетов.] Разве не ты опубликовал другую статью с заголовком, утверждавшим, что я недостойн избрания даже на должность мухтара [деревенского старосты]?¹⁴

Ежедневная газета *Zaman*, опубликовавшая выпад Эрдогана против Догана, тоже принадлежит к оппозиционному лагерю: газета входит в группу *Feza* — редкий пример компании, занимающейся исключительно издательской деятельностью; *Feza* близка к движению «Хизмет» Фетхуллаха Гюлена, бывшего союзника Эрдогана, порвавшего с ним и в настоящее время проживающего в США. Гюлен обвиняется в подстрекании и финансировании попытки государственного переворота в 2016 году.

В декабре 2014 года полиция арестовала Экрема Думанлы, редактора *Zaman*, в числе двадцати других лиц, обвиняемых в «создании, руководстве и членстве в вооруженной террористической группировке», что вызвало протесты со

стороны ЕС и США. Думанлы освободили за отсутствием доказательств. Позже он писал в *The Washington Post*: «Все, что при режиме Эрдогана требуется, чтобы вас назвали террористом, — это выступить против коррупции и злоупотребления властью в правительстве. Словесные нападки, кампании по дискредитации со стороны проправительственных СМИ и преследование со стороны силовых органов последуют незамедлительно»¹⁵.

На долю газеты *Zaman* выпало нечто большее, чем кампания травли. Расплывчатое постановление суда, вынесенное после нескольких месяцев расследования связей газеты с организацией Гюлена, позволило властям конфисковать газету, чтобы через несколько дней после закрытия она вновь начала выходить — уже как ежедневная газета, поддерживающая Эрдогана. Захват произошел во время пребывания в Стамбуле Дональда Туска, председателя Европейского совета, и за два дня до визита канцлера Германии Ангелы Меркель, когда оба политических деятеля обратились к Турции за помощью в прекращении потока мигрантов в ЕС. Было очевидно, что Эрдоган настоял на своем: он будет поступать со своими противниками так, как ему заблагорассудится, вне зависимости от того, что об этом подумают в ЕС¹⁶.

Еще до перехода под контроль Эрдогана многие турецкие компании были вынуждены идти на сделку с государством, причем им не раз напоминали об их зависимом положении. Со времен Ататюрка газеты, даже формально независимые, закрывались (или же редакторы и репортеры отправлялись в тюрьму) за критику или за слишком рьяные высказывания против национальной политики¹⁷. Ввиду того что средства массовой информации в основном принадлежат крупным промышленным компаниям, чьи интересы сильно зависят от благосклонности государства, подобные сделки, предметом которых было одобрительное, если не сказать раболепное освещение государственной политики в СМИ в обмен на контракты, стали обычным явлением — по крайней мере, с 1980-х годов.

Для холдингов владение СМИ приобрело огромное значение в рамках сохранения и роста их инвестиций в другие отрасли экономики; присутствие в медиасекторе давало им конкурентное преимущество в виде выгоды от приватизации государственных активов и публичных тендеров. Руководители изданий в Анкаре нередко выступали в качестве «лоббистов» финансовых интересов родительских компаний¹⁸.

Эрдоган предпринял штурм СМИ, в результате которого в 2012 и 2013 годах в тюрьмах оказалось около пятидесяти журналистов (точные цифры расходятся: данные Комитета защиты журналистов за указанные два года составляют сорок девять арестантов в год, что на девять больше, чем у Китая — следующей страны в списке завязтых тюремщиков). Однако к 2014 году большинство из них вышли на свободу и в тюрьмах оставалось только семь журналистов. Впрочем, многих вышедших из тюрем ожидала безработица, обусловленная ростом темпов увольнений: в 2014 году было уволено около 200 журналистов. Большинство владельцев СМИ, подобно жалкому Фатиху, были слишком запуганы, слишком льстивы в отношении Эрдогана, чтобы противостоять давлению. Редактор независимого портала T24 Доган Акын писал, что «в этой стране всегда были средства массовой информации, готовые поддаться давлению... Никто не сомневается, что влияние [владельцев], приобретаемая посредством различных СМИ, конвертируется неким образом в прибыль, покрывающую расходы. В этом вся суть управления средствами массовой информации»¹⁹.

Последним прибежищем свободной журналистики, как и везде, остаются интернет и социальные сети. Аслы Тунч, профессор и декан факультета коммуникаций Стамбульского университета Билги, сказала мне, что «ведущие СМИ не позволяют журналистам делать свою работу, и поэтому профессионалы перемещаются в интернет. Протесты в парке Гези собрали множество молодых людей, организовавшихся через Twitter и продолжающих использовать его для публикации новостей и комментариев». Большинство каналов и газет,

конечно же, замалчивали массовые акции протеста, проходившие в парке Гези в мае 2013 года, хотя многие редакции располагались в нескольких минутах ходьбы от него. В разгар протестов на канале CNN Türk транслировали длинный документальный фильм о пингвинах; после этого пингвин стал символом молчания журналистов.

Правительство последовало за своими критиками в интернет, и в частности, в социальные сети. В Twitter участились кампании по дискредитации независимых журналистов и критиков правительства; затем в травлю включались проправительственные газеты. В мае 2014 года немецкий еженедельник Der Spiegel отозвал своего турецкого корреспондента Хаснаина Казима после поступления в его адрес более 10 000 агрессивных посланий, в том числе угроз убийством, за репортаж об аварии на шахте²⁰.

Когда обвинения в коррупции начали затрагивать высокопоставленных членов АКР, правительство приняло решение прекратить расследование. После того как записи прослушанных разговоров просочились в прессу, ведущие средства массовой информации не стали их публиковать, хотя записи появились в Twitter и на YouTube, заблокированных после яростных фраз Эрдогана: «Мы ликвидируем Twitter. Меня не интересует мнение международного сообщества. Пусть все увидят мощь Турецкой Республики»²¹. Функционирование этих интернет-сервисов было восстановлено решением Конституционного суда, отменившего также закон, предоставляющий правительству полномочия по собственному усмотрению блокировать веб-сайты до получения судебного решения и обязывающий провайдеров услуг хранить данные интернет-трафика.

Twitter был временно заблокирован в Турции в июле 2015 года, после размещения снимков с места взрыва, устроенного террористом-смертником в городе Суруче, населенном преимущественно курдами и расположенном вблизи сирийской границы, в результате которого погибли тридцать два человека. Все же социальные сети оказались спасателями

Эрдогана (его должности, а может, и жизни) во время неудавшегося государственного переворота 2016 года. Американский репортер Декстер Филкинс писал:

За прошедшее десятилетие Эрдоган вынудил замолчать, отгеснил или задавил почти всех дееспособных оппонентов, включая редакторов газет, профессоров университетов, сотрудников гуманитарных организаций и политиков-диссидентов. (Ирония заключается в том, что Эрдоган, отправивший множество журналистов в тюрьму и приложивший немало усилий для цензуры Twitter, Facebook и YouTube, смог удержать власть благодаря тому, что появился рано утром в субботу на новостном канале турецкого телевидения при помощи приложения FaceTime)²².

В попытке государственного переворота 15 июля 2016 года обвинили (по всей вероятности, обоснованно) отдельные армейские структуры, верные Гюлену, а также связанные с ними более широкие круги силовиков. Заговор оправдал в глазах Эрдогана масштабные аресты и тюремное заключение примерно 60 000 государственных служащих, 10 000 военных, сотен ученых и преподавателей. В течение двух недель после попытки переворота власти закрыли более 130 СМИ и отправили под арест около 140 журналистов — так Турция заняла первое место в мире по числу арестованных журналистов. Необоснованность задержаний была наглядно показана на примере журналиста Бюлента Мумая, в 2015 году уволенного из *Hürriyet*: «Я выходил на улицу протестовать против этих людей [гюленистов]. А сейчас правительство обвиняет меня в том, что я один из них. Это чушь собачья»²³. Через несколько дней его выпустили, как и нескольких других журналистов. *Cumhuriyet*, ежедневная газета светских левых кругов, была закрыта, ее главный редактор Мурат Сабунджу и литературный редактор Турхан Гюнай арестованы.

Турция неоднократно подвергалась нападению террористов как со стороны ИГИЛ, так и со стороны курдских сепаратистов. Но ответ правительства не отличался избирательностью: из сотен тысяч арестованных, посаженных в тюрьму,

уволенных или отстраненных от должности лиц большинство, похоже, не имеют к терроризму никакого отношения (многие уже освобождены). ИГИЛ взяло на себя ответственность за нападение на ночной клуб в новогоднюю ночь 2016 года, когда стрелок-одиночка убил тридцать девять и ранил еще большее число посетителей. Один из иностранных обозревателей писал, что «если бы стрельба была единичным событием, то ее влияние на турецкое общество было бы, скорее всего, минимальным. Но теракт стал последним в череде яростных атак на турецкое государство, которые вызвали радикальные ответные меры и серьезно подорвали турецкую демократию»²⁴.

Пока Эрдоган остается на вершине политического олимпа, он, скорее всего, будет столь же или даже более нетерпим ко всем оппозиционным точкам зрения, в том числе к нейтральным сообщениям, звучащим в средствах массовой информации и воспринимаемым чуть ли не как измена. Вместе с тем структурные недостатки журналистского сообщества и слабые стороны его представителей послужили причиной того, что основная часть публикуемых материалов отличается односторонностью, в частности, в них замалчиваются многие проблемы и покорно воспроизводится точка зрения правительства. Последнее объясняется не только прямым вмешательством государства, но и давлением на владельцев, которые чаще всего представляют собой конгломераты, подмявшие под себя различные СМИ и демонстрирующие властям свою лояльность.

Применяемая схема довольно бесхитростна: уничтожение добротной журналистики, усмирение шеф-редакторов и владельцев посредством постоянного потока госконтрактов.

iii «Мы не способны критиковать своих»

Предок Роды Кадали был выдающимся человеком. Ее дед Клеменс Кадали (1896–1951), уроженец Ньясаленда (ныне Малави), переехал в Южную Африку в поисках работы и создал первый успешный африканский профсоюз — «Промышленно-торговый союз Африки», учрежденный в знак протеста против сурового трудового законодательства. Позже он стал региональным руководителем АНК. Последовав примеру деда, внучка вступила в ряды АНК, и президент Нельсон Мандела назначил ее Уполномоченным по правам человека (1995–1997). Это было достойное назначение. Кадали не была карьеристкой, ставящей приверженность партии выше должностных обязанностей. Четыре года спустя, анализируя свое пребывание в должности, она писала, что во многих южноафриканских СМИ «самоцензура стала в порядке вещей»:

Некоторые белые чувствуют вину за прошлое и не хотят критиковать черное правительство. Другие изо всех сил стараются понравиться правительству. Члены АНК готовы к откровенному разговору за закрытыми дверями, но считают нелояльным высказываться публично. Это свидетельствует о том, что апартеид сработал: психология жертвы укоренилась в нас настолько глубоко, что мы не способны критиковать своих... к сожалению, *правильно говорят, что из подвергавшихся угнетению демократы получают никудышные*²⁵ [курсив мой. — Дж. Л.].

Нерешительность и самоцензура особенно заметны на телевидении; Южноафриканская вещательная корпорация (SABC) находится под постоянной угрозой превращения в рупор АНК — как при режиме апартеида она выступала рупором правительства. В своем эссе южноафриканская журналистка Дженис Винтер пишет, что телевидение в стране появилось только в январе 1976 года, намного позже, чем в большинстве других стран континента, что было обусловлено не столько религиозным страхом перед телевизором как «ящиком дьявола», сколько политическими соображениями

и страхом перед «влиянием, которое телевидение может оказать на политическую власть меньшинства посредством объединения нации, которую власть систематически пытается разделить путем проведения официальной политики апартеида»²⁶. Более того, поскольку новому каналу не хватало ресурсов для заполнения полноценной сетки вещания, приходилось импортировать довольно опасные программы, такие как «Шоу Косби» из США, и таким образом в дома большинства южноафриканцев начало проникать драматическое действо, разворачивавшееся в зажиточной афроамериканской семье.

То, что канал иногда позиционирует себя как относительно независимый и нанимает журналистов и редакторов, настаивающих на осуществлении функций общественного, а не государственного вещателя, по-прежнему свидетельствует о драматичной подоплеке южноафриканской журналистики, сформировавшейся в годы апартеида и существенным образом в условиях оппозиции, а после расширившейся уже в демократической Южной Африке. Случаи притеснений, ранее имевшие место в SABC, якобы «национальном вещателе», были обнародованы в показаниях, данных Комиссии по установлению истины и примирению, органу восстановительного правосудия, созданному в 1996 году под председательством архиепископа Десмонда Туту. Было установлено, что корпорация систематически дискриминировала и унижала своих чернокожих сотрудников, а через них и аудиторию. В докладе комиссии указывалось, что:

- Законодательство (принятое в период с 1950 по 1990 год) «не исключало предоставление информации и заявлений оппозиции, [но] строго ограничивало их».

- Закон о вещании 1976 года требовал, чтобы канал SABC «распространял информацию» среди «всех национальных общин... недвусмысленно, по существу, беспристрастно и без искажений». Но закон запрещал SABC транслировать что-либо, что могло бы вызвать среди прочего «беспорядки или панику... угрожать государственной безопасности... [или] нанести ущерб репутации страны за рубежом».

- Анализ вещания за шестнадцать лет, проведенный профессором Джоном ван Зейлом, показал, что «выпуски новостей поддерживали и развивали у белых зрителей стереотипное представление о том, что апартеид был естественным и неизбежным [положением вещей]».

- Многие из руководителей среднего и высшего звена, как и члены Совета директоров, состояли в «Брудербонде», организации, основанной в 1918 году для защиты интересов местной голландской общины и решительно выступавшей против освобождения черных и предоставления им равных прав, — «изучение списков руководящих работников, занимавших должности в разные годы, показывает, что карьерные возможности англоязычных сотрудников были весьма ограничены».

- Передачи для «банту» — чернокожего населения — начали транслироваться в 1960 году: все пять членов наблюдательного совета были белыми, а «должностными лицами, ответственными за программы SABC для черных слушателей и зрителей, были восемьдесят пять ведущих сотрудников: шесть из них были чернокожими, остальные — белыми, почти исключительно говорящими на африкаанс».

- Чернокожие сотрудники подвергались жестоким притеснениям. Бывший сотрудник SABC Джейкс Нене сообщил, что «ни один чернокожий работник, даже высококвалифицированный, не мог занять руководящую должность. Любой белый человек, работавший в SABC, автоматически становился начальником». В соответствии с разделом 14 внутреннего распорядка компании любой работник мог быть уволен без объяснения причин в случае, если начальник подозревал, что идеологические воззрения работника не согласуются с текущими установками правительства. Нене сказал также, что «любой белый человек в SABC был вправе уволить любого чернокожего, оказавшегося “хардегатом” (африкаанс — непокорным). Работники получали строгие выговоры, если они осмеливались бросать взгляды на белых женщин, и должны были уступать дорогу белым в коридорах». Нене рассказал,

что в период с 1975 по 1985 год, если чернокожему сотруднику предоставлялась редкая возможность присутствовать на дисциплинарном рассмотрении, он мог согласиться на замену увольнения наказанием плетьюми («сямбок»). Те, кто отказывался от бичевания, увольнялись без надлежащего дисциплинарного рассмотрения. Это ошеломляющее откровение о бичевании в SABC при апартеиде получило подтверждение в ходе слушаний, на которых профсоюз работников СМИ МВАСА представил список лиц, наказанных описанным способом²⁷.

С тех пор все изменилось²⁸. Трансляция церемонии вступления в должность нового исполнительного президента — Нельсона Манделы, к тому времени всемирно признанной исторической фигуры, считавшейся примером стойкости, мудрости и благородства (к краю его одежды желали прикоснуться все мировые лидеры и знаменитости), велась в эпической манере. Канал SABC представил инаугурацию судьбоносным, своевременным, даже предопределенным событием, венцом долгой и ожесточенной борьбы, победой света над тьмой. Но уже в 1999 году инаугурация Табо Мбеки, бывшего вице-президентом при Манделе и руководившего повседневной работой администрации, в то время как Мандела больше занимался публичной деятельностью, была преподнесена менее уважительно. Отсутствие лидеров «Большой восьмерки», встречавшихся в эти дни в Кельне, обусловило сильный контраст со звездной аудиторией пятилетней давности. Из восемнадцатиминутной речи в новостях показали только сценку краткого замешательства Мбеки, вызванного шумным пролетом участников воздушного парада. При этом вторая инаугурация Мбеки в 2004 году была показана в более верно-подданническом духе: немало внимания уделялось военной технике, представленной со всеми подробностями, а телевизионный комментатор подметил преданность, проявленную военными своему «главнокомандующему».

Журналистам было сложно сориентироваться. Джими Мэтьюз, руководивший отделом телевизионных новостей с

2002 года, ушел с канала после инаугурации 2004 года, жалуюсь на отсутствие беспристрастности и скептицизма. Его место занял Снуки Зикалала, составивший черный список из девяти общественных деятелей (их общей чертой была готовность критиковать министров правительства и политику правительства), которых запрещалось приглашать в эфир SABC. Карима Браун, политический обозреватель газеты Business Day, узнала о списке, когда было отменено ее приглашение на радишоу SAfm Live, а ее друг и продюсер шоу Джон Перлман объяснил ей причину: «Нам сказали не привлекать тебя»²⁹.

Правление SABC, узнав о существовании «черного списка», сформировало комиссию для расследования дела и подготовило объемный доклад, но не опубликовало его; доклад, разумеется, просочился в прессу. Члены комиссии Гилберт Маркус и Звелах Сисулу писали, что руководитель отдела новостей, «судя по всему, вмешивается в редакционную политику нерегламентированным и необоснованным образом — на уровне, не соответствующем его положению». Из бесед с сотрудниками SABC члены комиссии установили, что, «как следствие, сложившаяся обстановка привела к тому, что сотрудниками принимались решения, направленные на предотвращение реального или предполагаемого неодобрения со стороны д-ра Зикалалы. Мы не считаем такие опасения преувеличенными или неправдоподобными»³⁰.

Пиппа Грин, руководитель Radio News, решительно воспротивилась Зикалале в том, что ей не разрешено привлекать гостей, выражающих различные мнения, написав в письме на имя своего начальника, что «если вы распорядились не приглашать Моелетси Мбеки, архиепископа Пия Нкубе, Тревора Нкубе или Элинору Сисулу, настоящих общественных деятелей, то я утверждаю, что распоряжение настолько неразумно, что практически неисполнимо. Его исполнение неправильно с моральной, профессиональной и этической точек зрения и будет противоречить не только нашим редакционным принципам, но и духу нашей Конституции». Зикалала ответил: «Не думаю, что у меня найдется время и энергия для того, чтобы ввязываться в подобную дискуссию».

И все же, несмотря на то что доклад был резким и предпологал, казалось, как минимум дисциплинарное взыскание, совет директоров и исполнительный директор вещательной компании Дали Мпофу выразили Зикалале полное доверие, указав в своем заявлении, что Зикалала и его сотрудники «работают в очень непростой ситуации... [когда критики] постоянно ставят под сомнение репутацию общественного вещателя». Скандал широко освещался в прессе, и большая часть материалов содержала критику в адрес Зикалалы и совета директоров, причем критика начала усиливаться после того, как корпорация объявила о грядущих мерах не только в отношении Зикалалы, но и о наложении взыскания на продюсера Джона Перлмана, который в прямом эфире опровергал прежнюю позицию вещателя об отсутствии черного списка.

Все это разозлило Мпофу, и он решил разыграть козырную карту, утверждая, что в основе проблемы лежит расовый вопрос. В октябре 2006 года в статье, опубликованной в City Press, он заявил, что «правое лобби и сочувствующие им представители СМИ» набросились на SABC за «нежелание становиться источником черной крови, которую они готовы приносить в жертву с жадностью и ненасытностью и по любому удобному поводу»³¹. Публикацию доклада о результатах внутреннего расследования газета Mail & Guardian мотивировала в числе прочего «распространяющейся ненавистью к властным структурам и ко всему, что связано с демократически избранным правительством, в котором преобладают чернокожие». Mail & Guardian ответила, что поскольку газетой владеют и руководят чернокожие, то выдвинутые против нее обвинения абсурдны.

Шумиха вокруг Мпофу не прекращалась, включая слухи о его любовной связи с Винни Манделой в начале 90-х; многие считали, что эта связь послужила причиной развода Манделы с супругой. Мпофу заполнил совет директоров SABC бывшими и действующими высокопоставленными членами АНК, допустил скатывание вещательной корпорации в финансовую яму, в результате чего правительство было вынуждено

назначить компании ежегодную государственную помощь, и заплатил журналу Leadership 123 000 рэндов за хвалебный материал о себе. Мпофу был уволен в 2009 году.

Перепадка между чернокожими лидерами АНК и белыми журналистами была вполне ожидаемой и все же производила удручающее впечатление. В 2008 году в ходе одной из словесных стычек с участием Джейкоба Зумы (в то время Зума, позднее дважды — в 2009 и 2014 годах — избранный президентом, слыл наиболее вероятным преемником Мбеки) карикатурист южноафриканской газеты Sunday Times Запиро (настоящее имя Джонатан Шапиро, и он — белый) изобразил статую Фемиды, прижатую к земле чиновниками АНК, и возвышающегося над ней Зуму, расстегивающего ремень. Один из чиновников говорит: «Давай, шеф, сделай это!» Карикатура появилась вскоре после того, как Зума был обвинен в изнасиловании (позже его оправдали).

АНК назвал карикатуру примером «злоупотребления свободой прессы», отвратительной и расистской и потребовал извинений, но Запиро извиняться отказался. К тому времени он успел разозлить правящую партию, изобразив Зуму с душевым шлангом, исходящим из его головы, напомнив тем самым читателям о том, что во время разбирательства дела об изнасиловании будущий президент отметил, что после секса он всегда принимает душ, чтобы не заразиться СПИДом. Газета Sunday Times принадлежит Times Media Group (ранее Johnnic Communications, затем Avusa), которая, в свою очередь, выступает подразделением Mvelaphanda Group, основанной Мосимой «Токио» Сексвале, бывшим активистом движения против апартеида, осужденным за терроризм в 1977 году и в течение тринадцати лет отбывавшим срок вместе с Манделой на острове Роббен. Редактор Sunday Times Мондли Маханья (впоследствии — главный редактор Times Media Group) решительно защищал Запиро; Маханья в своих статьях критиковал АНК, особенно за закупки оружия на пять миллиардов долларов в 1999 году, после чего Зума был обвинен в получении взяток, но в 2006 году его снова

оправдали. В 2012 году Зума отказался от иска, а судебные издержки стороны разделили³².

Популярная ежедневная газета *Sowetan*, входящая в состав *Times Media Group*, тоже приняла участие в бурной полемике с расовым душком, развернувшейся в 2011 году, когда ведущий одной из колонок Эрик Миени, писатель и режиссер, близкий к Джулиусу Малеме, экс-главе Молодежной лиги АНК, написал статью, в которой обрушился с критикой на редактора *City Press* Фериалу Хаффаджи за расследование, проведенное ее газетой о финансах Малемы во времена, когда тот еще был лидером Молодежной лиги. В колонке, озаглавленной «Хаффаджи делает это для белых хозяев», Миени утверждал, что редактор, принадлежащая к индейскому, или цветному, меньшинству страны, была «задействована белыми капиталистами с целью посеять раздор среди черных», что она затаила «лютую ненависть» к политикам АНК и что в 1980-х годах ей «на шею, скорее всего, надели бы горящую покрывку» — отсылка к внесудебным казням предателей движения против апартеида³³. Миени лишился своей колонки, а позже был уволен и исполняющий обязанности редактора газеты Лен Масеко. Малема покинул АНК и основал новую левую партию «Борцы за экономическую свободу», председателем которой стал Дали Мпофу, также покинувший АНК.

Контекст, послуживший основой для описанных перепадок, в определенной мере был сформирован Комиссией по установлению истины и примирению, члены которой отмечали, что многие из дававших показания выражали глубокое возмущение в связи с отсутствием у белых коллег понимания позиции чернокожего сообщества. Известный журналист и редактор Моэгсин Уильямс, представитель цветного (с азиатским происхождением) сообщества, сказал, что англоязычная пресса была оппозиционной исключительно в смысле белой сектантской политики:

Они не поддерживали АНК, никогда не излагали принципы политики АНК, никогда не писали о стремлениях подавляющего большинства южноафриканцев, об их взглядах, о том,

чего они хотят, об их потребности в праве голоса. Вне белой системы координат ничего не происходило. Они сильно заблуждались: их реальная оппозиция сидела на острове Роббен [заключенные АНК, в том числе Мандела]³⁴.

При этом другие чернокожие общественные деятели высоко оценивали роль белой прессы. Сирил Рамафоса, на протяжении многих лет видный деятель профсоюзного движения и АНК, министр, а с 2014 года — вице-президент при Джейкобе Зуме, сказал, что англоязычные газеты «в массе своей вели себя очень смело и распространяли информацию в условиях, когда правительство пыталось ее ограничить... отдельные журналисты уделяли внимание борьбе простых людей». Йон Квелане, жестко критикующий ведущие СМИ, признавал, что «именно журналисты англоязычных газет демонстрировали замечательную храбрость и проникательность, разоблачая вопиющую несправедливость, присущую системе апартеида... [приводя] в пример репортажи о нечеловеческих условиях содержания в южноафриканских тюрьмах»³⁵.

Дженис Винтер пишет:

АНК, опираясь на мандат, выданный партии более чем 65% избирателей, а также на свою историческую роль освободителя «народа», видит себя силой, объединяющей нацию... [утверждает, что] правительство освобождения в целях защиты национальных интересов и содействия социальным преобразованиям призвано обеспечить, чтобы средства массовой информации несли должную ответственность... [и] что неприкрыто критическая позиция печатной прессы непатриотична, поскольку подрывает молодую демократию и ставит под угрозу реализуемый правительством план построения и развития государства, в котором, по их мнению, СМИ должны играть ключевую роль. Президент Зума, к примеру... сказал представителям СМИ, что они «несут основную ответственность за углубление нашей демократии и должны занимать конструктивную, нацеленную на развитие просветительскую, прогрессивную и в целом позитивную позицию в отношении нашего будущего»³⁶.

Конституция Южной Африки призывает пятьдесят три миллиона своих граждан построить нерасистское общество в стране, которая на протяжении большей части своей истории в том, что касается законодательства, обычаев и СМИ, была самой расово сегрегированной среди стран XX века. Путь предстоит долгий. Гай Бергер, бывший активист движения против апартеида, сказал, что журналист «обязан быть чувствительным к различиям для устранения исторических перекосов, по причине которых люди, называемые чернокожими, выталкиваются на обочину»³⁷.

«Чувствительность» не должна превращаться в пособничество. В Южной Африке журналистика как для черных, так и для белых журналистов — минное поле, таящее больше опасностей, чем в других демократиях, так как демократия в стране молодая, а воспоминания об угнетении очень свежи. Бывший редактор Антон Харбер задается вопросом: «Следует ли предъявлять к представителям новой власти более высокие требования, чем к их предшественникам [из эпохи апартеида], к тому же авторитарным и коррумпированным, или все же применимы не столь строгие стандарты, учитывая то, что их власть [правительства АНК] новоизбранная и неопытная? Что больше способствует развитию демократии: жесткое давление на правительство или предоставление ему льготного периода?»³⁸

Апартеиду, с которым Харбер решительно боролся, будучи редактором *Weekly Mail* (в настоящее время — *Mail & Guardian*), противостоять было «относительно легко», так как моральная позиция оставалась вполне однозначной. Решение писать о недостатках тех, кого угнетало государство апартеида, давалось гораздо труднее: с этим Харбер столкнулся тогда, когда ему необходимо было решиться писать о выдвинутых против Винни Манделы обвинениях в том, что в 1989 году в Соуэто она похитила четверых мальчиков. Осознавая весь «ужас» происшествия, он решил на публикацию (пусть и без сенсационности), после чего его примеру последовали и другие противостоящие апартеиду газеты.

Мандела, сменившая фамилию на Мадикизела-Мандела, была признана виновной по ряду обвинений в похищении людей, мошенничестве и воровстве и обвинялась, но не была признана виновной в соучастии в убийстве. По истечении периода, когда она не занимала руководящие должности вследствие выдвинутого против нее обвинения в мошенничестве, Винни Мандела восстановила членство в Национальном исполнительном комитете АНК. В южноафриканском обществе она оставалась разобщающей силой, постоянно упрекала своего бывшего мужа Нельсона Манделу в соглашательстве с белыми; в одном из интервью она назвала архиепископа Десмонда Туту «кретином».

Когда в 2009 году развернулась широкая полемика по поводу половой принадлежности легкоатлетки Кастер Семени (позже выяснилось, что она женщина с очень высоким уровнем тестостерона), Мадикизела-Мандела предостерегала СМИ: «Мы знаем, что информировать нас — это ваша обязанность, но делайте это патриотично, не оскорбляя никого из нас. Пользуйтесь предоставленной нами свободой прессы осмотрительно, потому что мы можем отнять ее у вас»³⁹. Позже Семени завоевала золото на Олимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро.

Журналист-расследователь Мзиликази ва Африка, лауреат множества профессиональных наград, был арестован по обвинению в мошенничестве и препятствовании отправлению правосудия в августе 2010 года, на следующий день после публикации им в Sunday Times статьи о сомнительном договоре аренды нового отделения полиции на сумму 500 000 рэнд, заключенном начальником полиции Беки Селе. Ва Африку освободили, а Селе позже уволили. Впоследствии ва Африка выиграл еще одно дело, возбужденное против него за публикацию статьи, основанной на просочившихся в прессу документах, которые свидетельствовали о том, что работники прокуратуры были уверены в возможности успешного выдвижения обвинений в коррупции против президента Зумы, но им воспрепятствовал исполняющий

обязанности руководителя Государственной прокуратуры Мокотеди Мпше. В эссе о ремесле журналиста в Африке пишет, что когда он обратился к Альберту Мокоене, начальнику Главного управления внутренних дел, за комментарием к статье о должностных лицах, торгующих удостоверениями личности, высокопоставленный чиновник спросил его: «Зачем вы так поступаете со своими братьями? Только ради того, чтобы угодить своим белым хозяевам?»⁴⁰

В 2014 году одну из четырех международных премий за свободу прессы получила Фериал Хаффаджи. Вручая награду, обозреватель *Chicago Tribune* Кларенс Пейдж сказал, что огонек надежды, затеплившийся стараниями Манделы, который объявил, что свободная и независимая от государства пресса — это «кровеносная система демократии», погас. Хаффаджи отозвалась на это в краткой благодарственной речи, упомянув обсуждаемые в АНК законы (а также старые законы эпохи апартеида, так и не отмененные и действующие), которые были разработаны, как представляется, для нейтрализации прессы, внимание со стороны которой власти считают все более и более нежелательным. В числе законодательных инициатив были законы о государственной тайне и о криминализации распространения порочащих сведений, разрешающие полиции и даже понуждающие ее преследовать фотографов, а также создание нового министерства коммуникаций, ответственного за укрепление имиджа страны за рубежом, которое, по мнению некоммерческой организации *Right2Know*, будет «использоваться для усиления государственной пропаганды, а не для создания демократической системы общения южноафриканцев»⁴¹.

Повседневная политика, как и повседневная журналистика, никогда не будет соответствовать высочайшим идеалам, которые обрисовал замечательный приверженец политики разума и милосердия Нельсон Мандела. Но все же южноафриканская журналистика избавилась от роли рупора авторитарного режима эпохи апартеида и сегодня сильно выделяется в лучшую сторону на фоне других стран континента.

Но развитие журналистики пробуксовывает и может затормозиться в случае, если политика в ЮАР, уже достаточно неприглядная, продолжит ухудшаться. Победы, одержанные в сентябре 2016 года оппозиционным Демократическим альянсом и лишившие АНК большинства в ранее поддерживавших его регионах, усилили жесточайшее противостояние внутри правящей партии. Южноафриканский писатель Р. Джонсон утверждает, что мы стали свидетелями «фактической утраты АНК лидирующих позиций и скатывания к внутрипартийной грызне»⁴². Уровень коррупции бьет все рекорды⁴³. Джонсон заключает, что «представление об АНК как о партии, способной удержать страну, практически улетучилось. Мы достигли точки, когда действовать старыми методами стало невозможно». У журналистики, какой бы смелой и независимой она ни была, отсутствуют достаточно сильные рычаги влияния на происходящее.

«Заветы Манделы, — предостерегает Ферриал Хаффаджи, — находятся в страшной опасности».

Часть II

Власть рынка

Введение

«Без достоверности невозможна журналистика»

В обществе, где свободный рынок сосуществует с демократией и где государство владеет относительно небольшими медиахолдингами, общий закон журналистики состоит в том, чтобы говорить правду. По крайней мере, журналистика должна быть настолько независимой, чтобы провозглашать подобную цель, а также стремиться этой миссии соответствовать: права собственников должны уравниваться ответственностью попечителей. Владение медийными средствами подразумевает прибыль и (или) власть, влияние и высокое общественное положение. Попечительство как необходимая функция владения СМИ подразумевает надзор за тем, чтобы журналисты предоставляли публике правдивую, достоверную информацию. Такова предпосылка существования свободных СМИ: правдивость средств информации, не скованная государством или собственником, представляет собой один из краеугольных камней демократического государства.

Такие цели провозглашались всегда и везде с самого зарождения периодической печати. Одна из первых английских газет (и первая ежедневная газета — она издавалась с 1702 по 1735 год), *The Daily Courant*, обещала читателям основываться на достоверных фактах. Издатель первой французской газеты — *Gazette de France* — заявлял, что «в одном я никому не уступлю — в моей решимости доискаться правды»¹.

Барбара Дж. Шапиро, исследуя эволюцию «культуры факта», обнаруживает, что «вопросы установления фактов» начинают господствовать в английских судах в XVI веке

(постепенно вытесняя судопроизводство посредством монаршей, феодальной милости или ордалий), а затем прорастают в другие области, такие как история, записки о странствиях и путешествиях и журналистика². Так, газетное дело, пишет Шапиро, также тяготело к «рассуждению о фактах», перенимая из области права и исторической науки «нормы беспристрастности и достоверности, а также опору на показания надежных свидетелей».

Этот принцип по-прежнему действует. Так, *The Washington Post* давно провозгласила своим принципом обнародование «правды в той мере, в какой правду можно вообще установить». Юбер Бёв-Мери, которому в конце Второй мировой войны генерал де Голль поручил основать парижскую *Le Monde*, потребовал, чтобы ему предоставили возможность создать «независимую газету, которая ничего не должна государству, богачам, или иным властям, или кругам влияния, будь то церковь или профессиональные союзы»³. Более того, Бёв-Мери не принимал приказов от самого де Голля, хотя и восхищался президентом. В глазах французского журналиста любая иная позиция стала бы компромиссом, недопустимым при поиске правды.

В мае 1989 года, после крушения коммунизма в Польше, вступая в должность главного редактора новой ежедневной газеты *Gazeta Wyborcza*, Адам Михник написал следующее, используя несколько цветистый язык:

Бог, освободивший нас от оков, носит двойное имя: свобода и правда. Этому божеству мы полностью подчиняемся. Случись нам поклоняться другим богам — государству, нации, семье, общественному порядку — в ущерб свободе и правде, нас покарают утратой доверия. Без достоверности невозможна журналистика⁴.

Правда при всех искажениях, присущих современной журналистике, представляет собой тот исходный уровень, который принят для профессии в рыночной демократии. Это часть идеологии либеральной демократии, стандарт,

вводимый в практику рыночных отношений в сфере производства и распространения информации, и в этой идеологии заключена реальная сила и влияние. Нельзя сказать, что указанному принципу следуют повсеместно — более того, в третьем тысячелетии его принимают, пожалуй, даже реже, чем в XIX и XX веках. Американский лингвист и политический радикал Ноам Хомский, который многими гораздо более молодыми, чем он сам, людьми воспринимается как прорицатель и противник «продажной прессы», полагает, что все утверждения либеральных СМИ о собственной миссии правдоискательства — это циничная игра:

Честные СМИ признались бы: «Вот интересы, которые мы представляем, и под этим углом зрения мы смотрим на вещи». Каковы наши убеждения, чувства и обязательства по отношению к другим? Я, к слову, не скрываю своих убеждений, и *The Washington Post* и *The New York Times* также не должны этого делать. Однако они вынуждены делать именно это, потому что личина взвешенности и объективности — это неременный атрибут пропагандистской функции. В действительности они [СМИ] идут еще дальше, выставляя себя противниками власти, оппонентами, совершающими вылазки против могущественных институтов и их подтачивающими. Ученое сообщество принимает эту игру⁵.

Хомский не признает, что средства массовой информации, которые стремятся к достоверности репортажа и освещению темных сторон жизни, ведут свое происхождение от вековой борьбы за независимость прессы от государственной власти. СМИ не свободны от власти собственников, однако относительная свобода от государства в демократических странах с сильным гражданским обществом придает им легитимность, право вещать, расследовать и комментировать, утверждая за журналистикой статус области, не вполне подчиненной интересам собственника. Этот статус Хомский полностью отвергает, и в этом его поддерживает американский президент Дональд Трамп.

Настойчивые попытки Дональда Трампа определять правду так, как ему заблагорассудится, настаивая на существовании, по словам его советницы Кэллиэнн Конуэй, «альтернативных фактов», стали главной угрозой журналистике в демократических государствах со времен Второй мировой войны, тем более что она исходит из самого могущественного политического центра на планете, из страны, которая больше других практиковала и распространяла в мире принципы, права и обязанности деятельной и правдивой журналистики.

Принципиальная приверженность той или иной форме демократии и принципам рыночной экономики налагает на журналистов известные ограничения; в традиционных СМИ редко звучат голоса крайне левых, крайне правых и популистских деятелей — в любом случае мы слышим радикальные мнения только от приглашенных комментаторов. Сетуя на лакунарность современных информационных средств, бывший редактор *The New York Times* Дэниел Окрент пишет:

Если вы принадлежите к общественным группам, представители которых выглядят в глазах редакции *The New York Times* существами экзотическими (верующие католики, сторонники свободного владения оружием, ортодоксальные евреи, техасцы); если ваша система ценностей расходится с воззрениями собирательного журналиста *The New York Times*, то прогулка по страницам этой газеты покажется вам путешествием в странный, враждебный мир⁶.

То же с некоторыми поправками можно сказать о большинстве европейских стран и Северной Америке; в Германии принадлежность к «правым» (с неизбежными отголосками нацизма) невольно вызывает подозрение, однако, согласно опросу 2015 года, 44% немцев считают, что немецкие СМИ тяготеют к политической левизне⁷.

Американский ученый и журналист Уолтер Липпман, наиболее влиятельный специалист первой половины XX века в вопросах ответственности средств массовой информации, писал, что правда и новости — это не одно и то же: «Функция новостей — сигнализировать о событии, оповестить людей.

Функция правды — это высветить сокрытые факты, а также сопоставить их, выстраивая картину реальности, на основе которой люди способны действовать»⁸. (Впоследствии Липпман уже с гораздо меньшим оптимизмом говорил о способности журналистики нарисовать «картину реальности».)

Для того чтобы следовать линии повествования, основанного на фактах, скрытых или известных, необходимы время и усилия: большинство людей не прилагают должных усилий к восприятию новостей вообще. Несколько фокус-групп, проведенных исследователями из Лидса, чтобы определить уровень восприятия людьми средств массовой информации, потрясли организаторов. Фокус-группы проводились в 2008 году, во время череды праймериз по выдвижению кандидата в президенты США от демократической партии, на которых Барак Обама, будущему победителю, противостояла Хиллари Клинтон. О праймериз в новостных СМИ, включая телевидение, говорили почти ежедневно, но ни один из сорока или пятидесяти человек, принявших участие в фокус-группах, похоже, не знал, что дебаты проводятся в связи с выдвижением кандидата от партии, а не с собственно президентскими выборами. Исследователи под руководством профессора Стивена Коулмена из Университета Лидса писали, что были «изумлены всеобщим отсутствием понимания среди участников фокус-групп сути процедуры первичных выборов (праймериз)... никто ни в одной фокус-группе не знал, что оба кандидата представляют демократическую партию»⁹.

Чтобы новости были адекватно восприняты и поняты, они должны сопровождаться анализом и дискуссией. Но когда такие упражнения проводятся на телевидении, аудитория, как правило, мала, и актуальные новостные ток-шоу обычно превращаются в агрессивную перепалку. Этому рецепту с большим успехом следуют на американском, итальянском и индийском телевидении, где подобные программы набирают больший рейтинг, чем аналитические передачи или диспуты. В 2015–2016 годах Дональд Трамп отлично усвоил, что шок, противоречия, безосновательные утверждения, оскорбления

и похвальба гораздо более привлекательны как для его поклонников, так и для ненавистников. В частности, в социальных сетях потрясенные и заворуженные ненавистники поливали его грязью, и это оказалось очень полезно, коль скоро Трамп доказал своим сторонникам, что истеблишмент его боится, и они правы, поддерживая его.

Следующие главы книги посвящены главным образом проблемам журналистской деятельности, согласующейся с теми или иными правилами рынка, а также фактору давления, которое рынок оказывает на качество и достоверность информации. Все больше людей в мире считают, что в журналистике правду не найти. Опасения эти оправданны, но не всегда. Нет сомнений в том, что на современном витке истории поиски правды и стремление к достоверному отображению действительности так же настойчивы, как и всегда — может быть, даже, в большей степени, чем раньше, так как разрушение бизнес-модели газет, основанной на рекламе и больших тиражах, стимулировало лихорадочные и порой успешные поиски форм и способов изложения без искажения действительности.

2016 год, когда в Великобритании прошел референдум о выходе из состава Европейского союза, а в Соединенных Штатах был избран президент-националист Дональд Трамп (впрочем, это события разного порядка), был отмечен вспышкой фальшивых — фейковых — новостей, особенно в связи с американской избирательной кампанией, на правом политическом фланге. Измерить роль ложной информации в победе Трампа весьма затруднительно, однако отмечавшееся распространение фейковых новостей может оказаться для журналистики катастрофическим.

Среди наиболее важных традиций и событий, которые, как считается, лежат в основе независимой журналистики при всей относительности этого понятия, следует назвать исторические вехи, которые сделали возможной саму профессию репортера. К ним относятся книгопечатание и грамотность, которые поощрялись, в том числе растущим протестантским

сообществом, а также потребность в коммерческой информации (само слово «газета» происходит от одноименной венецианской монеты, газеты, равной стоимости новостного листка, в котором купцов оповещали о прибывающих и отбывающих грузах).

«Какие вести на Риальто?» — то есть в торговом сердце Венеции. Таковы первые слова, которые Шейлок обращает к Бассанио, другу купца Антонио, своего мучителя, а впоследствии должника. Дэвид Зарет показывает, что информационные средства играли важную роль в публичном пространстве еще до издания трудов мыслителей Просвещения¹⁰. Значимое развитие профессия претерпела во время гражданской войны в Англии — в эпоху политических баталий и утраты монархом власти над общественными дискуссиями. Попытки подавить прессу по всей Европе, а также поставить публикацию новостей под контроль государства — взять, к примеру, *Gazette de France* — привели к росту демократического движения, грамотности и политической эмансипации низших сословий.

У Соединенных Штатов другая история¹¹. Американские политики поддерживали прессу и способствовали ее распространению. Однако даже отцы-основатели США и конгрессы первых созывов закрывали свои двери перед газетчиками — одного даже посадили в тюрьму за разглашение деталей дебатов, о которых он узнал от участника заседания. Положение изменилось лишь в 1820-х годах. С тех пор в США, как и в Великобритании и континентальной Европе, информирование о событиях общественной значимости постепенно стало рутинным делом и приобрело характер нравственного императива.

В одном из своих эссе Майкл Шадсон сравнивает двух выдающихся американских репортеров разных поколений: Линкольна Стеффенса (1866–1936) и Гаррисона Солсбери (1908–1993), рисуя первого человеком строгих суждений и радикальных мнений, служивших основой для его статей, а второго — журналистом, предпочитавшим опираться только

на явные, вполне достоверные факты¹². В письме Шадсону Солсбери писал: «Стеффенс был крестоносцем и общественным деятелем. Я, как вы заметили, главным образом репортер, а не проповедник. Я пытаюсь докопаться до фактической правды и представить ее так, чтобы факты, какими я их вижу, сами побуждали людей думать».

В первые годы XX века Стеффенс входил в знаменитую группу репортеров в журнале McClure's, которых вполне можно считать основоположниками жанра журналистского расследования. Их достижения в области расследований действительно впечатляют, простираясь от материалов о коррупции в правительстве США до жизни деловой Америки. Статьи журналистов McClure's отличались остротой и непримиримостью позиций по отношению к порокам общества. В плане скорости подачи материала и фактической достоверности репортажа Солсбери был воспитан двадцатью годами сотрудничества с United Press International (ныне это бледная тень некогда мощной службы международных новостей). Мнение Солсбери — например, о коммунизме или о вьетнамской войне — было, по его словам, лишь выводом из беспристрастного наблюдения за действительностью.

Шадсон пишет: «Стеффенс увлечен политикой, Солсбери — карьерой журналиста и созданием собственной репутации. У Стеффенса, помимо репортажа, есть другие интересы. Солсбери — профессионал в классическом смысле, его единственная цель состоит в репортаже как таковом, он страстно желает овладеть ремеслом»¹³. Для авторитарных режимов опасна журналистика и Солсбери, и Стеффенса; возможно, Солсбери опасен в меньшей степени, чем явный либерал Стеффенс. В силу того, что Солсбери делал себе имя в журналистике, он ревностно заботился о независимости от всякой политической или государственной власти. Стеффенс, напротив, был близок с президентом Теодором Рузвельтом, который, кстати, снабжал журналиста сюжетами для расследования дел о коррупции.

Французские журналисты нередко черпали вдохновение в личности Альбера Лондра (для бельгийского художника-карикатуриста Эрже он послужил одним из прообразов персонажа комиксов Тинтина). Лондр развил стиль письма о человеческих страданиях (например, о жизни в тюрьме во Французской Гвиане или в лечебнице для душевнобольных), достигающий романного размаха и глубины.

С 1970-х годов репортер, ныряющий в мутный омут жизни и всплывающий с доказательствами некомпетентности, продажности или преступности властей предрержащих, — это центральная фигура в журналистике. Лично я восхищаюсь белорусской писательницей Светланой Алексиевич, которая возвысила жанр интервью, наполнив его глубочайшим пониманием психологии людей — мучеников, которые стремились (часто без всякой надежды) обрести опору для разумного существования.

3 апреля 2016 года был запущен основанный в Нью-Йорке веб-сайт Международного консорциума журналистских расследований. На сайте были опубликованы сведения о многих видных публичных фигурах, которые напрямую или через близких людей использовали различные низконалоговые или безналоговые юрисдикции для ухода от уплаты налогов в своих странах. Указанные сведения содержатся в 11,5 миллиона документов — письмах электронной почты, счетах и иных документах, самые старые из которых датируются 1977 годом. Они были извлечены лицом, поныне остающимся анонимным, из компьютерных файлов панамской юридической фирмы Mossack Fonseca & Co, специализирующейся на помощи клиентам в уходе от налогообложения.

Некоторые из материалов не оказались неожиданными. Футболист Лионель Месси, например, уже привлеченный к суду в Испании за уклонение от налогов, основал, как оказалось, компанию в Панаме на следующий же день после того, как налоговые власти Испании предъявили ему обвинения в правонарушении; вследствие судебного разбирательства он был приговорен к тюремному заключению (срок он

не отбывал)¹⁴. Иные дела оказались просто шокирующими: взять хотя бы дело президента Украины Петра Порошенко, который давно заявлял о себе как о непримиримом борце с коррупцией, но оказался единственным акционером компании на Британских Виргинских островах, о чем стало известно «в тот самый день, когда Украина заявила о гибели почти 1000 украинских военнослужащих в результате наступления пророссийских сепаратистов на востоке Украины»¹⁵. В защиту миллиардера Порошенко выступили два западных эксперта, Адриан Каратницкий и Алан Райли, оба сотрудники аналитического центра Atlantic Council. Они утверждали, что президент, чье состояние происходит главным образом из бизнеса по производству конфет, оказался во вполне приличной компании: «Уважаемые фирмы, законным образом использующие офшорные юрисдикции и прибегающие к услугам Mossack Fonseca & Co, относятся к мировой финансовой элите: Bank of America, Wells Fargo, JPMorgan Chase, Morgan Stanley»¹⁶.

Другими фигурантами «Панамского досье», которым в силу занимаемой должности полагалось убеждать граждан в необходимости уплаты налогов во имя общественного блага, были действовавший на то время премьер-министр Исландии Сигмюндюр Давид Гюннлэйгссон, который в декабре 2007 года вместе с женой основал офшорную компанию Winter Inc. на Британских Виргинских островах для инвестиции ее доли, полученной после продажи бизнеса отца, владельца компании — официального импортера Toyota¹⁷; британский премьер-министр Дэвид Кэмерон, чей отец Иэн основал офшорный фонд для вложения денег семьи, который не платил налогов в Великобритании¹⁸, а также лица, близкие российскому президенту Владимиру Путину, включая виолончелиста Сергея Ролдугина, владевшего офшорными компаниями, через которые неназванным бенефициарам перечислялись сотни миллионов долларов¹⁹.

На конференции по технологиям, развлечениям и дизайну TED Джерард Райл, директор Международного консорциума

журналистских расследований, поведал о природе расследований в современную эпоху, основанных на утечке информации и сетевых технологиях²⁰. Анонимное лицо, причастное к раскрытию «Панамского досье», вначале обратилось к левой немецкой ежедневной газете *Süddeutsche Zeitung*, которая, в свою очередь, обратилась за помощью к консорциуму. Чтобы разобраться в потоке информации, Райлу пришлось прибегнуть к сотрудничеству с 376 журналистами по всему миру, не считая двадцати штатных сотрудников консорциума. Журналисты работали с документами, относившимися к их соотечественникам, и на протяжении многих месяцев анализа материала были связаны строгими соглашениями о конфиденциальности. Для просеивания документов и поиска языковых соответствий была создана специализированная поисковая система; обнаруженные в досье результаты были классифицированы по категориям (например, спорт или «кровавые» алмазы), которые представлялись для анализа группе специалистов. Материалы, сообщил Райл, обладают общемировым значением, и журналистам пришлось забыть о присутствии профессии репортера нежелании делиться информацией во имя расследования, которое преодолевает национальные границы. Электронная сеть, уничтожившая газеты, породила новую область журналистики, новые формы поиска информации об огромных состояниях и аферах богачей.

Разоблачения «Панамского досье» обладают огромной силой, питая всеобщую неприязнь к ужасающему неравенству в доходах и к махинациям сверхбогатых. При этом досье избавлено от двусмысленности других информационных утечек, в частности, документов, переданных сайту WikiLeaks в 2010 году военнослужащим армии США Брэдли Мэннингом, и разоблачений Эдварда Сноудена, служившего в Агентстве национальной безопасности (АНБ) США, в 2013 году. В двух последних случаях эта «утечка» раскрыла методы работы ряда спецслужб США, хотя и ослабила эффективность системы, призванной защищать демократии от авторитарных режимов. Напротив, «Панамское досье» удостоилось похвалы

Барак Обама, который назвал эти документы «важными» и даже сделал вполне социал-демократический по духу комментарий, указав, что уклонение от налогов «ведет к снижению капиталовложений в школы, в более доступное высшее образование, в создание рабочих мест, в создание лучших условий для наших детей»²¹.

«Панамское досье» показало, что журналистика неизменно привлекает людей, движимых желанием расширить осведомленность в вопросах, которую богатые и облеченные властью люди предпочитают скрывать. Потребность в открытости информации — это ценный стимул для СМИ, причем основанная на этом принципе журналистика жизнеспособна только в странах, обладающих стабильной демократической системой и сильными СМИ, в достаточной мере независимыми от собственников, государств и правительств, которые под давлением СМИ вынуждены корректировать свои действия.

Относительно свободная журналистика существует только в условиях либерально-демократической рыночной экономики, но все чаще методы корпораций, производящих новости и аналитические материалы, воспринимаются как вредоносные для свободной журналистики, так и насколько же ей полезные. В качестве важного примера следует назвать практику прослушивания телефонных разговоров в News Corporation (ей принадлежали два британских таблоида: воскресная, переставшая существовать газета News of the World и ежедневная The Sun), о которой первой несколько лет назад сообщила газета The Guardian. Дело оказалось в центре громкого расследования под председательством судьи сэра Брайана Левесона, в отчете которого содержалась рекомендация назначить орган государственного регулирования в делах печати, что было отвергнуто британскими газетами.

Ученые, профессию которых роднит с журналистикой поиск причин, лежащих в основе событий мировой истории, часто ужасаются репортерской практике, причем некоторые из них, скажем, политологи и социологи, видят в журналистах угрозу для демократии. Британский социолог Колин Крауч

писал, что богачи, владеющие средствами массовой информации, не желают, чтобы «внимание общественности сосредоточивалось на вопросах неравенства или чтобы СМИ высказывались в пользу налогообложения богатых», тогда как рост конкуренции на переживающих упадок рынках прессы и телерадиовещания побуждает «журналистов к сенсационности, искажению фактов и применению всех возможных способов, включая незаконные, для получения информации, правдивой или ложной»²².

Американский социолог Пол Старр утверждает, что «коммерция искажает и в то же время расширяет публичную сферу», тогда как средства массовой информации в XX веке превратились в самостоятельный фактор политики, не менее значимый, чем политические партии, которые некогда над ними господствовали, и, пожалуй, гораздо менее полезный для демократии²³. Бельгийский писатель Давид Ван Рейбрук полагает, что коммерческие СМИ (газеты, журналы, ТВ и радио) в XX веке совершили «путч», серьезно потеснив политику, а в веке XXI лишь усилили какофонию вокруг политики, последовательно ее выхолащивая: «Коммерческие и социальные СМИ усиливают друг друга; то и дело перехватывая друг у друга новости и играя ими как шариком в пинг-понге, они создают атмосферу постоянного скандала»²⁴.

В 2002 году Онора О'Нил, исследователь Канта, собираясь на пенсию с поста ректора женского Ньюнэм-колледжа в Кембриджском университете, прочитала курс лекций имени Рейта для BBC²⁵. Последняя из пяти лекций с резким названием «Лицензия на обман» была посвящена теме доверия. В этой лекции О'Нил проводит границу между свободой слова и выражения мнений отдельными лицами и свободой корпораций, «на тысячи миль» отделившихся от крошечных печатных мастерских, выпускавших журналы и газеты в XVIII и XIX веках. О'Нил говорит:

Свобода выражения предназначена для личности, а не для институтов. У нас имеются веские причины позволять частным лицам выражать разные мнения, даже если таковые

необоснованны, ложны или попросту безумны, но у нас нет причин позволять то же самое институтам... Лишь создав публичную культуру, и в особенности медиакультуру, в которой мы можем опираться на других, рассчитывать, что другие нас не обманут, мы сможем выносить суждения о том, кому из людей следует доверять. Беспечность в отношении стандартов журналистики будет равнозначна укоренению культуры подозрительности.

Однако пока мы не можем рассчитывать на то, что нас не обманут. Ведь помимо традиционных СМИ, которые обманывают нас довольно часто, мы входим в эпоху, когда многие сайты, блоги и социальные сети размывают доверие к журналистам или экспертам, нередко вытесняя на обочину и те СМИ, которые стремятся к достоверности и видят свою задачу в служении парламентской демократии правдивыми фактами и мыслями, в наделении демократии убедительным содержанием. Выборы в США в 2016 году и президентство Дональда Трампа служат ярким примером того, какую опасную роль в обществе могут играть информационные средства.

Глава 5

«Мы в рекламном бизнесе»

Первую газету в Индии, как и в Соединенных Штатах Америки, и в Китае, основал недовольный колонизатор. В 1780 году творением Джеймса Огастаса Хики, обозленного ирландца, оказавшегося в Калькутте и отсидевшего за долги в тюрьме, стало издание *Hicky's Bengal Gazette*. После выхода на свободу Хики основал газету, в большей части материалов которой в форме явных или скрытых инвектив выражал неприязнь к Ост-Индской компании — коммерческому предприятию и фактическому правителю большей части Индии, позднее перешедшей во владение британской короны.

Газета представляла собой смесь причудливых выдумок, аллегорий и стихов, вышедших из-под пера самого Хики и других авторов; одно из произведений посвящалось «Даме, танцующей с оголенной грудью, далеко не самой соблазнительной». Покупатели охотно читали газету, но она не пользовалась популярностью среди властей предрержащих, которых Хики неоднократно обвинял в коррупции и злоупотреблениях. Ирландцу не нравилось британское господство, и когда во второй половине XIX века в Индии начали появляться местные издания, они, конечно, тоже были проникнуты духом антиколониализма. Газеты выпускались по западному образцу и выражали негодование подчиненной ролью, которую колонизаторы своими словами и делами отводили местным жителям. Журналисты многих стран мира, в том числе двух крупнейших — Китая и Индии, и самой могущественной — Соединенных Штатов Америки, в долгу перед британцами за предоставленную последними плодороднейшую почву для гневных редакционных статей.

Когда в 1947 году британцы покинули Индию, пресса осознала себя ярким поборником независимости. Единодушного

видения будущего страны не было (оно и не могло возникнуть с учетом разногласий между индуистской и мусульманской общинами), но общим было стремление к независимости. Радио зародилось в 1923 году как сеть частных станций, но в 1930 году, в период британского владычества, было национализировано. Все радиостанции подпали под контроль государства и уже в качестве «Всеиндийского радио» существенно увеличили дальность вещания. Традиционные индийские СМИ принято называть «полуночными», так как они зародились под бой часов в полночь 15 августа 1947 года в совершенно новом, независимом государстве. СМИ, существовавшие до ухода британцев, зазвучали вновь не просто как голоса за независимость, но и как вестники нового государства и нового правящего класса.

Журналисты почтительно высказывались о премьер-министре Джавахарлале Неру, но в основе такого почтения (по крайней мере, в среде редакторов и ведущих журналистов) лежало вовсе не трепетное поклонение, а общность убеждений, особенно в том, что государство должно быть светским во всех своих функциях и проявлениях. «Полуночные» редакторы были не наемными писателями, исполнявшими приказы владельцев или правительства, а гражданами, приверженными миссии воссоздания Индии как независимого государства.

Индер Малхотра, родившийся в 1930 году, возглавлял деловые редакции газет *The Statesman* и *The Times of India*; он один из немногих оставшихся в профессии журналистов, чей возраст позволяет ему сравнивать достижения периода независимости с имперским периодом. Я познакомился с ним в 2012 году, во время конференции на тему «Журналистика по протекции» в Дели, где Малхотра с неким упоением говорил о коррумпированности новостных СМИ. В интервью он сказал со схожим ностальгическим чувством:

Я поступил на службу в *United Press of India* в 1949 году. Зарплаты были низкими, английский — викторианским, но мы гордились собой. Журналисты тогда были коррумпированы,

но по нынешним меркам такая коррупция выглядит смешной. Я был помощником репортера; политик предложил нам восемь анн (полруппии или несколько пенсов) за каждую строку заметки о своей речи — предложение приняли только два человека. Из Bank of Baroda в редакцию поступило письмо с заявлением для СМИ и приложенной купюрой в сто рупий (с неявно выраженным запросом на размещение заявления на видном месте). Письмо редактор отослал обратно.

Малхотра поясняет, что в течение десятилетий после провозглашения независимости настрой большинства журналистов, поощряемых левой риторикой Неру и других руководителей Конгресса, заключался в том, чтобы полагаться на государство, а не на корпорации: «В Дели объятия государства были не столь крепкими, но в отдельных штатах журналистам предлагались дома и здания под редакции. Последствия стали очевидны во время чрезвычайного положения».

Чрезвычайное положение, продлившееся двадцать один месяц, с 1975 по 1977 год, было объявлено премьер-министром Индирой Ганди как ответ на выражение недовольства ее правлением со стороны различных слоев гражданского общества, в том числе профсоюзов и некоторых СМИ. В течение трех часов было отключено электроснабжение редакций всех делийских газет. В основные печатные издания были направлены цензоры, а оппозиционные редакторы арестованы. Чрезвычайное положение разделило прессу. Ряд журналистов приняли в Пресс-клубе резолюцию, осуждающую введение чрезвычайного положения, и это был отважный поступок. Другие направили стопы к Ганди и заявили: «Да, все делается правильно». Эти последние были осыпаны наградами.

Чрезвычайное положение ознаменовало завершение периода, когда патриотизм мог служить основой для единства политического класса и большей части прессы. Вещательные компании находились под контролем правительства и решительно поддерживали чрезвычайное положение — в их число входило All India Radio («Всеиндийское радио»), унаследованное от империи и доступное повсеместно, а также

телекомпания Doordarshan (то есть «телевидение» на языке хинди: «дур» — далеко; «даршан» — видение), основанная в конце 1950-х годов под эгидой службы радиосвязи. Высокая цена на телевизоры резко ограничивала аудиторию. Позже те из журналистов, кто открыто сопротивлялся системе контроля и цензуры, заслужили высокую общественную репутацию; те же, кто сотрудничал с режимом и аппаратом цензуры, порицались за неспособность «призвать правительство к ответу».

Связующая нить между государством и СМИ оказалась разорвана. Начавшаяся в 90-х либерализация вещания привела к формированию широчайшего спектра мнений, а каналы стали соревноваться друг с другом в критике, оскорблениях и даже злобной клевете. Лояльности от медиахолдингов требовало уже не государство, а корпорации, лишь изредка вспоминаявшие о том, что у журналистов есть собственные приоритеты и ценности — объективность, свобода проведения расследований и анализа фактов. Случается, что корпорации выдвигают требования подвергнуть суровой критике правительство, будь то на федеральном уровне или уровне штата. Но бывает и так (особенно после того, как премьер-министром стал Нарендра Моди), что корпорации требуют позитивного освещения событий, которое исключает критику или тщательные расследования.

Встречая трудности с открытым забралом, группа молодых и хорошо образованных журналистов делает сегодня ставку на журналистику, контрастирующую с сенсационностью телеканалов и тривиальностью значительной части прессы. В какой-то мере это достигается посредством веб-сайтов, таких как яркий и серьезный Scroll. Достижению цели способствует также довольно жесткая критика СМИ со стороны публицистов (например, портал The Hoot Севанти Нинан) и рост числа форматов индийской журналистики, среди которых следует выделить базирующийся в Дели журнал The Caravan, по форме напоминающий издаваемые в США «толстые» журналы, такие как The New Yorker, City Journal, Mother Jones и The Atlantic. Рынок такой новой журналистики относительно

невелик: в стране с населением более миллиарда человек журнал *The Caravan* продается тиражом около 40 000 экземпляров, но потребность в более информированной, активной и, самое главное, независимой журналистике может возрасти по мере повышения уровня образованности населения.

Премьер-министр Моди и его правительство, в котором доминирует партия «Бхаратия джаната парти» (БДП), приняли на себя обязательство улучшить имидж Индии как внутри страны, так и за рубежом — поистине титаническая задача, для решения которой требуются усилия множества журналистов. В то же время тесные связи правительства с индуистским национализмом и выражаемое премьер-министром отрицательное отношение к секуляризму должны стать предметом широких дебатов о принципах построения индийского общества. Индийская журналистика обладает интеллектуальным потенциалом, но лишь немногие СМИ способны создать условия для такого начинания. Остается надеяться, что журналистам удастся с достоинством разрешить стоящие перед профессией — и обществом — непростые задачи.

В сентябре 2012 года Шехар Гупта, один из самых напористых журналистов, занимавший должность редактора газеты *The Indian Express*, опубликовал в своей газете своеобразную декларацию независимости индийских журналистов. Напомнив о том, что все в правящей элите страны знали и часто слушали многолетнего корреспондента ВВС в Индии Марка Талли (при этом многие не верили распространяемым индийскими СМИ новостям до тех пор, пока не услышат подтверждение от Талли из ВВС), Гупта отметил, что на заданный во время выступления вопрос о преемнике Талли на должности руководителя службы ВВС в Индии ни один из таких «поклонников» британского радио ответить не смог. Гупта пришел к выводу, что «по мере роста, развития, углубления и достижения демократиями зрелости их зависимость от международных средств массовой информации в аспекте новостей о самих себе снижается»¹. Индийская журналистика, к счастью или к сожалению, стала самостоятельной.

Но журналистам препятствуют — теперь уже не колониализм, а политики и владельцы СМИ. Премьер-министр Моди, занимающий должность с мая 2014 года, дал понять, что вопросы ему можно задавать лишь изредка — на плановых пресс-конференциях или в ходе «зондирующих» интервью, причем предпочтение отдается Doordarshan и All India Radio, от которых не приходится ждать непочтительности. Агентство деловых новостей Quartz India сообщает, что

репортеры в Индии сетуют, будто информацию о новых руководителях найти трудно и что сотрудники правительства перестали отвечать на телефонные звонки и текстовые сообщения. На протяжении всего срока полномочий Моди журналистов отсылают к выступлениям, заявлениям для прессы и Twitter-каналу премьер-министра. Министрам и чиновникам рекомендовано избегать общения со СМИ и говорить только после того, как Моди огласит «официальную линию». Некоторым министрам рекомендовано вообще не разговаривать с журналистами и предоставить это пресс-службе соответствующего департамента².

Установившийся режим не авторитарный, а, скорее, «исполненный подозрений», а его лидер, издавна таящий обиду на «делийскую прессу», обнаружил, как и другие главы государств, что социальные сети предоставляют ему прямой, непосредственный доступ к народу.

Величайшее наказание Индии — бедность, более вопиющая, чем в некоторых африканских странах. Но о бедности в индийских СМИ говорят немного.

По мнению судьи Маркандея Катью, занимавшего с 2011 по 2014 год пост председателя индийского Совета по прессе, такое умалчивание — самое серьезное нареkanie в адрес СМИ. Я разговаривал с Катью в его официальной резиденции, одном из нескольких тысяч больших бунгало, построенных в 1920-х годах в покрытой буйной растительностью административной зоне Дели, спроектированной Эдвином Лаченсом и по-прежнему населенной высокопоставленными чиновниками. Катью, родившийся в Лакхнау в семье из

высшей касты и сделавший, как и его предки, успешную карьеру в сфере юриспруденции, использовал три с лишним года работы в Совете по прессе для критики этой самой прессы (и телевидения, хотя его полномочия на телевидение не распространялись) за безразличие к нуждам сограждан.

Катью — человек очень самоуверенный, не терпящий критики. В ходе разговора он несколько раз отметил, что 90% индийцев были «идиотами», поскольку проголосовали за кандидатов исключительно по кастовой и общинной принадлежности, не задаваясь вопросами об их честности и квалификации. Катью не считает Пакистан «легитимной» страной и призывает к воссоединению Пакистана, Бангладеш и Индии. Он также считает, что однополые отношения противоречат предназначению женщин воспроизводить род человеческий, и в своем блоге (уже после отставки с должности председателя Совета по прессе) задал риторический вопрос: «Послужат ли однополые отношения или однополые браки удовлетворению естественной потребности в продолжении рода? Нет». Подобные взгляды создали ему в среде молодых космополитичных индусов репутацию чудаковатого реакционера. Когда я упомянул о встрече с Катью в разговоре с двумя знакомыми индийскими журналистами (обоим по тридцать с небольшим лет), они воскликнули: «А вы знаете, что он малость свихнулся?» Если он «взбешен», то это слово следует использовать в американском, а не в британском или индийском значении. Катью бесит состояние индийской журналистики. По его мнению, журналистика абсолютно не справляется с задачей информирования об истинном положении большинства населения. Катью сказал мне:

70% индусов живут на сумму, не превышающую два доллара в неделю. 40% детей недоедают. За последние пятнадцать лет самоубийство совершили не менее 250 000 крестьян: это срок шесть человек в день³. На состоявшейся в Мумбае Неделе моды модели были одеты в одежду из хлопка, выращенного в том числе крестьянами, совершившими самоубийство. Но показ мод освещают 512 журналистов. А об участии землепашцев

не рассказывает никто. Ведь до сельских районов — час на самолете. <...> В Индии 90% средств массовой информации — развлекательные. Очень мало внимания уделяется царящей в стране массовой безработице, ужасному состоянию образования, тому, что бедным практически недоступно здравоохранение. СМИ же говорят о кинозвездах, сексуальных скандалах и крикете; крикет — это опиум.

Катью возглавлял орган, который, хотя и был создан законодательным актом 1966 года, обладал очень незначительными полномочиями. При нем совет состоял из председателя и двадцати восьми членов, двадцать из которых были представителями прессы. Катью оценивает совет как «один из важнейших органов, призванных укреплять демократию». На самом деле совет не выполняет свои функции. Севанти Нинан, редактор портала The Hoot, сказала мне, что «Катью разглаживает об этике, но его заработок не зависит от аудитории, и у него нет никаких полномочий. Регулирование печатных и вещательных СМИ отсутствует». Я спросил ее, составляли ли газеты собственный этический кодекс, и придерживаются ли его журналисты. Она ответила: «Авторитетом в газетах пользуются финансовый директор и отдел рекламы. Они и устанавливают этические нормы».

Катью хочет взять ситуацию под контроль и обязать редакторов поднять уровень журналистики, даже вопреки желаниям владельцев СМИ.

Я не коммунист, но общество обязано регулировать деятельность средств массовой информации. Владельцам СМИ и журналистам предстоит выбирать: либо потакать ограниченности людей, либо пытаться повысить их интеллектуальный уровень. Я говорю журналистам: вы оформляете статьи изображениями полуобнаженных женщин — это оскорбление общества! Я говорю членам совета: посмотрите, что происходило в Европе с Вольтером, Руссо, Пейном — они боролись за свои идеи и распространяли их. Я говорю им: я хочу, чтобы вас уважали. Свобода прессы не означает свободу причинения вреда обществу.

На протяжении всего срока своего председательства Катью громогласно и тщетно добивался расширения полномочий, утверждая, что все средства массовой информации необходимо подчинить одной организации — Совету по прессе, который будет выдавать лицензии и тем самым получит возможность дисциплинировать новостные каналы. «Электронные СМИ зарабатывают огромные деньги. Они за гроши продадут свою мать и свою душу. Но политикам не хочется злить телевизионные каналы». Национальный совет по стандартам новостного вещания даже слабее Совета по прессе: его деятельность законодательно не оформлена и регулируется самим советом, а это «означает, — презрительно отметил Катью, — что совет не регулирует вообще ничего».

Дипанкар Гупта, один из самых известных индийских социологов, был в числе четырех «видных деятелей» в составе Совета по вещанию, включающего девять членов, причем остальные восемь были представителями каналов. Гупта так обосновал деятельность совета: «Теперь на новостных каналах будет меньше суеверий, секса и насилия». Но ему же принадлежат другие слова:

Телевизионная журналистика не вполне профессиональна. Журналисты не осознают, что можно показывать, а что нельзя. Мы непрестанно твердим им о том, что необходимо соблюдать принципы демократии: общество требует от журналистов проверять публикуемые данные. Демократия не определяется высокими рейтингами. Свободу журналистской деятельности ограничивают внешние факторы, прежде всего зависимость от крупных корпораций. Реклама — вот самый существенный ограничитель.

Подобно Катью, Гупта считает бедность самым значительным и самым малоосвещаемым в СМИ изъяном индийской демократии. В книге, опубликованной в 2009 году, он утверждает, что за десятилетие, закончившееся в 2005 году, уровень бедности только рос и 50% населения «неимоверно бедны согласно всем применимым стандартам»⁴. Автор также утверждает, что основная причина бедности в неизжитой

кастовости — жесткой системе иерархического разделения жителей на сословия, разрешающей представителям определенных сословий заниматься только соответствующими видами деятельности: «Кастовость убивает инициативу, поскольку устанавливает общественную иерархию по рождению».

Памятуя о том, какое значение придавали Катью и Гупта замалчиванию проблемы бедности со стороны индийской журналистики, я направился в офис Condé Nast India, довольно непритязательный для крупного издательского дома в стране, которая совсем скоро станет самой густонаселенной в мире⁵. Сотрудники издательского дома, выпускающего четыре журнала — Vogue India, GQ India, Condé Nast Traveller и Architectural Digest, — стучали по клавишам, сидя вплотную друг к другу в тесных рабочих помещениях здания колониальной эпохи в Мумбае.

Управляющий директор Алекс Курувилла (господин пятидесяти двух лет, худощавый, обходительный и склонный к самоиронии) сформулировал лозунг, гласящий, что издательство Condé Nast, занимающее 80% рынка люксовых потребительских журналов, «самая передовая издательская компания Индии». Он считает, что другие индийские компании, которые начали (а некоторые уже и прекратили) выпуск журналов о шикарном образе жизни, неверно понимают идею и способы ее воплощения.

Замысел индийского подразделения Condé Nast состоит в том, чтобы создавать, поддерживать и потакать вкусам космополитичной элиты. Общая численность населения в Индии — 1,24 миллиарда человек, а такая элита, то есть люди, зарабатывающие более 100 000 долларов в год, по мнению Курувиллы, насчитывает около трех миллионов человек и быстро растет. Он утверждает, что 300 000 из них читают один или несколько его журналов. «Для достижения такого результата мы вложили в дело много средств. У нас есть возможность слетать на съемки в Нью-Йорк или организовать авиаперевозку косметики из Нью-Йорка. У нас твердые расценки [на рекламу]. Мы не делаем скидок».

Курувилла рассказал о вечеринке, которую недавно устроил по случаю пятилетия Vogue India в роскошном отеле Oberoi Trident на Марин-драйв, в том самом, где в 2008 году исламистские террористы убили тридцать два человека. Далее он рассказал об октябрьском номере журнала, в котором пятьдесят модных домов представили свое видение сари. «Мы стремимся к взаимному обогащению идеями», — поведал мне Курувилла.

После встречи с ним я подумал, что он и его деятельность вызвали бы у Катью бешеную ярость, а у Гупты — более сдержанное неодобрение. Эти люди находятся на разных полюсах современной Индии: двое пожилых людей пытаются возродить социалистические и патерналистские традиции времен Джавахарлала Неру; Курувилла же зорко следит за изменениями во вкусах представителей активно формирующегося класса, число которых сравнимо с населением небольшого европейского государства, получающих большие по любым меркам доходы и намеренных на полную использовать свои покупательские (и прочие) возможности.

При этом нельзя утверждать, что индийские СМИ полностью игнорируют бедность или ее последствия. По словам Севанти Нинан, «люди пишут о бедности, потому что она везде. Но тема бедности не главная». И все же один из журналистов сделал бедность главной темой своих публикаций: Палагумми Сайнат писал об обездоленных на протяжении большей части профессиональной карьеры и заслужил широкое признание.

Выходец из принадлежащей к высшей касте семьи в городе Ченнаи и выпускник колледжа Игнатия Лойолы, считающегося одним из пяти лучших в Индии, Сайнат выслушивал и записывал истории своих самых бедных соотечественников — его публикации стали своего рода документальной историей и одновременно антропологическим исследованием крестьянского и рабочего классов Индии. Среди его собеседников были и адиваси (этим словом обозначаются коренные жители Индии); последних, по разным оценкам, около пятидесяти миллионов, образующих примерно 200 племен,

которые говорят на 100 различных языках, промышленяют охотой и примитивным земледелием. Адиваси составляют значительную часть «зарегистрированных племен» (куда относят также «неприкасаемых»); для выделенных таким образом жителей предусмотрены особые социальные условия, которые, впрочем, зачастую не соблюдаются.

Основную часть низших слоев общества составляют «неприкасаемые». Правительственные программы привели к повышению продолжительности жизни индийцев из низших слоев, но для многих представителей высших каст они остаются неприкасаемыми в прямом смысле слова и считаются париями⁶ — не в последнюю очередь потому, что в список работ, которые им разрешено выполнять, входит извлечение нечистот из «сухих» туалетов с последующим их перемещением к крупным отвалам. Согласно данным переписи 1991 года, примерно у трех четвертей индусов в местах проживания отсутствовали туалеты (в городах доля составила 64%); переписью 2011 года зарегистрировано существенное снижение этого показателя (туалетом могли пользоваться 47%, то есть менее половины из более чем 246 миллионов домохозяйств, и почти половина населения справляла нужду на открытом воздухе). Моди, избранный премьер-министром в 2014 году, в речи по случаю Дня независимости заявил, что для правительства приоритетной будет задача обеспечения населения туалетами в масштабах всей страны — этим заявлением он смог подчеркнуть свое происхождение из низшей касты (не из «неприкасаемых»): «Я видел бедность, и этим обусловлена попытка сделать жизнь бедняков достойной»⁷.

В своих публикациях Сайнат описывал жизненный уклад самых разных представителей беднейших слоев общества⁸. В местечке Нандапур, расположенном в одном из беднейших штатов, Орисса, Сайнат обнаружил интернат, воспитанниками которого в основном были дети адиваси; родители навещали в интернат для того, чтобы забрать у своих детей большую часть или даже все 150 рупий ежемесячного пособия, получаемого от органов социального обеспечения; сами

родители никаких пособий не получали. Другое племя лишилось возможности получать пособия вследствие бюрократической ошибки, допущенной на каком-то этапе оформления: название племени «дхуруа» было ошибочно указано как «дхаруа», и курирующий распределение пособий чиновник отказался выплачивать деньги.

Сайнат обнаружил, что многие сельские медицинские учреждения просто перестали функционировать. В одном случае все лекарства и инструменты разобрали врачи, осуществлявшие в этом же округе частную практику. В штатах Орисса и Андхра-Прадеш Сайнат встречал рабочих кирпичных заводов, «облепленных слоем кирпичной пыли», вынужденных носить на себе грузы весом 45 кг, причем многие были детьми или пожилыми. «Переместив две тонны кирпича, они могут заработать 9 рупий. Зачем работать на таких условиях? Потому что в тех районах, откуда они приехали, работы нет вообще».

Формальная должность Сайната в газете *The Hindu* — редактор сельскохозяйственного отдела — принижает его роль в индийской журналистике (он уволился в 2014 году на фоне внутренних разногласий). Значимость его деятельности в качестве летописца жизни бедняков, как и его приверженность принципам гласности, принесла Сайнату известность на международном уровне. В сентябре 2014 года я слышал его выступление в Нью-Йорке на факультете журналистики Колумбийского университета; на фоне других, более академичных выступлений членов журналистского сообщества его речь была, пожалуй, в наибольшей степени проникнута харизмой. Статный мужчина (тогда ему было за пятьдесят), он говорил с привычной страстностью. «Мы наблюдаем, — сказал он участникам конференции “Журналистика разоблачений” (*Muckraking Journalism*), — невероятную рассогласованность между индийскими средствами массовой информации и реальностью, в которой живут широкие народные массы». Отметив, что, согласно недавним подсчетам *Forbes India*, совокупное состояние 100 индийских миллиардеров составляет

346 миллиардов долларов, Сайнат сказал, что именно такие люди становятся героями публикаций — обласканными вниманием персонажами историй в индийских СМИ. Подытожив освещение в прессе первых ста дней правления Моди, Сайнат заявил, что «за эти сто дней самоубийство совершили 4600 фермеров; больше всего от этого страдают женщины: после самоубийства кормильца на женщину обрушиваются все последствия этого шага».

Сайнат утверждает, что СМИ поступаются принципами серьезной журналистики: «Почти никто из индийских журналистов не освещает серьезные темы, такие как занятость, сельское хозяйство, урбанизация. Они пишут о бизнесе, а также о развлечениях, моде и шоу-бизнесе. И конечно же, о спорте. В одном из восточных штатов Индии есть газета, в которой учредили должность постоянного корреспондента по гольфу... Индийские СМИ насквозь пропитаны угодничеством». Во вступлении к сборнику своих статей Сайнат пишет, что описываемые им люди «находятся вне поля зрения элиты. И вне сферы интересов прессы и СМИ, не обращающих на них никакого внимания».

Критические замечания Сайната кажутся во многом обоснованными, в частности, в отношении телевизионных новостей, хотя наличие огромного числа каналов, газет и журналов сильно затрудняет оценку объема репортажей о выделяемых ими проблемах, особенно на языках меньшинств. Но при этом его голос не одинок: о проблемах адиваси пишет одна из самых известных журналисток, Даямани Барла, сама адиваси из племени мунда, большинство представителей которого проживают в штате Джаркханд на северо-востоке страны.

Для оплаты учебы в школе и на курсах журналистики Барла работала прислужкой. Она писала для издаваемой на хинди газеты Prabhat Khabar, крупнейшей газеты в Джаркханде, прогремевшей на всю страну разоблачением мошенничества с участием Лалу Прасада, министра железных дорог Индии и бывшего главного министра штата Бихар, впоследствии

признанного виновным в крупной растрате в размере девяноста шести миллионов рупий (1,5 миллиона долларов) и приговоренного к пяти годам принудительных работ (приговор не был приведен в исполнение, и Лалу Прасад остается руководителем самой влиятельной в штате Бихар партии «Раштрия джаната дал»; два его старших сына занимают высокие должности в правительстве штата). Местные и региональные газеты, издаваемые на хинди, тамильском, урду и других языках Индии, нередко находятся под жестким контролем со стороны местных политиков и бизнесменов, но среди таких газет иногда встречаются решительные и бескомпромиссные, причем сегодня они могут принадлежать одному «политическому лагерю», а завтра — уже другому.

Журналистом, старавшимся представить проблемы адиваси миру новостных СМИ, был Шубхраншу Чоудхари, своим происхождением никак с адиваси не связанный. В университете Чоудхари изучал антропологию, а журналистикой занялся позже, когда получил статусную и относительно высокооплачиваемую должность продюсера BBC по Юго-Восточной Азии. Во время выполнения одного из поручений он очутился в окрестностях Чхаттисгарха, где между наксалитами и армией произошло сражение, унесшее жизни семидесяти шести солдат. Через два дня Чоудхари, записав несколько интервью, смонтированных в телевизионный репортаж, вернулся в Дели. По размышлению Чоудхари стал испытывать угрызения совести относительно «парашютной журналистики», когда на трагедию отводится один день расследования и две минуты телеэфира. Он уволился из BBC и вернулся в Чхаттисгарх⁹.

В феврале 2012 года Чоудхари выступил в рамках конференции TED и поведал свою историю, пропущенную через призму человека, совершенно неожиданно осознавшего себя журналистом, считающим эту профессию «по-прежнему весьма аристократичной: немногим дано решать, что есть новость»¹⁰. В беседах Чоудхари любит повторять, что «все мы короли в этом новом королевстве демократии» — перефразированная цитата из драматической поэмы¹¹ Рабиндраната

Тагора, бенгальского писателя и ученого, остающегося самым знаменитым деятелем культуры Индии. Чоудхари перефразировал Тагора и утверждает, что «настанет время, когда все мы станем журналистами, чтобы сделать мир будущего лучше».

В 2004 году Чоудхари вернулся в деревни, в которых он побывал «стервятником», и стал общаться с местными жителями. Чоудхари основал портал CGNet Swara: CG означает «Центральная Гондвана», сельский регион в центре Индии, в который входит штат Чхаттисгарх; слово «свара» на нескольких языках означает «голос». В системе, созданной с помощью Уильяма Тиеса, молодого американского программиста, работавшего в индийском исследовательском центре Microsoft в Бангалоре, использовано единственное повсеместно распространенное технологическое средство — мобильный телефон. Голосовые сообщения принимает и записывает сервер, откуда их отбирают журналисты из Дели для последующего размещения на веб-сайте; здесь же, на сайте, с сообщениями могут ознакомиться представители ведущих средств массовой информации, а также должностные лица и правительство.

В своем отчете Тиес и двое его коллег выделили случай, когда им удалось достичь успеха в защите интересов клиента: мужчина по имени Питбасу Бхой не получал от штата плату за работу, выполняемую в рамках Закона «О государственных гарантиях занятости в сельской местности», но отчаянно нуждался в деньгах на лечение больного сына¹². Его история, опубликованная на портале CGNet, послужила основой для статей в The Times of India и The Hindu, и через две недели заработная плата была выплачена. Сетевой ресурс добился определенной, пусть и ограниченной, популярности; редактор региональной ежедневной газеты, процитированный в отчете Тиеса, сказал Тиесу: «Мне кажется, что чаще всего информацию портала используют неправительственные организации... Если вы заботитесь о племенах, которым это должно принести пользу, то вам не следует забывать о том, что, во-первых, человек недостаточно смел для откровенных высказываний. И во-вторых, анонимный разговор по мобильному телефону — это большое дело».

Индийская телевизионная журналистика сосредоточена на увлекательных новостях. Тележурналистов мало заботят сюжеты, формирующие у зрителей представление о состоянии страны и мира. Напротив, телеканалы неустанно пичкают публику чем-нибудь «свеженьким», драматичным или скандальным.

Борьба за аудиторию, измеряемая рейтингами, которые многие в отрасли считают искаженными и фальсифицированными, — это лишь часть гонки за прибылью¹³. Индийские телеканалы озабочены деньгами, причем не только заработками самого канала. Их заботит власть — власть, которую владелец канала получает над политиками, представителями деловых кругов и корпораций, власть пристыдить или восславить за победу на выборах, политическая карьера, государственные контракты и прибыльные слияния и поглощения.

С учетом сказанного к редакторам новостных каналов предъявляются три основных требования, для одновременного соблюдения которых редакторам приходится проявлять определенную сноровку и умение распознавать материалы, которые, по их мнению, наиболее полно удовлетворят интересы владельцев телеканалов. Новости не лишены фактора общественного служения; многие журналисты уверены, что их обязанность состоит в освещении важнейших событий в стране и за рубежом. Однако на большинстве каналов при освещении событий необходимо отражать также точку зрения и интересы владельца или владельцев, и, следовательно, недопустимо критиковать союзников и не проявлять враждебность к противникам. Кроме того, содержание должно быть динамичным, иногда полемичным, драматичным, скандальным, тесно связанным с популярной культурой и спортом (прежде всего крикетом), должно привлекать и удерживать большую аудиторию.

Телевидению в Индии поначалу отводились не развлекательные, а чисто утилитарные функции, в основе которых лежали социалистические идеи о просвещении и труде на благо общества. Запущенное в 1959 году под эгидой All India Radio

(«Всеиндийского радио») из небольшой студии в Дели, оснащенной передатчиком с ограниченным диапазоном, телевидение получило финансирование в размере 20 000 долларов от ЮНЕСКО, работало на оборудовании, подаренном США, и первоначально предназначалось для оказания информационной поддержки сообществам и для просвещения населения. Программы транслировались примерно в 180 телевизионных клубах, располагавшихся в радиусе 40 километров от передатчика. Передачи для учителей начали выходить в 1961 году, информационные бюллетени — в 1965-м, а вскоре появились передачи о сельском хозяйстве, призванные информировать фермеров, а также развлекательные программы. В 70-е годы вещание распространилось на другие крупные города; в 1976 году вещательная служба отделилась от «Всеиндийского радио», начала транслировать рекламные ролики и была переименована в Doordarshan. В 80-е годы вещателю разрешили привлекать рекламодателей, сигнал стал цветным и был запущен второй канал, а также региональная сеть; в 90-е годы было запущено пять спутниковых станций; в первые два десятилетия нового века число каналов возросло до девятнадцати, десять из которых — каналы на региональных языках.

Бедность большинства индийцев означала, что собственный телевизор был прерогативой среднего и высшего классов; коллективные просмотры организовывали в сельских администрациях или кафе. Первый индийский телесериал Hum Log (хинди: «Мы, люди») стартовал в 1984 году и стал невероятно популярным. Действие разворачивалось в большой семье, где отец — спившийся певец, старший сын — лоботряс, младшие отпрыски стремятся сделать карьеру в шоу-бизнесе или в медицине; к основному сюжету примыкали истории социального работника, врача и сотрудника полиции.

Сериал стал значимым событием, причем не только для Doordarshan. Зрелище собирало у экранов пятьдесят миллионов зрителей, а в основе огромной популярности лежало описание жизни семьи из низших слоев среднего класса. В сюжетных линиях сочетались элементы бытовой комедии,

социальной критики и мелодрамы. Актеры, не все из которых были профессионалами (опыта работы на телевидении не было ни у кого), за несколько недель превратились в звезд. Рекламодатели выстраивались в очередь — показ рекламных роликов превратил Doordarshan в единственную площадку, с которой рекламодатели могли обратиться к общенациональной аудитории потребителей.

По мнению критика Шомы Чаттерджи, в сюжетные линии была вплетена тема расширения прав и эмансипации женщин, но широкая аудитория истолковала происходившие в сериале события не так, как было задумано творческим коллективом создателей:

Бхагванти, мать семейства, была покорной, готовой к самопожертвованию и приверженной традициям индийской женщиной, которую постоянно третировали и оскорбляли, так как нужды других были для нее первостепенными. Продюсеры полагали, что зрители будут возмущены ее униженным положением, но в результате... 80% женщин, посмотревших Hum Log, сочли Бхагванти примером для подражания. Многие мужчины высказывали мнение, что Индия нуждается в таких женщинах, как Бхагванти¹⁴.

В этом заключался еще один урок, который преподал сериал Hum Log. Усилия по изменению мышления людей могут увенчаться успехом, если это вообще возможно, только в очень длительной перспективе; действия персонажей истолковывались аудиторией в свете собственных взглядов и опыта, невзирая на замысел актеров и авторов сериала.

Doordarshan зародился в эпоху социализма и склонности к автаркии: телеканал принадлежал правительству, занявшему в 1970-х и 1980-х годах место в первых рядах приверженцев концепции «нового международного информационного и коммуникационного порядка», согласно которой из определения «новости» исключались важнейшие принципы, установленные западными странами и их крупными медиакорпорациями. «Страх перед культурным империализмом и доминирующей ролью западных новостей и

организаций, — пишет продюсер и режиссер Никхил Синха, — привел к формированию закрытой системы вещания. Радио и телевидение принадлежали государству и управлялись правительством, а частное вещание, как национальное, так и зарубежное, находилось под запретом»¹⁵.

Ситуация кардинально изменилась после того, как правительство Нарасимхи Рао по инициативе министра финансов Манмохана Сингха разрешило иностранные инвестиции, расширило торговлю, реформировало рынки капитала и провело приватизацию огромных сегментов промышленности и сферы услуг, включая вещание. После 1991 года число каналов стало стремительно расти. К 2015 году их было уже около 1250, причем в первую десятку входили в основном развлекательные каналы, среди которых и флагманский канал — Doordarshan National, занимавший, согласно рейтингу Комитета по изучению аудитории средств вещания, шестую строчку.

Первоначально этот рост объяснялся появлением на рынке зарубежных каналов, причем в определенное историческое время укоренившееся недоверие к зарубежным СМИ пошатнулось, а затем и исчезло. Компания Star TV, принадлежащая медиапредпринимателю из Гонконга Ли Ка-шингу, основала в Индии пять каналов. В 1993 году компанию Star поглотила News Corporation Руперта Мёрдока, к 1995 году расширившая аудиторию до 13 миллионов домохозяйств. News Corporation приобрела также часть популярного канала Zee TV, вещавшего на хинди, а CNN в 2005 году создала совместное предприятие с индийской Studio 18. Большая часть информационных материалов, особенно предназначавшаяся для молодежи, была либо западной, либо создавалась под сильным влиянием западных стилей, форм и подходов. Политический комментатор Смиа Гупта, состоявшая в тот период политическим редактором журнала Outlook, писала, что зародился новый средний класс, «после 1991 года раздувшийся за счет потока наглых, агрессивных, преуспевающих предпринимателей, среди которых было немало представителей низших

каст, вместе с деньгами все чаще приобретавших политическую власть, <...> что ознаменовало также появление нового мышления, охватившего мир идей, образ жизни и нравственные нормы»¹⁶.

Изменения были радикальными и происходили стремительно. Автор Акаш Капур выступал одновременно против динамичности и разрушительности изменений в стране. Его книга «Меняющаяся Индия» (India Becoming)¹⁷, написанная после двенадцатилетнего проживания в США, стране его матери, получила широкое признание как трогательный портрет отчизны, которую Капур покинул в возрасте шестнадцати лет. Он писал, что его семья хотела уехать «из находившейся в экономической и социальной апатии Индии, с жесткими ограничениями, наложенными государственной социалистической экономикой», но, пережив период восхищения и привыкания к «торговым центрам и сверкающим деловым кварталам, к вычурным барам и коктейлям», он осознал, что «за свое процветание Индии придется заплатить, что новые деньги сопровождаются новыми формами неравенства, что свобода и возможности открывают шлюзы еще и для массовых волнений и насилия». Для традиционалистов и для левых, традиционно преобладавших в среде деятелей культуры, такая ситуация представлялась тревожной и нежелательной; сегодня, как и тогда, в Индии часто звучат высказывания, что «культурные ценности, которые отстаивал Мохандас Ганди, вытесняются ценностями, созданными в Голливуде»¹⁸.

Многие из современных телевизионных «матадоров» прошли школу телекомпании New Delhi Television (NDTV), основанной семейной парой Пранноем и Радхикой Рой в 1988 году, еще до приватизации радиочастот. Супруги были выходцами из интеллигентных семей, принадлежавших к обеспеченному среднему классу и тесно связанных с видными деятелями левого толка. Пранной и Радхика не были революционерами, но придерживались либеральных взглядов и, подобно своим коллегам по телевизионному цеху в Западной Европе в 60-е и 70-е годы, осознавали силу телевидения и его

способность транслировать идеологические установки. Телевидение, по их мнению, должно было обеспечить возможность задавать неудобные вопросы, которых сторонились ведущие и репортеры Doordarshan, а телекомпания — иметь возможность свободной интерпретации событий и политического лавирования в интересах растущей аудитории.

В лекции, прочитанной в Институте Рейтер в ноябре 2012 года, Пранной Рой так охарактеризовал первый период индийской демократии, который начался в 1946 году и продлился около тридцати лет: «Для нас это был этап покорности... когда средства массовой информации были чрезвычайно слабыми, а уровень медийной грамотности — крайне низким»¹⁹. После 1987 года ситуация начала меняться; не случайно, что именно тогда супруги Рой под руководством Радхики решили основать небольшую компанию по «производству телевизионной продукции на актуальную тематику», подали заявку и выиграли тендер на создание для Doordarshan программы, представляющей международные новости. Рой вспоминает:

Мы запустили еженедельную программу «Мир на неделе». К счастью, на фоне пресных новостей на Doordarshan, <...> которые почти не сопровождались видеорядом и больше смахивали на радио, чем на телевидение, <...> выглядеть выигрышно было несложно. Нам повезло, так как в мире [в 1988 году] царила неразбериха. Передача «Мир на неделе» стала популярной. Но освещение собственно индийских новостей было под запретом.

Супругам Рой было сказано, что они обязаны передавать все сценарии на утверждение в Doordarshan. Супруги согласились, но с условием, что при внесении даже незначительных купюр они будут снимать весь сюжет. К некоторым сюжетам претензии возникали, и передачи не выходили в эфир, но, по мнению супругов, в случае отсутствия такого условия претензий было бы больше. Успех программы привел к заключению контракта на телевизионное освещение ряда избирательных кампаний и выборов, проводившихся в стране

в большом количестве. Как-то «беспардонный, но влиятельный» чиновник из администрации премьер-министра повелел супругам Рой не упоминать определенные избирательные округа. Рой ответили, что их работа не подлежит цензуре и что они прекратят выпуск передачи. Чиновник не уступал, студию начали демонтировать, затем решение совершенно неожиданно было отменено по приказу премьер-министра Раджива Ганди, возмущенного угрозами, звучавшими в адрес передачи.

Когда наконец супругам разрешили выпускать общенациональные новости, Пранной в первый же вечер объявил: «Сейчас восемь часов, и вы услышите новости в прямом эфире!» Эти слова напугали другого чиновника администрации премьер-министра, который затребовал право предварительного просмотра всех материалов до их выхода в эфир. Супруги Рой и на этот раз нашли выход: они купили компьютер с объемным жестким диском, записывали на него получасовые новости и запрограммировали начало трансляции с диска с десятиминутной задержкой. Передачу заявили как выходящую «почти в прямом эфире», чем формально выполнили требование обеспокоенного чиновника, «приставив к его голове пистолет»: принять программу или распорядиться о получасе пустых экранов.

Супруги Рой оказались в эпицентре борьбы между бюрократией и рынком: программа была сочетанием возможного (то есть ресурсов), прибыльного (то есть рекламы) и востребованности (то есть аудитории). Это была первая сознательная попытка сформировать «гражданина-потребителя»: вместо «покорного индуса» — зрителя Doordarshan — идеальной аудиторией супругов Рой становились граждане, которые нуждались в новостях и анализе, чтобы получить возможность выбирать политических деятелей, партии и политическую платформу; такими зрителями зачастую становились представители нового поколения, те, кто пережил тридцатилетний период ранней, «покорной», по словам Пранной, демократии, когда СМИ были «очень слабыми». То было время

общественного благоговения перед независимостью и государственным строительством.

Телекомпания NDTV вошла в период расцвета и откололась от Doordarshan; сначала был заключен договор со Star TV, после чего под эгидой News Corporation в девять вечера стал выходить основной информационный бюллетень, а затем и круглосуточный новостной канал на хинди и английском. Рой сказал, что «всю деятельность финансировал Руперт Мёрдок, но он без колебаний предоставил нам полную редакционную свободу». Дайя Туссу, самый известный западный исследователь индийских СМИ, считает, что «такая договоренность была выгодна обоим партнерам: NDTV получила возможность занять кнопку телеприемников в домах богатых индийцев, а посредством платформы Star еще и завоевать аудиторию диаспоры, Star же мог извлечь выгоду из авторитетности серьезного канала — пожалуй, лучшей телевизионной новостной сети Индии»²⁰.

Doordarshan вынужден был измениться. Ратхиканта Басу, высокопоставленного чиновника, снискавшего репутацию борца с предрассудками, в 1993 году перевели с государственной службы в руководство вещательной компании; он сохранил за собой ранг помощника секретаря в министерстве информации и телерадиовещания, что призвано было подчеркнуть сохраняющуюся связь между государством и вещателем. Басу привлек инвестиции на новые программы, очаровав прессу, добился от нее положительных отзывов, привлек видных молодых журналистов, таких как Каран Тхапар, Вир Сангхви и Рагхав Бахл, к созданию нового сервиса, имитирующего подход NDTV. Басу настолько преуспел в Doordarshan, что в 2003 году его нанял Руперт Мёрдок после единственной встречи в Дели и поручил руководство каналом Star с зарплатой в 500 000 долларов, что намного превышало его зарплату на государственной службе. За семь лет службы на канале Басу существенно расширил охват аудитории, сделав Star самым популярным в Индии каналом, вещающим исключительно на хинди.

Компания NDTV покинула Star, чтобы запустить два новостных канала — NDTV 24/7 на английском и NDTV India на хинди. Лицензии от государства и Doordarshan на независимое производство в конце 1980-х и осознание Мёрдокомом того, что индийский рынок может поддерживать круглосуточную службу новостей, легли в основу современного многообразия голосов и лихорадочного поиска «развлекающих» новостей.

В двух фильмах, вышедших на экран в 2010 году, авторы попытались запечатлеть природу отношений между миром телевидения и индийским обществом. В центре повествования трагикомической ленты PeepLi Live («Жизнь Пипли») — самоубийства фермеров: трагизм безжалостного давления на бедных крестьян сочетался здесь с гротескной истерией, охватившей новостные редакции, когда «сюжетом» стало самоубийство фермера, намеревавшегося получить компенсацию за счет государственной программы выплат семьям самоубийц. В фильме «Битва телеканалов» один из самых популярных индийских киноактеров Амитабх Баччан, которому во время съемок было шестьдесят восемь лет, играет владельца и ведущего телеканала, борющегося за соблюдение этических стандартов в индустрии, где все остальные новостные агентства заняты погоней за зрителем. Рецензент газеты The Times of India писал, что в фильме нашел отражение «порочный круг политик — бизнесмен — новостной магнат, превращающий настоящего новостного репортера в марионетку... а сенсационность — это не просто модное словечко в индустрии новостей, оно быстро становится синонимом тележурналистики»²¹.

В Индии этот «порочный круг политик — бизнесмен — новостной магнат», пожалуй, явственнее, чем во многих других демократических странах. Газеты, число которых за последние три десятилетия сильно выросло, часто находятся в собственности или под влиянием политиков, которые сами связаны с коммерческими структурами. При этом собственно «бизнес новостных каналов» менее выгоден (многие из них убыточны), чем влияние на правительство как на уровне штатов, так

и на национальном уровне. Пранной Рой, ставший прототипом персонажа, сыгранного Баччаном в «Битве телеканалов», рассказывает историю о своем друге, к которому обратился глава строительной компании в попытке нанять его на должность ведущего новостного канала, который намеревался запустить: «Деньги не важны! Я запущу канал!» Друг Пранной спросил, почему это настолько важно. В ответ он услышал: «Я один из крупнейших застройщиков в этой стране, и я подал заявку на участие в недавно объявленном тендере на мегапроект в штате Уттар-Прадеш. Всех, кто прошел предварительный отбор, пригласили на встречу с главным министром штата. Я тоже пошел, но мне пришлось ждать восемь часов, прежде чем меня пригласили в кабинет. При этом каждый владелец новостного канала входил сразу же, не прождав и минуты!»²²

При этом NDTV как по личным наблюдениям, так и с учетом репутации службы новостей остается спутниковым каналом, наиболее приверженным анализу и относительной умеренности подачи (хотя и в меньшей степени, чем в начальный период существования); однако канал обязан зарабатывать, и поначалу он заработал много денег. Освещение выборов, принципы которого Рой разработал совместно с оксфордским ученым и основоположником псефологии (статистическая дисциплина по изучению выборов) Дэвидом Батлером, привлекло огромную аудиторию: рекламные тарифы выросли с 10 000 рупий за десять секунд до 40 000–50 000 рупий, а рекламные паузы стали достигать двадцати минут. По словам Роя, опросы выявили непредусмотренный результат подобного подхода: «Телевизионная аудитория, на которую была нацелена реклама, не хотела видеть самоубийства фермеров в сельских районах Андхра-Прадеш, дороги с выбоинами в Бунделкханде или родителей в штате Орисса, вынужденных, чтобы выжить, продавать детей. Зритель хотел, чтобы его развлекали показушным драматизмом избирательной машины».

Критика, подчас резкая и хорошо аргументированная, в адрес индийских новостных служб звучит часто; в Индии, как

и в большинстве демократических стран, где, конечно, тоже сетуют на «оболванивание и изневеживание» публики, существует пропасть между тем, что якобы хотелось бы видеть меньшинству, и тем, что стремится видеть большинство. Но телеведущие, которые играют важнейшую роль в новостном бизнесе (англоязычные ведущие утверждают, что они самые влиятельные, поскольку англоязычная Индия — это синоним почти всей правящей, деловой и интеллектуальной элиты), считают по-другому. Они уверены, что телевидение изменилось и само меняет индийское общество в лучшую сторону.

Англоязычные журналисты-новички, молодые люди с престижным образованием, соответствующим мировому уровню, входят в круг избранных. К ним относится Арнаб Госвами, до 2016 года главный редактор и основной ведущий новостного канала Times Now, внук видных юристов и политиков, сын армейского полковника, который после обучения в различных армейских школах, располагавшихся на базах, где служил его отец, получил степень магистра социальной антропологии в колледже Св. Антония в Оксфорде, а затем должность приглашенного профессора в Кембриджском университете. Радждип Сардесай, до 2014 года редактор и основной ведущий на канале CNN-IBN, сын известного индийского крикетиста Дилипа Сардесая, получил образование в частных школах и в колледже Св. Ксавьера в Мумбае и Университетском колледже в Оксфорде, где изучал гражданское право и также добился успехов в крикете. Каран Тхапар — ведущий ряда влиятельных программ, специализирующихся на интервью, сын генерала Прана Натха Тхапара, начальника штаба индийской армии; Каран получил образование в школе Doon, самой престижной в Индии школе-интернате для мальчиков, в закрытой частной школе Stowe в Великобритании, а также в Кембридже, где он изучал экономику и политическую философию и был президентом дискуссионного Кембриджского союза, а затем получил докторскую степень по международным отношениям в оксфордском колледже Св. Антония. Даже BBC, привлекающей на ведущие позиции

непропорционально много выпускников из Оксфорда и Кембриджа, сложно похвастать такими кадрами. Самая заметная женщина в этой плеяде, Барка Датт из NDTV, не отличается столь же выдающейся родословной: она из семьи, принадлежащей к среднему классу (отец — ответственный сотрудник Air India, а мать, Прабха, — репортер одной из ведущих газет), окончила англиканский колледж Св. Стефана при Делийском университете, училась на магистра в мусульманском Исследовательском центре массовых коммуникаций «Джамия Миллия Исламия», после чего получила степень магистра журналистики в Колумбийском университете, в Нью-Йорке.

Тхапар, журналист в отделе актуальной проблематики London Weekend TV (под руководством директора по актуальной проблематике Джона Бирта, позднее назначенного генеральным директором BBC), вернулся в Индию, где стал быстро известен благодаря «прокурорскому», агрессивному стилю ведения интервью. Впрочем, его стиль меняется в зависимости от интервьюируемого. В 1999 году в рамках серии передач Hardtalk India он взял предвыборное интервью у Манмохана Сингха, бывшего министром финансов, впоследствии выдвинутого партией «Индийский национальный конгресс» (ИНК) в Лок Сабху (нижнюю палату парламента) с целью обеспечить ему возможность стать премьер-министром, и разговор вышел почтительным и сдержанным. В 2007 году в студию Hardtalk India был приглашен Нарендра Моди, тогда главный министр штата Гуджарат, и Тхапар упорно расспрашивал Моди о кровавом «Гуджаратском погроме» 2002 года. Главный министр попросил воды, отстегнул микрофон от рубашки и довольно бессвязно произнес: «Дружба должна продолжаться. Вы пришли на передачу. Я счастлив и очень вам благодарен. Это ваши взгляды, вы продолжаете их высказывать. Я же не могу продолжать интервью. Трех-четырех вопросов мне было достаточно. Больше не могу, увольте». После этих слов Моди вышел из студии.

В 2001 году, во время еще более сложного интервью с Джаялалитой, трижды занимавшей пост главного министра

штата Тамилнад, некогда популярная актриса кино сильно разозлилась из-за постоянных упоминаний Тхапаром звучавших в прессе критических высказываний о ее «злопамятстве» и «безответственности». Когда интервью закончилось, она раздраженно заявила: «Очень сожалею, что согласилась на это интервью». Тхапар сказал: «Вы очень тяжелый человек, госпожа главный министр», на что та ответила: «Меня сделали такой люди, подобные вам». Политика, последний срок полномочий которой истек в сентябре 2014 года, обвинили во владении имуществом, несоразмерном с ее доходами, и приговорили к четырем годам тюремного заключения; исполнение приговора было отложено, и ее освободили под залог по состоянию здоровья. В 2015 году суд ее оправдал и она была переизбрана главным министром. Смерть Джаялалиты в декабре 2016 года сопровождалась сценами народной скорби.

Самого Тхапара интервьюировала, тоже в довольно резкой манере, журналистка Мадху Трехан, которая акцентировала растиражированные прессой его «симпатии к пакистанцам». Тхапар отвечал вежливее, чем Джаялалита, но казалось, что он считает постановку вопроса неправомерной; при этом он несколько раз повторил, что интервьюер обвинила его, будто он «пакистанский шпион», хотя это не совсем соответствовало словам Трехан. Впрочем, она высказала собеседнику, что «политик, который знает, о чем говорит» поведал ей, будто у Тхапара в Пакистане есть «кураторы», которые диктуют ему якобы пропакистанскую позицию.

У Радждипа Сардесая менее агрессивный (что не означает мягкий) стиль ведения телепередач, если сравнивать его с другими ведущими-мужчинами. По возвращении из Великобритании он несколько лет проработал газетным репортером, что обычно подразумевает более насыщенный график, чем у телерепортеров, а затем присоединился к команде супругов Рой на NDTV в качестве политического редактора. В книге о выборах 2014 года Сардесай описал стиль Госвами как «настораживающе хаотичный и сенсационный»²³. В интервью, которое он взял у Моди во время поездки последнего по

стране с целью изучения уровня поддержки на случай, если тот решит баллотироваться на выборах премьер-министра, Сардесай сказал, что хотел взять интервью у главного министра Гуджарата в микроавтобусе, на котором Моди совершал свой тур. Моди сидел на пассажирском сиденье, вынудив тележурналиста и его оператора занимать зажатые, неудобные позы: «Типичный для него странноватый способ напомнить мне о моем социальном статусе скромного журналиста, беседующего с верховным правителем». Сардесай задал вопрос о погромах 2002 года, но Моди «резко отвернулся от камеры», ответив на следующий вопрос о том, переедет ли он в будущем в Дели, словами: «Ставил ли народ этой страны перед вами и СМИ задачу найти следующего премьер-министра?»

В мемуарах Сардесай описывает Рахула Ганди, продолжателя семейной традиции и кандидата на пост премьер-министра, как человека, «замкнувшегося в феодальной политической структуре». Вызванный на встречу с Ганди, Сардесай вылетел из Мумбая рейсом в 15:00, чтобы успеть в резиденцию Рахула к назначенным 20:00 в надежде на эксклюзивное интервью, но на месте обнаружил множество коллег-журналистов, расталкивающих друг друга в попытке получить ответы на свои вопросы. Сардесай спросил: учитывая то, что Ганди был «наследным принцем», обреченным править, не было ли премьерство Манмохана Сингха простой операцией местоблюстительства, пока Рахул не заменит его в должности премьера. Рахул вспыхнул: «Это возмутительно, господин Сардесай! Премьер-министр отлично справляется со своими обязанностями, и такой вопрос унижает достоинство доктора Сингха абсолютно неприемлемым образом». Встреча завершилась, Сардесай со своими коллегами определяли приоритеты материала, когда Рахул сказал прессе: «Извините, это не для записи, я не хочу никаких проблем в разгар выборного процесса».

В рассказе Сардесая проливается свет на два противоположных — и равно амбициозных — проекта: политической династии Неру — Ганди и преуспевающего выскочки из более

низкой касты Моды, который провел первую часть политической жизни в по-монашески дисциплинированном индуистском националистическом движении «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС), электоральным воплощением которого стала партия «Бхаратия джаната парти». Возвышение Моды до должности главного министра в Гуджарате стало возможным благодаря тяжелому труду и проиндуистскому популизму на фоне презрительного отношения к Дели, к истеблишменту с преобладанием членов Конгресса и даже к средствам массовой информации.

Самые влиятельные ведущие англоязычных новостей, начиная с Пранной Роя, клянутся в верности принципам журналистики, призывающей власти к ответу, и эти принципы журналистики универсальны. Но журналистам приходится встречаться с политиками и прочими общественными деятелями, лишь немногие из которых получили образование за границей, и такие деятели никак не привыкнут к журналистам, отстаивающим свое право постоянно расспрашивать их о политике и копаться в их прошлом. Для Моды и Джаялалиты настойчивые расспросы не становятся стимулом, как это было на протяжении десятилетий для западных политиков, найти стратегию противодействия критическому истолкованию, предъявляемому им интервьюером. Для них это просто недопустимая наглость.

Арнаб Госвами, коллега Сардесая по телеканалу NDTV на заре его существования, доводит журналистскую непочтительность до ранга оскорблений. Наиболее точно ему соответствуют такие фигуры, как Раш Лимбо, правый радиоведущий в США, или Беппе Грилло, итальянский блогер, комик и политик. Подобно последним, Госвами позиционирует себя как трибуна, выразителя мнений народа, жестко эксплуатируемого политическим классом и требующего, чтобы кто-то обладающий уравнивающей силой средств массовой информации выявлял и клеймил виновных или нерадивых представителей власти. И если Сардесай наделяет себя репортерскими полномочиями, а Тхапар в противостоянии с

оппонентами цитирует прессу или критические утверждения из других источников, то Госвами заявляет о том, что за его спиной вся нация, и возглашает: «Индийский народ хочет знать!»

Вокруг его фигуры в 2006 году сформировался канал Times Now; Госвами был назначен основным ведущим и главным редактором. Канал представляет собой дочернюю компанию медиахолдинга Bennett Coleman, корпорации имперской эпохи, созданной в 1892 году Томасом Джewelлом Беннеттом и Фрэнком Моррисом Коулменом и объединившей несколько англоязычных газет, основанных еще в конце 1830-х годов, среди которых и влиятельная сегодня The Times of India, возникшая в 1861 году в результате слияния двух издаваемых в Бомбее (ныне Мумбаи) деловых газет. Это крупнейшая индийская корпорация, почти полностью ориентированная на СМИ во всем их многообразии, от The Times of India до индийской версии Top Gear.

Я встретился с Госвами в Мумбае в 2012 году. Интервью, по его словам, он дает очень редко, и хотя он был сама любезность, по окончании беседы он сказал мне словами Рахула Ганди, что интервью «не для протокола». Два года спустя он провел семинар в одной из своих альма-матер, колледже Св. Антония в Оксфорде, и был более откровенен (хотя и запретил организаторам Free Speech Debate размещать видеозапись семинара на веб-сайте): «Журналистику, которой я занимаюсь, критикуют за ее форму, но не за содержание. Люди говорят, что я надрываю глотку, но нет, я вывожу дело на совсем новый уровень».

Такая журналистика «стимулирует», но и предусматривает «суровую» ответственность; она разрушает барьеры элитарности, поощряет дебаты и создает бюрократам неудобства.

Политический бюрократический класс пытается подавить или поглотить средства массовой информации:

Но [мой стиль] пользуется огромной поддержкой. Меня смотрят даже дети и женщины в деревнях. Они верят, что

журналистика помогает нам сформировать мощную силу, нацеленную на изменения. Я исправляю ошибки прошлого десятилетия.

В последнюю четверть века роль средств массовой информации возростала, но мы потеряли хватку, потому что нас поглотили. В период с 1989 по 2010 год не было репортажей о серьезных случаях коррупции. Тарун Теджпал (бывший редактор журнала *Teheka*) нуждался в денежных средствах на открытие клуба журналистов в Дели, и ему подбросили монет²⁴. Журналисты стали необычайно богатыми; бюрократы стали богатыми. Они жили в элитных районах по соседству и ходили друг к другу в гости распивать лучшие вина.

Госвами перечислил ряд выявленных махинаций, многие из которых освещались в *Times Now*. К их числу, по его словам, относится крупная махинация при распределении лицензий на частоты 2G среди операторов мобильной связи, в результате которой выданные лицензии были аннулированы. Министру связи А. Радже было предъявлено обвинение в получении взятки на сумму более 400 миллионов долларов, и он отправился в тюрьму; бывший чиновник ООН Шаши Тхарур в 2010 году подал в отставку с поста министра иностранных дел Индии в связи с предполагаемыми злоупотреблениями, хотя обвинения ему так и не были предъявлены. В 2010 году были раскрыты махинации, связанные с финансированием Игр Содружества, в результате чего был арестован глава оргкомитета Игр Суреш Калмади. Наконец, в результате разоблачения исключительно разветвленной коррупционной сети при распределении лицензий на угледобычу в 2007–2009 годах Центральное бюро расследований привело столько фактов существования нелегальных шахт, что в 2014 году Верховный суд Индии отозвал 214 из 218 лицензий на добычу угля, выданных с 1993 года.

Выступая в марте 2014 года на *Media Fest*, ежегодном мероприятии для СМИ, организуемом *Briatoshs Trust*, Госвами назвал свое поколение «первым пореформенным поколением. Коррупция — это очень большая и очень глубокая

проблема, и если средства массовой информации в столице Индии слишком напуганы, чтобы противостоять облеченным властью, то им следует закрыться. У нас есть СМИ, у нас есть власть [курсив мой. — Дж. Л.]. Почему они напуганы? Я не боюсь»²⁵.

Время от времени Госвами занимает позицию человека, ищущего «простые ответы», но по одному вопросу он придерживается твердого мнения. Он неизменно враждебно относится к Пакистану и к любому обсуждению его притязаний на спорный регион Кашмир — северный штат, в основном на территории Индии, но с мусульманским большинством, выступающим за объединение с соседним Пакистаном. Во время дискуссии на Media Fest, когда Госвами спросили о его враждебности к сопредельному государству, он ответил: «Я считаю, мы должны гордиться тем, что армия делает в Кашмире. Не думаю, что быть сепаратистом — это модно». В сентябре 2014 года интервью с Камаром Земаном Кайрой, представителем правящей Народной партии (в Исламабаде), превратилось в перепалку между Госвами и Кайрой, который не стал терпеть грубые, насмешливые вопросы, сорвал с себя микрофон и исчез с экрана.

Несмотря на неуклонное превращение в демагога, Госвами остается обладателем острого интеллекта и не смущается высоким общественным положением своих собеседников. Его предвыборное интервью с Рахулом Ганди в 2014 году сразу стало знаменитым, показав журналиста с наилучшей стороны, а Ганди — с наихудшей. Просмотр интервью требует усилий²⁶. Госвами сразу же установил свое право определять формат разговора: «Давайте будем высказываться по возможности конкретнее по темам сегодняшней беседы. Вы даете свое согласие на это?» Ганди, нерешительный с самого начала, сказал: «Да, мы будем конкретны, но если бы я хотел... если бы я хотел что-то объяснить чуть... более широко, это бы могло... [замолкает]».

В ходе интервью становится ясно, что Ганди решил говорить об определенных проблемах в заранее выбранном

ключе, независимо от того, какие вопросы задает Госвами. Указав на то, что Ганди не объявил о своем намерении стать премьер-министром, Госвами говорит ему, что тот избегает прямой конкуренции с Нарендрой Моди. «Рахул, вам следует объясниться». Ганди: «Чтобы понять это, вы должны немного понимать, кто такой Рахул Ганди и каковы были обстоятельства Рахула Ганди... в действительности вопрос в том, что я здесь делаю?»

Оказавшись неспособным направить интервью в нужное русло, Ганди попытался поменяться ролями с Госвами и спросил, почему тот решил стать журналистом. Госвами с благодарностью принял подарок, ответив, что «если человек решил стать журналистом, невозможно стать журналистом наполовину... если вы решили заняться политикой и эффективно руководить партией, то невозможно руководить партией наполовину». Мяч вновь оказался на поле Ганди, но политик продолжил говорить о себе в третьем лице, сказав, что для ответа на вопрос Госвами (и его зрители) должны понять, «что... как... думает Рахул Ганди». Он вспомнил детство, вспомнил, что видел своего отца (премьер-министра) «в непрерывном, непрерывном сражении с системой <...> в Индии <...> Я видел, как погиб мой отец... Я видел, как погибла моя бабушка». Он пытался вызвать к себе жалость.

Госвами не поддался чувствам. Пока Рахул Ганди пытался объяснить, что именно хочет сделать Рахул Ганди, Госвами старался вернуть его к «проблеме Моди». Госвами: «Вы возлагаете на Моди ответственность за беспорядки в Гуджарате [в 2002 году]?» Ганди: «Женщинам необходимо предоставить права <...> конечно, вы спросили о беспорядках в Гуджарате, и для женщин в этой стране очень важно, чтобы им предоставили реальные права».

Стратегия Ганди, какой бы она ни была, вынуждала его в конечном итоге нести чепуху. Неизбежное сравнение с Моди причиняло наследнику дома Ганди страдания. Индийский национальный конгресс все глубже копал себе яму. За неделю до беседы Ганди и Госвами Мани Шанкар Айяр, бывший

член кабинета министров, выпускник колледжа Дооп и Кембриджского университета, известный своим неприкрытым презрением к тем, кто менее благороден и образован, на ежегодном собрании партии Конгресса заявил: «Моди никогда не будет премьер-министром, но если он пожелает разносить здесь чай, мы выделим ему местечко»²⁷.

После насмешки со стороны Айяра Моди вынудил СМИ освещать его беседы с продавцами чая, которые его команда организовала во время предвыборных поездок. На митинге он заявил: «Посмотрите на их образ мышления. Им не нравится, когда чай валлах [продавец чая], сын бедной матери, ходит с высоко поднятой головой... Конгресс оскорбляет бедных, насмехаясь над моим происхождением из семьи продавца чая»²⁸. ИНК, опора независимости Индии, светская партия, обещающая равенство для всех, проявил себя как сборище снобов с запинаящимся, исполненным жалости к себе лидером. Интервью с Госвами стало неизбежным разоблачением, в котором Ганди было предоставлено достаточно возможностей... себя уничтожить.

Барка Датт, самая известная женщина на англоязычном индийском телевидении, часто попадает в спорные ситуации. Рассказывая о Каргильском столкновении между индийскими и пакистанскими войсками в Кашмире, она сообщила, что видела отрубленную голову пакистанского солдата, прибитую к дереву, в то время как индийский полковник, который обратил на ужасный трофей внимание журналистки, «понимающе переглянулся» со своими сослуживцами; полковник позже отрицал эти обвинения²⁹.

Три года спустя в Гуджарате, где Моди был главным министром, Датт освещала погромы 2002 года. Моди в телевизионном интервью сказал, что Датт подстрекала к дальнейшему насилию, делая «безответственные» репортажи; Моди обвинил ее в числе других в том, что она упоминала религиозную принадлежность нападавших и жертв в нарушение принципов, запрещающих такую идентификацию. В статье, написанной для журнала Outlook, Датт утверждала: «События в

Гуджарате не были общинным бунтом... [указывает общину]. В этом вся суть основанной на предрассудках административной и политической системы [Моди], которая с удовольствием отстранилась от происходящего. Разве журналист не обязан раскрыть суть дела?»³⁰ Репортаж Датт стал одной из основных причин широко распространившегося мнения о причастности Моди к погромам, жертвами которых в основном были мусульмане.

В 2008 году в средствах массовой информации Датт обвиняли в крайней безответственности при подготовке репортажей о нападениях, убийствах и захвате заложников пакистанскими членами террористической группировки «Лашкар-е-Тайба» в отеле Oberoi в Мумбае, поскольку она рассказала о том, что люди прятались в отеле, хотя армия это отрицала. Позже она сообщила, что ей сказали об отключении в гостинице телевизионного сигнала.

Единственный скандал, который, возможно, повредил ей, — это ситуация вокруг «записей Радию», когда консультанта по связям с общественностью Ниру Радию, родившуюся в Кении, учившуюся в Великобритании и вышедшую замуж за британско-азиатского бизнесмена, прослушивало Центральное бюро расследований, которое пыталось влиять на сделки вокруг продажи прав на частоты 2G; позже сделки были признаны незаконными. Радия привлекла Датт и редактора-консультанта Hindustan Times Вира Сангви, пытаясь заручиться их поддержкой в том, чтобы заставить главных участников разворачивающейся интриги поговорить друг с другом и, как следствие, помочь ей в разрешении проблемы способом, выгодным для ее клиентов. В ноябре 2010 года стенограммы разговоров были опубликованы в недавно основанном журнале Open. В попытке восстановить свое доброе имя Датт попросила и получила эфир на NDTV, но после того, как все пять приглашенных и Датт заговорили одновременно, шоу превратилось в привычную для телевидения какофонию, так и не пролившую свет на проблему³¹.

Все же ей удалось в какой-то мере отомстить Госвами. Последний вспылал в связи с репортажами из Кашмира в июле

2016 года, показавшимися ему пропакистанскими. «Привлеките их к суду! — кричал он в одной из своих передач. — Мне все равно, что некоторые из этих людей представляют СМИ». В репортажах, в том числе в материалах Датт, говорилось о частичном или полном ослеплении молодых кашмирцев, протестовавших против индийской «оккупации», против которых полиция применила травматическое оружие. Датт заявила об особых правах репортеров, находившихся на месте событий, в противоположность Госвами, вещавшего из «праздной и уютной телестудии в Мумбае»³². Пылая праведным гневом, Датт заключила, что «одно из ведущих лиц индийских СМИ стоит за цензуру, хочет отменить свободу выражения мнений, стереть все нюансы, исказить правду и отправить журналистов в тюрьму»³³.

В Индии глубже, чем в большинстве других демократий, укоренился гендерный шовинизм, порой доходящий до презрения или ненависти к женщинам. Датт, как и большинство женщин в публичной сфере, страдает от сложившегося положения. Практика распространения в Сети материалов о сексуальном насилии не ограничивается Индией, но индийская реальность иногда превосходит кошмарные фантазии. Жестокое изнасилование и убийство бандой мужчин юной студентки в автобусе в Дели в декабре 2012 года вылилось в крупные демонстрации в мае 2014-го; виновные понесли суровое наказание, а политики торжественно обещали способствовать изменениям в общественном отношении к этой проблематике. Через несколько месяцев главный министр штата Уттар-Прадеш Ахилеш Ядав в ответ на вопросы об очередном изнасиловании в возглавляемом им регионе обратился к журналистам, многие из которых были женщины, с вопросом: «А вам-то что? Вы в безопасности». Из уст высшего должностного лица самого густонаселенного штата Индии эти слова прозвучали особенно цинично.

Сагарика Госе, жена Сардесаия и соведущая на CNN-IBN, может, как и ее муж, гордиться хорошим происхождением и образованием: ее отец был генеральным директором

Doordarshan, сама она в 1987 году получила стипендию Родса, прошла обучение в колледже Св. Стефана в Дели, а затем в колледже Магдалины и колледже Св. Антония в Оксфорде. Не отличаясь особой скромностью, как, скажем, и ее коллега Госвами, Гесе однажды заявила, что «большинство моих критиков, смею сказать, это бездарные пожилые дамы, которые, вероятно, вне себя оттого, что привлекательная женщина еще и умна и что у нее есть муж и двое детей. Полагаю, для них это невыносимо»³⁴. Гесе тоже подвергается грязным нападкам, ее тоже считают непатриотичной, и она тоже каждый день старается удержаться на вершине индийского «новостного древа», сражаясь за позицию, которая предоставляет больше преимуществ, высоко оплачивается — и постоянно находится под прицелом.

В 2014 году в эфире появился новый телеканал: India Today TV, продукт группы India Today, которая ранее специализировалась на газетах и журналах. Крикливым телевестям новый канал противопоставил аналитический стиль. Главными ведущими стали Радждип Сардесай и Каран Тхапар: Сардесай ведет крупные новостные программы, Тхапар же каждый вечер по будним дням берет интервью в передаче под названием *To the Point*, которая ставит целью «вскрыть подоплеку событий». Несмотря на напористость и настойчивость в постановке вопросов, оба ведущих стараются не вступать в перепалки; в ходе одной из передач в январе 2016 года Сардесая вывели на связь с пакистанским каналом Dawn, в результате чего состоялись оживленные, но относительно вежливые дебаты о терроризме, в которых приняли участие несколько представителей обеих сторон; это сильно контрастирует с насмешками Госвами над своими пакистанскими гостями. В 2015 году, всего через год после запуска, канал India Today получил первую премию Exchange4Media News Broadcasting Awards за новостные программы на английском языке; то был вечер двойного триумфа для всей медиагруппы, поскольку принадлежащий группе (и на протяжении пятнадцати лет выходящий в эфир) новостной канал на хинди Aaj Tak, который

придерживается высоких этических стандартов в подаче новостей, тогда же победил в номинации для каналов на хинди.

Против конфронтационного стиля в подаче новостей и освещении событий выступил и государственный вещатель Doordarshan, заявляющий о большей по охвату аудитории на хинди и английском, чем у частных каналов. По словам члена правления компании, К. Г. Суреша, «сегодня люди предпочитают смотреть DD News, поскольку они против сенсаций, громких дебатов и перепалок»³⁵. Таблоидный стиль в Индии, как и везде, подразумевает хамство и искажение фактов; Кунда Диксит, редактор Nepali Times, подверг резкой критике индийских журналистов, весной 2015 года съехавшихся в долину Катманду в Непале, чтобы готовить репортажи о землетрясении (число погибших в Непале составило около 9000 человек, в Индии тоже были тысячи погибших): «Создавалось впечатление, что репортеров специально отбирали за врожденную грубость, неделикатность и бездушие к выжившим. С непальскими жителями, только что потерявшими родственников, обращались как с тугими на ухо мужланами, которые должны быть благодарны за то, что попали в кадр»³⁶.

Но новости рынка — это новости рынка. India TV, телеканал на хинди, основанный в 2004 году Раджатом Шармой и его женой Риту Дхаван, завоевал устойчивые позиции благодаря «ответственным репортажам, свежим лицам, технологиям мирового уровня и интернациональному стилю». Но уже скоро компании пришлось пройти через тяжелые испытания.

В июле 2006 года шестилетний мальчик по имени Принс упал в 60-футовую скважину в Харьяне, северном индийском штате, граничащем с Уттар-Прадешом, родным штатом индийского телевидения и самым густонаселенным в стране³⁷. На следующий день генеральный директор телеканала Чинтамани Рао прибыл на место для изучения обстоятельств; в это время по India TV транслировалась передача о террористе, ускользнувшем от индийской полиции, конкурирующие же каналы дежурили возле скважины с Принсом, и все сотрудники в редакции следили за сюжетом. Рао осознал, что

события разворачиваются интригующе (уместно провести параллель с сюжетом фильма Билли Уайлдера «Туз в рукаве» 1951 года, в котором бессовестный репортер лжет с целью удержать землекопа в подземной ловушке, пока он сохраняет эксклюзивные права на репортаж; землекоп умирает): «Я сказал, дело дрянь! Ребята, мы, кажется, упускаем что-то важное». Канал India TV направил собственную команду для освещения спасательной операции, хотя Рао знал, что «[другие] уже ведут трансляцию». Но упущенного времени не наверстать, и канал Zee News, занявший выгодную позицию возле скважины с самого начала происшествия и державшийся до четвертого дня, когда Принса спасли, заполучил 40% зрительской аудитории новостных каналов, тогда как рейтинг India TV выражался однозначными числами.

Рейтинги — икона индийской журналистики. «Вещатели стараются составить сетку передач так, чтобы обеспечить высокие рейтинги; рекламодатели, в свою очередь, оказывают существенное влияние на качество передач, производимых вещательными компаниями... и в конечном итоге система рейтингов влияет на содержание телепередач, которые смотрят около 666 миллионов зрителей в индийских домохозяйствах, владеющих телевизорами»³⁸. Коррупция, согласно сообщениям, носит повсеместный характер: подкуп достигает уровня семей, установивших специальные измерители; семьи соглашаются за плату оставлять телевизор настроенным на определенный канал, пока сами смотрят свои любимые каналы на другом телевизоре, предоставленном компанией, которая им платит.

Несмотря на возможные свидетельства благотворного влияния журналистов на уровень коррупции в Индии, ситуация остается неоднозначной. По данным Transparency International, Индия по-прежнему считается в высокой степени коррумпированным государством: ее показатель в 2015 году составил 38 баллов по шкале от 1 (наименьший уровень коррупции) до 100 (высочайший уровень), то есть остался таким же, как в 2014 году, и на два пункта ниже, чем за два

предыдущих года, что ставит страну в один ряд с Бразилией, Буркина-Фасо, Перу, Таиландом, Тунисом и Замбией — все эти страны занимают строчки в верхней половине списка из 175 исследованных стран. Вместе с тем, согласно результатам исследования, проведенного Ernst & Young India путем опроса 45 лидеров индустрии средств массовой информации и развлечений Индии, 56% опрошенных заявили, что за последние два года возросло число случаев мошенничества; 83% заявили, что особое беспокойство вызывает размер «откатов», выплачиваемых за утверждение прав и разрешений; 70% заострили внимание на фальшивых и завышенных счетах, выставляемых сторонними лицами; 52% считают, что размер упущенной прибыли составляет от 5 до 25%, а 2% считают, что ущерб еще выше. Большинство компаний мало что сделали для обучения своего персонала методам противодействия коррупции. Эксперты Ernst & Young пришли к неутешительному выводу: полученные данные «ясно указывают на то, что компании терпят убытки из-за мошенничества и коррупции»³⁹.

Объемы коррупционных дел, кажется, тоже увеличиваются. Выдача компаниям в 2008 году телекоммуникационных лицензий, большинство из которых в 2012 году были аннулированы Верховным судом, — афера, вызвавшая скандал «Радиягейт». По оценкам Центрального бюро расследований, она стоила казне 4,6 миллиарда долларов упущенной выручки: The Time назвал ее второй по размахам аферой после Уотергейта⁴⁰. В депеше, вошедшей в состав крупной «утечки» посольских депеш США в WikiLeaks, американский дипломат сообщал, что советник правящей партии «Индийский национальный конгресс» показал ему «сундуки с наличностью», предназначенные для подкупа депутатов с целью поддержки ими неоднозначного соглашения между Индией и США, которое расширило бы ядерный потенциал Индии. В марте 2010 года глава ведомства по борьбе с коррупцией П. Дж. Томас был вынужден уйти в отставку из-за обвинений в коррупции, которые он назвал необоснованными. В 2010 году главный

министр штата Махараштра Ашок Чаван был вынужден уйти в отставку после того, как стало известно, что квартиры в Мумбае, предназначенные для вдов солдат, убитых в ходе боевых действий в Кашмире, были присвоены армейскими офицерами и родственниками политиков. Игры Содружества 2010 года в Дели, стоимость проведения которых первоначально оценивалась в 270 миллионов долларов, обошлись в 4,1 миллиарда долларов, а государственный аудитор в отчете по контрактам на проведение Игр заявил о протекционизме и коррупции.

Центральное индийское правительство на протяжении многих лет передавало значительную часть полномочий на уровень штатов, причем в некоторых из них коррупция пустила глубокие корни. Вступающие в должность главные министры, частые фигуранты скандалов, нередко рассматривают должность как возможность для самообогащения. Согласно рейтингу Transparency International⁴¹, наименее коррумпированные страны (список возглавляют Скандинавские страны) относительно невелики по размерам; относительно крупные страны, если они попадают в первую десятку, не поднимаются выше 9-го или 10-го места, и чаще всего это Канада или Германия.

Притязание журналистов по всему миру на то, что их профессия «держит злодеев в напряжении», вероятно, небезосновательно. В наименее коррумпированных странах, как правило, средства массовой информации обладают наибольшей свободой, и страх разоблачения служит препятствием для мошеннических действий. Но в Индии это не так очевидно. Уровень коррупции в Индии до 1946 года (при британском имперском правлении) был высоким, и на протяжении большей части этого периода пресса находилась под частичным контролем администрации, а иногда подвергалась жесткой цензуре. После обретения независимости уровень коррупции только вырос. В отчете Global Financial Integrity за 2010 год утверждается, что доходы от преступной и коррупционной деятельности выросли более чем вдвое, до 462 миллиардов долларов⁴².

В первые три-четыре десятилетия независимой Индии журналистика была преимущественно послушной. СМИ стали намного более дерзкими с 1990-х годов, и особенно в 2000-х годах, когда многократно возросли масштабы коррупции, в том числе в средствах массовой информации.

Западная журналистика с разной степенью убежденности опирается на принцип, что и политика, и журналистика должны быть рациональными, независимыми в суждениях и бесстрашными в раскрытии истины, в том числе неутешительной. Такой взгляд на миссию политики и журналистики присутствует и в Индии; молодая, но периодически добивающаяся электоральных успехов «Аам Аадми парти» (ААП, «Партия простого человека») была создана специально для противодействия коррупции⁴³, да и большинство СМИ трубят о своем противостоянии коррупции. Но СМИ обеспокоены коррупцией меньше политиков, а владельцы и ответственные лица индийских новостных СМИ часто помещают эту проблему в конец списка приоритетов. Решающую роль играют здесь именно владельцы.

В октябре 2012 года Кен Аулетта из *The New Yorker* взял интервью у Винита Джайна, управляющего директора *Bennett Coleman & Company Limited (BCCL)*; его брат Самир занимает должность вице-президента компании (их мать — президент), но не дает интервью⁴⁴. Джайн сказал Аулетте, что братья больше заинтересованы в прибыльности BCCL, а не в журналистике как таковой. Аулетта отметил, что «вместо обеспокоенности редакционной независимостью, тождественной укреплению стены между отделом новостей и отделом продаж, [братья Джайн] считают, что один из секретов процветания газетного бизнеса заключается в разрушении этой стены».

BCCL — крупнейший в Индии медиаконгломерат, принадлежащий индусам; флагманская газета *The Times of India* — крупнейшая по тиражу (3,3 млн ежедневно) англоязычная газета в мире; компания также издает газету *The Economic Times*, несколько столичных газет, крупнейший

автомобильный журнал ZigWheels, крупнейший журнал о личных финансах ET Wealth; BCCL владеет долями компаний в области кинопроизводства, радиовещания, наружной рекламы, на телевидении (включая Times Now, канал Госвами) и в других отраслях. Доходы BCCL по мировым меркам медиа-компаний невелики: от 1,5 до 2 миллиардов долларов. Но прибыльность очень высокая: 25–30%.

«Мы, — сказал Винит Джайн Аулетте, — занимаемся не газетным бизнесом, мы в рекламном бизнесе... если 90% ваших доходов поступает от рекламы, это значит, что вы занимаетесь рекламным бизнесом». Более того, братья Джайн заинтересованы в том, чтобы за материалы, которые содержат скрытую рекламу продуктов или личностей (например, рассказы о голливудских фильмах и звездах), платили. А это значит, что статьи о новых фильмах или о звездах кино и телевидения становятся рекламными материалами, о чем и заявляется, но шрифтом настолько мелким, что, по словам Аулетты, «читателю требуется лупа, чтобы прочитать предупреждение».

Среди высшего руководства компаний распространилось мнение, согласно которому газета — это рыночная площадка, а не общественно значимый актив. Рахул Джансал, исполнительный президент и «бренд-шеф» BCCL, сказал: «Редакторы газет предпочитали ораторствовать, возвещая с кафедры предложения по восемьдесят слов длиной. Они считали себя участниками государственного строительства, участниками масштабного диалога. Это не способствовало налаживанию контактов с молодыми индусами». Сложно поспорить с этим утверждением, точно и емко отражающим журналистику раннего периода независимости с ее идущим от Джавахарлала Неру стремлением к строительству социал-демократического, светского государства (многие в Индии давно приговорили эту философию к забвению).

The Times стояла у истоков так называемой «культуры третьей страницы», то есть статей о звездах, шоу и скандалах (часто это платные материалы). В 2012 году газета The Hindu со

штаб-квартирой в Ченнае, третьем городе Индии, запустила против Times телевизионную и печатную кампанию из-за того, что The Times начала выпуск ченнайского издания. Лозунг всех агиток звучал так: «Опереди The Times!» The Hindu так высмеивала политику «оболванивания» и замалчивания новостей в The Times: «Непорядок в правительстве важнее, чем беспорядок в гардеробе» и «Читайте о политических партиях, а не о тусовках на 3-й странице». В минутных видеороликах были показаны молодые люди, которые не могли ответить на простые вопросы об индийской политике, бизнесе, спорте и мифологии, но дали правильные ответы на вопросы о кинозвездах. Их спросили: «Какую газету вы читаете?» Ответы «запиканы», но разобрать их нетрудно⁴⁵.

Газеты на английском языке всегда доминировали экономически, но ситуация меняется, хотя очень медленно. В периодическом обзоре медиабизнеса Ванита Кохли-Кхандекар отмечает, что до 2005 года англоязычные газеты получали 60% всей печатной рекламы, а газеты на хинди и других языках Индии — 40%⁴⁶. К 2013 году ситуация стала зеркально противоположной. Расценки на рекламу на английском по-прежнему выше рекламы на других языках; газетное пространство для англоязычных материалов выше в пять раз. Но этот показатель, пишет Кохли-Кхандекар, еще семь лет назад был в десять-двенадцать раз выше. Тенденция, похоже, сохранится, ведь средний класс, говорящий только на хинди (или преимущественно на хинди), стремительно растет, и его представители, скорее всего, будут медленнее переходить на чтение онлайн-публикаций, чем англоязычные читатели.

Индийская журналистика при всем безоглядном стремлении к успеху на рынке пребывает в состоянии этического хаоса; в ее «кровеносной системе» множество антител, особенно из числа молодых журналистов, которым не нравится то, что они видят и читают, и прежде всего им не по душе атмосфера, в которой приходится работать. Я познакомился с несколькими сотрудниками Института Рейтер в Оксфорде, уроженцами Индии, и все они были невысокого мнения об этических

принципах своего ремесла. Один из них, Анурадха Шарма (с опытом работы газетным репортером), довольно пристально изучал газетные традиции и написал о них эссе⁴⁷. Он не питает иллюзий в отношении перечисленных им побед, которые бизнес в журналистике одержал над традициями: «Главная проблема заключается не в наблюдаемом росте пропаганды и рекламы, а в том, что это выдается за журналистику».

Шарма приводит пример коррупции в журналистском цеху:

Осенью 2012 года в модном кафе в Нью-Дели два ведущих журналиста телеканала Zee News беседовали с руководством корпорации Jindal. Притом что журналисты твердили о сумме в размере 100 крор [почти одиннадцать миллионов фунтов стерлингов], руководители компании возражали, что это огромная сумма, и удивлялись, как она возросла с предложенной ранее суммы в размере 20 крор. «Если вы оформите отношения с нами, я посмотрю, что можно сделать», — пообещал один из журналистов. Эти переговоры были частью спецоперации. Скрытые камеры снимали процесс заключения сделки... но камеры принадлежали не новостному каналу, как можно было бы предположить, а сталелитейной компании, намеревавшейся разоблачить «вымогательскую тактику Zee News». 27 ноября 2012 года делийская полиция арестовала редактора группы Zee Судхира Чаудхари и руководителя коммерческого отдела Самира Ахлувалию по обвинению в попытке вымогательства 100 крор под видом рекламной сделки в обмен на хвалебный сюжет в новостях⁴⁸.

Сегодня некоторые индийские компании, такие как конгломерат Tata, добились авторитета на международной арене и считаются относительно свободными от коррупции. Другие компании, как крупные, так и небольшие, вступили в отношения с государством, и взаимозависимость с государственным сектором часто ведет к коррупции. Репортер FT Джеймс Крэбтри выразился об этом так:

До либерализации коррупция была мелкокалиберным занятием. Но как только страна открыла двери глобализации...

начало процветать новое поколение миллиардеров-промышленников... Конечным результатом стало формирование в Индии небольшого, но влиятельного класса полуолигархов... Сегодня в Индии в руках класса миллиардеров сосредоточена более высокая доля национального богатства, чем в любой другой крупной развивающейся экономике, за исключением России⁴⁹.

Один из самых решительных борцов с коррупцией в СМИ — это Паранджой Гуха Тхакурта, ветеран делийской прессы: что-то подстегивает его к ежедневной активной деятельности, которую он ведет из спартанской конторы в захудалом торговом центре в Дели. В сентябре 2012 года Тхакурта организовал в Дели конференцию Crony Journalism («Кумовство в журналистике») — событие, которое выделялось невообразимым (для меня) единодушием целой вереницы представителей СМИ и одного высокопоставленного политика; участники с явной невозмутимостью пришли к выводу, что, по словам Р. К. Аруна, редактора одного из отделов The Economic Times, «индийская журналистика почти полностью финансируется за счет доходов от коррупции [и] СМИ не могут изменить сложившуюся ситуацию». Раджив Шукла, государственный министр по парламентским делам в правительстве Конгресса (ИНК), сказал, что

теперь журналисты советуют бизнесменам приобретать телеканалы — «тем самым вы получите разрешение на застройку. Все уровни общества находятся под влиянием телевидения: судьи, политики, бизнес». Дилип Шериан, глава компании Good Relations и один из ведущих консультантов по связям с общественностью в стране, сказал, что политика коррумпирована «и пока такое положение преобладает, это влияет на все остальное. Вопрос стоит так: это присуще нам как народу? Или таковы все народы?» Прадип Магазин, спортивный обозреватель, представил свидетельства того, насколько сильно редакционная политика зависит от финансового и рекламного отделов: «Распоряжение писать больше о спорте исходило от финансового и рекламного отделов. Функции редактора сократились. СМИ начали создавать бизнес из спортивной журналистики».

В расследовании, опубликованном в декабре 2009 года, журнал Outlook раскрыл имена ряда известных политиков, готовых признаться в том, что они платили за благосклонное освещение их деятельности в СМИ⁵⁰. Среди них был главный министр штата Харьяна Бхупиндер Сингх Худа, который сказал: «Когда я заметил, что на первой полосе одной из ведущих газет моего штата изо дня в день печатаются необоснованные сообщения, я позвонил им и предложил деньги за то, чтобы они давали верную информацию. Газета принесла извинения. Они даже вернули деньги, взятые у моего соперника за публикацию направленных против меня новостных сообщений... журналистика расследований превратилась в коммерческую деятельность, а газеты — в коммерческие предприятия».

В 2009 году Тхакурта убедил Совет по прессе назначить его и его коллегу Калимеколана Сриниваса Редди в подкомитет, которому поручено подготовить доклад о «платных новостях». Во вступлении к докладу Тхакурта и Редди писали:

В последние годы коррупция в индийских СМИ вышла далеко за пределы мздоимства со стороны отдельных журналистов и медийных организаций — от «размещения» информации и мнений в обмен на выгоду, получаемую в виде денежных средств или в натуральной форме, к более организованным формам коррупции, когда газетам и телевизионным каналам платят за публикацию или трансляцию информации в интересах отдельных физических или юридических лиц, представителей политических партий и кандидатов, участвующих в выборах, что пытаются замаскировать под *новости*⁵¹.

Тхакурте понадобилось несколько месяцев, чтобы совет опубликовал доклад полностью, и в конечном итоге он своего добился.

Основа динамизма индийских новостных СМИ заключается в количестве публикаций, каналов и, естественно, веб-сайтов и блогов. Случаи, когда предприниматели для продвижения своего бизнеса создают телеканалы (обычно лишь в масштабе штата), хорошо известны, и эти каналы, постоянно сменяющие друг друга, находятся, как правило, под

управлением относительно небольших компаний. Тем не менее факт состоит в том, что телевидение консолидируется и цифровизация отрасли ускоряет эту тенденцию; к середине 2010-х гг. пять групп — Star, Sony, Zee, Sun и Network18 — обслуживали 65% аудитории, а в 2014 году Кохли-Кхандекар утверждала, что «индийский телевизионный рынок начал преодолевать тенденцию сокращения прибыли и структурный хаос, который до сих пор обуславливал его существование». Zee (хинди), Sun (тамильский язык) и Network18 (английский язык) запустили новостные станции, причем Network18 считается самой влиятельной из них. В 2014 году Network18 перешла под контроль Reliance Industries Limited (RIL) Мукеша Амбани, крупнейшей индийской компании; эта история поглощения высветила многие важные проблемы, стоящие перед телевизионной журналистикой страны.

Самый богатый человек Индии, Мукеш Амбани, распорядился построить для себя импозантную двадцатисемьэтажную резиденцию на фешенебельной Алтамоунт-Роуд (официально С. К. Бародавалла Марг) в Мумбае среди домов болливудских звезд, консульств богатых стран и домов других богатых бизнесменов. Амбани дал зданию название «Антилия» в честь мифического атлантического острова к западу от Испании и Португалии, предположительно населенного монахами, спасавшимися от вторжения мусульман в VIII веке (имел ли выбор названия религиозный подтекст?). Причудливое здание, этажи которого нависают друг над другом, как в конструкции Lego, выглядит скорее как воплощение власти, а не как семейное обиталище.

Принадлежащая Амбани компания Reliance Industries Limited приобрела в 2014 году Network18, что обеспечило компании полный контроль над сетью, в которую она несколько лет назад уже вложила значительные средства, когда тогдашний владелец медиагруппы, Рагхав Бахл, искал пути из сложного положения, в котором компания оказалась после кризиса 2008 года. Бахл тогда заверил сотрудников, что Амбани не интересуется новостными СМИ и что это всего лишь

инвестиция. Но вольно или невольно (мнения расходятся) он ввел коллег в заблуждение. Амбани хотел или пришел к тому, чтобы приобрести сеть в личных целях. RIL с сервисами 4G, которые компания запускала силами своей дочерней компании Jio Infocomm и планировала развернуть в 700 городах в 2015 году, нуждалась в содержательных материалах, а у Network18 этого добра было хоть отбавляй.

Амбани воспринимает содержание новостей даже более утилитарно, чем братья Джайн из Bennett Coleman: он видит в средствах массовой информации защитников своей компании и репутации семьи. Журналистика, которую он купил в Network18, — это «его» журналистика, а не актив, основное предназначение которого состоит в том, чтобы развивать стремление к раскрытию правды; это еще один центр производства в его огромной промышленной империи, еще один фрагмент мозаики.

К семейному делу Мукеша Амбани привлек отец, Дирубхай, начавший деятельность в 1958 году, через год после рождения первенца, в качестве мелкого торговца специями; до конца 60-х семья относилась к низшим слоям среднего класса и проживала в трехкомнатной квартире. По мере того как рос Мукеш, росла и компания Reliance; отправленный в Стэнфорд на курсы по бизнесу, старший сын вернулся через год по требованию Дирубхая и был назначен руководить строительством прядильной фабрики, где и раскрылся его деловой стиль — пристальное внимание к деталям.

В обзоре The New York Times, опубликованном в 2008 году, Ананд Гиридхарадас пишет, что Дирубхай был представителем поколения, которое обучалось «способам построения капитализма в условиях социализма», и вследствие этого, подобно российским олигархам, работал в нестабильной деловой среде, хватаясь за каждую возможность. Политики, которые ведали системой «лицензий Радж», во многом изменили свои взгляды под воздействием успехов Reliance: Арун Шури, бывший редактор газеты, а также бывший министр кабинета, признал, что через год после смерти старшего Амбани

изменил свое мнение о компании «на 180 градусов». «Несмотря на правила Радж, они создали компании и предприятия мирового уровня, — сказал он в речи в 2003 году. — Преодолевая препятствия и ограничения, они создали основу для отмены этих правил. Они создали предпосылки для реформ»⁵².

Гиридхарадас писал, что «известный индийский редактор, ранее работавший в The Times of India и пожелавший остаться анонимным из-за опасений расстроить Амбани, сказал, что Reliance поддерживает хорошие отношения с владельцами газет, а редакторы, в свою очередь, боятся исследовать историю компании слишком подробно. “Не думаю, что кто-нибудь подберется к этому близко”, — сказал редактор о влиянии Reliance»⁵³.

Пусть Амбани не доверял и даже презирал СМИ, но все же его тянуло к этой сфере. Когда Рагхав Бахл пригласил Амбани инвестировать в CNN-IBN, тот в январе 2012 года вложил в службу новостей 400 миллиардов рупий (640 миллионов долларов), достаточная сумма для того, чтобы со временем контролировать Network18. В мае 2014 года RIL официально завершила поглощение Network18, что вынудило Бахла и большинство высших должностных лиц, включая Сардесаю, покинуть компанию. Таким образом, RIL заполучила контроль над одной из крупнейших медиаорганизаций Индии, включающей CNBC TV18, CNN-IBN, CNBC Awaaz; сайты moneycontrol.com и firstpost.com; печатные журналы Forbes India и Overdrive; очень популярный развлекательный канал Colours, предприятие розничной телевизионной и интернет-торговли HomeShop18, семейство ETV из семнадцати каналов на разных языках, а также другие медийные и не относящиеся к информационной службе предприятия.

В 2013 году Бахл, один из самых дерзких медиапредпринимателей, известный стремительным приобретением телеканалов и печатных изданий, приступил к разукрупнению своей корпорации, что сопровождалось сотнями увольнений, и стал подталкивать канал, который традиционно был привержен партии Конгресса и либеральной идее, вправо,

к возрождающейся БДП. Правительство Конгресса слабеет, в то время как политический вес Нарендры Моди рос как на дрожжах, и Бахл осознал, что его крупнейший акционер, Амбани, сильно заинтересован в одобрении со стороны Моди. Председатель правления RIL никогда не отказывался от политики яростного лоббирования своих интересов (представлялось вероятным, что ИНК не станет доминирующей силой в следующем правительстве). После инвестиций, улучшивших плачевное состояние Network18, Бахл провел встречи с руководителями корпорации; на встрече с редактором Forbes Индраджитом Гуптой он спросил, какова, на взгляд Гупты, будет позиция редактора по написанию статей о RIL. Гупта сказал, что Forbes продолжит печатать статьи, как раньше. Бахл спросил: «Нам это действительно нужно?»⁵⁴

Рагхаван Джаяннатан, новый главный редактор журналов и сайтов медиагруппы, кричал, по некоторым сведениям, на журналистов за то, что они «работают неправильно. Forbes — журнал о богатых. О политике правого толка. Вы же, ребята, пишете о развитии и бедности. Если вы, ребята, сами этого не понимаете, то мне придется вас этому научить»⁵⁵. Бахл принуждал Сардесаю публиковать все больше позитивных статей о Моди и открыто выступить в поддержку главного министра Гуджарата. Когда Aam Aadmi Party (Партия простого человека) ненадолго, с конца декабря 2013 года по февраль 2014 года, возглавила правительство города Дели, она пошла в атаку на RIL по проблемам ценообразования на газ; хотя RIL тогда еще не завершила сделку по поглощению Network18, на Сардесаю оказывалось давление, с тем чтобы он не брал интервью у лидеров партии. В репортаже The Mint утверждалось, что «собственники хотели полного вытеснения из эфира Кеджривала и ААП»⁵⁶.

В провинции ситуация изменилась еще быстрее. Ариджиту Сену, репортеру CNN-IBN на северо-востоке страны, было велено выпустить перед выборами 2014 года передачу в формате «голос народа» (интервью с прохожими), в которой он должен был задавать вопросы о том, насколько сильно

граждане хотят разбогатеть и какова должна быть политика Моды, чтобы позволить им достичь финансового благополучия. Вскоре Сен уволился, окончил аспирантуру в Лондоне и поступил на службу в международную неправительственную организацию.

Уходя в отставку, Сардесай написал в прощальной записке коллегам:

В течение 26 лет независимость и честность редактора были догматами профессии, а я, наверное, слишком стар, чтобы меняться!.. Новости, а не слухи; здравомыслие, а не сенсации; достоверность, а не хаос должны всегда оставаться вашим кредо, иначе журналистика потеряет моральные ориентиры. Надеюсь, что новое руководство будет ценить принципы честной журналистики, а я желаю им удачи⁵⁷.

Наиболее видные авторы не сдерживались в критических замечаниях. Сайнат сожалел о времени, «когда СМИ серьезно относились к своей функции — спрашивать с власть имущих. СМИ были оппонентом. Журналисты вступали в открытый спор с властями предрержащими, будь то в правительстве или в корпоративном секторе. Только время покажет, как такая функция оппонента может существовать в рамках нынешних корпоративных сделок»⁵⁸. Тхакурта не считал, что этому утверждению нужна проверка временем: «Если крупнейший промышленный конгломерат Индии становится также крупнейшей индийской медиакомпанией... это вызывает опасения и вопросы о том, что происходит с голосами тех, кто утверждает мнение, противоположное RIL, и тех, кто вообще вытеснен на обочину»⁵⁹.

Сардесай был не одинок. В январе 2017 года Барка Датт объявила о том, что покинет NDTV с целью «изучения новых возможностей». Наверное, это был мудрый шаг: телеканал оказался подспудно поглощен компанией Reliance благодаря крупным займам, ранее предоставленным со стороны Амбани для удержания канала на плаву⁶⁰. Уходу Датт предшествовала гораздо более громкая сенсация: двумя месяцами ранее об уходе из Times Now объявил Госвами⁶¹. В последнем случае,

согласно информированным источникам, размолвка — относительно Пакистана — произошла между Госвами и управляющим директором канала Винитом Джайном: бизнесмен придерживался более умеренной позиции, чем ведущий; говорили также, что Госвами потребовал долю собственности в компании, что братья Джайн сочли «неприемлемым и необоснованным» требованием. Вскоре Госвами объявил, что запустит новостной канал, который будет называться Republic TV: ходили слухи, что канал согласился финансировать Руперт Мёрдок.

Журналистика всегда сводилась к тому, кто платит дудочнику и какую заказывают музыку. Деловые люди и политики, которые в той или иной форме контролируют новостные агентства, ищут поддержки своих политических или коммерческих интересов; журналистика сформирована таким образом, чтобы служить этим амбициям. То, как RIL построит систему управления после приобретения Network18 в 2014 году, принципиально повлияет, если воспользоваться фразой Кохли-Хандекара, на «настроения и форму индийского новостного телевидения»⁶² и, таким образом, на то, какой видят страну как индийцы, так и иностранцы, какой народ видит элиту, а элита — народ, а также на иерархию приоритетов, с которыми приходится иметь дело каждому политику.

Опасения журналистов и общественных активистов, что акционирование средств массовой информации Индии становится все более неблагоприятным фактором для плюрализма голосов и мнений и, следовательно, для самой демократии, перешли из либеральных колонок в газетах в официальные кабинеты. В августе 2014 года Управление по регулированию телекоммуникаций Индии предупредило в опубликованной статье, что ответственность средств массовой информации за точное и правдивое освещение «волнующих всю страну вопросов» может быть поставлена под угрозу консолидацией собственности. «На рынке новостных СМИ могут быть тысячи газет и сотни новостных каналов, но если все они контролируются лишь горсткой компаний,

то в обществе наблюдается недостаточное разнообразие мнений и взглядов»⁶³.

Согласно статье Кришина Каушика в журнале *The Caravan*, опубликованной в январе 2016 года, несколько компаний и частных лиц — Амбани, Махендра Нахата, партнер Амбани и член правления его телекоммуникационной компании *Reliance Jio*, а также промышленник Абхей Осваль — вложили значительные средства в развитие пяти ведущих медиаслужб. Это *NDTV*, *News Nation*, *India TV*, *News24* и *Network18*, то есть средства массовой информации как на английском, так и на хинди.

В некоторых случаях инвестиции привели к приобретению новыми владельцами контрольного пакета, в других — крупных миноритарных долей. Структура собственности сложна и включает прямые кредиты, кредиты, которые могут быть преобразованы в акции, когда того пожелает инвестор, и прямое владение акциями. Инвестиции в *NDTV* (это по-прежнему канал, который больше других привержен принципу максимально полной и сбалансированной подачи новостей) настолько сложны, что не вполне понятно, кто контролирует компанию, хотя Каушик «уверен, что сделки привели к потере супругами Рой значительной доли контроля над компанией».

Во главе двух министерств, министерства финансов и министерства по делам корпораций, которые могли бы противостоять централизации информационных компаний, стоит Арун Джайтли, один из самых влиятельных деятелей БДП, до марта 2016 года также занимавший пост министра информации и телерадиовещания. Согласно обзору в *The Caravan*, общество ожидает усиления контроля над индийскими СМИ, которые не утратят разнообразия, но будут характеризоваться большей консолидацией и «дружелюбием» к правительству⁶⁴.

В середине 1970-х годов британский журналист Иэн Джек уехал жить и писать в Индию; он прибыл как чужеземец, выходец из рабочей шотландской семьи (в эпоху империи этот путь прошли многие). Он увидел Индию, которую вполне узнал бы и шотландец XIX века:

Поезд в семидесятих годах... верите или нет, тащился за паровозом; в грязные окна вагона мы видели, как над орошаемыми полями вьется дым — пашню обрабатывали селяне, и в помощь им был в лучшем случае вол или верблюд... городские улицы остались позади, и страннику только и оставалось, что вглядываться в кромешную тьму, которую изредка рассеивали масляные лампы или огонь очага⁶⁵.

Сегодня сахибы времен империи или их подданные вряд ли узнали бы страну — по крайней мере, значительную ее часть. Тьму теперь рассеивают электрические фонари, да еще то вездесущее белое мерцание телеэкранов, к которым, как и везде в мире, тянутся люди — живущий впроголодь фермер или читающий журнал *Vogue* городской юрист, — и нити их жизнью вплетаются в повесть о современной Индии.

Глава 6

«Нам нужен премьер, а не монах-траппист...»

В течение двух десятилетий, с 1994 по 2014 год, господствующей фигурой в итальянской политике и журналистике (особенно в тележурналистике) был Сильвио Берлускони. Настанет день, и в жизнеописании политика биографы сумеют отдать должное причудливо сочетавшимся в нем качествам, среди которых мы различаем надменность, смелость, цинизм и решительность, способность к состраданию, гротеск, исполненность надеждой, интуицию, веселость, доброту, лживость, злобу, благородство, смутность образа мыслей, донкихотство, романтичность, самоуверенность, склонность к обману, способность понять другого, мстительность, склонность к распутству, молодежавость и удивительную энергию. Принадлежавшие ему средства массовой информации одновременно служили защитой против многочисленных судебных исков и каналами политического влияния на итальянцев; его телеканалы оказались необычайно прибыльными¹.

СМИ, которыми владел Берлускони, поддерживали его, отличаясь исключительной тенденциозностью. Впрочем, к подконтрольным ему СМИ следует отнести и каналы государственной телерадиовещательной компании Radiotelevisione Italiana (Rai) — в ту пору, когда он был премьер-министром, а его партия и союзники контролировали политический комитет, в свою очередь служивший средством влияния на Rai.

Берлускони был удивительным персонажем — дельцом, который стал успешным политиком. Для Италии, однако, его правление оказалось бедственным, постоянный экономический спад маскировался лживыми прогнозами роста и индустрией развлечений. Хотя Берлускони не был знаком с Дональдом Трампом, он стал его средиземноморской, пусть

и менее скандальной, предтечей: вспомним, как он стремился привнести бизнес-логику в систему государственного управления, как он насмеялся над либералами, сохраняя тесные связи с бизнесом, как он с удовольствием злил союзников, например, немцев, и как он дружил с Владимиром Путиным (их дружба продолжилась и после того, как итальянец ушел в отставку). Для управления ему не нужен был Twitter, ведь в Италии он контролировал гораздо более влиятельные традиционные СМИ: три эфирных канала, газету, крупнейшее книжное и журнальное издательство, рекламное агентство и даже Rai, в бытность премьер-министром. В целом он был гораздо более симпатичной фигурой, чем Трамп (впрочем, для журналистов, читателей и зрителей он представляет не меньший интерес, чем американец). Итальянский премьер, конечно же, неизмеримо менее влиятелен, чем американский президент. Однако Берлускони удалось первым явить образец современного политика, презирающего установленные правила политики и дипломатии.

Исследователь Италии Пол Гинзбург подчеркивает сходство между двумя этими людьми:

Сколотив огромное состояние, они вознамерились использовать часть собственного богатства для того, чтобы войти в политику. <...> [Дополнительным мотивом для обоих] было стремление обезопасить свое состояние, изменив соотношение сил и власти в демократическом обществе и превратив демократию американскую и демократию итальянскую в автократию².

Сильвио Берлускони верил в объективность не больше, чем Дональд Трамп, но, в отличие от американца, итальянец действовал в культуре, в которой объективность не считали достоинством и большинство журналистов. Два величайших деятеля в итальянской журналистике XX века не считали объективность обязательным качеством для созданных ими газет; таковая представлялась им не просто недостижимой, но и бесчестной. Индро Монтанелли, на протяжении десятилетий виднейшая фигура в журналистике политических

правых, оставил *Corriere della Sera* в 1974 году и основал либерально-консервативную ежедневную *Il Giornale*, а позже подал в отставку, когда новый владелец, Берлускони, стал предъявлять ему политические требования. В оставшиеся годы жизни Монтанелли страстно выступал против нового лидера итальянских правых. Для него политическая ангажированность и была сердцем журналистики. Схожих взглядов придерживался Эудженио Скальфари на левом фланге: он основал газету *La Repubblica*, отмечая риторику о необходимости стремиться к честности, взвешенности и нейтральности или объективности, презрительно отзываясь об «иллюзорной политической нейтральности» и предпочитая ангажированный подход журналиста, который сделал в жизни «явный выбор».

Нельзя сказать, что итальянская журналистика в эпоху Берлускони была им поработана: с середины 90-х годов в итальянских книжных магазинах с завидной регулярностью появлялись книги о Берлускони, обычно критические и написанные, как правило, журналистами. Одна из немногих ежедневных газет, основанных в течение первого десятилетия XXI века, *Il Fatto Quotidiano*, преследовала цель оппонировать премьеру посредством журналистских расследований. Здесь было опубликовано немало очерков, аналитических материалов и статей, в которых премьер-министр выставлен в неприглядном свете. Что уж говорить о тысячах публикаций в иностранных СМИ, нередко публиковавшихся в итальянском переводе.

На протяжении ряда лет против Берлускони было выдвинуто множество обвинений — от взяток, выплаченных отдельным лицам и целым ведомствам, до связей с сицилийской мафией. Ни по одному из исков суд не вынес обвинительного заключения, причем срок давности по ряду дел истек до того, как они дошли до суда. Очевидно, что он использовал политику в качестве дополнения к бизнесу с начала восхождения к богатству и власти. Одновременно он распространил в итальянском обществе новые стереотипы медийного опыта — от страны, где телевизор смотрели меньше, чем

в других обществах, Италия превратилась в самую телевизионную страну Европы. За годы его политического господства, притом что он несколько раз уходил из правительства и возвращался к власти, итальянское общество перешло от укоренившихся массовых политических партий на левом и правом флангах, обладавших сетями ассоциаций, клубов и институтов, к стране с необычайно развитой культурой потребления, телеиндустрией и философией индивидуального выбора. Берлускони не был автором этих перемен — закат партий и политического участия присущ всей Европе, — однако он сыграл в них свою роль. И не просто сыграл роль. Он сделал переход от политических и коммунитарных институтов к индивидуальному или ограниченному отдельными семьями потреблению главной темой своей общественно-политической программы.

Как ни один другой политик или делец в Европе, Берлускони, бизнес которого включал журналистику и производство новостей, создал политический медийный мир, призванный охранять его интересы, тогда как сам опыт телевещания коренным образом сместился в сторону развлечения зрителей посредством игровых шоу, популярных фильмов, мыльных опер, музыкальных феерий и спектаклей и сенсационных новостей.

Благодаря выразительности его публичных выступлений, политической власти, богатству и созданным им средствам массовой информации период в конце второго и начале третьего тысячелетия можно назвать «поворотом Берлускони». Демократический мир никогда еще не видел такой сцепки между медиамиром, бизнесом и политикой. Никогда еще в политике не наблюдалась столь бессовестная демонстрация силы денег и телесоблазна. Берлускони был классическим «игроком на рынке»: все, включая политику, было в предельной степени сведено к его деловым интересам. Спустя почти четверть века после появления Берлускони на политической арене Дональд Трамп, еще один бизнесмен, использовавший телевидение для достижения известности, был избран президентом США.

Наиболее важным из ранних политических ходов будущего премьер-министра стала дружба с тогдашним премьер-министром Италии, социалистом Беттино Кракси, которого Берлускони убедил издать специальный указ, узаконивший подконтрольный статус общенациональной сети телеканалов. Его предпринимательский талант проявлялся как в политике, так и в бизнесе; опасаясь юридического преследования своего растущего бизнеса, Берлускони в начале 90-х годов решил пойти в политику и избираться в парламент (все депутаты обладают правовым иммунитетом), создав в кратчайшие сроки политическую партию, основанную и состоящую из должностных лиц его рекламной империи Publitalia. Движение получило название «Forza Italia», фраза, которую обычно переводят как «Вперед, Италия» (клич футбольных болельщиков на международных матчах).

Со временем партия стала пополняться рядовыми членами, но, несмотря на создание по всей стране мощной партийной машины, на поверку партия оставалась симпатичным культом личности без обычной для политических партий рутины — лучше всего это выражено в написанном одним из членов партии гимне, припев которого содержит слова: «Presidente, siamo con te / Meno male che Silvio c'è» («Президент, мы с тобой. / Как здорово, что с нами Сильвио»). Во время партийных съездов и митингов, в видеофильмах, в книгах, где фотографий больше, чем текста (особый акцент делался на любви Сильвио к своей матушке и на его умении применять бизнес-таланты для решения общенациональных задач), Берлускони предстал одновременно политической динамо-машиной и парнем из соседнего подъезда.

После вызванного чередой коррупционных скандалов крушения христианско-демократической партии и ее союзника, социалистической партии Италии, Forza Italia, политическое дитя бизнес-корпорации, победила на выборах 1993 года; Берлускони впервые стал премьером, но пока продержался только год, так как один из его политических союзников вышел из коалиции. Для него это был период обучения, и он многому

научился, включая использование медиаимперии на политическом поле — исключительно важная составляющая часть его жизни на политическом олимпе. В результате он расстался с Монтанелли; позже ему пришлось распрощаться и с Энрико Ментаной, который некогда создал новостную службу его главного телеканала — Canale 5 («Канал-5»). И Монтанелли, и Ментана прошли с Берлускони часть пути, но в конце концов сочли, что без доли независимости и беспристрастности суждений журналистика становится мошенничеством.

Подобно средневековым башням, которые по-прежнему высятся во многих итальянских городах, свидетельствуя о расправах и войнах вельможных бандитов, медиахолдинги представляют собой укрепленные предприятия для ведения политической войны и сбора трофеев. Башня Берлускони была гораздо выше других: «Сегодня каждый итальянец в возрасте до тридцати лет достиг политической зрелости в стране, где Берлускони и его семья контролируют половину всей телепродукции, половину новостных изданий и крупнейший издательский дом [Mondadori]»³. Журналист Массимо Джаннини назвал такое положение вещей «не диктатурой в классическом смысле, а <...> современной формой постидеологической диктатуры»⁴.

Самая блестящая журналистская карьера — как в Италии, так и в остальном мире — пролегает путями телевидения. В Италии до 1978 года монополистом на рынке телерадиовещания была корпорация Rai. Она следовала в фарватере, если и не всецело подчинялась христианско-демократической партии — как в своей степенности и солидности, близости к Ватикану, проецировании высокой, преимущественно итальянской культуры (кинофильмы, опера, концерты, пьесы, литературные дискуссии), так и в уважении к правительственному курсу в контексте подачи новостей и комментариев.

Когда Конституционный суд Италии постановил, что положение дел в телерадиовещании не отражает многообразия политических взглядов в стране, компания Rai была реорганизована. При этом по принципу нейтральности был нанесен

смертельный удар: контроль над редакционной политикой был предоставлен основным партиям, «владевшим» телеканалами. Rai 1, первый и самый старый канал (монополист с 1954-го, когда началось общенациональное вещание, по 1963 год и по-прежнему самый популярный в стране), остался под патронажем правящей партии, христианских демократов. Rai 2, созданный в 1963 году, был передан под контроль крупнейшего партнера по коалиции (в то время ими, как правило, были социалисты), а в 1978 году, когда коммунисты, вынырнув из небытия, заключили историческую сделку с христианскими демократами, им даровали Rai 3.

Такое решение равнозначно допущению, что итальянский политический класс не верил в возможность непредвзятой тележурналистики. Таким образом, предполагалось, что политическая власть будет всегда довлеть над стремлением к независимости и что правительству должно принадлежать последнее слово в вопросах телеэфира. Следовательно, оптимальное решение состояло в раздаче политическим кланам их вотчин с сохранением наиболее крупной из них за правящей партией.

По мере укоренения подобной системы журналисты и редакторы, ответственные за выпуск новостей, привыкли к тому, что журналистика в Италии лишь отчасти оценивается по профессиональным качествам; карьера журналиста зависит также от политических взглядов, от приверженности партиям на левом и правом флангах и от покровительства, которое оказывает ему партийное руководство. Привнесение политики в телерадиовещание — факт небезызвестный и в других странах Западной Европы, например, во Франции, в Греции, Нидерландах и Испании, с присущим им своеобразием. Однако в Италии открытое разделение каналов на сферы влияния, а также маневры с целью получения политических барышей посредством внедрения лоялистов гораздо больше укоренены в повседневной практике новостной журналистики.

В Италии издаются яркие, полемичные по характеру, общенациональные, хотя и малотиражные ежедневные газеты,

равных которым немного в мире (примером могут служить левые газеты *Il Manifesto* и *L'Unità* и правые *Il Foglio* и *Libero*). В 2009 году в условиях застоя на рынке Марко Травальо, убежденный оппонент Берлускони, много писавший о деятельности премьер-министра и его окружения, и его коллеги основали газету *Il Fatto Quotidiano*; в течение нескольких лет они с успехом выпускали тираж, более чем вдвое покрывавший их относительно скромные издательские нужды.

Национальные газеты — миланские *Corriere della Sera* (одна из старейших в мире газет, основана в 1876 году) и бизнес-газета *Il Sole 24 Ore* (1965 г.), левоцентристская римская *La Repubblica* (1974 г.) и либеральная туринская *La Stampa* (1867 г.), наряду с многотиражными региональными газетами, например, римской *Il Messaggero*, флорентийской *La Nazione* и неаполитанской *Il Mattino*, — это издания живые, исполненные духом соревнования, с большими разделами, посвященными культуре и литературе.

Наибольшими препятствиями на пути журналистов остаются политические и финансовые предпочтения и интересы владельцев. Редактор *Corriere della Sera* Ферруччо де Бортоли подал в отставку в 2003 году предположительно под давлением правления материнской компании *Rizzoli*, которое считало неблагоразумной резкую критику Сильвио Берлускони, недавно впервые ставшего премьер-министром; концерну *Rizzoli* нужно было привлекать финансирование (позже де Бортоли вернулся в кресло редактора и служил в газете с 2009 по 2015 год; звезда Берлускони уже закатывалась)⁵.

Туринской *La Stampa* владеет группа *Fiat*; газета не имеет возможности критиковать эту самую важную в итальянской экономике компанию или портить отношения с правительством из-за чересчур резкой критики политики исполнительной власти. Отношения газеты с правительством, что особенно важно для корпорации, так плодотворно работавшей в государственном секторе, оставались, как правило, теплыми, включая фашистский период истории, когда основатель *Fiat* Джованни Аньелли стал сенатором.

Il Sole 24 Ore, родившаяся в результате слияния двух газет, — это деловое издание, которым владеет Confindustria, ассоциация итальянских промышленников и предпринимателей; хотя газета служит компасом в мире экономики, политики и финансов, контроль со стороны владельцев обуславливает определенную скудость и даже вкрадчивость редакционной политики.

Gruppo Editoriale L'Espresso Карло де Бенедетти владеет левоцентристской газетой La Repubblica. Де Бенедетти сочувствует умеренным левым и, согласившись финансировать газету с самого ее основания в 1974 году, он с энтузиазмом воспринял взгляды редактора-основателя Эудженио Скальфары, а именно, что «газета будет поддерживать (и во многом формировать) такое видение левой идеи, при котором возможно вхождение демократических левых сил в правительство (при условии, что левые откажутся от марксистской идеологии, и прежде всего, от ее советских извращений). Короче говоря, мы стремились к созданию реформистской партии»⁶.

La Repubblica уникальна среди крупнейших изданий Италии, так как ее основали первый редактор (Эудженио Скальфари) и поддерживавшие его предприниматели, причем последние продолжили оказывать поддержку его преемникам Эцио Мауро (с 1996 года) и Марио Калабреззи (с 2016 года); под руководством Мауро издание выражает те же реформистские социалистические взгляды, которые были изложены Скальфары.

Упадок газет не обошел Италию стороной. В середине второго десятилетия XXI века малотиражные газеты все больше зависят от богатых спонсоров. Редакция Corriere della Sera покинула великолепный особняк в стиле модерн на миланской Via Solferino в 2013 году; La Repubblica и La Stampa слились в 2016-м; в том же году тяжелые убытки понесла Il Sole 24 Ore.

Основание премьер-министром Берлускони коммерческих национальных телесетей оказалось настолько же успешным, насколько молниеносное создание им в более позднее время политической партии. Монополия Rai некогда позволяла

общественному вещателю быть высокомерным. В установлении дуополии не участвовали регулирующие органы, и, таким образом, медиагруппа Берлускони Mediaset могла передавать в эфир все, что желала; блестящие успехи телеимперии Берлускони вынудили Rai, которая впервые в истории озаботилась своим рейтингом, попросту подражать Mediaset. В результате, пишет Гинзбург, в Италии «не появилось общественного телевидения, которое бы сочетало политику независимой новостной редакции, гражданской ответственности, фактологически обоснованных документальных фильмов и качественных программ, которые могли бы в разное эфирное время привлекать как большинство, так и отдельные группы телезрителей с особыми интересами»⁷.

Берлускони знал, что реклама — это «материнское молоко» для телевидения и для того, чтобы обеспечить бесперебойную подачу рекламы, телевидение должно быть дружелюбно к воображаемым мирам рекламодателей, где живут счастливые, уравновешенные, красивые люди, чья жизнь улучшается благодаря товарам и продуктам (последнее, конечно, не ограничивается итальянским ТВ). И хотя Берлускони проиграл в двух из пяти выборов, во время которых он претендовал на власть, богатый ассортимент его телепродукции сыграл свою роль как в победах, так и в его относительном политическом благополучии после второй неудачи (в 2006 году). Берлускони «приносил удовольствие» многим миллионам вечер за вечером. Вскоре после основания Mediaset Берлускони сказал: «В основном частное телевидение — это опыт нарушения границ, который соблазняет большое число людей»⁸.

Он воплощал собой успех, излучая бодрость, обаяние, непринужденно нарушая правила политики и дипломатический протокол, сочетая телегеничную внешность и самоуверенность. Тем не менее вектор этой энергии был направлен, увы, в сторону уменьшения значимости многих важнейших институтов итальянского государства и политики. Судебная система представлялась ему коррумпированной и идеологически враждебной, хотя он умудрился манипулировать

ею настолько успешно, что только по мере ослабления власти Берлускони его удалось осудить в августе 2013 года за налоговые махинации, — он отбывал наказание, занимаясь общественно полезным трудом; его также исключили из сената с запретом занимать государственные должности в течение шести лет.

Левые — среди них у Берлускони действительно много противников, в том числе либеральный журнал *The Economist*, яростно на него нападавший, — были, по его мнению, коммунистами. В парламенте он видел декорацию, а вопросы парламентской повестки, на его взгляд, успешнее решаются партийными лидерами во время неформальных переговоров, без пустопорожних прений. Экономические реформы, которые он провозглашал своим приоритетом, оказались скудными, за исключением тех областей, где закон был изменен для защиты его собственных деловых интересов и обеспечения иммунитета от преследований. Заявляемые им цели реформ в судебной сфере были вполне логичны, если принять во внимание громоздкую и чрезмерно политизированную систему юстиции, но его критика в конце концов была направлена на снижение эффективности правосудия, а не на повышение качества судов.

Над итальянской журналистикой всегда довлела политика, бесконечная конфронтация политических партий; среди ключевых текстов на эту тему следует упомянуть эссе Энцо Форчеллы 1959 года «1500 читателей»⁹, заголовок которого передает рвение, с которым итальянские газеты культивируют и отражают политику, притом что идеальная читательская аудитория не превышает 1500 (или около того) членов политической элиты. Форчелла пишет, что в молодости, когда он только собирался стать политическим обозревателем, ему казалось, что он будет иметь дело с фактами, информацией и новостями. Однако обнаружилось, что для всестороннего разъяснения картины мира читателям ему придется выйти за пределы формальных событий и речей, обнажая то, что происходит в действительности: имелись в виду изоцирковые

игры, правила которых в итальянском обществе устраивали всех, кроме радикалов.

Журналистика Берлускони порвала со старым порядком, но при новом порядке политическая ангажированность перешла на другой уровень — уровнем ниже, а не выше. Берлускони воспринимал подконтрольные СМИ как продолжение собственных личных, деловых и политических интересов: иногда его компаниям позволялось быть нейтральными, но не когда затрагивались его деловые интересы, не когда он находился под особо сильным огнем критики и не в предвыборный период. Он завоеует признание народа — а левые и интеллектуалы пусть пишут статьи (схожих взглядов придерживается друг Берлускони — президент Владимир Путин, хотя у последнего большое преимущество: он действует в авторитарном государстве и с гораздо большим тщанием подошел к подавлению независимых средств распространения информации).

Грубость и воинственность способствуют росту продаж и рейтингов. Алессіо Винчи, телеведущий, который стал вести дискуссионное шоу о современном положении «Матрица» (после того как службу Берлускони оставил Ментана, не смирившись с тем, что обсуждение текущего положения и новости становятся придатком политических амбиций владельцев), как-то сказал, что если он выпускает «ответственную» программу о здравоохранении (а эта область значима практически для каждого человека), то рейтинги программы опускались гораздо ниже (ниже, чем он мог ожидать), чем у шоу, в котором оппоненты орут друг на друга в студии. Говоря о раскаленной полемике в итальянском обществе начала XXI века, британско-итальянский писатель Тим Паркс процитировал поэта XIX века Джакомо Леопарди, который сказал, будто итальянцы «только и делают, что мучают и насмеются друг над другом». Паркс добавил, что «Леопарди только бы укрепился в своем мнении, будь он жив сегодня. Радио и теледебаты неизбежно вырождаются в ругань и крики. Оппонентов в споре выставляют не столько неправыми, сколько

неудачниками или, еще того хлеще, импотентами. <...> Политический неудачник и импотент — суть одно и то же»¹⁰.

В чрезмерно политизированной среде, где средства массовой информации служат орудием в руках богатых и могущественных и где важнейшие СМИ в значительной степени контролируются богачом, который к тому же занимает пост премьер-министра и едва ли признает разделение ветвей власти в демократическом обществе, многое сводится к точке зрения и выражению мнений. Журналисты волей или неволей примыкают к тому или другому лагерю. Винчи, ведущий программы «Матрица», а ранее репортер канала Си-эн-эн, говорил, что такое положение дел его глубоко огорчает. Он по-доброму завидует Энрико Ментане, которому, по словам Винчи, на протяжении ряда лет предоставлялась возможность созидать новостную службу, выпуски которой невозможно свести к пропаганде, причем определяющей чертой новостей после десятилетий сухой новостной политики Rai был относительно свободный, менее формальный подход к отражению мира. Винчи говорил мне:

Сегодня это невозможно; сегодня важны лишь рамки, в которых утверждаются программы, и к тому же тогда [в 90-х годах] страна не была так разделена, как сейчас. Меня считают правым только потому, что я работаю на Mediaset. Мы пригласили на передачу Эцио Мауро [редактора La Repubblica], он не пришел, сказав: «Я — журналист, вы — это что-то другое».

Судя по реакции Винчи, эти слова его задели.

На поверку «итальянское исключение» не слишком исключительно; все участники новостной индустрии в мире лихорадочно стремятся привлечь публику, готовую поглощать новости. Коммерческий успех правоцентристского канала Fox News и левоцентристского MSNBC в Соединенных Штатах, канала Al Jazeera на Ближнем Востоке, а также весьма полемичные каналы в Индии и в других странах свидетельствуют о том, что пристрастный взгляд на вещи и, в частности, на современное положение — это жизнеспособная экономическая

модель. Впрочем, именно так в прошлом новости обычно доходили до публики — посредством полемики и споров. В этом Италия оказалась на переднем крае.

Каналы Берлускони транслировали не только пропаганду, хотя Rete 4 (новостную службу которого до 2012 года возглавлял Эмилио Феде), наиболее подобострастная из зависимых от премьер-министра компаний, в восхищении вождем приближалась если не к северокорейскому, то к венесуэльскому образцу. Canale 5 был относительно нейтрален, по крайней мере, в период между избирательными кампаниями, и это следует квалифицировать как сознательный политический жест владельца, который хотел, чтобы Canale 5, а также такие программы, как «Матрица», пользовались признанием в тех частях Италии, которые не входили в его орбиту, включая оппонентов слева и не всегда надежных союзников справа.

Стоит некоему политическому интересу вкупе с коммерческим успехом стать господствующим мотивом в обществе, как все остальное, даже стремление журналистов к взвешенности, занимает подчиненное положение. Такой подчиненности, по свидетельствам ряда бывших директоров новостной службы Rai, при Берлускони стало больше, чем прежде при христианских демократах. Хотя от директора новостной службы всегда ожидалось сочувствие политике правящей партии и ее партнеров по коалиции, все же выпуски новостей и комментарии должны были отличаться известной беспристрастностью.

В годы премьерства Берлускони все изменилось. Сказанное тем более применимо к периоду, когда премьер-министр бился за свою политическую жизнь, например, в ту пору, когда во главе службы новостей Rai стоял Аугусто Минцоллини (2009–2011), один из самых талантливых и оппортунистически настроенных журналистов Италии, с политическими взглядами, которые тесно связали его с идеологией и политической практикой премьера. Все более предвзятыми становились новостные выпуски службы Rai 1, которую возглавлял Минцоллини. Такое впечатление усиливалось как из-за

редакционных комментариев самого Минцолони, так и выступлений Джулиано Феррары, бывшего министра Берлускони и редактора правой газеты *Il Foglio*, который выходил в эфир в вечернее время каждый день, сразу после новостного выпуска Rai 1, TG1, чтобы изложить свой, обычно оригинальный и остроумный взгляд на современные события.

Впрочем, потребовалась бы недюжинная наблюдательность, чтобы заметить, как Rai 1 принижает значение или вовсе не освещает события, способные негативно сказаться на образе премьер-министра. В июле 2003 года Берлускони вступил в перепалку с Мартином Шульцем, немецким депутатом Европарламента, лидером фракции социал-демократов в Брюсселе (позже Шульц был избран председателем Европейского парламента). Немецкий депутат выступил с критикой премьера в связи с конфликтом интересов. Итальянский премьер-министр ответил: «Я знаю человека, который сейчас снимает фильм о нацистских концлагерях. Я предложу вас на роль капо [охранник из числа заключенных] — лучшей кандидатуры не найти»¹¹. Это была показательная ссора — Берлускони, очевидно, исходил из стереотипов популярной культуры, но при этом умудрился сравнить немецкого социал-демократа со сторожевым псом нацистов, который вел осужденных в газовые камеры (социал-демократов стали заключать в концентрационные лагеря еще в 30-е годы, одними из первых). Берлускони отказался извиняться. В главном новостном выпуске Rai был показан сюжет о выступлении Берлускони в парламенте, но из его инвектив в адрес Шульца не прозвучало ни слова. Ведущий лишь отметил, что Берлускони отвечал «нападавшему на него» депутату парламента. Впрочем, молчанием обходили не только вопросы, непосредственно задевавшие деловые или личные интересы Берлускони, — в 2009 году, когда Alitalia, итальянский национальный авиаперевозчик, переживала длительную, мучительную и в целом безуспешную спасательную операцию ввиду ее тяжелейшего финансового положения, TG1 не посвятила ни одной аналитической передачи этому важнейшему вопросу

экономической жизни Италии. Хотя обстоятельный анализ действительно был бы неудобен правительству, отсутствие такового связывали не только с явным или подразумеваемым запретом на выпуск такой программы. Аналитическая журналистика — сложный и обычно непопулярный жанр — слабо развита в итальянском телерадиовещании.

То, как итальянский премьер-министр использовал телевидение (фактически в качестве правительственного ведомства), резко выделяет его в ряду европейских и североамериканских политиков, вплоть до Дональда Трампа, который, правда, использует в качестве инструмента управления не телеэкран, а Twitter. В большинстве демократических стран главы правительств и государств нередко дают интервью заслуженным журналистам, в продолжение которых им приходится отвечать на неудобные вопросы о стиле и сущности политики и практики государственного управления. В некоторых культурах (например, во Франции) тон таких интервью относительно уважительный (в меньшей степени при Николя Саркози и Франсуа Олланде, чем при Жаке Шираке и его предшественниках). Когда премьер-министр Тони Блэр повел Британию на войну с иракским тираном Саддамом Хусейном, ему пришлось выдержать интервью, которое иногда походило на открытую критику со стороны интервьюера; он также вынужден был отчитываться перед группами антивоенно настроенных граждан, которые не стеснясь призывали его к ответу.

Сильвио Берлускони нечасто приходилось встречаться со строгими интервьюерами; он предпочитал в качестве собеседника обаятельного Бруно Веспы, ведущего традиционного вечернего ток-шоу на Rai 1. Веспы, который в 1996 году создал и долгие годы вел шоу *Porta a Porta* («Из двери в дверь»), не лебезит в манере Феде, но на него точно можно положиться при необходимости лавирования между болезненными вопросами. Именно во время этого шоу Берлускони заключил своеобразный «контракт» с итальянцами, обещав им эффективное, честное, снижающее налоги правительство, и под

восхищенным взглядом Веспы великолепным жестом подписал сей общественный договор в телеэфире. Его правительство не выполнило практически ни одного из данных обещаний, включая те, которые содержались в транслировавшемся по телевизору контракте, однако до середины 2011 года, когда политическое счастье определенно изменило Берлускони, он волен был предполагать, что у телезрителей короткая память. Близкий сотрудник Берлускони и бывший глава Publitalia Марчелло Делль'Утри сказал однажды, что «телеэфир глубоко созвучен характеру Берлускони. Телевидение вдохновляло его скоростью, с которой он мог реализовывать на практике приходившие ему в голову идеи. Скажу больше: телевидение есть Берлускони»¹².

Все это далеко отстоит от фашизма. Муссолини, в конце концов, стремился дисциплинировать итальянцев (он лично считал их безнадежными), тогда как Берлускони хотел видеть их счастливыми. Скорее, уместно говорить об умеренном экранном бонапартизме. Более того, это был бонапартизм развлечений: если французский император невольно способствовал распространению идей французского Просвещения, в частности, идей Вольтера, Берлускони словно наполнил практическим содержанием самую известную фразу канадского ученого Маршалла Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение». Маклюэн пишет о том, как «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением или новой технологией». Учитывая этот контекст, Берлускони понимал, что важнейшая характеристика сообщения состоит в его направленности к отдельным лицам и семьям, то есть до второго десятилетия XXI века оно входило в дома людей посредством телеэкрана¹³. На этом он намеревался построить общенациональное движение. Наблюдая за Римом, охваченным лихорадкой мирового первенства по футболу летом 1994 года, когда Италия проиграла Бразилии в финале по пенальти, итало-американский публицист Александр Стилле

предложил анализ Берлускони и его политического влияния в пору первого премьерства, воспользовавшись строкой из У. Б. Йейтса:

Приходит осознание, что в мире родилось новое ужасное могущество, в котором перемешаны телевидение, спорт, развлечения и политика; из печатной культуры XIX и XX веков, когда политика состояла в столкновении идеологий, мы переходим в мир, где основные движущие силы — это личность, слава, деньги и контроль над средствами информации. <...> Берлускони — человек другой эпохи, эпохи телевидения и СМИ, где решающее значение имеют образ и фактор восприятия. <...> «Неужели вы не понимаете, — сказал он одному из ближайших советников, — что если этого нет на экране телевизора, то этого не существует? Ни продукта, ни политика, ни идеала!»¹⁴

Левым почти нечего было противопоставить Берлускони на телевидении, пока в 2013 году Маттео Ренци, в то время мэр Флоренции, не возглавил левоцентристскую демократическую партию Италии, а затем стал премьером (впрочем, он ушел в отставку, проиграв референдум в 2016-м). Среди левых не было фигуры, которая могла бы порвать с прошлым левого движения так, как Берлускони порвал с прошлым правых. И христианские демократы, и коммунисты чувствовали себя на телевидении неуютно — точнее, с ними неуютно было тележурналистам. Они были привычны к пространным рассуждениям, и интервьюеры нечасто осмеливались просить их говорить короче или придерживаться избранной темы. Стилль, который разработал для новостных программ Берлускони Ментана, был острее и легче для восприятия.

Берлускони словно присвоил центр итальянской политики (все вращалось вокруг него), и пока ему удавалось производить убедительное впечатление собственной политической силы, а экономика Италии переживала не худшие времена, ему обычно удавалось одерживать победу. Энрико Ментана говорил мне, что с исчезновением левых взять в руки палку и выступить в роли настоящей оппозиции правительству вынуждены были журналисты. Так или иначе, роль оппозиции

разыгрывалась не только в традиционных изданиях левого толка во главе с газетой *La Repubblica*, но и в значительной степени в ток-шоу на канале Rai, которые часто принципиально отличались от новостных программ. Берлускони и его союзники, горько сетовавшие на предвзятость этих шоу, говорили об этом небезосновательно. Эти программы имеют долгую историю критического восприятия правительства — и не только на исторически левом канале Rai 3.

Главной периодической программой на канале была передача «АнноЗеро» («Год ноль»), приводившая в ярость сторонников правительства. На протяжении долгих лет ведущим программы на Rai 2 был неистовый полемист Микеле Санторо, а его частым гостем становился Марко Травальо, сооснователь *Il Fatto Quotidiano* (позже Санторо перешел на другую программу, «Сервисио Публико», на LA7 (*La Sette* или «Канал-7»). Особо жестокий удар по репутации премьера журналист нанес в сентябре 2009 года, во время интервью с эскорт-девушкой по имени Патриция д'Аддарио, которая принимала участие в вечеринках Берлускони в одной из его резиденций и утверждала (в противоположность другим девушкам, которые заявляли, что их связывают с политиком лишь платонические отношения), что провела с ним ночь; позже она опубликовала книгу «Наслаждайтесь, премьер-министр» (*Gradisca, Presidente*). В лагере Берлускони «АнноЗеро» считали передачей настолько возмутительной, что *Il Giornale*, газета, находящаяся во владении семьи премьер-министра Италии, призвала читателей не платить так называемую каноне, или лицензионный сбор в пользу Rai.

В марте 2006 года Лючия Аннунциата, выдающаяся журналистка левых взглядов, сумела задать Берлускони ряд острых вопросов, вынудив его уйти из студии во время ток-шоу; позже она рассказывала, что премьер передал ей список вопросов, которые она должна была с ним обсуждать. В сентябре 2011 года ведущий другой программы — «Балларо» («Растрясу») — Джованни Флорис, также убежденный левый, попытался дозвониться до премьер-министра во время эфира и

даже, кажется, сумел это сделать, но в трубке повисло молчание. Флорис сопровождал этот эпизод издевательским комментарием.

Никто из ведущих этих программ и журналистов нимало не сомневался в том, что их долг состоит в противодействии Берлускони, отвечая ударом на удар. Им было куда целиться, и они хорошо знали своего «клиента», тем более что многие из них работали с ним или по его назначению; Лючия Аннунциата в течение года с небольшим была президентом Rai и ушла в отставку в мае 2004 года (по традиции президент телеканала, фигура по большей части церемониальная, принадлежит к политической оппозиции). Ментана не принадлежал к этой группе; в 2010 году он начал служить в LA7, намереваясь заняться объективной новостной журналистикой. Он сказал, что «проблема не в отсутствии оппозиции Берлускони среди журналистов. Оппозиции вполне достаточно. Проблема состоит в фактах и в том, чтобы донести их до публики».

Ментана полагает, что журналистика и журналисты оказались совершенно не подготовлены к «эффекту Берлускони» — не столько из-за могущества его СМИ, сколько из-за могущества его аудитории.

90% итальянских журналистов придерживаются умеренных или левых взглядов. Они смотрят на аудиторию сквозь собственные политические очки. Они не заметили, что политика изменилась. Собственно говоря, в Италии практически отсутствовали правые — из-за фашизма люди сторонились правых. Христианские демократы принадлежали к центристам или ввиду католического учения о социуме к умеренным левым. Гений Берлускони состоял в создании поля для правых.

Италия — демократическая страна с развитым гражданским обществом: люди делают выбор, и они выбрали Берлускони вполне свободно. Конечно же, люди должны быть представлены в СМИ. Il Giornale и Libero не нападают на Берлускони, так как этого не желают их читатели. Должен сказать: иностранные корреспонденты, живущие и работающие в Италии, часто смотрят на Берлускони глазами левых, так как читают именно

такие материалы. Вам не понять итальянскую журналистику, если вы будете считать, что левые — это норма, а правые — исключение.

В значительной степени задачи Берлускони совпадали с целями коммерческого телевидения, то есть развлекать публику, а не способствовать защите интересов общественности. Эдвард Мерроу, американский радио- и телерепортер и ведущий, снискавший известность передачами из Лондона в годы Второй мировой войны, предостерегал:

Если <...> этот инструмент годится только для того, чтобы развлекать, веселить и обособлять, то под мерцание лучевой трубки мы скоро обнаружим, что битва проиграна. Этот инструмент может обучать, он способен просвещать и даже вдохновлять. Но это возможно лишь в той мере, в какой человек полон решимости использовать его в этих целях¹⁵.

Телевидение Берлускони прежде всего инструмент «развлечения и размежевания». Многие программы на его каналах — это шоу в духе «Большого брата» и «Острова героев» или викторины, в продолжение которых представители разных социальных слоев отвечают на вопросы в надежде на большие призы. Таким образом, Берлускони будто создавал новые возможности для людей, которые в материальном отношении жили лучше поколения своих бабушек и дедушек, но были обречены на полную безвестность — проклятье больших городов. Посредством телепередач Берлускони участники могли ненадолго стать важными в собственных глазах или в крайнем случае наблюдать за успехами других (иногда в сопровождении большого денежного выигрыша). Подобные программы и телешоу в стране, где существенно ослабли некогда обладавшие мобилизующей силой идеологии политического христианства и коммунизма, имеют политическую и социальную, а также медийную значимость.

Как сторонники, так и противники Берлускони могут найти оправдание своим взглядам в формулировке этических принципов государственного вещания (формула Rai):

«Принцип плюрализма <...> представляет собой фундаментальную ценность Rai». То, что во главу угла поставлен принцип плюрализма, а не, скажем, беспристрастности или объективности, не вызывает удивления в стране, пережившей после процесса национального объединения несколько десятилетий хаотической демократии, а затем более двадцати лет тоталитарной диктатуры, завершившейся чудовищной войной, к которой итальянская армия была плохо подготовлена. Плюрализм, существование и столкновение различных течений и партий многое объясняют в итальянских СМИ и политике: политизацию Rai, примыкание журналистов к конкретным политическим интересам, государственное финансирование газет разной политической направленности.

Столь явная политизация означает и то, что политики и журналисты Rai связаны мириадами неформальных нитей. Члены парламента, в особенности те, которые обладают весом, считают вмешательство в политику общественных вещательных корпораций делом естественным, тогда как журналистам Rai часто необходимы политические покровители и защитники. Как следствие, принятие политической позиции столь же важно для журналистов Rai, как и общественное служение, то есть существо журналистики. Следование и ответ на официальные и неофициальные стимулы со стороны политического класса таким образом, чтобы правительство получало приоритет в новостном блоке, становится равнозначно концепции служения общественным интересам. Однако от этого страдает понимание главных вопросов общественной жизни.

Во время пребывания Берлускони у власти и в оппозиции его телепрограммы и издания, безусловно, преследовали цель защищать его интересы во всех сферах, а также разить его врагов вне зависимости от их политической окраски. Учитывая спорность поступков и мотивов Берлускони, в сражение неминуемо вовлекались оппозиционные СМИ; выдерживать олимпийское спокойствие, с показной беспристрастностью отделяя хорошее от дурного, было попросту невозможно. В

оксфордской лекции 2007 года флорентийский ученый и бывший сенатор (от левых) Стефано Пассильи следующим образом описывает ситуацию в итальянском обществе:

Выстраивается картинка: власть над СМИ позволяет достичь политической власти, а политическая власть дает возможность внести изменения в уголовное право в попытке сдержать власть судебную; наконец, контроль над средствами массовой информации позволил убедить общественность в том, что политика правительства не идет вразрез с нравственными принципами. <...> Сложилась своеобразная ситуация, практически означающая тиранию большинства — большинства, основанного на неограниченной медийной власти Берлускони¹⁶.

В сложившихся обстоятельствах защита интересов общества стала практически невозможной.

Несмотря на то что северные европейцы традиционно представляют себе Италию страной весьма свободных нравов, итальянские национальные газеты и телеканалы обычно исключали скандалы и связанные с сексуальными похождениями истории со своих страниц и из сводок — по крайней мере, в обзорах новостей и последних событий. Разумеется, дела обстояли по-другому в изданиях, посвященных киноиндустрии, но эти издания занимают другую нишу, пусть даже они послужили для Берлускони одним из средств завоевания политической власти. Британская пресса гораздо более распущена, чем итальянская (или, например, французская, или американская); в Великобритании жизнь знаменитостей, секс и политика теснятся в одной и той же газете, иногда на одной странице, в сенсационных случаях — в одной статье. Итальянцы, включая итальянских журналистов, когда их спрашивают о своеобразии местных СМИ, часто отвечают, что любовные истории политиков и других могущественных лиц (обычно мужчин) попросту не интересны, так как в них отсутствует фактор удивления, а следовательно, и интерес. Так или иначе, когда итальянская политика сводилась к двоевластию христианских демократов и коммунистов, лидеры обеих партий вели внешне (а возможно, и внутренне) респектабельную

жизнь — в отдельных случаях их грешки были известны, но не предавались огласке.

К 1980-м годам ситуация изменилась. Беттино Кракси, лидер социалистов, премьер-министр в коалиционном правительстве социалистов и христианских демократов с 1983 по 1987 год, не отказывал себе в удовольствиях. Джанни Де Микелис, жовиальный министр иностранных дел, получил сомнительную известность, наказывая итальянским дипломатам за рубежом разыскивать самые шикарные дискотеки в иноземных столицах. Однако до прихода Сильвио Берлускони в политику все подобные истории звучали под сурдинку.

Похотливость Берлускони давно стала притчей во языцех благодаря слухам и пересудам, прослушиванию телефонных разговоров, содержание которых неминуемо проникало в прессу, многим печатным изданиям и любопытным образом благодаря его собственным шутивно-лукавым признаниям. Пожалуй, наиболее известными и значимыми с точки зрения последствий были его слова, сказанные в июле 2009 года, дескать, «в мире полным-полно смазливых девиц. Я не святой, вы и так это знаете. <...> Надеюсь, что в [газете] *La Repubblica* это тоже понимают».

Обозреватель *Corriere della Sera* Анджело Панебьянко как-то сказал, что эти несколько слов («я не святой») «подорвали моральные устои демократической партии» [крупнейшая левоцентристская партия Италии]¹⁷. Витторио Фельтри, один из самых язвительных обозревателей, сопроводил это вполне ненужное признание премьера словами: «Нам нужен премьер, а не монах-траппист»¹⁸. Премьер-министр способствовал тому, что несколько красивых женщин (у некоторых за спиной была карьера моделей или куртизанок) стали депутатами парламента на национальном и региональном уровнях, а Мара Карфанья, бывшая модель, была назначена министром.

Берлускони был дважды женат — свою первую жену, Карлу Далль’Ольо, он оставил ради прекрасной актрисы Вероники Ларио. В первом браке у него было двое детей и еще трое — во втором. Хотя, по рассказам Ларио, Сильвио Берлускони не

баловал семью присутствием, его дети остались (или стали) ему вполне преданы; Марина и Пьерсильвио занимают руководящие должности в корпорации Mediaset и не раз высказывались в поддержку отца.

В 2009 году всплыло дело Ноэми; подразумевалась связь премьер-министра с Ноэми Летицией, привлекательной семнадцатилетней девушкой из небогатой неаполитанской семьи. Ларио, благодаря которой вся история стала достоянием гласности, направила открытое письмо в газету *La Repubblica*, в котором сообщила, что не станет жить с человеком, состоящим в связи с несовершеннолетней. Позже Ларио подала на развод. В 2010 году стало известно о предполагаемой связи политика с Руби Рубакуори (Руби-сердцеедкой), юной марокканкой, настоящее имя которой Карима эль-Махрут (однажды Берлускони настоял, чтобы девушку выпустили из камеры предварительного заключения в полиции, а позже заявлял, будто считал ее племянницей тогдашнего президента Египта Хосни Мубарака). В обоих случаях журналисты сообщали подробности о вечеринках с участием девушек и молодых женщин в резиденции Берлускони, во время которых разыгрывалась эротическая игра под названием «бунга-бунга» с правилами, оставшимися неизвестными. По разным сведениям, сборища эти были не то форменными оргиями, не то веселыми вечеринками, в продолжение которых премьер-министр играл роль богатого доброго дядюшки, раздающего щедрые подарки и занимающего гостей.

Журналистам, которые специализируются на расследованиях, было чем заняться, особенно если учесть непоследовательные и часто необубедительные рассказы Берлускони о его отношениях с женщинами: *La Repubblica* приняла эстафету, составив список из десяти вопросов, связанных, в частности, с неправдоподобными утверждениями Берлускони, и настаивая на общественной значимости выяснения всех обстоятельств походов премьерера. Газета вела эту кампанию на протяжении многих месяцев, вновь и вновь публикуя вопросы, дабы они сохранялись в памяти публики, пытаясь

получить международную поддержку своей деятельности, однако цель — отставка Берлускони — не была достигнута. Рейтингу премьера не было нанесено серьезного ущерба; если послушать самого Берлускони, рейтинг его только возрос.

В итальянской журналистике нарастал «вкус» к подробностям частной жизни, хотя в случае Берлускони разъединять личную, деловую и политическую жизнь персонажа вряд ли представляется возможным. Подобно французскому президенту Николя Саркози, с которым иногда сравнивали итальянского премьера, Берлускони стремился продемонстрировать электорату свою вирильность, но начинал громко жаловаться, когда пресса становилась критичной. В таком положении нередко оказывались британские и в относительно недавнее время американские политики, но если в англоязычных странах скабрзные разоблачения обычно заканчивались конфузом и смиренным покаянием, Берлускони лишь насмешливо вопрошал: «Ну и что?» Согласно одной из его шуточек, в которой он с самоиронией ссылаясь на собственную страсть к статистическим выкладкам, «65% опрошенных женщин сказали, что хотели бы заняться сексом с Берлускони, остальные — уже это сделали». Явив еще большую пошлость, он после нескольких громких случаев изнасилования заявил, что правительству, чтобы остановить насильников, понадобится столько же карабинеров, сколько в Италии красивых женщин¹⁹.

Под панцирем некогда серьезных политических газет начали развиваться таблоиды. Когда Дино Боффо, издатель ежедневного печатного органа итальянского католического духовенства *Avvenire*, атаковал премьер-министра в связи с делом Ноэми, со стороны *Il Giornale*, семейной газеты Берлускони, раздался ответный залп: Витторио Фельтри, главный редактор *Il Giornale*, разразился гневной статьей в адрес Боффо; позже была опубликована статья, в которой Боффо обвиняли в преследовании замужней женщины и мужеложестве. Берлускони отмежевался от скандала, сославшись на «священный принцип частной жизни». Опубликованная статья в основном не нашла подтверждения²⁰.

Джулиано Феррара, который относится к сложившейся в итальянской журналистике ситуации весьма снисходительно, отмечает:

Пожалуй, журналистики правых в Италии не существует: например, когда Ментана вел новости на Canale 5, то были, по существу, левацкие новости на канале, которым владеют правые. Существует журналистика Il Giornale и Libero [ежедневная газета, основанная в 2009 году Фельтри], и ведь это не либеральная, а таблоидная журналистика. Фельтри с полной готовностью отвечает скандалом на скандал. Таким образом, если Берлускони обвиняют в связи со старлетками, Фельтри обвиняет Боффо в мужеложестве. А потом левые жалуются!

Единственный человек, который превзошел Берлускони на информационном поле Италии, во многом сделал это благодаря медийным каналам, которые неподконтрольны Берлускони, — Всемирной паутине. Речь идет о Джузеппе Пьеро («Беппе») Грилло, одном из популярнейших итальянских комиков, которому удалось достичь поразительных успехов на поприще технологического — культурного — политического предпринимательства. Обращаясь преимущественно к молодежной аудитории, Беппе Грилло стимулировал негодование против политического класса как такового и собирал огромные толпы на городских площадях по всей Италии в так называемые дни Vafanculo (эвфемистичный перевод — «Иди в задницу!»). В продолжение митингов Грилло обычно выступал перед сторонниками с пространными речами. Основанное им политическое движение «Пять звезд» росло в численности, а на выборах 2013 года получило 25% голосов — больше, чем любая другая партия в отдельности (хотя за коалицию левых сил проголосовало почти 30% избирателей).

В значительной степени движение «Пять звезд» зависит от эгоцентричной и энергичной личности самого Грилло; впрочем, в политической риторике представители движения никогда не ограничивались критикой Берлускони, а черпали энергию в отвращении, которое многие в Италии питают к местным политикам, обеспечивающим себя более высоким

жалованьем и привилегиями, чем в большинстве других стран, к коррумпированному и раболепному по отношению к начальству аппарату госслужащих. Грилло в полной мере использовал возможности « сетевого шоу », транслируя различные потоки информации и вступая в них по мере необходимости в целях одобрения или, наоборот, осмеяния. Фактически речь идет о гибриде журналистики и политической кампании, призванной мобилизовать широкие массы.

Политическую судьбу «Пяти звезд» на общенациональной арене (учитывая неприятие традиционной политики и декларируемое желание заменить ее неким миром «сетевых референдумов») не назвать однозначной. Грилло зарекомендовал себя авторитарным политиком — к примеру, он изгнан из рядов движения депутатов, несогласных с линией партии; к концу 2014-го и в 2015 году рейтинг одобрения партии опустился ниже 15%. Однако движение не исчезло и к 2016 году вернуло утраченные позиции (его рейтинг, составлявший чуть меньше 30%, уступал только правительственному). На городских выборах 2016 года представители «Пяти звезд» заняли должности мэров Турина и Рима — в обоих случаях кандидатами были молодые женщины, — и в обществе стало распространяться мнение, что партия Грилло, несмотря на отсутствие опыта, сможет сформировать правительство. Согласно британскому журналу *The Economist*, «пока экономика Италии переживает непростые времена, а ее традиционные партии погружаются в один коррупционный скандал за другим, призывы [Грилло] не утратят привлекательности»²¹. В конце 2016 года, когда Маттео Ренци подал в отставку с поста премьера после поражения на конституционном референдуме, призванном убедить итальянцев сократить полномочия сената, Грилло повысил градус своих выступлений и притязаний на политическое лидерство. Одно из его предложений, высказанных в начале 2017 года, состояло в создании «народных жюри», которые выносили бы суждение об истинности новостей на телевидении и в прессе. Грилло утверждал, что новостные СМИ были «основными проводниками ложных

новостей»²² — подобной аргументации он придерживался уже на заре политической карьеры, в середине 2000-х гг., и это, кстати, замечательным образом сближает его с современным президентом США Трампом.

В опубликованных в 2011 году воспоминаниях журналист Джанпаоло Панса, который на протяжении своей долгой карьеры сотрудничал с рядом ведущих итальянских изданий: *La Stampa*, *Corriere della Sera*, *La Repubblica* и *Libero*, рассказывает, как однажды вечером Берлускони позвонил в политическое ток-шоу «Инфеделе» на канале LA7, которое ведет опытный тележурналист Гад Лернер²³. В выпуске шоу, предметом которого была личность Берлускони, принимали участие три женщины, ярые противницы политика, одна его сторонница и мужчина, который был заявлен как «нейтральный». В начале передачи зрителям продемонстрировали монтажный видеоряд из фильмов Пьера Паоло Пазолини «Сало, или 120 дней Содомы» и Лилианы Кавани «Ночной портье». В фильме Пазолини показаны последние дни издыхающей республики Муссолини на примере общества, охваченного отчаянной, оргиастической чувственностью. В фильме Кавани повествуется об узнице, состоящей в садомазохистской связи с нацистским офицером.

Подразумевалось, что Берлускони, которого в то время обвиняли в интимной связи с несовершеннолетней (в рассматриваемом случае с Руби-сердцеедкой), живет в обстановке, напоминающей последние дни растленной фашистской республики. Когда Берлускони соединили со студией, он чуть не лишился дара речи от ярости и плевал словами: «омерзительно», «гадко», «трусливо» (кстати, он был прав: параллель действительно абсурдна). Он потребовал, чтобы его сторонница, певица Ива Дзаникки, покинула студию в знак протеста (она не стала этого делать). Хриплым от гнева голосом он обвинил Лернера в том, что тот оскорбил Николь Минетти, женщину, которая, как оказалось, служила у экс-премьера и даже, по слухам, устраивала вечеринки «бунга-бунга» с участием эскорт-див на вилле в Аркоре.

Панса усматривает в этом ужасную ошибку — признание... нет, не вины, а бессильной ярости. Он видел человека на закате дней, с восковым лицом, дряблым большим животом, все еще носящего туфли на каблуках, чтобы казаться выше ростом. Когда-то Панса думал, что вилла Берлускони — «политическое святилище, уединенное место для встреч избранных, то есть крупных политических мыслителей правоцентристских взглядов <...> совместно разрабатывающих стратегические планы правительства». Вместо этого вилла оказалась «частным борделем, дворцом чудес, населенным несовершеннолетними девицами, готовыми удовлетворять прихоти старика семидесяти с лишним лет, совокупающего с пылом двадцатилетнего».

Везде вокруг были женщины, говорившие о вечеринках, — одни (подобно Руби) заявляли, что участвовали в оргиях, но не спали с Берлускони, другие утверждали обратное, как проститутка Надя Макри, которая на протяжении пространного интервью каналу Sky 28 ноября 2010 года сообщила, что по меньшей мере три раза спала с Берлускони на вилле главы правительства в Аркоре и на его вилле на Сардинии. У Нади то ли хорошая память, то ли богатое воображение: в интервью Пансе женщина описывает, как премьер-министр, «выставив напоказ живот и все остальное», вылезает из бассейна с подогретой водой, близ которого его ожидают пять или шесть девиц, включая Надю. После ванны в соседней комнате он принимал одну девушку за другой, совокупаясь с ними с пылом жеребца в пору охоты. «Правда ли это? — задается вопросом Панса. — Или выдумка? Во всяком случае, звучит смехотворно».

Так, пишет Панса, заканчивалось царствование «султана» (это прозвище дал Берлускони социолог Джованни Сартори) — в насмешках и в конечном итоге в потере уважения.

То, что руководитель одного из крупнейших европейских государств достиг политического эндшпиля именно таким образом, поистине необычайно; пожалуй, столь же удивительной, как и разрыв со всеми подразумеваемыми правилами приличия, была уверенность Берлускони в том, что он

сможет выйти сухим из воды. Критическое замечание Александра Стилле, будто Берлускони «и года бы не протянул в условиях остро-полемичной, боевой прессы»²⁴, преувеличено, но заслуживает внимания. Можно ли утверждать, что итальянские СМИ, столкнувшись с политиком, действия которого часто вызывали тревожные вопросы, если не граничили с беззаконием, диктовались личной выгодой, если не наносили прямой ущерб стране, были окружены секретностью и неоднозначностью, если и не были откровенно лживыми, попросту не справились с задачей?

Отчасти эти обвинения обоснованны. Рассматривая сложившуюся ситуацию, необходимо взвешивать следующие обстоятельства: фактический отказ политических правых или левых реформировать Rai, так как для них реформа означала бы утрату возможности подчинять корпорацию своей политической программе после получения власти; приверженность как части вещательных компаний, так и многотиражных газет стилю репортажа, который ограничивается цитированием представителей сторон без обстоятельного изучения предмета; журналистика, явным или подразумеваемым образом отрицающая первостепенное значение факта; наконец, успокоенность большого числа журналистов (живущих в комфорте и получающих высокое жалованье, хотя сегодня ситуация меняется) и их удовлетворенность существующим положением дел.

В годы пребывания у власти Берлускони был ужасен для политики Италии, вреден для ее экономики, которую он практически не реформировал, и разрушителен для журналистики. Однако Италия — свободная страна, где институты и движения одновременно поддерживают устойчивое демократического общества и выражают (нередко при широкой общественной поддержке) оппозиционные взгляды, идущие вразрез с мнением большинства, которое не раз приводило Берлускони к власти. Энрико Монтена, завершая беседу со мной, выразился довольно резко: «Если вы верите в ценность свободы, ее нужно заслужить. Многие журналисты даже не пытаются».

Глава 7

«Некоторые из историй более или менее правдивы»

Сегодня массовые британские издания — таблоиды — это никудышные газеты, если судить о них как о СМИ, цель которых состоит в более или менее подробном описании поступков и значимых событий в жизни знаменитостей и власть имущих. Кстати, примерно с такими целями эти издания создавались в первой половине XX века и продолжали издаваться до 60-х годов; по сравнению с уважаемыми изданиями новости были представлены здесь языком относительно простым, выпуски изобиловали сенсациями, позиция редакции предполагала полемичность, а на страницах газеты было больше картинок, юмора и индивидуальности. При этом внимательный читатель Daily Mirror, Daily Express или Daily Mail мог в общих чертах узнать о предметах, которые читателям уважаемых газет преподносили во всех подробностях.

С 70-х годов ситуация начала постепенно меняться, особенно в газетах с «красными заголовками» — The Sun, Daily Mirror и Daily Star. Читательская аудитория популярных изданий сокращалась, хотя это было не слишком заметно благодаря успеху газеты The Sun и повороту в судьбе Daily Mail, последовательно отстаивавших «правые» идеи, причем Daily Mail всегда занимала такую позицию, а ранее «левая» газета The Sun после покупки Рупертом Мёрдоком в 1969 году стремительно перевернулась в противоположный лагерь. В зените популярности совокупный тираж этих двух газет составлял от шести до семи миллионов, и они доминировали на рынке, причем аудитория Daily Express, Daily Mirror и их воскресных изданий неуклонно снижалась.

В книге «Имидж» (The Image) Дэниел Бурстин пишет, что для журналистов начиная с 60-х годов «вопрос “Это на самом деле так?” [стал] менее важным, чем вопрос “Есть ли в этом информационный повод?”»¹. Редакторам таблоидов все чаще приходилось руководствоваться ответом на второй из сформулированных вопросов, да и поступали они соответствующим образом. Нет такого закона, который обязывает таблоид или какую-либо иную газету быть или хотя бы казаться правдивой. С другой стороны, статус коммерческого предприятия вынуждает владельца газеты приносить прибыль, даже если в намерения владельца входит увеличение политической влиятельности издания. Вследствие этого газета обязана быть привлекательной для читателя, а значит, и развлекать гораздо больше, чем информировать.

Термин «таблоид» происходит от названия, данного лекарственным препаратам, которые выпускались с 1880 года фирмой Burroughs Wellcome, прессовавшей порошок в более удобные для употребления таблетки. Затем слово стало подразумевать «уменьшение формата»; другие значения термина оказались утрачены, и он стал применяться исключительно к массовым газетам. С 1960-х годов слово «таблоид» означает журналистский стиль, а не формат газеты. Современным мастерам стиля не приходится сражаться за газетное пространство, и все свое умение они направляют на придание материалам и репортажам силы короткого, точного удара.

В США таблоиды, подобные британским, издаются в Нью-Йорке (нередко под редакцией британских журналистов): газета New York Post, с 1976 года принадлежащая с перерывом между 1988 и 1993 гг. медиахолдингу News Corporation, и газета New York Daily News, принадлежащая инвестиционному магнату в области недвижимости Мортимеру Цукерману. В целом американские таблоиды, за исключением разве что упомянутых New York Post и New York Daily News, подвизаются на ниве невероятных историй, городских, сельских и галактических легенд, в том числе из мира инопланетян, повергающих в трепет сексуальностью и кричащими

заголовками: «ИЗГОЛОДАВШИЕСЯ ПТИЦЫ СКЛЕВАЛИ ПАРАШЮТИСТА» или «ИЗБИТ БЕЗРУКИЙ ВЕТЕРАН, НЕ ОТКОЗЫРЯВШИЙ ФЛАГУ».

Поскольку американские таблоиды в еще меньшей степени, чем британские, завязаны на реальные события, они предстают тем более сенсационными. В 60-е годы прошлого века молодой американский писатель Роберт Стоун писал для нескольких нью-йоркских таблоидов; один из них, *National Mirror*, послужил источником приведенных выше заголовков. Образцом для газеты послужил лидер рынка таблоидов, *National Enquirer*, «хотя газете не хватало изысканности и вкуса оригинала». В воспоминаниях Стоун писал, что, пережив начальный шок от происходящего в редакции (сенсационные материалы не имели никакой фактической основы), новые сотрудники, решившие, как и Стоун, остаться в газете, «со временем полностью утрачивали чувство стеснения»².

Стоун описывает такой случай: написанный материал об убитой женщине-вампире предполагалось проиллюстрировать изображением клыкастой женщины с пулевым отверстием в голове, однако впоследствии клыки решили закрасить чернилами, чтобы «факт вампиризма» был раскрыт в тексте, а не на картинке. Чернила разлились, покрыв нижнюю половину лица; через полчаса колонку нужно было сдавать в печать, сюжетная линия с вампирами стала невозможной, и пришлось выдумывать новую: «На черно-белом изображении чернила выглядели как кровь. Я начал подбирать фантастическо-магические заголовки, вписывающиеся в заданные рамки. Внезапно... меня осенило: «ОБЕЗУМЕВШИЙ СТОМАТОЛОГ УДАЛИЛ ДЕВУШКЕ ЯЗЫК»».

Стоун состряпал историю, согласно которой в кабинет после ампутации входит помощник безумного стоматолога: «Я видел, как болтается культя языка с неровными краями и нитями кровеносных сосудов... и, посмотрев в сторону доктора Ингермилла [безумного стоматолога], увидел самую омерзительную вещь, которую можно себе представить». Задачей было вызвать у читателей кровожадный интерес,

приглашение узнать, что же было самым омерзительным. Вскоре Стоун перешел в другой таблоид, Inside News, и был подавлен открытием, «что некоторые из историй под кричащими заголовками более или менее правдивы... осознание, что наши публикации иногда описывают поведение людей, вызывало тревогу».

Но такой «тревожащей» деятельностью, заключающейся в описании мнимого или действительного поведения людей, их британские коллеги занимались каждый день, разве что в условиях меньшей редакционной свободы; какими бы шокирующими ни были истории, определенная доля правды в них обычно присутствовала. Кельвин Маккензи, редактор газеты The Sun (1981–1994), старался, насколько это возможно, смешивать правду и вымысел, для чего отправлял своих сотрудников на поиски самых захватывающих историй, а сам обеспечивал защиту от судебных исков. В последнем успех сопутствовал ему не всегда. В качестве примера можно привести обвинение певца Элтона Джона в половых сношениях с несовершеннолетними мальчиками, появившееся на первой полосе в январе 1987 года. В более поздней заметке утверждалось, что Элтон Джон удалил голосовые связки своим сторожевым собакам, мешавшим ему спать. Оба утверждения суд признал не соответствующими действительности, и певцу была выплачена самая крупная на то время компенсация — миллион фунтов стерлингов. Позже Маккензи прокомментировал ситуацию так: «Я считаю, что миллион фунтов необходимо вернуть газете The Sun. Газета же не нанесла ему никакого ущерба. А размер компенсации за клевету можно устанавливать только на основе оценки ущерба, ведь так? В чем ущерб? В чем? У него все в порядке. Поэтому никаких сожалений я не испытываю»³.

Случалось Маккензи и каяться: однажды он признался в совершении «серьезной ошибки», когда The Sun незаслуженно обвинила пьяных болельщиков «Ливерпуля» в давке на стадионе «Хиллсборо» в Шеффилде, где их команда играла в полуфинале Кубка Англии по футболу. В результате трагедии

погибли 96 человек и почти 800 получили травмы. Но чаще всего оправдывающийся Маккензи вел себя агрессивно. Будучи уличенным в публикации лживых материалов, он отвечал: «На момент публикации эти материалы не были лживыми. Это были замечательные истории, позже оказавшиеся неправдой, а это совсем другое. Чего мне стыдиться?» Авторы книги «Впарь это клиенту!» (Stick it up your punter!) (один из двоих авторов, Питер Чиппендейл, был журналистом газеты The Guardian) описали, как Маккензи обрушивается на репортера, которого счел излишне либеральным:

Ты что, вообще не понимаешь читателя, да? Это тот чувак, который сидит в пабе, тот самый фашик, мечтающий отправить черномазых обратно и выкупить свою паршивую муниципальную квартиру, он не верит профсоюзам, боится русских, ненавидит гомиков, придурков и наркодилеров. Он не хочет слышать всю эту хрень (объективные новости)⁴.

Одна из самых откровенных книг о британских таблоидах, «Инсайдер» (The Insider), написана учеником Маккензи, Пирсом Морганом, который вел в The Sun колонку о шоу-бизнесе Bizarre⁵. В 1994 году 28-летний Морган был назначен редактором газеты News of the World, после чего его переманили из издательского дома News International, для которого News of the World была наиболее прибыльным активом, и назначили редактором газеты Daily Mirror. Из Daily Mirror в 2004 году его уволила Слай Бейли, глава группы Trinity Mirror, за публикацию оказавшихся поддельными фотографий «пыткок», которым британские солдаты якобы подвергали иракских пленников.

В возрасте от тридцати до сорока лет Морган побывал на вершине практически всех главных британских таблоидов. Основанная на личных дневниках книга «Инсайдер» значима как отчет умного и беззастенчивого человека (Морган, как и Маккензи, учился в частной школе, но в университет поступать не стал), наглости у которого не меньше, чем у его наставника. Книга слегка разбавлена сентенциями вроде следующей: «Насколько же это мерзкое занятие — политика, почти

такое же мерзкое, как журналистика»; впрочем, эти высказывания вряд ли стоит воспринимать всерьез. В отличие от Маккензи, Морган иногда высказывал взгляды, многим казавшиеся левацкими, в том числе против войны в Ираке, а будучи главным интервьюером на канале CNN, начал кампанию за отмену права владения оружием. Ведущий журналист *The New York Times*, покойный Дэвид Карр, писал:

Было время, когда ведущий CNN Пирс Морган, казалось, недолюбливал Америку... Своим подходом к вопросу о владении оружием господин Морган сильно смахивал на короля Георга III, свысока взирающего на непокорные колонии и размышляющего о способах усмирения дикарей. Но Моргану не следовало забывать, что одной из причин закрепления в Конституции США права на ношение оружия стало то, что Британия в то время пыталась разоружить гражданское население⁶.

При этом склонность к кровопролитию, присущая странам с культом огнестрельного оружия (очевидная на примере трагедии в церкви в Чарльстоне, Южная Каролина, когда в июне 2015 года в штате, где купить оружие не сложнее, чем шоколадный батончик, молодой белый расист убил девять чернокожих прихожан), послужила еще одним обоснованием, если кто в нем нуждался, бескомпромиссной кампании Моргана и обнажила претенциозность высказывания Карра, лишаящего британского ведущего CNN права выступать против владения оружием только по причине того, что два с половиной века назад его страна была колониальной державой. Все же от давней славы короля сплетен Моргану избавиться не удалось. В обстоятельной критической статье Лаура Беннетт, воздав должное неотступности Моргана, писала:

Преисполненный чувством значимости своей миссии, он стал для владельцев оружия карикатурным образом их оппонента, воплощением чопорного, высокомерного горожанина. Поэтому оказывается, что Морган часто подыгрывает правым радикалам, а совсем не противостоит им... он свел один из самых острых и сложных вопросов политической жизни США к демагогической возне вокруг бренда «Пирс Морган»⁷.

В «Инсайдере» Морган описал обед с Дианой, принцессой Уэльской (на котором в ее доме присутствовал также старший сын принцессы, 13-летний Уильям) так, будто это было посещение святого места, где богиня, беседующая, надо думать, на вполне человеческом языке, поведала ему «за тридцать секунд три удивительные сенсации». Морган, служивший редактором в эпоху всеобщего помешательства на Диане, когда для таблоидов и обложек журналов она была истинным сокровищем, ясно понимал ее ценность для СМИ.

В своей второй книге — «Разве вы меня не знаете?» — Морган презрительно именуется политиков «скучными, склизкими», тогда как сам он пытается «выдавить из них что-нибудь любопытное». Он описывает свой разговор с Мохаммедом аль-Файедом, тогдашним владельцем универмага «Хэрродс», состоявшийся после поступившего Моргану предложения занять должность редактора газеты. Морган приводит слова египетского миллиардера: «Вместе мы сможем избавить страну от разрушительной власти ублюдков-лейбористов». На реплику Моргана: «Но тем самым мы просто вернем власть ублюдкам-консерваторам» — аль-Файед ответил: «Ты прав, все они ублюдки»⁸. Излитая собеседниками желчь настроила Моргана на философский лад: «Все газеты должны принадлежать миллиардерам с манией величия и боевым настроением: газеты станут намного интереснее, не говоря уже о бесстрашии». Получается, что в Британии XXI века проявить храбрость — это назвать политиков ублюдками.

Морган пытался (несколько иронично) отстраниться от того рода журналистики, которую сам он долго практиковал; его атака на культ оружия в США стала одной из немногих вылазок на территорию глубоких комментариев. Впрочем, люди, которые сегодня успешны в журналистике таблоидных новостей, с большим тщанием подходят к добыче информации, что вполне роднит их с журналистикой «серьезных новостей».

К началу 2010-х годов самым успешным в мире сайтом-таблоидом стал американский сайт TMZ; его создатель и босс

Харви Левин считает, что публикуемые на сайте сенсационные материалы действительно важны, но предназначены для того, чтобы вызвать отклик у простых людей, а не только у читателей книг и респектабельных газет⁹. В феврале 2009 года сайт TMZ опубликовал материал о том, что частный американский банк Northern Trust, получивший от правительства финансовую помощь в размере 1,6 миллиарда долларов, организовал в Лос-Анджелесе вечеринку с участием звезд — группы «Чикаго» и Шерил Кроу — и раздачей сумок «Тиффани»¹⁰. Эта заметка вызвала поток осуждения в адрес банка, в том числе со стороны Джона Керри, в то время сенатора США. Позднее в интервью газете LA Times Левин сказал, что этот материал был самым важным из всего опубликованного на сайте TMZ: «Людям трудно осознать сумму в размере 800 миллиардов долларов, выделенную правительством для спасения банков [Левин имеет в виду объем помощи всем финансовым учреждениям, а не только банку Northern Trust]. Гораздо легче представить сумму, выплаченную за выступление Шерил Кроу». В 2013 году Левин сказал в интервью для радио, что репортеры TMZ выполняют свою работу так же тщательно и аккуратно, как и репортеры респектабельных изданий: «Можете отправить меня в Афганистан, и я буду применять там те же методы, которые использую в отношении Бритни Спирс»¹¹.

Журналистам таблоидов важны не столько факты, сколько возбуждение или имитация эмоций, а сегодня такой подход становится характерным и для чисто новостных СМИ. За те годы, пока журналистская деятельность Моргана была сосредоточена на знаменитостях, он и сам превратился в знаменитость. После ухода из Mirror Морган провел несколько телевизионных интервью. В феврале 2010 года в ходе одного из таких интервью премьер-министр Великобритании Гордон Браун (его жена Сара присутствовала в студии) прослезился во время рассказа о смерти в 2002 году своего первого ребенка, девочки, вскоре после ее рождения¹². Интервью продолжалось почти час, но Морган лишь мельком коснулся проблем,

подлежащих, как он утверждал ранее, обязательному освещению, таких как политика и идеология. Целью интервью с Брауном было затронуть его чувства, вызвать на откровенность; Браун, казалось, с готовностью следовал этому замыслу, стараясь не переусердствовать и не вызвать нареканий в инсценировке интервью, которое вызовет к нему сочувствие и, следовательно, сделает более популярным (уровень одобрения деятельности премьера был довольно низким).

Телеведущим должен быть присущ известный нарциссизм, а если они хотят оставаться на вершине, то это профессиональная необходимость. Морган никогда не состоял в высшей лиге знаменитостей, и все же он был знаменитостью, пусть рангом ниже. Хотя последнее обстоятельство позволяло ему проводить свободное время за различными увеселениями без обязательного присутствия папарацци, его положение подразумевало также определенный сценический образ, в его случае — извечного полемиста или, как он сам себя называл, болтуна. Это означает, что ко всем другим нужно относиться как к конкурентам, а публичная стычка с конкурентом может быть полезна для саморекламы. Подобная стычка произошла в 1996 году между Морганом, набиравшим силу в *News of the World*, и Иэном Хислопом, редактором журнала *Private Eye*. Хислоп вышел победителем в обмене оскорблениями с Морганом во время комедийного шоу «У меня для вас новости» (*Have I got news for you*) на канале BBC. Морган отреагировал спустя некоторое время, поручив репортеру Грэму Бро выискать любой компромат на Хислопа, чем рассчитывал утолить свой гнев, но поиски Бро не увенчались успехом, и это, по слухам, только усилило негодование Моргана¹³.

Так, жанр диктует таблоидам быть безжалостными. К 70-м годам XX века популярным таблоид можно было сделать только путем унижения других и даже, можно сказать, культивирования ненависти; увы, низменные чувства так широко распространены, что редакторы и владельцы сняли всякие преграды и оставили попытки их сдерживать. В истории таблоидов Мэтью Энгель пишет, что «тексты для массовой

аудитории изначально не были низшим жанром литературы... но их низвели до этого уровня. За сто лет большая часть британской журналистики превратилась в организованную структуру по искажению и сокрытию истины»¹⁴.

В результате таблоиды отличаются все большей крикливостью и воинственностью. Самые популярные газеты были приобретены политически ангажированными деятелями правого толка: в Великобритании газеты *The Sun* и *News of the World* принадлежали медиахолдингу *News Corporation* Руперта Мёрдока, а в Германии газета *Bild* входила в группу Акселя Шпрингера, основателя группы и журналиста. При этом, скажем, греческие газеты, и не только таблоиды, отличались еще большей озлобленностью: в апреле 2012 года газета *Democrasy*, отстаивающая правые взгляды, опубликовала на первой странице изображение канцлера Ангелы Меркель в нацистской форме¹⁵. В феврале 2015 года левая газета *Avgi* («Рассвет»), близкая к правящей партии «Сириза», с легкостью превзошла описанный выше скандальный «успех», карикатурно изобразив министра финансов Германии Вольфганга Шойбле, который будто требовал «пустить ваши жировые отложения на мыло» и говорил, что «мы обсуждаем производство удобрений из вашего праха»¹⁶ (подразумевались бесчинства СС в концентрационных лагерях).

Bild спровоцировал одно из самых громких обличений таблоидов со стороны литераторов. Это произошло вслед за «демонизацией» писателя Генриха Бёлля, сторонника крупнейшей левоцентристской Социал-демократической партии Германии, публично выступившего с осуждением мер, принимаемых немецким государством против небольшой террористической группировки «Фракция Красной армии» (РАФ)¹⁷. В статье, написанной для журнала *Der Spiegel*, Бёлль подверг таблоиды резкой критике за полное отсутствие контроля над точностью цитат и привычку назначать виновных без доказательств; он и сам подвергался нападкам со стороны таблоидов, а также обоснованной критике представителей как правых, так и левоцентристских сил.

В романе Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм»¹⁸ описывается простодушная молодая женщина, имя которой вынесено в название, чья любовь к радикально настроенному преступнику, которому она помогла скрыться от полиции (сама она не знала о его преступлениях), привела к тому, что газета «ГАЗЕТА» — таблоид, подобный Bild, — сделала жизнь героини невыносимой, извратив слова самой героини, слова близкого ей человека и находившейся на смертном одре матери, интервью у которой взял пробравшийся в больничную палату репортер. В итоге Катарина, доведенная «ГАЗЕТОЙ» до безумия, убивает писака и сдается полиции.

В романе Аннелены Макафи «Спойлер»¹⁹ затрагивается тема озлобленности — обязательного спутника *schadenfreude* (нем. — злорадство), на которой специализируются британские таблоиды. Запутавшейся в своей жизни, полубразованной молодой журналистке, боящейся лишиться заказов от таблоидов, поручают взять интервью у восьмидесятилетней женщины — прославленного фотографа и приятельницы знаменитостей. Возмущившись невежеством журналистки и личным характером задаваемых вопросов, пожилая женщина выпроваживает посетительницу. Журналистка начинает слежку и обнаруживает, что дама постоянно общается по телефону с симпатичным молодым человеком — таблоидное золото добыто. В романе, опубликованном в середине 90-х годов, предстают циничные репортеры и редакторы, живущие за счет поддельных квитанций о расходах, получающие жалованье за изображение отвратительных (мнимых и действительных) подробностей жизни своих персонажей, в то время как вся индустрия балансирует на грани технологического вырождения.

В отличие от упомянутых литературных произведений, целью которых был «демонтаж» таблоидов, книга «Дневники лисы с Флит-стрит» (*The Diaries of a Fleet Street Fox*)²⁰ служит самодовольному прославлению методов и традиций британских таблоидов со стороны скрывшегося под псевдонимом автора, за которым легко угадывалась Сюзи Бонифейс,

писавшая в основном для *Mirror*. Следуя в русле, проложенном Маккензи, она заявляет: «Проникновение [в частное жилище], кража, превышение скорости, самозванство — все это я совершала и буду совершать, и не только это, а все, что потребуется для сбора материала. Я буду прослушивать телефоны, если посчитаю, что это единственный способ установить истину, подлежащую обнародованию». Подлежащая обнародованию «истина» относится главным образом к сексуальным скандалам. В рецензии на книгу Анналена Макафи отметила, что книга представляет собой известную ценность, так как дает «определенное понимание о грубых, издевательских умонастроениях сотрудников таблоидов»²¹.

Таблоиды по определению язвительны и, скажем так, обязаны рассматривать публичных людей, представителей высших политических и общественных кругов, в качестве объекта своей злобы. Долгое время именно в этом заключалась особенность британских массовых газет, однако в первой половине XX века их сдерживали почтительность и страх. После Второй мировой войны почтительность сошла на нет, а недовольство представителями правящих кругов только возрастало. Под руководством Гарри Гая Бартоломью, главного редактора издательства до и после войны, журналистам *Mirror* было рекомендовано занять прочные «антиэлитистские» позиции и сменить целевую аудиторию газеты, некогда солидного издания для среднего класса, на рабочих, военнослужащих и женщин. Тираж газеты до войны составлял около 1,5 миллиона экземпляров, к концу 1940-х годов возрос до 4,5 миллиона, а впоследствии, в 1950-е и в начале 1960-х под редакцией Хью Кадлиппа превысил 5 миллионов. В 2000-е годы престарелые адепты левых взглядов с неподдельной ностальгией вспоминали этот период в истории *Mirror*; газета была резкой, радикальной и неуклонно поддерживала политику лейбористов и социал-демократов, но Бартоломью, взявший за основу исторически более ранние нью-йоркские таблоиды, хорошо осознавал ценность сплетен, скандалов и материалов из жизни богатых и знаменитых.

В 1980-е и в начале 1990-х годов границы определения термина «высшие слои» изменились: представители элиты реже стали изображаться богатыми и титулованными и чаще представителями левых партий, утратившими связь с чаяниями простых людей и выступавшими против рыночных реформ Маргарет Тэтчер. Естественной мишенью стал бывший лидер Лейбористской партии Эд Милибэнд (2010–2015 гг.), сын профессора-марксиста Ральфа Милибэнда, приковавший к себе внимание из-за грубого осуждения таблоидов, которое вскрылось после обнародования материалов прослушивания его телефона. В преддверии всеобщих выборов в Великобритании в мае 2015 года мало что могло стать более желанным для таблоидов, придерживавшихся правых взглядов, чем история о двух кухнях в доме Милибэнда в северной части Лондона, которые обошлись ему в два миллиона фунтов.

Профсоюзы, весьма почитаемые в довоенной и послевоенной *Mirror*, стали восприниматься как барьер на пути прогресса, как вотчина идеологически мотивированных и своекорыстных боссов. Существенно ослабла и верность газеты Лейбористской партии, окончательно все же не исчезнувшая. При Пирсе Моргане газета самозабвенно, подобно *The Sun* и *News of the World*, погрузилась в среду обитания скандальных и сексуально привлекательных знаменитостей. Более серьезная и политически ангажированная (правая) *Daily Mail*, совмещавшая элементы таблоидов и респектабельных изданий, яростно искала «виновных мужчин и женщин» (в основном из левого лагеря), сдерживавших развитие страны.

Центр внимания таблоидов сместился к скандалам из жизни знаменитостей, преимуществом которых была известность, обусловленная их частыми появлениями на телевидении, в фильмах или на спортивных состязаниях, в частности, футбольных матчах; в представлении эти персонажи не нуждаются. Знаменитости нанимают пресс-секретарей, обученных вести переговоры с различными СМИ о конкретных деталях частной жизни своих клиентов, которые лягут в основу публикаций, а также направлять журналистов на тропу

легкой скандальности и сенсационности. Для посвященных знаменитостям таблоидов и сайтов, таких как TMZ, Yeeeah, PopSugar, Celebitchy, Dlisted, Popbitch, Egotastic, Hollywood Tuna, Perez Hilton и другие, желанная добыча — это знаменитость в неловкой ситуации: обнажившийся сосок, скандал с любовником или помощником, фотоснимок в нетрезвом виде или иное «падение с достигнутых высот». По словам шефа по «социальной активизации» рекламного агентства Horizon Media Кита О'Брайена, «такие сайты посещают очень разные люди, вследствие чего открываются виды на широкую аудиторию, даже если некоторые пользователи заглядывают сюда исключительно с целью позлорадствовать по поводу скандала. Всем нравится наблюдать закат знаменитостей»²².

Принцесса Диана, бывшая жена наследного принца Чарльза и величайшая знаменитость своего времени, лишилась не славы, а жизни в результате несчастного случая в августе 1997 года в Париже, когда автомобиль, в котором она находилась, в попытке обогнать кавалькаду папарацци на мотоциклах врезался в опору туннеля, проложенного вдоль Сены. Основными виновниками происшедшего считают папарацци, преследовавших принцессу со дня ее помолвки с Чарльзом, когда девятнадцатилетнюю Диану в прозрачной юбке поймали в кадр на фоне солнца, высветившего очертания ее ног.

Хилари Мантел, находившаяся в зените славы после успеха своих романов «Волчий зал» (Wolf Hall) и «Внесите тела» (Bring Up the Bodies), написала вызвавшую неоднозначную реакцию статью, где Кейт Миддлтон, герцогиня Кембриджская и супруга Уильяма, старшего сына принца Чарльза, описана как принцесса «прецизионная, слишком механистичная, сильно отличающаяся от Дианы, в каждом жесте которой сквозила непосредственность, подчас неуклюжая, и эмоциональность». Диана, в отличие от Кейт, «была царственнее семьи, в которую она вошла... что-то в ее личности, ранимость, жертвенность, пассивность окружали ее мифическим ореолом»²³.

В статье Мантел не упоминается инициативность Дианы в формировании общественного мнения о собственной персоне, а также ее непомерно раздутый образ «божества», способного (как она сказала в своем последнем интервью парижской ежедневной газете *Le Monde*) мгновенно оказаться возле любого, кто выскажет потребность в ее участии. Эта цитата вырезана на ее гробнице в парке семейного особняка в Элторпе. Но Мантел права в том, что впечатление ранимости и жертвенности, которое, кстати, было в значительной степени присуще и Мэрилин Монро, привлекло к Диане интерес миллионов людей, и каждому из ее обожателей казалось, что в ней есть что-то особенное.

Продуманная готовность к страданиям бывает успешной стратегией. Выгоду из подобного поведения извлекал футболист Дэвид Бекхэм, казавшийся человеком бесконечного добродушия. Бекхэм, как и Диана, сделал уязвимость своим козырем, развивая и демонстрируя известную женственность и готовность признавать эмоциональную боль. Так, однажды в интервью Гари Невиллу, бывшему одноклубнику из «Манчестер Юнайтед», Дэвид сказал: «Долгие годы люди пристально следили за тем, что происходит на моем жизненном пути, и такие частности нередко отодвигали на задний план то, что я делаю на поле. Сколько бы я ни говорил, что меня это не ранит, это, конечно, не так»²⁴. Но ничто не уберегло Бекхэма от настойчивых расспросов о предполагаемой любовной интриге с личной помощницей, фанаткой «Манчестер Юнайтед» и певицей Кэтрин Дженкинс, которую они оба отрицали. Несмотря на широкое освещение истории, таблоиды постарались, чтобы за любимцем публики не закрепилась слава «неверного мужа». Диана была «народной принцессой», Бекхэм — «народным Дэвидом».

Острая конкуренция, в условиях которой работают британские таблоиды (пять ежедневных и шесть воскресных газет), побуждает их все глубже проникать в дебри частной жизни.

Когда в 1990-х годах журналисты обнаружили, что с помощью частных детективов можно взламывать мобильные телефоны и получать доступ к голосовым сообщениям, им открылся богатый пласт потенциально скандальных материалов; ирония состоит в том, что это позволило им получать достоверную информацию, о которой раньше они не могли даже мечтать. Первым о стремительном росте числа телефонных «взломов», открывших доступ к тысячам разговоров и сообщений, поведал репортер-расследователь газеты *The Guardian* Ник Дэвис, занимавшийся в основном исследованием методов, применяемых в *News of the World* (впоследствии выяснилось, что к подобным методам часто прибегали и другие таблоиды). Журналисты *The New York Times* получили доступ к данным, подкреплявшим разоблачительные расследования Дэвиса.

Общественное негодование, вызванное отчасти ошибочным репортажем о незаконном доступе к телефону Милли Доулер, тринадцатилетней жертвы убийства из Уолтон-на-Темзе, городка близ Лондона, вынудило коалиционное правительство, возглавляемое консерваторами, организовать публичное расследование в отношении методов, применяемых СМИ, которое возглавил судья апелляционного суда сэр Брайан Левесон. В ноябре 2012 года, по прошествии года слушаний, сэр Брайан опубликовал доклад по существу вопроса²⁵. Доклад оказался длинным и весьма информативным: судья осветил исторический контекст, позволивший прессе получить независимость и силу, необходимую для привлечения власти к ответственности, и дошел в своем экскурсе до конца XX — начала XXI века, когда пресса обрела могущество, благодаря которому она может теперь угрожать демократическим устоям в не меньшей степени, чем их укреплять.

Проведенное судьей исследование показало, что созданная в 1990 году Комиссия по жалобам на прессу проделала определенную полезную работу, но ей так и не удалось предложить надежный способ защиты от вторжения прессы в частную жизнь. Сэр Брайан отметил также, что аргумент,

приведенный Джоном Мильтоном в трактате «Ареопагитика» и Джоном Стюартом Миллем в труде «О свободе» и состоящий в том, что в противостоянии истины и ошибки истина побеждает, при его применении в отношении прессы становится совершенно ненадежным. Судья приводит слова одного из свидетелей, представителя академической среды, доцента философии Ланкастерского университета доктора Нила Мэнсона, заявившего, что «ничто не может помешать свободной прессе... принять добровольное решение о поддержке коррупции или участия в ней. Мы не можем исходить из того, что свободная пресса или отдельные представители свободной прессы будут всегда стремиться к созданию материалов, в полной мере соответствующих общественным интересам».

Левесон усомнился в правомерности мнения, высказанного большинством опрошенных журналистов, особенно представителей таблоидов, утверждавших, что правительство или государство предстает фактическим или возможным душителем свобод. Напротив, он установил, что «за последние годы... можно найти примеры парламентских законодательных актов в отношении прессы, явно направленных на укрепление, а не ограничение свободы печати».

Как же таблоиды воспользовались этой свободой? Левесон приводит примеры, когда газетам удалось сделать что-то действительно хорошее: Daily Mail организовала кампанию за восстановление справедливости в отношении семьи убитого подростка Стивена Лоуренса (наряду с другими кампаниями за восстановление справедливости, которые проводились довольно решительно и часто достигали цели, как в случае кампании Лоуренса); проведенные газетой The Sun расследования планируемых отдельными лицами преступлений, возможно, спасли жизни (одно из расследований помогло вскрыть замысел находившегося в заключении врача, планировавшего убить свою бывшую любовницу и ребенка за то, что они давали против него показания); статьи о культуре насилия в «Лиге английской обороны» в газете Daily Star; рекордные для британской прессы шестнадцать миллионов

фунтов, собранные Daily Mail в 2004 году на нужды пострадавших от цунами в Юго-Восточной Азии.

Таблоидам часто удаются дерзкие подвиги; их подозрительность к власти имущим, пусть избирательная, нередко приводит к разоблачению злоупотреблений властью. Но в ходе изучения методов, используемых таблоидами, и в частности, News of the World, судья Левесон столкнулся с полным отсутствием обеспокоенности достоверностью публикаций. Подобная беспечность была присуща не только Кельвину Маккензи из The Sun, но и Полу Макмуллану, бывшему заместителю главного редактора News of the World, сказавшему, что он безоговорочно верит в общественную значимость своей газеты и гордится добросовестной работой в удовлетворении «важных потребностей народа Британии». Левесон обратил внимание на «одно из самых провокационных заявлений, прозвучавших в ходе расследования» из уст Макмуллана. Последний рассказывал о написанной им статье о педофилах, которая побудила толпу людей, пытавшихся обнаружить проживавших в районе педофилов, избить горожанина, на входной двери которого крепилась табличка, оповещающая о том, что владелец — педиатр: «Покажется странным, но я испытал определенную гордость за то, что мой материал выгнал людей на улицы и привел к избиению педиатра... ну как бы то ни было».

Левесон смотрел на сотрудника News of the World с едва скрываемым ужасом. Еще одну цитату Макмуллана судья приводит в качестве примера «крайнего неуважения к нормам, касающимся неприкосновенности частной жизни»:

Я считаю, что приватность нужна только людям, совершающим дурные поступки. Приватность — это пространство, которое необходимо для совершения дурных поступков. Приватность особенно удобна для педофилов, и если учитывать то, что приватность нужна педофилам, а всем остальным по большому счету — нет, то отсюда следует, что приватность — зло. Приватность способствует проявлению худших качеств человека. Приватность потворствует лицемерию. Приватность позволяет людям совершать дурные поступки.

Комментируя слова Макмуллана, судья Левесон называет «пожалуй, истинным мерилom этого человека» следующее утверждение: «Прослушивание телефонных разговоров — вполне приемлемый метод даже с учетом приносимых нами жертв, ведь все наши усилия направлены на достижение истины».

Указанная проблема касается не только таблоидов. Газета *The Guardian*, когда-то на протяжении многих месяцев практически в одиночку раскручивавшая историю с прослушиванием телефонных разговоров, теперь вместе с *The New York Times* и немецким еженедельником *Der Spiegel* горделиво публикует множество статей, основанных на документах *WikiLeaks*, и еще стремительнее публикует некоторые из 1,7 миллиона документов Агентства национальной безопасности, украденных Эдвардом Сноуденом во время службы в одном из центров АНБ. Документы, представлявшие собой государственную собственность, стали общественным достоянием в результате кражи. В обоих случаях, особенно в последнем, существовала и сохраняется реальная угроза того, что осведомители, передававшие информацию спецслужбам США или Великобритании, будут опознаны и убиты. Вероятно и то (спецслужбы говорят об этом как о свершившемся факте), что террористы, получив сведения о том, что Агентство национальной безопасности США и Управление правительственной связи Великобритании знают об их *modus operandi*, внесут в механизмы своей деятельности соответствующие изменения. Газеты, опубликовавшие подборки украденных документов, самой серьезной проблемой считали масштабные нарушения неприкосновенности частной жизни, о которых граждане Великобритании и США не были оповещены и о которых власти обязаны были их проинформировать; правомерность общественного интереса к вскрывшимся фактам никем не оспаривалась, с чем соглашались в частных беседах многие высокопоставленные сотрудники спецслужб. Публикация документов способствовала существенному росту числа посещений веб-сайтов изданий, что ими рассматривалось,

как и большинством других газет, как возможный источник оздоровления их финансового положения, поскольку объемы продаж печатного тиража неуклонно снижаются.

Левесон не мог знать или, если бы знал, не мог не возмущаться тем фактом, что люди, освещающие мир знаменитостей, такие как Макмуллан и Мажер Махмуд, репортер-расследователь из *News of the World*, известный под псевдонимом Липовый шейх, считают, что к этому миру совершенно неприменим принцип неприкосновенности частной жизни, что приватность здесь — предмет торговли, мера денег, славы и, прежде всего, внимания публики. В свою очередь, многие из знаменитостей, появляющиеся на страницах таблоидов, привержены «доктрине Уайльда»: когда тебя обсуждают, жизнь может быть похожа на чистилище, но если тебя не обсуждают, то жизнь превращается в ад. Многие статьи публиковались в результате договоренности, заранее просчитанной утечки данных или инсценировки. Там, где Левесон видел грубое вмешательство в личную жизнь и искажение фактов, журналисты видели поле битвы, где иногда удавалось выиграть раунд против жадной до славы знаменитости, неверного супруга, нечистоплотного политика или профсоюзного босса, предающегося чревоугодию в мишленовском ресторане. Иногда, правда, приходилось проигрывать.

В эссе «Приватность, секретность и человеческие связи» (*Privacy, Secrecy and Human Bonds*) британский социолог Зигмунт Бауман цитирует французского социолога Алена Эренберга, отсчитывающего «начало новейшей культурной революции» с той минуты, когда однажды в 1980-х годах (более точная дата не указана) «обычная француженка» во время телешоу поведала о том, что поскольку ее муж страдал преждевременной эякуляцией, она никогда за время семейной жизни не испытывала оргазма²⁶.

Стало ясно, писал Бауман, что «самой сутью этого события стало стирание некогда священного различия между “частной” и “общественной” сферами плотской и духовной жизни». Это произошло во Франции, в обществе, где частная

жизнь долгое время находилась под надежной охраной, особенно частная жизнь элиты, обладавшей средствами, чтобы защитить себя. Политические круги Франции вступили в новое время при президенте Николя Саркози (2007–2012 гг.), который в целях укрепления своего общественного авторитета сознательно разглашал определенные подробности своей личной жизни, снизив тем самым высоту стен, которые отражают президентский дворец от средств массовой информации и восстановить которые его преемнику Франсуа Олланду на свою беду так и не удалось.

В англосаксонском мире наступление на приватность произошло значительно раньше, и газета *News of the World* давно находится в первых рядах борцов за дальнейшее снижение высоты этих стен. Репортеры *News of the World* стали знатоками «меновой торговли» между частным и публичным, цен и условий преобразования одного в другое, накопили опыт, обязательный для организации таких преобразований, осуществляемых, как правило, в эмоционально обременительных обстоятельствах. Они перестали обращать внимание на протесты лиц, в частную жизнь которых произошло вторжение (по крайней мере, такова была публичная позиция многих газетчиков). Левесону представилась возможность изучить это на ярком примере одной из центральных фигур в скандале с прослушиванием телефонных разговоров, Ребекки Брукс, занимавшей должность редактора как в *News of the World*, так и в *The Sun*, а впоследствии назначенной исполнительным директором *News International*.

Дело и в этот раз касалось чувств семьи Гордона Брауна, что довольно странно, так как Браун был одним из самых рациональных и рассудительных обитателей политического олимпа, и все же неприкосновенность его частной жизни раз за разом попадала под удар. В 2006 году, когда Брукс работала редактором *The Sun*, она получила сведения о том, что Фрейзер, четырехмесячный сын Гордона и Сары Браун (в то время Браун занимал должность министра финансов), страдает муковисцидозом. Эти сведения, согласно заверениям

Управления здравоохранения родного для Брауна округа Файф, были проданы журналистам The Sun одним из сотрудников управления, однако Брукс настаивала, что сведения предоставлены лицом, чей сын тоже страдает от этого заболевания. Брукс позвонила Саре Браун и сказала, что The Sun предаст сведения огласке.

В рамках расследования Сара Браун заявила, что «вопрос о явно выраженном согласии» на публикацию сведений не выносился на обсуждение. Брукс, напротив, заявила, что Браун «выразили абсолютную готовность к тому, чтобы сделать информацию общедоступной». Последнее заявление Левесон прокомментировал так: «В это невозможно поверить». Брукс неоднократно говорила, что они с Сарой были друзьями, даже «добрыми друзьями», и что она сочувствовала их положению: «Мне было их очень жаль». Но дружба и сочувствие никак не отразились на ее решимости опубликовать сведения. Брукс также сказала, что после появления статьи дружеские отношения, казалось, совсем не пострадали — супруги Браун пришли на сорокалетие Брукс и на ее свадьбу. Когда у Брауна поинтересовались: «Как так?» — Браун сказал, что его жена — «одна из самых великодушных людей, которых я знаю». То, что он сам не отказался от публичных встреч с Брукс, Браун прокомментировал так: «Мы обязаны делать то, что другие люди ожидают от политиков, то есть управлять правительством». Левесон отреагировал следующим образом: «От первоочередной обязанности непрерывно налаживать отношения с News International отказаться было невозможно».

Левесону предстояло узнать гораздо больше. Так, он узнал, что газета News of the World заполучила дневник доктора Кейт Макканн, чья дочь исчезла во время семейного отдыха в Португалии и так и не была найдена, и опубликовала отрывки из него, не получив на это разрешения. Левесон узнал, что несколько таблоидов, в том числе The Sun и Daily Mirror (старания последней газеты в этом деле были особенно ревностными), очернили имя ушедшего на пенсию учителя Криса Джеффриса, всячески намекая на то, что в декабре 2010 года

Джеффрис убил свою постоянлицу Джоанну Йейтс. Он узнал и прочитал о реверансах сменявших друг друга министров и премьер-министров в адрес редакторов и владельцев таблоидов, что было наиболее наглядно продемонстрировано в отношениях Гордона Брауна с представительницей News International Ребеккой Брукс, той самой властной особой, которую обхаживал Тони Блэр и которой Дэвид Кэмерон отправил электронной почтой сообщение с аббревиатурой LOL в конце, ошибочно полагая, что это означает «с любовью» (lots of love), хотя на самом деле аббревиатура означает «громко смеюсь» (laughing out loud).

Все это Левесон прокомментировал так: «Рассматриваемые в целом доказательства четко свидетельствуют о том, что за последние 30–35 лет (а возможно, и в течение более длительного срока) отношения между политическими партиями в британском правительстве, “официальной оппозицией” и прессой стали слишком тесными, что не соответствует интересам общества». Однако таблоиды занимались этими историями как раз потому, что знали о заинтересованности публики; публика повелевает таблоидами — в ее интересах журналисты шантажируют, шпионят, лгут и клеветуют.

Одной из главных фигур в СМИ, а для некоторых и самой главной был Пол Дакр, возглавлявший с 1992 года редакцию Daily Mail, а в 1998 году назначенный главным редактором всех изданий группы Mail (The Mail on Sunday, Scottish Daily Mail и Irish Daily Mail). Дакр, который в показаниях Левесону представлял себя человеком скромным, а все заслуги газеты приписал своим «блестящим» репортерам, редакторам и обозревателям, был одним из последних таблоидных редакторов школы Флит-стрит, вдохновлявших издания Mail. Журналистика для масс и сенсации не ограничивались для него только приятно будоражащей погоней за тиражами.

Когда Дакра спросили о его взглядах в период до расследования, он процитировал профессора журналистики Кентского университета Тима Лакхерста (редакторы массовых газет редко поддерживают мнения преподавателей журналистики,

хотя Лакхерст был редактором газеты *The Scotsman* и одним из немногочисленных «правых» исследователей, занимавшихся теорией массовых коммуникаций): «Утверждения, будто нарушения нравственных устоев, такие как прелюбодеяние, это целиком и полностью частное дело, никак не влияющее на окружающих, оскорбляют саму идею общества»²⁷. Не заявляя об этом прямо, Дакр довольно сильно разошелся с большинством своих коллег из других таблоидов. Разоблачительные материалы представлялись ему не «увлекательным чтивом», а моральным компасом. Иными словами, обнажение сущности публичных лиц на бумаге может казаться порочной и злонамеренной практикой, но нет сомнений в том, что в основе такого срывания масок лежит моральный посыл, иногда довольно безжалостный.

Своей основной мишенью Дакр видит «британскую либералократию» и считает, что «не может быть такого дня, слишком насыщенного или слишком короткого, чтобы не найти времени для пары щелчков по носам [правлящих либералов]»²⁸. В ходе непрекращающихся нападок на судью Дэвида Иди, рассмотревшего немало дел о клевете и твердо убежденного в необходимости защиты личной жизни, Дакр обвинял судью в том, что тот не делает «никакого морального различия... между браком и теми, кто уничтожает брак, между гонимым и гонителем, между добром и злом». Судья Иди присудил Максиму Мосли, бывшему в то время руководителем Международной автомобильной федерации, 60 000 фунтов ущерба от газеты *News of the World* за публикацию в 2008 году разоблачительных материалов о садомазохистской оргии с участием Мосли и нескольких женщин, и это решение, по мнению Дакра, свидетельствовало о том, что Иди «полностью отвергает все общественные нормы морали и приличия».

Вышесказанное служит основным фактором возвышения *Mail*, ставшей «самой влиятельной газетой в Великобритании», как ее называли в статье²⁹ от апреля 2012 года. В той же статье сообщается, что *Mail Online* стал самым популярным в мире газетным веб-сайтом: он славится длинной вереницей

заказных статей о знаменитостях и манящими читателя фотографиями полуобнаженных красавиц. Дакр, по его словам, не одобряет способы освещения секс-скандалов в ведущих таблоидах и утверждает, что «он не хотел бы, чтобы такой таблоид [News of the World] входил в состав нашего издательского дома» (когда таблоид еще существовал)³⁰; и все же Дакр твердо убежден, что скандалы освещать необходимо, так как в противном случае массовые газеты обанкротятся, и это негативно отразится на свободе прессы.

Любой из прочитавших длинный отчет Левесона приходит к однозначному выводу, что даже с учетом добросовестных репортажей, проведения расследований в интересах общественности и благотворительных проектов таблоиды, рыщущие в поисках жертв, оставались машинами для производства грязи. Именно поэтому Левесон пытался изыскать все возможные аргументы в пользу того, чтобы нормативно-правовая база, обеспечиваемая государством, сдержала животные инстинкты, высвеченные в расследовании, и защитила возможные жертвы в будущем.

Правительство, решительно осудив прослушивание телефонных разговоров и раскаявшись в угодничестве и потакании газетчикам, прежде всего Руперту Мёрдоку, одобрило доклад и Королевской грамотой (средневековый механизм, используемый и в отношении ВВС) учредило Комиссию по признанию — орган, функцией которого стало официальное признание регуляторов прессы, соответствующих критериям, которые были установлены Левесоном. По существу, Левесон предложил, чтобы эту работу выполнял Ofcom, государственный регулятор в сфере связи, но политические силы сочли такие меры слишком драконовскими и остановили свой выбор на Королевской грамоте как на способе придания государству определенного права давления на прессу.

Печатные СМИ, решив, что период покаяний завершился, новую комиссию проигнорировали. К 2016 году почти все газеты и журналы присоединились к Организации по стандартам работы независимой прессы, органу, задуманному Гаем

Блэком, исполнительным директором Telegraph Media Group, и так и не признанному Комиссией по признанию; или же газеты, подобно The Guardian и FT, предпочли вовсе не присоединяться к регуляторам, аргументируя свое решение тем, что установка стандартов и обеспечение их соблюдения входят в сферу обязанностей редактора. Правительство, похоже, довольствовалось сложившимся положением. К 2017 году в условиях голосования о выходе из ЕС, что привело к радикальной переориентации внешней и торговой политики Великобритании, и с учетом жесточайшего противостояния внутри оппозиционной Лейбористской партии все намерения объединить газеты под эгидой единой организации, способной обеспечить их официальное признание, надолго выпали из политической повестки.

Левесон ошибался, предлагая использовать государственный механизм в качестве опоры для регулирования печатных СМИ. Британскую журналистику должны очистить сами журналисты — не следует обтесывать ее по краям полуофициальным инструментом средневекового происхождения, который, по существу, представляет собой самое ничтожное решение, к которому могли бы сообща прийти политические партии.

Молодые люди, стремящиеся стать журналистами, способны прервать традиции, заложенные представителями предыдущих поколений, которые в течение последних десятилетий воспроизводили «желтую прессу» — потому что «работа такая» или потому что им это нравится, — и преобразовать массовую прессу в нечто достойное читательского внимания. Речь не только о массовой прессе, но и о методах работы и недобросовестности многих престижных изданий, в которых равнодушно, а иногда и с упоением допускаются ошибки, публикуются клеветнические обвинения и дезинформация. При формировании культуры подлинной независимости с учетом обязательной ответственности недопустима спешка. А учрежденный государством регулирующий орган и вовсе не может служить фактором благотворных перемен³¹.

Глава 8

Свободен ли рынок?

Доктор Нил Мэнсон, британский философ, показания которого в ходе расследования Левесона цитировались в предыдущей главе, изложил определенные практические соображения о природе свободной прессы. В информационном письме, направленном в рамках расследования, Мэнсон писал: «Когда мы рассматриваем вопрос заинтересованности общества в свободной прессе, нам необходимо точно определить природу изучаемой прессы. Иными словами, вопрос следует ставить не о том, соответствует ли свободная пресса... интересам общества, а следует сосредоточиться на различных способах, которыми свободная пресса может или не может соответствовать интересам общества в зависимости от того, что такая свободная пресса способна и склонна делать»¹.

Выражение «способна и склонна» достаточно хорошо отражает ограничения, налагаемые на СМИ или устанавливаемые ими самостоятельно: зачастую действуют ограничения обоих типов. Здесь примером может послужить пресса, не испытывающая гнета со стороны государства или даже работающая без какого-либо вмешательства государства, но ущемляемая другими силами.

і «Самая важная статья... та, которую нельзя опубликовать»

Несостоятельность мексиканского государства, его коррумпированность, коррумпированность полиции и армии удерживают наиболее энергичных представителей мексиканской журналистики (тех, кто призван разоблачать производ негосударственных сил) в состоянии страха, перемещаемого актами самоотверженного, нередко смертельно опасного мужества в поисках истины.

18 сентября 2010 года в ежедневной газете El Diario мексиканского приграничного города Сьюдад-Хуарес была опубликована редакционная статья под заглавием «*Qué quieren de nosotros?*» («Чего вы от нас хотите?»), которую можно отнести к числу самых пронзительных материалов в истории журналистики. В статье, обращенной к «господам из различных организаций, сражающихся за рынок Сьюдад-Хуареса», отмечалось, что недавно были убиты два журналиста (без указания на заказчиков убийства), после чего следовал текст следующего содержания: «Как работники информационной сферы мы просим вас объяснить, чего именно вы хотите от нас, что вы хотите видеть опубликованным или неопубликованным, чтобы мы знали, чего от нас ждут. В настоящее время вы де-факто представляете власть в нашем городе, поскольку законные власти, несмотря на наши неоднократные обращения к ним, не смогли предотвратить гибель наших коллег».

Контроль со стороны преступного мира зачастую осуществляется с использованием государственных механизмов. Последнее встречается в разных странах (например, в России, особенно после 2000 года), но наиболее тяжелой и кровавой ситуация стала в Латинской Америке, и прежде всего, в Мексике. В этих странах дошло до того, что большинство средств массовой информации утратили возможность публиковать без риска для себя подробные сведения об организованной преступности, а порой даже нейтральные факты о совершенных убийствах. Репортеры, пренебрегающие угрозой, часто расплачиваются за это жизнью.

Экономика в Мексике рыночная, и большинство СМИ — частные; упомянем, что Карлос Слим, некогда самый богатый человек в мире (в 2015 году, обладая состоянием в пятьдесят пять миллиардов долларов, он опустился в списке богачей на пятую строчку по причине обесценивания песо по отношению к доллару и убытков, понесенных принадлежащей ему телекоммуникационной компанией *América Móvil* от ужесточения антимонопольного законодательства), владеет крупными долями в различных медиакомпаниях, в том числе

17% акций The New York Times. Притеснение СМИ в Мексике свидетельствует не о силе, а о слабости государства. Государство не в силах защитить мексиканских журналистов от наркокартелей, а иногда посредством полиции само преследует и убивает журналистов.

Город Сьюдад-Хуарес в провинции Чиуауа был назван «самым опасным городом в мире» — вражда между соперничающими бандами наркоторговцев унесла жизни тысяч горожан. Журналистка Анабель Эрнандес писала, что «в 2008 году [были] убиты 1500 человек, в 2009 году — 2660 человек, а в 2010 году этот показатель составил 3116 человек, или около восьми убийств в день»².

В ноябре 2008 года в собственном автомобиле был застрелен репортер отдела уголовной хроники El Diario Армандо Родригес; с ним была его восьмилетняя дочь, которую он, по всей видимости, защитил своим телом. Девочка выжила, но Родригес скончался на месте. Угрозы расправой он получал и ранее, но продолжал работать. В течение нескольких недель перед гибелью журналист расследовал связи между наркокартелями и генеральным прокурором штата Чиуауа Патрицией Гонсалес Родригес. Статья вышла 13 ноября, в тот же день его убили. Дело получило широкую огласку; президент Фелипе Кальдерон, объявивший наркомафии «войну», взял расследование под личный контроль, а впоследствии рассказал делегации Комитета защиты журналистов (КЗЖ) о том, что убийца найден. Им оказался Хуан Сото Ариас, которого недавно отправили в тюрьму отбывать 240-летний срок за другое убийство.

Мексиканской журналистке Альме Гильермоприето (она одна из самых выдающихся летописцев событий, происходивших в Латинской Америке с 1970-х годов) удалось узнать, что признание Сото Ариаса получено под пытками, которым тот подвергался со стороны военных, и что он в этом убийстве не виновен. Так или иначе, но расследование прекратили. Редактор отдела новостей El Diario Росио Гальегос поведал журналистке, что газета отказалась продолжать значительную

часть проводимых расследований: «[Были такие места], куда репортера невозможно отправить в одиночку... однажды мне пришлось в три часа ночи успокаивать рыдающую журналистку, только что получившую на свой мобильный телефон угрозу убийством»³.

В 2010 году, когда власть картелей достигла наивысшей точки, а государство и СМИ в Мексике оказались, пожалуй, в наиболее подчиненном положении за всю историю, главенствующая банда «Лос-Сетас» почувствовала себя в достаточной безопасности и попыталась разработать и внедрить собственную стратегию формирования общественного мнения. В Сьюдад-Виктории, столице штата Тамаулипас, Марта Лопес, редактор одной из местных газет (имя не названо), сказала представителю Комитета защиты журналистов Майку О'Коннору, что от «Лос-Сетас» местному криминальному репортеру, получавшему за это жалованье, поступали пресс-релизы, которые он затем пересылал в городские средства массовой информации⁴.

Сначала таких пресс-релизов было три или четыре в месяц, затем периодичность возросла до двух или трех в неделю. Основная цель этих сообщений состояла в том, чтобы продемонстрировать реальную или мнимую жестокость полиции и военных, но риторика менялась, когда речь заходила о местной полиции, сотрудники которой, согласно предположениям, состояли на жалованье и были соучастниками «Лос-Сетас».

О'Коннор комментирует ситуацию так: «В Тамаулипасе... картели настолько крепко опутали своими щупальцами местную полицию и городские власти, что обладают почти полной свободой действий, о чем сообщили репортеры из пяти крупнейших городов штата. Но... самая важная статья — о том, что преступные организации полностью лишили горожан контроля над их городами, — это та, которую нельзя опубликовать».

После 2010 года темп, с которым росло число убийств, похоже, снизился, но тактика запугивания по-прежнему применяется. В Мехико число нападений на журналистов

растет: неправительственная организация по защите свободы слова «Статья 19» зафиксировала в 2013 году 222 нападения на журналистов, большинство из которых, что удивительно, было совершено государственными служащими, причем все они остались безнаказанными⁵. Анабель Эрнандес пишет: «Наркоторговцы устанавливают собственные правила. Бизнесмены, отмывающие деньги наркоторговцев, стали их партнерами, а местные и федеральные чиновники считаются наемными работниками, жалование которым выплачивается авансом, например, путем финансирования политических кампаний. Культура страха, насаждаемая как непосредственно федеральным правительством, так и преступными организациями, нередко прибегающими к дикому насилию, создает в различных слоях парализующее чувство ужаса»⁶.

Я разговаривал с Эрнандес во время ее поездки в Великобританию — она приезжала в поисках поддержки своей книги «Нарколенд». Она не раз получала угрозы расправой в отношении себя и своей семьи, но тем не менее казалась бодрой духом и выражала намерение решительно применять свой опыт, связи и способности для продолжения журналистской деятельности. Она подчеркнула, что основным моментом и побуждающим фактором для написания книги было то, что ей удалось выявить случай коррупции в высших эшелонах власти: речь шла о Дженаро Гарсии Луне, который был вознесен на вершины правоохранительных органов при президентах Кальдероне и Фоксе, а во время президентства последнего создал Федеральное следственное агентство.

Эрнандес предала огласке факты, что Гарсия Луна, достигший ключевых должностей в том числе благодаря публичным и торжественным заявлениям (нацеленным на внутреннюю аудиторию и на США) о своей приверженности делу обеспечения законности и справедливости, на самом деле тесно сотрудничал с главарями картелей и окружил себя обеспечивающими его безопасность старшими офицерами, изблеченными в коррупции, воровстве и изнасилованиях.

Эрнандес привлекла мое внимание и к другой проблеме: «И тогда, и сейчас полиции я опасуюсь больше, чем бандитов. О преступных группировках известно всем, а разоблачить полицейского или начальника полиции не каждый решится», поскольку они как представители власти всегда находились под защитой государства.

Последние два года президентства Кальдерона, завершившегося в 2012 году, ознаменовались беспрецедентно высоким числом убийств. Президент и его соратники видели в этом признак «успеха» стратегии наступления на банды: преступные группировки, по словам Кальдерона, сражаются друг с другом, а также с полицией и вооруженными силами.

При этом понятно, что мышление правоохранительных органов, особенно полиции, меняется очень медленно. В сентябре 2014 года группа студентов численностью около 100 человек, направлявшихся в Игуалу протестовать против предпочтительного, по их мнению, финансирования городских колледжей в ущерб их родному сельскому колледжу, была остановлена полицией, позже утверждавшей, что студенты угнали автобусы и пытались на них скрыться. На деле они были вывезены полицией из города. Несколько студентов были убиты полицейскими, а остальные задержаны и переданы в руки местной банде *Guerreros Unidos* («Сплоченные воины»); бандиты, по имеющимся сведениям, их убили. Пропавшими без вести считаются сорок три учащих, не считая убитых до передачи бандитам и тех, кому удалось сбежать. Как бы то ни было, останки, найденные на месте, куда их привезли, свидетельствуют, что именно там с молодыми людьми расправились. Масштабные протесты продолжались в течение нескольких месяцев, и описанный случай остается одним из самых ужасающих за последние годы, что полностью опровергает заявления о постепенном разрешении фундаментальных проблем государственного устройства и службы внутренних дел Мексики.

Северный сосед Мексики долго и восторженно хвалил последовательные инициативы президента Кальдерона. Однако

пониманию истинного отношения администрации США к ситуации в сопредельном государстве способствовала утечка в WikiLeaks дипломатической переписки посольства США в Мехико, которая была опубликована в The Guardian⁷ и свидетельствовала о том, что официальные лица США не считают усилия президента Кальдерона адекватными изошренности бандформирований, а также применяемой ими тактике запугивания. Депеши выявили и панику высокопоставленных мексиканских чиновников: заместитель министра управления Джеронимо Гутьеррес Фернандес сообщил американским дипломатам, что «повсеместный обессиливающий страх» проникает даже в относительно безопасные районы страны. Автор депеши отмечает, что чиновник «выразил серьезную озабоченность “потерей” нескольких регионов».

В депеше также говорится следующее: «Мексиканские органы обеспечения правопорядка на практике заняты конкурентной борьбой друг с другом, в которой успех одного органа считается провалом другого, информация строго засекречена, а о совместных операциях не может быть и речи. Широко распространившаяся коррупция среди должностных лиц привела к возникновению у “чистых на руку” руководителей правоохранительных органов и их подчиненных чувства пребывания в осажденной крепости... [Бандиты] — очень искусные игроки: они способны переждать развернутую на них охоту; они обладают практически неограниченными человеческими ресурсами, привлекая новобранцев из брошенных на произвол судьбы районов страны; они же нагнетают недовольство нарушениями прав человека с целью подрыва любых успехов, которых могли бы достичь военные, ведомые благими намерениями».

В Бразилии, крупнейшем южноамериканском государстве, влияние мафиозных структур на средства массовой информации и полицию не столь одиозно, и все же таковое, похоже, растет, особенно с учетом ослабления правительства в середине 2010-х годов. Отчасти это связано с коррупционными скандалами, ставящими правительство в глазах многих граждан (и закона) на одну доску с преступниками.

В 1985 году страна освободилась от диктатуры, когда правительство военных, потеряв поддержку элиты, провело выборы и проиграло. Несмотря на экономические реформы, начатые Фернанду Колором ди Мелу (первым президентом, избранным после окончания военной диктатуры), страной почти десять лет руководило слабое коррумпированное правительство. Экономика стабилизировалась только в середине 90-х, когда Фернанду Кардозу — сначала как министр финансов, а затем как президент — начал осуществление своего «Плана Реал». При этом Кардозу обвиняли в растущем неравенстве. В 2003 году к власти пришло руководство Партии трудящихся, возглавляемой Лулой да Силвой, который, заняв высший пост, полностью отказался от идей государственного социализма, придерживаясь основных направлений утвержденной МВФ программы и используя экономический рост Бразилии для запуска более или менее успешных социальных программ для бедных.

Лула да Силва поддержал свою преемницу Дилму Русеф, которой, как и Луле в свое время, пришлось столкнуться с громкими коррупционными скандалами в возглавляемом ею кабинете, но для их разрешения Дилме Русеф не хватало популярности своего предшественника; в 2014 году с 51% голосов ей с трудом удалось одержать победу на вторых для нее президентских выборах над кандидатом от социал-демократов Аэсио Невесом, а в 2016 году она была вынуждена подать в отставку.

В экономике продолжался спад: в 2015 году дефицит бюджета увеличился до 10%, а 1,5 миллиона рабочих потеряли свои места. Число убийств пошло вверх, особенно резко на северо-востоке страны, власть мафии росла, а две крупнейшие криминальные группировки, «Первая столичная команда» и «Красная команда», расширяли поставки наркотиков на один из крупнейших рынков кокаина в мире. Банды активно занимались вымогательством и похищениями людей; этим бизнесом занимались и вооруженные отряды, в состав которых входили даже полицейские⁸.

Таким образом, по причинам, аналогичным мексиканским, журналистика в Бразилии — профессия довольно опасная. «Бразилия — большая, динамично развивающаяся страна, где правовые нормы часто не поспевают за ростом личных состояний. Такое положение дел может создавать угрозы для журналистов и активистов гражданского общества, бросающих вызов интересам власть имущих и богачей»⁹. Заинтересованные лица ловко используют положения законодательства о неприкосновенности частной жизни для недопущения публикации в СМИ материалов, обличающих коррупцию и преступные деяния влиятельных лиц.

Репортер Джон Отис описал, как газета *Diario de Pernambuco* (называющая себя самой старой газетой в Латинской Америке) раскручивала историю о подозрениях в использовании служебного положения в отношении Гильерме Учоа, председателя законодательного органа штата Пернамбуку, подхваченную другими СМИ штата. Затем довольно неожиданно газета замолчала. Оказалось, что местный судья вынес решение о наложении штрафа в размере 21 500 долларов в день на любой орган массовой информации, который опубликует информацию об обвинениях (при рассмотрении апелляционной жалобы судебный запрет был отменен)¹⁰.

Обыденны, к сожалению, и случаи со смертельным исходом. Репортер интернет-издания *Slate* Китинг упоминает дело Валерио Луиса де Оливейры, ведущего спортивной передачи в городе Гояния, убитого неподалеку от своей студии. Де Оливейра жестко критиковал руководство городской футбольной команды «Атлетико Гоияниенсе»; позже вице-президента команды обвинили в числе прочих в соучастии в убийстве журналиста. В мае 2015 года близ города Падри-Параизу в штате Минас-Жерайс в канаве было найдено тело Эвани Жозе Мецкера: его голова была отделена от тела. 67-летний журналист вел блог *Coruja do Vale*, основной темой которого была коррупция в беднейшем районе на севере штата. Его жена Хильма Силва Борхес сказала, что, «учитывая особую жестокость убийства, он, наверное, вышел на

что-то серьезное. Он расследовал деятельность мэров и политиков, похищения грузов и проституцию»¹¹.

В том же месяце вблизи небольшого города Консей-сан-да-Фейра в штате Баия был найден убитым, со следами пыток на теле радиожурналист Джалма Сантуш де Консейсау. Комитет защиты журналистов процитировал неназванного полицейского, заявившего, что журналист «не церемонился в репортажах о местной преступности и коррупции и предъявлял требования о противодействии [преступникам]»¹².

Некоторые журналисты обвиняют полицию в угрозах и в более тяжких преступлениях: Эндерсон Араужу, блогер и основатель *Mídia Periférica*, блога, в котором размещаются материалы о проблемах бедных районов, не освещаемых в традиционной прессе, говорит, что после публикации критической статьи о юношах, убитых в результате перестрелки с полицией в городе Сальвадор, ему угрожал полицейский. Офицер сказал ему: «Перестань стучать по клавиатуре и критиковать тех, кто на деле обеспечивает безопасность [людей], иначе ты лишишься защиты». Араужу уехал из города. На Анну Фрейтас, блог которой посвящен проблемам сексизма, излились потоки оскорблений, а по почте она получала фекалии, личинки насекомых и секс-игрушки. Комитет защиты журналистов отмечает, что подобные оскорбления, особенно в отношении женщин, «вырастают в проблему ограничения свободы выражения мнений журналистами, блогерами и даже экспертами»¹³.

Уровень насилия в отношении бразильских журналистов растет, а большая часть убийств остаются нераскрытыми. Пример Мексики служит зловещим предупреждением; спустя какое-то время банды смогут сократить число убийств, поскольку они уже навязали власть страха, преодолеть который мало кто осмелится. Такое подавление СМИ наиболее распространено в регионах, больше других нуждающихся в свободе слова, а развитие блогосферы, аудитория которой по объему сильно уступает печатным и эфирным средствам информации, защитной мерой стать не может. Публикации в

блогах существенно дешевле, позволяют быстро и эффективно использовать возможности социальных сетей, но, как это явствует из истории Фрейтас, автор становится адресатом нескончаемых злобных посланий.

В посвященной Латинской Америке колонке *Bello* лондонского журнала *The Economist* высказано мнение, что «многие демократии региона погрязли в коррупции и конфликтах интересов. Если эти страны намерены сохранить и развивать демократические институты, то злоупотребления со стороны представителей власти необходимо освещать в СМИ, что позволило бы обеспечить неотвратимость наказания»¹⁴. Такая гражданская позиция верна, но самые смелые журналисты южноамериканского континента сталкиваются с тем, что освещение злоупотреблений со стороны власти имущих смертельно опасно как раз для самих журналистов.

ii «Мы не осознавали происходящее»

В коммунистических странах политика в отношении СМИ основывалась на принципе, который Ленин изложил в статье «С чего начать?»: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹⁵. Фраза была написана, когда Ленин, будучи оппозиционером, находился в изгнании, но основная функция прессы не изменилась и после прихода коммунистов к власти.

Во главу угла большевики ставили пропаганду и лозунги, полностью игнорируя доводы в пользу существования объективной истины, к которой при описании событий должна стремиться журналистика. Взамен формировалась «коммунистическая» версия истины, заключавшаяся в том, что необходимо восстать против капиталистического и империалистического гнета, насаждая и культивируя социалистические идеи. Газеты подпали под контроль партии.

Владимир Худеч, декан факультета журналистики Карлова университета (Прага), в 1970-х и 1980-х годах писал, что «все СМИ — как центральные, так и местные — находятся

в прямом подчинении руководству партии, ответственны за свою деятельность перед соответствующими органами партии или Национального фронта и социалистическим государством...»¹⁶. Это было ясно даже из названия главной чехословацкой газеты коммунистических времен, Rudé Právo («Красная правда»), аналогично советской «Правде». Правда была красной, альтернативы не оставалось никакой.

Чешская Республика возникла в результате «бархатного развода» в январе 1993 года, когда посткоммунистические правительства чешской и словацкой частей страны договорились о мирном разделении на два суверенных государства. Чехи долгое время считались самым «трудолюбивым народом» коммунистической Центральной Европы. Известно изречение, что «у чехов даже коммунизм заработает»; может быть, именно трудолюбие обеспечило чехам самый высокий ВВП на душу населения в «странах соцлагеря». Столица Чехии, Прага, входит в число самых красивых и хорошо сохранившихся европейских городов, с прекраснейшими зданиями в стиле барокко и ар-нуво; даже некоторые из домов коммунистической эпохи здесь выгодно отличались от других социалистических столиц¹⁷.

Кроме того, среди чехов жил Вацлав Гавел, драматург и диссидент, снискавший во время восстания против Советского Союза в 1968 году, а затем в 1970-х и 1980-х годах славу непримиримого врага коммунизма и самого последовательного сторонника либеральных ценностей. Став лидером бархатной революции 1988–1989 годов, Гавел выступал на многотысячных митингах, выражая общенародное отвращение к реакционной коммунистической партии и слабеющему к тому времени влиянию СССР.

Гавел был избран президентом в 1989 году Национальным собранием (сначала Чехословакии, а затем, в 1993 году, Чешской Республики) и занимал эту должность до 2003 года; он умер в 2011-м в возрасте семидесяти пяти лет. Писатель и ученый Тимоти Гартон Эш в некрологе на смерть Гавела писал, что тот «был образцовым диссидентом, упорно продолжавшим

бороться [с системой] — терпеливо, достойно и остроумно, не имея никакого представления не только о сроках, но и о самой возможности победы»¹⁸.

В эссе, написанном в 1990 году, в зените мировой славы, Гавел так описывал свою страну: «Благодаря [коммунистическому] режиму... удушающая завеса пустословия, столь долго нас окутывавшая, взрастила в нас такое глубокое неприятие мира обманчивых слов, что теперь мы, как никогда прежде, готовы встретиться с реальным миром»¹⁹.

Гавел ошибался в отношении своих собратьев-чехов. В течение двух его президентских сроков Чешской Республике так и не удалось сформировать правящий класс, достойный идеалов президента страны, а основная часть населения не смогла выработать иммунитет к льстивым речам, звучавшим — зачастую к неудовольствию Гавела — из уст представителей нового политического класса, к «обобщениям, идеологическим банальностям, избитым выражениям, лозунгам, стереотипам мышления и коварным призывам». Вскоре потускнела аура и самого Гавела как морального авторитета нации (не замечавших ее всегда было недостаточно), в частности, он подвергся нападкам со стороны «другого Вацлава», Вацлава Клауса, министра финансов, впоследствии ставшего премьер-министром Чехии. Клаус однажды сказал мне, что считает интеллектуалов занудами, разглагольствующими о неосуществимых утопиях. (Гавел был европейским образцом деятельного публичного интеллектуала, который за приверженность идеям лично испытал ужасы длительного тюремного заключения.) В ходе интервью в начале 1990-х годов Клаус, занимавший тогда должность министра финансов Чехословакии, на мой вопрос о коррупции, которая, как считалось, сопровождала возглавляемый им процесс приватизации, яростно отрезал: «Нет смысла делить деньги на грязные и чистые». Гавел, в свою очередь, сожалел об этом, но остановить процесс был не в силах.

Коррупция, в частности, тайные договоренности между современными политиками и новым классом дельцов, которые

приобрели приватизируемые предприятия по заниженным ценам, по-прежнему присуща чешской политике и экономике. В 2010 году поверенный в делах США Мэри Томпсон-Джонс в депеше из посольства в Праге (опубликованной WikiLeaks) писала: «Коррупция здесь — очень серьезная проблема, препятствующая бизнесу, в том числе американскому, и отравляющая внутреннюю политику... в конечном счете решение проблемы коррупции потребует избрания сильного, полного решимости лидера, обладающего возможностью сформировать правительство единомышленников. Такой политический лидер, к сожалению, пока не появился. И пока он не появится, чешское общество вправе продолжать относиться к руководству скептически, ставя знак равенства между политикой и коррупционностью»²⁰.

Скептицизм в отношении глав правительства Чехии представляется обоснованным. После непродолжительного премьерства диссидента и бывшего коммуниста Петра Питгарта должность премьер-министра с июля 1992 по январь 1998 года занимал Вацлав Клаус, вынужденный уйти в отставку на фоне связанного с приватизацией скандала вокруг возглавляемой им Гражданской демократической партии (ГДП). Переходное правительство с января по июль 1998 года возглавлял Йозеф Тошовский, в тот же период обвиненный в сотрудничестве с StB — тайной полицией коммунистической эпохи. Следующие четыре года премьер-министром был социал-демократ Милош Земан (президент с 2013 года); его резко критиковали за появления на публике в состоянии алкогольного опьянения, а его явно пророссийские взгляды и договоренность с Клаусом по вопросам окружающей среды отвратили от него многих, как левых, так и правых. Скандалами не был омрачен двухлетний срок, до июня 2004 года, пребывания в должности Владимира Шпидлы. Девятимесячное премьерство Станислава Гросса закончилось серией обвинений в коррупции и семейственности. Иржи Пароубек (премьер-министр до 16 августа 2006 года) обвинялся начальником полиции в контактах с преступниками и сокрытии убийства. Мирек Тополанек

(премьер-министр до 24 марта 2009 года) ушел в отставку после высказанных им сомнений «в моральном облике геев и евреев»; ранее его самого сфотографировали голым в состоянии сексуального возбуждения у бассейна сардинской виллы Сильвио Берлускони в окружении нескольких полуобнаженных женщин. Годичное премьерство Яна Фишера прошло относительно без скандалов. Трехлетнее пребывание в должности Петра Нечаса (до июня 2013 года) закончилось с началом следствия по обвинению главы канцелярии руководителя аппарата правительства Яны Надьовой в организованной преступной деятельности (позже Надьову освободили, и она вышла за Нечаса замуж). Иржи Руснок возглавлял правительство всего шесть месяцев, до января 2014 года. Богуслав Соботка, руководитель Чешской социал-демократической партии, занимал должность премьер-министра до 2017 года.

Распространенное мнение о том, что политическая и деловая культура в стране серьезно скомпрометирована, остается для журналистов, из которых иные считают, что наделены полномочиями расследовать скандальные происшествия, одновременно и вызовом, и упреком. Избавление от ненавистного большинству режима (впрочем, ненавистным он был не для всех: после краха коммунистического правительства многие остались членами Коммунистической партии Чехии, образуя основу ее электората в новое время) воспринималось существенной частью чешских журналистов как относительно простой процесс замены лжи на правду, запретов на проведение расследований на свободу расследований, изоляции в коммунистическом блоке на открытость миру. Журналисты решительно вступили в новую эру и... оказались безоружны.

Поверхностность восприятия — величайшее проклятие журналистики. В авторитарных обществах от журналистов не требуется понимать слишком многое: достаточно того, чтобы они подчинялись. Но у журналистов новостных СМИ, работающих в условиях относительной свободы, в основе их начального отношения к окружающему миру должен лежать скепсис, что требует достаточно глубокого знания

освещаемой темы, иначе все выродится в цинизм. У журналистов — выходцев из коммунистических обществ возникла дополнительная проблема: им пришлось осваивать экономические отношения, принципы которых были чужды среде их взросления.

Иштван Леко служит редактором в издании *Lidové noviny* («Народная газета»). Газета основана в 1893 году в Брно и после перемещения редакции в Прагу приобрела известность благодаря литературным достоинствам авторских материалов. Во время Второй мировой войны газету запретили германские власти. После окончания войны издание ненадолго возродилось и вновь было запрещено коммунистическим режимом в 1952-м. В конце 1980-х годов газета выходила в формате самиздата, а с 1989 года возобновилось ее легальное издание. Леко, служащий в газете с 90-х, считает, что первые годы «освобожденной» журналистики обернулись неудачей. Леко рассказал мне следующее: «Мы не осознавали происходящее. Мы считали, что стоим по ту же сторону баррикад, что и новые политики, и Гавел; мы писали о коммунистах, StB и прошлом. Мы слишком легко поддавались внушению. Все, кто сделал что-то для страны, оказались записаны в “хорошие”. А тем временем стремительно формировались связи между политиками и представителями новых деловых кругов, коррупция выходила на новый виток».

Леко был экономическим корреспондентом, и все же капиталистическая система, пусть он обладал определенными знаниями, оставалась для него в значительной степени неизведанной, не говоря уже о его коллегах. Многие из происходящего они попросту не осознавали; новые журналисты были молоды (в возрасте, как правило, от двадцати до тридцати с небольшим), а их познания и опыт в области экономики оставались довольно ограниченными. Коллега Леко, шеф-редактор газеты Веселин Вачков, говорит, что «у нас не было экономических обозревателей. Все пребывали в восторге от падения коммунизма, но чешское журналистское сообщество было не подготовлено к новой эре».

Довольно скоро внимание журналистов, всегда легко прельщающихся демонстративным противостоянием высокопоставленных политиков, было отвлечено на обостряющиеся отношения между двумя Вацлавами, президентом Гавелом и премьер-министром Клаусом. Журналисты разделились на два лагеря, иногда даже в рамках одной редакции, причем каждая сторона весьма вольно оперировала приводимыми своим лидером аргументами. В разных формах противоборство продолжилось даже после смерти Гавела в декабре 2011 года, когда Клаус, сменивший Гавела на посту президента в 2003 году, еще оставался действующим президентом.

Одним из результатов экономического либерализма Клауса стала открытость иностранным инвестициям и выход немецких издательских компаний на рынок чешских СМИ; удивительно, но к середине 2000-х годов почти 90% чешских периодических изданий выпускались компаниями со штаб-квартирами в Германии. Две «престижных» ежедневных газеты, *Mladá fronta Dnes* и *Lidové noviny*, принадлежали немецкому концерну *Rheinisch-Bergische Verlagsanstalt*; деловая ежедневная газета *Hospodářské noviny* и несколько журналов — немецкой издательской группе *Verlagsgruppe Handelsblatt*; таблоид *Blesk*, газета *Daily Sport* и журнал *Reflex* — швейцарской медиагруппе *Ringier*; газета *Deník*, в названия региональных изданий которой добавляется название соответствующего региона, принадлежала издательской группе *Verlagsgruppe Passau GmbH*.

Ян Жирак и Барбара Коплова из Карлова университета пишут в критическом эссе, что новые издатели «заинтересовались чешским рынком еще и потому, что ему не мешало существование традиционных изданий, вследствие чего на рынке создавались благоприятные условия для ничем не ограниченного, безудержного развития бизнес-стратегий, нацеленных на предельное сокращение издержек и увеличение прибыли... несмотря на заявления об обратном, суть трансформации заключалась не в демократизации общества, а в создании процветающей, эффективно функционирующей медиаиндустрии»²¹.

Многие журналисты думают иначе. Петр Дудек, руководитель отдела публицистики чешского общественного радио, утверждает, что зависимость от немецких владельцев способствовала оттачиванию репортерских навыков и формированию более нравственной атмосферы в отрасли, ранее развивавшейся преимущественно вне правового поля, а в отдельных случаях и вовсе с единственной целью — наживы. По мнению Александра Митрофанова, ведущего обозревателя престижной ежедневной газеты *Právo* («Право»), немцы стремились извлечь из издательского дела прибыль, которую после солидных инвестиций они и получили, и не интересовались чешской политикой; в большинстве случаев политические предпочтения чешских редакторов не встречали возражений со стороны владельцев.

Сложившуюся тенденцию нарушила газета *Právo*. Ее американский корреспондент Зденек Порыбный, вернувшись в Прагу из США, убедил все еще существовавшую (и до сих пор довольно популярную) в стране коммунистическую партию продолжить выпуск собственной газеты, убрал слово *Rudé* (Красная) из названия и преобразовал газету в левоцентристскую, которая с годами сместилась на центристские позиции. Митрофанов, необычайно деятельный колумнист газеты (две колонки в день, а вдобавок твиты, блоги и радиоэфир), в 90-е годы принятый на должность политического обозревателя, никогда не состоял в партии. По его словам, другие авторы, выражающие, подобно президенту Земану и ранее президенту Клаусу, полностью пророссийские и антиевропейские взгляды, уравнивают его собственные взгляды — вполне прозападные и либеральные. Идея состоит в обеспечении свободы мнений и их объективном изложении. Порыбный и его газета представляли то крыло чешского коммунизма, которое, подобно горбачевскому окружению в позднем СССР, стало по существу социал-демократическим и сопротивлялось ввержению страны в «рыночный фундаментализм».

Впрочем, начиная с середины 90-х, немцы начали сдавать позиции, и этот процесс ускорился на фоне кризиса 2008 года

и снижения рентабельности чешских вложений. Оставленный немцами вакуум заполнили чехи, что стало для гражданского общества еще большей проблемой. Новых собственников вскоре начали именовать олигархами по примеру скороспелых российских миллиардеров, обогатившихся в середине 1990-х годов. В адрес некоторых из них, нажившихся на приватизации, тоже звучали обвинения в коррупции и связях с преступностью, в большинстве случаев оставшиеся недоказанными; они тоже скупали средства массовой информации для усиления влияния, для защиты своих империй, отчасти же из патриотических соображений.

Самый известный из них — Андрей Бабиш, в середине 2010-х годов занимавший должности заместителя председателя правительства и министра финансов и ставший самым популярным в стране политиком. Он был основателем и руководителем партии ANO (Akce nespokojených občanů, или «Акция недовольных граждан»; аббревиатура ANO означает по-чешски — «да»), владельцем химической компании Agrofert; принадлежащая ему медиагруппа Mafra владеет престижными ежедневными газетами Mladá fronta Dnes и Lidové poviny, а также самой популярной коммерческой радиостанцией Rádio Impuls. Наряду с Бабишем следует упомянуть Зденека Бакалу, банкира, получившего образование в США и основавшего компанию New World Resources, гиганта угольной и коксовой промышленности; через свою медиагруппу Ecomotia он владеет деловым ежедневником Hospodářské poviny, еженедельным журналом Respekt, а также новостным сайтом Aktuálně. Даниэль Кретинский, юрист и главный акционер энергетической группы EP, владеет самой популярной в стране газетой Blesk.

Подобные сделки обусловили уход нескольких ведущих журналистов, выступавших против «олигархизации» чешских СМИ; один из них, Далибор Балшинек, бывший руководитель интернет-направления группы Mafra, основал новую группу Echo24. Выступая в начале 2015 года на семинаре по СМИ, он сказал: «Мы не хотели работать на владельца,

у которого есть политическая партия и который выступит одним из крупнейших работодателей в стране. Мы даже в мыслях не видели себя работающими на такого человека»²². Веб-сайт Echo24 освещает множество тем и часто размещает материалы и комментарии, выставляющие Андрея Бабиша в неприглядном свете.

В Чешской Республике СМИ апробированы и в качестве «средства защиты» интересов владельцев. Марек Доспива, основатель и совладелец группы Penta, однажды отметил, что самый убедительный аргумент в пользу покупки СМИ заключается в возможности их использования как сдерживающего фактора против тех, «кто нерасчетливо нас атакует»²³; Бабиш, в свою очередь, утверждал, что как только он стал владельцем СМИ, журналисты начали относиться к нему более уважительно.

Бабиш, находящийся в центре внимания политической и журналистской Праги со времен бархатной революции, как никто другой, объединяет в себе черты российского олигарха с востока²⁴ и Сильвио Берлускони с юга (Бабиша иногда называют «Бабискони»). Подобно российским олигархам Борису Березовскому и Владимиру Гусинскому, он сколотил состояние на приватизации и либерализации экономики; подобно Берлускони, он стал очень богат благодаря умелой и успешной предпринимательской деятельности, а также политике — он создал с нуля партию ANO, стал влиятельной фигурой в политике, заявляя, что страной следует руководить как бизнесом и что он слишком богат, чтобы его можно было коррумпировать²⁵.

За счет своей популярности Бабиш с легкостью обходил всех соперников, нередко выражая пренебрежение не только к парламентским дебатам и процедурам, но и к коллегам-политикам. Все чешские журналисты, с которыми я общался и которые не работают на Бабиша, утверждали, что Бабиш вмешивался в редакционную политику *Mladá fronta Dnes* и *Lidové poviny*. Эрик Бест, американец, живущий в Праге с 1991 года и издающий новостной бюллетень под названием *Fleet Sheet*, в

котором хроника чешской политики, бизнеса и журналистики ведется с довольно скептической позиции, высказал в беседе со мной мнение, что на сегодняшний день кучка олигархов почти полностью контролирует чешское общество. Он также считает, что экономика погрязла в коррупции, подкрепляя свое мнение словами премьер-министра Тополанека, которые тот сказал в бытность премьером (с 2006 по 2009 год), что, мол, размер комиссионных, выплачиваемых посредникам за коммерческие сделки с участием правительства, неплохо бы сократить со средних 25 до 7%. Бест полагает, что коррупция, как и растущее влияние очень богатых людей на СМИ, — это естественные последствия для страны, отвергающей подлинную журналистику. Такая ситуация частично обусловлена непониманием существа дела, а частично тем, что «власть олигархов» стала всеобъемлющей.

В качестве примера можно привести широко известный случай, когда телеканал Prima, основным акционером которого был и остается Иван Зах, друг президента Милоша Земана, развернул решительное наступление на соискателей статуса беженца, несколько десятков тысяч которых очутились осенью 2015 года в Центральной Европе²⁶. Президент Земан выразил резкую враждебность по отношению к иммигрантам, а Зах в свою очередь приказал редакции телеканала отбросить все притязания на объективность и агитировать против допуска в страну беженцев. В аудиозаписи редакционного собрания, в ходе которого наказ был доведен до сведения журналистов, шеф-редактор Житка Обзинова велела проводить новую линию, сказав, что «по обычаю руководство вещательной компании — это бог, а богу не перечат». В данном случае бог принял форму Любоша Джетмара, заместителя председателя совета директоров материнской компании, который сказал собранию, что потенциально кризис может стать «началом конца» и что «сейчас у нас [в Европе] несколько сотен тысяч [мигрантов], может быть миллион, я не знаю... но на данный момент их здесь много, и они не собираются уважать наши правила». Если их впустить, сказал

он, то они начнут «очень активно навязывать свою правду, свое видение мира, свою религию и свои правила»²⁷.

Общественная вещательная компания «Чешское телевидение и радио» должна была послужить — и в какой-то мере послужила — противовесом от ксенофобии. Организация, которая после бархатной революции была реорганизована из партийно-государственного вещателя в общественную компанию, предоставляет, по общему признанию, качественные услуги: новостные программы здесь лучше, чем у других вещателей, содержат анализ и даже своеобразные расследования по актуальным вопросам, достигающие аудитории несоизмеримо большей, чем аудитория газет. Петр Дудек говорит, что этический уровень подготовки репортажей на общественном ТВ сегодня довольно высок, а случаи подкупа резко сократились, но политики постоянно пытаются повлиять на вещателя и жалуются на недостаточность освещения политических событий, деятельности и политики их партий.

Когда речь заходит о чешской телекомпании, многие вспоминают материал, в котором показан президент Земан, идущий ночью на телевидение после того, как стало ясно, что он победил на президентских выборах в январе 2013 года. Камеры следовали за ним от машины: для выхода из автомобиля ему потребовалась помощь; он шатающейся походкой вошел в здание и чуть не упал, оступившись; уже в студии, с грохотом усевшись, он вытащил сигарету и попросил пепельницу у сопровождавшего его генерального директора. Пепельница была подана, хотя курить в здании строго запрещено. Эту историю пересказывают как пример появления президента предположительно в состоянии алкогольного опьянения, а также в качестве подтверждения услужливости телекомпании перед политической властью.

Все страны Центральной и Восточной Европы так или иначе сталкивались с коррупционной связью правительства и бизнеса, чаще всего возникающей в результате поспешной приватизации, которую реформаторы, западные политики и эксперты считали необходимой для отстранения бывшей

«номенклатуры» от экономических и медийных платформ, воспользовавшись которыми аппаратчики могли бы перегруппироваться в попытке вернуть себе власть.

В Польше, наиболее экономически успешной из стран бывшего Варшавского блока, в 2002 году разгорелся скандал вокруг самой известной посткоммунистической газеты, *Gazeta Wyborcza*, основанной журналистом и бывшим диссидентом Адамом Михником, который был тесно связан с «Солидарностью». Кинопродюсер Лев Рывин, выступавший, вероятно, в роли правительственного агента, предложил Михнику заплатить ему 17,5 миллиона долларов за то, что Рывин обеспечит изменение законодательства, которое позволит компании, издающей *Gazeta Wyborcza*, приобрести телеканал. В течение шести месяцев Михник не предавал предложение огласке, желая, по его словам, защитить переговорный процесс о вступлении Польши в Европейский союз; позже он обнародовал содержание беседы с Рывиным в *Gazeta Wyborcza*²⁸.

В 2011 году авторитарное правительство Венгрии, возглавляемое лидером партии «Фидес» Виктором Орбаном, ввело в действие нормативные акты, предоставляющие властям широкие полномочия по приостановке или аннулированию лицензий СМИ, контролю над содержанием публикаций и эфирных программ, наложению штрафов и ограничению возможностей обжалования решений регуляторных ведомств. Вдобавок правительство держит на «голодном пайке» оппозиционные левые СМИ, существенно ограничивая рекламные заказы от государственных органов. Тем временем в Румынии государственному вещателю приходится довольствоваться крошечным бюджетом и очень небольшой аудиторией, в то время как в прессе и частных вещательных компаниях доминируют бизнес-структуры, обеспечивающие строгое следование интересам партий или деловых кругов.

Во всех странах Центральной и Восточной Европы независимые журналисты продолжают отстаивать пространство для журналистской деятельности в доступных им средствах массовой информации или уходят в интернет, создавая

«параллельную журналистику», возможно, страдающую от нехватки ресурсов, но относительно независимую. Они действуют в обществе, которое стало более гуманным, но по-прежнему далеко от идеала, честолюбиво описанного Вацлавом Гавелом, — общества, в котором, по мнению Гавела и других журналистов его и следующего поколения, средства массовой информации будут стоять на страже этической цельности государства. Все эти страны освободились от удушающего гнета однопартийной системы, но опыт плюрализма и рыночных отношений оказался для них во многом обескураживающим и даже, увы, стал фактором растущей коррупции.

iii «Согласно интеллектуальной традиции в Восточной Азии, интеллигенция, включая журналистов, представляет собой часть власти»

Япония — это богатая, склонная к пацифизму страна с парламентской демократией, широко почитаемым императором, выполняющим сугубо церемониальную роль, и набирающим силу гражданским обществом. Несмотря на свое географическое положение, дальневосточная держава относится к демократическому Западу. Однако состояние свободы прессы в Японии, по оценке «Репортеров без границ» (Reporters Without Borders), в последнее десятилетие скатилось вниз²⁹. Эта организация с центром в Париже выстраивает государства по шкале «журналистика сверху донизу», и в 2016 году она вывела Японию из первой двадцатки среди 180 стран, поместив ее на 72-е место. Что же произошло в Японии?

В 2013 году правительство Синдзо Абэ приняло «Закон о специально обозначенных секретах», в котором приведен список наказаний, включая суровое тюремное заключение, за разглашение засекреченной информации в области обороны, дипломатии, борьбы с терроризмом и контрразведки. Этот закон был положительно встречен в США, где давно считали, что Япония слишком безответственна в вопросах безопасности³⁰. Но закон вызвал раздражение у журналистов; президент Клуба иностранных корреспондентов в Японии

(2013–2015) Люси Бирмингем написала: «Из этого закона следует, что свобода печати перестала быть конституционным правом», закон несет «угрозу журналистике и демократическому будущему Японии в целом»³¹.

В августе 2014 года The Asahi Shimbun провела собственное расследование аварии 2011 года на атомной электростанции «Фукусима», сопровождавшейся выбросом радиации. Газета предала гласности показания директора станции Масао Ёсиды, ставшие своего рода сенсацией. Это вызвало резко негативную реакцию не только властей, но и других журналистов и консервативно настроенных газет, особенно могущественной The Yomiuri Shimbun.

Однако из этих показаний, опубликованных впервые, стало ясно, что официальная версия — директор лично стоял у пульта управления в окружении бесстрашных сотрудников — сильно преувеличена, о чем не написали другие издания, подвергнувшие The Asahi жестокой критике. Мартин Фэклер, шеф токийского бюро The New York Times, сказал в интервью: вместо того чтобы внимательно изучить показания и привлечь к ответственности энергетическую компанию ТЕРСО, критики «весь свой гнев направили на ведущую левую газету Японии, стоявшую в оппозиции к премьер-министру»³².

Три либеральных тележурналиста — Ичиро Фурутачи с TV Asahi, Сигетада Кисии с TBS и Хироко Куния из популярной общественной вещательной корпорации NHK — были уволены по причинам, связанным с освещением аварии на «Фукусиме»³³. Хироко Куния, в частности, последние двадцать лет вела на канале программу журналистских расследований, и, по словам коллег, причиной ее ухода стало интервью с генеральным секретарем кабинета министров и близким сторонником Абэ, Ёсихидэ Сугой, в котором она спросила: «А не вызовет ли новое законодательство в сфере безопасности конфликты с другими государствами?» Куния, как говорят, держалась вежливо, но была настойчивой и якобы нарушила негласные правила бесед с высокопоставленными чиновниками.

Суга навязывал СМИ точку зрения Абэ. На пресс-конференции в марте 2015 года он возразил на комментарии бывшего коллеги по правительству Сигеаки Коги, ставшего комментатором-радикалом на TV Asahi — он ушел туда после критики в адрес Абэ, которого обвинил в давлении на СМИ. Суга предупредил: «Мы будем внимательно следить за тем, как каналы выполняют Закон о вещании». Через месяц руководителей TV Asahi и их коллег с NHK пригласили на встречу с представителями правящей либерально-демократической партии — оказалось, что журналисты не соблюдают закон. Вслед за этим продюсеры шоу Коги были наказаны руководством.

Кога, покинувший мир чиновников и перешедший в стан врагов бюрократии — либеральных журналистов, — говорит, что «японская система выстроена так, как удобно правительству, потому что министерство внутренних дел и коммуникаций выдает (или не выдает) лицензии телевизионным станциям без независимого посредника, и телестанции находятся под постоянным наблюдением и рискуют лишиться работы, если бросят вызов правительству». Более того, руководители медийных структур часто увольняют редакторов, вмешиваются в работу журналистов, и в итоге «многие журналисты понимают, что их боссы повинуются правительству, да и собственная карьера им безразлична, поэтому большого желания критиковать правительство у них нет»³⁴.

Подводное землетрясение, вызванное им смертоносное цунами, а потом и авария на атомной электростанции «Фукусима» оказались в центре полемики о том, что СМИ пренебрегли своими прямыми обязанностями, действовали по инерции и оставили без должной критики действия энергетической компании TERCО и правительства. Сайт tofugu.com выступил с обвинениями: члены «киш-клуба» (так именуется уникальная система для привилегированных журналистов с доступом к руководителям государства и крупных корпораций, отсекающая всех, кто в этот круг не входит) «так и не задали вопросы, которые больше всего волнуют японских граждан... а независимым

журналистам, посмевающим на пресс-конференциях спрашивать о том, что не было прописано в сценарии, члены киш-клуба часто пытались заткнуть рот»³⁵.

Катастрофа, вызванная цунами, привела к жутким последствиям: 16 000 человек погибло, более 6000 получило ранения. Взрывы и аварии произошли на трех энергоблоках. Смертей от повышенной радиации зарегистрировано не было, и считалось, что в долгосрочном плане уровень раковых заболеваний возрастет незначительно³⁶. Но в последующие годы в районе атомной станции умерло еще 160 человек, что могло быть связано с утечкой радиации, а вся страна была охвачена паникой из-за возможного заражения воды и продуктов питания.

Ставки были высоки, и в центре внимания оказались сами принципы освещения событий; дискуссия была беспрецедентной. Под огонь критики попал институт «киш-клубов».

Киш-клубы обязаны своим происхождением борьбе за свободу новостей о парламенте; при создании японского парламента в 1890 году доступ репортерам был запрещен. Битву за право сообщать народу о том, что говорят законодатели (правом голоса обладали немногие), впервые повели в Великобритании еще в XVII веке, и наконец в начале XIX века ограничения на новости из парламента были сняты *de facto*. В Британии и сегодня существует парламентское лобби из аккредитованных политических журналистов, которых два раза в день информирует на закрытой встрече помощник премьер-министра, имя которого не раскрывается. В США при президенте есть пресс-служба, работу которой транслирует телевидение, — в администрации Трампа она прославилась агрессивными отношениями между пресс-секретарем Шоном Спайсером и корреспондентами Белого дома. В какой-то форме такая практика есть при большинстве демократических режимов.

Эти лобби существуют официально, в том смысле, что обе стороны признают определенные правила. Одно из главных состоит в том, что на брифинги допускают только членов лобби; когда брифинги ведутся «не для протокола», это

пожелание соблюдается неукоснительно. В 80-е годы я начал писать для *Financial Times* о трудовой деятельности и вступил в группу корреспондентов по вопросам труда и промышленности, которую организовали сами журналисты, но ее быстро признали компании, профсоюзы и правительство. Если журналист хотел участвовать в брифингах, членство было обязательным. Группу, как нередко бывает в подобных структурах, терзали противоречия между правыми и левыми; впрочем, попытки вывести за скобки «не членов» провалились, потому что ряды членов группы и так заметно поредели.

По примеру парламента киш-клубы появились в министерствах, местных администрациях, на Токийской фондовой бирже и в корпорациях. Часто в таких учреждениях журналистам отводится специальная комната, а то и не одна, где они могут работать и получать брифинги и заявления для прессы. Принято также, чтобы журналисты приходили в гости к боссу или к кому-то из высшего руководства учреждения, о котором они пишут, обычно по вечерам. Обычно они засиживаются допоздна и ведут неформальные, не предназначенные для печати беседы, но и знакомятся с официальной точкой зрения и укрепляют связи между учреждением и прессой.

Инструкции, которые Японская ассоциация газетных журналистов и редакторов дает таким клубам, носят подчеркнуто добровольный характер³⁷ и направлены на укрепление права общества знать, что происходит в стране. «Киш-клуб — это структура и система, сложившаяся в японской медийной среде более века назад для поддержки свободы слова и свободы печати». Четыре из пяти заявленных принципов призывают к равновесию: «свобода и ответственность», «точность и справедливость», «независимость и толерантность», «хороший тон и умеренность» и «уважение прав человека».

Иностранцы, которые знают Японию и владеют языком, обычно настроены к положению дел в японских СМИ критически. Слабый рейтинг Японии по шкале *Reporters Without Borders* (как мне кажется, заниженный) в большой степени вина

киш-клубов в купе с давлением на прессу премьер-министра Абэ. Автор Иэн Бурума, много писавший о Японии, сказал мне: «Согласно интеллектуальной традиции в Восточной Азии, интеллигенция, включая журналистов, представляет собой часть власти. Все отклонения — на свой страх и риск. И отклоняться от принятой линии готовы, как правило, те, кто поработал иностранным корреспондентом на западе, особенно в США. В известной степени волю себе дают журналы, которые часто пишут о том, о чем молчат газеты, печатают сенсационные материалы, замешанные на скандалах и сексе, но журналы не входят в клубную систему».

Судя по всему, число свободолобивых журналистов растет, и они становятся более организованными. Ю Тerasава, отважный свободный журналист, на счету которого много сенсационных расследований, особенно в мире полиции и криминала, вместе с коллегами основал в стране Ассоциацию свободной прессы. Первая встреча состоялась через два месяца после аварии на «Фукусиме», обозначив прямую связь с этим событием. Пресс-конференции ассоциации открыты для всех, на первую пригласили лидера оппозиционной Демократической партии Итиро Одзаву, и тот сказал журналистам, что СМИ «из его реплик используют только негативные»³⁸.

Журналистские клубы сейчас утратили свою исключительность — определенные реформы в 2009 году провела прежняя демократическая администрация. Иностранные корреспонденты и даже свободные журналисты могут в теории посещать пресс-конференции, однако если брифинги организуют клубы, «чужих» не приглашают или же запрещают задавать вопросы, о которых так или иначе надо предупредить заранее. Кимико Куга, свободная журналистка, писавшая диссертацию в Оксфорде, собирая материал для статьи, побеседовала с несколькими старшими членами таких клубов и выяснила, что система ничуть не изменилась. Один журналист, пишущий об экономике и входящий в журналистский клуб при министерстве финансов, рассказал ей, что почти

каждый вечер навещает крупного министерского чиновника дома. Другой, член клуба при токийской полиции, обнарудовал видео, на котором был показан подозреваемый в убийстве, и свои же коллеги на месяц отстранили его от жизни клуба. В своей статье Куга написала: «Все мои собеседники признавали, что им трудно критиковать свои источники: в основном они пытаются сказать что-то оригинальное, исходя из полученной информации»³⁹.

Хироюки Абе (не родственник премьер-министра) был высокопоставленным журналистом с надежной и хорошо оплачиваемой работой — в сорок с небольшим лет он был шефом нью-йоркского бюро Fuji TV, одной из крупнейших частных сетей. Он вернулся в Японию, приобретя в США навыки работы в более агрессивной журналистской среде, и был поражен пассивностью коллег, особенно в подаче материалов об аварии на «Фукусиме». Он сказал мне: «Я настаивал на том, что людей надо эвакуировать как можно быстрее. Почему нет? Но меня никто из коллег не поддержал. Ясно, что традиционные (не сетевые) СМИ считают, будто выступать с предложениями или критиковать вовсе не их дело».

В 2013 году Абе ушел с телевидения и сейчас практически в одиночку ведет сайт, где публикуются материалы, о которых молчат основные СМИ, предлагая пути решения проблем, выступая с критикой. Он говорит: «Главная беда в том, что телекомпании легко запугать. Журналистские клубы срослись с системой, они повязаны с властью. Разорвать этот круг, как мне кажется, поможет интернет, хотя и не сразу».

iv «Мне кажется, что, приехав в Израиль, журналисты оставляют свою профессию позади»

Во втором десятилетии XXI века политика в Израиле сдвинулась вправо. Вот что в июне 2016 года писал в журнале Foreign Affairs редактор либеральной ежедневной газеты Haaretz («Страна») Алуф Бенн:

Израилю — по крайней мере, в его светской и прогрессивной разновидности, когда-то поразившей воображение целого мира, — пришел конец... Нынешние лидеры Израиля во главе с премьер-министром Биньямином Нетаньяху, который после выборов из не слишком склонного к риску консерватора неожиданно превратился в правого радикала, рассматривают демократию как синоним полной власти большинства и не желают признавать такие ограничители, как судебный надзор или защита меньшинств. По их мнению, Израиль — это прежде всего еврейское государство, а уж потом демократическое... При всей крайности такой установки она находит широкую поддержку — мартовский опрос общественного мнения, проведенный исследовательским центром Пью (Pew), показал: 79% израильтян еврейского происхождения высказываются в пользу «предпочтения» для евреев — неуклюжего эвфемизма, подразумевающего дискриминацию неевреев⁴⁰.

Притом что правое движение набирает силу, немалую группу составляют и либеральные сторонники концепции двух государств — правда, их влияние скорее распространяется на средства массовой информации, нежели на массы сограждан. Если верить опросам, большинство израильтян поддерживают идею о двух государствах, хотя к возможности ее воплощения относятся скептически. Правительство Израиля официально разделяет эту позицию, хотя некоторые министры придерживаются иной точки зрения. Становится ясно, что путь к двум государствам все больше превращается в формальное обязательство, а воплощать его в жизнь никто не спешит. Хотя либералы искренне верят в правильность выбранного пути, они против быстрой передачи власти палестинскому правительству, как и против вывода израильских вооруженных сил и закрытия всех израильских поселений.

Во время встречи в университете Тель-Авива политолог Ашер Сассер выразил мнение, что Израиль должен «безоговорочно уйти» с Западного берега, остановить рост поселений на холмах Западного берега, но сохранить основные кварталы существующих поселений и присутствие израильских вооруженных сил в регионе. Он признал, что эта

тактика не решит вопрос в целом, да и враждебность палестинцев едва ли снизится, особенно среди таких сторонников жесткой линии, как ХАМАС, но с чего-то надо начинать. Сассер говорит:

Пока палестинцы будут создавать государственные институты, нам надо постепенно уйти со значительных территорий на Западном берегу, в частности, оставить поселения, а военных дислоцировать там, где они нам действительно нужны. Так мы создадим возможность «двухгосударственной динамики» вместо того, что мы создаем сегодня, а именно, динамику одного государства, в ущерб собственным долгосрочным интересам⁴¹.

Для либерально настроенных израильтян, согласных с концепцией «двух государств», политическая жизнь определяется двумя жесткими фактами, которые уживаются с большим трудом. Во-первых, борьба за создание еврейского государства в 40-е годы прошлого столетия, прежде всего основанная на желании создать после Холокоста защищенное пространство, стоила жизни многим арабам, а около 700 000 палестинцев были изгнаны, и эта боль живет в душах палестинцев. Во-вторых, либералы склонны верить, что не будь у Израиля большой, хорошо оснащенной и хорошо подготовленной армии, готовой дать отпор таким агрессивным антиизраильским группам, как ХАМАС в Газе, Израиль уже бы стерли с лица земли. Моше Даян, начальник штаба израильской армии в 1956 году (позднее министр иностранных дел и министр обороны), описал эту дилемму следующим образом: «Мы — поколение поселенцев, и без стального шлема и жерла пушки нам не удастся посадить дерево или построить дом. Так не будем бояться ненависти, которой наполнены жизни сотен живущих вокруг нас арабов. Не будем опускать перед ними взгляд, пусть наше оружие всегда будет наготове»⁴².

Ари Шавит, израильский журналист и член редколлегии *Haaretz*, вновь яркими красками описавший эту дилемму (он ссылается и на речь Моше Даяна), написал в своей ставшей бестселлером книге «Моя земля обетованная» (*My Promised Land*):

Я против оккупации, но я за нее в ответе. Я не могу закрывать глаза на тот факт, что моя страна стала страной-оккупантом... с одной стороны, Израиль — единственная страна на западе, которая оккупировала землю другого народа. С другой стороны, Израиль — единственная страна на западе, само существование которой находится под угрозой⁴³.

Эту цитату часто приводят (книга была принята с большим успехом), звучит она искренно, но есть опасность, что Шавита (да и всех израильских либералов) будут воспринимать как человека, который признает факт оккупации, да еще и чувствует за это вину, в отличие от правых. А что еще остается либералу, который не может повлиять на политику правительства?

Новостные СМИ в Израиле — давние сторонники определенной разновидности светского либерализма и во многом настроены против правых, хотя Бенн и пишет о новых настроениях в обществе. Впрочем, в последнее время израильские СМИ отражают сдвиг вправо — возможно, не такой сильный, как хотелось бы премьер-министру, да и многим израильтянам. Амит Сигал, политический корреспондент самой популярной израильской телесети «Канал-10», говорит следующее:

Средства массовой информации в значительной степени «тяготеют к Тель-Авиву», то есть они либеральные. Поколение моего отца не стремилось в журналистику, они оставляли СМИ левыми. Но потом появился комментатор Ури Орбах. В «Едиот ахронот» [(«Последние новости»)]. До недавнего времени самая популярная израильская газета] он написал: «В средства массовой информации должны идти хорошие люди». Он имел в виду правых — и это сейчас происходит. Они пришли на радио Армии обороны Израиля [IDF], я веду там программу. Так что положение меняется. А еще есть социальные сети, в них слышен голос народа. Это сказывается и на СМИ. Многие против либеральных СМИ.

Имидж Израиля — вот центральный вопрос государственной политики, и СМИ здесь играют важную роль. Вопрос этот

важен до такой степени, что премьер-министр лично следит за работой министерства коммуникаций и активно в ней участвует — в частности, по этой причине международная организация «Репортеры без границ» снизила статус Израиля со «свободного» до «частично свободного». В Израиле основан ежедневный таблоид «Израэль хайом» («Израиль сегодня») на средства американского миллиардера Шелдона Адельсона (инвестиции в 2016 году составили 50 миллионов долларов), причем сам Адельсон решительно поддерживает не столько правых, сколько самого Нетаньяху. Керен Тененбойм-Уэйнблатт, эксперт по СМИ в Еврейском университете Иерусалима, сказал мне, что «суть не в том, чтобы заработать. Повестка дня чисто политическая — поддержать Нетаньяху. Все первые страницы отданы ему, потом уже остальное. В газете присутствует полемика, но таблоид есть таблоид, много места отдано развлечениям и знаменитостям. Уровень не самый высокий, но и низким его не назовешь».

Газету активно продвигают, предлагают в ресторанах, кладут на столики в кафе, просовывают в окна автобусов и такси. Газета вытеснила с первого места «Едиот ахронот», ранее бесспорного лидера в израильской прессе, превратив, по мнению многих, это центристское и популярное издание в противника Нетаньяху, хотя в отношении правительства «Едиот ахронот» сегодня менее критична, чем в прошлом. Считается, что «Израэль хайом» оказывает мощнейшую поддержку Нетаньяху, сродни тому как английская *The Sun* в 70-е и 80-е годы XX века поддерживала премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.

Таблоид Адельсона — не единственная газета, которая поддерживает премьер-министра. Здоровые аргументы в защиту политики Нетаньяху на посту премьера, а также обоснованную критику тех, кто утверждает, что он действует авторитарно, высказывает Хавив Реттиг Гур, ведущий аналитик в *The Times of Israel*. В большой статье (апрель 2016 года) «Конец израильской демократии?»⁴⁴ Гур высмеивает сначала левых, а потом и правых — те наперебой обвиняют Нетаньяху

в авторитарном правлении. Автор считает, что законы, призванные ограничить финансирование либеральных НКО из-за рубежа и ввести смертную казнь для террористов, не были приняты из-за правых, а вовсе не из-за политически ослабленных левых. За предложение о введении смертной казни проголосовали только шестеро, девяносто четыре были против. Что касается иностранного финансирования НКО, было принято законодательство, которое обязывает НКО раскрывать факты иностранного финансирования, если оно превышает половину ее дохода. Многие НКО восприняли этот шаг как дискриминацию левых и либерально настроенных организаций — последние в большой степени зависят от иностранной помощи.

Битва между сторонниками правого курса и поборниками прав человека слева, по мнению Гура, есть игра ради игры. Гур отмечает:

В основном дебаты об израильской демократии как дома, так и за океаном, где следят за внутренними делами Израиля, ведутся безвластными демагогами, которые лишь имитируют острые дискуссии: правые предлагают неприемлемые законы, призванные откровенно напугать левых, а левые заламывают руки, изображают из себя жертву и получают поддержку от иностранных патронов.

На левом фланге израильской политики считают, что влияние Нетаньяху после переизбрания поставило израильские СМИ под угрозу. Ноа Ландау, новостной редактор Haaretz, сказал мне: «В той или иной степени он контролирует почти все СМИ». Влияние правительства распространяется и на «Канал-10», второй по популярности израильский канал, который раньше работал по временной лицензии. Канал оказался на грани банкротства, однако его спас исполнительный директор Йосси Варшавски, сделавший акцент на новостных программах и внутренних делах в стране, и эта стратегия оказалась успешной. В мае 2015 года компанию приобрел консорциум во главе с медийной группой RGE, принадлежащей живущему в Лондоне русско-американскому миллиардеру

Льву Блаватнику, и только тогда «Канал-10» получил лицензию на пятнадцать лет.

Принято считать, что «Канал-10» располагается в политическом спектре чуть левее более популярного и популистского «Канала-2». В самые мрачные для канала дни в 2014 году, прежде чем план Варшавски по стабилизации компании был успешно реализован, на экране появилась фотография премьер-министра с надписью: «Через три дня “Канал-10” будет закрыт. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху, исполняющий обязанности министра коммуникаций, отказывается найти выход». (Позже сам Варшавски критиковал решение показывать эту фотографию и надпись.) Сейчас на канале работает самый известный израильский журналист-расследователь, Равив Друкер, который с 2011 года утверждает, что Нетаньяху (тогда министр иностранных дел) с женой Сарой, а иногда и с детьми бесплатно путешествовал за рубеж на средства разных иностранных организаций. Обвинения с годами нарастали, и в декабре 2015 года представитель надзорного органа Йосеф Шапира заявил, что за некоторые поездки премьер-министра платили иностранные организации, поездки эти не были одобрены кнессетом и, возможно, счета за них выставлялись дважды⁴⁵. На Нетаньяху посыпались и другие обвинения: он якобы получал незаконные средства для проведения политических кампаний от Арно Мимрана, французского бизнесмена, которого в середине 2016 года судили за крупное мошенничество. Сообщалось также, что генеральный прокурор Авихай Мандельблит распорядился провести еще одно расследование против премьер-министра комитету по борьбе с коррупцией, и в вину Нетаньяху, по отрывочным сообщениям, вменяется нечто более серьезное, чем «туры Биби» или связи с Мимраном.

На «Канале-10» я разговаривал с Друкером, автором программы «Иерусалим — разделенный город», которая, к удовольствию Варшавски, получила для программы о текущих событиях очень высокий рейтинг. Друкер сказал, что «показал разделение города не так, как об этом говорит правительство,

а так, как дела обстоят на самом деле. Местность по другую сторону стены — ничья земля — это просто лагерь для беженцев на 100 000 человек. Это часть Иерусалима, но условия там просто жуткие».

В начале 2016 года акционеры «Канала-10» назначили нового председателя, Рами Садана, крупного политического технолога и лоббиста, якобы близкого к семье Нетаньяху; тот вскоре оскандалился, заявив, что канал должен делать больше программ для простого народа и для религиозных евреев, хотя главную партию ортодоксов, ШАС, возглавляет «этот ворюга Арье Дери. Но мы как элита должны расширять аудиторию нашего канала»⁴⁶.

Если этот ход был призван изменить редакционную политику, он оказался крайне неуклюжим, хотя Садан сказал, что его слова перевернули. И Варшавски, и глава новостного отдела Голан Йочпаз по отдельности подтвердили мысль о том, что аудиторию канала надо расширять. Видимо, Дери им поверил, потому что выступил в министерстве внутренних дел со скрытой угрозой: если премьер-министр не заставит Садана уйти с канала, ШАС не будет поддерживать коалицию, а проголосует так, «как сочтет нужным».

Безусловно, для Нетаньяху «Канал-10» как бельмо на глазу. Возможно, эту компанию еще поставят на колени, независимо от того, будет ли во главе правления стоять Садан. Но с критикой премьер-министра «засветился» и «Канал-2». В мае 2016 года на нем прошла серия бесед с бывшим главой разведки Израиля «Моссад» Меиром Даганом. Отвечая на вопрос о главной среднесрочной угрозе безопасности Израиля — возможности получения Ираном ядерного оружия, — Даган сказал о Нетаньяху: «Я никогда ему не верил. Не верю и сейчас. Я вижу, как он себя ведет. Вместо того чтобы сражаться с Ираном, он сражается с США. Это же ближайший союзник Израиля, а он делает из США врагов. Где тут логика?»⁴⁷

В борьбе с новостными СМИ премьер-министра часто поддерживают израильтяне, хотя многим он не нравится как личность. Во время вторжения в Газу известный новостной

сайт Walla начал кампанию «Израиль — прежде всего», призванную дать понять журналистам, что они в первую очередь израильтяне, а уж потом журналисты. Друкер, ответственный за журналистские расследования на «Канале-10», сказал мне, что эта тема родилась во время дискуссии с его участием. В ходе обсуждения войны в Газе Друкер сказал, что «сыт по горло» жалобами на то, как пишут об этой войне, но его тут же оборвал старший редактор Walla: «Помните, прежде всего вы — израильтянин!» Друкер сообщает, что, к удовольствию редактора, публика заплодировала, и в итоге, чтобы привлечь к себе внимание, на сайте запустили кампанию «Израиль — прежде всего».

Об этой кампании я спросил Бенна в его кабинете, который располагается напротив отдела новостей в Haaretz (группа Haaretz владеет долей сайта Walla). Он ответил: «Кампания прошла без большого успеха. Ведь ХАМАС во время войны здесь и так никто не поддерживал». Но при этом самый неоднозначный журналист в Haaretz Гидеон Леви во время войны в Газе написал статью «Низость с высот», в которой жестко критиковал пилотов израильских ВВС: «Идет война. От них зависит, кому жить, а кому умереть, и со своих высот в небе они видят только черные точки: люди бегут в панике, цепляясь за жизнь, но есть и другие — охваченные жутким страхом, они машут с крыш кулаками»⁴⁸.

Статья привела в ярость многих читателей Haaretz — читательская аудитория существенно выросла, ведь с недавних пор газету можно читать и в Facebook. Один из наиболее выразительных ответов пришел на следующий день после публикации статьи от бывшего пилота ВВС Нехемии Дагана (его сын тоже пилот). Даган раскритиковал сравнение действий армии Израиля с Холокостом — этот прием встречается довольно часто. Вот что он пишет: «Леви сравнивает нас с нацистами, которые слепо выполняли приказы, и это сравнение чудовищно. Вот бы у жителей варшавского гетто были варианты, которые доступны жителям Газы. Мы сражаемся с людьми, которые хотят нас уничтожить и в то же время

без колебаний убивают своих. Пожилых, женщин и детей — беспомощное население»⁴⁹.

Новостные СМИ в Израиле мало отличаются от СМИ в любой развитой стране: они куда более популистские, чем в прошлом, и куда менее зависимы от мнений и повестки дня политической элиты. В книге «Телепопулизм» (Telepopulism) профессор Йорам Пери, бывший глава Института Хаима Герцога, отмечает, что первые премьер-министры Израиля, от Бен-Гуриона до Бегина, считали «отношения со СМИ вторичными относительно реальной работы правительства». «Чем меньше говорить с ними, тем лучше», — сказала Голда Меир шефу своего бюро Симхе Диницу. А Нетаньяху каждый день задает вопрос: «Что мы сегодня даем прессе?» За этим вопросом стоит определенная концепция — деятельность на посту главы государства тождественна определению повестки дня, а делается это через средства массовой информации⁵⁰.

Одно из наиболее успешных шоу на израильском «Канале-2» — «Эрец нехедерет» («Прекрасная страна»). Среди особо популярных программ можно отметить сатиру на репортаж ВВС — вот журналист, в клубном пиджаке и галстук, на нарочито манерном английском беседует с палестинцами на Западном берегу (говорят на арабском), а те на чем свет стоит ругают безжалостные атаки израильтян. Следом идет интервью с израильским полицейским (говорит на иврите) — этот упитанный представитель государства рассказывает, как евреи едят палестинских детей. ВВС, в отличие от других новостных каналов, едва ли обвинишь во враждебности к Израилю, но, по общему мнению, тенденция к предубеждению просматривается и здесь. Впрочем, многие из тех, кто так думает, большинство материалов ВВС не смотрели и не читали.

Амит Сигал с «Канала-2» сообщает, что авторы этого шоу — левые, но подачу ВВС он все равно считает пристрастной. (В 2009–2010 годах Сигал учился в магистратуре Университетского колледжа Лондона.) Вот его слова:

Мне кажется, что, приехав в Израиль, журналисты оставляют свою профессию позади. Я не видел ни одного материала

в британских СМИ, который был бы лишен предубеждения. Предубеждение заложено изначально. Суть, дескать, в том, что в проблемах Ближнего Востока виноваты поселенцы. Почитайте, что сказал Обама в Каире: «Израиль — это сверхдержава колонизаторов. И ничто из сказанного или показанного журналистами не изменит такой взгляд на вещи».

Я спросил Бенна из Haaretz, что он думает об иностранных публикациях о его стране. Ответ был таков: «Иностранные журналисты здесь пишут не об Израиле. Их прислали писать о войне и мире. Наша страна интересна иностранным СМИ только в этом контексте. Посмотрите статистику “лайков” на нашем интернет-сайте. Пик посещений приходится на войну, а в мирное время — провалы. Материалы из Израиля отражают мнение западной элиты: Западный берег Израиль должен отдать».

Элханан Миллер, в прошлом писавший об арабском мире в *The Times of Israel*, а ныне автор интернет-издания *The Tablet*, в начале 2016 года провел в одном из поселений полтора месяца по заданию лондонской *The Times*. Его впечатление: речь там идет не «за» или «против», а о безразличии. «Они сыты нами по горло. Устали от конфликта». Миллер рассказал, что когда он был в Лондоне, посольство Израиля принимало у себя двух офицеров вооруженных сил Израиля и оба были израильтянами палестинского происхождения. Ему показалось, что это интересная тема для публикации, ведь она идет вразрез с общепринятой точкой зрения, будто израильтяне палестинского происхождения не служат в армии. Он предложил материал новостному отделу *The Times*, но до публикации дело не дошло.

Не думаю, что британские или другие иностранные журналисты относятся к Израилю враждебно. Они стараются быть объективными. Но в некоторых обстоятельствах, когда условия особенно сложны и ты полностью зависишь от переводчиков и проводников, материал преподносится в искаженном виде. А сами израильтяне об этом не пишут — своих журналистов к армии не допускают. Было одно исключение — их пустили посмотреть тоннели.

Сотрудник иерусалимской *The Times of Israel* Хавив Реттиг Гур сказал мне, что ослепление зарубежных СМИ объясняется их неспособностью серьезно анализировать нынешнюю ситуацию в Израиле:

Интифада 2000 года убедила левых в том, что дальнейшего движения в этом направлении не будет. Евреи — это не французы в Алжире, которые вернулись во Францию. И это значит, что Западный берег мы не отдадим никогда. Ведь идти больше некуда. И госсекретарь США Джон Керри ничего с этим поделать не сможет. В итоге иностранная пресса чаще всего пишет о нас предвзято. Эти материалы в своем большинстве не направлены против евреев, просто люди не знают того, о чем пишут. Они считают, что с нами можно договориться. А надо писать: политическая обстановка такова, что договориться невозможно.

Тененбойм-Уэйнблатт из Еврейского университета рассуждает о медийном лейтмотиве в Израиле: «Весь мир против нас. Эти слова звучали на встрече журналистов с одним из комитетов кнессета. В народе бытует мнение — из Израиля просто делают козла отпущения. Люди говорят, что “все тычут в нас пальцем, а ведь мы совсем не хуже других. Они просто не понимают, как мы здесь живем”».

Многие на левом фланге, особенно активисты движения ветеранов «Мир — сейчас» (Peace Now), считают, что критика из-за рубежа абсолютно оправданна. Я говорил с адвокатом Цали Решефом в его юридической компании Reshev and Shiff в одном из иерусалимских бизнес-парков. Он был сооснователем движения «Мир — сейчас» и относится к числу военных, пришедших к выводу, что позиция Израиля несправедлива и безжалостна. Вот что он сказал:

Я не пытаюсь преуменьшить угрозу и сказать, что ее нет. Я лишь говорю, что нынешнее положение дел меня решительно не устраивает. И с неодобрением извне я согласен. Считаю, что обстановка будет только ухудшаться. Число мусульман в Европе неуклонно растет, и скоро это скажется [на нас], если мы не поменяем свое отношение к мусульманскому миру.

Палестинцы у нас занимаются тяжелым трудом, вкалывают в ресторанах. Мы продаем им второсортные продукты.

Решеф считает, что бойкоты и санкции «ни к чему не приведут», но говорит, что «давление [на правительство Израиля] необходимо».

Решительным критиком иностранных репортажей об Израиле выступает Матти Фридман, еврей из Канады, с 2006 по 2011 год служивший журналистом и редактором в иерусалимском бюро Associated Press (AP). В эссе, опубликованном в журнале *The Atlantic*, Фридман утверждает, что теперь западная пресса

не столько наблюдает за конфликтом, сколько участвует в нем, а эта роль чревата последствиями для миллионов людей, пытающихся проникнуть в суть событий, включая политиков, которые рассчитывают на помощь журналистов в своих попытках понять регион, жизнь которого они безуспешно стремятся изменить в лучшую сторону... Итогом стало гигантское упрощение — некая современная нравоучительная пьеса, в которой евреи Израиля являют собой пример морального падения, какого не знала ни одна другая страна. И этот образ мышления глубоко укоренен в западной цивилизации⁵¹.

Прискорбно, говорит он, что основным источником информации для журналистов стали либеральные НКО:

В эту группу входят активисты и международные чиновники из ООН и НКО, западные дипломаты, особенно в Восточном Иерусалиме, иностранные журналисты... Роль прессы затуманена, отсюда и самая удивительная странность в освещении обстановки в Израиле — о международных организациях, которые вносят важнейший вклад в положение дел в Израиле, практически не пишут... Журналисты приезжают из самых разных структур и организаций, от ВВС до Oxfam. К примеру, нынешний представитель Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ — бывший сотрудник ВВС.

Фридман резко критикует и свою организацию Associated Press — агентство, дескать, игнорирует факты, если таковые не работают на образ «палестинской жертвы»:

Сотрудники агентства АР в Газа-Сити были свидетелями того, как рядом с их корпунктом запустили ракету, что поставило под угрозу и журналистов, и гражданское население поблизости, но АР ничего об этом не сообщило, даже когда писало, что Израиль обвиняет ХАМАС в запуске ракет из жилых кварталов. [Это соответствует действительности.] Боевики ХАМАС ворвались в корпункт АР в Газе и стали запугивать сотрудников, однако АР ничего об этом случае не написало. [Это тоже соответствует действительности.]

Обвинения Фридмана АР отвергло, и тогдашний шеф бюро АР Стив Гуткин написал большой текст в защиту своей позиции и позиции коллег, утверждая, что примеры Фридмана либо ложны, либо отражают не более чем закономерную разницу во мнениях относительно предметов, представляющих важность для новостного канала⁵².

Впрочем, имидж Израиля — это предмет особой важности, который породил новый вид общественной дипломатии, именуемой «хасбара» (разъяснения). По словам представителя Института «Реут», исследовательского центра в Тель-Авиве,

глобальную кампанию по делегитимации Израиля ведет широкая сеть частных лиц и организаций. <...> Многие из них — это левые активисты из Европы и Северной Америки. Левые на Западе изменили свое отношение к Израилю, теперь Израиль в их глазах — государство-оккупант. <...> В 1960-е годы Израиль считался моделью эгалитарного, социалистического общества, а сегодня он воплощает западное зло⁵³.

Правительство финансирует активистов в социальных сетях, чтобы противостоять антиизраильским публикациям, стремясь к тому, чтобы граждане реагировали на вопиющие примеры антиизраильской пропаганды, писали статьи и посты, восхваляющие демократические институты и государственную политику Израиля. Слева такая деятельность

вызывает скептицизм: это, мол, искусственные попытки обелить имидж страны (Израиль терпимо относится к геем, маршам и демонстрациям ЛГБТ, и аргументы в пользу толерантности в этой сфере нередко именуют «розовой отмывкой»). Ландау из Haaretz сказал мне, что «продвижение либеральной повестки дня не может компенсировать далеко не либеральные действия государства или последствия оккупации. Люди видят, что это два разных пласта [общественной жизни]. Одним оправдать другое не получается».

Предвестником нелиберальных действий государства стали события начала 2017 года, когда честные и заслуживающие доверия журналистские материалы, весьма популярные у израильтян, стали обесцениваться в угоду политической конъюнктуре, причем в этом процессе участвовали и политические лидеры, и боссы от журналистики. Вот одно из обвинений в адрес премьер-министра: он тайно встречался с владельцем «Едиот ахронот» Арноном Мозесом, чтобы «предложить финансовые и деловые преимущества в обмен на публикацию позитивных материалов о семье Нетаньяху». Якобы речь также шла о том, что популярная «Израэль хайом» будет полностью или частично закрыта и лидерство на газетном рынке вернется к «Едиот ахронот»⁵⁴.

Местные и зарубежные СМИ, пишущие и вещающие об Израиле, создают определенный контекст. Как сказал Бенн, если вы пишете об Израиле, то вы пишете о войне, а не о мире, и складывается впечатление, что администрация Нетаньяху не хочет мира — так воспринимают ситуацию критики внутри страны, да и за рубежом число сторонников этой точки зрения растет, включая представителей диаспоры. Журналисты всегда формируют образ страны. В случае с Израилем роль журналистики приближается к экзистенциальной.

Глава 9

Для газет нет образцов

«Когда строилась страна... американцы хотели, чтобы их государство не просто охватывало континент, но и было республиканским... [Их деятельность] развивалась как мощный поток демократии и капитализма и подтачивала среди прочего ограничения в средствах коммуникации»¹. Возникшую на этапе становления связь между торговлей и политической социолог Пол Старр увязывает со свободой рыночных отношений и свободой мысли.

Исключительно важную роль в распространении свободной прессы сыграло в США государственное учреждение — почта, которая рассылала газеты по всей стране бесплатно. (Роль правительственных ведомств в США часто недооценивают: интернет появился благодаря изобретательности сотрудников Управления перспективных исследовательских проектов в Пентагоне.) А в Европе периодику обложили налогами, чтобы она не доходила до потенциально революционных классов, которых могли вдохновить Американская и Французская революции.

Журналистика Соединенных Штатов Америки — самая влиятельная в мире. Ее главный носитель — английский язык, ныне используемый как лингва франка. Крупнейшие медийные корпорации и сегодня преимущественно американские, их деятельность оказывает влияние во всем мире, и до 2000 года журналистика финансировалась ими весьма щедро. Сегодня такие американские компании, как Apple, Facebook, Google, Microsoft, Twitter, YouTube и другие, первенствуют на рынке создания и анализа новостей и развлекательных материалов и в сфере коммуникаций. Американская поп-культура, с которой все больше связывают журналистику, пользуется большим спросом за пределами США.

Опасения относительно наступления так называемой журналистики постправды (вспомним, что в ходе президентской кампании 2016 года правые набросились с такими обвинениями на новостные СМИ) парадоксальны — ведь именно в США журналистика всегда строилась на фактах и их раскрытии. Крупнейшие новостные СМИ всегда действовали в соответствии с главным принципом — выявлять и доносить до своей аудитории правду, сохраняя убеждение, что всегда можно обнаружить хотя бы ее общие очертания. Этот процесс идет на пользу обществу. Таков был и остается девиз журналистов по всему миру, он вовсе не американский, но именно американцы несли этот посыл всему журналистскому сообществу с почти миссионерским рвением.

Газеты — основа журналистики в последние триста лет — пытаются удержаться на плаву в интернете, а модели финансирования потока информирующей и аналитической журналистики будут, скорее всего, сформированы в США. Дело в том, что журналистика в США находится гораздо ближе к центру общественного внимания, чем в других странах, здесь больше возможностей для ее изучения и развития. Социальный и правовой климат больше располагает к экспериментам. Здесь находятся крупные и богатые коммуникационные компании, которые набрали силу, превратив интернет в содружество пользовательских механизмов. Во время президентской кампании Трампа и в ходе его президентства обнаружился сюрприз: настроенный против журналистов президент оказался очень хорош для журналистики. Амол Раджан из BBC сообщал, что ярые противники Трампа — *The New York Times*, *CNN* и *The Guardian* — вдруг обрели новых подписчиков и столкнулись с взрывным ростом интереса к своим изданиям — люди стали жадно поглощать новости о новом президенте². Глава *The New York Times* Марк Томпсон в отчете сообщил: слова и дела президента «заставляют сотни тысяч американцев, никогда раньше не плативших за новости, впервые на них раскошелиться... дело тут не в политике, это чистая коммерция: эра Трампа способствует росту качественной журналистики».

Журналистика — инструмент со всей очевидностью практический: с начала американской истории культура была больше ориентирована на факты, чем на теорию, больше на практичность, чем на литературные изыски³. Американская журналистика выросла из американской же традиции прагматизма XIX–XX веков, развитой несколькими мыслителями, например, Джоном Дьюи (1859–1952). Он повлиял на журналистику больше, чем многие философы, потому что заботился о ее состоянии и много о ней писал, яростно защищая свою позицию в диалоге с Уолтером Липпманом (1889–1974) — самым влиятельным журналистом-интеллектуалом своего времени.

Критик и обозреватель Луи Менан пишет, что «по мысли Дьюи... у идеи метафизический статус не больше, чем у вилки... “это просто инструмент или орган, который позволяет добиться успеха” [курсив Дьюи]⁴». Прагматики говорили о «поколении ученых, журналистов, юристов и политиков, жаждавших найти для социальных проблем научные решения». В те годы, когда эта группа «социальных ученых» активно обращалась к набирающему силу поколению влиятельных американцев, оптимизм в отношении государственного устройства и нравственной силы Соединенных Штатов был на подъеме, а журналисты перестали ощущать себя придатком политических партий, стремясь к независимости от экономических хозяев. В те десятилетия и сформировалась современная журналистика — тогда были заложены основы этой по существу исследовательской профессии, которые незыблемы поныне.

Задача журналиста — выявить факты, которые можно проверить и подать в форме изложения. Рассказы часто сосредоточены на одной или нескольких личностях, и это именно рассказы — повествовательная форма лучше всего подходит для понимания фактов и событий. Такой стиль сформировался в популярной городской прессе — здесь описываются заметные события, скандалы, жизнь знаменитостей и городских окраин. Изложение, основанное на фактах, позволяет

почувствовать биение городской жизни. Журналистская проза немало почерпнула из арсенала художественной литературы, но ее основная, многократно прославленная демократическая цель — это гражданское просвещение.

Эта цель — как раньше, так и теперь — служит для журналистики парадным облачением. Впрочем, в руках таких владельцев, как Гордон Беннетт, Джозеф Пулитцер и Уильям Рэндольф Хёрст, желтая пресса конца XIX — начала XX века не сильно заботилась о вопросах этики. Но современным журналистам мила мысль о том, что они каждый день (причем в монументальных масштабах) занимаются просветительской деятельностью. Они требуют привилегий, чтобы вести расследования, комментируют, разоблачают и оскорбляют противников, и при этом они надежно защищены от государства или судебных преследований, и такой подход отстаивают сами суды. Майкл Шадсон из Колумбийской школы журналистики пишет, что «пресса в США свободна от государственных ограничений больше, чем пресса где-либо еще в мире»⁵.

Эра прогрессивизма на стыке XIX и XX веков выпестовала журналистику расследований и избирательных кампаний: журналисты порвали с политическими партиями, чьими агентами они в той или иной мере были прежде, а политика и выборы сразу стали менее коррумпированными и более профессиональными. Журналисты фактически «присвоили» первую поправку к Конституции («Конгресс не будет издавать законы... посягающие на свободу слова или печати»), истолковывая ее прежде всего как защиту от нападок государства, а также как средство укрепления собственного статуса — положения людей, от которых многое зависит, которые каждый день выполняют важную общественную задачу.

В XX и XXI веках поправка окрепла, возрос ее статус⁶. В 1971 году Верховный суд поддержал решение судов низшей инстанции — президенту Никсону отказали в праве запретить *The New York Times* печатать документы Пентагона,

которые передал в газету Дэниел Эллсберг. Выражая широко распространенное в обществе мнение, либеральный судья Хьюго Блэк определил: «Первая поправка и отцы-основатели взяли свободную прессу под защиту, чтобы она могла играть важную роль в нашей демократии. Пресса призвана служить гражданам, а не правительству»⁷.

Ради своей миссии журналистика, по мнению ее самых ярых приверженцев, не должна идти на уступки, даже из патриотических побуждений, и это в стране, известной монументальными проявлениями патриотических чувств. В сериале «Следуя приказу под огнем» (Under Orders, Under Fire), вышедшем в 1987 году на канале PBS, два известных ведущих «новостника», Питер Дженнингс из World News Tonight на NBC и Майк Уоллес из 60 Minutes на CBS, обсуждают с гарвардским профессором этическую дилемму⁸. Речь идет о вымышленной ситуации — США направили консультантов в «Южный Косань» поддержать тамошнюю армию в борьбе с «Северным Косанем». Случилось так, что со съемочной группой тележурналисты Дженнингс и Уоллес оказались в «Северном Косане», и взвод, который они снимали, устроил засаду для группы солдат «Южного Косаня» и американских солдат. Должны ли они предупредить своих союзников и сограждан-американцев? Или надо просто снимать? Дженнингс говорит: надо предупредить своих. Уоллес убежден, что надо спокойно снимать; он поворачивается к Дженнингсу и заявляет: «Ты меня удивляешь... получается, раз ты американец, ты не должен снимать то, что происходит?» Дженнингс уступает, говорит, что забыл о своем журналистском долге — оставаться нейтральным, и добавляет: «Это я от страха».

По сюжету высшие военные чины резко осудили позицию журналистов, о чем и заявили с крайним презрением. Полковник морской пехоты Джон Коннелл сказал: попади потом журналисты под пули, он бы послал за ними своих людей, «именно поэтому я так их презираю. Мои десантники поплатятся жизнями, чтобы спасти... этих журналюг». Джеймс Фэллоуз вспоминает этот эпизод в своем эссе, размышляя о том,

почему новостники так непопулярны, и пишет: «В других важных профессиях людям иногда приходится делать что-то ужасное... но когда Майк Уоллес сказал, что сделает нечто ужасное, он даже не счел нужным объяснить свое решение»⁹.

В 1942 году, когда Америка воевала с державами «оси», Генри Льюс, основатель Time Inc., предложил Роберту Хатчинсу, ректору Чикагского университета, создать и возглавить комитет, призванный определить современное состояние и перспективы свободной прессы. В комитет вошли главным образом ученые, журналистов в составе не было (хотя у многих брали интервью); в 1947 году в свет вышел отчет «Свободная и ответственная пресса»¹⁰. То был, по сути, призыв к нравственному первенству — американской журналистике задали высокую планку. Новостным СМИ (в 40-е годы новости по большей части поступали через прессу) предлагалось писать о том, что требуется гражданам демократической страны. Речь впечатляет:

Прежде всего, это правдивый, обстоятельный и умный отчет о событиях дня в контексте, который позволяет их осмыслить. Во-вторых, площадка для обмена комментариями и критическими замечаниями. В-третьих, средство для отражения мнений и позиций групп общества относительно друг друга. В-четвертых, способ представить и разъяснить цели и ценности общества. В-пятых, возможность донести до каждого гражданина поток информации, мыслей и чувств.

Хатчинс считал, что новостные СМИ в целом способны справиться с этой задачей, но современное состояние журналистики подверг критике. Такие важные вопросы, как наступление новых технологий, изменения на рынке труда, растущий по временным меркам досуг и умение им распорядиться, образование, распространение либеральных взглядов — все это в лучшем случае затрагивалось мимоходом и вытеснялось «рассказами об убийствах в ночных клубах, о расовых мятежах, об актах насилия и о скандалах в высших кругах».

Пожалуй, американские СМИ не достигли уровня, который обозначил августейший комитет, но все же добились

большого, чем журналистика в других культурах. Газеты с широким кругом читателей, приносившие большую прибыль, сотнями отправляли журналистов писать о делах федерального правительства, о жизни в сенатах, конгрессах, судах, полицейских участках и мэриях разных штатов. Крупные новостные телеканалы оказались встроенными в богатые медийные корпорации, жившие на широкую ногу за счет индустрии развлечений. Как писал Клэй Ширки (современный американский писатель-публицист), за газетную Мекку платил Wal-Mart, а популярные программы, например, «What's My Line?», позволили боссам CBS превратить своих ведущих новостников, например, Уолтера Кронкайта и сменившего его Дэна Ратера, в мультимиллионеров.

В период расцвета американских новостных СМИ — с 50-х по 90-е годы — денег было так много, что о них не говорили (по крайней мере, журналисты), а просто тратили. В своей колонке журналистка из The New York Times Морин Дауд, в 1981 году автор в журнале Time, писала:

По вечерам в пятницу, в канун выходных, кругом были расставлены тарелки с шикарными закусками, в редакционных кабинетах работали бары... То были сладкие времена, когда старший редактор мог прилететь в Париж и без колебаний послать своего сотрудника вернуться в Лондон за галстуком, который оставил в гостиничном номере, или самолетом отправить подчиненного за коробкой любимых сигар¹¹.

Этого мира фактически больше нет. В последнее десятилетие размышления об американской журналистике сводятся к тому, как здорово было раньше.

Интернет, спутниковое и кабельное телевидение лишили лоска привилегированные крупные СМИ — последние либо скукожились под холодными ветрами читательского безразличия, либо переместились в сферы более привлекательные. В первое десятилетие нового века кривая спроса уверенно ползла вниз, хотя признаки спада проявились еще за десять лет до этого, когда после развала Советского Союза и перехода китайского коммунизма к управляемому капитализму на

свободу вырвались силы глобализации. В отчете о состоянии прессы в 2005 году базирующаяся в США Всемирная газетная ассоциация писала: «Отрасли, некогда подававшие себя как уникальные, внезапно столкнулись с ценовой конкуренцией, сокращением затрат, консолидированным владением... жертвой этих тенденций пали и газеты»¹².

Кен Доктор, который держит руку на пульсе «ньюсономики» в интересах Гарвардского фонда журналистики и следит за состоянием «бывалых» и «новичков» в мире СМИ, заметил в 2015 году, что «с 2007 года доходы в нашей отрасли (тем более с учетом инфляции) вообще не растут»¹³. В январе 2016-го Доктор написал, что «скольжение газет по наклонной плоскости не остановить», и дал ссылку на сайт, где показано, как крупные когда-то газеты теряют читателей со скоростью сто лишним человек в день¹⁴.

С 2010 года Мэри Микер из венчурной компании Kleiner Perkins Caufield & Byers (КПСВ), расположенной в Кремниевой долине, ежегодно публиковала оценку состояния медийных рынков. Она подлила масла в огонь, сравнив затраты на рекламу с объемом времени и внимания, которое читатели уделяют печатным СМИ по сравнению с другими средствами передачи информации¹⁵. В 2013 году этот показатель снизился до 5%, реклама «переоценивала» прессу почти на 400%: так, если считать, что ценность потребительского внимания для рекламодателей равна 100 долларам, они фактически платили 400 долларов. Американский публицист Клэй Ширки писал, что «многие из самых пылких защитников газет не способны заниматься планированием в мире, где отрасль в том виде, в каком они ее знали, тает на глазах... Для газет нет образцов, способных заменить модель, которую недавно предложила сеть Интернет»¹⁶.

Одним из самых пылких защитников печатной прессы был Джон Кэрролл, в свое время известнейший в стране редактор (на пике карьеры он возглавлял Los Angeles Times). Благодаря мощным вливаниям со стороны Отиса Чандлера, члена семьи владельцев этой газеты, издание вышло на уровень,

сопоставимый с конкурентами на Восточном побережье: The New York Times и The Washington Post.

В 2000 году корпорация Tribune Company, созданная вокруг Chicago Tribune, приобрела LA Times, а когда снизился объем продаж и доходов от рекламы, потребовала провести сокращения. Кэрролл пришел в газету в 2000 году, и за пять лет его работы на посту главного редактора газета тринадцать раз получала Пулитцеровскую премию. Он нанял Дина Бакета, впоследствии редактора The New York Times, и Майкла Кинсли, ранее редактора (в возрасте 28 лет) The New Republic и основателя Slate. Это были достижения, в лучах которых до 2000-х годов купался бы любой редактор. Но новые хозяева, видя, что доходы от рекламы и тиражи падают, попросили Кэрролла в 2003 году сократить штат, а потом еще раз и еще раз, и в результате в 2005 году он из газеты ушел. Год спустя он выступил в Американском обществе газетных редакторов. Его речь прозвучала панегириком благородной профессии, отданной на откуп спекулянтам, и предупреждением великой державе, которая, лишившись защиты новостных СМИ, становится жертвой политических махинаций и безудержной демагогии:

Если когда-то в свободном от газет будущем Америки полиция решит, что вину или невиновность подозреваемого в убийстве можно прекрасно определить с помощью побоев — пока кто-нибудь да не признается, — кто даст сигнал тревоги, как в 1977 году это сделала The Philadelphia Inquirer? Или если будущий президент решит поиздеваться над законом и начнет шпионить за американскими гражданами без всякого ордера, кто — если The New York Times выбросят на обочину — предупредит граждан о беззаконии? Боссов медийных корпораций иногда искренне изумляет, что некоторые из сотрудников не испытывают рабской привязанности к главному акционеру. Они удивляются: о чем эти люди думают? Сотрудник, на их взгляд, должен давать хороший финансовый результат, а не делать добрые дела за счет компании. Да и вне корпораций наш статус уже не тот. Мы считаем, что служим обществу, но так ли воспринимает нас само общество?¹⁷

Речь Кэрролла — это месть аристократа-журналиста хватким воротилам, которые заставили его оставить свой пост. Служить читателю — значит быть полезным для общества. Служить главному акционеру — хотя именно на этом основан американский капитализм и обязательства перед руководством компании — в высшей степени эгоистично и даже безнравственно.

Кэрролл презрительно отмахнулся от блогеров, заклеив их паразитами. Но в своем гневе он оставил без внимания другие центры ответственности: правительство, его подразделения, конгресс и сенат на уровне федерации и штатов, великое множество всевозможных НКО, суды и правоохранительные органы. Кэрролл попал в ловушку, огульно определив все эти структуры (за частичным исключением НКО, многие из которых пытались сообща вступить за СМИ) как ведомства, предъявляющие некие требования, но ни за что не отвечающие. Между тем правительство, законодатели, суды и, разумеется, НКО существуют, в частности, для контроля над другими силами в обществе. В конце концов правительство, принявшее американскую конституцию, включило в нее первую поправку, а Верховный суд вынес решение, ставшее щитом для журналистов. Современная демократия — это сеть институтов, которые и наделены властью, и критикуют ее.

Через пять лет после статьи о том, как создавались американские газеты, Пол Старр пришел к выводу, что их планомерно уничтожают, а роль газет в жизни общества стремится к нулю. В 2009 году он пишет:

Если всерьез согласиться с утверждением, что газеты — это «четвертая власть» или «четвертая ветвь государства», то конец газетной эры подразумевает изменения в самой политической системе... и если мы хотим избежать наступления эпохи коррупции, эту власть надо вернуть, пусть другими способами. Новые технологии не освобождают нас от прежней ответственности¹⁸.

Эти авторы в числе многих говорят правду так, как они ее понимают. Но дерзкие обитатели Сети слышат в их словах

плач пророка Иеремии, попытку сохранить отмирающее производство, вооружить современное ополчение устаревшими винтовками. Старая гвардия скорбит о поражении некогда горделивых газет, от которых осталась лишь тень или призрачная «сетевая версия». А новое племя велит новостным организациям — новым и старым — перестраивать свои услуги под интересы пользователей айпадов и айфонов. Что остается старой гвардии? Сидеть в кафе в Ист-Виллидже и листать *The New York Times*.

Все же в Америке хотят вдохнуть в новостные СМИ новую жизнь, и журналисты робко надеются, что их труд будет оплачен — в недалеком будущем, когда газеты рухнут под напором интернета, теленовости и материалы о современной жизни будут подаваться все более коротко и примитивно, да и сами телеканалы проиграют схватку YouTube и социальным сетям. Как новое поколение американских журналистов построит отношения с интернетом, соберет ли достаточную читательскую аудиторию для «ответственной» журналистики — вот главные вопросы, от ответов на которые зависит существование профессии.

В Америке, как ни в одной другой стране, новизна, желанная или не очень, приживается очень быстро. Фундаментальные проблемы, вызванные появлением Сети, возникли в начале XXI века, когда главным носителем журналистики стал интернет. В какой степени он этим носителем останется — об этом сейчас ведутся бурные споры. Некоторые обозреватели считают, что глобальные бренды, такие как *The Economist*, *Financial Times*, *The New York Times International Edition* и *The Wall Street Journal*, все же выживут и обретут второе дыхание.

Лайонел Барбер, редактор *Financial Times* с 2005 года, считает, что экономические и финансовые газеты выживут, зарабатывая на цифровых изданиях благодаря дорогой подписке, а также, возможно, сохранятся в печатном виде. Барбер сказал мне:

Почему мы выживем? Благодаря достоверности, ради которой мы прилагаем много усилий. Наша информация надежна. И

если за подписку вы платите здесь больше, то вы не в проигрыше: читая такую газету, вы зарабатываете. А вот новости общего профиля — это просто товар. Соответственно, газетам общего профиля придется туго.

Когда в 2005 году я стал редактором, мы решили, что активно уходим в цифру. Мы подняли цены. Мы хотели уйти от газетных киосков и перейти на подписку. Этот план сработал. Перед нами открылись новые перспективы. Мы посылали специалистов писать о центральных институтах мировой экономики, таких как центральные банки. С нами сотрудничают эксперты мирового класса.

На нашей стороне английский язык. И финансовый кризис 2008 года предоставил нам фантастические возможности — ведь о нем надо было писать и растолковывать его суть.

Незадолго до этого разговора, в марте 2016 года, компания Nikkei Inc., владелец одноименной японской деловой газеты, за 844 миллиона фунтов приобрела Financial Times у Пирсона, который владел этой газетой с 1957 года. Газета Nikkei ежедневно расходится тиражом три миллиона экземпляров, а число цифровых подписчиков составляет всего 400 000 человек. Что касается FT, в середине 2010-х годов тираж печатной версии составлял менее 200 000, зато цифровая подписка выросла до 600 000. (Я много лет работал корреспондентом FT, да и сейчас сотрудничаю с этим изданием в качестве внешнего редактора.)

Прав Барбер или нет — покажет время. Безусловно, в середине последнего десятилетия успех FT резко контрастирует с борьбой за выживание других британских газет, включая The Guardian, где после 2010 года вышло несколько важных публикаций — они привлекли всеобщее внимание и сделали газету известной во всем мире. Но вполне возможно, что какой-нибудь новый сайт или группа сайтов могут при правильно выстроенном финансировании (допустим, за это возьмутся Bloomberg или Springer — последняя компания конкурировала с Nikkei Inc. за право приобрести FT) глубоко вторгнуться в области, где господствует FT, и побороться за читателя. Ни одна ниша не может считать себя крепостью.

Что будет дальше, не знает никто. Проблемы останутся неизменными независимо от того, захватит ли «цифра» площадку полностью или только будет играть на ней господствующую роль. Комитет Роберта Хатчинса привел пять «идеальных требований» к журналистике. Вот список: ежедневно давать фактический, достоверный и развернутый отчет о событиях; служить площадкой для комментариев самого широкого спектра; справедливо представлять действия и убеждения групп или отдельных лиц; давать полную и справедливую картину мотивов и действий правительства; обеспечивать максимально широкий доступ к текущей информации. Надо хотя бы попытаться выполнять эти требования, иначе журналистика потеряет смысл.

Газеты и в меньшей степени теленовости утратили цельность, распались на части и подвергаются «испытаниям рынком», от которых еще недавно были защищены. Вам не хватает газетной аналитики? Пожалуйста, существует множество сайтов, которые пишут о политике, а новые сайты, все более специализированные и нишевые, растут как грибы.

Нейт Сильвер, талантливый специалист по опросам общественного мнения, создал блог под названием FiveThirtyEight и успешно использовал этот ресурс, чтобы предсказать результаты выборов в Штатах и президентских выборов в 2008 и 2010 годах. В 2010 году его пригласила к сотрудничеству The New York Times — партнерство продолжалось до 2013 года. Сильверу удалось расширить читательскую аудиторию, которой нравились его четкие, основанные на фактах материалы, к тому же предсказания оказывались достаточно точными. Но он не снискал популярности у коллег, и хотя главный редактор газеты Джилл Абрамсон пыталась его удержать, исполнительный директор Марк Томпсон был к персоне Сильвера вполне безразличен¹⁹. В марте 2014 года Сильвер получил щедрое предложение от спортивного канала ESPN — взять под свое крыло сайт канала. Число сотрудников Сильвера сразу выросло с двух до двадцати, а прогнозы теперь охватывали и спорт, в частности, результаты бейсбольных матчей.

В программном заявлении Сильвер сказал, что запустил FiveThirtyEight, потому что видит необходимость в журналистике, основывающейся в первую очередь на точных данных, которая к тому же будет коммерчески состоятельной. «Новостные СМИ, сколько бы в их адрес ни злословили, продолжают играть центральную роль в распространении знаний»²⁰. В интервью журналу New York (как раз при подготовке нового сайта) он достаточно резко высказался о конкурентах — заявил, что многие именитые журналисты «гонят туфту», и добавил:

Авторы колонок в The New York Times, The Washington Post и The Wall Street Journal особенно не заморачиваются. Они склеивают отдельные кусочки, не будучи хорошо осведомлены в деле, и на основе этого делают грандиозные выводы. Это забавно, но их писанину легко предсказать от одной недели к другой. Если вы знаете тему, на которую пишет Томас Фридман или кто-то другой, такую колонку можно не читать. Подобный текст вы легко напишете и сами²¹.

Здесь смело нарушено одно из правил осторожного журналиста: если плаваешь в бассейне с пираньями, не давай будущим критикам повода вонзить зубы в твою плоть, не нападай на них первым. Леон Уисельтир, литературный редактор в The New Republic с многолетним стажем, вступив с Нейтом Сильвером в прямой диалог, написал: «Проявления интеллекта, которые Сильвер высмеивает, представляют собой, мол, “всего лишь мнения”. А что плохого в мнениях? Без мнений мы, включая его самого, просто голые факты, а стоит ли быть просто объектом для манипуляций — наверное, мы заслуживаем большего»²².

Пол Кругман, лауреат Нобелевской премии, самый именитый журналист в мире экономики (наряду с Мартином Вулфом из FT), тоже ответил Сильверу довольно жестко. Кругман отметил, что в материалах, основанных только на данных, нет контекста; отмел он и другие критические замечания и в заключение заявил: «Пока что FiveThirtyEight находится где-то посередине между большим разочарованием и

полным провалом»²³. Сильвер парировал, что Кругман, «рядясь в академическую мантию, не желает видеть очевидное». Кругман, возможно, решив, что Сильвер еще не нюхал пороха, ответил, что FiveThirtyEight — это «совокупность небрежно и невнятно выраженных мнений, чуть сдобренных фактами и данными: это как в старой шутке о пьянице, которому уличный фонарь нужен не для освещения, а чтобы за него держаться». Нельзя сказать, что стороны блистали манерами, но споры вышли горячими.

Эзра Кляйн (1984 года рождения, а Сильвер родился в 1978-м) с юных лет ведет довольно умный блог. Когда ему было чуть больше двадцати, его взяли помощником редактора в *The American Prospect*, а позже, ближе к тридцати, он сумел поднять падающий тираж (или замедлить падение) в *The Washington Post* — видимо, его блог подпитывал желание читателей вникнуть в суть дела. В начале 2014 года компания *Vox Media* — новая группа сайтов на различные темы — взяла его к себе, предложив видоизменить его блог. Излагая свою позицию, Кляйн обратился к тем, кто жаждет глубины: «Иногда, даже часто, новая информация — не самое важное для того, чтобы разобраться в теме... Но теперь появилось пространство, которое позволяет поведать читателям не только о том, что случилось сегодня, но и о том, что этому предшествовало»²⁴.

По мнению Кляйна, журналисты должны вникать в суть рассматриваемого вопроса, разъяснять его неосведомленной — или осведомленной частично — аудитории, а традиционный путь в журналистику можно забыть. Он ссылается на статью Майкла Льюиса (автора знаменитой книги об ипотечном кризисе *The Big Short*) в *The New Republic* 1993 года, где высказано критическое отношение к журналистским школам. Майкл Льюис писал:

Люди, которые руководят школами журналистики и учатся в них, просто не могут — или не хотят — поверить, что с журналистикой все обстоит гораздо проще. Учебники, использование жаргонизмов, проверка орфографии — вся эта

претенциозная наука написания журналистских текстов отвлекает от главной задачи журналиста: наблюдать, подвергать сомнению, читать и писать на темы, к журналистике не относящиеся. Раскрытие этих тем не связано с журналистской техникой, техника по отношению к темам вторична²⁵.

Кляйн считает, что лучше научиться считать и разбираться в процессе; в конце концов, «составлять слова в текст журналисты так или иначе умеют».

Школы журналистики в западном мире сегодня мучительно ищут ответ на вопрос: зачем платить деньги за курс, если потом не найти работу на рынке, который съезживается из-за пришествия интернета? Финансовый журналист Феликс Сэлмон, у которого репутация умного, хорошо образованного (гуманитарные науки), очень грамотного и способного к обобщениям автора, считает, что все его качества сослужили ему добрую службу двадцать лет назад, но сегодня от них мало пользы:

Труд практически потерял рычаги влияния на капитал, отсюда всплеск всевозможных стартапов: почти все они исходят из допущения, что существует безбрежное море людей со смартфонами, готовых заниматься чем угодно (водить машину, ходить за покупками, стирать белье, убирать квартиру), если им предложат пятнадцать долларов в час. Компании не страшно потерять такого работника, она просто заменит его на другого, ничуть не хуже, а стоить он будет так же дешево. Но применима ли эта модель к журналистике?²⁶

Гранды старой школы продолжают, пока хватит сил, презрительно лорнировать новые СМИ. Когда журналисты с сайта Vox попросили Криса Мэтьюса из MSNBC прокомментировать реакцию США на ИГИЛ, он презрительно отозвался о журналистике, которая, дескать, на порядок ниже уровня его телепередач: «Почему я должен на это отвечать? Я предпочитаю иметь дело со зрелыми людьми, с людьми политики, а не связываться со всякими блогами и сайтами, понятно?»²⁷ В ответе Мэтьюса явно сквозит пренебрежение, даже странно, что такая заметная в медийных кругах фигура недооценивает

внимание, с каким «люди политики» и «зрелые люди» воспринимают сайты, подобные сайту Кляйна.

Но с наиболее мощной и разрушительной критикой выступил сам Кляйн. В апреле 2014 года он написал эссе о труде преподавателя права из Йеля Дэна Кахана. Кахан и его коллеги исследовали вопрос о том, почему объективных и научно обоснованных данных не хватает, чтобы разрешить политические и прочие споры. Его вывод: противоборствующие стороны не хотят знаний, которые противоречат их позиции, — каждый из участников спора просто хочет победить. Кляйн написал об этом так: «Тратить время на исследование Кахана — все равно что смотреть в интеллектуальную пропасть... Из него следует, что мы не должны доверять собственному разуму. Каков рациональный выход из этой теории?»²⁸

Кляйн попытался найти выход, но у него лишь появилась «надежда», что ложные данные удастся разоблачить (как в случае с глобальным потеплением), — ведь основанная на них политика причинит ущерб, за который избиратели не поглядят по головке. Этот честный взгляд в себя восхищает — такой подход и поддерживает сетевая журналистика, которой свойствен относительно раскованный и открытый стиль.

По поводу интервью, взятого в феврале 2015 года Кляйном и его коллегой Мэтью Иглесиасом у Обамы, медийный комментатор Джек Шейфер написал:

Им интересно не столько спрашивать Обаму, сколько *объяснять* его политику [курсив Шейфера изумляет: журналист *объясняет* слова политика, хотя его работа — *разносить* политика в пух и прах]. Снова и снова они подбрасывают ему детские — скорее псевдонаучные — вопросы, а потом делают всевозможные сноски, чтобы подать политику Белого дома в выгодном свете... Даже в фильмах о сайентологах это делается тоньше²⁹.

Шейфер считает, что Кляйн совершил самый тяжкий для современной политической журналистики грех — он не был агрессивен, даже если считать, как дальше писал Шейфер, что напористостью опытного собеседника в ловушку не заманить.

По сути, Кляйну удалось узнать у Обамы, что тот думает о СМИ и как он намерен с ними взаимодействовать. Президент сказал:

Будущему президенту я посоветую уходить от традиционных площадок, которые разделяют людей: пусть он ищет новые площадки в новой медийной среде, более причудливые, менее предсказуемые. Знаете, вчера я дал три интервью звездам YouTube, которые обычно политики не касаются... Но если говоришь с ними о стоимости учебы в университете, о здравоохранении и других вещах, которые затрагивают их лично, оказывается, найти общий язык совсем несложно.

Человек, сменивший Обаму на посту президента, действительно ушел от традиционных площадок, но и накиннулся на журналистов, видя в них своих врагов.

Дыру, оставленную рухнувшими газетами, заполняют новые проекты. Их основатели не разделяют пессимизма Джона Кэрролла и Пола Старра, которые в этом крахе видят трагедию для демократии. Некоммерческий новостной сайт The Texas Tribune существует на пожертвования, но его репутация растет, и он уже проводит конференции и другие мероприятия, приносящие доход. GlobalPost, также основанный в 2009 году (с частным финансированием в 8,5 миллиона долларов), специализируется на новостях из-за рубежа — «американский голос в иностранных новостях». Это организация коммерческая (хотя едва ли может похвастать большой прибылью), источник дохода — синдикатные соглашения с телеканалами. Сайт CalMatters, запущенный летом 2015 года, освещает политику в Калифорнии. Его основал бывший специалист по отношениям с общественностью Саймон Кокс, он собрал потерявших работу журналистов из Сакраменто, бывших сотрудников сайта правительства и законодательных органов Калифорнии. Устав от жалоб на плохое правительство, он взялся объяснять насущные вопросы более ясным и подробным языком.

Финансирование CalMatters отражает природу многих журналистских задумок. Структура некоммерческая (такие

предприятия вполне соответствуют рубрике «Да, мы теряем деньги»), находится в Калифорнии и выполняет просветительскую миссию, что привлекает многих новых «технобогачей» в Кремниевой долине — они готовы делать пожертвования. В их числе Джон Дэрр и его жена Энн. Дэрр финансирует венчурные предприятия в городе Менло-Парк, его состояние равно 4,1 миллиарда долларов (Forbes, 2015), он сто тридцать пятый человек в списке самых богатых людей мира. Здесь же Мик Хеллман, основатель и управляющий директор частной акционерной компании HMI Capital в Сан-Франциско; Крейг Макко и его жена Сьюзен — он занимается сотовыми телефонами, она — бывший посол в Австрии; Том Садбери, основатель и президент компании Sudberry Properties. В этом же списке — бывший директор Совета по национальной безопасности, госсекретарь в администрации Джорджа Буша-младшего Кондолиза Райс и госсекретарь в администрации президента Рейгана Джордж Шульц. Отсюда следует, что предприятие, работающее в убыток, может неплохо существовать при наличии богатых спонсоров. Долго ли оно протянет — другой вопрос.

Многие из стартапов возникли из либеральных побуждений — просветительская журналистика повышает гражданское самосознание. GlobalPost, который все время боролся за выживание, слился в 2016 году с Public Radio International (PRI), точнее, был поглощен вещательной компанией. Новая структура взялась за глубокую аналитику, чтобы «сделать мир более осведомленным, связанным и чутким». У PRI/GlobalPost большая новостная редакция и много корреспондентов, хотя обычно в штате молодых стартапов не более десяти человек (The Texas Tribune — настоящий гигант, там служит пятьдесят человек). А во многих не набирается и десяти, но, как правило, работают эти люди очень напряженно, даже если — тем более если — компания приобрела известность. Бывший редактор The New Republic Эндрю Салливан, который с середины нулевых годов ведет популярный блог, с энтузиазмом поделился своим опытом: «При всем мраке, который

окружает газетный и журнальный бизнес, сейчас для журналистики настали золотые времена. Блогосфера показывает, что людям хочется читать нормальные тексты, которые в эпоху телевизионной доминанты, казалось, пошли на спад. Но сейчас к слову возник новый интерес»³⁰.

Однако в 2015 году Салливан сдался. Созданный в 2013 году сайт The Dish полагался на финансовую поддержку читателей, и хотя известность Салливана поначалу обеспечила сайту всплеск читательского внимания, позже оно стало иссякать. Да и сам он с трудом удерживал бразды правления: «Столько лет работы на износ с вечно поджигающими сроками, и не только на посту редактора — два последних года на моих плечах еще и бизнес. Наше судно плывет по бурному морю, силы команды на исходе. Впереди девятый вал, и в отсутствие капитана корабль, скорее всего, пойдет ко дну»³¹.

С середины нулевых годов стали появляться сайты, которые превратились в источник «гибридных» новостей, в эдакие социально-развлекательные платформы. Сайт Vice был запущен в 1994 году в Монреале и поначалу сообщал о вакансиях на бирже труда, но за двадцать лет превратился в мультимедийную организацию, сначала чисто развлекательную, а потом и новостную. Его успех в немалой степени обусловлен желанием попороть журналистские каноны. Один из основателей Vice, Шейн Смит, дал интервью Дэвиду Карру для The New York Times, в котором разъяснил журналистскую подачу сайта, причем сделал это в манере, которая комитет Хатчинса привела бы в ужас. О своей поездке в Либерию он рассказывал так: «Либерию я не знаю, что там творится не знаю и не собираюсь делать вид, что знаю. Я поехал туда не для того, чтобы решать мировые проблемы, я прилетел туда как обычный пассажир, да я и есть обычный человек, но мне много где пришлось побывать, и от того, что я там увидел, можно просто охренеть»³². За этим следует фрагмент разговора с молодым либерийцем, и тот говорит: «Перед боем мы убиваем невинного младенца и пьем его кровь». Дальше снова Смит: «Людоедство! Просто охренеть, а The New York Times пишет...

о серфинге! Так вот, мне насрать на ваш серфинг, потому что тут едят людей, и меня от этого выворачивает наизнанку».

Карр справедливо замечает, что «еще до того, как вы туда попали» журналисты *The New York Times* подробно писали о геноциде в Либерии, «и то, что вы напялили на голову дурацкий шлем и поехали туда, не дает вам права оскорблять наши материалы». Не моргнув глазом Смит отвечает: «Я просто говорю о том, что видел своими глазами».

В марте 2014 года Смит в интервью программе *This Morning* на канале CBS сказал, что в журналистике происходит «смена караула» и *Vice* тут лидирует: отчасти новая журналистика — это когда «нажимаешь кнопку камеры, и материал разворачивается сам по себе». Он заявил, что сайту *Vice* чужды привычные каноны, из которых следует, что зрителям, особенно молодежи, нужны короткие и банальные новости. А *Vice* предлагает довольно длинные документальные куски и затрагивает серьезные темы. «Молодежь в ярости, — сказал он. — Именно молодые люди больше других страдают от безработицы. Протесты, которые мы наблюдаем сегодня, — это еще цветочки»³³.

По оценке журнала *Forbes*, в 2014 году³⁴ капитал Смита от доли в компании стоимостью 2,5 миллиарда долларов составляет 400 миллионов долларов. Писали, что в феврале 2015³⁵ года он закатил в Лас-Вегасе банкет для тридцати человек на общую сумму 300 000 долларов. Конечно, Смит бесконечно далек от молодых людей, чьей ярости сочувствует. Но нажиться ему удалось именно на зрительских интересах молодежи.

Поначалу *Vice* отставал от крупной сетевой новостной компании *BuzzFeed* — в середине 2015 года менее 33 миллионов уникальных просмотров в США по сравнению с 74 миллионами у *BuzzFeed*, хотя здесь не учтен показ на телевидении через НВО, YouTube и видео³⁶. Этот сайт заметен на рынке благодаря его сильной связи с поколением нулевых. Сайт нацелен на свою возрастную аудиторию и предоставляет материалы, какие в обычных СМИ не увидишь. Взять, например,

сюжет о пребывании режиссера-документалиста Медиана Дайрье в группах ИГИЛ летом 2014 года — эта смелая и рискованная авантюра позволила глубже взглянуть на проблему. В материале есть эпизод о том, как отец учит восьмилетнего сына — оба недавно приехали из Бельгии, — почему вероотступников (*kuffar*) надо убивать³⁷. При этом Дайрье никак — прямо или косвенно — не порицает ИГИЛ, а в комментарии к фильму благодарит хозяев за то, что они помогли ему беспрепятственно покинуть территорию, которую контролирует ИГИЛ. Эндрю Марч в *The Atlantic* задается вопросом: а не квалифицируются ли действия этого журналиста по действующему американскому законодательству как преступные?³⁸ Подобный взгляд на ИГИЛ контрастирует с материалом, который в 2014 году опубликовал 74-летний немецкий журналист Юрген Тоденхёфер, также побывавший в ИГИЛ. По его словам, эта группировка куда опаснее и безжалостнее, чем ее изображали³⁹.

В 2015 году Смит взял два интервью: одно у лидера канадских либералов Джастина Трюдо до федеральных выборов⁴⁰, в которых либералы одержали победу, а второе у президента США Барака Обамы⁴¹. В обоих случаях Смит уделил много времени состоянию окружающей среды и легализации марихуаны — его собеседники считают, что для сохранения экологии планеты нужны дополнительные меры. Что касается марихуаны, Трюдо готов ее легализовать, Обама — против. Опять-таки в обоих случаях Смит отошел от обычного подхода к интервью, когда у журналиста подготовлены неудобные вопросы, скорее он был сочувствующим собеседником. В ходе двух интервью он понимающе кивал, одобрительно поддакивал. Временами, особенно когда речь заходила об окружающей среде, он занимал позицию активиста, который поддерживает желание лидера провести перемены.

Стиль *Vice* в интервью и в документальных материалах в основном уходит от навязывания своей точки зрения, а манера задавать вопросы, по сути, противоположна напоистой агрессии многих журналистов традиционных СМИ,

которые набрасываются на политиков и пытаются прижать их к стенке.

В 2006 году Джона Перетти основал BuzzFeed как лабораторию по созданию яркого «вирусного» контента. Перетти, преподававший в Новом Орлеане навыки по работе с компьютером, предложил компании Nike напечатать на паре фирменной обуви надпись «Sweatshop» («потогонка») — и эта идея вирусом разлетелась по Сети, когда Перетти сообщил о ней десяти друзьям по электронной почте⁴². Отклик был таким мощным (Nike даже обвинили в том, что на производстве компания использует потогонную систему), что Перетти пригласили на телешоу Today на дебаты с одним из руководителей компании Nike поговорить об условиях труда на Дальнем Востоке. Столкнувшись с мемом, Перетти сумел построить на этом явлении сетевую империю.

Слово «мем» изобретено биологом Ричардом Докинзом и означает идею или историю, которая получает мгновенное распространение. Перетти яснее, чем другие предприниматели в новостных СМИ, увидел в этом огромные возможности для заработка. В профиле Перетти и BuzzFeed говорится, что «за веселым блеском BuzzFeed скрывается основанный на данных аппарат, призванный определить реакцию читателей. Перетти знает, что если разгадать эту тайну, будет создан продукт необычайной ценности»⁴³. Читатели материалов BuzzFeed сами выстраивают иерархию новостных ценностей (обычно это видно по реакции аудитории Facebook), а стена между журналистикой как таковой и рекламой стала такой низкой, что через нее легко переступить.

В ноябре 2014 года главный редактор BuzzFeed Бен Смит сообщил, что его сайт заключил соглашение с Facebook. Смысл договоренности — получить доступ к аналитике последнего, ведь Facebook пытается изучать «чувства, мысли и желания» пользователей. На собственном сайте Смит с энтузиазмом писал: «Facebook поделится с нами данными своего проекта в деликатной сфере “анализа чувств” — стремясь понять, что чувствуют люди, исходя из того, что они пишут»⁴⁴.

BuzzFeed и Facebook пытаются перестроить отношения между СМИ и политикой. Они, можно так сказать, стремятся вторгнуться в область эмоций, мыслей и индивидуальных предпочтений граждан и влиять на умы, действуя более прямо и энергично, чем это под силу традиционным СМИ. Такие сайты, как BuzzFeed и Facebook, собирают и анализируют индивидуальную природу пользователей, они полны желания выйти на сцену как медийные структуры, от которых зависит успех или поражение на выборах. У себя на сайте Смит написал:

В ближайшие годы специалисты по сбору общественного мнения и рекламе, которые активно участвуют в планировании президентских кампаний, поймут: разговоры о политике огромного числа людей, циркулирующие в Сети (в Facebook и на других платформах), в конце концов вылились в третью силу с точки зрения важнейшего политического вопроса — убеждения народных масс. Facebook сейчас в точке излома, и я подозреваю, что в 2016 году мы обнаружим, что *он готов заменить собой рекламу на телевидении и стать тем местом, где ведут и выигрывают американские избирательные кампании* [курсив мой. — Дж. Л.].

Смит в Vice и Перетти в BuzzFeed активно публикуют материалы, ориентированные на поколение нового тысячелетия, но постоянно сталкиваются с враждебностью традиционных СМИ, которые считают, что журналистика и бизнес-модели Vice и BuzzFeed — это снижение стандартов. Во-первых, они якобы не желают или не способны бросить вызов власти, во-вторых, они строят свои сайты так, чтобы привлечь как можно больше рекламы, а их обихаживают люди, которым разница между журналистикой и рекламой вообще неведома. Джефф Цукер, президент CNN, сказал: «Я не считаю Vice и BuzzFeed законными новостными организациями. Это просто примитивные лавки для рекламы. Мы их раздавим. Они вообще не из нашей весовой категории»⁴⁵.

Надо сказать, что репутация Vice в среде жертвователей начинает портиться. В Columbia Journalism Review была

опубликована критическая статья: «Журналисты, работавшие для Vice, сообщили CJR, что Vice опубликовал их материалы не заплатив, пообещав какие-то задания на будущее, которые потом отпали; журналистов просили помочь в подготовке документальных фильмов по их же материалам, но платить за труд никто не собирался»⁴⁶.

Похоже, такая эксплуатация носит универсальный характер: двум опытным французским журналистам постоянно звонил продюсер Vice, чтобы получить сведения и консультации о жизни парижских мусульман после нападения в 2015 году на сатирический журнал Charlie Hebdo, но от вопросов об оплате отмахивался либо тянул, обещая вернуться к этому позже. Журналистка из Марокко Аида Алами, с которой обошлись точно так же, решила отомстить и разослала в Сети предупреждение коллегам по перу из списка Review: «Берегитесь Vice». Через несколько минут ей на почту посыпались письма от журналистов, которым с Vice точно так же не повезло: «В основном с ними поступили еще хуже, чем со мной»⁴⁷.

Коммуникации в мире политики меняются, потому что меняется сама политическая журналистика. Цитадели ее совершенства сегодня дрожат, рушатся и исчезают. Один из заметных наблюдателей за происходящим — это вашингтонский сайт Politico; авторы Politico пристально следят за самым мощным комплексом государственного управления в мире.

Один из двух основателей этого сайта, Джон Харрис, пришел в журналистику в 1985 году. Ему улыбнулась удача — сразу после выпуска его взяли на практику в The Washington Post, а через двадцать лет он возглавил в этой газете отдел международной политики — это вершина политической журналистики в США.

Но через несколько лет он решил уйти и вместе с Джимом Вандехеем, корреспондентом The Washington Post по Белому дому, основал Politico — прямо на другом берегу реки, позади студий телевизионного канала. Перед собой они

поставили задачу писать о политике США более подробно, даже более «интимно», чем это могла позволить или позволяла себе любая газета (Вандехей ушел из Politico в 2016 году). Беседуя со мной в небольшом кабинете над новостной редакцией, он сказал:

В свои первые годы в журналистике я, как и все, считал, что передовица The New York Times или The Washington Post важна по определению. Потому что у этих газет надежные источники, пути продвижения материала, лучшие авторы.

А потом меня озарило: черт возьми, ведь мир меняется! И мы поняли, что больше не хотим сидеть на старом банкете, нам интереснее новый. Семь лет назад наша стратегия была нацелена на создание ниши: нам казалось, что нишевая модель будет надежнее обычной. Я вырос в старом мире, мне нравилось работать в газете, которая писала обо всем, что происходит вокруг. Но старый мир рушится, а новый требует специализации. Специализация Politico — политика, и мы должны писать о ней лучше, чем это делает The Washington Post.

Харрис считает, что он и его коллега покинули эту площадку вовремя:

«Журналистика входит в новое время, скажем так, появляется авторская школа; бизнес теперь организован не вокруг институтов, а вокруг ярких журналистов, у которых есть последователи. Это новая ситуация, возникают бренды, основанные на субъективном отношении к миру [таких журналистов, как Нейт Сильвер и Эзра Кляйн]. Прежде в журналистике все было наоборот. Раньше читателей не интересовала одна тема или один автор, поэтому требовалось много тем и много авторов, между которыми и распределялось читательское внимание и награда за труд. Прежде информационный поток собирали именно так. Незыблемость и влияние института прессы приносила пользу всем.

Я не хочу, чтобы все 22-летние пытались стать Эзрой Кляйном, это было бы чересчур, но я считаю, что практический опыт надо приобретать как можно раньше. Рецепт успеха в моем поколении был навык: уметь писать о чем угодно. Но

сейчас ключ к успеху — найти свою нишевую специализацию. Например, я пишу о политике в экономической сфере лучше других. Я прекрасно разбираюсь в энергетике, и если *The New York Times* хочет написать об энергетике, они обратятся ко мне. Так ты и поднимаешься по карьерной лестнице — только этой лестницы уже нет. Надо превратить себя во франшизу, без которой не обойтись».

Сайт *Politico* быстро набрал вес. Штат вырос до 300 человек, и если верить аналитике *Comscore*, на сайт приходится от семи до восьми миллионов уникальных посетителей в месяц и пятьдесят миллионов просмотров страниц, а каждый пользователь в среднем проводит на сайте тринадцать минут. В середине 2015 года было решено открыть отделение в Брюсселе, потому что Европейский союз в Америке освещали слабо. Ожидания, что материалы о Евросоюзе увеличат читательскую аудиторию, были достаточно рискованными, но к концу 2015 года появились первые плоды. Харрис заявил о большом расширении штата и охвата аудитории, сообщив, что «все критические показатели — внимание читателей, рост читательской аудитории, доходы от рекламы, доходы от подписки — перебивают цифры нашего первоначального бизнес-плана»⁴⁸.

Politico держит высокую планку, считая, что многих интересует и должна интересовать политика как таковая, а не рассуждения о том, насколько политика и сами политики ужасны и отвратительны. Автор материалов о СМИ Майкл Волф писал, что «в большинстве своем американцы считают политику делом омерзительным и скучным, но *Politico* основал разветвленную сеть практиков и теоретиков, настоящих профессионалов, которые не просто получают удовольствие от того, что делают, но и способствуют образованию читателя. Это передовой отряд»⁴⁹.

Politico прокладывает путь, которым сегодня, по мнению Харриса, должен идти увлеченный молодой журналист. У сайта большая аудитория, что позволяет содержать много (по меркам новостных стартапов) сотрудников; он предназначен

для читателей, которые не просто терпят, но и с удовольствием поглощают длинные статьи о политике. Со времени открытия честолюбивые замыслы основателей издания заметно выросли — в 2013 году при нем стал выходить журнал, в котором статьи достигают объема в 7000 слов.

Предположение о том, что сетевым читателям не нужны длинные статьи, еще предстоит доказать. Джилл Абрамсон, которой пришлось покинуть редакторское кресло в *The New York Times*, через год вместе со Стивом Бриллом создала сайт «многословной» журналистики, где ежемесячно печатают один длинный материал за весьма щедрый гонорар — 100 000 долларов. Появившись в 2014 году, сайт был «поставлен на паузу» уже через два года⁵⁰. Осенью 2014 года Belt Publishing запустил журнал о проблемах индустриального пояса (Средний Запад и Восточное побережье США); многим эта идея показалась рискованной, но к середине 2016 года этот журнал только окреп, опубликовав длинный и интригующий материал Оливера Ли Бейтмена о белом расизме в Питтсбурге⁵¹. JSTOR, цифровая база научных журналов, начала выпускать *JSTOR Daily*, «где новости находят свою ученую пару», это смесь научно-популярных статей со специализированной аналитикой⁵². Переход на длинный формат — не прерогатива печатного слова: *LA Times* совместно с DirecTV занялась выпуском серии документальных фильмов, бросив вызов экспериментам *Vice* и *BuzzFeed* с документальным и художественным кино. Этот и похожие сайты известны как «объясняющие», они предполагают большую аудиторию, заинтересованную в освоении сложных, необычных или общественно значимых тем и готовую тратить на это время.

Билл Келлер, бывший исполнительный редактор *The New York Times* (2003–2011), провел газету по бушующему морю (хотя вернуть этот корабль в тихие воды не удалось), когда резко упал тираж и возрос спрос на цифру. Вскоре после ухода он заявил, что создаст новостной сайт *The Marshall Project* и станет его главным редактором, что и произошло в 2014 году.

Келлер сомневается, что традиционные новостные организации выживут. Скажем, его бывшая газета или радио NPR выживут, потому что это некоммерческие организации и спонсоры не дадут им пойти ко дну. В остальном пейзаж заполняют специалисты, которые придут на смену — прямо или косвенно — все более несостоятельным и отмирающим традиционным СМИ. The Marshall Project назван в честь Тергуда Маршалла, судьи-реформатора из Верховного суда (1967–1991), первого чернокожего юриста, который взошел на вершины профессии. Келлер убежден, что судебная система в США дала серьезную трещину и что журналистика, основанная на аналитике и расследованиях, может способствовать изменениям. Предпосылка здесь двойственная. Во-первых, людям всегда нужны комментарии в специализированной сфере деятельности, во-вторых, читатели готовы поглощать сложный материал.

Однажды ранним (для журналистов) утром в пустом пока помещении недавно созданной компании Келлер объяснил мне, на чем основано это рискованное предприятие:

Журналистика, изучающая систему уголовного права, серьезно пострадала от экономической травмы, нанесенной нашей профессии. Работа это сложная, нужно проводить расследования хотя бы условно. И СМИ в своем большинстве считают, что они больше не могут себе это позволить. Как следствие, законодательные органы штатов стали более коррумпированными и менее эффективными. Мои слова относятся не только к судебной системе, но именно она требует особого внимания.

Нам нужно копать более основательно, давать больше разъяснений. Речь идет о практике правоприменения, о поведении обвинителей и органов прокуратуры, о мере наказания, об условиях содержания в тюрьмах, о заключенных в этих тюрьмах, об альтернативе тюрьмам, о системе надзора, о досрочном освобождении и об особо щекотливой теме, смертной казни, — все это очень сложные вопросы. Сенсационная подача для бульварной прессы, что есть настоящая мантра для местных телеканалов, в данном случае не проходит.

Кроме того, система уголовного права непропорционально часто карает бедных, чернокожих и латиноамериканцев. Население тюрем на 60% состоит из чернокожих и латиноамериканцев. А в головах издателей звучит голос под сурдинку: это не наш демографический срез. Рекламодателей совершенно не интересует обнищавшая американская глубинка. Да и читатели, пожалуй, не рвутся читать об этих краях. Но где традиционное чувство ответственности? Ведь писать об этом просто необходимо.

Келлер, которому слегка неловко в маленькой комнате, где сидят сотрудники стартапа, верит в восстановительную силу журналистики, в этику, которая целый век питала эту профессию в США. Американская журналистика, которая, как и журналистика везде, порой демонстрирует довольно мерзкие черты, сохраняет оптимизм и веру в будущее, как и честолюбивое желание служить примером для остального мира.

Глава 10

«И есть возможность... напрямую говорить с народом»

Я уже писал выше, что в авторитарном мире в первые десятилетия третьего тысячелетия, начало которого сулило столько надежд, и без того ограниченное пространство для независимой, принципиальной журналистики сузилось до предела. Тем временем в странах с развитыми демократическими институтами и активным, глубоко укорененным гражданским обществом журналистика тоже изменилась, но по-другому. Еще недавно властвовавшая над умами традиционная журналистика стала все чаще отходить на вторые роли, сначала уступив первенство «связям с общественностью», включая их политическое подразделение, а потом и социальным сетям. В выигрыше, можно так сказать, оказались как лишенные голоса, так и могущественные граждане, но в итоге, наряду с интереснейшими дискуссиями, в мире пышным цветом расцвели новости-фальшивки (так называемые фейк-ньюз).

Эмоции вдохновляют людей куда больше, чем факты, хотя без последних жизнь невыносима. Журналистам это давно известно, поэтому всегда был разрыв между новостями как таковыми и теми материалами, обычно более популярными, которые взывают к эмоциям. Эти два вида журналистики переплетаются, и между ними нет четкой грани. В XXI веке резко возросло число граждан, которые получают новости из социальных сетей. Последнее серьезно подкосило рынок газетных изданий и в чуть меньшей степени новостных радио и телепрограмм; как следствие, смесь из фактов и вымысла стала еще более хаотичной, подчас достигая фантазмагории, которой журналистика доселе не знала.

В книге «Политический мозг» (Political Brain) профессор психологии Дрю Уэстерн пишет, что «невозмутимый разум принимает решения, взвешивая факты и руководствуясь здравым смыслом, делая на этой основе рациональные выводы... но это не имеет отношения к тому, как в действительности работает наш мозг»¹. Своей книгой Уэстерн хотел донести эту мысль до американских демократов, потому что незыблемая вера в рациональное привела их к поражению на выборах. Да, демократы провалились на президентских выборах 2016 года: их кандидатом была сверхрациональная интеллектуалка от политики Хиллари Клинтон, давно освоившаяся в политических водах у себя в стране и за рубежом, обладательница яркого ума и емкой памяти, одна из самых внушительных политических деятельниц США. Но, видимо, она не сумела должным образом «подать себя» и получить необходимую поддержку народа. В результате ее поражения в Белый дом пришел Дональд Трамп, человек невежественный в тех самых политических областях, где Клинтон чувствовала себя как рыба в воде. При этом он не выказывал особого желания восполнить свои пробелы в понимании устройства страны, которую жаждал возглавить.

Сам факт прихода к власти политика, который буквально унащает свои речи, заявления и интервью ложью, со всей остротой ставит вопрос о правде в политической деятельности. К тому же речь идет о президенте, который поносил «новостников» на чем свет стоит, обзывая их «бесчестными», «врунами» и «отребьем» и особенно жестоко ругая те СМИ (CNN, NBC, The New York Times, The Washington Post и т.д.), фирменным знаком которых всегда была точность.

Приближаясь к началу своего президентского правления 20 января 2017 года, Трамп продолжал поливать новостные СМИ грязью, а однажды на пресс-конференции за неделю до инаугурации накричал на политического журналиста CNN Джима Акоста и запретил ему задать вопрос², дескать, этот кабельный канал одним из первых откликнулся на непроверенные обвинения в том, что, будучи год назад в России,

Трамп предавался сладостным утехам с проститутками, и теперь американские разведслужбы опасаются, что российские власти смогут шантажировать нового американского президента. Трамп заклеил этот материал как фейк.

Трамп также осознал, что журналистика в большей степени, чем когда-либо ранее, стала открытой для комментариев, замечаний и исправлений со стороны читателей и слушателей, при этом все больше отдаляясь и отрываясь от своей основы — газеты. (Хотя на время прихода Трампа к власти большинство действующих американских журналистов были все-таки приписаны к газетам.) Профессиональной газетной прессе все сложнее держать высокий уровень достоверности, подачи и охвата событий, ведь рекламные деньги из газет быстро перетекают в интернет, обычно в Google и Facebook. Все газеты — одни относительно успешно, другие с тяжелыми потерями — встраиваются в мир цифры.

В 2015–2016 годах вещательные и кабельные новости чувствовали себя неплохо во многом благодаря освещению кампании Трампа. Глава CBS Лесли Мунвис весной 2016 года говорил: кампания Трампа, «возможно, не так хороша для Америки, зато она прекрасна для CBS». Но сегодня большинство американцев к традиционным СМИ относятся с подозрением. Опрос института Гэллага в сентябре 2016 года показал: число людей, более или менее доверяющих новостным СМИ («новости даются в полном объеме, точно и качественно»), сократилось до 32%, а среди республиканцев и до 14% — это очень низкий показатель.

Многие историки убеждены: серьезные изменения в коммуникациях сильно влияют на политическую организацию страны. Специалист по истории Америки из Гарварда Джилл Лепор считает, что двухпартийная система в США «была порождена прессой», а на дальнейшие изменения этой системы, в частности, повлиял массовый рост грамотности, чтение газет, а потом и вещание. Далее автор пишет о том, какие средства коммуникации и получения информации приобретают в XXI веке все большую популярность:

«Интернет, как и все новые коммуникационные технологии, внес вклад в политическую нестабильность: как всегда, это проявляется в недовольстве сторонников партии действиями своих лидеров... не получится ли так, что взрыв в мире коммуникаций приведет к атомизации общества и положит конец партийной системе, вызовет к жизни новый и более гибкий политический институт... что, если каждый из нас станет партией одного человека?»³

Партийную систему пошатывает, но это не значит, что ей пришел конец. Новые технологии вовсе не обязательно породят «партии одного человека», но у лидеров появляется средство главенствовать в своих партиях. Позиция Трампа созвучна позиции других популистов, таких как Бeppe Грillo, главе итальянской партии протестного движения Movimento 5 Stelle («Пять звезд»). В конце 2016 года, когда эта партия стала самой популярной в стране, он попросил гражданское общество оценить точность работы журналистов, словно перекликаясь с риторикой Трампа: фейковые новости исходят именно от журналистов.

Для всех политиков-популистов новостные СМИ, которые стремятся освещать события осмысленно и на основе фактов, попадают в стан врагов. Куда привлекательнее интернет с его хаотичной смесью из фактов, догадок, вбросов и фальшивок. Ведь Сеть помогает привлечь внимание и получить доход. Грillo через свой блог бросил вызов традиционным итальянским партиям, а Трамп господствует на американской политической сцене через Twitter.

Келлиэнн Конуэй, опытная участница политических кампаний и социолог, некоторое время возглавлявшая избирательный штаб Трампа, часто приукрашивала заявления этого кандидата, а также редактировала в интересах своего патрона опросы общественности, в основном предрекавшие победу Хиллари Клинтон. Но ее самый творческий акт случился через несколько недель после того, как Трамп вопреки опросам стал президентом США. Келлиэнн пригласили ответить на критику актрисы Мерил Стрип. На церемонии вручения

«Золотого глобуса» в январе 2017 года актриса с негодованием рассказала, как Трамп, выступая перед публикой в ноябре 2015 года, стал дергаться⁴, бестактно пародируя движения журналиста The New York Times Сержа Ковалески, который страдает от артрогрипоза — заболевания, ограничивающего подвижность суставов. Вот слова Стрип: «Желание унижить другого — если оно исходит от человека, который имеет вес в обществе и выступает перед большим числом людей, — проникает в жизнь каждого... и неуважение вызывает ответное неуважение, а насилие провоцирует насилие. Когда человек, облеченный властью, позволяет себе грубо высмеивать другого, проигрывают все»⁵.

На следующий день после выступления Мерил Стрип Конуэй появилась в программе CNN New Day. Ведущий Крис Куомо сказал, что объяснения Трампа — мол, он просто хотел показать, как журналист «унижался», отказываясь от своей статьи в The Washington Post о том, как мусульмане радовались падению в сентябре 2001 года башен-близнецов, — не выдерживают критики, потому что своим жестом Трамп явно имитировал физический недуг Сержа. Конуэй на это ответила: «Вы говорите: “Не выдерживают критики”. Обвиняете его во лжи, но совершенно напрасно... *Почему все нужно принимать за чистую монету? Вы следите за тем, что слетает с его губ, а не лучше ли задуматься о том, что творится в его сердце?»*⁶ (курсив мой. — Дж. Л.).

Это был один из самых поразительных рекламных ходов в отношении Трампа, а возможно, и любой другой публичной фигуры. Конуэй дала совет, следовать которому современные журналисты просто не в силах, ведь основной источник для сообщений о президенте, пусть еще не вступившем в должность, — это сказанные им слова или подписанные документы. Откуда журналисту знать, что творится в сердце общественного деятеля?

Тем не менее фраза Конуэй не слишком далека от истины. Принимать слова Трампа за чистую монету — точно его цитировать, объяснять важность сказанного им, ссылаться на

контекст, отталкиваться от слов, что слетели с его губ, будь то констатация факта или точка зрения — больше не стоит. Радикализм Трампа во многом замешан на эфемерности его высказываний. Через день, месяц или год он может от своих слов отречься или не отречься (отдельный вопрос — настрой его сердца). Так стоит ли принимать его слова за чистую монету?

Все лидеры в демократическом обществе ищут у народа поддержки, обзавуясь проводить в будущем определенную политику. Такова логика системы избирательного права. Обязательства часто даются искренне, то есть политик действительно готов их исполнить, хотя о том, что сделать это не просто, часто умалчивают. Нельзя сказать, что эти обещания эфемерны изначально и забываются сразу, едва получена поддержка избирателей, но они зависят от обстоятельств. Еще не став президентом, Трамп смягчал некоторые свои обещания, отступался от них или высказывался о них противоречиво: например, запретить всем мусульманам въезд в США, немедленно депортировать миллионы мексиканцев, разрешить ношение оружия в школах, объявить аборт преступлением. Какие из обещаний или спонтанных идей он попытается превратить в закон — определить трудно. И журналисты также не могут отталкиваться от его речей.

В комнате две собаки. Одна — в кресле перед экраном компьютера — поворачивается к другой, что сидит на полу, и радостно заявляет: «В интернете никто не знает, что ты собака». Считается, что именно эту карикатуру из журнала *New Yorker* воспроизводят чаще всего для иллюстрации своеобразия интернет-пространства. Ее автор — Питер Штейнер, штатный карикатурист журнала, а карикатура появилась в 1993 году, когда интернет пребывал в зачаточном состоянии. Штейнер тогда сказал, что вовсе не считал себя специалистом по интернету, даже не очень им интересовался, и карикатура не была результатом его глубоких раздумий о природе Всемирной паутины. «Я совершенно не пытался отразить дух времени. Наверное, это удастся как раз тогда, когда ты об этом не догадываешься»⁷.

Карикатура Штейнера появилась больше двадцати лет назад, и ныне основной посыл интернета — анонимность его пользователей, о чем и говорит одна собака другой — еще более значим. Теперь не обязательно раскрывать факты, хотя их можно раскрыть, если они в вашу пользу — как сказала бы Келлиэнн Конуэй, раскрыть свое сердце. В виртуальном мире процветают виртуальные истины. Быстрое развитие социальных сетей позволяет могущественным и популярным личностям создавать гигантские группы последователей и обращаться к ним «напрямую», а им «напрямую» обращаться к вам.

«Напрямую» взято в кавычки, потому что наделенные властью и влиянием люди вряд ли активно общаются со своими последователями. Марк Цукерберг, один из создателей Facebook и его президент, часто размещает посты в созданной им сетевой среде, которые обычно воспроизводятся по 200 000 раз. Он демонстрирует фотографии своей семьи, собаки, встреч с папой римским и президентом Си Цзиньпином. Впрочем, Сара Фрайер из Bloomberg сообщает, что эти посты он размещает не сам: «Обычно от его имени это делают сотрудники Facebook, которые помогают готовить его посты и речи, а еще с десятков помощников удаляют с его страницы нежелательные комментарии и спам. Профессиональные фотографы Facebook снимают Цукерберга, скажем, во время пробежки в Пекине или за чтением с дочерью»⁸. Считать ли такие посты фальшивками?

Эти посты — сочетание фотоснимков семьи Цукерберга и отчетов о деятельности Facebook — создают образ интеллигентного семьянина и толкового работника. Перед нами нормальный, открытый, доступный и искренний человек, верный своей компании. «В самом Facebook все сотрудники убеждены, что образ Цукерберга синонимичен образу компании. И если люди считают, что Цукерберг — обаятельный новатор, это относится и к Facebook».

Твиты и посты знаменитостей задают координаты отношений, чрезвычайно важных для последователей известного

человека. Иногда такие сообщения порождают антагонизм и ненависть, но чаще от последователей исходит восхищение и даже обожание. Грилло и Трампу удалось объединить миллионы своих сторонников. Им верят люди, уставшие от традиционной политики и СМИ, от бессилия и безразличного отношения к ним властей, они жаждут что-то поменять в своей жизни и готовы принять лидера, который обещает искоренить источник их отчаяния, обещает защиту от террористов, от засилья иммигрантов, от потери рабочих мест. И самое главное, он обещает людям уважение, понимание их горестей.

Парадокс виртуального мира в том, что он, с одной стороны, бестелесен, отделен от живого человеческого существа, в этом мире со свистом носятся мириады цифр, и у каждой есть свой пункт назначения, а с другой стороны, мир этот способен вызывать бурю эмоций, будить чувства огромных человеческих масс. Здесь правят эмоции: кумир получает любовь и доверие миллионов, а сам облакает их гнев и ненависть в активные формы, нередко превращая свою аудиторию в сообщество травмированных душ, чье терпение на пределе.

И недовольным позволяют высказаться. В 2016 году у либеральной прессы было развлечение, когда в СМИ, да и в мире политики, считалось, что Трамп в конечном итоге прогорит и пальму первенства возьмет Клинтон: журналисты-либералы беседовали со сторонниками Трампа, обнажая смехотворность их взглядов. Много таких интервью провел на передаче *The Daily Show* ее ведущий с многолетним стажем Джон Стюарт, а с сентября 2015 года и комик из Южной Африки Тревор Ноа. Есть материалы уличных съемок, когда в ходе марша сторонников Трампа журналист Джордан Клеппер беседует с его участниками и в числе прочего спрашивает о здоровье Хиллари Клинтон⁹. Мужчина говорит: у нее СПИД, она подцепила его у мужа, который «якшался с Мэджиком Джонсоном», бывшей звездой бейсбола, — последний якобы заразился ВИЧ, потому что у него было множество половых партнеров (впрочем, гетеросексуальных), и в итоге он

стал активным борцом со СПИДом. Женщину спрашивают, что она думает о президенте Обаме, и она отвечает: «Обама — мусульманин, он террорист, никто меня в этом не разубедит». На вопрос, откуда ей это известно, следует ответ: «Есть ли у меня доказательства? Нет. Есть ли улики? Нет. Но я это точно знаю». Другой мужчина сказал, что Обама мусульманин, потому что носит украшения на мусульманский манер, в частности, в некоторые месяцы снимает обручальное кольцо. Мужчина, считавший, что у Хиллари Клинтон СПИД, задается вопросом, почему во время теракта 11 сентября Обамы не оказалось в Белом доме (более чем за семь лет до того, как Обама стал президентом).

Было неприятно наблюдать, как умный, изящного вида молодцеватый мужчина высмеивает на камеру в основном пожилых людей, явно скромного достатка, многие из которых страдают ожирением и не способны здраво высказаться на заданную тему («Смотрите, что они несут?»), но с сожалением приходилось согласиться: все, кому задавали вопросы, проявляли удивительную наивность и почти полностью игнорировали факты. Как женщина, которая со смешком призналась, что доказательств у нее нет, зато есть убеждение: президент Обама ни много ни мало ярый джихадист. Все эти люди вышли на марш, убежденные в своей правоте, полные недовольства и предрассудков, вышли, чтобы распространять свои безосновательные взгляды и представить свою позицию в выгодном свете.

Высмеять невежество с помощью уличных интервью любят не только левые. Марк Дайс, автор и вещатель с правыми взглядами, издавший несколько книг о тайных обществах, которые управляют миром¹⁰, регулярно берет интервью, вскрывающие жуткое невежество граждан. В июне 2016 года он взял несколько коротких интервью у молодежи на побережье в Сан-Диего, штат Калифорния¹¹. Он выезжает развлечься на океан регулярно и вот уже в шестой раз задает вопрос: «Почему мы, американцы, празднуем 4 июля?» Большинство расписалось в полном невежестве, один молодой человек упомянул

«независимость», но не знал, от кого или чего (4 июля 1776 года представители 13 британских колоний в Америке подписали Декларацию независимости от Великобритании). Отвечая на другие вопросы, люди мучительно пытались назвать хотя бы одного из отцов-основателей США — двое «вспомнили» Авраама Линкольна, который был президентом (1861–1865) почти век спустя после подписания декларации.

Фейковые новости уже давно более популярны, чем тщательно выверенные, внимательно отобранные и вполне достоверные «реальные новости». Многие материалы, наполнявшие страницы газет в Европе с начала XVII века, были основаны на слухах, делались за деньги, чтобы возвысить или уничтожить чью-то репутацию, или просто оказывались выдумкой. И только в XIX веке некоторые газеты, в частности, лондонская *The Times*, сделали главным критерием своих публикаций точность. Но вот циничное рассуждение Джаспера Милвейна, журналиста-литератора из романа Джорджа Гиссинга «Новая улица литературной богемы» (*New Grub Street*, 1891), который прекрасно держит нос по ветру в мире журналистики — в этой профессии правит спрос, а отнюдь не этика: «Литература нынче — это торговля. Хочешь добиться на этом поприще успеха — надо умело торговать. В первую голову надо следить за рынком, за спросом. Если товар начинает хуже продаваться, надо срочно искать что-то новое и смачное».

Если говорить об авторитарных режимах, «новости» там по большей части фальшивы или сильно искажены. А в культуре таблоидов точность приносится в жертву силе воздействия. Тем не менее в 2016 году, в канун президентских выборов, тема фейк-ньюз стала на диво актуальной. Это объясняется ростом полемики на политическом поле, а также анонимностью, легкостью публикации и неискоренимой путаницей — где правда, а где ложь? — на просторах интернета. Интернет создал условия для того, чтобы выдумывать и распространять на широкую аудиторию журналистские байки, сочиненные исключительно на потребу рынка. Спрос угробил правду.

Либерально настроенные новостные СМИ, которые в своей деятельности руководствуются фактами, принципами их проверки, надежности источников и нейтральности подачи, столкнулись с волной материалов, инспирированных ложью и преувеличениями Дональда Трампа, — эта волна быстро превратилась в лавину, потому что аудитория как справа, так и слева внимала Трампу с восторгом. Журналист CNN Брайан Стелтер говорит: «Новостных изданий, поставляющих фейки, на правом фланге всегда было больше, чем на левом, и верно, что правые поглощают эти фейки с явным удовольствием, но сейчас, после избрания Трампа, в стане левых тоже растет интерес к бредовым измышлениям — уже против Трампа».

В декабре 2016 года Сабрина Тавернайс провела на страницах *The New York Times* расследование: каков масштаб и привлекательность фейковых новостей? Она побеседовала с Ларри Лафлином, бизнесменом на пенсии, в прошлом владельцем небольшого завода по обработке металла. Лафлин рассказал ей, что обожает Марка Дайса, особенно его саркастические интервью и остроумные — на пулеметной скорости — комментарии. (Один пример: на своем канале в YouTube в январе 2017 года Дайс высмеял журналиста CNN Стелтера за то, что тот критиковал Fox News. Там в лучшее эфирное время показали «группу белых мужчин» из ведущих и ученых, которые обсуждали «перебежницу», известную журналистку Мегин Келли, перешедшую работать в NBC, и Дайс сказал, что удивлен возражениями Стелтера, а еще игриво повел рукой, мол, что вообще Стелтер может иметь против «группы мужчин», намекая на то, что Стелтер гей¹².)

Лафлин (его родители развелись, когда он был ребенком, он жил со спившимся отцом) с жаром объяснил, почему предпочитает журналистику правого толка¹³. Он вспомнил, как либерально мыслящий друг его сына однажды сказал ему: «У вас уютный дом и все схвачено, потому что вы — белый». «А ведь сколько я бился всю свою жизнь — это не в счет... Я в их глазах без всяких аргументов расист, дебил, фанатик, ну и, ясное дело, неуч». О традиционных СМИ он отозвался так:

«Для леваков мы — объект для насмешек. Им бы только покуражиться над нами. Вот мы и перестали их слушать». После того как президентом избрали Трампа, Лафлин ищет в Сети жареные комментарии, в которых празднуют победу Трампа и высмеивают либералов, — «это как бальзам на душу».

Но он не приемлет новости, которые отдают очевидной фальшью, и вспоминает, как его смутил случай в декабре 2016 года, когда житель Северной Каролины, приведенный в ярость уткой о том, что Хиллари Клинтон из вашингтонской пиццерии Comet Ping Pong управляет тайным обществом педофилов, ворвался в эту пиццерию с винтовкой, сделал несколько выстрелов в воздух и был тут же арестован. Лафлин сказал, что эта история «подтверждает стереотип о том, что все мы — придурки».

Но дело вовсе не в «придурках». Люди предпочитают новости, которые им интересны не просто как информация, а совпадают с их взглядом на мир и проливают «бальзам на душу», как для некоторых — наркотики или секс. Лафлин, да и многие на правом фланге, отрицает новости, которые считает фейком, потому что они не станут ему «настоящим другом», на них нет печати реальности и хотя бы частичной достоверности. Он не хочет жить в фальши, ему нужен обоснованный триумф — например, победа Трампа. Ему нужны острые чувства. И гигантский партийный раскол в американской политике, вышедший на новый уровень в ходе кампании Трампа — тут и вымыслы, и нарциссизм, каких современные президентские выборы еще не знали, — заставляет людей искать сильные чувства и наслаждаться ими, даже если их природа ложная.

Выступая в январе 2017 года на семинаре в Лондоне, журналист CNN Брайан Стелтер разделил фейковые новости на три основных категории: во-первых, «выдуманная история как таковая, фальшивка в чистом виде, ведь утки были всегда». Далее, «гибридная новость»: отчасти правда, а отчасти или даже главным образом ложь, «это уже более тонко и опасно». Наконец, крайние случаи — материалы в политических

целях. Тут, как и в гибридном варианте, элемент правды присутствует, но дальше в дело идут предрассудки или предвзятые мнения о человеке или группе людей. Хороший пример — здоровье Хиллари Клинтон. Правда, судя по всему, такова, что она принимает препараты для разжижения крови и для терапии гипертиреоза, а значит, щитовидная железа не в порядке и требуются дополнительные гормоны. В недавнем прошлом она ударилась головой, расшибла локоть, ей сделали операцию, чтобы избежать закупорки вен и предотвратить инсульт. В сентябре 2016 года ей пришлось покинуть памятную церемонию, и до машины она дошла пошатываясь при поддержке охранников. Позднее сообщили, что у нее пневмония.

То есть доля истины в рассказах о ее здоровье есть. И хотя личный врач политика Лиза Бардак в середине 2015 года официально заявила, что Хиллари Клинтон «пребывает в прекрасном состоянии и способна исполнять обязанности президента Соединенных Штатов»¹⁴, официальные данные указывают на то, что какие-то неопасные заболевания у нее есть; это дает основания для спекуляций, о чем и поведал в *The Daily Show* журналист Клеппер. Те, кто был против Хиллари — а то и просто ненавидел ее, — хотели верить, что она больна или даже при смерти.

Потребителями фальшивых, гибридных или политически ангажированных новостей движут эмоции, а для их создателей важнее всего деньги. В 2016 году возникла эдакая «журналистика абсолютной лжи»: мы видим это на примерах из Грузии, бывшей югославской Македонии и самих США. Всякий раз, когда у таких «журналистов» брали интервью, они утверждали, что политика их не интересует — некоторые даже были противниками Дональда Трампа, — при этом они лили воду на его мельницу, главным образом сея в Сети наглую ложь о Хиллари Клинтон.

У Кэмерона Харриса из Аннаполиса, штат Мэриленд, недавнего выпускника Дэвидсон-колледжа в штате Северная Каролина, было много долгов. В начале осени он услышал, как Трамп, выступая в Колумбусе, штат Огайо, возможно, готова

своих сторонников к поражению, заявил, что «выборы будут сфальсифицированы»¹⁵. Тут Харриса осенило: надо доказать, что это туманное заявление не лишено оснований.

Опыт создания фейков у него уже был: взять, скажем, статью «В смерти гориллы из Цинциннати Хиллари Клинтон винит расизм». Памятуя о словах Трампа относительно возможных фальсификаций, он выдал материал о подтасовке голосов избирателей под заголовком «ВНИМАНИЕ: на складе в Огайо найдены десятки тысяч поддельных бюллетеней с голосами за Хиллари Клинтон». Статья получила тысячи «лайков», а на автора за несколько дней свалилось около 5000 долларов благодаря микровыплатам от рекламы, которую Google поместил на его сайте. Чтобы сделать свои материалы более весомыми, Харрис за 5 долларов купил неоплаченный домен *christiantimes.com*, где и стал размещать свои публикации.

Нашумевшую статью сопровождал рисунок из британской газеты *Birmingham Mail*: рабочий склада стоит позади ящиков-урн, на которых так и написано: «Урны для голосования». Статья гласила, что в этих урнах поддельные бюллетени, подготовленные штабом Клинтон. Рабочий Рэндолл Принс, выдуманный автором, объясняет свою находку так: «В это помещение никто никогда не заходит». Статья вышла 30 сентября, ее прочли 6 миллионов человек. В ответ на вопрос, что он думает о своем успехе, Харрис сказал: «Поначалу я был просто потрясен — такая реакция! До чего люди легковерны! Это было подобно социологическому эксперименту». Когда его спросили, не стыдно ли ему зарабатывать на чистом вранье такие деньги — двадцать две тысячи долларов за сутки работы (а после статьи о поддельных бюллетенях он опубликовал и другие тексты, правда, уже менее прибыльные), он задумался и сказал в свою защиту: «Когда идет избирательная кампания, штаб, да и сам кандидат, только и делает, что врет».

Президентская кампания в США стала для фейковых новостей звездным часом, хотя явление возникло раньше. Первой ласточкой стал сайт *National Report*, зарегистрированный в феврале 2013 года. Время от времени (причем не на самых

видных местах) издатели предупреждали читателей о сатирической природе сайта, но основные материалы давались без тени шутки, да так они и воспринимались; иногда «новости» повторяли Fox News и сайт с техническим уклоном Boing Boing. В интервью Кэтлин Дьюи из The Washington Post¹⁶ ведущий автор сайта Пол Хорнер (которого можно уподобить британскому мастеру граффити Бэнкси) ясно дал понять: свою работу, приносящую неплохой шестизначный доход, он воспринимает как шутку, просто прикалывается, а традиционные сайты подают его материалы как подлинные.

Материал, который показал Fox News (только один раз, сказал Хорнер, прежде чем они «не научились пользоваться Google при показе рекламных или прочих роликов»), назывался так: «Обама на свои деньги открывает музей ислама во время приостановления деятельности федеральных органов». Точным в этой статье было только одно: некоторые органы федерального правительства во время публикации действительно были на время закрыты (по причине отказа конгресса согласовать бюджет). Автор настаивает, что всегда пишет по делу, вскрывая лицемерие своих героев и дурача легковерных, например, показав сюжет о том, как он женился на собственной собаке и был приглашен на разговорное шоу в Лос-Анджелесе, чтобы рассказать об этом. «Я просто хотел посмеяться над ярыми противниками геев. Что нас ждет дальше? Тостер?»

Fox News предпочитает сюжеты с «правым» уклоном, а его конкурент, MSNBC, склонен к левизне, но все же позиционирует себя как серьезный новостной канал: возможно, такие акценты пришлось расставлять после того, как в 2015 году основателя и директора канала Роджера Эйлса обвинили в сексуальных домогательствах, и он ушел в отставку. За три дня до инаугурации Трампа ведущий Такер Карлсон, сменивший Мегин Келли, накинулся на некоего Дома Туллипсо — тот объявил себя лидером большой группы, которой якобы платили за то, чтобы протестовать во время демонстраций в поддержку Трампа (на то время популярный прием в стане

правых). Переменяя нападки шутками, Карлсон и Туллипсо обменивались уколами, причем последний нелепо утверждал, что стоял во главе армии протестующих, и уверял, что на ее содержание уходило около шестидесяти миллионов долларов в год. В итоге он поблагодарил Fox за то, что канал проверил все факты и разоблачил его¹⁷.

В 2014 году Хорнер покинул National Report, в январе 2017 года сайт закрылся, но отказаться от такого прибыльного развлечения было выше его сил. Вскоре после победы Трампа в ноябре 2016 года, беседуя с Кэтлин Дьюи из The Washington Post, он похвастал — возможно, с самоиздевкой: «Я считаю, что Дональд Трамп попал в Белый дом благодаря мне»¹⁸. Он опубликовал несколько статей о протестующих на митингах в поддержку Трампа, якобы оплаченных сторонниками Клинтон: эти статьи мгновенно разлетелись по Сети, их широко цитировали. Хорнер по-прежнему относится к своей деятельности как к шутке, но поскольку пришедшего к власти Трампа он «ненавидит», теперь ему «немного стыдно»:

Его последователи вообще ничего не проверяют, они постят все, что попало, заглатывают любую наживку. В его штабе сослались на мою статью о том, что каждый протестующий получил по 3500 долларов, как на факт. Но я же это выдумал! Я поместил ложную рекламу на сайте объявлений Craigslist. Просто сторонники Трампа не сомневались, что протестовать на их митинги приходят за деньги! Я сам в таких протестах участвовал, поверьте, противников у Трампа хватает абсолютно за бесплатно! Я лишь хотел посмеяться над этой идиотской уверенностью, запустил утку. И люди клюнули, поверили... Так оно и работает: я что-то пишу, кто-то перепечатывает, потом выясняется, что это фейк, и люди чувствуют себя идиотами. Но сторонникам Трампа все нипочем! Они ничего не проверяют! И вот он в Белом доме. Говоря по совести, я не навредил его кампании, а только ей помог. И за это мне немного стыдно.

Хорнер живет в США и с сожалением видит, так сказать, ощущает на себе, к чему привели его развлечения. Но о многих авторах фейков этого не скажешь: их измышления

об избирательной кампании Трампа прилетали из-за рубежа. В македонском городе Велес журналисты сайта BuzzFeed (фейковые новости были пока еще не так популярны) нашли группу молодых людей, сообразивших, что можно неплохо заработать, если выдумывать новости для таких сайтов, как WorldPolitics.com, TrumpVision365.com, USConservativeToday.com, DonaldTrumpNews.com и USADailyPolitics.com. «Македонские подростки и молодежь с этих сайтов сказали журналистам BuzzFeed: лучший способ привлечь читателей — передавать свои политические байки через Facebook, а чтобы вас читали на Facebook, нужны сенсационные и просто выдуманные сюжеты, на которые клюнут сторонники Трампа»¹⁹.

Никто из этих молодых людей в Македонии — большинство настаивало на анонимности — не говорил, что поддерживает Трампа. Для них он и его сторонники просто источник заработка. В интервью незадолго до выборов 8 ноября 2016 года они пожелали победы Трампу: если выиграет Клинтон, сказал 16-летний парень, «о политике будет нечего писать».

Молодые македонцы (люди, без сомнения, толковые, но далекие от американской политики) часто воровали идеи для своих материалов с американских сайтов — обычных или сатирических. Так действовали и писаки из Тбилиси, столицы Грузии. 22-летний Бека Лацабидзе рассказал журналистам The New York Times, что тему для своего сюжета он откопал на сайте канадского города Ванкувера — The Burrard Street Journal, — вычитал там, что в случае победы Трампа Обама переберется в Канаду²⁰. Сайт явно сатирический, но Лацабидзе, который публикует и правдивые материалы, и «гибридные», и чистые выдумки, выдал этот сюжет за истину; так он поступил и в другом случае, заявив: «Если Трамп победит, Мексика закроет границы с США», и эта статья имела успех! Свои мотивы он объяснял так: «Моя аудитория любит Трампа. И писать о Трампе что-то плохое — не в моих интересах». Как и Хорнер, он посмеивается над наивной доверчивостью своих читателей: «Для меня это не фейки, а сатира. Ведь никто же не верит, что Мексика закроет границы. Это же бред».

Как Хорнер, да и другие авторы такого рода, он вовсе не считает себя «правым». Во многих его материалах прослеживается антипатия к мусульманам, но он утверждает: «Против мусульман я ничего не имею. Просто я вижу, что народу они интересны. Про них пишут. Для меня это чистый заработок, больше ничего».

Президент Обама покинул Белый дом, считая, что фейк-ньюз и контекст, в котором они процветают, опасны для человечества. Вскоре после победы Трампа Обама сказал Дэвиду Ремнику, что экосистема медийных новостей устроена так, что «правдой можно считать как все, так и ничего. Объяснение нобелевским лауреатом климатических изменений выглядит на странице в Facebook точно так же, как и отрицание этих изменений каким-нибудь прихвостнем братьев Кох. Теперь можно сеять ложную информацию, стращать читателя буйными теориями заговоров, нагло чернить оппозицию и не давать опровержений — информация нагнетается с огромной скоростью, резко поляризует общество, и людям все сложнее найти общий язык»²¹.

До 90-х годов, добавил он, «было принято отталкиваться от фактов. А сейчас каждый отталкивается, от чего хочет».

Фейковые новости в основном подаются через Google, Twitter и Facebook и заметно повышают их доход. Эти компании уверяют, что занимаются не издательской деятельностью, а «технологической». Патрик Уокер, глава объединения Facebook в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, отстаивал эту точку зрения на семинаре о фейк-ньюз в Лондоне²²: «Facebook публикует новости всего десять лет. Но мы же не делаем новости сами, мы работаем с партнерами». Впрочем, к концу 2016 года он и другие руководители Facebook, Google и Twitter поняли, что должны фейкам как-то противостоять, и, по их заверениям, уже этим занялись. Отрицая, что Facebook «создает новости», Уокер добавил: «Мы отслеживаем ложные или неподтвержденные материалы. Есть служба проверки фактов в США и по всему миру, мы с этими людьми взаимодействуем».

Увы, невысокая культура и жажда денег противостоят глубоким переменам. Бывший сотрудник Facebook сообщил Financial Times: «Стиль управления компанией помогает распространять фейковые новости. Инженеры изо всех сил заигрывают с аудиторией: клики, лайки, комментарии, репосты — вот мерило успеха любой новинки. Новые проекты обычно запускают после полугодичного “прогона”, проверяют, растут ли эти показатели». Другой бывший менеджер высказался так: «Расчет на привлечение аудитории — опасный наркотик. Стимула здраво подумать о неумышленных, часто долгосрочных последствиях просто нет»²³.

Два крупных медийных босса, сэр Мартин Соррелл, глава крупнейшей глобальной рекламной и PR-корпорации WPP, и исполнительный директор News Corporation Роберт Томсон, дружно отвергли мысль о том, что коммуникационные компании нельзя причислить к издательствам. «Естественно, мы издатели, — сказал Томсон, — а раз так, необходимо отвечать за достоверность публикуемых новостей. Крупные газеты несут это священное бремя десятилетиями и веками, и его нельзя сбросить, отказаться от затрат на проверку и просто сказать: наше дело — технологии».

В ноябре 2016 года, через три дня после президентских выборов, Марк Цукерберг на конференции в Калифорнии отмахнулся от обвинений в том, что Facebook печатает вредоносные материалы: «Только сумасшедший может обвинять нас в том, что фейковые новости на Facebook, в которых, кстати, мало содержания, повлияли на исход выборов». Неделю спустя он изменил и мнение, и тон высказывания, сказав, что к «прополке сорняков» относится серьезно, «на этом поле предстоит много сделать»²⁴.

Коммуникационным корпорациям, забравшим у СМИ немалую часть доходов и аудитории, придется учитывать новые требования и обстоятельства, развивать алгоритмы для проверки сайтов, материалов или даже редакторов, как это делают многие газеты. Но при этом руководители таких корпораций стоят за полную свободу публикаций и мнений и не

видят большой разницы между подлинными новостями и фальшивыми — впечатление такое, что эта разница не сильно их интересует.

Фейк-ньюз — это отнюдь не изобретение Трампа, но под его блуждающей звездой они разрослись пышным цветом, чем он и пользовался, попутно клеймя материалы, которые ему не нравились. Фейки не были порождением правого фронта, хотя спрос на «выдумку» и «интенсивность» материалов, особенно о здоровье, компетентности и честности Клинтон, способных ей навредить, преобладал справа, в стане сторонников Дональда Трампа. Да и сам Трамп еще до начала кампании приобрел привычку беззаботно подбрасывать в свои речи горсть новостей, очевидно или предположительно фальшивых. Скажем, преподнесенный вполне серьезно рассказ о «панелях смерти», предписанных новым законом Обамы о здравоохранении, — лечить ли пожилых пациентов или оставлять умирать. Многие годы Трамп утверждал, что свидетельство о рождении Обамы подделано, что бывший президент родился за пределами США и, таким образом, не имел права быть президентом. Трамп также сообщил о тайной сделке, которую перед избранием на второй срок в 2012 году Обама якобы заключил с саудитами, — пополнить рынок нефти, чтобы цена на нее не повышалась, это, мол, поможет ему победить на выборах²⁵.

Во время кампании Трамп, в частности, мог заявить, что отец молодого сенатора из Техаса Теда Круза, его ближайшего конкурента на внутрипартийных выборах, был связан с Ли Харви Освальдом — еще до того, как Освальд в 1963 году убил президента Джона Кеннеди; или что протестующий, который во время демонстрации за Трампа в марте 2016 года пытался залезть на сцену, был исламистом-террористом. Когда Клинтон победила на выборах с перевесом в 2,8 миллиона голосов избирателей, но с большим отрывом проиграла главное голосование в коллегии выборщиков²⁶, Трамп заявил, что прямые выборы он тоже выиграл, «если вычесть голоса миллионов, голосовавших незаконно».

Итак, президентом страны становится человек, которого не сильно заботят факты, — это, конечно, серьезный удар по демократическим устоям США, да и всего мира, учитывая американскую силу и влияние. Соединенные Штаты опустились до уровня авторитарных стран, где ложь становится нормой, чтобы укрепить могущество лидера или партии. Это в первую очередь относится к России и президенту Владимиру Путину, к которому Трамп проявляет явное дружелюбие.

Но Цукерберг, скорее всего, был отчасти прав, отмечая серьезное влияние фейковых новостей на предвыборную кампанию. Вскоре после инаугурации Трампа экономисты Мэттью Генцков из Стэнфордского университета и Хант Элкотт из Нью-Йоркского университета написали, что роль фейковых новостей сильно преувеличена, что люди по большей части, как и раньше, знакомятся с новостями и взглядами специалистов по телевидению и часто не помнят, что они читали или слышали в социальных сетях²⁷. Вывод таков: «По нашим данным, социальные сети не были самым важным источником новостей о выборах и даже самые популярные фейки доходили лишь до малой части американцев. Чтобы фейки могли повлиять на результат выборов, необходим уровень убеждения, равный просмотру на ТВ тридцати шести рекламных роликов избирательной кампании».

Надо сказать, что ТВ и другие новостные СМИ активно пользовались материалами социальных сетей, в частности, твитами Трампа, которым в итоге придавалась особая важность и которые попадали на телеэкраны всей страны. В ходе своей кампании на пути к власти Трамп через Twitter пытался доказать, что традиционные СМИ просто лгут. Ближе к концу кампании он накинулся на службы безопасности — из их донесений следовало, что российские хакеры проникли в базу данных Национального комитета Демократической партии (возможно, по распоряжению Путина) и опубликовали электронную переписку посредством WikiLeaks. Он также обвинил силовиков в том, что они «слили» досье с серьезными обвинениями, связанными с его поездкой в Москву. Досье

подготовил бывший агент британской спецслужбы MI6 Кристофер Стил; вначале его обнародовала антитрамповская коалиция внутри Республиканской партии, а потом демократы²⁸. Из досье следовало, что, будучи в России, Трамп нанял проституток помочиться на кровать в номере гостиницы Ritz Carlton, на которой в свое время спали президент Обама и его жена Мишель. Трамп снял этот номер, в нем были установлены прослушивающие устройства, и таким образом Трамп стал объектом для шантажа. В досье также вскрывались связи между российскими высокопоставленными чиновниками и бывшими членами кампании Трампа, и было сказано, что Трамп в поисках возможностей для бизнеса в Москве несколько раз давал взятки. Ни одно из этих сообщений подтверждено не было²⁹.

Американские новостные СМИ даже в большей степени, чем этого требует журналистская культура других стран, всегда настаивали (хотя в последнее время исключений все больше) на принципах беспристрастности подачи материала и дисциплине проверки фактов. Стремясь соблюдать нейтралитет, СМИ полностью печатали заявления будущего президента, сделанные в социальных сетях, и заявления эти благодаря их новизне и провокационности были в центре внимания. Журналисты, которым дорого ремесло, ищут и печатают материалы, достоверность которых могут подтвердить: этим объясняются их сила и привилегии, по этим причинам люди им верят. Ежедневно в восемь утра разведслужбы кладут на стол президента сводку самых секретных новостей, и их работа утратит смысл, если администрация во главе с президентом сочтет эту информацию предвзятой — из-за прошлых ошибок — или политически пристрастной (в ходе своей кампании президент Трамп заявил, что в подобных брифингах не нуждается)³⁰.

Президентская кампания Трампа во многом подорвала веру в институт журналистики, а без доверия общества она фактически не может существовать. При этом Трамп косвенно или прямо дал понять: верить можно только ему или, по

крайней мере, главным образом только ему. Истина начинается с ним, на нем она и заканчивается. С народом он общается напрямую... пусть СМИ катятся к чертям.

В США «отношения (связи) с общественностью» начали складываться как дисциплина в конце XIX века, и почти всегда для того, чтобы привлечь внимание прессы. Подобно журналистам, специалисты в сфере PR должны были тонко чувствовать веяния времени, играть на них. Они связывают общественные движения, пристрастия и журналистику с корпорациями и учреждениями, на которые работают.

В 1928 году один из пионеров PR, Эдвард Бернейс, заключил контракт с American Tobacco Company — оценить крупный и по большей части новый для отрасли рынок курительщицы табака. Бернейс проконсультировался с психоаналитиком Абрахамом Бриллом, и тот подсказал ему: женщины-феминистки курят, чтобы продемонстрировать свое равенство с мужчинами. Бернейс преобразовал движение в марш «Факелы свободы» — в 1929 году в Нью-Йорке женщины вышли на парад по случаю Пасхи, демонстративно куря сигареты³¹. Это событие не обошлось без влияния Зигмунда Фрейда, жившего тогда в Вене; кстати, Брилл был переводчиком Фрейда на английский и утверждал: теории и методы Фрейда на американскую почву перенес именно он. Сам Бернейс был племянником Фрейда.

На этот трюк клюнули и журналисты, и фотографы, и он прекрасно иллюстрирует дилемму, вставшую перед журналистикой (не все журналисты ее осознают). Новшества в сфере PR, если их хорошо реализовать, наполнить социально-экономическим содержанием и сопроводить солидным зрительным рядом, весьма привлекательны. Журналисты и редакторы прекрасно знают, что у этих приемов мощная коммерческая составляющая, и все равно спешат о таком событии написать — отчасти потому, что виртуоз по связям с общественностью уже «разогрел» аудиторию.

Успешный трюк в наши дни — штука дорогая; недостаточно просто заплатить девушкам за то, чтобы они вышли на

прогулку с сигаретой. Интерес к событию, о котором стоит писать, раздувают до чрезвычайности. В 2012 году была запущена видеоигра Halo 4, ее на платформе Xbox360 выпустила Microsoft Studios. Игра, как и ее предшественники Halo 1, 2 и 3, изображает межпланетную войну: на одной стороне — человечество, на другой — теократический союз инопланетян во главе с воинами-священниками, «пророками». Важность для общества куда меньше, чем попытка пристрастить тысячи женщин к табаку, но тут тоже требуется дебют, созвучный реальной значимости мероприятия. Организаторы события арендовали большие участки крохотного княжества Лихтенштейн (25 километров в длину, граничит с Австрией и Швейцарией, население 37 000 человек). Замок XIII века в Бальцерсе был выдан за «военную фортификацию будущего», а в разных частях княжества устроили игровые баталии. Представление длилось целый день, в режиссеры пригласили Дэвида Финчера («Девушка с татуировкой дракона», «Социальная сеть»). Присутствовало 80 журналистов, включая команду CNN. В итоге об этом событии раструбили все социальные сети³².

Роль традиционных СМИ оказалась в этом упражнении вторичной. Подлинным призом стали миллионы блогов, твитов, постов в Facebook — именно они увлекли целевую аудиторию. Многие сетевые журналисты принадлежали к большому сообществу геймеров и писали об игровом «движке» со знанием дела — зрелище их совершенно ошеломило. В день запуска игра принесла создателям 220 миллионов долларов, а за первую неделю продаж — 300 миллионов долларов.

Современное кредо PR-профессионалов — не смешиваться с традиционными СМИ, держаться от них подальше. Американская компания Weber Shandwick, заметно представленная в Европе, в 2015 году стала лучшим глобальным PR-агентством года — она расширила «традиционную линейку услуг, объединив социальные, цифровые, содержательные, издательские, рекламные, общественные и PR-услуги, принесшие ее клиентам хорошие результаты в бизнесе». Нестандартный

подход «привел к нестандартным результатам». Глава европейского отделения компании Колин Бирн говорит: «Компаниям больше незачем полагаться на журналистов, чтобы заявить о себе. Компании все чаще сами представляют интересы общественности, главное — найти, что именно интересно людям»³³.

В марте 2013 года Бирн с коллегами объявил о создании нового маркетингового подразделения, Mediaco: оно займется содержательной частью и, по мнению главы глобального цифрового отдела компании Криса Перри, объединит «значимую рекламу на местах с социальной стороной дела»³⁴. Перри утверждает, что клиентам теперь нужна «модель с убедительным содержанием» — ее надо распространять как можно шире. Видеофильм на сайте компании настойчиво сообщает: «Каждая компания медийна» — и показывает, насколько успешно Weber Shandwick разрабатывает «контент» для каждого клиента. Журналисты, по словам сотрудника Mediaco, умеют здорово подать материал, а его работа — связать этот материал с интересами конкретной компании. Весной 2016 года Weber Shandwick в ответ на «ускоряющиеся перемены» в медийной среде основала «инновационный совет» — консультировать компании, помогать им готовить материалы для информационной поддержки выпускаемых брендов³⁵.

Наряду с «медиатизацией» корпораций и ослаблением позиций традиционных СМИ растет уверенность в важности и значимости PR-компаний, которые тоже отходят от привычных функций и теперь консультируют клиентов в том числе по социально-политическим вопросам, отношениям внутри компании, помогают в составлении сообщений, призванных украсить сайты компаний, страницы в Facebook, блоги и Twitter-профили. Боссы больших компаний теперь не просто богатые люди, они — крупные «глобальные игроки». Они управляют крупными предприятиями, часто конгломератами, куда входит и реклама, и PR, и компании-консультанты. Среди них Морис Леви, с 2013 года исполнительный директор Publicis; Джон Рен, глава компании Omnicom (в

начале 2014 года эти компании предприняли неудачную попытку слияния); Ричард Эдельман, его компания, крупнейший PR-бизнес, остается в частных руках; сэр Мартин Соррелл — глава медийной группы WPP, крупнейшей компании в мире рекламы и PR — один из немногих корпоративных лидеров, который публично отчитывается за свою высокую зарплату³⁶.

Эти люди, блестящие знатоки мира бизнеса, да и просто мира, делятся мудростью на международных форумах (Всемирный экономический форум в Давосе), выступают с лекциями и высказывают мнения в респектабельной прессе. Перед PR теперь стоят серьезные стратегические задачи, эти службы глубоко внедрены в социальные и политические сферы, зачастую задают в них тон. Исполнительный директор крупного лондонского агентства, попросивший его не называть, согласился дать мне и Лоре Тугуд интервью — мы проводили исследования для агентства Reuters. Он рассказал о работе для известной международной инженерной компании, с которой агентство давно сотрудничает в области финансового PR:

Неожиданно круг интересов компании сильно расширился, она провела дебаты о роли прибавочной стоимости производства в британской экономике, о необходимости пересмотреть чрезмерную значимость финансовых услуг — внезапно возник серьезный политический вопрос для политической аудитории. К дискуссии привлечены не только СМИ, но и политики, и рабочее движение, и НКО — обсуждаются вопросы будущего британской экономики. То есть диапазон много шире, охвачены широкие слои населения.

Исполнительный директор лондонской компании Portland PR Тим Аллен, в прошлом советник премьер-министра Тони Блэра по делам печати, сообщил, что один крупный клиент — имени он не назвал — захотел «перезапустить» компанию, решив, что в глазах общественности она стала «токсичной». «Это очень интересно, тут нужна ювелирная работа, сложная и требующая времени. Это по плечу только высококлассным специалистам. Мы пригласили лучших выпускников Оксбриджа».

Пол Полмен, с 2009 года глава британско-голландской компании Unilever, вместе с директорами других компаний участвовал в серии «бесед с глобальными лидерами» под эгидой компании-консультанта McKinsey. В большом интервью Эдаму Бёрду, директору McKinsey, Полмен «засветил» свою компанию, рассказав о продуктах для людей с ограниченным бюджетом. Речь идет о готовом питании, и этим, в частности, занимается Unilever; покупательная способность миллионов людей снижается, и людям важны продукты, которые можно есть дома, а не тратить деньги на рестораны. Значит, бренды становятся «социальным явлением», они должны присутствовать во Всемирной паутине и социальных сетях в сопровождении качественных материалов, не хуже журналистских. «Нужен директор по бренду, который тонко чувствует настрой общества, он должен быть на “ты” с новыми технологиями, мыслить более глобально и смотреть на вещи широко, а не просто продавать товар ради прибыли... Включаются социальные обязательства бренда, важно учитывать интересы разных партнеров. Это уже другой уровень, более масштабный и глобальный».

Полмен убежден, что продукция Unilever может помочь всему миру. Отвечая на вопрос Бёрда о конкретных шагах, он рассказал о работе компании по выпуску мороженого, которую после приобретения пришлось реструктурировать:

Хороший пример — производители мороженого Ben & Jerry, эта компания энергично борется с изменением климата и распространением ядерного оружия... Ведь потребители верят бизнесу меньше, чем хотелось бы. И задают свои стандарты, ждут от компании активных действий, влияют на нее своим потребительским поведением, своими убеждениями. Указанная тенденция будет расти, и компании с сильной социальной позицией в долгосрочном плане выигрывают³⁷.

Успешные PR-компании XXI века постепенно занимают позиции, с которых неохотно отступает ушедшая в глубокую оборону традиционная журналистика. Некоторые профессионалы в области «связей с общественностью» не лишены

злорадства, ведь на тех, кто постарше, журналисты старой школы много лет посматривали свысока. PR-авторы не просто выиграли от перетекания информационной среды в интернет, на их стороне еще и этические аргументы, потому что благодаря социальным сетям все компании, включая сами PR-корпорации, стали более прозрачными. Пол Холмс, издающий ежегодный «Отчет Холмса» о состоянии PR-отрасли, в 2016 году похвалил обоих кандидатов в президенты — республиканца Дональда Трампа и демократа Берни Сандерса — за их «подлинность», добавив, что, «по мнению народа, именно этого качества не хватает современным традиционным политикам и традиционным корпорациям»³⁸. Он ссылается на Рода Кэтрайта, директора глобальной компании Ketchum по связям с общественностью и корпоративным коммуникациям: PR-бизнес — «это бренды и корпорации, которые осознают новые гигантские возможности и новые обязательства, не боятся вести себя смело, занимать внятную позицию, высказываться на социально значимые темы, возглавлять важные для общества дебаты, помогать исправлению сделанных ошибок». Под этими словами подпишется любой жаждущий перемен редактор газеты, впрочем, многие нечто подобное и говорят.

Задача политических коммуникаций или консультаций на ранних этапах истории этого ремесла заключалась в том, чтобы показать кандидата политиком энергичным и честным, а его оппонента — человеком, недостойным доверия, даже презренным. Эту дихотомию давно взяли на вооружение помощники стремящихся к власти или состоявшихся политиков. Одной из первых, а может быть, и первой компанией в сфере политических коммуникаций стала Campaigns, Inc. — ее основали в Калифорнии два бывших газетчика, Клем Уайтекер и Леон Бакстер. Их наняли республиканцы, которые страшно боялись, что губернаторские выборы 1934 года выиграет писатель-социалист Эптон Синклер. И для борьбы с Синклером была принята стратегия, которую писатель метко назвал «Фабрикой лжи»³⁹.

В Los Angeles Times они напечатали материал под заголовком «Синклер о браке»; подзаголовок гласил: «Святость брака... я так в нее верил... но этой веры больше нет». На самом деле Синклер ничего не имел против института брака. Он развелся с первой женой, потому что та ему изменила, женился вторично и прожил со второй женой почти полвека, до ее смерти, а вскоре умер и сам. Эту цитату выдернули из его романа «Испытания любви» (Love's Pilgrimage, 1911). Позднее, когда история ушла в прошлое, Бакстер признался: «Конечно, эти цитаты ничего не значили. Но у нас была цель: не позволить ему стать губернатором».

Уайтекер и Бакстер закладывали основы новой профессии. У них были свои лозунги: «обхаживай избирателей», «вторгайся в личное пространство», «нападай на оппозицию» (если ее нет, придумай ее и все равно нападай), «утверждай, что ты — глас народа», «обходишься без изысков», «чем проще, тем лучше», «не бойся быть непоследовательным», «побеждай в споре» и «устраивай шоу».

Эти лозунги действительно стали отправными точками профессии, и у беспардонных и наглых кампаний лжи, развернутых Campaigns, Inc., есть удачливые последователи. Самый известный и самый омерзительный пример — Ли Этуотер, политический консультант республиканцев в 70-е и 80-е гг., ловкий организатор успешной президентской кампании Джорджа Буша-старшего в 1988 году. В критической биографии Этуотера Vad Boy Джон Брейди утверждает, что описываемая тактика «породила новое племя “наемных убийц”, консультантов, которые прекрасно разбираются в возможностях современных коммуникаций, их эмоциональной составляющей и увязывают все это с порочностью человеческой природы. Они проводят опросы общественного мнения, ведут фокус-группы и создают образ кандидата, манипулируют прессой и изобретают новости...»⁴⁰.

Нельзя сказать, что тактику Этуотера копируют повсеместно, все-таки у желающих ей следовать есть серьезные ограничения. Но его негативная кампания и порочащие слухи

для многих и сегодня пример для подражания. Сын Буша, Джордж Буш-младший, оказался в выигрыше, когда группа его сторонников Swift Boat Veterans (ее поддерживали богатые тexasкие республиканцы) напечатала домыслы о том, что демократический оппонент Буша в кампании 2004 года Джон Керри солгал о своей роли во вьетнамской войне. Еще до голосования стало известно, что опубликованные материалы — это именно домыслы, но Керри они явно навредили.

В распоряжении консультантов сегодня разные виды СМИ, дающих крен в политику, особенно в США, где такие телеканалы, как Fox News и MSNBC, а также разговорные шоу на радио (особенно успешные на правом фланге) ведут полемику бурно и хаотично. Тон все больше задают легионы блогеров, авторов сообщений в Facebook и твитов: кто-то принадлежит к новостным СМИ, но миллионы пишут абсолютно самостоятельно. ТВ остается основной средой для новостей и политического анализа, но и телевидение все чаще черпает сведения из социальных сетей.

При этом огневая мощь официальной политической журналистики заметно ослабела, и это огорчает консультантов, помнящих другие времена. Кевин Мэдден был директором по коммуникациям у Митта Ромни, когда бывший губернатор Массачусетса и исполнительный директор Bain Capital баллотировался в президенты от Республиканской партии. Я встретился с Мэдденом в его офисе в Вашингтоне и услышал, что от неопытности больше вреда, чем пользы:

Влияние газет ослабело. Это видно по уровню людей, которые освещают кампании, как в 2012 году. Без профессиональных знаний нельзя писать об избирательной кампании, но работать надо быстро, требуется выносливость — и это привлекает молодежь. Все меняется, и многие хорошие и толковые журналисты уже не считают, что освещать избирательную гонку лучше через газеты. Они понимают, что сегодняшние новости — это обольванивание, «твиттеризация», и не хотят в этом участвовать. Им это не интересно, да и читательская аудитория у газет уже не та.

Здесь он оказался не прав: в 2016 году именно через Twitter информацию стали получать миллионы, именно из него черпали материал традиционные издания.

Майк Маккарри, пресс-секретарь Билла Клинтона в годы его президентства, а ныне консультант, сказал мне: «Стоит мне оседлать любимого конька, как я говорю, что политическая дискуссия в наши дни стала более примитивной — более резкой, сердитой, бьющей на эмоции». Джо Клейн, один из ярчайших политических обозревателей за последние тридцать лет, еще сильнее прищипывает любимого конька: в книге *Politics Lost* он оплакивает политическую журналистику, мол, ее больше нет, на смену пришло нечто безликое и банальное, с бесконечными ссылками на консультантов, а вещание превратилось в состязание напористых крикунов⁴¹. Причины он изложил в колонке *Los Angeles Times*⁴²: «Бессодержательная и убогая общественная жизнь в период постмодернизма лишила многих американцев гражданского запала». При Никсоне появилось новое племя политических консультантов, которые помогли ему победить в президентской гонке 1968 года. Один из них — молодой Роджер Эйлс, создатель *Fox News* — был назначен Никсоном на должность исполнительного продюсера на телевидении. После выборов Эйлс сказал: «Вот и все. Теперь президентов будут выбирать только так. Без актерских талантов наверх не пробиться»⁴³.

Похоже, Эйлс был прав: политиков высшего ранга все чаще вовлекают в область развлечений. Барака Обаму, президента-интеллектуала, нередко приглашали на разговорные и даже комедийные шоу, и ему это доставляло заметное удовольствие. В марте 2014 года он обменивался шутливыми оскорблениями с актером Заком Галифианакисом в пародийном шоу последнего *Between Two Ferns*⁴⁴. Комментируя это шоу, главный стратег президента по коммуникациям сказал, что «мы ищем новые пути, чтобы достучаться до народа. Мы уже семь лет пытаемся сломать эту стену»⁴⁵. В той статье цитируют и Майка Маккарри, тот был более осторожен: «Мы следим за тем, чтобы президент выглядел достойно, переступать

определенную черту нельзя». Но тут же добавил, что «массовая культура меняется, людей развлекают и снабжают информацией по-новому, и новые стратегии просто необходимы».

В 2016 году новая стратегия появилась, причем довольно неожиданная. Ее применили два претендента: и неудачливый демократ Берни Сандерс, и успешный республиканец Дональд Трамп играли в «своего парня». На помощь пришли PR-специалисты. Кампанию Сандерса вели старые друзья и коллеги, а штаб возглавлял Джефф Уивер (последний еще на заре карьеры, в 1986 году, двадцатилетним работал на сенатора из Вермонта). Был задействован и еще один умелец вести избирательные кампании — Тэд Дивайн, работавший на Эла Гора, Майкла Дукакиса и Джона Керри, «любимчик политического истеблишмента». Дивайн основал консультационную компанию Devine Mulvey Longabaugh и за кампанию Сандерса, по некоторым оценкам, получил не менее десяти миллионов долларов⁴⁶.

На Трампа среди прочих работала Хоуп Хикс, при Трампе директор Белого дома по стратегическим коммуникациям, а до этого глава Hiltzik Strategies; ее отец управлял компанией Ogilvy PR⁴⁷. Поработав управляющей в кампании Трампа, Келлиэнн Конуэй стала консультантом в его администрации и «светилась» в телешоу. Председатель его избирательного штаба Стивен Бэннон из Breitbart News (он обожает разносить либералов, а те, в свою очередь, обвиняют его в расизме и женоненавистничестве)⁴⁸ до начала кампании никак Трампа не поддерживал, но после победы в ноябре 2016 года в интервью The Hollywood Reporter сказал: «Мы выстроим совершенно новое политическое движение» и сможем править «пятьдесят лет»⁴⁹. Потом его назвали «главным стратегом» Белого дома.

В своей кампании Трамп привлекал внимание к темам, которые политтехнологи считали «токсичными». Но темы оказались популярными, а значит, учебники по «связям с общественностью» пора обновлять. Политические решения и действия правительства далеко не всегда зависят от средств

коммуникации в противовес распространенному мнению. Да, Трамп пытался закрепить в общественном сознании некоторые образы, особенно в отношении своего оппонента, например, «лживая Хиллари». Но в основном его риторика была сиюминутной, и он часто менял мнение. Так, обвинения в адрес американской разведки, будто она пользуется методами нацистской Германии, быстро рассосались; выступая после инаугурации перед сотрудниками ЦРУ, Трамп заявил, что «любит» это управление⁵⁰. Консультанты и главы избирательных штабов велят кандидатам «держаться главной темы». Но в 2016 году было много спонтанности, импровизации, просто болтовни, мгновенно забытых обещаний, голословных обвинений. Казалось, это рассчитано не на аудиторию, которая накажет тебя за двойственность и вранье, а на людей, которых вдохновляет музыка слов, создающая привлекательный фон, — им не нужны фактические заявления или обязательства на будущее.

Человек, ставший, по мнению многих, самым влиятельным политическим лидером в мире, возвысил статус PR и перевел на вторые роли традиционные СМИ — это два разных события, но нечто важное их объединяет. То и другое отражает рост власти и без того наделенных властью игроков в мире бизнеса, политики и шоу-бизнеса благодаря интернету, который резко понизил ставки традиционной прессы. Интернет позволил людям стать собственными издателями. Многие авторы, дотоле никому не известные, обрели славу, пусть и ненадолго, появились новые организации, которые улавливают (или создают) настроение масс и могут рассчитывать на долгую и успешную жизнь во Всемирной паутине. Интернет и социальные сети действуют в рамках сложившейся социальной структуры, что позволяет сильным мира сего обходиться без привычных СМИ и общаться с аудиторией напрямую.

Для многих политиков традиционного толка интернет нужен не для того, чтобы «разобраться с государством», а для того, чтобы разобраться с прессой. И это подход отнюдь не только американских правых: Джереми Корбин, человек

крайне левых убеждений, возглавивший в 2015 году Лейбористскую партию Великобритании, набросился на британские новостные СМИ за то, что они лезли в жизнь его семьи и писали о нем предвзято — эта предвзятость отчасти объясняется «правым уклоном» большинства британских газет, но главным образом убеждением его коллег по парламенту и сочувствующих «леваков» из СМИ в том, что он не способен предложить избирателям осмысленную программу. По словам Корбина, дни традиционных СМИ сочтены, «лучше влиять на общество через социальные сети или вести кампанию на низовом уровне». Так он будет «говорить с избирателями напрямую и общаться с бесправными и обездоленными без журналистского фильтра»⁵¹. С такой стратегией согласны многие правые политики в США — сетевые СМИ позволяют им доносить свои взгляды до более широких слоев населения. Тед Круз, один из претендентов на победу в республиканских внутривыборных выборах, сказал Fox News в феврале 2016 года: хватит «ныть» о том, что СМИ против консерваторов, лучше поступить так, «как поступил Рейган: обратиться к народу через голову СМИ... Мира, в котором информацию крепко держали три медийных холдинга, больше нет. Зато у правых есть новостной агрегатор Drudge Report. Есть сетевые радишоу. Есть социальные сети. *И есть возможность идти напрямую, напрямую говорить с народом*»⁵² (курсив мой. — Дж. Л.).

Удаляясь в интернет и социальные сети, политики обычно обвиняют традиционные СМИ во лжи, в явных неточностях, самоуверенности и невежестве, и эти обвинения небеспочвенны. В первых рядах обвинителей всегда был Дональд Трамп. В мире PR и политических коммуникаций с такой критикой выступают вполголоса, часто «не для протокола», потому что традиционные СМИ, пусть и увядающие, им все еще нужны. Ведь вера в правдивую журналистику остается вдохновляющим идеалом — кто-то стремится к нему больше, кто-то меньше, а часто этот идеал ускользает и от тех, кто ему

предан. Так или иначе, но демократической стране с сильным гражданским обществом, частью которого выступают новостные СМИ, без журналистики не обойтись.

В той мере, в какой перемены во власти свидетельствуют о войне со зримыми, подлежащими проверке и доказательствам фактами, под прицел попадает не только журналистика классической эпохи (предшествовавшая развитию сетевых технологий), но и важнейший элемент демократического устройства общества — примат факта.

Часть III

Свобода

Введение

«Первейшая обязанность журналиста — перед истиной»

Ограничения, налагаемые на журналистику в авторитарных государствах, происходят из определенного взгляда на ее полезность: в глазах деспота журналистика полезна как средство информирования граждан, но только в отношении тех фактов, которые обществу полагается знать. Так, первейшая обязанность журналистов — следовать «генеральной линии» и мобилизовать аудиторию СМИ на поддержку режима. В демократическом обществе позиция правительства заключается в том, что независимая журналистика — неотъемлемый элемент гражданского общества (сколько бы представители правящих кругов ни пытались снизить эффект, вызванный теми или иными публикациями, действуя обоснованно или необоснованно, и ни стискивали зубы, говоря о демократической необходимости журналистики). В демократическом обществе большую часть средств массовой информации контролируют отдельные лица и корпорации, которые тем самым стремятся ограничить правительство, но также и журналистов, желающих преодолеть или по крайней мере расширить рамки налагаемых ограничений. Относительная свобода журналистики зависит от этих усилий, из которых одни включаются в демократическую практику, а другие обречены на неудачу.

Журналистскую свободу можно назвать партнером ответственности. Чем более журналистика привержена своей главной миссии, тем свободнее она будет. Эта главная миссия сформулирована в качестве первого из десяти принципов, предлагаемых Биллом Ковачем и Томом Розенштилем в «Элементах журналистики» (*Elements of Journalism*)¹: «Первейшая

обязанность журналиста — перед истиной». Аргумент авторов состоит в том, что истина делает журналистику относительно свободной, так как вне зависимости от налагаемых на журналистов ограничений вера в вышеуказанный первый принцип наиболее полным образом выражает их автономное и общественно необходимое существование.

Два первых примера, рассматриваемых в этой главе, — общественное телерадиовещание и журналистика расследований — сообразны этому принципу. Два последних — радикальный подход к репортажу, в котором предпочтение отдается не опосредованным журналистикой «голосам из народа», а также журналистика «откровений» посредством публикации конфиденциальной информации, что исходит из предположения, будто государство противостоит интересам граждан, — отрицают этот принцип.

Глава 11. Пути к свободе

1 «Ваш труд всегда был важен»

Журналистские расследования — это область, в которой сведения собирают из разных, изначально часто скрываемых источников. Расследования обычно ведут, как с одобрением отмечают Джеймс Эттема и Теодор Глассер в книге «Стражи совести» (*Custodians of Conscience*), чтобы исправить неблагоприятные поступки и приблизить торжество нравственности. В обществах либеральной демократии результаты журналистских расследований часто оспаривают, отрицают и даже подают на авторов в суд, но право журналистов на подобную деятельность все-таки считается незыблемым. Страны либеральной демократии, как правило, более устойчивы, чем автократии¹.

Расследования представляют собой область журналистского ремесла, которая в большой степени зависит от неписанных соглашений в правительстве, государстве, судебной системе, полиции, службах разведки и компаниях. Эти соглашения основаны на понимании, сформировавшемся в последние полвека, что журналистика имеет право — и должна его поддерживать и развивать — сообщать обществу о том, что важно, но скрыто под поверхностью видимого. О частностях спорят, но суть остается неизменной. В идеале журналисты из этой группы работают в условиях самой большой свободы, ведь их направляют — или они направляются сами — на поиски истины или наибольшего приближения к этой ускользающей материи. Если работа идет в границах приемлемого, она выглядит достаточно привычной и для государства, и для общества.

В основе «скандала» в свободном обществе не обязательно лежит что-то противозаконное. Все зависит от желания новостной организации преподнести нечто как скандал. В журналистике широкого профиля авторы часто направляют энергию на раскрытие любовных связей, обычно супружеских

измен. В большинстве государств адюльтер не представляет собой правонарушение, но его разоблачение в мире богатых и знаменитых основано на все еще преобладающей точке зрения, что такое поведение, хоть и встречается сплошь и рядом, аморально. Важно заметить, что опытные журналисты прекрасно знают: смущение и боль, которые испытуют оказавшиеся в лучах света разоблаченные, читателям доставят удовольствие. Проще говоря, в серьезных СМИ расследования ведутся в интересах общества, таблоиды же печатают то, что обществу интересно. Это, конечно, упрощение, потому что обе группы занимаются и одним, и другим.

В 2009 году The Daily Telegraph сообщила о расходах членов британского парламента на основе информации с украденного компьютерного диска, который газета купила. Нельзя сказать, что все траты выходили за рамки закона, скорее, на фоне затрат членов правительства они были вполне рядовыми. Но приведенные цифры шли вразрез с общепринятым мнением: члены парламента должны расходовать государственные деньги бережливо. Муки парламентариев растянулись на недели, потому что газета каждый день публиковала новые откровения, чтобы подогреть интерес к изданию и обострить конфликт, балансируя между злорадством и интересами общества.

Как раз во время написания этой главы разгорелся скандал в Sunday Mirror, одном из британских таблоидов. Речь шла о Ките Вазе, давнем представителе лейбористов в парламенте и председателе комитета внутренних дел в палате общин. Это могущественная структура, чьи полномочия охватывают преступность, правоприменение, иммиграцию, тюрьмы и наркотики. Из материала в Mirror следовало, что Ваз пользовался услугами двух мужчин-проституток и просил молодых людей принести на очередную встречу у него на квартире запрещенные наркотики. Лидер Лейбористской партии Джереми Корбин отмахнулся от всей истории, сочтя ее «личным делом», однако члены возглавляемого Вазом комитета, как консерваторы, так и лейбористы, ясно заявили, что поддерживать Ваза

больше не желают. Суть их позиции была такова: человека, в чьи обязанности входит борьба с наркотиками и проституцией, нельзя считать простым смертным. Именно так написала газета, когда ее обвинили во вмешательстве в личную жизнь. Через несколько дней Ваз подал в отставку. Это был на удивление очевидный случай, когда личная жизнь чиновника шла вразрез с его государственными обязанностями.

Вот еще один, даже более «чистый» пример расследования в интересах общества: в конце 80-х его провело сначала агентство Reuters, а позже в более полном объеме The Hindu, газета города Ченнай (бывший Мадрас) на юге Индии. Речь шла о контракте на поставку гаубиц для индийской армии шведской военной компанией Vofors. Впервые в Индии обнародовали дело о такой крупномасштабной взятке. Выяснилось, что ради получения заказа шведская компания заплатила политикам, старшим военным чинам и чиновникам из правительства десять миллионов долларов. В итоге стоявшая у власти партия «Индийский национальный конгресс» потерпела поражение на выборах, хотя виновные и не предстали перед судом. Можно сказать, что эта история стала стимулом развития журналистских расследований в Индии (особенно в журнале Tehelka, основанном в 2004 году) и в самой Швеции, где после истории с Vofors был создан центр журналистских расследований.

За последние десятилетия журналистские расследования набрали силу, приобрели более официальный статус, их поддерживают правительства и судебная система, сейчас это необходимый элемент гражданского общества. Внутри и за пределами новостных организаций созданы центры журналистских расследований, они взаимодействуют друг с другом и разрабатывают модели совместной деятельности. Например, в 2012 году отдел по проведению расследований в японской газете The Asahi Shimbun, оказавшийся на грани закрытия, был возвращен к жизни и даже расширился после того, как руководство газеты посетило редакцию The New York Times и расположенный в Нью-Йорке центр ProPublica.

Сегодня такие независимые центры процветают. ProPublica активно распространяет подробные просветительские материалы на самые разные темы: непрекращающиеся расовые проблемы в США, роль компании по производству шин Firestone в конфликте в Либерии, неудачная попытка учредить систему масштабного регулирования на Уолл-стрит. Немецкий центр Correctiv опубликовал исследование о гибели малайзийского самолета в 2014 году над Украиной. Baltica в Латвии сообщила о значительном исходе в страны Балтии богатых россиян, опубликовав исследование «Кто бежит из путинской России». Недавно Международный консорциум журналистских расследований предпринял титанические усилия, обработав миллионы документов, составлявших предмет утечки из крупнейшей офшорной юридической компании Mossack Fonseca. В результате на свет появилось «Панамское досье» — горы откровений о бессовестных, а порой и потенциально наказуемых действиях по уклонению от уплаты налогов.

Среди журналистов бытует мнение, что любая журналистика есть или должна быть расследованием, иначе это просто пресс-релиз, но с такой точкой зрения нельзя согласиться. Безусловно, в определении жанра расследования нужно четко отделять хронику событий — например, крушение авиалайнера — от проекта, который осуществил Correctiv: множество интервью, обнаружение документов, получение мнения специалистов, попытки докопаться до истины — что же стало подлинной причиной крушения? Но и материал первого типа — хроника или репортаж — это вовсе не пресс-релиз, а попытка как можно быстрее донести до общественности известные факты о значимом событии, правда, поначалу отрывочно, а временами и основательно полагаясь на официальные источники и разъяснения. Такую информацию трудно скрыть даже в таком государстве, как Китай, где контроль над СМИ очень высок, — железнодорожную катастрофу в Вэньчжоу в 2011 году не удалось «закопать» в прямом и переносном смысле. Этот случай показал, как и после масштабного землетрясения в провинции Сычуань в 2008 году, что простая

репортерская работа может представлять опасность для авторитарных правительств. Там, где подобная деятельность общепринята, где ей никто не препятствует, читатели и телезрители воспринимают ее как норму. При этом инициативы журналистов дают начало процессу, если произошло что-то серьезное, например, землетрясение или крушение поезда, в котором обязательно будет место отчетам специалистов и юридическому расследованию.

Демократические правительства должны просто пользоваться результатами журналистских расследований (если они точны, в противном случае они не заслуживают внимания), и в основном так сегодня и происходит. Из крупных западных государств заслон таким расследованиям наиболее активно ставит Франция, но и эта цитадель начинает давать трещины. Когда в 2014 году стало известно, что у президента Франсуа Олланда роман с актрисой Жюли Гайе, притом что официальной первой леди считалась его подруга Валери Триервейлер, президент не стал выступать против этих разоблачений, сказав, что поскольку он находится под защитой закона, ему негоже подавать на другую сторону в суд. Но иск к журналу Closer, который напечатал фотографию Олланда, едущего на мотороллере на свидание к дому, где живет Гайе, а также снимки самой актрисы в ее машине, которая по законам Франции представляет собой «частную собственность», подала Гайе. Были и другие снимки: она входит в дом, куда впоследствии вошел и Олланд, но предметом судебного разбирательства они не стали, потому что улица — место общественное. В марте 2015 года суд обязал журнал Closer выплатить актрисе ущерб в 15 000 евро и сообщить об этом судебном решении на первой странице издания².

Авторы журналистских расследований не раз критиковали президента Обаму — чтобы предотвратить утечки, тот пытался привлечь к суду допустивших эти утечки чиновников. В марте 2016 года Обама выступал на вечере памяти Робина Тонера, политического обозревателя The New York Times. Этот журналист косвенно критиковал Дональда Трампа, уже

завоевавшего лидерство среди республиканцев перед президентскими выборами, и в открытую поддерживал журналистские расследования и публикацию основанных на фактах репортерских материалов. В своей речи, воздавая должное серьезным журналистам, Обама, в частности, сказал, что для демократических режимов свобода расследований просто необходима: «Неважно, шла ли речь об ужасах линчевания, о разоблачении нефтяных картелей или об Уотергейтском скандале, ваш труд всегда был важен... Часто журналисты оказываются под тяжелым прессом — им надо заполнить пустоту, скармливая “зверю” комментарии, слухи в Twitter, сплетни о знаменитостях или другую клубничку. И тогда мы перестаем понимать наш мир, понимать друг друга так, как должно. А это непонимание сказывается на наших жизнях, на жизни всей страны»³.

ii «BBC не беспристрастна и не нейтральна»

В Соединенных Штатах принято считать, что частным средствам массовой информации можно доверять больше государственным, потому что первых — великое множество, соответственно, между ними выше конкуренция, и они *in extremis* менее уязвимы, то есть в обычных обстоятельствах корпорации не могут оштрафовать журналистов или заключить в тюрьму, хотя их можно уволить. Государство же, как считают американские правые, а порой и левые, это объект, вызывающий подозрения, и оно не должно вмешиваться в некоторые сферы общественной жизни, например, в управление журналистикой. В Европе преобладает иная точка зрения: государство способно лучше, чем частные предприятия, отстаивать интересы общественности — оно вправе и даже должно указывать вещателям, о чем тем надлежит сообщать в новостных передачах, в обзоре текущих событий или событий в мире искусства, раз государство дало им лицензию на вещание.

В убеждениях сторонников государственного вещания сквозит подчас неочевидным образом разная аргументация.

С одной стороны, надзор со стороны государства необходим: вещание — сильнодействующее средство, и отдавать его целиком на откуп негосударственным структурам опасно. Другая позиция связана с идеей служения обществу и, исходя из практического опыта, предполагает следующее: частные медийные корпорации предпочитают обходиться без полного, непредвзятого и сбалансированного обзора событий, интересных и значимых для общества, они не жаждут расходувать большие суммы денег на дорогую аналитику и расследования. И этот недостаток рынка должно восполнять государство.

Вещатели в государственной сфере утверждают, что только государственная корпорация может объединить страну, обозначить национальные ценности, осветить центральные события в стране, сообщить о дебатах в парламенте, а в критические времена воззвать к патриотическим чувствам. ВВС иногда называют англиканской церковью в эфире: это учреждение, пусть оно давно и смирилось с потерей монополии, тем не менее выступает для страны неким всеохватным зонтиком, под которым есть место и другим поставщикам достойной журналистики.

Наиболее веский аргумент здесь такой: государство может оставаться нейтральным, а государственный вещатель, который живет на налоговые поступления или за счет общественной подписки через государство, — это и есть лучшая возможность сделать журналистику относительно правдивой. Именно ВВС может позволить себе рассказать всю правду и, соответственно, сделать граждан свободными. Корпорация воздерживается от права на собственный голос, она прежде всего активный и пассивный ресурс для всех интересующихся граждан.

В 2015 году Дэвид Элстайн, ранее возглавлявший несколько независимых телекомпаний, через спутниковый канал провел на ВВС дебаты с Норманом Фаулером, бывшим министром кабинета консерваторов. В ходе диалога Фаулер почувствовал Элстайну, находившемуся в Нью-Йорке: дескать, тому нечего смотреть. Позже Элстайн написал, что «в тот

вечер в гостиничном номере я обнаружил пятьдесят каналов по подписке Showtime, по которым в том числе шли «Мастера секса», затем «Рэй Донован», а потом и «Любовники»: эти три кинодрамы были ценнее всего, что предложили британские телеканалы, вместе взятые, за последние двенадцать месяцев»⁴.

Таких утверждений я слышал немало, но во время написания этих строк частично финансируемый государством Channel 4 показал захватывающий немецкий шпионский сериал Deutschland 83 и выпустил в эфир еще один интригующий — французский — сериал о журналистах и политике, Spin, а BBC порадовала зрителей весьма привлекательной версией «Войны и мира», подтвердив репутацию мастера больших сериалов, а потом показала дорого снятую и очень увлекательную адаптацию романа Джона ле Карре The Night Manager («Ночной администратор»).

BBC считает себя ведущей в мире государственной вещательной корпорацией, и, пожалуй, это справедливо. Главными у таких вещателей (обычно их эфир достаточно разнообразен: тут и спорт, и комедии, и драмы, и развлекательные шоу, и мыльные оперы, и исторические программы, передачи для школьников, много музыки) числятся отделы новостей и текущих событий; показательна непринужденность и уверенность журналистов, с какой они говорят аудитории: произошло то или это. У BBC достаточно ресурсов, чтобы оставаться на гребне событийной волны, эта корпорация — один из нескольких государственных вещателей, которые в значительной степени независимы от своего правительства. Экономический комментатор Мартин Вулф написал, что «BBC — это государственная корпорация, но отнюдь не лакей правительства. Поэтому ей доверяют в Великобритании и во всем мире. BBC — не собственность элиты. Она принадлежит народу, потому что ее деятельность напрямую оплачивает народ»⁵.

В 2010–2011 годах общее финансирование BBC из разных источников составило четыре миллиарда фунтов, но

ожидается, что в 2020–2021 годах оно сократится до трех миллиардов. Избранному в 2010 году правительству с преобладанием консерваторов и консервативному правительству в 2015 году ВВС обходилась довольно дорого, а сейчас оно вынуждено платить еще и за Всемирную службу ВВС (которую раньше финансировало министерство иностранных дел), и за бесплатную подписку для граждан старше семидесяти пяти лет — эта и без того большая аудитория, по прогнозам, будет только расти. Корпорации ВВС это обойдется примерно в 725 миллионов фунтов в год — потеря настолько ощутимая, что в январе 2016 года ВВС обратилась к британцам старше семидесяти пяти лет с просьбой платить, кто это может себе позволить, за ежегодную подписку на добровольной основе.

Следует упомянуть и два основных источника критики. С одной стороны, вещатели, которые живут на рекламу и подписку, утверждают: размер и мощь ВВС таковы, что эта корпорация доминирует на рынке, и конкуренция, особенно в радиовещании (доля ВВС на этом рынке составляет 85%), благодаря ВВС сильно перекошена. С другой стороны, правые политики жалуются на то, что ВВС не соблюдает политический нейтралитет и не способствует политическому равновесию сил.

Переход вещания в интернет притупил первую из этих жалоб, перенеся упрек на самих жалобщиков. Такие американские сайты, как BuzzFeed, Vice и The Huffington Post, заняли заметное место на британском рынке, и то, что в британской сети возникла новая медийная новостная среда, вовсе не вина ВВС. Скорее, это говорит в пользу все еще мощного и всегда готового к полемике медийного гиганта, не сдающего свои позиции как в обзорных материалах, так и в новостях.

Второе обвинение более существенно. В замечательном самокритичном выступлении на ВВС в октябре 2006 года, посвященном в основном внутренним делам компании, один из самых ярких обозревателей, Эндрю Марр, сказал, что «ВВС не беспристрастна и не нейтральна. Эту организацию финансируют государство и город, в котором проживает огромное

число молодых людей, этнических меньшинств и гомосексуалистов. Отсюда у ВВС склонность к либерализму, у нее нет политической ангажированности. Скорее, можно говорить о склонности к культурному либерализму»⁶.

В ходе этой же встречи редактор по Америке Джастин Уэбб сказал, что он и раньше жаловался на антиамериканский настрой ВВС (во времена президентства Джорджа Буша-младшего), дескать, ВВС не оказывала американской администрации «моральной поддержки», и тогда же попросил заместителя генерального директора Марка Байфорда как-то эту позицию изменить. Редактор отдела бизнеса Джефф Рэндалл добавил, что жаловался «одному крупному новостному начальнику» на то, как на ВВС относятся к культурному плюрализму, и услышал в ответ: «ВВС в этом вопросе вовсе не нейтральна: она верит в культурный плюрализм и продвигает его». Когда Рэндалл сказал, что наденет запонки с изображением британского национального флага Union Jack, ему кто-то возразил (кто именно, сказано не было): «Не делайте этого, вы же не радикал!» (В эфире на нем были эти запонки.) Глава отдела новостей Хелен Боуден упомянула передачу на Radio 4 — о том, что в колониях для несовершеннолетних преступников чернокожие парни агрессивны по отношению к белым. Передачу подготовили, но не хотели пускать в эфир — тут она вмешалась и велела передачу выпустить.

Для многих участников встречи то был день катарсиса: как либералы (Марр), так и консерваторы (Рэндалл) сумели выразить свое отношение к основным установкам ВВС, и это, похоже, возымело действие. Склонность к городскому «культурному» либерализму, которую описал Марр, неизбежно остается фактором политики ВВС, однако Уэбба, например, вернули из США на должность ведущего одного из самых влиятельных обзорных шоу, Today на Radio 4, в паре с Ником Робинсоном, в студенческие годы активистом партии консерваторов (впрочем, в его нейтральности никто никогда не сомневался, кроме Шотландской национальной партии). Настрой ВВС против большой группы политиков и других

сторонников выхода из Европейского союза, прежде довольно заметный, исчез; весной 2016 года о кампании по выходу из ЕС вещали очень взвешенно. Разочарованные противники Брекзита даже жаловались, что, мол, эта взвешенность уравнивает важных экономистов из их лагеря с туманными идеологами выхода Великобритании из состава ЕС.

Между тем многие в еврейской диаспоре и в Израиле тоже жалуются на ВВС: корпорация настроена против Израиля и поддерживает палестинцев. Об этом со страстью пишет обозреватель Мелани Филлипс⁷.

В конкуренции за популярные программы государственные вещатели повсюду проигрывают частным корпорациям. Генри Манс из *Financial Times* писал в августе 2015 года: «В США PBS через сорок пять лет потеряла права на «Улицу Сезам», потому что могла покрыть только десятую часть стоимости этого шоу. А чуть ранее государственным вещателям в Европе пришлось уступить право на показ Олимпийских игр Discovery Communications, которой принадлежит Eurosport»⁸. Сегодня государственный вещатель шагает по полю с глубокими ямами: упадешь в такую, можно и не выбраться.

Именно это произошло с Канадской вещательной корпорацией (СВС), аудитория которой составляет всего 5% от общей по стране; СВС вынуждена конкурировать с коммерческими канадскими станциями, с сетевыми программами и сотнями каналов, которые возникли в районах вдоль границы с США. В середине последнего десятилетия корпорации нанесли (или она нанесла их себе сама) несколько чувствительных ударов: сначала ее самое популярное шоу, *Hockey Night in Canada*, перехватила компания — владелец коммерческой сети *Rogers Communications*; за право освещать хоккейные матчи она заплатила 5,2 миллиарда долларов и заключила несколько выгодных рекламных контрактов на следующие двенадцать лет⁹.

Потом, в конце 2014 года, один из самых ярких ведущих СВС, Джиан Гомеши, блестящий и популярный мастер ток-шоу, был привлечен к суду за сексуальные домогательства десятилетней давности в отношении нескольких женщин, а

другой ведущий СВС выиграл в суде дело у одного из руководителей корпорации — тот утверждал (как выяснилось, ложно), что расследовал действия Гомеши. Канадский новостной журнал Maclean's написал, что СВС — это «бюрократический лабиринт, в котором возможны любые нарушения. Сотрудники пребывают в подвешенном состоянии — за последние три года финансирование сократилось на 230 миллионов долларов, и многие сотрудники были уязвимы перед прихотями избалованной звезды [Гомеши]. Руководство упорно принимает ошибочные решения, если вообще их принимает»¹⁰.

В марте 2016 года с Гомеши сняли почти все обвинения, а потом и последнее, когда он подписал «обязывающее мирное соглашение» с обязательством хорошо вести себя впредь.

Эта история весьма схожа с мытарствами на ВВС, когда в 2012 году стали всплывать факты о сексуальных домогательствах со стороны звездного ведущего и диджея Джимми Сэвилла (умер в 2011 году). Стало известно, что программу о растлителе-знаменитости, подготовленную ВВС, решили в эфир не пускать, но со своим расследованием этого сюжета выступил конкурент — ITV. В итоге новому генеральному директору, Джорджу Энтвистлу, пришлось уйти в отставку через пятьдесят четыре дня после вступления в должность — непосредственной причиной стало неудачное интервью на ВВС, в программе Radio 4 Today. Уже после смерти Сэвилла сведения о его поведении обнародовала бывшая судья Верховного суда Дженет Смит, из которых следовало: на ВВС звезды считаются «неприкасаемыми», а руководство, которое ставит себя «выше закона», на выходки звезд «смотрит сквозь пальцы»¹¹.

До Сэвилла была и еще одна схожая по содержанию и воздействию резонансная история, за которую ВВС здорово досталось. Однажды в октябре 2008 года комик Рассел Брэнд и ведущий Джонатан Росс решили пошутить и позвонили актеру Эндрю Саксу, будучи в эфире передачи, которую они вели вместе. Когда ответа на звонок не последовало, они оставили сообщение на автоответчике — Брэнд вспомнил, как он

и Сакс снимались в полицейском сериале *The Bill*. Вдруг Росс выкрикнул: «Он [Брэнд] трахал твою внучку!» Речь шла о певице Джорджине Бейли, в то время выступавшей с группой *Satanic Sluts*.

Сразу же на ВВС поступило несколько жалоб. Но когда *Daily Mail* опубликовала об этом шоу гневную статью, число жалоб на ВВС и регулирующую структуру Ofcom достигло десятков тысяч. Брэнду и выпускающему редактору *Radio 2* Лесли Дугласу пришлось уйти с ВВС, а Росса отстранили от еженедельного телешоу на 12 недель без компенсации.

В марте 2015 года ведущий передачи *Top Gear* Джереми Кларксон поздним вечером вернулся в гостиницу со съемок и заказал себе бифштекс. Когда ему сказали, что кухня уже закрыта, он ударил продюсера Ойсина Таймона и обозвал его «ленивой ирландской потаскухой». Контракт с Кларксоном продлевать не стали, он и раньше вел себя крайне неполиткорректно, иногда скатываясь в правый радикализм, что шло вразрез с политкорректной и либеральной культурой ВВС, но он был дико популярен, а *Top Gear* приносила огромные доходы. На смену Кларксону пришел диск-жокей Крис Эванс, с ним рейтинги программы рухнули, и ему пришлось уступить место бывшему актеру сериала *Friends* Мэтту Леблану. Кларксона и других ведущих из *Top Gear* пригласили работать на Amazon — эта компания в то время создавала свою телесеть — там он, по слухам, получает десять миллионов фунтов в год и считается самым высокооплачиваемым ведущим на британском телевидении¹².

С похожими обвинениями — левизна, менторский тон — выступают и канадские правые в адрес СВС. Экономист Филип Кросс написал в *Financial Post*, что эта сеть «нанимает ораву журналистов и продюсеров, которые утверждают свое мнимое превосходство, выливая на слушателей потоки интеллектуальной ахинеи. В итоге слушатели пачками уходят в интернет, где СМИ не перестают размножаться»¹³.

Кошмарные рейтинги СВС — своего рода *memento mori* для всех государственных вещателей; эти рейтинги

показывают, что происходит, когда государственные каналы теряют приверженцев, немалую часть населения страны, которому они, по своему утверждению, служат и которое представляют. Время от времени ВВС и СВС обвиняют в том, что они пляшут под дудку правительства, но все-таки нельзя сказать, что они у правительства на побегушках и строят новостные программы так, чтобы политические лидеры всегда представляли в выгодном свете. В годы консервативного премьерства Маргарет Тэтчер (1979–1990) в Великобритании и консервативного премьерства Стивена Харпера в Канаде (2006–2015) ВВС и СВС доставалось за то, что они были в левой оппозиции к своим правительствам, а ведущие ВВС на протяжении трех сроков Тони Блэра (1997–2007) атаковали министров-лейбористов не менее жестко, чем их предшественников.

Подобная независимость и «оскорбление величества» в Европе больше не встречается нигде. В апреле 2015 года испанскую государственную вещательную компанию Radio y Televisión Española (RTVE) обвинили в лобовой поддержке правящей Народной партии (Partido Popular, PP). Из статьи в Financial Times следует, что «журналистам этого канала так надоела политическая ангажированность, что они послали в Брюссель собственную делегацию — подать в Европейский парламент официальную жалобу. В документе на семь страниц они описывают RTVE как “инструмент пропаганды на службе у правительства” и приводят список злоупотреблений и манипуляций»¹⁴.

Среди прочего канал обвиняют в том, что он занижает уровень коррупции в правящей партии, скрывает рост движения независимости в Каталонии и укрепление левой политической партии Podemos (Podemos).

Группа из International Press Report во главе с одним из бывших руководителей ВВС Стивеном Уиттлом посетила Испанию и написала тревожный отчет о происходящем. Среди прочей критики там говорилось, что «недавно новый руководитель RTVE хвастал своей политической приверженностью

Народной партии и готовностью пригласить на ключевые журналистские посты известных сторонников правительства. Самого его назначили благодаря распоряжению, изменившему закон, — теперь членов правления RTVE можно назначать не квалифицированным большинством в парламенте, а простым. Это опасный прецедент. Указы, вопреки существующим законам, надо принимать только в чрезвычайных случаях, иначе пострадают сами основы регулирования государственного вещания»¹⁵.

В Испании продолжают раздавать должности за политические услуги — партия, пришедшая к власти, следит за тем, чтобы во главе и на ключевых должностях подконтрольных ей институтов стояли верные сторонники правительства. Предполагается, что при необходимости, например, во время избирательных кампаний, эти «назначенцы» прямо или (в случае с вещателем) косвенно покажут свою лояльность. Но самый яркий и самый разрушительный для репутации государственного вещателя пример — это Radiotelevisione Italiana (см. главу 6 настоящего издания).

Немецкие государственные вещатели — ассоциация ARD (основана в 1950 году) и телекомпания ZDF (основана в 1961 году) — имеют более высокие доходы, чем другие государственные сети, а доля зрительской аудитории у них на 5–10% больше, чем у BBC. Их новостные программы, обзоры текущих событий и разговорные шоу на политические и социальные темы по объему заметно превосходят коллег в других странах, хотя по производству художественных передач они заметно уступают США и Великобритании, а в последнее время и Скандинавии с Францией.

После войны оккупационные власти дали ARD разрешение заниматься «серьезной, независимой и объективной журналистикой»¹⁶. В ту пору старший представитель американской администрации Эдмунд Шехтер сказал: «Мы глубоко убеждены, что радиостанции не должны больше быть рупором находящегося у власти правительства... радиостанции должны представлять все уровни общества и давать всем

политическим группам и партиям возможность высказывать свое мнение». После окончания войны и периода нацизма вещательную систему Германии полностью преобразовали, сильно вырос объем финансирования государственных каналов — в итоге сложились практика и этика, призванные разъяснять и анализировать, причем настолько дотошно, что ряду наблюдателей это представляется излишним.

Во всех странах от вещателей требуют рассказывать о жизни крупных политических партий и основных общественных структур. Партии ведут себя активно, они справедливо считают, что успех на выборах напрямую зависит от того, как их представляет и характеризует телевидение. Не всегда удается избежать так называемого итальянского синдрома: в 2009 году Роланд Кох, лидер консерваторов в земле Гессен и член правления ZDF, по политическим мотивам заставил правление не продлевать контракт с главным редактором ZDF Николаусом Брендером.

Телеканалы, пользующиеся поддержкой государства, остаются в Европе весьма популярными. В середине последнего десятилетия на каналы BBC приходилось 30% зрительской аудитории, что почти вдвое больше двух основных коммерческих сетей, ITV и Channel 4. Передачи немецких государственных вещателей ARD и ZDF смотрят больше, чем самый популярный коммерческий канал, RTL. Rai обычно на несколько процентов опережает Mediaset — это примерно 35% телезрителей. Доля трех основных каналов французского государственного телевидения — France 2, France 3 и France 5 — составляет примерно 27%, что заметно ниже трех самых популярных коммерческих каналов, TF1, M6 и D8, доля которых составляет около 35%, а самый успешный из них, TF1, смотрят больше 21% телезрителей — на 7 пунктов выше первого государственного канала France 2. Это значит, что находящиеся под защитой государства французские телеканалы больше не доминируют на рынке, как прежде, хотя до «катастрофы СВС» им все-таки далеко.

Государственная поддержка производства и защиты аналитики и расследований полезна лишь тогда, когда государственный вещатель полностью независим от государства и не занимает какой-то политической позиции. А это возможно лишь в одном случае: отделы новостей и текущих событий получают достаточно средств, чтобы работать эффективно, делать интересные материалы и завоевывать аудиторию. Но последние двадцать лет государственные СМИ живут в постоянном напряжении — их настойчиво поджимают коммерческие СМИ, критикуют за «искажение рынка». Страдают государственные вещатели и от собственных попыток соблюсти этические стандарты, что приводит к всевозможным скандалам.

Почти всем этим компаниям урезают бюджет. Их услуги, раньше вносившие немалый вклад в формирование общественного сознания и ведение дебатов, сейчас дублируются и успешно заменяются множеством медийных структур в сети, и критики вроде Элстайна предлагают плату за лицензию заменить платой за подписку. Раньше государственные каналы были главным, если не единственным источником информации для зрителей, которых интересовали новости, обзоры текущих событий и беседы на серьезные темы. Впрочем, многие зрители, особенно люди постарше, до сих пор отдают предпочтение государственным радио- и телеканалам, с которыми они провели молодость, но этот аргумент со временем утратит силу.

Есть мнение, что государственные вещатели способны правдиво и убедительно рассказать о любом деле, и оно не лишено оснований. Нейтральная, сбалансированная и правдивая позиция, которую пытается занимать ВВС, сложилась в течение десятилетий, зародившись при основании корпорации в 1922 году; во многих странах она остается образцом для государственных сетей и для публики. Этот подход взяли на вооружение и многие частные вещатели, хотя не исключено, что число политически ангажированных новостных каналов будет только расти.

iii «*Nous sommes un journal*» («Мы — газета»)

В феврале 2014 года 190 журналистов парижской ежедневной газеты *Libération* объявили забастовку из-за стратегического плана главного редактора (на тот день Николя Деморана) прекратить печатать бумажную версию быстро теряющей тиражи газеты и начать активно развивать ее веб-сайт, а также создать социальную сеть и открыть большое кафе — площадку для дебатов в парижском квартале Марсе. Большинство сотрудников встали горой за сохранение бумажного формата, и газета вышла с заголовком на всю страницу: «NOUS SOMMES UN JOURNAL, pas un restaurant, pas un réseau social, pas un espace culturel, pas un plateau télé, pas un bar, pas un incubateur de start-up...» («Мы — газета, не ресторан, не социальная сеть, не культурное пространство, не телестудия, не бар, не инкубатор для стартапов...»). Деморан ушел в отставку. На 2017 год газета продолжала выходить в печатном виде и терпела большие убытки. Тиражи все так же падали, но по меньшей мере на протяжении второго десятилетия XXI века *Libération* оставалась un journal, газетой.

Впрочем, газета теперь не отрицает рынок. Ее попытки бросить вызов капиталистическому рынку были, пожалуй, наиболее смелыми среди печатных изданий в XX веке: в пору зарождения успех *Libération* объяснялся сильным политическим влиянием левых и их значительными финансовыми возможностями, что позволило газете существовать несколько лет без привлечения рекламы. Позже, подобно гораздо более известной *Le Monde*, *Libération* пришлось привлекать богатых спонсоров для продолжения публикации; поступив таким образом, газета сохранилась как ценное издание, но потеряла революционный *raison d'être*.

Libération искала свободы (по иронии судьбы — под влиянием самого деспотичного в мире государства, Китая), стремясь порвать цепи буржуазной журналистики, которой следовали «авторы-карьеристы». Газета существовала для того, чтобы «дать слово народу». Осуществляя эту свободу,

полагали основатели издания, журналистика сможет приблизиться к подлинной человеческой участи.

Одним из основателей газеты в 1973 году и ее шеф-редактором в первые годы существования был философ Жан-Поль Сартр. Как и других основателей газеты, Сартра влекло к маоизму: учение Мао было популярно среди французских левых в 70-х годах, к его последователям принадлежали философ-коммунист Луи Альтюссер, Мишель Фуко и писательница Симона де Бовуар, спутница жизни Сартра. Ни Сартр, ни де Бовуар не вступили в маоистский кружок, однако продавали экземпляры маоистской газеты *La Cause du Peuple* («Народное дело») после того, как издание было запрещено во Франции; Сартр был номинальным редактором и этого издания. Оба предпочитали маоистов Французской коммунистической партии, которую презирали за компромисс с государством после событий 1968 года. Никто из них не осудил и даже не признал, что Китай при Мао превратился в кровавую тиранию, а требования других французских интеллектуалов осудить деспота воспринимали как свидетельство реакционных взглядов и даже сотрудничества с ЦРУ.

Сартра в высокой степени интересовала судьба новой газеты, но в пору ее создания он уже тяжело болел — к концу жизни он почти ослеп — и умер в 1980 году. Наряду с Сержем Жюли, который стал редактором, ключевой фигурой при основании *Libération* был Жан-Клод Вернье, в возрасте двадцати с небольшим лет, в 1970-м, создавший маоистское информационное агентство, именовавшееся *Agence de Presse Libération*; принцип последнего состоял в том, чтобы поставить журналистику на службу народным массам.

В интервью, которое Вернье дал при уходе на пенсию, он сказал, что, присоединившись к кружку маоистов (он писал для *La Cause du Peuple*), пошел, как и многие его товарищи, работать на завод: «Я отправился на завод не затем, чтобы лучше узнать рабочих, ведь оба моих деда сами были металлургами, а для того, чтобы слушать голос масс как добросовестный последователь Мао... Для меня журналист — это

в первую очередь человек, который передает то, что видел. Он — рупор, передатчик; важностью обладают как раз слова других»¹⁷.

Политический философ Джеральдин Мюльман видит в ранних годах развития *Libération* настойчивые попытки преодолеть «фальшивую объективность» традиционного журналиста. В первом манифесте газеты, опубликованном в 1972 году, провозглашены руководящие принципы издания: «Атаковать секретность, помогать народу говорить... опираясь на прямое выражение чувств... Все, что обсуждается на предприятиях и в сообществе, будет в сердце газеты». Сартр, пишет Мюльман, видел в газете средство объединения людей¹⁸, утверждая, что «сущность нашего мышления... позволит людям объединиться и потребовать от государства и администрации передать им контроль над всем, что происходит в этих организациях. У правительства больше не должно быть секретов. Мы обязаны это требовать». Так Сартр предвосхищал прозвучавшие четыре десятилетия спустя требования Джулиана Ассанжа.

Вскоре после начала публикации *Libération* случилась забастовка на часовом заводе LIP в Безансоне — это предприятие было основано в 1860-х годах Эммануэлем Липманом. Редакция направила на LIP нескольких журналистов, которые в своих отчетах подчеркивали, что лишь передают взгляды рабочих, восславляя при этом дружбу, крепчающую между пролетариатом и журналистами. Мюльман цитирует журналиста, пишущего о «чернорабочем, который тыкал корреспонденту *Le Monde* в костюме и при галстук... Одна из заводских женщин говорила нам — они никогда бы не поверили, что загорелая дама-журналист из *Paris Match* проживет среди нас несколько дней». Точка зрения дирекции предприятия была представлена в газете со слов рабочих, при этом очевидные противоречия в словах и мнениях рабочих не принимались журналистами *Libération* во внимание. Страстное желание оставаться чистыми проводниками слов и взглядов людей, которых журналисты вознамерились

представлять, — поиски «внестилистического стиля» и «внеавторского авторства» — вызвало в обществе много споров и разногласий. Кульминацией стала отставка Сержа Жюли и прекращение выхода газеты в 1981 году.

Однако Жюли вернулся, и *Libération* продолжила выходить в свет — хотя с конца 70-х годов Жюли все более твердо оппонировал той разновидности журналистики, в соответствии с которой журналисты считали себя лишь мегафоном, транслирующим голоса своих героев и персонажей. *Libération* вынуждена была принять, что они — газета и что у журналистов действенная роль, что они не пассивны. Так маоистский подход был отвергнут: да, я — склонный ошибаться репортер, и пусть я не знаю всего, но все же я представляю некую историю, повествую, а не просто пишу под диктовку. *Libération* осталась изданием весьма необычным и сохранила левые позиции (впрочем, левизна эта, уже не революционная, приобрела социал-демократический оттенок). В начале XXI столетия газета столкнулась с трудностями. В июле 2005 года, отчаянно нуждаясь в дополнительных средствах, издание предложило долю в уставном капитале банкиру Эдуарду де Ротшильду; сделка состоялась после напряженных переговоров. Последовал год довольно хаотичной деятельности, а увольнение более 50 сотрудников редакции привело к забастовке. Жюли потребовал дополнительных инвестиций и получил отказ — он ушел в отставку, на этот раз навсегда. Один из основателей и управляющий директор газеты, Бернар Лаллеман, сказал в интервью, что Ротшильд предложил газете «логику экономики и капитализма... *Libération* всегда ненавидела деньги. На протяжении всей истории издание по счастливому стечению обстоятельств имело состоятельных спонсоров, помогавших ему на пути, вкладывавших в него средства, я был среди первых жертвователей, не ожидая особой прибыли... Но *Libération* не смогла избежать экономической реальности... *Libération* становится обычной газетой»¹⁹.

Так, да не совсем. Журналистика всегда привлекает любящих покрутиться авторов, талантливых и бесталаных — в

Libération нет недостатка ни в одних, ни в других. Здесь следует особо выделить корреспондента Libération по Европейскому союзу Жана Катремера: его длительный, кропотливый труд репортера сыграл немалую роль в отставке Европейской комиссии под председательством Жака Сантера в 1999 году, ушедшей в полном составе по причине коррупционного скандала. У Катремера довольно определенные антипатии: упомянем Жозе Мануэля Баррозу, бывшего председателя Еврокомиссии, а также избранного после Баррозу Жан-Клода Юнкера. Стиль его блога *Coulisses de Bruxelles* («Брюссель за кулисами») отличают компетентность и язвительность. Вот пример из едкой заметки о Юнкере: «Все помнят о том, как жадно он стремился к этой должности в 2009-м, даже не будучи кандидатом на пост председателя Еврокомиссии. Николя Саркози, тогда президент Франции, блокировал его карьерный рост, так как полагал, что этот бонвиван (слишком много сигарет, слишком много выпивки) чрезмерно увлекается “германским мышлением” и не показал себя достаточно активным во время кризиса в 2007–2008-м. В то время канцлер Меркель поддержала французского президента»²⁰.

Здесь мы наблюдаем противоречие изначальному принципам Libération: в своей области Катремер — журналист-знаменитость, автор, которого читают именно потому, что пишет он — пишет, а не транслирует взгляды других. Соня Дельсаль-Столпер, несколько лет состоявшая лондонским корреспондентом газеты, говорила мне, что сегодня Libération — издание для личностей, а не для «проводников чужих голосов»: «Я сотрудничала с Agence France-Presse, и там невозможно иметь собственный стиль, а также с Le Figaro, и там это тоже невозможно. Но в Libération это возможно вполне, и такое положение дел уже не изменится». Libération из народной газеты превратилась в газету журналистов.

По словам Дельсаль-Столпер, издание по-прежнему отличает отвага — не только во мнениях, но и в действиях. На следующий день после убийств в редакции Charlie Hebdo в январе 2015 года Libération опубликовала провокационные

карикатуры на первой странице, а позже устроила прием в честь сотрудников Charlie в своей редакции — стилизованном и несколько запущенном здании автопарковки, где все еще сохраняются винтообразные пандусы. С 2015 года главным акционером газеты выступает франко-израильский предприниматель Патрик Драи — богатейший человек в Израиле и третий по состоянию во Франции, создавший крупную группу телекоммуникаций и средств массовой информации, в которую входят, помимо Libération, журналы L'Express и L'Expansion, а также израильский телеканал i24News²¹. Он перевел редакцию газеты из центра Парижа в обычный деловой центр на окраине и настаивает на полном переходе в цифровой (сетевой) формат.

Последовательные мероприятия по спасению Libération уводят газету все дальше от заложенных при основании идеалов. Однако следует помнить о том, что идеалы эти во многом основывались на идеологии маоизма, безнадежно скомпрометированной массовыми убийствами и угнетением всяческой свободы. Основное противоречие состояло в том, что Libération искала свободы — «освобождения» — от буржуазной морали, восприняв идеологию и принципы одного из наиболее деспотичных и смертоносных политических течений XX века.

iv «Интернет — угроза цивилизации»

«Утечка» информации — ровесница журналистики; здесь речь идет о распространении всякой информации, которая не предназначена для публикации. Однако после 2010 года, очевидно, наступила новая эра «информационных утечек», которую принято связывать с загрузкой на компьютеры и публикацией огромного числа конфиденциальных документов. Первой подобной утечкой стали документы Государственного департамента Соединенных Штатов, «позаимствованные» рядовым Брэдли Мэннингом и опубликованные организацией Джулиана Ассанжа WikiLeaks в 2010 году. Еще более крупной добычей как по количеству, так и по степени

воздействия оказались документы, изъятые Эдвардом Сноуденом из Агентства национальной безопасности США и опубликованные в 2013 году. В 2016 году миру было явлено 11,5 миллиона документов панамской юридической фирмы Mossack Fonseca, специализирующейся на помощи клиентам в уходе от налогообложения; эти документы во всех подробностях отражали усилия богатых и влиятельных граждан по сокрытию своих средств от вездесущего, прожорливого государства. Документы, публикуемые в рамках таких утечек, рассматриваются теми, кто их подготовил и опубликовал, как разновидность более дерзкой, почти воинствующей журналистики, свободной от метаний и компромиссов традиционных СМИ.

Считается, что журналистика — это своего рода летопись общественной жизни. «Публичные записки», которых теперь становится все меньше, некогда содержали подробное описание основных событий, институтов и совещательных советов городов, регионов или страны в целом. Сегодня ни одна газета не станет печатать длинные стенограммы дебатов в каком-либо комитете или парламенте. Этого и не требуется, поскольку указанные записи обычно доступны в Сети или в случае с национальными парламентами транслируются по телевидению и радио.

Но суть не в наличии или доступности подобных записей. Публикуемые на страницах газет отчеты и речи входили в событийную канву, информируя публику о жизни общества и создавая имплицитную связь, опосредованную журналистами, между читающими гражданами и народными избранниками (вспомним, что этимология слова «элита» восходит именно к «выбранным лицам», к избранникам).

Парламентарии горько шутят, что лучший способ сохранить новость в тайне — это выступить с речью в законодательном собрании или на заседании комитета, открытом для прессы и общества. В этих словах есть доля истины. Многое из содержимого отчетов законодательных и административных органов проходит мимо новостных изданий, тогда как некоторые записи, будучи отсеяны, могли бы оказаться столь

же важными и даже драматичными, как секреты, до которых приходится докапываться и которые предаются огласке посредством информационных утечек.

За пятьдесят пять лет до появления центра Politico американский журналист Иззи Стоун выпускал в Вашингтоне инсайдерскую газету I. F. Stone's Weekly, в которой публиковалось множество неизвестных широкой публике материалов. За несколько лет до смерти в 1989 году Стоун поведал мне, что выуживал бóльшую часть данных (часто разоблачительного характера) из отчетов о слушаниях в комитетах и из официальных публикаций, мимо которых прошли его более торопливые коллеги. «Множество новостей, которые нам следует знать и которые не напечатаны в газетах, издаются за счет налогоплательщиков». Стоун пользовался материалами в открытом доступе: «осведомителями» оказывались те или иные публикации политического истеблишмента. «Субкультура» информационных утечек в начале XXI века — это нечто другое.

Информационные утечки бывают разных видов и включают в себя, в частности, «санкционированную утечку» (вероятно, это самая распространенная разновидность), когда организация соглашается, чтобы один из ее членов или сотрудников сообщил одному или нескольким журналистам о событиях, которые никогда не происходили. У такого выхода информации — ее часто сопровождают слова «... пусть это останется между нами...», «... не говорите о том, что это исходит от меня...» — вполне определенная цель и почти всегда в пользу организации или ее подразделения (поскольку чаще всего подобные утечки — результат внутренних сражений), или же человека, который и «выдал» эти сведения. Журналисты обычно с презрением относятся к людям, которые производят санкционированные утечки, даже если пользуются этой информацией. Добросовестный журналист не позволит, чтобы его контролировал источник. Если санкционированная утечка служит интересам публикации и если данные находят подтверждение, то они могут стать частью информационной мозаики.

Множество утечек происходит в так называемой «серой зоне». Здесь следует отметить факторы доверия, расчета и личной близости. Наличие постоянного источника информационных утечек может основываться на интимной, близкой связи с элементами опеки и доминирования. В одной из первых серий американской политической драмы «Карточный домик» (2013–2018), остросюжетном триллере об отношениях между политиками и журналистами, старшая коллега-журналистка неожиданно резко задает вопрос молодой коллеге, которой тайно передает сведения политик высокого ранга: «С кем вы спите?» Далее более опытная журналистка добавляет, что не смогла бы получить материал подобного качества без предложения секса и что ей самой приходилось делать подобные предложения.

Личная близость в журналистике, основывается ли она на сексе или нет, вызывает открытую неприязнь блюстителей журналистской этики, но полностью избежать таких связей не удастся в силу эмоциональной природы человеческих отношений. Личные связи относительно открыты или, может быть, менее лицемерны в некоторых культурах, например, в Европе. В интервью для книги, которую я написал в 2004 году, Франсуаза Фрессо, тогда корреспондент французской деловой газеты *Les Echos* (позже она перешла в *Le Monde*), говорила мне, что «проклятие французской политической журналистики — это попустительство связям между политиками и журналистами; они живут, работают, едят, а иногда и спят вместе... Журналист идет на пресс-конференцию, где выслушивает официозные речи, которые мало что значат. Журналист встречается с политиком за обедом, и в конце трапезы, когда тот расслаблен, он расскажет вам намного больше, чем в официальной обстановке, но не для протокола, и слова его могут быть или не быть правдой»²².

Неконтролируемое получение информации (утечка) следует — следовало — определенным правилам. Алекс Джонс, который писал о средствах информации для *The New York Times*, а позже возглавил Центр Шоренстайна по СМИ и

политике в Гарварде, утверждает, что «значительная часть наиболее критичных, важных эпизодов сторожевой журналистики зависит от... анонимных источников», и полагает, что тщательное сохранение источников информации в тайне — это одновременно вопрос чести и здравого смысла. Раскрытие источников, считает Джонс, это «предательство»²³. Журналисты, которые выбирают тюрьму вместо того, чтобы под давлением представителей закона раскрыть источник информации, — это герои, пусть под стражу их берут за нарушение закона. Более того, Джонс утверждает, что повсеместное нарушение данного обязательства стало бы разрушительным для журналистики, поскольку источники перестали бы доверять журналистам.

Джонс, один из лидеров мировой журналистики, полагает, что журналистика в широком смысле наиболее эффективна, когда раскрывает насилие и ложь вопреки воле властей и государства, и что лица, которые передают информацию журналистам, должны быть защищены правом хранить молчание, а это на практике может означать нарушение закона. Так иногда и происходит. В 2005 году автор *The New York Times* Джудит Миллер отправилась в тюрьму на 85 дней вместо того, чтобы раскрыть свой источник информации, агента ЦРУ Валери Плейм. Она согласилась на частичное раскрытие информации и была выпущена на свободу. А в июне 2014 года репортер *The New York Times* Джеймс Райзен отказался давать показания по своим источникам, тогда как полученная информация позволила ему опубликовать в газете и книге разоблачительный материал об усилиях ЦРУ по подрыву ядерной программы Ирана. Окружной судья постановил, что Райзен может не давать показания, однако государство выиграло это дело после кассационной жалобы, причем с явным преимуществом — 2 к 1. Апелляционный суд постановил, что первая поправка к Конституции США не защищает репортера от требования властей по раскрытию источника информации. Верховный суд апелляцию Райзена отклонил, но Райзен настаивал на своем праве.

Так или иначе, сегодня вероятность того, что журналист выдаст свой источник, содержит даже меньше опасностей, чем простота идентификации и слежки посредством личного смартфона или иных средств наблюдения.

Пожалуй, лучший случай для журналиста — это когда осведомитель (источник информационной утечки) оказывается лицом, оскорбленным организацией, в которой он служит. В силу нравственной обоснованности происходящего сделка содержит элемент нравственного императива без всяких «услуг за услугу», за исключением факта публикации, посему публикатор в таком случае служит чистой журналистике.

К наиболее известным героям-разоблачителям в период после Второй мировой войны следует отнести Дэниела Эллсберга, который в 1971 году предоставил в распоряжение Нила Шихана из *The New York Times* документы Пентагона относительно войны во Вьетнаме, согласно которым политическое руководство страны уже некоторое время знало, что войну выигрывают силы Вьетконга, и в то же время публично заявляло, что победу одерживают вооруженные силы армии Южного Вьетнама и США. Здесь же нужно упомянуть осведомителей, рассказавших о событиях в комплексе «Уотергейт» журналистам *The Washington Post* Бобу Вудворду и Карлу Бернстайну в 1972 году. Все вышеперечисленные были американцами. Впрочем, известны резонансные случаи и в других странах, например, история французских агентов, которые предоставили в распоряжение *Le Monde* сведения о затоплении корабля «Гринпис» *Rainbow Warrior*, пытавшегося помешать испытаниям ядерной бомбы и подорванного французской службой внешней разведки; скандал привел к отставке главы ведомства в 1985 году. Немецкий еженедельник *Der Spiegel* специализируется на отчетах, основанных на информационных утечках, — это один из основных издателей как *WikiLeaks*, так и откровений Сноудена. *Der Spiegel* также регулярно раскрывает менее «взрывоопасную», но тем не менее конфиденциальную информацию. Отчет в сентябрьском номере еженедельника

за 2010 год основывался на секретных материалах из отдела перспективного анализа бундесвера (вооруженные силы Германии) и сообщал озабоченность будущими мировыми конфликтами по причине нехватки нефти.

Сегодня организаторов массовых информационных утечек дипломатических документов и документов Агентства национальной безопасности часто сравнивают с центральными персонажами исторических эпизодов. Но различия существенны и особенно важны для понимания современных новостных средств информации в большинстве стран демократического мира. Как Вудворд, так и Бернстайн, каждый в свою очередь, раскритиковали разглашение документов Агентства национальной безопасности, организованное Сноуденом. Вудворд выразился относительно мягко, сказав в беседе с Ларри Кингом, что Сноуден «явным образом нарушил закон... я точно не стал бы называть его героем»²⁴. Бернстайн назвал сноуденовские путешествия в Гонконг и далее в Россию «опереточными», добавив, что бывший сотрудник Агентства национальной безопасности должен был остаться в США и иметь дело с последствиями своих действий. Он также сказал, что «большинство программ АНБ, которые раскрыл Сноуден, уже были известны общественности» и что, «насколько мы знаем, служба не пострадала и все на своих местах»²⁵.

Вудворд и Бернстайн были репортерами, которые вначале осторожно потянули за веревочку, вскоре ставшую достаточно прочной, чтобы «повесить» президента. Они действовали в пределах сложившегося протокола, хотя немного расширили его. Дэниел Эллсберг был более радикален — вскоре после появления первых публикаций, основанных на похищенных из АНБ документов, он писал в *The Washington Post*, что «все два года, пока я был обвиняемым, я мог свободно выступать в средствах массовой информации, на митингах и публичных лекциях... Я не смог бы сделать этого, находясь за рубежом, и мне и в голову не приходило покинуть страну. Сегодня воспроизвести такой опыт было бы невозможно»²⁶. Однако Эллсберг действовал «внутри системы», хотя и вопреки

политике администрации. Ему предоставляли помощь (тайно) исследователь в корпорации RAND Энтони Руссо и члены команды сенатора-демократа Эдварда Кеннеди. Элсберг верил в способность политической системы справиться с разоблачениями и вести осмысленное обсуждение характера войны во Вьетнаме. Он хотел организовать движение против войны, которую считал провальной: такой она и была. Он думал, что оппозиция сможет помочь остановить войну в рамках политической системы — так и произошло. Несмотря на то что Элсберг выразил солидарность со Сноуденом, он весьма отличное от Сноудена политическое явление.

Те лица, которые сегодня «производят утечки», — это «люди Сети и монитора», для которых обширные информационные потоки и технологии, дающие к ним доступ, естественная среда обитания. В книге Джулиана Ассанжа *Syberpunks* («Шифропанки») один из его соавторов, немецкий хакер Энди Мюллер-Магун, говорит, что «мы не считаем себя жителями Германии, мы считаем себя жителями сети Интернет»²⁷.

Джулиан Ассанж также человек из мира компьютеров: в своем несколько беспорядочном детстве и отрочестве он нашел источник утешения и упорядоченности во Всемирной паутине. Здесь же он обнаружил цели своего гнева, исходя из собственной убежденности, что Сеть используют для глубокого и всеобъемлющего подавления инакомыслящих и неугодных.

На первых нескольких страницах «Шифропанков» («Не манифест: на это нет времени») описывается мир, который «скачет к транснациональной антиутопии... Интернет — угроза цивилизации... будучи предоставленной самой себе, цивилизация в течение нескольких лет превратится в постмодернистскую антиутопию, где от слезки смогут укрыться только особо подготовленные индивиды. Возможно, мы уже в этой антиутопии».

Выход тем не менее есть: «Единственный способ противодействия тотальному контролю» — в том, что «зашифровать информацию легче, чем расшифровать». Киберпанки,

наделенные секретами шифрования, — супергерои, спасители Вселенной. Они могут «абстрагировать наше новое платоническое королевство от спутников, подводных кабелей и тех, кто все это контролирует... создавая новые земли, неподвластные тем, кто контролирует физическую реальность. И таким образом провозгласить независимость».

То, что Ассанж видит себя экстраординарной личностью, призванной спасти мир, явно подтвердил британский автор Эндрю О'Хейган, с которым Ассанж договорился о помощи в написании своей биографии (Ассанжу на то время было около сорока)²⁸.

Большая часть из того, что Ассанж рассказал О'Хейгану, соответствовало апокалиптическому взгляду «Шифропанков» на будущее мира и той роли, которую «спасители» должны сыграть с целью предотвращения антиутопии: «Новый авангард (группа) специалистов, которых, как и нас, называют преступниками, наблюдают за раковой опухолью власти и видят ее распространение, что скрыто от взора большинства жителей планеты».

О'Хейган увидел в своем персонаже самовлюбленного фантазера: «Ассанж неоднократно упоминал о симпатии к нему людей, но я не увидел в нем ни харизмы, ни внутреннего спокойствия. Он пространно говорил о своих “врагах” в основном из *The Guardian* и *The New York Times*... Он едва упоминал прессу правого толка, в которой его называли преступником и предателем».

О'Хейгану удалось закончить книгу «Джулиан Ассанж: неавторизованная автобиография». «Автобиография» была написана О'Хейганом, но Ассанж отказался ее признавать и разругался с издательством Canongate Books — по его мнению, оно нарушило условия контракта. Тем не менее О'Хейган, с которым Ассанж оставался в нормальных отношениях, смог собрать некоторые (вероятные) факты удивительной жизни этого кочевника. Сбежав вместе с матерью от ее мстительного сожителя, Ассанж вскоре погрузился в «киберсферу». В наиболее лирических эпизодах книги он описывает, как в

отроческие годы «моим главным собеседником был компьютер... я растворялся в глубинах Сети... целиком отдавал себя компьютеру... во мне зарождалась новая жизнь...»

Когда Ассанжу было уже за двадцать, к этой «новой жизни» он присовокупил взгляды на правительство как на источник зла, и это зло он обязан был искоренить, но не путем насильственной революции, а проникнув в тайные базы данных и сети властей предрержащих. Он стал одним из пионеров в новом виде противозаконных «боевых действий», в этой уже ставшей привычной разновидности «кибервойны». Он был опытным и дерзким хакером, оснащенным необходимой техникой, а к середине 1990-х годов родилась и его миссия, ныне известная как WikiLeaks. Любопытно, что своей славой и значимостью WikiLeaks в немалой степени обязана молодому, склонному к депрессии и одиночеству рядовому армии США, несшему службу на военной базе в Ираке. Этого эмоционально возбудимого человека потрясли попавшие в поле его зрения материалы, и он решил стать разоблачителем, то есть сообщить миру о том, что ускользает от внимания традиционной прессы.

Брэдли Мэннинг, ныне сменивший пол и ставший женщиной по имени Челси, — это просто попавший под колесо автомобиля мотылек. Его родители (пишу в мужском роде, так как речь идет о периоде до смены Мэннингом пола) развелись, мать, родом из Уэльса, любила приложиться к бутылке и пыталась свести счеты с жизнью. В тринадцать лет Брэдли с матерью переехал из городка Кресент в штате Оклахома в Хаверфордуэст, город побольше на границе Англии и Уэльса. В семнадцать лет он вернулся в США, в дом отца и мачехи, но не нашел с ними общего языка, пару лет занимался поденщиной, переезжая с места на место, а в двадцать лет пошел служить в армию. Он был гомосексуалом и признался в этом еще в отрочестве, но никогда эту свою особенность не афишировал, опасаясь нападок. Он был далеко не глуп, но формального образования после средней школы не получил.

Как и Ассанж, Мэннинг был своего рода «компьютерным магом» и уже в раннем детстве погрузился в интернет. Тесты, которые он прошел перед началом армейской службы, показали, что у него достаточно высокий коэффициент умственного развития и ценные навыки — так его направили на работу в аналитический отдел по сбору разведывательной информации.

В 2009 году Мэннинга послали на военную базу под Багдадом, где он получил доступ к огромному массиву секретных данных. Чтение военных записей и других материалов сделало его циником, разочаровавшимся в военном присутствии США в Ираке и Афганистане. У него начался роман с музыкантом Тайлером Уоткинсом, входившим в круг «хактивистов» при Массачусетском технологическом институте в Бостоне, но музыкант довольно скоро исчез из его жизни.

О WikiLeaks он узнал еще до командировки в Ирак. В ходе судебного процесса над ним в январе 2013 года он заявил — вопреки критическому и враждебному отчету армейской контрразведки, с которым ему дали ознакомиться, — что WikiLeaks «самоотверженно разоблачает незаконную деятельность и коррупцию»²⁹. Мэннингу по своему темпераменту и жизненному опыту были чужды любые формы существования в традиционном обществе, и в итоге он оказался между двумя противоположными мирами: миром военных, которые вели непопулярную, провальную войну, и миром WikiLeaks и его сторонников, для которых армия США была как минимум виртуальным противником. На суде он признался, что знания, которые он впитывал благодаря своей работе, были для него «тяжелым эмоциональным бременем».

Ко времени отпуска в январе 2010 года на диске портативного компьютера Мэннинга уже скопилось изрядное количество секретной информации (поначалу он загружал данные на ноутбук по простой причине — на случай взлома рабочего компьютера), и он принял для себя решение: «Если доступ к этой информации получит американское общество... оно по-иному посмотрит на необходимость или даже желание

воевать с террористами и бунтовщиками, потому что в ходе боевых действий не учитываются интересы местных жителей, вынужденных жить в столь сложной обстановке».

Во время отпуска он связался с *The Washington Post* и *The New York Times*, но интерес проявила лишь редакция *The Washington Post*, да и то лишь поначалу. Мэннинг решил было обратиться в *Politico*, но так до них и не добрался. В итоге выбор пал на *WikiLeaks*: он начал посылать туда материалы со своего ноутбука, и вскоре *WikiLeaks* их опубликовал. В частности, был предан огласке материал об инциденте в 2007 году, когда американский вертолет, следивший за обстановкой на улицах Багдада, открыл огонь по группе ни в чем не повинных людей (среди убитых оказались два сотрудника агентства *Reuters*). На сайте также появились выдержки из оперативных записей о кампании в Афганистане и Ираке, а чуть позже — обширная дипломатическая переписка.

В мае Мэннинг связался с Адрианом Леймо, в прошлом хакером и отчасти журналистом, и обо всем ему рассказал, заручившись обещанием, что тот его не выдаст. Однако Леймо донес на Мэннинга в контрразведку армии США; в конце мая Мэннинга арестовали и приговорили к тридцати пяти годам тюремного заключения. В тюрьме он заявил, что он является транс-женщиной по имени Челси Мэннинг, и в 2014 году попросил провести ему гормональную терапию.

Челси не знала, как распорядятся этими сведениями, ведь будь они опубликованы без купюр, могли пострадать многие ее друзья по армии, другие люди в разных ветвях государственной службы США, например, дипломаты и их доверенные лица. Видимо, ничего этого она не приняла во внимание. Этой беспечностью с ее стороны объясняется в том числе суровость наказания — пусть другие, кто хотел бы последовать ее примеру, остерегутся. «Мотылек, попавший под колеса» — это выражение закрепилось за Челси Мэннинг, потому что она, как никто другой из людей, замешанных в массовых «сливах информации», оказалась совершенно неподготовленной к той каре, которая на нее обрушилась.

А вот биография Эдварда Сноудена — это совершенно другая история. Он из семьи военных: его дед по матери был контр-адмиралом в береговой охране США, потом работал в ФБР, отец тоже занимал высокий пост в службе береговой охраны. Хронический тонзиллит вынуждал Эдварда месяцами пропускать школу, а в период его учебы в старших классах родители развелись. Вместе с матерью он перебрался в Элликотт-Сити, неподалеку от Балтимора, всего в нескольких милях от своего будущего работодателя — Агентства национальной безопасности США. Робкий интроверт, но, по общему мнению, человек приятный, он тоже был «порождением компьютерного дисплея» — учился на компьютерных курсах, хотя школу так и не окончил.

С юности разделяя отцовский патриотизм, он пошел служить в армию, чтобы «помочь иракскому народу освободиться от гнета». Из-за перелома ног его отстранили от подготовки в войсках специального назначения, и он нашел работу в ЦРУ как специалист по информационным технологиям. Там он быстро пошел в гору, потому что обладал исключительными навыками в ИТ-сфере. Правый либертарианец, он отмахивался от таких социальных проблем, как безработица, враждебно относился к газетным разоблачениям вроде статьи в *The New York Times* в 2009 году, в которой были преданы гласности секретные планы Израиля напасть на Иран, чтобы нейтрализовать ядерный потенциал последнего. Однако знакомство с методами ЦРУ привело его к неутешительному выводу: «Я причастен к структуре, которая приносит больше вреда, чем пользы».

Через ЦРУ Сноуден стал сотрудничать с двумя гражданскими организациями на подряде у Агентства национальной безопасности — компьютерной фирмой Dell и консультантами Booz Allen Hamilton; в итоге в 2013 году Сноуден оказался сначала в Японии, а потом в Гонолулу, где благодаря своим исключительным компьютерным навыкам стал получать весьма достойную зарплату, а заодно и доступ к огромным массивам секретной информации. Эту информацию он сбрасывал

на карты памяти и выносил из подземного бункера, где служил. В 2013 году он сообщил в компанию Booz Allen, что в связи с приступами эпилепсии ему нужен отпуск. По сути дела, он решил начать новую жизнь. Он улетел в Гонконг, снял номер в гостинице и стал искать контакты с теми, кто помог бы ему распорядиться собранными сведениями.

Серьезная перемена в его жизни уже произошла: из патриота, считавшего, что разоблачителям «надо отстреливать яйца» (как под сетевым псевдонимом TrueHOONA он однажды заявил на сайте Ars Technica), он превратился в человека, решившего, что его работа не вписывается ни в какие рамки: «За годы карьеры я стал свидетелем создания системы, которая нарушает права не только американцев, но вообще всех людей на земле — и не только конституционные, но и права человека».

В частной и профессиональной жизни Сноуден был «порождением Сети» в той же степени, что и Ассанж и Мэннинг. Автор газеты The Guardian Люк Хардинг ссылаясь на коллегу Юэна Макаскилла, которого The Guardian направил в Гонконг, чтобы связаться со Сноуденом. Макаскилл говорил, что после нескольких встреч со Сноуденом он увидел, что тот «на короткой ноге с компьютерами, это и есть его мир»³⁰. По словам Хардинга, с раннего возраста, когда Сноуден только пришел в Ars Technica, он был «страстно предан» интернету.

Страстная (или умеренная) «преданность Сети» объясняется ощущением свободы, которое предлагает интернет. Социолог Шерри Тёркл утверждает, что в Сети мы воспринимаем себя «подвижными, импульсивными, самостоятельными, многогранными, гибкими, находящимися в постоянном движении»³¹. Для «обитателей Сети», которыми смолоду стали Мэннинг, Ассанж и Сноуден, само понятие барьеров противоречит сути Сети, где ты свободен в поиске, чтении, изучении и передвижениях в информационном потоке.

Для «слива» Сноуден выбрал трех журналистов: Бартон Геллман из The Washington Post писал о достижениях и провалах разведки перед началом и во время войны в Ираке; Glenn

Гринвальд, юрист, блогер в Salon и автор колонок для The Guardian, изучал методы наблюдения, особенно со стороны Агентства национальной безопасности; Лора Пойтрас, обладатель наград за работы в жанре документального кино, сделала два фильма о борьбе с террористами в разных регионах. Свой выбор Сноуден обусловил темами, на которые они писали. Любопытно, что отнести к традиционной журналистике можно только одного из указанных авторов.

Позже упомянутый выше Гленн Гринвальд заметил: Сноуден не стал обращаться в The New York Times, потому что там отказались публиковать результаты расследования своего корреспондента Джеймса Райзена о том, что Агентство национальной безопасности прослушивало граждан США без ордера целых пятнадцать месяцев. The New York Times все-таки опубликовала материалы, но только в 2005 году, когда стало известно, что об этом эпизоде Райзен рассказывает в готовой к печати книге, перехватывая инициативу у собственной газеты. Этот материал на несколько лет опередил файлы Сноудена, который, по сути, развил эту тему и наполнил ее важными подробностями.

Поначалу Гринвальд и Пойтрас отнеслись к предложению Сноудена с недоверием и особого интереса не проявили, но потом Гринвальд, ознакомившись через Сноудена с методом шифровки, получил от него комплект файлов, доступ к которым ранее был только у «одного из самых засекреченных в мире агентств самой могущественной в мире державы». Один из этих файлов представлял собой описание программы, с помощью которой крупнейшие и богатейшие корпорации мира — Google, Microsoft, Apple, YouTube и другие — позволяли Агентству национальной безопасности собирать со своих серверов миллиарды сообщений. Гринвальд пришел в такой восторг, что поначалу не мог углубиться в чтение, его просто распирало от радости. Он годы по крупницам собирал золото, и вдруг золотая жила, да еще какая, открылась ему сама! Заручившись поддержкой The Guardian, он и Пойтрас отправились в Гонконг и бессонной ночью в самолете, беспокоя

других пассажиров, читали взахлеб присланные Сноуденом файлы.

В своих полемических мемуарах Гринвальд пишет о том, что чувствовал в эти первые головокружительные минуты, — раскопки, которые он годами вел в рамках блога, вдруг получили материальное подтверждение, его подозрения о «государстве безопасности» подтвердились. «Гора» документов «со всей очевидностью обнажала сложную сеть слежки, нацеленной на американцев (что вообще не входит в задачу Агентства национальной безопасности) и граждан других стран. Убийные, всеобъемлющие архивные документы... разоблачали действия агентства, протянувшего щупальца по всему миру, действия лживые и даже преступные»³².

Пойтрас не раз снимала события, так или иначе связанные с утечкой данных. Вместе с Гринвальдом и другими журналистами-расследователями она вскоре перешла на The Intercept, сайт разоблачений и расследований; финансирует его Пьер Омидьяр, миллиардер, основатель и владелец компании eBay. На основе файлов Сноудена Геллман продолжал писать материалы для The Washington Post, но, в отличие от других главных лиц в деле Сноудена, не выходил за рамки американского журналистского протокола.

5 июля 2014 года Геллман вместе с Джули Тейт и Ашканом Солтани опубликовал материал, содержащий некоторые похищенные Сноуденом данные, из которого следовало, что «число сообщений рядовых пользователей интернета, американцев и граждан других стран, перехваченных Агентством национальной безопасности в американских цифровых сетях, намного превосходит число сообщений иностранных граждан, слежка за которыми носит законный характер»³³. В статье содержится утверждение о том, что «The Washington Post не будет подробно описывать, содержимое представленных Сноуденом файлов, чтобы не мешать текущим операциям». Там же сказано, что «на одном уровне Агентство национальной безопасности демонстрирует неусыпную заботу о защите личного пространства граждан США и по определению

четырёх ближайших союзников по разведывательной деятельности — Британии, Австралии, Канады и Новой Зеландии». Далее следует абзац о том, что на некоторых граждан подобная защита не распространяется. Таким образом автор пытается избежать обвинений в предвзятой подаче фактов.

Гленн Гринвальд с самого начала журналистской карьеры смешивал полемическую подачу с репортажем, причем он наиболее заметная фигура в группе Сноудена. Одна из причин в том, что он не слишком ограничен в своих действиях и дает агрессивный отпор всем критикам, в основном коллегам-журналистам, выступившим с нападками на Сноудена и на поддержавшие его газеты, в особенности *The Guardian*. Гринвальд и Ассанж в гораздо большей степени, чем сдержанный Сноуден, — это предвестники новой журналистики, которая набирает силу и неизбежно выберется из чрева старой.

Гринвальд и Крис Блэкхерст, тогда главный редактор издательства *The Independent* в Великобритании, в октябре 2013 года обменялись взглядами на будущее журналистики, что прояснило точку зрения Гринвальда. Блэкхерст делает многочисленные реверансы в сторону разоблачителей, но при этом пишет, что публиковать откровения Сноудена не будет, потому что его вовсе «не заводит» тот факт, что «службы безопасности отслеживают электронные послания и телефонные звонки, используют сетевые поисковики для выявления террористов, настоящих и будущих... а что уж такого ужасного в действиях Агентства национальной безопасности и Центра правительственной связи?»³⁴. Блэкхерст добавил, что не стал печатать материалы, полученные от Сноудена, потому что его попросило об этом правительство — по соображениям национальной безопасности.

Возмущению Гринвальда не было предела. «Карьерный журналист» Блэкхерст, подчиняясь просьбе государства не печатать материал, «прекрасно показал, что крупные журналистские издания движутся по спирали смерти»³⁵. Блэкхерст — «подобострастный раб», «журналист на службе государства... меня не удивляет, что властные круги, включая (в

особенности) журналистов истеблишмента, предпочитают прикрыть эту тему, никак ее не обсуждать и оставить всех нас в блистательном невежестве... поступая так, они оказывают нам услугу, потому что становится ясно, сколь велика пропасть между заявленной функцией журналистов истеблишмента и их реальной ролью».

Из тех, кто возглавил движение за массовые разоблачения, Гринвальд был самым ярким критиком СМИ в США и Великобритании и главным выразителем мысли, которую исповедуют все сторонники раскрытия информации: Соединенные Штаты и идущая у них на поводу Великобритания полностью утратили легитимность, радостно прибегая к технологиям слежки, которые угнетают и собственных граждан, и иностранцев. Именно поэтому Гринвальд и его сторонники считают, что журналистика должна подняться на новый уровень, где государство автоматически будет под подозрением.

В воспоминаниях о собственной, весьма заметной роли в публикации файлов Сноудена «Нигде не скраться» (No Place to Hide) Гринвальд пишет о разнице между «классическим журналистом прошлого, человеком со стороны», получавшим низкое жалованье, когда карьера в журналистике как раз и закрепляла понятие «со стороны», и нынешним корпоративным существом, «которое всучивает медийные продукты общественности от имени корпорации... существом, процветающим внутри крупных корпораций и думающим лишь о том, как бы ублажить институциональную власть, но ни в коем случае ее не подрывать»³⁶. (Скорее, «классический журналист прошлого» подчинялся могущественным редакторам, политикам и владельцам даже в большей степени, чем его современный коллега, он еще больше зависел от начальства, боясь потерять работу, и независимость его была весьма ограниченной.)

Окончив школу с блестящими оценками, Гринвальд поступил в частный университет Джорджа Вашингтона, который по праву считается одним из самых «политически активных»

учебных заведений в стране, — его выпускники часто идут в политику. Гринвальд получил степень по философии, а потом по праву в не менее престижном частном Нью-Йоркском университете. Пятнадцать самых видных юридических компаний страны предложили ему работу, и он выбрал из них самую «престижную и избранную» — Wachtell, Lipton, Rosen & Katz. Он пришел в эту компанию стажером еще во время учебы и прослужил год после выпуска; отзывы о его работе были неизменно «позитивными и хвалебными». Затем он занялся самостоятельной и довольно успешной практикой, за десять лет выросшей в компанию; в компании трудится шесть юристов, они ведут дела во всех штатах США, их основная сфера — конституционное право. Гринвальд опубликовал три книги: *How Would a Patriot Act?* («Как поступать патриоту?»), *A Tragic Legacy* («Трагическое наследие») и *Great American Hypocrites* («Великие американские лицемеры»). Во всех трех сочинениях автор атакует политику республиканцев в целом и президентство Буша в частности.

Гринвальд внятно излагает свою точку зрения: журналистика должна находиться в постоянной оппозиции к политической и в меньшей степени к корпоративной власти, никак не претендуя на объективность. В ходе диалога с Биллом Келлером, исполнительным главным редактором *The New York Times*, в октябре 2013 года Гринвальд отмахнулся от «удушающих ограничений на самовыражение журналистов; эти ограничения ведут к выхолащиванию журналистики — она теряет ударную силу и становится скучной... Формируется ложная точка зрения... А ведь все мы смотрим на мир субъективно»³⁷.

Келлер ответил: «Я считаю, что журналист должен стремиться к беспристрастности. В большинстве случаев такая позиция приближает к истине, она заставляет проверять все предположения, в том числе ваши собственные... Читателю не придется долго копать в архивах, включая архивы моей газеты, чтобы увидеть, как журналисты открыто навязывают свое мнение читателю. Тексты становятся одушевленными.

Но современный читатель часто усматривает в такой подаче материала проповедь и становится подозрительным».

Гринвальд решительно убежден, что журналистика должна быть агрессивной по отношению к правительству — тут он близок к Ассанжу, хотя Ассанж придерживается еще более радикальных взглядов. «Четвертая власть» обязана контролировать правительство, но эта идея «действена, только если журналисты противостоят властям; самый большой грех — это угодничать в интересах правительства, не столько исследуя его посылы, сколько усиливая их, выполняя за правительство его грязную работу». Это довольно туманное высказывание (что вообще такое — «грязная работа правительства»?), но, похоже, оно означает, что поддерживать или одобрять политику правительства не стоит вообще.

Келлер и другие журналисты его склада — либералы, «профессиональные скептики», авторы и редакторы журналистских расследований — в глазах Гринвальда не менее подозрительны, чем журналисты и комментаторы с правого фланга. Черта, которую О'Хейган заметил в Ассанже — «весь свой гнев он израсходовал на журналистов, которые пытались работать с ним и в общем и целом поддерживали его политические взгляды»³⁸, — едва ли характеризует Гринвальда. Гринвальд гневно обличает правых, однако либеральных журналистов, таких как Блэкхерст из *The Independent* (эта газета до, во время и после его пребывания на посту главного редактора не слишком «раболепствовала» перед правительством и даже сотрудничала с явными радикалами, например, с Патриком Кокберном), он считает предателями — они, дескать, отказались бороться с правительством, а эта борьба, по его мнению, и есть «корни и ветви» древа журналистики.

Келлер верит в ценность расследований, но на посту главного редактора *The New York Times* он не раз «заворачивал» либо сокращал какие-то материалы по просьбе правительства. В июле 2006 года вместе с Дином Баке, тогда редактором *Los Angeles Times* (а в мае 2014 года Баке стал редактором *The*

New York Times), он выступил с декларацией, из которой следовало, что у журналистов и рядовых граждан есть общие интересы в борьбе с терроризмом. Келлер сослался на ряд случаев, когда по просьбе высокопоставленных чиновников ему приходилось «заворачивать» или сокращать представленные статьи. Авторы подтвердили базовую установку: «Свобода есть ответственность, и это следствие величайшего дара — независимости». Они заявили также, что «смертоносная ненависть террористов направлена в том числе на наши ценности, свободы и веру в самостоятельный и осведомленный электорат. Возможно, свобода прессы не всем американцам по душе, но она — анафема для идеологов терроризма»³⁹.

В начале 2014 года Гринвальд, прервав отношения с газетой *The Guardian*, для которой он регулярно писал, присоединился к компании *First Look Media*, основанной Пьером Омидьяром, уже тогда владельцем сайта *Honolulu Civil Beat*, где освещалась жизнь гавайского общества. Узнав, что Гринвальд, Пойтрас и Джереми Скейхилл из Национального института (*The Nation Institute*) решили создать собственный сайт, Омидьяр убедил их объединить с ним ресурсы, и в итоге появился сайт *The Intercept*, хотя такое название он получил позже.

Омидьяр, иранец по происхождению, родился в Париже и с детства жил в США. Журналистское расследование, на его взгляд, нуждается в расширении неписаных правил, свойственных этому жанру со времен Уотергейта. Джей Розен из Нью-Йоркского университета, автор просветительских статей в проекте *PressThink*, писал: «По убеждению Омидьяра, результаты независимого и энергичного журналистского расследования необходимо доносить до самых широких читательских масс, иначе власть не почувствует, что она кому-то подотчетна»⁴⁰. Сделав Гринвальда центральной фигурой, Омидьяр вложил в создание сайта сетевых новостных расследований *The Intercept* 250 миллионов долларов. Основные темы сайта — вопросы безопасности и невмешательства в частную жизнь. К работе он привлек и другие заметные фигуры, например, на должность главного

редактора пригласил Джона Кука, ранее возглавлявшего сайт Gawker. The Intercept набирал обороты медленно, но к 2015 году уже печатал очень весомые материалы наряду с разоблачениями Сноудена. В мае 2015 года Питер Маас в большой и едкой статье описал дело Стивена Кима, американца корейского происхождения, — этот работник Госдепа попал в тюрьму за то, что разгласил секретную информацию о Южной Корее. Становится ясно, как Белый дом относится к чиновникам, передающим секретную информацию журналистам⁴¹.

Омидьяр, которому предложили приобрести The Washington Post (позднее эту покупку совершил Джефф Безос из Amazon), говорил, что обеспокоен растущим давлением на журналистику во всем мире, что готов поддержать «опытных, независимых журналистов, а также их сторонников и последователей», чтобы они могли объединиться и действовать сообща. Он уверен в важности организации с хорошим финансированием, с сильной командой юристов, потому что (опять-таки, по словам Розена) «та журналистика, которую намерен исповедовать The Intercept, способна бросить вызов самым влиятельным особам».

Журналистика «утечек» и категорически враждебного отношения к властям (по мнению Гринвальда, одно без другого невозможно) — это предвестник нового этапа развития профессии. Он подразумевает несанкционированное получение (или кражу) и последующую публикацию конфиденциальных сведений, имеющих отношение к стратегическим решениям, к тщательно скрываемым «ляпам» государств и корпораций, секретных служб и воинских подразделений. При этом многое зависит от настроения граждан, которым адресована та или иная публикация.

Разоблачения Сноудена касаются главным образом США и Великобритании, но протесты в этих странах, хоть они и были существенными, масштабный характер не носили. Наиболее остро отреагировала Германия, отчасти потому что прослушивался, как оказалось, телефон главы государства.

Меркель это сильно огорчило, и она потребовала извинений. Но и в Германии протесты угасли достаточно быстро. В 2015 и 2016 годах в Европе произошло множество терактов, в итоге возросло доверие граждан к разного рода спецслужбам, то есть ввиду изменившихся обстоятельств их склонны были считать не угнетателями, а защитниками общества.

Что же последовало за крупными утечками, особенно из Агентства национальной безопасности? С одной стороны, власти и службы безопасности могли радоваться, ведь общественность практически везде продолжила воспринимать их защитниками и, похоже, вскоре забыла о нарушениях гражданских свобод, о которых твердили те, кто предал секретные документы огласке. В действительности положение, в котором оказались эти ведомства, только ухудшается. Томас Рид из лондонского King's College сказал мне, что «способы защитить информацию есть. Это значит, что получать большие массивы разведанных стало гораздо труднее. Раньше дело обстояло иначе: существовал довольно широкий информационный поток, и доступ к нему был относительно прост. А сейчас вместо одной широкой трубы — много узких, каждая закодирована и труднодостижима. На каждом уровне — свой код. Изменился даже Google, теперь и он зашифрован».

Рост технологий шифровки — это само по себе следствие разоблачений Сноудена. Крупные коммуникационные компании оказались в неловком положении — стало известно об их сотрудничестве со спецслужбами, ведь они позволяли последним отслеживать информационные потоки. В итоге телекоммуникационные компании начали прилагать гигантские усилия для защиты информации клиентов, а сами пользователи стали гораздо осторожнее. Компании и сейчас порой конфликтуют с государственной идеологией, говорил Рид, но в Кремниевой долине этому уже не придают значения. Эти люди не экстремисты, не анархисты. Весь вопрос в деньгах, в конкуренции. Их призыв к правительству прост: «Оставьте нас в покое!»

Одна разоблачительная публикация оказалась особенно результативной. Похититель на время написания этих строк неизвестен, но речь идет о краже данных из панамской офшорной компании Mossack Fonseca и последующей публикации более 11,5 миллиона файлов. Из них следует, как сверхбогатые и политически могущественные люди мира сего — от Кремля до Даунинг-стрит, от кабинета премьер-министра в Рейкьявике до президентского дворца в Буэнос-Айресе — наживаются (прямо или косвенно) на хитроумном «налоговом планировании» в разных офшорных гаванях. Содержимое файлов вызывает всеобщее недовольство, ведь пропасть между «неприлично богатыми» и теми, кому еле удастся сводить концы с концами, постоянно расширяется, а бедные почти повсюду так бедными и остаются. Секретные материалы первой опубликовала левоцентристская газета *Süddeutsche Zeitung*, призвавшая Международный консорциум журналистских расследований предать эту информацию гласности во всех странах.

Традиционные СМИ и раньше были в состоянии «бросить вызов могущественным мира сего», а теперь они способны к тому же объединить усилия с лицами и организациями, которые готовы похищать крупные блоки информации из государственных или частных учреждений. Справедливо считается, что эти налеты на базы данных с последующей публикацией похищенных файлов позволяют давать куда более правдивую информацию, чем иная журналистская практика. Ведь речь идет об оригиналах, о сырье, о миллионах документов, любой из которых в недавнем прошлом мог бы стать сенсацией и украсить первые страницы газет. Эти документы добыты и опубликованы с одной очевидной и нравственной целью: люди вправе знать, что делается от их имени и на их налоговые поступления и каким образом богачи укрывают свои богатства, чтобы не платить налоги.

В этом контексте вновь возникают фундаментальные вопросы о целях журналистики и об ограничениях для журналистов при исполнении профессиональных обязанностей.

Баке и Келлер в совместном заявлении утверждают, что свобода подразумевает ответственность со всеми вытекающими последствиями, включая независимость самих Соединенных Штатов, — значит, они признают, что, получив доступ к секретным материалам, они, прежде чем публиковать таковые, должны свериться с правительством или службами безопасности. Принимая решение напечатать материал, который, по мнению властей, чувствителен и, возможно, опасен, издатели и редакторы берут на себя ответственность за безопасность в своем городе или даже стране. Да, они напечатают правду, но правда, как и свобода, налагает ограничения.

По мере того как становится все очевиднее, что, в частности, Россия готова совершать хакерские нападения на ведомства и учреждения западных стран, используя похищенные материалы в своих целях, в том числе для пропаганды и удара по демократическим и гражданским процессам и институтам, все острее встает вопрос: в какой мере публикация таких материалов будет на руку антидемократическим силам?

Заключение

То, что было...

Предмет журналистики — все то, что происходит в мире. Пути представления событий вниманию публики зависят от пространства, в котором величайшие силы человеческого общества — государство и частный капитал — позволяют действовать журналистам, представителям профессии порою подобострастной, порою полуавтономной, но заведомо менее могущественной, чем упомянутые силы. Журналистика всегда пребывает в зависимом положении и может лишь стремиться к снижению своей зависимости, пытаясь обнаружить правду (в той мере, в какой это возможно), лелея надежду на развитие в демократическом государстве с сильным гражданским обществом.

В первые десятилетия третьего тысячелетия сильно меняются формат и способы представления информационных материалов. Сеть постепенно колонизирует и уничтожает традиционные СМИ, а растущие возможности социальных сетей открывают новое пространство, в котором устанавливаются связи, передается информация, осуществляется мобилизация и даже, как показал пример президента Трампа, ведется управление страной.

Маршалл Маклюэн представляет механизмы доставки всевозможных сообщений, включая журналистику, как во многом определяющий фактор самих сообщений. «Носитель — это послание» (*Medium is the message*) — так он сформулировал свое озарение¹. В XXI веке журналистика осуществляется совершенно различными, причем изменчивыми способами, однако самым важным фактором остается все же содержание (реальные факты или выдумки, мнения и комментарии, то есть все как всегда). Тем не менее огромные перемены, которые принесли в мир цифровые СМИ, позволившие

потребителям созидать, оказывают глубокое влияние на содержание сообщений, а также на пути их восприятия.

Пожалуй, лучший из аналитических обзоров технологий и воздействия «новой журналистики» на общественность содержится в отчете «Журналистика в постиндустриальную эпоху»² Эмили Белл, руководителя Центра цифровой журналистики Tow при факультете журналистики Колумбийского университета, в сотрудничестве с Крисом Андерсоном, доцентом Нью-Йоркского университета, и Клэем Ширки, исследователем и обозревателем новых средств массовой информации. Журналистика, утверждают авторы, пребывает в состоянии большого раскола, и эта ситуация вряд ли изменится. Многое из того, что говорится и пишется о профессии сегодня, выражает чувства сокрушающихся (часто пожилых) журналистов, ведь некоторые из них потеряли работу, занимавшую их на протяжении десятилетий. Иные корреспонденты испытывают трудности с постоянно развивающейся технологией, овладения которой требует журналистика, и ужасаются перспективе того, что многие рутинные задачи журналистики могут с успехом решаться компьютерами, полагая, возможно, из чувства самозащиты, что эти изменения компрометируют их ремесло, которое состоит в «поиске и обнаружении историй». Белл, возглавлявшая отдел «цифрового контента» в *The Guardian*, уважает чувства коллег и признает, что журналисты могут быть гораздо более эффективны, чем машины, в получении и распространении определенных видов информации. Так, «необычайностью» или «исключительностью» та или иная история обязана именно беседе между людьми, жанру интервью. В конце концов, телефонный звонок в Белый дом или в школьный совет, присутствие на собраниях и восприимчивость к общению, обмен мнениями или умение выразить свою точку зрения делают новости «драмой» — центральным элементом газеты как таковой. Личная, человеческая деятельность характеризует журналистику как форму информационного спектакля в противоположность простому распространению фактов. Но, похлопав

по плечу постаревших мальчиков и девочек, авторы отчета продолжают: «Самый захватывающий и преобразующий мир аспект современной новостной журналистики состоит в использовании новых форм сотрудничества, новых аналитических инструментов и источников данных, а также новых способов донесения до общественности значимой информации».

Среди положительных событий в современной журналистике Белл и ее коллеги отмечают быстрое развитие, особенно в США, огромного множества сетевых сайтов, посвященных специальным темам и интересам. Один веб-сайт, который Белл выделяет особенно, называется SCOTUS (не в честь шотландского богослова XIV века Дунса Скота, а по акрониму Верховного суда США — Supreme Court of the United States). SCOTUSBlog был основан двумя юристами, супружеской парой Томом Голдстайном и Эми Хау, к которым позже присоединился судебный репортер Лайл Деннистон (последний рассказывал о деятельности Верховного суда более полувека). Цель состояла в освещении и разборе дел, рассматриваемых судом, но, так сказать, на общедоступном английском, так чтобы аргументация сторон была понятна широкой публике. Веб-сайт как «услуга общественности» бесплатен для подписчиков. Можно сказать, что на сайтах, подобных SCOTUS, общественная миссия журналистики не только сохранена, но и развита — об этом часто забывают критики сети Интернет и цветущих на ее просторах «фальшивых новостей» (фейк ньюз).

Белл уверена, что борьба газет за сохранение старых способов ведения журналистики при сокращении до минимума неизбежных потерь обречена. Даже издатели, желающие рисковать своим делом во имя спасения идеи, должны рассматривать альтернативные планы ведения высококачественной журналистики в условиях дальнейшего сокращения рекламных субсидий. Три последних года спада в истории журналистики совпали с периодом экономического роста; помимо совокупных последствий потери доходов неспособность увеличить доходность даже в условиях растущей экономики

говорит о том, что традиционные издательские фирмы пострадают еще сильнее, когда начнется следующая рецессия, что, несомненно, произойдет в течение нескольких ближайших лет.

В центре этого разлома — новое действующее лицо: потребители, зрители или, по словам Джея Розена, «люди, ранее известные как аудитория»³. Представители публики в различных формах, индивидуально и в массовом порядке, будучи разрознены или действуя в составе единой группы или учреждения, становятся адресатом и одновременно кооптируются в акт журналистики, причем многие этого даже не осознают: «Каждое из действий, составляющих журналистику, может совершаться внутри или вне редакции, профессионалами или любителями, партнерами или специалистами. Все зависит от экономики экосистемы и в конечном счете от потребностей пользователей».

Сами журналисты (как, впрочем, и представители многих других профессий) не могут более рассчитывать на «карьерную лестницу» в корпорации: от стажера до международного корреспондента, с уютной пенсией под конец карьеры. Новая цифровая журналистика может и должна производить к жизни институты: так, Белл и соавторы приводят в пример Talking Points Memo в США⁴, либеральный новостной и аналитический сайт, основанный в 2000 году предприимчивым студентом Джошем Маршаллом и сегодня насчитывающий до тридцати сотрудников. Разумеется, такие агентства существенно меньше бегемотов журналистики с тысячами сотрудников, которые стремятся охватить весь новостной спектр и аналитику. Авторы отчета пишут, что хотя потребление новостей, вероятно, увеличится, а информационные агентства, старые и новые, будут яснее представлять свою аудиторию, тем не менее количество изданий и сайтов «общей направленности» пойдет на спад. Даже в случаях, когда организация ставит целью публиковать полный состав ежедневных новостей, читатели, зрители и слушатели с высокой вероятностью будут разъединять выпуски на части, помещая заинтересовавшие

их элементы в различные социальные сети: «Все больше новостей будет поступать через эти сетевые сообщества, а не через лояльных тому или иному изданию подписчиков».

Влияние Всемирной сети в книге не игнорируется — напротив, и все же в основном это труд о предмете информационных сообщений, так как именно содержание, в конце концов, побуждает к мыслям или действиям читателей, слушателей и зрителей. Такого мнения придерживаются и авторы обзора «Журналистика в постиндустриальную эпоху»: «Крайне важно, чтобы, действуя совместно, мы нашли новые пути в журналистике, которые удержали бы Соединенные Штаты от сползания к продажности и корыстолюбию». Это несколько старомодное — в духе XVIII века — благопожелание журналистам все же отражает общую веру в необходимость служения, пусть в рамках глубоко несовершенного ремесла, общепризнанным целям столь же несовершенной политики демократии и гражданственности.

Тот факт, что интернет и, в частности, социальные сети предоставили жителям авторитарных государств средства обмена сообщениями, определяемыми правителями в качестве подрывных, вынудил этих правителей (речь идет не об откровенных террористах, таких как правящие группы в Северной Корее или Эритрее) смириться с большей свободой информации, чем готовы были терпеть их предшественники, а также использовать армии цензоров и тайную полицию в целях ограничения информационных потоков.

Долгая смерть газет сопровождается взрывным ростом материалов в Сети: последнее значительно увеличило доступность и всемирный охват журналистики и до сих пор не умалило ни одну ее составную часть, не считая доходности. В Сети можно получить доступ как к длинным повествовательным опусам, так и, скажем, к секс-скандалам, переходя при этом от одного материала к другому за считанные секунды.

При этом наблюдается также рост влияния и свобод журналистов. Огромные утечки 2010-х годов — различные «сливы» документов в WikiLeaks (в 2016 и 2017 годах таковые все

чаще были направлены на нанесение ущерба Демократической партии США, а в марте 2017 года — ЦРУ), кража Эдвардом Сноуденом около 1,5 миллиона документов из Агентства национальной безопасности в 2013-м и утечка «Панамских документов» в 2016 году — не сопровождалась арестами журналистов, хотя некоторые виновные были наказаны, а в случае рядового Брэдли (Челси Мэннинг) — сурово. (Приговор был смягчен Обамой за несколько дней до того, как он покинул пост президента: Мэннинг был освобожден 17 мая 2017 года, проведя в тюрьме семь лет.) Тем временем газеты, которые освещали утечки, в целом удостоились похвалы либералов, а правительства и службы безопасности, поворчав, оставили их в покое. Последнее не означает, что утечка данных разведок не была чревата опасностями; в то время, когда войны все чаще переносятся в киберпространство, уместно спросить, способствует ли публикация тому, чтобы призвать правительство к ответу, или она нарушает обороноспособность свободного общества. Я намеренно провожу различие между демократическими и авторитарными государствами, потому что объем свободы, доступной журналисту, напрямую связан со способностью представителя профессии добросовестно выполнять свои обязанности. Но значительная «ничейная земля» между двумя полюсами содержит немало опасностей для журналистики, о которых говорится в нескольких главах книги. На этой ничейной земле свободная деятельность журналистов более или менее санкционирована, а журналисты обычно не караются государством. Но давление собственников, как в Индии, которая с гордостью именует себя крупнейшей в мире демократией, или смертельная угроза от преступных банд, как в Мексике, стране с населением свыше 120 миллионов человек, создают для журналистики такие же препятствия, как и репрессивная политика государств. В посткоммунистических государствах, например, в Чехии, высокие идеалы, в соответствии с которыми была сломлена коммунистическая система, были сильно подорваны амбициями, маневрами и лицемерным молчанием как

имущественных классов, так и властей предрержащих. На момент написания этих строк Чешская Республика остается относительно открытым обществом, но этого нельзя сказать о партнерах Чехии по Вышеградской группе — Венгрии, Польше и Словакии.

Самые тягостные новости, конечно, поступают из авторитарных государств. Во время написания этой книги председатель (генеральный секретарь) Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин призвал к абсолютной лояльности со стороны партийных СМИ; обозреватель Чжан Лифан высказался о посещении Си телестудий и газетных редакций в феврале 2016 года так: «Я думаю, что Си утверждает контроль над государственными СМИ, чтобы показать, кто в доме хозяин»⁵.

В России оттепель 1980-х годов, при Михаиле Горбачеве, а также хаотичная либерализация при президенте Борисе Ельцине в 1990-х сменились в первые десятилетия XXI века на принципиально иную политическую среду: средства массовой информации находятся под строгим надзором государства, а телевидение превратилось в инструмент восхваления президента и антизападной и националистической пропаганды. В стране по-прежнему существуют оппозиционные газеты и веб-сайты, но можно сказать, что «эксперимент» со свободной журналистикой теперь свернут.

На Ближнем Востоке, в государствах, которые прошли через восстания, широко известные как «арабская весна», отмечалась мобилизация граждан в социальных сетях, а на новых спутниковых телеканалах звучали критические голоса. Всему этому внезапно пришел конец. В Египте, крупнейшем и самом важном государстве арабского мира, восстание против предположительно фундаменталистского (при этом избранного на общих выборах) правительства «Братьев-мусульман» вновь привело к власти военных. Глава военного правительства фельдмаршал Абдель Фаттах ас-Сиси (ныне президент) потребовал и в кратчайшие сроки принудил к послушанию газеты и каналы, которые расцвели в

пору недолгой «весны». В свою очередь, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган после подавления серьезной попытки переворота с целью его смещения в июле 2016 года обрушился на оппозиционные СМИ.

После доклада о коррупции в начале 2017 года я познакомился с Аттахире Джегой, который преподает политологию в Университете Байеро в Кано, втором по величине городе Нигерии. С 2010 по 2015 год он был председателем Национальной избирательной комиссии и два раза курировал президентские выборы, которые были признаны честными и свободными. Он твердо отстаивает принципы «чистого» от коррупции правительства и избирательную реформу, хотя пребывание во главе комиссии не оставило ему иллюзий. Нигерийский журналист Санди Даре, которого я знал, создал вместе с коллегами веб-сайт расследований Sahara Reporters⁶, предпринимая попытки отслеживать сообщения граждан о коррупции. Я спросил Джегу, как развивается сайт. Он ответил, что дела в целом идут неплохо и что нигерийские журналисты теперь гораздо более успешно, чем в прошлом, разоблачают многочисленные случаи коррупции. А затем добавил: «Проблема не в журналистах. Проблема в том, что хотя журналисты расследуют и выявляют коррупцию, за этим ничего не следует. Никому не предъявляются обвинения. Если вы защищены, возмездия нет. И простые люди не ожидают ничего иного. Свобода печати необходима, но недостаточна». Инициатива судебного разбирательства по следам разоблачений мошенничества, коррупции и других преступных деяний со стороны членов правящего класса, которые имеют связи и капитал, должна принадлежать властям. Если власти бездействуют, журналистика бессильна.

В условиях весьма несовершенной профессии, когда большинство журналистов в мире, вероятно, так или иначе ступали на путь неприятных компромиссов или коррупции, усиление стандартов журналистики (особенно в США во второй половине XX века) стало своего рода противовесом, идеалом (пусть тоже несовершенным), к которому стремятся те из

профессионалов, кто отказывается пятнать свою репутацию или признавать с легким пожатием плеч, что описываемое ими общество и политика неисправимо порочны.

Человек, ставший американским президентом в 2017 году, увлеченно попирает идеалы, утверждая, что они основаны на лжи, политической предвзятости и невежестве. Он поступает так, чтобы укрепить собственную версию событий, уснащая всякую дискуссию о своем президентстве обвинениями, часто безосновательными, пока случайный наблюдатель (то есть большинство граждан) не оставит попыток понять, кто в споре прав, а кто не прав. Это означает, что деспоты и автократы, которые и так сокращают небольшое пространство, доступное для подлинных журналистских расследований, нашли друга в Белом доме — то есть там, где они должны были видеть врага. У деспотов общие с американским президентом враги. Трудно поверить, что все это происходит в Америке.

Журналистика ставит своей целью обрисовать мир, разобраться в сути событий. Журналисты пытаются рассказать — и показать — то, что происходит вокруг. Урезание свобод в значительном числе стран при молчаливом согласии американской администрации — в этом, пожалуй, сегодня самая тревожная новость для журналистики, но это не конец истории. История продолжается.

Примечания

Предисловие

1. B. Dooley. *The Social History of Skepticism*. Johns Hopkins University Press, 1999. С. 17.

2. P. Starr. *The Creation of the Media*. Basic Books, 2004. С. 146.

3. Там же. С. 148.

4. towcenter.org/research/post-industrial-journalism-adapting-to-the-present-2

5. J. Chalaby. *Journalism as an Anglo-American Invention* // *European Journal of Communication*. 11 (1996). С. 303–326. Цит. по: P. Starr. Указ. соч. С. 147.

6. www.economist.com/news/china/21702069-region-and-america-will-now-anxiously-await-chinas-response-un-appointed-tribunal

7. Многие наблюдатели (некоторые из них иностранные наблюдатели, но большинство — граждане России, пользовавшиеся мобильными телефонами для регистрации нарушений при голосовании) полагают, что результаты выборов в Государственную думу в декабре 2011 года были фальсифицированы. «Единая Россия», парламентская партия, поддерживающая президента Владимира Путина, получила чуть менее 50% голосов, но вместе с тем 53% депутатских мест

(www.nytimes.com/2011/12/06/world/europe/russian-parliamentary-elections-criticized-by-west.html). Широкое осознание масштабных нарушений на выборах вызвало массовые протесты в Москве и других городах. В действительности, даже если бы у партии не оказалось большинства в Думе, то по меньшей мере две следующие по числу мандатов партии — КППРФ и ЛДПР — голосовали бы солидарно с «Единой Россией» по большинству вопросов, хотя, конечно, небезвозмездно. На президентских выборах в марте следующего года сомнению был подвергнут и процент полученного Путиным большинства голосов — 63% (www.nytimes.com/2012/03/06/world/europe/observers-detail-flaws-in-russian-election.html): «Голос», некоммерческая организация, занимавшаяся наблюдением за выборами, зарегистрировал 3000 жалоб (www.washingtonpost.com/world/russians-voting-and-watching/2012/03/04/gIQA3j6quLstory.html?utm_term=.2f142e7772a2). (https://www.washingtonpost.com/world/russians-voting--and-watching/2012/03/04/gIQA3j6CqR_story.html) После принятия Думой «Закона об иностранных агентах» в

2013 году, нанесшего тяжелый удар по российским НКО, получавшим зарубежное финансирование, «Голос» стал первой организацией, объявленной иностранным агентом и вскоре прекратившей свою деятельность (www.hrw.org/russia-government-against-rights-groups-battle-chronicle).

8. hungarianfreepress.com/2016/07/28/poll-two-thirds-of-hungarians-think-fidesz-is-very-corrupt

9. budapestbeacon.com/news-in-brief/fidesz-continues-to-dominate-polls/42304

10. edition.cnn.com/2017/02/01/europe/french-investigation-penelope-fillon

11. www.politico.eu/article/penelope-fillon-speaks-out-on-paid-post-for-her-husband-francois-fillon

12. www.nytimes.com/2017/01/23/us/politics/donald-trump-congress-democrats.html

13. www.politico.com/blogs/on-media/2017/01/embargo-new-york-times-wall-street-journal-editor-on-trump-and-the-media-233077

14. M. Schudson. *The Power of News*. Harvard University Press, 1995. C. 30.

15. foreignpolicy.com/2016/06/26/the-collapse-of-the-liberal-world-order-european-union-brexit-donald-trump

16. www.slate.com/blogs/the_slatest/2017/02/18/trump_calling_media_enemy_of_the_american_people_reminiscent_of_stalin_mao.html

17. www.telegraph.co.uk/news/2017/03/07/donald-trump-probably-love-says-arnold-schwarzenegger

18. www.ft.com/content/d6e87afe-dd6a-11e6-9d7c-be108f1c1dce#comments

19. www.buzzfeed.com/jessicasimeone/trump-cancels-meeting-with-new-york-times?utm_term=.scBBMM3xy#.ufQOO704

20. www.nytimes.com/interactive/2016/01/28/upshot/donald-trump-twitter-insults.html?ref=todayspaper&r=0

21. www.voanews.com/a/trump-cpac-speech/3738517.html

22. www.tabletmag.com/jewish-news-and-politics/226761/the-counterrevolution

23. www.ft.com/content/d6e87afe-dd6a-11e6-9d7c-be108f1c1dce

24. reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/news/nine-ways-media-broke-news-and-how-fix-it

Часть I

Введение

1. www.themoscowtimes.com/business/article/billionaire-tycoon-prokhorov-to-sell-all-russian-assets/574178.html

2. www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-02/facing-kremlin-full-court-press-nets-owner-pivots-to-brooklyn; www.netsdaily.com/2017/4/21/15382192/prokhorov-has-yet-to-find-buyer-for-49-percent-stake-in-nets

3. www.rferl.org/content/russia-prokhorov-rbc-media-holding-investigated/27728884.html

4. reifman.ru/sovet-postsovet-tsenzura/vmesto-vstuplenija

5. H. de Burgh. *The Chinese Journalist*. Routledge, 2006. С. 95.

6. H. Wang. *The Transformation of Investigative Journalism in China*. Rowman and Littlefield, 2016. С. 124.

7. www.theguardian.com/world/2016/feb/12/china-journalism-reporters-freedom-of-speech

8. www.google.co.uk/#q=eritrea+press+freedom

9. freedomhouse.org/report/freedom-press/2015/north-korea

10. www.nybooks.com/articles/1995/06/22/ur-fascism

11. E. Gellner. *Conditions of Liberty*. Hamish Hamilton, 1994. С. 26 и далее.

12. www.nytimes.com/2016/07/11/world/middleeast/saudi-arabia-islam-wahhabism-religious-police.html

13. A. de Tocqueville. *Oeuvres Complètes*. Paris. Vol. 3. Цит. по: E. Gellner. *Muslim Society*. Cambridge University Press, 1995.

14. H. Wang. Указ. соч. С. 122.

15. www.reuters.com/article/us-safrica-election-idL5KCN1QT1DB

16. www.theguardian.com/commentisfree/2012/jan/27/turkish-journalists-fight-intimidation

17. E. Morozov. *The Net Delusion*. Penguin, 2011. С. 85–112.

18. www.opendemocracy.net/arab-awakening/mina-fayek/social-media-is-still-powerful-in-egypt

19. При поиске фразы «женщина в голубом бюстгальтере» для уточнения даты поисковый сервер Google, наряду с ссылками на информационные веб-сайты, помещал ссылки на рекламу магазинов одежды. Теперь они исчезли.

20. www.newyorker.com/magazine/2015/10/26/the-memory-keeper

Глава 1

1. chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2013/11/12/xi-jinpings-19-august-speech-revealed-translation
2. Н. Wang. Указ. соч. С. 85.
3. www.newyorker.com/magazine/2015/04/06/born-red
4. D. Shambaugh. *China's Future*. Polity, 2016. С. 2–3.
5. www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-12-03/life-party
6. <https://zllnext.ft.com/content/e6c12c24-df63-11e5-b072-006d8d362ba3>
7. www.nytimes.com/2016/05/03/world/asia/china-ren-zhiqiang.html
8. www.nytimes.com/2016/02/23/world/asia/china-media-policy-xi-jinping.html
9. www.nybooks.com/daily/2016/07/28/china-peoples-fury-south-china-sea-nationalism
10. www.economist.com/news/leaders/21621803-communist-party-faces-its-toughest-challenge-tiananmen-time-it-must-make-Wise
11. www.foreignaffairs.com/articles/china/end-reform-china
12. www.theatlantic.com/international/archive/2011/02/chinas-gdp-strategy-make-people-happy/71768
13. www.newyorker.com/magazine/2011/07/04/the-han-dynasty
14. www.economist.com/news/special-report/21701653-chinas-middle-class-larger
15. www.nytimes.com/2011/11/07/world/asia/murong-xuecun-pushes-censorship-limits-in-china.html
16. www.nytimes.com/2011/11/06/world/asia/murong-xuecun-acceptance-speech-for-the-2010-peoples-literature-prize.html
17. Y. Hua. *China in Ten Words*, trans. Alan H. Barr. Duckworth Overlook, 2011.
18. <https://www.nybooks.com/articles/2014/12/04/chinas-brave-underground-journal>
19. www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/div-classtitlejiji-remembrance-edited-by-diwu-beijing-and-shuhe-chongqing-bi-weekly-non-commercial-electronic-publication-distributed-via-the-internet-to-cultural-revolution-historians-worldwide-twelve-issues-by-mid-january-zoog-each-issue-approximately-64-ppdiv/D2F50322B7F4687FCC89232523B1BFDF
20. <https://www.nybooks.com/articles/2014/12/18/chinas-brave-underground-journal>
21. <https://www.nybooks.com/articles/2017/01/19/tan-heCheng-chinese-unspeakable>. Издание в английском переводе: Т. Hecheng. *The Killing Wind: A Chinese County's Descent into Madness During the*

Cultural Revolution, trans. Stacy Mosher and Guo Jian. Oxford University Press, 2016.

22. www.nytimes.com/2015/04/17/world/asia/china-journalist-gao-yu-gets-7-year-sentence.html?_r=0

23. www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation

24. www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-34929468

25. www.economist.com/news/business/21589434-chinas-online-video-market-largest-and-most-innovative-world-it-also-most

26. www.economist.com/news/special-report/z1574628-internet-was-expected-help-democratise-china-instead-it-has-enabled

27. lreutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/How_Chinese_journalists_use_Weibo_microblogging_for_investigative_reporting%281%29.pdf

28. Там же.

29. www.nybooks.com/daily/2013/07/10/censoring-news-before-happens-china

30. www.papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2325101

31. www.gking.harvard.edu/publications/how-censorship-china-allows-govemment-criticism

32. www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-soft-power-push

33. <https://zlladvox.globalvoices.org/2013/01/07/china-sina-weibo-manager-discloses-internal-censorship-practices>

34. Ли Вуфенг, карьерный чиновник в области пропаганды, предположительно выпрыгнул из окна шестого этажа административного здания. Собеседник South China Morning Post сообщил, что Ли допрашивали представители «дисциплинарной службы» партии, но не знал, по какой причине (www.scmp.com/scmp/mobile/index.html#/article/1458062/desktop).

35. www.sixthtone.com/about-us

36. www.sixthtone.com/news/poetry-festival-construction-workers

37. Увы, Чжоу, как оказалось, неправильно понял вопрос: он полагал, что его спросили о парижских демонстрациях 1968 года, которые произошли всего за три года до указанной беседы. Но недоразумение породило известный на весь мир ответ, «слишком изящный, чтобы его хотелось исправлять» (как выразился свидетель беседы, американский дипломат Час Фримен). www.ft.com/cmsds/74916db6-938d-11e0-922e-00144feab49a.html

38. Н. Wang. Указ. соч. С. 44.

39. www.nytimes.com/2008/07/15/books/15kaku.html?mtrrefiwww.google.co.uk&login=email

40. www.siweiluozhi.net/2011_02_01_archive.html

41. Н. Wang. Указ. соч. С. 49.
42. www.nybooks.com/daily/2016/09/08/people-in-retreat-chinese-filmmaker-ai-xiaoming
43. www.nytimes.com/2013/01/15/opinion/dim-hopes-for-a-free-press-in-china.html
44. Там же.
45. Там же.

Глава 2

1. www.memri.org/report/en/print2445.htm
2. www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/saudiArabia/6436646/Saudi-female-journalist-to-get-lashes-for-show-discussing-sex.html
3. news.bbc.co.uk/1/hi/world/africa/8147329.stm
4. L. Wright. *The Looming Tower*. Penguin, 2006.
5. www.newyorker.com/magazine/2004/01/05/the-kingdom-of-silence
6. www.economist.com/node/18399193
7. www.academia.edu/4316716/The_Mission_of_Arab_Journalism_Creating_Change_in_a_Time_of_Turmoil
8. www.meforum.org/604/telling-the-truth-about-the-palestinians
9. Там же.
10. www.jpost.com/Middle-East/Satirical-Palestinian-TV-show-elicits-anger-in-West-Bank
11. www.jpost.com/Middle-East/Lawsuits-complaints-lead-PA-to-cut-satirical-TV-series-234138
12. www.nytimes.com/2014/10/24/world/middleeast/lebanon-to-bar-syrian-refugees.html?_r=
13. reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Potential%20Change%20in%20Media%20DiscourseO/ozoono/ozoSexuality%20in%20Lebanon.pdf
14. J. Assange. *When Google Met WikiLeaks*. OR Books, 2014, Kindle Edition, ICC. 142.
15. E. Schmidt and J. Cohen. *The New Digital Age*. Knopf, 2013. С. 9.
16. E. Morozov. Указ. соч. С. xii.
17. www.flockwatching.com/2011/09/21/human-rights-lecture-on-the-arab-spring-and-social-media-delivered-at-atlanta-tech-on-15-september-by-james-harkin
18. reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Good%20media%2C%20bad%20politics%20New%20mediaO/ozoandO/ozotheO/ozosyriano/ozoconflict.pdf

19. www.thedailybeast.com/articles/2014/04/06/a-woman-blogger-scoop-helped-save-tunisia-from-islamists.html
20. Там же.
21. www.theatlantic.com/technology/archive/2011/01/the-inside-story-of-how-facebook-responded-to-tunisian-hacks/70044
22. www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21617064-why-social-media-have-greater-impact-kingdom-elsewhere-virtual
23. en.rsrf.org/saudi-arabia-cyber-crime-law-used-again-to-01-07-2014,46554.html
24. A. Hassan. *Media, Revolution and Politics in Egypt*. I. B. Tauris for the Reuters Institute, 2015. С. 75.
25. A. Ayalon. *The Press in the Arab Middle East*. Oxford University Press, 1995. С. 59.
26. M. Rodenbeck. *Cairo: The City Victorious*. Vintage, 2000. С. 216.
27. Там же. С. 218.
28. wordpress.org/mideast/1205.cfm
29. M. Rodenbeck. Указ. соч. С. 218.
30. www.washingtonpost.com/world/middle_east/ahmed-fouad-negm-egypts-poet-of-the-people-dies-at-84/2013/12/03/ffe2df32-5c51-11e3-95c2-13623eb2b0e1_story.html
31. См. комментарий об этом и других текстах в труде: The Heikal Papers. *A Discourse on Politics and the 1967 Arab-Israeli War with Egyptian President Gamal Abdel Nasser*. Lieutenant Commander Youssef Aboul-Enein, US Navy, Strategic Insights. 2005. Т. 4. Вып. 4. www.hsd1.org/view&did=453717
32. www.theaustralian.com.au/news/world/give-mohammed-morsi-a-chance-says-middle-east-sage/story-fnb64oi6-1226422003346?nk=a941fe0496b4ca115f1b648336141f26
33. *L'Égypte racontée par Heikal* // Le Monde. 2012. 3 марта. www.lemonde.fr/idees/article/2012/03/03/1-egypte-racontee-par-heikal_1651520_3232.html
34. www.bloomberg.com/news/articles/2014-08-06/zombies-free-to-stalk-egypt-uncensored-as-sisi-critics-silenced
35. www.aljazeera.com/news/middleeast/2014/10/egypt-declares-state-emergency-sinai-2014102422836500878.html
36. www.madamasr.com/sections/politics/egyptian-media-isnt-taking-prisoners-states-line-only-line
37. www.nytimes.com/2014/10/16/world/middleeast/misstated-excerpt-of-a-times-article-offers-fresh-take-on-egyptian-president.html
38. allafrica.com/stories/201610230180.html
39. www.theguardian.com/world/2014/oct/12/sisi-regime-makes-satire-harder-egypt-cartoonists

40. www.algemeiner.com/2013/07/22/al-jazeera-banned-from-egypt-government-press-conference-again
41. www.theguardian.com/world/2014/jul/23/egyptian-judge-al-jazeera-devil
42. www.theguardian.com/world/2014/nov/06/amal-clooney-egypt-journalist-mohamed-fahmy
43. www.egyptindependent.com/news/another-media-host-taken-air-allegedly-over-army-criticism
44. www.ft.com/content/bfi3f5e8-0baa-11e6-9456-444ab5211a2f
45. eprints.lse.ac.uk/59868
46. www.foreignpolicy.com/files/war-college-paper.pdf
47. www.actualitte.com/article/monde-edition/120-auteurs-journalistes-et-artistes
48. www.newyorker.com/magazine/2017/01/02/egypts-failed-revolution
49. www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/egypt-s-nightmare
50. www.theglobalist.com/Egypt-al-sisi-under-pressure

Глава 3

1. М. Schudson. Указ. соч. 1995. С. 220.
2. car.owu.edu/pdfs/1989-2-3.pdf
3. www.achievement.org/autodoc/page/goroint-3
4. А. Ostrovsky. *The Invention of Russia*. Atlantic Books, 2015. В первой части главы я во многом опираюсь на книгу Островского.
5. www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10950980/Eduard-Shevardnadze-obituary.html
6. А. Ostrovsky. Указ. соч. С. 99–101.
7. www.nytimes.com/1989/09/07/arts/hip-hot-and-hyper-soviet-tv-cuts-loose.html
8. А. Ostrovsky. Указ. соч. С. 212.
9. www.nytimes.com/books/98/12/06/specials/remnick-lenin.html
10. А. Ostrovsky. Указ. соч. С. 235.
11. www.ft.com/cms/s/2/a024faie-a7b1-11e4-be63-00144feab7de.html#axzz3TthFj00
12. fpc.org.uk/fsblob/495.pdf
13. next.ft.com/content/1d1f0f34-5e4e-11e1-8c87-00144feabdc0
14. news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4481455.stm
15. www.foreignaffairs.com/articles/141845/mary-elise-sarotte/a-broken-promise

16. www.nytimes.com/2000/10/08/magazine/the-autumn-of-the-oligarchs.html
17. www.lrb.co.uk/v29/n02/perry-anderson/russias-managed-democracy
18. Там же.
19. www.opendemocracy.net/od-russia/oleg-kashin/russian-matrix
20. www.reuters.com/article/2012/08/28/us-russia-putin-perks-idUSBRE87ROD 220120828
21. К. Dawisha. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* Simon and Schuster, 2014.
22. А. Ledeneva. *Russia's Economy of Favours*. Cambridge University Press, 1998; *How Russia Really Works*. Cambridge University Press, 2006; *Can Russia Modernise?* Cornell University Press, 2013.
23. К. Dawisha. Указ. соч. С. 11.
24. www.economist.com/blogs/easternapproaches/2014/04/russia
25. www.theglobeandmail.com/news/world/a-former-kremlin-spin-doctor-rues-his-role-in-putins-rise/article533660
26. www.theatlantic.com/international/archive/2014/11/hidden-author-putinism-russia-vladislav-surkov/382489
27. www.nytimes.com/2011/11/05/world/europe/after-putin-and-medvedev-vladislav-surkov-is-russias-power-broker.html?_r=0
28. www.dailymail.co.uk/news/article-2073178/Mikhail-Prokhorov-announces-plans-Vladimir-Putin-Russian-presidential-election.html
29. www.opendemocracy.net/od-russia/richard-sakwa/surkov-dark-prince-of-kremlin
30. www.nytimes.com/2011/11/05/world/europe/after-putin-and-medvedev-vladislav-surkov-is-russias-power-broker.html
31. «Ведомости» от 16 февраля 2010 г. wikileaks.org/gifiles/docs/54/5493458_good-article-.html
32. www.commonweb.unif.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4760/25704_162118.pdf
33. www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2015-09-20/putins-philosopher
34. www.nytimes.com/2016/09/21/opinion/how-a-russian-fascist-is-meddling-in-americas-election.html
35. archive.spectator.co.uk/article/20th-november-1936/8/dictators-propaganda-by-aldous-huxley-the-mistake
36. www.bbc.co.uk/news/uk-22569913
37. J. Ellul. *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*. Vintage, 1973; цит. по: Р. Pomerantsev. *The Menace of Unreality // The Interpreter*. The Institute of Modern Russia, 2015.

38. www.facebook.com/SolidaritywithUkraine/posts/711627328951594
39. www.newyorker.com/magazine/2014/03/03/patriot-games-zc
40. www.bloomberg.com/bw/articles/2014-01-02/the-2014-winter-olympics-in-sochi-cost-51-billion
41. uk.businessinsider.com/drugs-used-in-russian-doping-scandal-2016-6?r=US&IR=T
42. А. Ostrovsky. Указ. соч. С. 317–318.
43. S. M. Norris. *Blockbuster History in the New Russia: Movies, Memory, and Patriotism*. Indiana University Press. С. 274.
44. www.kinokultura.com/2006/12-campbell.shtml; цит. по: S. M. Norris. Указ. соч. С. 283.
45. S. M. Norris. Указ. соч. С. 30.
46. www.nytimes.com/2015/01/28/world/europe/leviathan-arussian-movie-gets-applause-in-hollywood-but-scorn-at-home.html?r=0
47. www.ft.com/cms/s/z/a024fae-a7b1-11e4-be63-00144feab7de.html#axzz3T25r8hq6
48. www.rferl.org/content/russia-media-kiselyov-propagandist/2519593.htm
49. D. Skillen. *Freedom of Speech in Russia*. Routledge, 2016. С. 69–71.
50. Там же. С. 70.
51. Там же. С. 69.
52. www.interpretermag.com/video-of-dmitry-kiselyovs-first-speech-at-ria-novosti/0E20/0800/08F
53. www.theatlantic.com/international/archive/2014/09/russia-putin-revolutionizing-information-warfare/379880
54. www.spiegel.de/international/world/spiegel-interview-russia-today-editor-in-chief-margarita-simonyan-a-916356.html
55. www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf; здесь подчеркивается восприятие Симоньян самой себя как командующего «на войне».
56. www.theguardian.com/media/2014/jul/18/mh17-russia-today-reporter-resigns-sara-firth-kremlin-malaysia
57. www.newstatesman.com/world-affairs/world-affairs/2013/05/inside-russia-today-counterweight-mainstream-media-or-putins-mou
58. K. Giles. *Russia's "New" Tools for Confronting the West*. Chatham House, март 2016. С. 37–39.
59. www.theguardian.com/world/2007/mar/06/russia.lukeharding
60. www.newyorker.com/magazine/2008/09/22/echo-in-the-dark
61. M. Lipman. *Media Manipulation and Political Control in Russia*. Carnegie Moscow Center, February 2009.

62. www.reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/publication/weeding-out-upstarts-kremlins-proxy-war
63. Все указанные книги доступны в переводе на английский язык.
64. freespeechdebate.com/en/media/interview-svetlana-alexievich

Глава 4

1. www.pen.org/defending-writers/eskinder-nega
2. www.pen.org/nonfiction/letter-ethiopias-gulag
3. www.imf.org/external/np/sec/pr/2015/pr15445.htm
4. www.google.co.uk/search?noj=1&site=webhp&q=ethiopia+human+rights+US+state+department+2015&oq=ethiopia+human+rights+US+state+department+2015&gs_l=serp.3..99311100638.0.101144.5.5.o.0.0.0.109.497.3j2.5.0...0...1c.1.64.serp..0.4.409.YLMIOPGUnicv
5. freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/ethiopia
6. rsf.org/en/ethiopia
7. www.opendemocracy.net/abiye-teklemariam-megenta/journalist-as-terrorist-ethiopian-story
8. shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2015/02/Turkish-Journalism-Yavuz-Baydar.pdf
9. foreignpolicy.com/2014/09/22/either-with-us-or-against-us
10. www.haaretz.com/news/middle-east/L659931
11. www.wsj.com/articles/SB10001424052970203917304574414503346981992
12. www.economist.com/news/special-report/21689871-under-recep-tayyip-erdogan-and-his-ak-party-turkey-has-become-richer-and-more-confident
13. www.bbc.co.uk/news/world-europe-34256762
14. Hürriyet от 23 мая 2015 г.
15. www.washingtonpost.com/opinions/ekrem-dumanli-turkeys-witch-hunt-against-the-media/2015/01/01/7544429a-8fad-11e4-ba53-a477d66580ed_story.html
16. next.ft.com/content/417e5628-e225-11e5-8d9b-e88a2a889797
17. america.aljazeera.com/opinions/2015/12/turkeys-long-history-of-attacks-on-the-press.html
18. www.rethinkinstitute.org/Wp-content/uploads/2014/11/Diminishing-Press-Freedom-in-Turkey-Turkey-Task-Force.pdf
19. Цит. по: Baydar. Shorenstein Center. shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2015/02/Turkish-Journalism-Yavuz-Baydar.pdf

20. www.spiegel.de/international/europe/spiegel-correspondent-forced-to-leave-turkey-a-1083144.html
21. www.newyorker.com/news/news-desk/turkey-vs-twitter
22. www.newyorker.com/news/news-desk/the-purge-begins-in-turkey
23. www.newyorker.com/books/page-turner/the-silencing-of-writers-in-turkey
24. www.newyorker.com/news/news-desk/the-end-of-democracy-in-turkey
25. hsforg.za/resource-centre/focus/issues-21-30/issue-24-fourth-quarter-2001/interview-with-rhoda-kadalie-human-rights-activist
26. J. Winter. *Serving a Fragmented Public* [не опубликована].
27. www.justice.gov.za/trc/report/finalreport/VolumeO/oz04.pdf
28. afraf.oxfordjournals.org/content/107/429/611.abstract
29. www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/23/AR2006102301311.html
30. mg.co.za/article/2006-10-13-inside-the-sabc-blacklist-report
31. mg.co.za/article/2006-10-27-the-astonishing-outburst-of-dalimpofu
32. mg.co.za/article/2012-10-28-zuma-avoids-zapiro-court-showdown-over-cartoon
33. www.r2k.org.za/2011/08/02/sowetan-columnist-sacked
34. sabctr.saha.org.za/reports/volume4/chapter6/subsection3.htm
35. Там же.
36. J. Winter. Указ. соч.
37. www.hsrcpress.ac.za/product.php?productid=2092&freedownload=1; глава в книге *Changing the Fourth Estate: Essays on South African Journalism*, ed. A. Hadland. HSRC Press, 2005.
38. www.carnegiecouncil.org/publications/journal/18_3/Reflections%20on%20Journalism%20Dino/02othe%20Transition%20to%20Democracy/5057.html
39. www.insidethegames.biz/index.php/articles/5234/thousands-welcome-semenya-home-to-south-africa
40. www.hsrcpress.ac.za/product.php?productid=2092&freedownload=1
41. www.africaleadership.net/ali-fellow-ferial-haffajee-gets-the-z015-international-press-freedom-award
42. www.standpointmag.co.uk/dispatches-october-2016-rw-johnson-south-africa-jacob-zuma-anc-election
43. www.corruptionwatch.org.za/why-is-corruption-getting-worse-in-south-africa

Часть II

Введение

1. B. Kovach and T. Rosenstiel. *Elements of Journalism*. Three Rivers Press, 2007. С. 38.
2. B. J. Shapiro. *A Culture of Fact: England 1540–1720*. Cornell University Press, 2003. С. 3.
3. www.ina.fr/video/Io4257844
4. I. Hargreaves. *Journalism: Truth or Dare?* Oxford University Press, 2003. С. 62.
5. Noam Chomsky. *Media, Knowledge, and Objectivity*, лекция 16 июня 1993 г.
6. www.nytimes.com/2004/07/25/opinion/the-public-editor-is-the-new-york-times-a-liberal-newspaper.html?_r=0
7. www.economist.com/news/europe/21708256-right-wing-german-media-brand-builds-following-politisch-inkorrekt
8. B. Kovach and T. Rosenstiel. Указ. соч. С. 39.
9. S. Coleman, S. Anthony and D. E. Morrison. *Public Trust in the News*. Reuters Institute, 2009.
10. D. Zaret. *Origins of Democratic Culture*. Princeton University Press, 1999.
11. P. Starr. Указ. соч.
12. M. Schudson. Указ. соч. 1995. С. 99.
13. Там же. С. 103.
14. www.healthprofessional.ca/news/lionel-messi-arrested-for-tax-fraud-following-panama-papers-scandal-209970.aspx
15. europe.newsweek.com/panama-papers-ukraines-president-defiant-despite-impeachment-push-443727?rm=eu
16. www.politico.eu/article/panama-papers-defending-ukraine-president-petro-poroshenko-corruption-tax-finance-evasion
17. www.bbc.co.uk/news/world-europe-35966412
18. www.theguardian.com/news/2016/apr/04/panama-papers-david-cameron-father-tax-bahamas
19. www.theguardian.com/news/2016/apr/03/panama-papers-money-hidden-offshore
20. www.ted.com/talks/gerard_ryle_how_the_panama_papers_journalists_broke_the_biggest_leak_in_history?language=en
21. www.theguardian.com/news/2016/apr/05/justice-department-panama-papers-mossack-fonseca-us-investigation
22. C. Crouch. *The Knowledge Corrupters*. Polity, 2015.

23. P. Starr. Указ. соч. С. 395.
24. D. Van Reybrouck. *Against Elections*. Bodley Head, 2016. С. 54.
25. www.bbc.co.uk/radio4/reith2002

Глава 5

1. archive.financialexpress.com/news/the-foreign-handwriting/1000248

2. qz.com/894886/trumps-media-policies-look-like-narendra-modis-successful-efforts-to-silence-the-press-in-india

3. Эти цифры потрясают воображение и кажутся неправдоподобно высокими большинству иностранцев, но в последнее время опубликовано несколько исследований с показателями, схожими с данными судьи. В отчете К. Нагараджи из Мадрасского института исследований развития приводится статистика самоубийств фермеров с 1997 по 2006 год: 166 304, то есть 45,5 в день. Нагараджа полагает, что эти цифры занижены. www.macrosan.com/ani/mar08.pdf
Farmers_Suicides.pdf

4. D. Gupta. *The Caged Phoenix*. Woodrow Wilson Center/Stanford University Press, 2009.

5. Рассказ о Condé Nast India основан на моей публикации 2012 года: *A Week Inside India's Media Boom* // *Financial Times Weekend Review*. 2012. 19 окт.

6. «Пария» — это тамильское производное XVIII века от «параи», ударного инструмента, на котором тогда играли «неприкасаемые».

7. indiatoday.intoday.in/story/narendra-modi-independence-day-speech-full-text-red-fort/1/377299.html

8. P. Sainath. *Everyone Loves a Good Drought*. Penguin Books India, 2000.

9. S. Choudhary. *Let's Call him Vasu*. Penguin Books India, 2012.

10. www.youtube.com/watch?v=R3Bgas5HZIo

11. A. Bhattacharya and M. Renganathan. *The Politics and Reception of Rabindranath Tagore's Drama: The Bard on the Stage*. Routledge, 2015. С. 87.

12. P. Mudliar, J. Donner and W. Thies. *Emergent Practices Round CGNet Swara* // *ICTD journal*. 2012. Vol. 9. № 2.

13. Так, рейтинги по шкале ТАМ, выставленные приблизительно для 170 миллионов домохозяйств Индии, имеющих телевизоры, были раскритикованы NDTV в 2012 году как искажающие действительность, ввиду того что рекламное агентство WPP, владеющее долей рейтинговой компании, стремилось снизить рекламные доходы. Правительство приказало заменить рейтинги ТАМ новым ведомством, Советом по исследованию аудитории телерадиовещания (Broadcast Audience Research Council, BARC), который в сентябре

2015 года объявил о создании новой компании по замерам и составлению рейтингов. technology.ihf.com/548353/indian-tv-ratings-companies-team-up-to-see-improved-data

14. indiatgether.org/humlog-women-2

15. N. Sinha. *Liberalisation and the Future of Public Service Broadcasting in India*. The Public, 1996. Т. 3. С. 2.

16. S. Gupta. *Post Liberalisation India: How Free is the Media* // Journal of South Asian Studies. 2005. Т. 28. № 2.

17. A. Kapur. *India Becoming*. Riverhead Books, 2012.

18. Там же. С. 9.

19. P. Roy. *More News Is Good News*, мемориальная лекция в Институте Reuters 19 ноября 2012 г., Reuters Institute for the Study of Journalism — reutersinstitute.politics.ox.ac.uk

20. D. Thusuu. *News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment*. Sage Publications, 2009. С. 101.

21. timesofindia.indiatimes.com/entertainment/hindi/movie-reviews/Rann/movie-review/5509463.cms

22. P. Roy. Указ. соч.

23. R. Sardesai. *The Election that Changed India*. Viking, 2014.

24. В ноябре 2013 года Таруна Теджпала, одного из самых известных индийских журналистов и редактора журнала Tehelka, обвинили в сексуальном насилии в отношении молодой коллеги; Верховный суд выпустил его на свободу под залог. Теджпал категорически отвергает обвинения. www.dnaindia.com/india/report-tarun-tejpal-moves-to-sc-against-go-a-session-court-s-order-2052826

25. www.youtube.com/watch?v=rFoNagK2-eo

26. www.youtube.com/watch?v=xB_eWW5ttaM

27. www.firstpost.com/politics/modi-will-never-be-pm-but-he-can-sell-tea-mani-shankar-aiyar-1345419.html

28. www.ibtimes.com/indian-tea-party-narendra-modis-campaign-celebrate-popular-drink-his-humble-origins-1560987

29. old.himalmag.com/component/content/article/5140-confessions-of-a-war-reporter.html

30. www.outlookindia.com/magazine/story/covert-riots-and-media/214974

31. www.newslaundry.com/2012/02/07/barkha-dutt-on-radiagate

32. www.ndtv.com/opinion/the-cowardice-and-iniquity-of-what-arnab-goswami-has-called-for-1437493?treningnow

33. www.newslaundry.com/2012/02/07/can-you-take-it-barkha-dutt

34. www.dnaindia.com/entertainment/report-most-of-my-critics-are-talentless-elderly-ladies-sagarika-ghose-1062473

35. www.business-standard.com/article/pti-stories/dd-news-ahead-of-pvt-eng-news-channels-in-prime-time-115121300439_1.html

36. www.bbc.co.uk/blogs/collegeofjournalism/entries/ae5fd09c-c333-48b5-9b35-06238d7f9e71

37. www.caravanmagazine.in/reportage/bad-news.7page=0%2C3&quicktabs_1=o&quicktabs_comment=0

38. Там же.

39. Reality Check. 2014. www.google.co.uk/.7gws_rd=ssl#q=ernst+and+young+india+relativity+check

40. blogs.wsj.com/indiarealtime/2011/05/20/raja-on-times-list-of-top-power-abuses

41. www.transparency.org/whatwedo/publication/corruption_perceptions_index_2016

42. www.gfintegrity.org/report/country-case-study-india

43. S. Subramanian. *The Agitator* // New Yorker. 2013. 2 сент. www.newyorker.com/magazine/2013/09/02/the-agitator-2

44. *Citizens Jain* // New Yorker. 2012. 8 окт. www.google.co.uk/.7gws_rd=ssl#q=citizens+jain+new+yorker

45. www.blomberg.com/view/articles/2012-01-/india-s-top-newspapers-battle-for-readers-hearts-and-souls-choudhury

46. V. Kohli-Khandekar. *The Indian Media Business*. 4th edition. Sage Publications, 2013.

47. reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/InO/ozoneedO/ozooP/ozoaO/ozoLeveson%2oJournalismO/ozoin%2oIndiaO/ozoino/ozotimes0/0200f%2opaid%20news%20and%20privateO/ozotreaties.pdf

48. Там же.

49. *Has Narendra Modi Cleaned up India?* // Prospect Magazine. 2015.

50. www.outlookindia.com/article/News-You-Can-Abuse/263242

51. presscouncil.nic.in/OldWebsite/Sub-CommitteeReport.pdf

52. A. Giridharadas. *Indian to the Core, and an Oligarch*. www.nytimes.com/2008/06/15/business/worldbusiness/15ambani.html?pagewanted=all

53. В статье Гиридхарадаса сообщается, что, по словам Мукеша, целая сеть делийских шпионов и лоббистов Амбани, занимавшаяся сбором информации о правительстве и конкурентах, находилась под контролем младшего брата Мукеша — Анила, который разошелся с ним и основал собственную большую компанию Anil Dhirubhai Ambani Group, активы которой на 2014 год составляли около 6 миллиардов долларов. После ухода Анила, со смехом говорит Мукеш, «компания рассталась». Анил подал на Мукеша судебный иск на 118,2 миллиона долларов, затем от него отказался.

www.dailymail.co.uk/news/article~1061745/Fifth-richest-man-world-sues-brother-sixth-richest-man-world-118m-libel-case.htm

54. www.caravanmagazine.in/reportage/network-effect

55. Там же.

56. www.livemint.com/Companies/quzOi8fwv4XVjJcHzlcVN/Inside-the-Network18-takeover.html

57. zllarticle.wn.com/view-lemonde/2014/07/04/Rajdeep_Sardesai_parting_words_to_staff_Editorial_independe

58. www.forbes.com/forbes/welcome/?toURL=https://www.forbes.com/sites/meghabahree/2014/05/30/reliance-takes-over-network18-is-this-the-death-of-media-independence/&rerRL=www.google.co.uk/&referrer=www.google.co.uk

59. Там же.

60. www.caravanmagazine.in/reportage/the-tempest-prannoy-radhika-roy-ndtv

61. www.firstpost.com/india/why-arnab-goswami-left-times-now-he-became-bigger-than-the-brand-a-thorn-for-the-jains-3087730.html

62. V. Kohli-Khandekar. Указ. соч. С. 67.

63. www.trai.gov.in/sites/default/files/Recommendations_on_Media_Ownership.pdf

64. www.caravanmagazine.in/vantage/the-big-five-the-media-companies-that-the-modi-government-must-scrutinise-to-fulfill-its-promise-of-ending-crony-capitalism

65. granta.com/introduction-india-another-way-of-seeing

Глава 6

1. Эта глава основана на книге *Eserciti di Carta* («Бумажные армии») Фердинандо Джулиано (Ferdinando Giugliano) и Джона Ллойда (John Lloyd), изд-во Feltrinelli, 2013. Ф. Джулиано — экономический обозреватель информационного агентства Bloomberg, ранее главный экономический обозреватель газеты *La Repubblica*.

2. www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/11/16/is-trump-a-berlusconi-let-a-berlusconi-expert-explain/?utm_term=.c7618c478208

3. www.economist.com/node/13576329

4. www.repubblica.it/2008/11/sezioni/spettacoli_e_cultura/saggio-giannini/saggio-giannini/saggio-giannini.html?refresh_ce

5. www.abc.net.au/news/2003-05-30/editor-of-leading-italian-paper-resigns/1862256

6. espresso.repubblica.it/attualita/2015/03/09/news/eugenio-scalfari-vi-racconto-come-e-nato-l-espresso-1.202937. (Сообщаю, что на протяжении десяти лет, вплоть до 2016 года, я регулярно писал для газеты La Repubblica.)

7. P. Ginsborg. *Silvio Berlusconi: Television, Power, Patrimony*. Verso, 2004. С. 49.

8. Там же. С. 34.

9. books.google.co.uk/books?id=jqH82GA1NWoc&pg=PA3&lpg=PA3&dq=enzo+f-orcella+1500+lettori&source=bl&ots=91Ty-BVj8m&sig=BOX1BkOK21P7vCf7OTT6zLTjX8&hl=en&sa=X&ved=oahUKEwj8jP752dvLAhXINpoKHYYV3ARIQ6AEIMDAC#v=onepage&q=enzo%20forcella/201500%20lettori&f=false

10. www.newyorker.com/magazine/2011/04/11/booted

11. www.theguardian.com/world/2003/jul/02/italy.eu

12. P. Ginsborg. Указ. соч. С. 33.

13. web.mit.edu/allanmc/www/mcluhan.mediummessage.pdf

14. A. Stille. *The Sack of Rome*. Penguin Press, 2006. С. 9.

15. www.rtdna.org/content/edward_r_murrow_s_1958_wires_lights_in_a_box_speech

16. www.google.co.uk/#q=passigli+Everything+fits+in+nice+ly:+power+over+the+media+makes+it+possible+to+win+political+power&*

17. www.corriere.it/editoriali/09_agosto_03/panebianco_pd_inchieste_giudiziarie_fe6d3260-7fec-11de-bb07-00144f02aabc.shtml?refresh_ce-cp

18. www.newyorker.com/magazine/2008/11/03/girls-girls-girls-3

19. www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/4339817/Silvio-Berlusconi-criticised-for-pretty-girl-rape-comment.html

20. www.corriere.it/politica/09_agosto_28/feltri_attacco_boffo_avvenire_cei_3d76a938-93c4-11de-8445-00144f02aabc.shtml

21. www.economist.com/news/europe/21635792-beppe-grillo-says-he-tired-and-his-movement-tired-his-autocratic-leadership-falling-star

22. www.msn.com/en-ca/news/world/italian-populist-leader-suggests-juries-of-random-people-should-decide-what's-'fake-news'/ar-BBxTACD?li=AAgGFp4

23. G. Bocca. *È la stampa, bellezza!* Feltrinelli, 2011.

24. A. Stille. Указ. соч.

Глава 7

1. www.columbia.edu/itc/journalism/j6075/edit/boor.html

2. archives.newyorker.com/?i=2006-10-16#folio=130

3. www.theguardian.com/media/2008/jun/13/pressandpublishing.media

4. books.google.co.uk/books?id=q_zS3hsg42kC&pg=PT143&dpq=PT143&dq=MacKenzie+You+just+don't+understand+the+readers,+do+you,+eh?+He's+the+bloke+you+see+in+the+pub,&source=bl&ots=eBsdHMvoV2&sig=Z92Nv3bXqFFGitEDmkt8SAICnwU&hl=en&sa=X&ved=oahUKEwiYoqzwrPbSAhVkCsAKHXyIAQQQ6AE11zAC#v=onepage&q=MacKenzie%20You%20just%20don't%20understand%20the%20readers%2C%20do%20you%2C%20eh%3F%20He's%20the%20bloke%20you%20see%20in%20the%20pub%2C&f=false

5. P. Morgan. *The Insider*. Ebury Press, 2005.

6. www.nytimes.com/2014/02/24/business/media/piers-morgan-and-cnn-plan-end-to-his-prime-time-show.html

7. newrepublic.com/article/115507/how-piers-morgan-discovered-gun-control

8. P. Morgan. *Don't You Know Who I Am?* Ebury Press, 2008. С. 56.

9. www.t TMZ.com

10. www.newyorker.com/magazine/2016/02/22/inside-harvey-levins-tmz

11. Там же.

12. www.dailymail.co.uk/debate/article-1251043/I-suspect-Gordon-Brown-regret-Piers-Morgan-show.html

13. www.independent.co.uk/news/people/profiles/ian-hislop-provocateur-in-the-public-eye-2276884.html

14. M. Engel. *Tickle the Public: One Hundred Years of Popular Journalism*. Gollancz, 1996. С. 10.

15. www.joe.ie/uncategorized/angela-merkel-depicted-as-a-nazi-on-cover-of-greek-newspaper/32301

16. www.timesofisrael.com/greek-cartoon-depicts-german-finance-minister-as-nazi

17. www.today-in-history.de/index.php?what=thmanu&manu_id=1463&tag=21&monat=5&year=1947&dayisset=1&lang=ennymag.com/daily/intelligencer/2

18. H. Böll. *The Lost Honour of Katharina Blum*. Vintage Classics, 1993 (перевод на английский).

19. A. McAfee. *The Spoiler*. Vintage, 2012.

20. *The Diaries of a Fleet Street Fox*. Constable, 2013.

21. next.ft.com/content/c87f9c1e-7a99-11e2-9c88-00144feabdco

22. www.forbes.com/sites/marketshare/2013/05/24/the-30-most-popular-celebrity-gossip-sites-and-why-big-brands-love-them/#5f33b2065d7d

23. www.lrb.co.uk/v35/n04/hilary-mantel/royal-bodies

24. www.skysports.com/football/news/11095/8716388/david-beckham-talks-to-gary-neville-about-his-decision-to-retire

25. [webarchive.nationalarchives.gov.uk/20140122145147/http://www.levesoninquiry.org.uk/about/the-report/](http://www.webarchive.nationalarchives.gov.uk/20140122145147/http://www.levesoninquiry.org.uk/about/the-report/)
26. link.springer.com/chapter/10.1057%2F9780230290679_2#page-1
27. leveson.sayit.mysociety.org/hearing-6-february-2012/mr-paul-dacre
28. www.pressgazette.co.uk/node/42394
29. www.newyorker.com/magazine/2012/04/02/mail-supremacy
30. www.bbc.co.uk/news/uk-politics-14192673
31. onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.12189/full

Глава 8

1. [webarchive.nationalarchives.gov.uk/20140122145147/http://www.levesoninquiry.org.uk/wp-content/uploads/2012/07/Witness-Statement-of-Dr-Neil-Manson.pdf](http://www.webarchive.nationalarchives.gov.uk/20140122145147/http://www.levesoninquiry.org.uk/wp-content/uploads/2012/07/Witness-Statement-of-Dr-Neil-Manson.pdf)
2. A. Hernández. *Narcoland*. Verso, 2013. С. 282.
3. lab.org.uk/mexico-journalists-risk-life-for-truth
4. www.globalpost.com/dispatch/worldview/101026/mexico-drug-war-cartels-newspapers
5. www.article19.org/join-the-debate.php/195/view
6. A. Hernández. Указ. соч. С. 7.
7. www.theguardian.com/world/2010/dec/02/us-mexico-drugs-war-Wikileaks
8. www.insightcrime.org/brazil-organized-crime-news/brazil
9. J. Keating. www.slate.com/blogs/the_world/2014/06/09/committee_to_protect_journalists_highlights_dangers_faced_by_brazilian_reporters.html
10. cpj.org/reports/2014/05/hjalftime-for-brazilian-press-censorship-violence-censorship-via-courts.php
11. www.theguardian.com/media/greenslade/2015/may/21/brazilian-journalist-beheaded-during-mystery-investigation
12. cpj.org/2015/05/second-journalist-killed-in-brazil-in-less-than-a-
php
13. cpj.org.blog/2015/03/brazilian-bloggers-encounter-threats-online-and-of.php
14. www.economist.com/news/americas/21636048-best-and-worst-times-latin-american-journalism-power-cursor
15. www.marx2mao.com/PDFs/Lenin%20CW-Vol.%205-TC.pdf
16. J. Jiráček and B. Köpplová. *The Reality Show Called Democratization: Transformation of the Czech Media After 1989*. www.globalmediajournal.collegium.edu.pl/artykuly/wiosna%202008/jirak-kopplova-czech-media.pdf

17. www.theguardian.com/artanddesign/2015/jun/20/palaces-for-the-people-five-communist-buildings
18. www.theglobeandmail.com/news/world/with-eloquence-and-authority-vaclav-havel-changed-europes-history/article4181665/
19. www.nybooks.com/articles/archives/1990/jan/18/words-on-words/
20. wikileaks.org/plusd/cables/10PRAGUE57_a.html
21. J. Jiráček and B. Köpplová. Указ. соч.
22. www.radio.cz/en/section/marketplace/ownership-changes-help-spark-new-media-flurry-in-czech-republic
23. docplayer.net/24203464-The-rise-of-the-oligarchs-the-third-media-ownership-transformation-in-cee.html
24. henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2015/01/The-State-of-Democracy-After-25-Years.pdf
25. foreignpolicy.com/2015/04/10/now-the-czechs-have-an-oligarch-problem-too-andrej-babis
26. www.rferl.org/a/czech-tv-station-controversy-refugees-as-risk-reporting/27774568.html
27. www.economist.com/news/europe/21707125-politics-central-and-eastern-europe-are-increasingly-driven-businesses-own-media
28. www.worldpress.org/Europe/1098.cfm
29. rsf.org/en/japan. Согласно другой классификации, предложенной Freedom House, в соответствии с которой 197 стран мира ранжируются от 0 (наилучшая позиция) до 100 (наихудшая позиция), Япония получила рейтинг 42.
30. www.thediplomat.com/2014/12/japans-troubling-state-secrets-law-takes-effect
31. www.fccj.or.jp/images/FCCJ-State-secrets-protest-eng.pdf
32. www.japantimes.co.jp/opinion/2016/04/30/commentary/japans-meek-media-kowtows-government/#.V8WKiRQpLoc
33. www.economist.com/news/asia/21693269-criticism-government-being-airbrushed
34. www.nytimes.com/2015/05/21/opinion/the-threat-to-press-freedom-in-japan
35. www.tofugu.com/japan/kisha-clubs-and-japanese-newspapers
36. www.rsc.org/chemistryworld/2013/03/fukushima-nuclear-disaster-cancer-risk-increase
37. www.pressnet.or.jp/english/about/guideline/
38. cpj.org/blog/2011/05/following-disaster-free-press-association-of-japan
39. www.freespeechdebate.com/en/discuss/an-impregnable-portress-of-information

40. www.foreignaffairs.com/articles/israel/2016-06-08/end-old-israel?cid=nlc-fatoday-20160609&sp_mid=51570961&sp_rid=am90bi5sbG95ZEBmdC5jb20S1&spMailingID=51570961&spUserID=NTIoMzQxNzk1ODcS1&spJobID=941270830&spReportId=OTQxMjcwODMwSo
41. bluwhitefuture.org/asher-susser-bw/
42. www.haaretz.com/blogs/west-of-eden/.premium-1.606258
43. A. Shavit. *My Promised Land*. Scribe Publications, 2013. С. xii.
44. www.timesofisrael.com/the-end-of-israeli-democracy
45. www.haaretz.com/israel-news/.premium-1.721152
46. www.timesofisrael.com/channel-10-ceo-new-board-chairman-did-insult-deri-shas
47. www.timesofisrael.com/netanyahu-brought-about-iran-nuke-deal-says-ex-mossad-head-in-last-interview
48. www.haaretz.com/opinion/.premium-1.605001
49. www.haaretz.com/opinion/.premium-1.605294
50. Y. Peri. *Telepopulism*. Stanford University Press, 2004. С. 201–203.
51. www.theatlantic.com/international/archive/2014/11/how-the-media-makes-the-israel-story/383262
52. goastreet.com/life-ap-bureau-chief-israel
53. www.haaretz.com/think-tank-israel-faces-global-delegitimization-campaign-1.265967
54. www.haaretz.com/israel--news/1.763704

Глава 9

1. P. Starr. Указ. соч. С. 3, 17.
2. www.bbc.co.uk/news/entertainment-arts-38854711
3. P. Starr. Указ. соч. С. 17.
4. L. Menand. *The Metaphysical Club*. Flamingo – Harper Collins, 2002. С. 361.
5. M. Schudson. *Why Democracies Need an Unlovable Press*. Polity, 2008. С. 36.
6. G. Gozzini. *Storia del giornalismo*. Mondadori, 2011. С. 56.
7. www.law.cornell.edu/supremecourt/text/403/713
8. www.youtube.com/watch?v=ERgbXRTC_K4
9. *Why Americans Hate the Media* // The Atlantic. 1996, февр.
10. archive.org/stream/freeandresponsib029216mbp/freeandresponsib029216mbp_djvu.txt
11. M. Dowd. *As Time Goes Bye* // The New York Times. 2013. 9 марта.
12. inma.org/modules/join/wilkinson-feb2008-sna.pdf

13. www.niemanlab.org/2015/01/newsonomichhhow-deep-is-the-newspaper-industrys-money-hole
14. medium.com/@dicktobel/the-sky-is-falling-on-print-newspapers-faster-than-you-think-c84a2f9a9df4#.mk9d8j449
15. www.niemanlab.org/2014/05/the-scariest-chart-in-mary-meekers-slide-deck-for-newspapers-has-gotten-a-little-scarier
16. www.shirky.com/weblog/2009/03/newspapers-and-thinking-the-unthinkable
17. shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2012/03/last_call_carroll.pdf
18. www.newrepublic.com/article/goodbye-the-age-newspapers-hello-new-era-corruption
19. www.poynter.org/2013/mark-thompson-keeping-nate-silver-at-nyt-was-not-an-overwhelming-priority/222062
20. fivethirtyeight.com/features/what-the-fox-knows
21. 014/03/nate-silver-interview-fivethirtyeight-espn.html
22. www.newrepublic.com/article/117068/nate-silvers-fivethirtyeight-emptiness-data-journalism
23. www.huffingtonpost.com/2014/03/27/nate-silver-paul-krugman-attack_n_5041129.html
24. www.vox.com/2015/2/9/8008365/advice-to-young-journalists
25. www.newrepublic.com/article/j-school-confidential
26. fusion.net/story/45832/to-all-the-young-journalists-asking-for-advice
27. newsbusters.org/blogs/connor-williams/2014/08/08/msnbc-s-matthews-disses-colleague-ezra-klein-s-vox-not-interest-me
28. www.vox.com/2014/4/6/5556462/brain-dead-how-politics-makes-us-stupid
29. www.politico.com/magazine/story/2015/02/vox-interview-barack-obama-115033
30. www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/11/why-i-blog/307060/?single_page=true
31. dish.andrewsullivan.com/tag/the-end-of-the-dish
32. www.youtube.com/watch?v=iLmkec_4Rfo
33. www.youtube.com/watch?v=2BrZGDFCSCA
34. www.forbes.com/sites/jeffbercovici/2013/09/18/shane-smith-vices-400-million-man-is-new-yorks-newest-media-mogul
35. 18/vice-media-chief-said-to-pay-300000-for-dinner-for-30/?smid=tw-nytimesbusiness&_r=0&referrer=nymag.com/news/features/buzzfeed2013-2014

36. www.cjr.org/analysis/the_cult_of_vice.php
37. www.youtube.com/watch?v=AUjHb4C7b94
38. www.theatlantic.com/international/archive/2014/10/is-vice-documentary-on-ISIS-illegal/380991
39. www.independent.co.uk/news/world/middle-east/inside-isis-the-first-western-journalist-ever-given-access-to-the-islamic-state-has-just-returned-9938438.html
40. www.youtube.com/watch?v=3hMgxzifzfs
41. www.google.co.uk/#q=shane+smith+interviews+Barak+Obama+You+Tube
42. knowyourmeme.com/memes/events/nike-id-sweatshop-e-mail-controversy
43. nymag.com/news/features/buzzfeed-2013-2014
44. www.buzzfeed.com/bensmith/the-facebook-election#.yikr2nejZ4
45. www.politico.com/blogs/on-media/2016/08/jeff-zucker-praises-corey-lewandowski-slams-vice-and-buzzfeed-226574
46. www.cjr.org/the_feature/vice_freelancers.php
47. Там же.
48. www.politico.com/playbook/2015/11/politico-playbook-presented-by-jpmorgan-chase-co-365-days-to-election-how-fox-will-try-to-shame-cnbc-politicos-booming-europe-arm-expands-financial-services-vertical-bigger-london-bureau-top-hire-from-wsj-bday-john-harris-sarah-flores-211152
49. www.vanityfair.com/news/2009/08/wolff200908
50. www.poynter.org/2016/jill-abramsons-longform-journalism-venture-with-steve-brill-is-on-hold-for-now/403812
51. beltmag.com/alt-racists
52. daily.jstor.org/about

Глава 10

1. D. Westen. *The Political Brain*. Public Affairs, 2008. Книгу Вестена резко критиковал Дэвид Брукс в *The New York Times*, заключавший, что аргумент Вестена о том, будто политика должна быть обращена к эмоциям людей, неправомерен: «Не нужно упрощать вещи до такой степени, чтобы политика сводилась к эмоциям. Нет необходимости владеть каким-то тайным языком, который возбуждает отклик на эмоциональном уровне. Лучший путь к сердцам избирателей — сейчас последует сенсация! — это предложить людям достоверный взгляд на мир и политические мероприятия, которые, как представляется, могут принести хорошие плоды»

(www.nytimes.com/2007/08/26/b00ks/review/Brooks-t.html?_r=I&ref=books&oref=slogin). После победы Трампа справедливость этих замечаний потускнела.

2. uk.reuters.com/article/uk-usa-trump-scene-idUKKBN14V2MS

3. www.newyorker.com/magazine/2016/02/22/did-social-media-produce-the-new-populism

4. www.nytimes.com/2015/11/27/us/politics/donald-trump-says-his-mocking-of-new-york-times-reporter-was-misread.html

5. www.nytimes.com/2017/01/08/arts/television/meryl-streep-golden-globes-speech.html

6. www.politico.com/video/2017/01/conway-judge-trump-by-whats-in-his-heart-not-what-comes-out-of-his-mouth-061895

7. web.archive.org/web/20141030135629/http2://www.nytimes.com/2000/12/14/technology/14DOGG.html

8. www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-18/this-team-runs-mark-zuckerberg-s-facebook-page

9. www.youtube.com/watch?v=eFQhw3VVToQ

10. См., к примеру, манифест Дайса (M. Dice. *The Illuminati, Resistance Manifesto*. 2009), в котором говорится о насчитывающем многовековую историю тайном обществе, которое контролирует мир и несет ответственность за целый ряд разрозненных событий. Дайс пишет, что, «обнаруживая, как это произошло в недавние годы, растущий корпус заслуживающих доверия данных об этих тайных обществах, мы видим зияющую бездну в легитимности и достоверности традиционных СМИ и в общепризнанном знании о мире».

11. www.youtube.com/watch?v=2-Be9f7Ovvg

12. www.youtube.com/watch?v=6w_-g4gdKPQ

13. www.nytimes.com/2016/12/06/us/fake-news-partisan-republican-democrat.html

14. edition.cnn.com/2016/09/11/health/hillary-clinton-health

15. www.nytimes.com/2017/01/18/us/fake-news-hillary-clinton-cameron-harris.html

16. www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2014/10/21/this-is-not-an-interview-with-banksy/?tid=a_inl&utm_term=.f44fef962a6e

17. insider.foxnews.com/2017/01/17/tucker-carlson-slams-hoax-protester-group-dom-tullipso-demand-protests-manning

18. www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2016/11/17/facebook-fake-news-writer-i-think-donald-trump-is-in-the-white-house-because-of-me/?utm_term=.86154a12d8c5

19. www.buzzfeed.com/craigsilverman/how-macedonia-became-a-global-hub-for-pro-trump-misinfo?utm_term=.ghbNj9P#.eg66XXYJR

20. www.nytimes.com/2016/11/25/world/europe/fake-news-donald-trump-hillary-clinton-georgia.html?_r=0
21. www.newyorker.com/magazine/2016/11/28/obama-reckons-with-a-trump-presidency
22. digiday.com/uk/facebooks-european-media-chief-addresses-fake-news-game-whack-mole/
23. www.ft.com/content/2910a7a0-afd7-11e6-a37c-f4a01fb0faI
24. www.ft.com/content/37ea3ebc-a7cb-11e6-8b69-02899e8bd9dI
25. www.nytimes.com/interactive/2017/business/media/trump-fake-news.html?_r=0
26. time.com/4608555/hillary-clinton-popular-vote-final
27. www.poynter.org/2017/did-fake-news-help-elect-trump-not-likely-according-to-new-research/445724
28. www.telegraph.co.uk/news/2017/01/11/former-mi6-officer-produced-donald-trump-russian-dossier-terrified
29. www.buzzfeed.com/kenbensinger/these-reports-allege-trump-has-deep-ties-to-russia?utm_term=.upKArr4po#.wpmQmmAE1
30. www.ft.com/content/d6e87afe-dd6a-11e6-9d7c-be108f1c1dce
31. www.oxfordpresents.com/ms/kelleher/edward-bernayss-torches-of-freedom
32. J. Lloyd and L. Toogood. *Journalism and PR*. I. B. Tauris for the Reuters Institute, 2015. С. 25–26. Этот раздел книги, посвященный теории связей с общественностью и политической коммуникации, основан на указанном здесь исследовании.
33. Там же. С. 22.
34. www.webershandwick.com/news/article/mediaco-drives-brand-publishing-interest
35. www.prweek.com/article/I390297/weber-forms-innovation-council-bolster-mediaco
36. www.theguardian.com/business/2016/apr/I8/sir-martin-sorrell-pay-package-agm
37. J. Lloyd and L. Toogood. Указ. соч. С. 35.
38. www.holmesreport.com/long-reads/article/2016-trend-forecast-corporate-reputation
39. www.newyorker.com/magazine/2012/09/24/the-lie-factory
40. www.washingtonpost.com/wpsrv/style/longterm/books/reviews/badboy.htm
41. observer.com/2006/05/joe-kleins-turnip-day
42. articles.latimes.com/2006/jul/I3/local/me-capI3
43. www.youtube.com/watch?v=UnW3xkHxIEQ

44. www.salon.com/2016/02/15/bernies_man_behind_the_scenes_tad_devine_is_the_karl_rove_to_sanders_2016_populist_uprising
45. www.nytimes.com/2014/03/11/us/politics/obamas-new-approach-takes-a-humorous-turn.html?r=0
46. www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2016/07/how_bernies_spent_his_millions_was_anything_but_revolutionary.html
47. www.cosmopolitan.com/politics/news/a56404/who-is-hope-hicks-trump-press-secretary
48. www.salon.com/2016/11/14/steve-bannon-runs-an-anti-semitic-website-is-a-misogynist-and-will-be-one-of-donald-trumps-senior-advisors
49. www.hollywoodreporter.com/news/steve-bannon-trump-tower-interview-trumps-strategist-plots-new-political-movement-948747
50. www.nytimes.com/video/us/politics/100000004886212/watch-live-trump-at-the-cia.html
51. uk.businessinsider.com/jeremy-corbyn-relationship-with-the-media-2016-9
52. www.newyorker.com/magazine/2016/02/22/did-social-media-produce-the-new-populism

Часть III

Введение

1. В. Kovach and T. Rosenstiel. Указ. соч. С. 5.

Глава 11

1. J. Ettema and T. Glasser. *Custodians of Conscience*. Columbia University Press, 1998.
2. www.independent.co.uk/news/people/news/french-actress-julie-gayet-wins-damages-from-closer-magazine-over-francois-hollande-affair-9219402.html
3. www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/28/remarks-president-2016-toner-prize-ceremony
4. www.opendemocracy.net/ourbeeb/david-elstein/bbc-and-tories-is-it-war
5. www.ft.com/content/2e21620c-7e2d-11e5-a1fe-567b37f80b64
6. www.prospectmagazine.co.uk/opinions/selfhatedatthebbc
7. biasedbbc.proboards.com/thread/1301
8. www.google.co.uk/#q=Mance+FT+In+the+US++PBS+lost+the+best+rights+to+Sesame+Street+&*
9. www.theglobeandmail.com/sports/hockey/hockey-night-in-canada-how-cbc-lost-it-all/article21072643/?page=all
10. www.macleans.ca/news/canada/jian-ghomeshi-how-he-got-away-with-it/
11. www.bbc.co.uk/bbctrust/dame_janet_smith
12. www.dailymail.co.uk/news/article~3213746/Jeremy-Clarkson-receive-10m-new-Amazon-Former-Gear-host-tipped-receive-800-000-episode-stars-won-t-bad-either.html
13. business.financialpost.com/fp-comment/cbc-not-the-publics-broadcaster-after-all
14. next.ft.com/content/4625b188-e818-11e4-9960-00144feab7de
15. www.theguardian.com/media/greenslade/2015/jun/22/press-freedom-under-threat-in-spain-says-ipi-delegate
16. catalog.hathitrust.org/Record/006518564
17. documents.irevues.inist.fr/bitstream/handle/2042/28328/2008_HS_161.pdf?sequence=1
18. G. Muhlmann. *Journalism for Democracy*. Polity, 2010. С. 210.
19. www.challenges.fr/entreprise/20060613.CHA1211/3-questions-a-bernard-lallement-co-fondateur-de-liberation-libe-a-toujours-deteste-l-argent.html

20. bruxelles.blogs.liberation.fr
21. www.forbes.com/profile/patrick-drahi
22. J. Lloyd. *What the Media Are Doing to Our Politics*. Constable, 2004. С. 39–40.
23. A. Jones. *Losing the News*. Oxford University Press, 2011. С. 49.
Указанный раздел основан на моей книге *Journalism in an Age of Terror*. I. B. Tauris, 2017.
24. www.huffingtonpost.com/2013/11/20/bob-woodward-edward-snowden-guardian_n_4311354.html
25. www.politico.com/story/2013/07/carl-bernstein-edward-snowden-comments-093697
26. D. Ellsberg. *NSA Leaker Snowden Made the Right Call* // The Washington Post. 2013. 7 июля.
27. J. Assange, J. Appelbaum, A. Müller-Maguhn and J. Zimmermann. *Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet*. OR Books, 2013, Kindle Edition, loc. 1881.
28. A. O'Hagan. *Ghosting*. www.lrb.co.uk/v36/n05/andrew-ohagan/ghosting
29. www.theguardian.com/world/2013/mar/01/bradley-manning-wikileaks-statement-full-text
30. L. Harding. *The Snowden Files*. Guardian Faber Publishing, 2014, Kindle Edition, loc. 1295.
31. S. Turkle. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. Weidenfeld and Nicolson, 1996. С. 263.
32. G. Greenwald. *No Place to Hide*. Penguin, 2015, Kindle Edition, loc. 1605.
33. The Washington Post от 5 июля 2014 г.
34. www.independent.co.uk/voices/comment/edward-snowden-s-secrets-may-be-dangerous-i-would-not-have-published-them-8877404.html
35. www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/14/independent-epitaph-establishment-journalism
36. G. Greenwald. Op. cit., loc. 3319.
37. www.nytimes.com/2013/10/28/opinion/a-conversation-in-lieu-of-a-column.html
38. A. O'Hagan. Op. cit.
39. www.nytimes.com/2006/07/01/opinion/01keller.html?_r=0
40. pressthink.org/2013/10/why-pierre-omidyar-decided-to-join-forces-with-glenn-greenwald-for-a-new-venture-in-news
41. theintercept.com/2015/05/12/stephen-kim-ex-state-department-official-leak-case-released-prison

Заключение

1. M. McLuhan. *Understanding Media: The Extension of Man*. MIT Press Edition, 1994.

2. towcenter.org/research/post-industrial-journalism-adapting-to-the-present-2

3. archive.pressthink.org/2006/06/27/ppl_frmr.html

4. talkingpointsmemo.com

5. www.theguardian.com/world/2016/feb/19/xi-jinping-tours-chinas-top-state-media-outlets-to-boost-loyalty

6. saharareporters.com

Список литературы

- Волков А. И., Пугачева М. Г., Ярмолюк С. Ф. *Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы*. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Theodore Adorno. *The Culture Industry*. London: Routledge, 2002.
- Fouad Ajami. *The Arab Predicament*. Cambridge: Cambridge UP, 1992.
- Anonymous. *The Diaries of a Fleet Street Fox*. London: Constable, 2013.
- Timothy Garton Ash. *Free Speech*. New Haven: Yale UP, 2016.
- Ken Auletta. *Backstory*. New York: Penguin Press, 2003.
- Honoré de Balzac. *Les Journalistes*. Paris: Arléa, 1998.
- Yochai Benkler. *The Wealth of Networks*. New Haven: Yale UP, 2005.
- Luca De Biase. *Cambiare Pagine*. Milano: RCS Libri, 2011.
- Philip Bobbitt. *The Shield of Achilles*. London: Allen Lane, 2002.
- Giorgio Bocaccio. *È la stampa, bellezza!* Milano: Feltrinelli, 2011.
- Heinrich Böll, trans. Leila Vennewitz. *The Lost Honour of Katherina Blum*. London: Minerva, 1975.
- Daniel Boorstin. *The Image*. London: Pelican Books, 1963.
- Pierre Bourdieu. *Contre-feux*. Paris: Liber-Raisons d'agir, 1998.
- Pierre Bourdieu. *Sur la télévision*. Paris: Raisons d'agir, 1996.
- Kathleen Brady and Ida Tarbell. *Portrait of a Muckraker*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989.
- Leo Braudy. *The Frenzy of Renown*. New York: Vintage, 1997.
- Peter Burden. *News of the World?* London: Eye Books, 2008.
- Hugo de Burgh. *The Chinese Journalist*. London: Routledge Curzon, 2003.
- Julia Cagé. *Sauver les médias*. Éditions du Seuil, 2015.
- Manuel Castells. *Communication Power*. Oxford: Oxford UP, 2009.
- Shubranshu Choudhary. *Let's Call Him Vasu*. New Delhi: Penguin Books India, 2012.
- Nick Cohen. *You Can't Read This Book*. London: Fourth Estate, 2012.
- Michele Corradino. *È normale... lo fanno tutti*. Milano: Chiarelettere, 2016.
- James Curran and Jean Seaton. *Power Without Responsibility*. London: Routledge, 2010.
- Sunday Dare. *Guerrilla Journalism*. Nigeria, Ibadan: Kraft, 2007.
- Nick Davies. *Flat Earth News*. London: Chatto and Windus, 2008.

- Brendan Dooley. *The Social History of Skepticism*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1999.
- Umberto Eco. *Turning the Clock Back*. London: Harvill Secker, 2007.
- Ruth Dudley Edwards. *Newspapermen*. London: Pimlico, 2004.
- Matthew Engel. *Tickle the Public*. London: Gollancz, 1996.
- James S. Ettema and Theodore L. Glasser. *Custodians of Conscience*. New York: Columbia UP, 1998.
- James Fallows. *Breaking the News*. New York: Vintage, 1997.
- Lara Fielden. *Regulating the Press*. Oxford: Reuters Institute, 2012.
- James S. Fishkin. *The Voice of the People*. New Haven: Yale UP, 1995.
- Jean-François Fogel and Bruno Patino. *Une presse sans Gutenberg*. Paris: Grasset, 2005.
- Chrystia Freeland. *Plutocrats*. New York: Penguin Press, 2012.
- Neal Gabler. *Life: The Movie*. New York: Knopf, 1998.
- Tim Gardam and David A. L. Levy. *The Price of Plurality*. Oxford: Reuters Institute, 2008.
- Paul Ginsborg. *Silvio Berlusconi: Television, Power, Patrimony*. London: Verso, 2005.
- Anthony Glees and Philip H. J. Davies. *Spinning the Spies*. London: Social Affairs Unit, 2004.
- Misha Glenny. *McMafia*. London: Bodley Head, 2008.
- Stephen Glover. *The Penguin Book of Journalism*. London: Penguin Books, 1999.
- Giovanni Gozzini. *Storia del giornalismo*. Milano: Mondadori, 2011.
- Roy Greenslade. *Press Gang*. London: Macmillan, 2003.
- David Halberstam. *The Powers That Be*. Urbana: University of Illinois Press, 2000.
- Daniel C. Hallin and Paolo Mancini. *Comparing Media Systems*. Cambridge: Cambridge UP, 2004.
- James Hardin. *Alpha Dogs*. London: Atlantic Books, 2008.
- Ian Hargreaves. *Journalism: Truth or Dare?* Oxford: Oxford UP, 2003.
- James Harkin. *Niche*. London: Abacus, 2012.
- Abdallah F. Hassan. *Media, Revolution and Politics in Egypt*. London: I. B. Tauris for Reuters Institute, 2015.
- Václav Havel. *Living in Truth*. London: Faber and Faber, 1986.
- Edward S. Herman and Robert W. McChesney. *The Global Media*. London: Cassell, 1999.
- Anabel Hernández. *Narcoland*. London: Verso, 2013.
- Richard Hoggart. *The Uses of Literacy*. London: Penguin Books, 1958.

- Richard Hoggart. *Mass Media in a Mass Society*. London: Continuum, 2004.
- Robin Jeffrey. *India's Newspaper Revolution*. London: Hurst, 2000.
- Alex S. Jones. *Losing the News*. New York: Oxford UP, 2009.
- Jeffrey P. Jones. *Entertaining Politics*. Plymouth: Rowman and Littlefield, 2010.
- John Keane. *The Media and Democracy*. Cambridge: Polity, 1991.
- Richard Keeble and John Mair (eds.). *The Phone Hacking Scandal*. Bury St Edmunds: Abramis, 2012.
- Joe Klein. *Politics Lost*. New York: Broadway Books, 2006.
- Venita Kohli Khandekar. *The Indian Media Business*. 4th edition. New Delhi: Sage, 2013.
- Bill Kovach and Tom Rosenstiel. *Elements of Journalism*. New York: Three Rivers Press, 2007.
- David Lane. *Berlusconi's Shadow*. London: Allen Lane, 2004.
- Walter Lippmann. *Liberty and the News*. New York: Dover Publications, 2010.
- Walter Lippmann. *Public Opinion*. New York: Free Press, 1997.
- John Lloyd. *What the Media Are Doing to Our Politics*. London: Constable, 2004.
- John Lloyd and Janice Winter (eds.). *Media Politics and the Public*. Stockholm: Ax:son Johnson Foundation, 2011.
- Joe McGinniss. *The Selling of the President*. London: André Deutsch, 1970.
- Joe McGinniss. *Fatal Vision*. New York: Signet, 1989.
- Marshall McLuhan. *Understanding Media*. London: Routledge, 2002.
- Janet Malcolm. *The Journalist and the Murderer*. New York: Vintage, 1990.
- Andrew Marr. *My Trade*. London: Macmillan, 2004.
- S. J. Mastay. *The Muslim and the Microphone*. London: Social Affairs Unit, 2006.
- Noha Mellor. *Modern Arab Journalism*. Cairo: American University, 2007.
- Noha Mellor. *The Making of Arab News*. Oxford: Rowman and Littlefield, 2006.
- Louis Menand. *The Metaphysical Club*. London: Flamingo, 2001.
- Hugh Miles. *Al Jazeera*. London: Abacus, 2006.
- Piers Morgan. *The Insider*. London: Ebury Press, 2005.
- Evgeny Morozov. *How Not to Liberate the World*. London: Allen Lane, 2011.
- David E. Morrison et al. *Media and Values*. Bristol: Intellect, 2007.
- Géraldine Muhlmann, trans. Jean Birrell. *Journalism for Democracy*. Cambridge: Polity, 2010.

- Géraldine Muhlmann, trans. Jean Birrell. *A Political History of Journalism*. Cambridge: Polity, 2008.
- Andrew Neil. *Full Disclosure*. London: Pan, 2006.
- Pippa Norris. *Public Sentinel*. Washington: The World Bank, 2010.
- Daniel Ockrent. *Public Editor*. New York: Public Affairs, 2006.
- Arkady Ostrovsky. *The Invention of Russia*. London: Atlantic Books, 2016.
- Vance Packard. *The Hidden Persuaders*. New York: IG Publishing, 2007.
- Bruce Page. *The Murdoch Archipelago*. London: Simon and Schuster, 2011.
- Philip Pan. *Out of Mao's Shadow*. London: Picador, 2008.
- Thomas E. Patterson. *Out of Order*. New York: Vintage, 1994.
- Yoram Peri. *Telepopulism*. Redwood City: Stanford UP, 2004.
- Lance Price. *Where Power Lies*. London: Simon and Schuster, 2010.
- Ben Rawlence. *Radio Congo*. London: Oneworld, 2013.
- Max Rodenbeck. *Cairo: The City Victorious*. London: Vintage, 2000.
- Nick Robinson. *Live from Downing Street*. London: Bantam Press, 2012.
- W. G. Runciman (eds.). *Hutton and Butler*. Oxford: Oxford UP for the British Academy, 2004.
- Giovanni Sartori. *Il Sultano*. Roma: Laterza, 2009.
- Donald Sassoon. *The Culture of the Europeans*. London: Harper Press, 2006.
- Jeffrey Scheuer. *The Big Picture*. Oxford: Routledge, 2008.
- Michael Schudson. *The Power of News*. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1995.
- Michael Schudson. *Why Democracies Need an Unlovable Press*. Cambridge: Polity, 2008.
- Colin Seymour. *The Political Impact of Mass Media*. Sage, 1974.
- Ari Shavit. *My Promised Land*. London: Scribe, 2014.
- William Shawcross. *Murdoch*. London: Pan, 1993.
- Clay Shirky. *Here Comes Everybody*. London: Penguin, 2008.
- Daphne Skillen. *Freedom of Speech in Russia*. London: Routledge, 2017.
- Anthony Smith. *The Shadow in the Cave*. London: Allen and Unwin, 1973.
- Paul Starr. *The Creation of the Media*. New York: Basic Books, 2004.
- Sylvester Stein. *Who Killed Mr Drum?* London: Corvo, 2003.
- Alexander Stille. *The Sack of Rome*. New York: Penguin Press, 2006.
- Paranjoy Guha Thakurta. *Media Ethics*. Oxford: OUP, 2012.
- John B. Thompson. *The Media and Modernity*. Cambridge: Polity, 1995.
- Mark Thompson. *Enough Said*. London: Bodley Head, 2016.
- Daya Thussu. *News as Entertainment*. London: Sage, 2009.

- Larry Tye. *The Father of Spin*. New York: Holt, 1998.
- Stephen J. A. Ward. *The Invention of Journalism Ethics*. Montreal: McGill-Queen's UP, 2004.
- David Welch. *Propaganda, Power and Persuasion*. London: The British Library, 2013.
- Drew Westen. *The Political Brain*. New York: Public Affairs, 2007.
- Arnold Wesker. *Journey into Journalism*. London: Writers and Readers Publishing Cooperative, 1977.
- Bernard Williams. *Truth and Truthfulness*. Princeton: Princeton UP, 2002.
- Michael J. Wolf. *The Entertainment Economy*. London: Penguin, 1999.
- Tom Wolfe. *The New Journalism*. London: Picador, 1990.
- Lawrence Wright. *The Looming Tower*. London: Penguin, 2006.
- Tim Wu. *The Master Switch*. New York: Atlantic, 2010.

Указатель имен

А

Абрамсон, Джилл — 393
 Абэ, Синдзо — 360
 Абдалла II — 101
 Адельсон, Шелдон — 370
 Айяр, Мани Шанкар — 258
 Алами, Аида — 405
 Али, Рами — 30, 109, 114
 Аллен, Тим — 436
 аль-Гамди, Ахмед Касим — 40
 аль-Ибраши, Ваэль — 122
 аль-Фаттах, Алаа Абд — 122
 аль-Хусейн, Любна Ахмед — 91
 аль-Ями, Розанна — 90
 Альтюссер, Луи — 469
 Андерсон, Крис — 500
 Аннунциата, Лючия — 30
 Аньелли, Джованни — 287
 Араужу, Эндерсон — 436
 Арафат, Ясир — 93
 Ассанж, Джулиан — 97, 169, 171, 470, 473, 480, 481, 482, 483, 486, 489, 492
 ас-Сиси, Абдель Фаттах — 46, 104, 505
 Аулетга, Кен — 266
 Африка, Мзиликази ва — 204

Б

Байфорд, Марк — 460
 Баке, Дин — 493, 497
 Бакстер, Леон — 438, 439
 Бандурски, Дэвид — 54
 Барбер, Лайонел — 30, 391, 392
 Барла, Даямани — 236
 Баррозу, Жозе Мануэл — 472

Бартоломью, Гарри Гай — 322
 Басу, Ратхикант — 246, 247
 Бауман, Зигмунт — 330
 Бахер, Мухаммед — 121
 Бахл, Рагхав — 274, 275
 Бахчели, Девлет — 184
 Бегин, Менахем — 375,
 Безос, Джефф — 494
 Бейли, Джорджина — 463
 Бекхэм, Дэвид — 325
 Белл, Эмили — 500, 501, 502
 Бен Али, Зин аль-Абидин — 99
 Бен-Гурион, Давид — 375
 Бенн, Алуф — 30, 366, 369, 374, 376, 380
 Беннетт, Гордон — 11, 384
 Беннетт, Джевелл — 254
 Беннетт, Лаура Евгения — 316
 Бёв-Мери, Юбер — 210
 Бёлль, Генрих Теодор — 320
 Бергер, Гай — 203
 Берлускони, Сильвио — 351, 356, 280–289, 290–299, 300–310
 Бернейс, Эдвард — 433
 Бернстайн, Карл — 478, 479
 Бирмингем, Люси — 461
 Блаватник, Лев — 372
 Блэк, Гай — 336
 Блэкхерст, Крис — 489, 492
 Блэк, Хьюго — 385
 Блэр, Тони — 295, 333, 436, 464
 Бовуар, Симона де — 469
 Бонифейс, Сюзи — 321
 Бортоли, Ферруччо де — 287
 Боуден, Хелен — 460
 Боффо, Дино — 305, 306
 Браун, Гордон и Сара — 318, 319, 331–333

Брендер, Николаус — 466
Брилл, Абрахам — 433
Брилл, Стив — 408
Бро, Грэм — 319
Брукс, Ребекка — 331–333
Брэнд, Рассел — 462, 463
Буазизи, Мохаммед — 99
Бурстин, Дэниел — 312
Бурума, Иэн — 30, 365
Бэннон, Стивен — 442

В

Ваз, Кит — 452, 453
Вандехей, Джим — 406
Вернье, Жан-Клод — 469
Винчи, Алессио — 30, 291, 292
Волф, Майкл — 407
Вудворд, Боб — 478, 479
Вулф, Мартин — 394, 458

Г

Гайе, Жюли — 455
Гальегос, Росио — 339
Ганди, Рахул — 252, 254, 256–258
Геллман, Бартон — 486, 488
Геллнер, Эрнест Андре — 39
Гильермоприето, Альма — 339
Гинзбург, Пол — 281, 289
Гиридхарадас, Ананд — 273, 274
Глассер, Теодор — 451
Голдстейн, Том — 501
Гомеши, Джиан — 461, 462
Гор, Эл — 442
Гореславский, Алексей — 173
Госвами, Арнаб — 249, 252–261, 277
Госе, Сагарика — 261
Гресте, Питер — 121

Грилло, Беппе — 253, 306, 307, 414, 418
Гринвальд, Гленн — 487–494
Гупта, Дипанкар — 231, 232, 242
Гупта, Индраджит — 275
Гупта, Шехар — 227
Гур, Хавив Реттиг — 370, 371, 377
Гуткин, Стив — 397
Гюлен, Фетхуллах — 89, 188, 189, 192

Д

Даган, Меир — 373
Даган, Нехемия — 374
Д'Аддарио, Патриция — 298
Дайръе, Медиан — 402
Дайс, Марк — 419, 421, 533
Дакр, Пол — 333–335
Далль'Ольо, Карла — 303
Датт, Барха — 250, 258–260, 276, 277
Дауд, Морин — 387
Дацай, Ян — 67
Даян, Моше — 368
Дельсаль-Стоппер, Соня — 472
Деморан, Николая — 468
Деннистон, Лайл — 501
Джаганнатан, Рагхаван — 275
Джайн, Винит — 266, 267, 273, 277
Джаялалита, Джаярам — 251
Джега, Аттахуру — 506
Дженкинс, Кэтрин — 325
Дженнингс, Питер — 385
Джеффрис, Крис — 332, 333
Делль'Утри, Марчелло — 296
Дери, Арье — 373
Джаннини, Массимо — 285
Джонс, Алекс — 476, 477
Джонсон, Ян — 60, 61

- Дивайн, Тэд — 442
Диксит, Кунда — 262
Диниц, Симха — 375
Докинз, Ричард — 403
Доктор, Кен — 388
Драи, Патрик — 473
Друкер, Равив — 372, 374
Дуглас, Лесли — 463
Дукакис, Майкл — 442
Дьюи, Кэтлин — 383, 425, 426
Дэвис, Ник — 326
- Ё**
Ёсида, Масао — 361
- Ж**
Жюли, Серж — 469, 471
- З**
Зенауи, Мелес — 176, 178, 179, 181
Зикалала, Снуки — 198, 199
Зума, Джейкоб — 200, 201, 202
- И**
Иглесиас, Мэтью — 397
Ичжун, Чэн — 79, 82, 83
- Й**
Йейтс, Джоанн — 333
- К**
Калмади, Суреш — 255
Кальдерон, Фелипе — 339, 341–343
Кардозу, Фернанду — 344
Карлсон, Такер — 425, 426
Карр, Дэвид Майкл — 316, 400, 401
Карре, Джон ле — 458
Карфанья, Мара — 303
Кассем, Хишам — 110–114, 116, 117
Катремер, Жан — 472
Катью, Маркандей — 228–233
Квелане, Йон — 202
Келлер, Билл — 30, 408–410, 491–493, 497
Келли, Мегин — 421, 425
Кеннеди, Эдвард — 480
Керри, Джон — 182, 318, 377, 440, 442
Ким, Стивен — 494
Кинг, Ларри — 169, 479
Кинсли, Майкл — 389
Киркпатрик, Дэвид — 119
Кисии, Сигетада — 361
Кларксон, Джереми — 13, 463
Клеппер, Джордан — 418, 423
Клинтон, Билл — 51, 441
Клинтон, Хиллари — 51, 213–414, 418–424, 427, 430
Клейн, Джо — 441
Кляйн, Эзра — 395–398, 406
Ковач, Билл — 449
Кога, Сигеаки — 362
Кокберн, Патрик — 492
Конуэй, Келлиэнн — 414, 417, 442
Корбин, Джереми — 170, 443, 444
Коулмен, Стивен — 30, 213
Коулмен, Фрэнк Моррис — 254
Кох, Роланд — 466
Коэн, Джаред Эндрю — 97
Кракси, Беттино — 284, 303
Крауч, Колин — 220
Кронкайт, Уолтер — 387
Кросс, Филип — 463
Кроу, Шерил — 318

Кругман, Пол — 394, 395
 Круз, Тед — 430, 444
 Куга, Кимико — 30, 365, 366
 Кук, Джон — 494
 Куния, Хироко — 361
 Куомо, Крис — 415
 Курувилла, Алекс — 232, 233
 Кэмерон, Дэвид — 125, 218, 333, 423
 Кэрролл, Джон — 388–390, 398
 Кэцинь, Ван — 85

Л

Лакхерст, Тим — 333, 334
 Ландау, Ноа — 371, 380
 Лаллеман, Бернар — 471
 Ларио, Вероника — 303, 304
 Лацис, Отто — 42,
 Леблан, Мэтт 463
 Левесон, Брайан — 220, 326, 330–333, 335–337
 Леви, Гидеон — 374
 Леви, Морис — 435
 Левин, Харви — 318
 Ле Пен, Марин — 15
 Лимбо, Раш — 253
 Линк, Перри — 69
 Линь, Бяо — 74, 75
 Липман, Мария — 158, 163, 172
 Липман, Эммануэль — 470
 Липпман, Уолтер — 212, 383
 Лифан, Чжан — 505
 Лондр, Альбер — 217
 Лопес, Марга — 340
 Лоуренс, Райт — 91, 99, 327
 Луна, Дженаро Гарсия — 341
 Льюис, Майкл — 395
 Льюс, Генри — 386

М

Маалуф, Джо — 95
 Маас, Питер — 494
 Макаскилл, Юэн — 486
 Макафи, Анналена — 321, 322
 Макканн, Кейт — 332
 Маккарри, Майк — 441
 Маккензи, Кельвин 314–316, 322, 328
 Макко, Крейг 399
 Маклюэн, Маршалл — 296, 499
 Макмуллан, Пол — 328–330
 Макрон, Эммануэль — 15
 Малема, Джулиус — 201,
 Малхотра, Индер — 224, 225
 Мандела, Винни — 199, 203, 204
 Мандела, Нельсон — 45, 194, 197, 202, 204, 205
 Мандур, Сахар — 95, 96
 Манс, Генри — 461
 Мантел, Хилари — 324, 325
 Марр, Эндрю — 459, 460
 Маршалл, Тергуд — 409
 Марч, Эндрю — 402
 Маршалл, Джош — 502
 Мауро, Эцио — 30, 288, 292
 Махмуд, Аббас — 101
 Махмуд, Мажер — 330
 Махфуз, Нагиб — 103, 104
 Мбеки, Моелетси — 198
 Мбеки, Табо — 197
 Мехрез, Самия — 104
 Милибэнд, Эдвард — 323
 Миллер, Джудит — 477
 Миллер, Элханан — 30, 376
 Мелу, Фернанду Колор ди — 344
 Менан, Луи — 383

Ментана, Энрико — 306, 291, 297, 299, 306

Мецкер, Эвани Жозе — 345

Мёрдок, Руперт — 242, 246, 247 277, 311, 320, 335

Мерроу, Эдвард Р. — 300

Миени, Эрик — 210

Микер, Мэри — 388

Милль, Джон Стюарт — 327

Мильтон, Джон — 327

Мимран, Арно — 372

Минцолини, Аугусто — 30, 293, 294

Михник, Адам — 210, 359

Мпше, Мокотеги — 205

Моди, Нарендра — 40, 226–228, 234, 236, 250–253, 257–259, 275, 276

Мозес, Арнон — 380

Монро, Мэрилин — 325

Монтанелли, Индро — 281, 282, 285

Мпофу, Дали — 199, 200, 201

Мубарак, Гамаль — 108

Мубарак, Хосни — 90, 100, 101, 109, 110, 112, 119, 304

Мурси, Мухаммед — 46, 103, 107–111, 115, 118, 120, 123, 124, 188

Мэдден, Кевин — 440

Мэннинг, Брэдли — 219, 473, 482–484, 486, 504

Мэтьюс, Крис — 396

Мюллер-Магун, Энди — 480

Мюльман, Джеральдин — 470

Н

Нагиб, Мохаммед — 103

Наджи, Ахмед — 125

Насер, Гамаль Абдель — 39, 41, 89, 102

Невес, Аэсио — 344

Невилл, Гари — 325

Нега, Эскиндер — 180 -182

Негаш, Месфин — 178, 180, 182

Негм, Ахмед Фуад — 105

Неру, Джавахарлал — 224, 225, 233, 253, 267

Нетаньяху, Биньямин — 367, 370–373, 375, 380

Нкубе Пий — 198

Нкубе, Тревор — 198

Ноа, Тревор — 418

О

О'Брайен, Кит — 324

Одзава, Итиро — 365

Ознос, Эван — 53, 54

О'Коннор, Майк — 340

Оливейра, Валерио Луис де — 345

Олланд, Франсуа — 295, 455

Омидьяр Пьер — 488, 493, 494

О'Нил, Онора — 31, 221

Орбах, Ури — 369

Отис, Джон — 345

О'Хейган, Эндрю — 481, 492

П

Панебьянко, Анджело — 303

Паркс, Тим — 291

Пассильи, Стефано — 302

Перетти, Джона — 403, 404

Пери, Йорам — 375

Плейм, Валери — 477

Пойтрас, Лора — 487, 488, 493

Полмен, Пол — 437

Прасад, Лалу — 236, 237

Пулитцер, Джозеф — 11, 384, 389

Р

Раджан, Амол — 382
Райзен, Джеймс — 477, 487
Райл, Джерард — 218, 219
Райс, Кондолиза — 399
Рамафоса, Сирил — 202
Рао, Нарасимха — 242, 262, 263
Рафик, Абдессалем — 98
Рейбрук, Давид Ван — 221
Ремник, Дэвид — 140, 172, 428
Ренци, Маттео — 297, 307
Решеф, Цали — 377, 378
Риахи, Олфа — 99
Рид, Томас — 31, 495
Робинсон, Ник — 460
Роденбек, Макс
Родригес, Армандо — 339
Розен, Джей — 31, 494, 502
Розенштиль, Том — 449
Рой, Пранной — 243–245, 248
Ромни, Митт — 440
Росс, Джонатан — 462, 463
Ротшильд, Эдуард де — 471
Рубакуори, Руби — 304
Рузвельт, Теодор — 216
Русеф, Дилма — 344
Руссо, Энтони — 480
Рывин, Лев — 359
Рэндалл, Джефф — 460

С

Сабха, Лок — 250
Сайнат, Палагумми — 233–236, 276
Садат, Анвар — 105, 108
Садберри, Том — 399
Садан, Рами — 373
Сакс, Эндрю — 462, 463

Салах, Халед — 122
Салех, Рания — 103
Салливан, Эндрю — 399, 400
Сангхви, Вир — 246
Сандерс, Берни — 438, 442
Сантер, Жак — 472
Санторо, Микеле — 298
Сарая, Усама — 101
Сардесай, Радждип — 249, 252, 254, 261, 276
Сартр, Жан-Поль — 469, 470
Сассер, Ашер — 31, 367, 368
Сексвале, Мосима «Токио» — 200
Селассие, Хайле — 177, 178
Сигал, Амит — 369, 375
Силва, Лула да — 344, 345
Сильвер, Нейт — 393–395, 406
Сингх, Манмохан — 242, 250, 252
Синклер, Эптон — 438, 439
Скальфари, Эудженио — 282, 288
Скейхилл, Джереми — 493
Слим, Карлос — 338
Смит, Бен — 403, 404
Смит, Дженет — 462
Смит, Шейн — 400, 401, 402
Солсбери, Гаррисон — 215, 216
Солтани, Ашкан — 488
Соналлах, Ибрагим — 104
Соррелл, Мартин — 429
Старр, Пол — 381, 390, 398
Стелтер, Брайан — 421, 422
Стеффенс, Линкольн — 85, 215, 216
Стоун, Иззи — 475
Стюарт, Джон — 122, 123, 327, 418
Суга, Ёсихидэ — 362
Суреш К. Г. — 262
Сэвилл, Джимми — 462

Сэлмон, Феликс — 396
Сюэцунь, Мужун — 59
Сяопин, Дэн — 37, 75, 76, 78, 86
Сяобо, Лю — 64
Сяомин, Ай — 84

Т

Тавернайс, Сабрина — 421
Тайип, Эрдоган Реджеп — 45, 90, 176, 184, 506
Таймон, Ойсин — 463
Талли, Марк — 227
Талон, Клэр — 108
Тантави, Мухаммад Саид — 90
Теджпал, Тарун — 255, 253
Тейт, Джули 488
Теклемариам, Абие 178, 179, 180, 182
Темелкуран, Эдже 45, 46
Тененбойм-Уэйнблатт, Керен — 377
Терасава, Ю — 365
Тёркл, Шерри — 486
Тоамех, Халед Абу — 93, 94
Тоденхёфер, Юрген — 402
Токвиль, Алексис де — 41
Томсон, Роберт — 429
Томпсон, Марк — 382, 393
Травальо, Марко — 287, 298
Трехан, Мадху — 251
Триервейлер, Валери — 455
Трюдо, Джастин — 402
Тугуд, Лаура — 31, 436
Туссу, Дайя — 31, 246
Туту, Десмонд — 195, 204
Тхакурта, Паранджой Гуха — 270, 271, 276
Тхапар, Каран — 246, 249–251, 254, 261
Тхарур, Шаши — 255

Тэтчер, Маргарет — 133, 323, 370, 464

У

Уайтекер, Клем — 438, 439
Уивер, Джефф — 442
Уисельтир, Леон — 394
Уиттл, Стивен — 464
Умберто, Эко — 38
Уокер, Патрик — 428
Уоллес, Майк — 385, 386
Уоткинс, Тайлер — 483
Уэбб, Джастин — 460

Ф

Фаузан, аль-Харби — 100
Фаулер, Норман — 457
Фахми, Мухаммед — 121
Феде, Эмилио — 293, 295
Фельтри, Витторио — 303, 305, 306
Фернандес, Джеронимо Гутьеррес — 343
Феррара, Джулиано — 31, 306
Фийон, Франсуа Шарль Арман — 15
Филлипс, Мелани — 461
Флорис, Джованни — 298, 299
Фокс, Висенте — 341
Форчелла, Энцо — 290
Фрайер, Сара — 417
Фрессо, Франсуаза — 476
Фридман, Матти — 378, 379
Фридман, Томас — 394
Фрост, Дэвид — 169
Фуко, Мишель — 469
Фурутаци, Ичиро — 361
Фэйкэ, Ши — 68, 87
Фэй, Се — 80

Фэллоуз, Джеймс — 385

Фэн, Чэнь — 82

Х

Хайкаль, Мухаммед — 41

Хайлемариам, Десалень — 176, 181, 183

Хаким, Амер Абдель — 106

Хамиди, Ибрагим — 93

Харбер, Антон — 31, 203

Хардинг, Люк — 31, 486

Харири, Рафик — 95

Харкин, Джеймс — 31, 98

Харрис, Джон — 31, 405–407

Хатчинс, Роберт — 386, 393, 400

Хау, Эми — 501

Хаффаджи, Фериал — 201, 205

Хейкал, Мухаммед — 105–108

Хеллман, Мик — 399

Хесслер, Питер — 125, 126

Хёрст, Уильям Рэндольф — 11, 384

Хикс, Хоуп — 442

Хислоп, Иэн — 319

Холмс, Пол — 438

Хомский, Ноам — 211

Хорнер, Пол — 425–428

Хуа, Юй — 59

Хуан, Вэнью — 79

Ц

Цзиньпин, Си — 37, 39, 43, 50, 53, 55, 58, 65, 71, 72, 74, 85, 86, 505

Цзиньтао, Ху — 49

Цзэдун, Мао — 37, 52

Цзябао, Вэнь — 83

Цзяо, Бэй — 66, 68

Цукер, Джефф — 404

Цукерберг, Марк — 99, 417, 429, 431

Цукерман, Мортимер — 312

Цян, Сяо — 69

Цянь, Ган — 74–77

Ч

Чандлер, Отис — 388

Чан, Юэнь-Ин — 75

Чаттерджи, Шома — 241

Чаудхари, Судхир — 269

Чжицян, Жэнь — 54

Чжэнь, То — 86

Чиппендейл, Питер — 315

Чоудхари, Шубхраншу — 237, 238

Ш

Шавит, Ари — 368, 369

Шадсон, Майкл — 31, 17, 128, 215, 216, 384

Шамбо, Дэвид — 53, 64, 71

Шапино, Барбара Дж. — 209, 210

Шапира, Йосеф — 372

Шапино, Джонатан — 200

Шарма, Анурадха — 31, 269

Шарма, Раджат — 262

Шейфер, Джек — 397

Шёнхальс, Майкл — 60

Шерри, Мухаммед — 118

Шериан Дилип — 270

Шехтер, Эдмунд — 465

Ширки, Клэй — 98, 387, 388, 500

Шихан, Нил — 478

Шойбле, Вольфганг — 320

Штейнер, Питер — 416, 417

Шу, Сяо — 86, 87

Шукла, Раджив — 270

Шури, Арун — 274

Э

Эванс, Крис — 463

Эдельман, Ричард — 436

Эйлс, Роджер — 425, 441

Эйсса, Ибрагим — 125, 126

Эллсберг, Дэниел — 385, 479, 480

Элстайн, Дэвид — 457, 467

Энгель, Мэтью Льюис — 319

Энтвистл, Джордж — 462

Эньлай, Чжоу — 74

Эрже — 217

Эренберг, Ален — 330

Эрнандес, Анабель — 339, 341, 342

Эттема, Джеймс — 451

Этуотер, Ли — 439

Ю

Юй, Гао — 62

Юнкер, Жан-Клод — 472

Юсеф, Бассем — 117, 122–124